ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1957

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит статьи и корреспонденции, написанные с марта по декабрь 1853 года. Большинство этих статей было опубликовано в американской газете «New-York Daily Tribune».

В период, к которому относятся входящие в настоящий том произведения Маркса и Энгельса, в европейских странах господствовала глубокая политическая реакция. После поражения революций 1848—1849 гг. революционно-демократическая печать была задушена. У Маркса и Энгельса не оказалось других возможностей для общения с массами и воздействия на общественное мнение, кроме выступлений на страницах прогрессивной в то время газеты «New-York Daily Tribune», сотрудником которой Маркс стал с августа 1851 года. Публицистическая работа в «Tribune» стала с этих пор для Маркса, а также и для Энгельса, которого Маркс неофициально привлек к написанию статей, одной из важных сторон их революционной деятельности.

Наряду с сотрудничеством в «New-York Daily Tribune» Маркс написал в это время ряд статей для чартистской газеты «People's Paper», которая начала выходить с мая 1852 г. под редакцией Э. Джонса. Кроме того отдельные статьи Маркса, написанные для «Tribune», одновременно публиковались в «People's Paper». В сокращенном виде некоторые статьи Маркса из «Tribune» были перепечатаны в немецкой газете «Reform», которая с марта 1853 г. издавалась в США при ближайшем участии И. Вейдемейера.

Революционная публицистика Маркса и Энгельса была неразрывно связана с их теоретическими занятиями и со всей их

партийно-политической деятельностью. Свою журналистскую работу Маркс сочетал с исследованием важнейших проблем политической экономии, с изучением всемирной истории, в том числе истории, экономики и социального строя колониальных стран, внешней политики и дипломатии европейских государств. Энгельс продолжал систематически изучать военные науки, занимался проблемами языкознания, славянскими и восточными языками.

В статьях, написанных для газеты, Маркс и Энгельс опирались на результаты своих научных исследований. В то же время журналистская деятельность помогала им следить за событиями в экономической и политической жизни, собирать факты и накапливать материал для научных трудов. Так значительная часть экономических материалов, приведенных Марксом в статьях для «Tribune», была позднее использована им в «Капитале». Основоположники научного коммунизма не только сами уделяли исключительное внимание разработке теории, но и побуждали своих сторонников использовать наступивший временный перерыв в революционных боях для пополнения своих теоретических знаний и подготовки к новому революционному подъему. Маркс и Энгельс твердо верили в то, что торжество контрреволюционных сил носит преходящий характер, и эту веру они старались вселить в ряды пролетарских борцов.

Несмотря на отсутствие после роспуска Союза коммунистов какой-либо международной пролетарской организации, Маркс и Энгельс продолжали поддерживать связи с деятелями рабочего движения разных стран, стремясь оказать на них идейное влияние, помочь им в их трудной борьбе в условиях реакции. Через прежних членов Союза коммунистов И. Вейдемейера и А. Клусса Маркс и Энгельс стремились воздействовать на рабочее движение в Америке, через Э. Джонса и других лидеров революционного чартизма — на английских рабочих. Свою публицистическую деятельность в «New-York Daily Tribune» и в «People's Paper» Маркс и Энгельс стремились использовать для раскрытия пороков и язв капиталистического строя, для обличения реакционных порядков в европейских государствах, для критики буржуазной идеологии, для обоснования позиции и тактики пролетариата в важнейших вопросах внутренней и внешней политики различных стран.

Серьезным препятствием для пропаганды взглядов Маркса и Энгельса на страницах «Tribune» служило буржуазное мировоззрение ее редакторов. Это обстоятельство требовало от Маркса и Энгельса особой гибкости, умения иной раз не прямо, а иноска-

зательно выражать свои взгляды и в то же время последовательно проводить в своих статьях линию, во многом отличную от линии редакции газеты. Уже в 1853 г. в отношении редакции газеты к Марксу стали сказываться не только коренные различия во взглядах, но и типичные для буржуазных журналистских нравов бесцеремонность и эксплуататорский подход владельцев и редакторов газет к своим сотрудникам. Редакция «Tribune» стала, не спрашивая согласия Маркса, помещать присылаемые им статьи в виде передовых, без указания фамилии автора. Ряд статей Маркса вообще не был опубликован. Некоторые из его статей редакция произвольно делила на части, подвергала редакционной правке, снабжала собственными добавлениями, нередко противоречащими содержанию и стилю присланных Марксом статей. Такие действия редакции вызывали возмущение Маркса и неоднократные протесты с его стороны. В то же время, при почти полном отсутствии рабочей и революционно-демократической печати, Маркс вынужден был дорожить своим сотрудничеством в «New-York Daily Tribune».

Содержание публицистики Маркса и Энгельса этого периода чрезвычайно богато и разносторонне. В своих статьях они освещали все сколько-нибудь значительные явления в рабочем движении, борьбу угнетенных народов за свою свободу и независимость, экономику различных стран, важнейшие политические и военные события в Европе, Азии и Америке. Применяя метод диалектического материализма, Маркс и Энгельс подвергали разнообразные текущие события всестороннему, глубоко научному анализу и делали при этом ряд весьма важных теоретических обобщений и политических выводов.

Внимание Маркса и Энгельса, как это видно из публикуемых в томе работ, привлекали в это время главным образом три группы вопросов: экономическое положение европейских стран, особенно наиболее развитой страны капитализма — Англии, и связанные с этим перспективы нового подъема демократических и пролетарских движений; колониальная политика капиталистических держав и национально-освободительная борьба угнетенных народов; международные отношения, в связи с обострением противоречий между европейскими государствами на Ближнем Востоке, подготовкой войны и началом военных действий между Россией и Турцией.

Новой и важной чертой в научной и публицистической деятельности основоположников марксизма в этот период является глубокий интерес, который они стали проявлять к историческим судьбам колониальных и зависимых стран Азии, в первую

очередь Индии и Китая. Именно с этого времени начинаются их систематические выступления в печати со статьями, освещающими положение в этих странах и разоблачающими грабительскую колониальную политику капиталистических стран.

Анализируя экономическое положение европейских стран, Маркс в публикуемых в настоящем томе статьях «Вопрос о войне. — Население Англии и торговые отчеты. — Парламентские дела», «Политические события. — Недостаток хлеба в Европе», «Западные державы и Турция. — Симптомы экономического кризиса», «Война. — Забастовки. — Дороговизна жизни» и во многих других характеризует состояние промышленного производства, в первую очередь в Англии, сельского хозяйства, внутренней и международной торговли, рыночных цен, валютных курсов и т. д. На многочисленных примерах Маркс прослеживает различные фазы очередного торгово-промышленного цикла и конкретизирует выдвинутое им еще в экономических работах 40-х годов положение о циклическом характере развития производства при капитализме. Раскрывая действующие в капиталистической экономике закономерности, Маркс опровергает в своих статьях фальшивые утверждения буржуазных экономистов и публицистов, изображавших капитализм как систему, будто бы основанную на гармонии, несущую процветание всем классам населения и соответствующую самим законам природы. Вся тайна буржуазной политической экономии, указывал Маркс, «состоит попросту в превращении преходящих общественных отношений, свойственных определенной исторической эпохе и соответствующих данному уровню материального производства, в вечные, всеобщие, незыблемые законы, в естественные законы, как их называют экономисты» (см. настоящий том, стр. 257). Основной порок буржуазной политической экономии, писал Маркс, состоит в том, что ее представители «не видят дальше экономических границ данной эпохи, не понимая, что эти границы сами носят ограниченный характер и так же неизбежно исчезнут в ходе развития истории, как они были созданы этим развитием» (там же).

В статьях Маркса содержится острая характеристика буржуазного либерализма в лице английских фритредеров, которые прикрывали лицемерными фразами о «свободе», о «гармонии», о «процветании» бесчеловечную эксплуатацию наемных рабочих. Маркс показывает подлинный облик фритредеров как апологетов капитализма и врагов рабочего класса. Он разоблачает распространявшиеся фритредерами иллюзии об исчезновении экономических кризисов с введением свободы торговли.

Беспочвенность утверждений фритредеров о возможности бескризисного развития капитализма ярко обнаружилась, как отмечает Маркс, уже в конце 1853 г., когда фаза процветания сменилась фазой застоя в промышленности и торговле и во многих отраслях производства стали наблюдаться кризисные явления. Разразившийся в 1857 г. первый мировой кризис полностью подтвердил правильность положения Маркса о неизбежности наступления нового экономического кризиса и о тщетности всех попыток буржуазии устранить противоречия, органически свойственные капитализму.

В тесной связи с экономическими обзорами Маркса стоят его статьи по финансовому вопросу: «Новая финансовая махинация, или Гладстон и пенсы», «Достижения министерства», «Фунты, шиллинги, пенсы, или классовый бюджет и кому он идет на пользу», «Мыло для народа, лакомый кусок для «Times». — Бюджет коалиционного министерства» и другие. Часть этих статей была написана для чартистской газеты «People's Paper». В них Маркс раскрывает перед рабочим читателем классовую природу экономической политики буржуазного государства, подлинную суть финансовых и налоговых мероприятий английского правительства. Рассматривая бюджет Глад-стона как «классовый бюджет, бюджет буржуазии, написанный пером аристократа», Маркс показывает сложную механику буржуазной финансовой и налоговой системы, как орудия угнетения народных масс. В этих статьях, так же как в статьях на другие экономические темы, нарисована яркая картина тяжелого положения трудящихся Англии, абсолютного и относительного обнищания рабочих, обострения противоречий между буржуазией и пролетариатом, проявляющегося в крупных классовых конфликтах.

Большое внимание в своих статьях Маркс уделяет освещению стачечной борьбы английских рабочих и деятельности развивавшихся в ходе этой борьбы профессиональных объединений — тред-юнионов. В статьях «Английское процветание.— Забастовки. — Турецкий вопрос. — Индия», «Русская политика по отношению к Турции. — Рабочее движение в Англии», «Паника на лондонской бирже. — Забастовки» и других Маркс приводит подробные сведения о стачках, происходивших в промышленных округах Англии, подчеркивая новое и положительное явление — участие в этих стачках неорганизованных рабочих; он анализирует требования стачечников, разоблачает свирепые действия фабрикантов и буржуазных властей против бастующих рабочих, дает оценку характера и роли забастовочного движения в освободительной борьбе пролетариата.

Забастовки рассматриваются Марксом как яркое выражение происходящей в капиталистическом обществе классовой войны, войны между трудом и капиталом. Маркс доказывает, что стачки представляют собой закономерное явление в условиях капиталистического строя, что они служат средством для обуздания произвола фабрикантов, для обеспечения рабочим необходимых условий существования.

Исключительную важность представляют собой выводы Маркса о значении забастовок как фактора, пробуждающего энергию трудящихся, сплачивающего их на борьбу против эксплуататоров. Эти идеи являются прямым развитием положений основоположников марксизма о рабочих объединениях как школе классовой борьбы пролетариата, высказанных еще в произведениях «Положение рабочего класса в Англии», «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии». Главное значение стачек Маркс видит в том моральном и политическом влиянии, которое они оказывают на рабочих, воспитывая их в духе пролетарской солидарности, способствуя их сплочению и организации. «Если бы не было сменяющих друг друга продолжительных фаз застоя, процветания, лихорадочного возбуждения, кризиса и крайнего упадка, через которые проходит современная промышленность в своих периодически повторяющихся циклах, если бы не было обусловленного этой сменой фаз повышения и понижения заработной платы и постоянной, тесно связанной с этими колебаниями заработной платы и прибыли, войны между хозяевами и рабочими, рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, умственно отсталой, внутренне опустошенной, покорной массой, для которой освобождение собственными силами было бы так же невозможно, как для рабов Древней Греции и Рима» (см. настоящий том, стр. 175).

В связи с характеристикой рабочего движения в Англии Маркс развивает дальше высказанные им еще в «Нищете философии» идеи о единстве экономической и политической борьбы и о решающем значении политической борьбы для освобождения пролетариата от капиталистического рабства. В ряде своих статей Маркс подчеркивает недостаточность одной экономической борьбы при всем ее значении для сплочения и воспитания рабочих, необходимость организации пролетариата в национальном масштабе, важность для рабочего класса формирования собственной массовой политической партии и развертывания борьбы за завоевание политической власти. Маркс и Энгельс поддерживали Джонса и других революционных чартистских лидеров, стремившихся объединить английский про-

летариат в общенациональном масштабе, возродить чартистское движение на новой основе, сочетая борьбу за Хартию с пропагандой революционного социализма. Основоположники марксизма придавали огромное значение борьбе английских рабочих за Народную хартию, предусматривавшую введение в стране всеобщего избирательного права. В условиях, когда пролетариат Англии составлял большинство населения страны, а правящие классы еще не имели сильной военно-бюрократической машины, всеобщее избирательное право могло послужить рычагом для установления политического господства пролетариата как необходимой предпосылки для проведения революционных социалистических преобразований. Речи Джонса на рабочих митингах, которые Маркс нередко цитировал в своих корреспонденциях, носят на себе печать плодотворного влияния научного коммунизма на этого выдающегося деятеля английского пролетариата.

С пристальным вниманием следили Маркс и Энгельс и за признаками начинавшегося революционного брожения в странах европейского континента. В своих статьях Маркс отмечал наличие глухого недовольства народных масс в Германии, Франции, Италии.

В статье «Русская победа. — Позиция Англии и Франции» Маркс указывал на обострение политической обстановки во Франции под влиянием экономических трудностей, роста дороговизны и т. д. Недовольство широких масс, в особенности значительной части крестьянства, мероприятиями правительства Луи Бонапарта, подчеркивал Маркс, свидетельствовало о непрочности контрреволюционного режима Второй империи. В упомянутой уже статье «Политические события. — Недостаток хлеба в Европе» Маркс отмечает ряд хлебных бунтов, происшедших в Папской области, Равенне и других местах Италии. Касаясь перспектив национально-освободительного движения в Италии, Маркс в своих статьях 1853 г. продолжал критиковать Мадзини и его сторонников, которые не считались с объективными условиями и придерживались своей прежней заговорщической тактики.

Против заговорщической тактики, авантюризма и сектантства в революционном движении направлен также памфлет Маркса «Рыцарь благородного сознания», примыкающий по своему содержанию к опубликованным в 8-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса работам «Великие мужи эмиграции» и «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». В этом произведении Маркс продолжает обличать мелкобуржуазную псевдореволюционность и фразерство, демагогическую игру

в революции и заговоры, которым предавались вожаки мелкобуржуазной эмиграции. Специальной целью памфлета было разоблачение одного из главарей бывшей сектантской фракции Союза коммунистов А. Виллиха, использовавшего эмигрантскую демократическую печать для клеветнических выпадов против пролетарских революционеров. В работе Маркса, в которую было включено также письмо Энгельса о Виллихе, дана сатирически заостренная характеристика этого типичного героя мелкобуржуазной фразы, защитника авантюристской тактики. На примере смехотворных «революционных» планов Виллиха Маркс резко осуждает присущий сторонникам заговорщической тактики волюнтаризм и субъективизм, неумение трезво оценивать обстановку, их крайнюю неустойчивость в политике. Помимо разоблачительных материалов памфлет «Рыцарь благородного сознания» содержит ряд важных сведений из истории Союза коммунистов и международного рабочего движения после революций 1848—1849 годов.

В противоположность Мадзини, Виллиху и другим мелкобуржуазным деятелям, игнорировавшим объективные экономические и политические условия и делавшим ставку на «революционные» авантюры и заговоры, Маркс считал главным фактором в подготовке нового революционного подъема рост экономических противоречий капитализма, неизбежное наступление нового экономического и политического кризиса и связанное с этим обострение классовой борьбы в странах Европы. Маркс писал, что «отнюдь не декламации демагогов и не празднословие дипломатов приведут дело к кризису; надвигающиеся экономические бедствия и социальные потрясения — вот что является верным предвестником европейской революции» (см. настоящий том, стр. 322).

При анализе предпосылок и перспектив будущих революций в Европе Маркс учитывает теперь и новый важный фактор. Он подчеркивает революционизирующее влияние на европейские страны тех глубоких перемен, которые назревали в странах азиатского континента, ставших объектом захватнической, колонизаторской политики капиталистических государств. Основоположники марксизма придавали огромное значение революционным последствиям ломки патриархально-феодальных отношений в странах Востока, особенно в Китае и Индии, в результате втягивания этих стран в орбиту капиталистического развития. С глубоким сочувствием следили Маркс и Энгельс за нараставшей в этих странах освободительной борьбой народных масс против колонизаторов. В 1853 г. Маркс выступил с рядом специальных статей на эту тему, публикуемых в данном

томе. Эти статьи, основанные на тщательном изучении многочисленных источников, служат ярким образцом непримиримой борьбы Маркса и Энгельса против колониализма, против варварского угнетения и эксплуатации капиталистическими державами народов колониальных и зависимых стран.

В глубокой по своему содержанию статье «Революция в Китае и в Европе» Маркс подробно рассматривает влияние захватнической политики колониальных капиталистических держав, в первую очередь Англии, на внутреннее положение крупнейшей страны Азии. Маркс отмечает разрушительное воздействие на китайскую местную промышленность конкуренции английских товаров; ввоз англичанами в Китай опиума вызвал утечку из Китая серебра в таких размерах, что это стало грозить катастрофическим истощением китайской экономики; контрибуция, которую пришлось Китаю платить Англии в результате грабительской первой «опиумной» войны, имела своим последствием огромный рост налогов. Все это, наряду с внутренними причинами социального характера, привело к широкой крестьянской революции в Китае, направленной против местных феодалов и иноземных захватчиков и известной в истории как восстание тайпинов.

«Каковы бы ни были, — писал Маркс, — социальные причины, которые вызвали хронические восстания, продолжающиеся уже около десяти лет в Китае и вылившиеся теперь в единую могучую революцию, и в какой бы форме — религиозной, династической или национальной — эти причины ни проявлялись, толчок к этому взрыву был несомненно дан английскими пушками, при помощи которых Англия принудила Китай ввозить наркотическое снадобье, именуемое опиумом» (см. настоящий том, стр. 99).

Отмечая, что вооруженные силы Англии, Франции и США оказывают прямую поддержку реакционной маньчжурской династии в деле подавления тайпинского восстания, Маркс разоблачает палаческие действия европейской и американской буржуазии, играющей роль душителя освободительных народных движений в странах Востока.

На основании глубокого анализа Маркс приходит к выводу, что революция в Китае должна в дальнейшем оказать влияние на Англию, а через нее на всю Европу, События в Китае влекли за собой сужение китайского рынка для английской торговли, что в свою очередь должно было ускорить наступление промышленного кризиса. Подчеркивая международное значение китайской революции, Маркс писал, что она «бросит искру в готовую взорваться мину современной промышленной системы и

заставит разразиться давно назревающий всеобщий кризис, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последуют политические революции на континенте» (см. настоящий том, стр. 103).

Вывод Маркса о связи и взаимном влиянии революционного движения в Европе и на Востоке имел для марксистов важнейшее значение при разработке проблем колониальных революций. Этот вывод был положен В. И. Лениным в основу разработанного им учения об освободительной борьбе народных масс колоний как важнейшего резерва пролетарской революции.

В настоящий том входит группа статей Маркса об Индии — «Британское владычество в Индии», «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности», «Будущие результаты британского владычества в Индии» и другие. Эти статьи, составляющие как бы единую серию, по глубине научного анализа и по силе обличения английских колонизаторов относятся к лучшим произведениям Маркса по национально-колониальному вопросу.

В статьях об Индии Маркс на примере британского владычества над этой огромной, обладающей колоссальными природными богатствами и древнейшей цивилизацией страной, раскрывает характерные черты системы колониального господства капиталистических государств над отсталыми в экономическом отношении странами Востока. Он прослеживает важнейшие этапы завоевания и колониального порабощения Индии англичанами, начиная с эпохи первоначального капиталистического накопления. Маркс вскрывает роль Ост-Индской компании, которая служила орудием покорения Индии, осуществляя захваты индийской территории посредством грабительских войн, использования феодальных распрей между местными князьями, разжигания племенной и кастовой розни. Маркс подчеркивает, что грабежи и захваты, совершаемые колонизаторами в Индии, служили источником обогащения и усиления в самой Англии олигархии земельных магнатов и денежных воротил. С огромной обличительной силой показывает Маркс, как хищническая каста дельцов из Сити, крупных землевладельцев и чиновников, состоявших на службе у Компании, обогащалась за счет народных масс Индии, доведенных колонизаторами до крайней нищеты. В статье «Вопрос о турецкой войне. — Газета «New-York Tribune» в палате общин. — Управление Индией» Маркс отмечает паразитический характер созданной английской олигархией бюрократической системы управления, при которой массы индийского народа были обречены на полное бесправие и отданы на произвол английских колони-

альных властей. Резко бичует Маркс убогие реформы в управлении Индией, которые проводили правящие классы Англии без всякого участия представителей индийского народа. Раскрывая классовый смысл этих реформ, Маркс показывает, что они вызывались стремлением различных слоев английской торгово-промышленной буржуазии ограничить монополию Ост-Индской компании и, добившись прямого доступа к индийским рынкам и доходам от налогов в Индии, увеличить свою долю в колониальной эксплуатации индийского народа.

Маркс рисует потрясающую картину хищнического хозяйничания английских колонизаторов в Индии. Унаследовав от восточных правителей такие отрасли управления, как финансовое и военное ведомства, и используя их для ограбления и угнетения народа, английские властители Индии пренебрегли третьей отраслью, которой уделяли внимание даже восточные деспоты, — ведомством общественных работ. В результате этого ирригационное земледелие в Индии пришло в полнейший упадок. Конкуренция английских промышленных товаров разорила местное ремесленное производство, особенно ручное прядение и ткачество, и обрекла на гибель миллионы жителей Индии. Огромным бременем для населения являлись поземельный налог, соляной налог и вся система финансового вымогательства, применяемая колонизаторами. Разрушив отсталые патриархальные формы общинного землевладения, англичане в то же время сохраняли и консервировали в общественном и политическом строе Индии множество феодальных пережитков, тормозивших прогрессивное развитие страны. В результате введения англичанами в Бенгальском президентстве системы заминдари, а в Мадрасском и Бомбейском — системы райятвари в аграрном строе Индии сохранились и даже усилились различные виды кабальной аренды, докапиталистические формы эксплуатации крестьян помещиками, земельными посредниками, налоговыми сборщиками. И при той и при другой системе, отмечает Маркс, «крестьяне-райяты, а они составляют одиннадцать двенадцатых всего индийского населения, подвергаются ужасающей пауперизации» (см. настоящий том, стр. 222). Маркс приходит к выводу, что бедствия, причиненные Индии британскими завоевателями, «неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше» (см. настоящий том, стр. 131). В связи с этим Маркс высказывает глубокую мысль о том, что хищническая, эксплуататорская сущность капитализма нигде так отчетливо не проявляется, как именно в колониях. «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда

мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов» (см. настоящий том, стр. 229).

Беспощадно разоблачая английских колонизаторов, Маркс вместе с тем показывает, что, движимые лишь интересами наживы и колониального грабежа, они вынуждены были содействовать зарождению элементов капиталистической экономики в Индии. Появление капиталистических отношений сопровождалось особенно острыми страданиями народных масс Индии, поскольку оно происходило в условиях господства колонизаторов, мешавших свободному развитию капитализма в колониях и допускавших там возникновение лишь тех отраслей промышленности, которые были выгодны им самим. Но том не менее, допуская возникновение в Индии зачатков капиталистического производства и разрушая таким путем патриархально-феодальный уклад, английские захватчики, отмечает Маркс, невольно содействуют созданию предпосылок для роста тех сил, которые в будущем должны будут уничтожить их господство и покончить с колониальным угнетением Индии.

Подходя к вопросу о характере и результатах колонизаторской политики англичан в Индии с позиций диалектического и исторического материализма, Маркс на этом примере ярко вскрыл противоречивость и двойственность всей буржуазной эпохи в целом. Период господства буржуазии, указывал Маркс, призван создать материальный базис для нового, социалистического общества. Эти материальные предпосылки создаются ценою невероятных жертв со стороны народных масс, жестоко эксплуатируемых буржуазией, которая заставляет целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений. Лишь после социалистической революции «человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» (см. настоящий том, стр. 230).

Маркс подчеркивает, что само по себе развитие производительных сил в Индии, связанное с возникновением капиталистических отношений, не принесет облегчения индийским народным массам и не улучшит их положения. Чтобы достигнуть этого, народу необходимо самому овладеть производительными силами, стать хозяином своей страны, покончить с колониальным владычеством чужеземцев. «Население Индии, — писал Маркс, — не сможет пожать плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы

не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго» (см. настоящий том, стр. 228— 229). Освобождения Индии можно добиться путем пролетарской революции в Англии или путем освободительной борьбы самого индийского народа против господства колонизаторов — таков тот революционный вывод, который делает Маркс в своих статьях, посвященных положению Индии. Все эти статьи проникнуты твердой уверенностью в том, что в будущем, когда Индия избавится от колониального рабства, наступит возрождение «этой великой и интересной страны».

К работам Маркса, направленным против колониализма, относится и публикуемая в томе статья «Индийский вопрос. — Ирландское арендное право». Рассматривая Ирландию как первую английскую колонию, Маркс показывает в этой статье грабительские методы эксплуатации ирландского крестьянства английскими лендлордами. Он подчеркивает, что в результате английского завоевания и национального порабощения Ирландии в этой стране были сохранены полуфеодальные отношения, «которые дают возможность маленькой *касте* хищных лордиков диктовать ирландскому народу, на каких условиях ему дозволяется пользоваться землей и жить на ней» (см. настоящий том, стр. 163).

В статьях Маркса о Китае, Индии, Ирландии были впервые заложены теоретические основы политики пролетариата в национально-колониальном вопросе. Основные идеи, содержащиеся в этих и более поздних статьях и письмах Маркса и Энгельса на эти темы, послужили отправным пунктом при творческой разработке В. И. Лениным национально-колониального вопроса в эпоху империализма.

В тесной связи с вопросами о перспективах революционно-демократического и пролетарского движений и национально-освободительных войн Маркс и Энгельс рассматривают проблемы международных отношений. Статьи, посвященные этим вопросам, составляют значительную часть настоящего тома. Основоположники марксизма считали одной из важнейших задач пролетарских революционеров овладение тайнами международной политики, разоблачение скрытых козней дипломатии господствующих классов, их захватнических планов и действий. Воспитывая рабочий класс в духе пролетарского интернационализма, основоположники марксизма видели в нем силу, способную оказать активное противодействие шовинистической и агрессивной политике господствующих классов. Они подчеркивали необходимость для рабочего класса придержи-

ваться в международных конфликтах своей собственной революционной линии, рассчитанной на полное осуществление буржуазно-демократических преобразований в Европе и на подготовку условий для победоносной пролетарской революции. С такой позиции — с позиции «шестой державы», как называли Маркс и Энгельс европейскую революцию,—подходили они к освещению любого международного вопроса.

В статьях Маркса и Энгельса на международные темы подвергается бичующей критике вся система международных отношений, созданная реакционными правителями европейских государств во время Венского конгресса. Эту систему основоположники марксизма рассматривали как препятствие прогрессивному развитию Европы, освобождению угнетенных наций, национальному объединению политически раздробленных стран. Они сурово клеймили применяемые дипломатией господствующих классов методы натравливания одних наций на другие, запугивания и шантажа, грубого вмешательства во внутренние дела малых государств.

В центре внимания Маркса и Энгельса были в это время обострившиеся противоречия европейских держав на Ближнем Востоке, борьба между ними за раздел владений Турецкой империи, за господство над Босфором и Дарданеллами, за преобладание на Балканах и в странах Передней Азии. Этому так называемому восточному вопросу посвящена большая группа статей Маркса и Энгельса, входящих в настоящий том. Уже в первых статьях на эту тему, написанных Энгельсом, — «Действительно спорный пункт в Турции», «Турецкий вопрос», «Что будет с Европейской Турцией?» — изложена точка зрения основоположников марксизма на восточный вопрос. Анализируя положение, исторически сложившееся на Ближнем Востоке и на Балканах в результате турецкого завоевания, Энгельс раскрывает экономические, политические и военные причины соперничества между европейскими державами в связи с вопросом о судьбах турецких владений и обосновывает позицию революционного пролетариата и европейской демократии в восточном вопросе.

К восточному вопросу, как и к другим международным вопросам, Маркс и Энгельс подходили с точки зрения интересов революции. В противоположность мнению многих западноевропейских дипломатов и публицистов, в частности английского публициста Д. Уркарта, выступавшего за сохранение реакционной феодальной Оттоманской империи, Маркс и Энгельс видели в ней в то время величайший тормоз для исторического прогресса народов, оказавшихся под властью турецких

завоевателей. Основоположники марксизма поддерживали требование предоставления национальной независимости этим народам и выступали за создание независимого славянского государства на Балканах. Освобождение угнетенных народов Балканского полуострова от турецкого гнета Маркс и Энгельс считали одной из важных задач европейской революции.

Разоблачая политику западноевропейских правительств в восточном вопросе, лицемерно прикрывавших свое противодействие освобождению народов Балканского полуострова фальшивой доктриной сохранения и в этом районе положения вещей, установленного Венским конгрессом, Энгельс клеймит защитников status quo как поборников «дипломатии трусости и рутины», как противников прогрессивного решения восточной проблемы. «Нет, дипломатия и правительства, действующие на старый лад, никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и других великих проблем, выпадет на долю европейской революции. И вовсе не является самонадеянностью причислять этот на первый взгляд посторонний вопрос к тому, что законно входит в сферу этого великого движения. Начиная с 1789 г., границы революции неизменно передвигаются все дальше. Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых пункта, в которых должен быть атакован русский антиреволюционный колосс» (см. настоящий том, стр. 33).

В 50-е годы XIX века Маркс и Энгельс продолжали вести борьбу против царского самодержавия, являвшегося, как это наглядно показали события 1848—1849 гг., злейшим врагом революции. Они боролись также против тех реакционных сил в европейских странах, которые, использовав царизм как орудие подавления революционного движения, стремились сохранить его и в дальнейшем как оплот реакции. В целом ряде своих статей, вошедших в настоящий том, Маркс и Энгельс обличали деспотический полицейский режим, господствовавший в царской России, завоевательную политику царизма, интриги царской дипломатии и потворство царизму со стороны ряда западноевропейских политических деятелей. Основоположники марксизма срывали с царского правительства маску «друга» и «покровителя» балканских народов. Они показали, что царизм стремился использовать в захватнических и контрреволюционных целях те симпатии, которые питали народы Балканского полуострова, особенно южные славяне, к России, к русскому народу. В то время как победы России в войнах с Турцией объективно способствовали освободительной борьбе

этих народов против турецкого ига, реакционная политика царизма неизбежно должна была вызвать противодействие со стороны славянских народов, боровшихся за свою свободу и национальную независимость.

Маркс и Энгельс рассматривали царизм как главный оплот европейской реакции, как угнетателя русского народа, а также и других пародов Российской империи. В усилении царизма Маркс и Энгельс видели огромную опасность для европейской демократии. «Полвека тому назад, — писал Ленин в 1909 г., — за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире.

Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX века, понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 425).

Ряд статей, входящих в том, посвящен анализу позиции Англии в восточном вопросе. Сюда относятся такие статьи, как «Уркарт. — Бем. — Турецкий вопрос в палате лордов», «Турецкий вопрос в палате общин», «Четверное соглашение. — Англия и война» и многие другие. В них подвергается беспощадной критике внешняя политика английского правительства, которая, как неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, диктовалась узкокорыстными интересами буржуазно-аристократической олигархии. Основоположники марксизма видели во внешней политике британского кабинета проявление той же самой контрреволюционной роли, которую буржуазно-аристократическая Англия играла в Европе со времен войн против французской буржуазной революции и которая ярко обнаружилась и в 1848—1849 гг., когда английская буржуазия в союзе с царизмом и с другими реакционными силами выступила как душитель революционного движения. Маркс и Энгельс подчеркивали, что английские правящие круги весьма опасались перерастания конфликта с Россией в восточном вопросе во

всеобщий революционный пожар на континенте, который легко мог найти отклик и среди народных масс Великобритании, и это обстоятельство накладывало печать на всю британскую дипломатию. В статьях Маркса и Энгельса остро подмечен целый ряд характерных, традиционных черт дипломатии господствующих классов Англии: ее двуличие, стремление действовать чужими руками, провокационная роль во многих европейских кризисах, вероломное обращение со своими союзниками.

Своими выступлениями против английской правящей олигархии Маркс и Энгельс стремились содействовать борьбе прогрессивных, демократических сил Англии за ликвидацию олигархического режима и изменение внутренней и внешней политики Великобритании. Этой цели в частности служила серия обличительных статей Маркса «Лорд Пальмерстон», печатавшихся в «People's Paper» и в неполном виде в «New-York Daily Tribune». Некоторые статьи этой серии переиздавались в Англии в виде отдельных брошюр.

«Лорд Пальмерстон» — блестящий памфлет, написанный на основе детального изучения многочисленных дипломатических документов, парламентских дебатов и прессы. В этом произведении Маркс с поразительной меткостью и остроумием нарисовал портрет Пальмерстона — одного из наиболее видных представителей олигархии, крупнейшего государственного деятеля буржуазно-аристократической Англии. В характеристике, данной Марксом Пальмерстону, содержится оценка всей английской правительственной системы, всего политического курса официальной Англии. Маркс обнажает классовые корни этой системы, показывая, что английские государственные деятели типа Пальмерстона больше всего были озабочены тем, чтобы «небосвод земельных и денежных магнатов» оставался безоблачным. На примере отношения Пальмерстона к ирландскому вопросу, к итальянскому, венгерскому, польскому национальным движениям Маркс выявляет всю контрреволюционность английской политики, демагогически прикрываемую либеральными фразами и лицемерным выражением мнимого сочувствия к жертвам деспотизма. Являясь на словах поборником «конституционализма», Пальмерстон в самой Англии был инициатором полицейских мер и противником всяких прогрессивных реформ, а в Европе — в Греции, Испании, Португалии — поддерживал реакционные монархические правительства и заигрывал с бонапартистскими кругами во Франции. Политика Пальмерстона, отличавшаяся коварством, изворотливостью, лицемерием и цинизмом, была, как подчеркивал Маркс, глубоко антинародна.

В своем памфлете, а также в статье «Отставка Пальмерстона» Маркс показывает, что и в восточном вопросе Пальмерстон и другие представители правящей английской олигархии прибегали к подобным же вероломным и двуличным приемам, что их политика и здесь отличалась контрреволюционными тенденциями. Следует, однако, отметить, что при всей меткости характеристики Пальмерстона, как типичного выразителя интересов господствующих классов Англии, Маркс не избежал некоторых преувеличений в оценке отдельных сторон деятельности этого английского министра. Стремясь подчеркнуть общность контрреволюционных устремлений русского царизма и английской олигархии, Маркс в своем памфлете несколько преувеличил прислужническую роль Пальмерстона по отношению к царскому самодержавию. Позиция Пальмерстона, как и других представителей английской олигархии, в восточном вопросе определялась не только боязнью революции и желанием в борьбе с ней использовать самодержавие, но и агрессивными стремлениями господствующих классов-Англии на Ближнем Востоке, их завоевательными намерениями в отношении Кавказа, их планами усиления за счет царской России, сыгравшими немалую роль в возникновении Крымской войны.

При написании памфлета против Пальмерстона Маркс использовал материалы Д. Уркарта, что дало повод некоторым буржуазным газетам того времени и ряду более поздних буржуазных писателей распространять вымысел о мнимой тождественности позиций Маркса и Уркарта в восточном вопросе. Однако уже статьи данного тома, в которых содержатся критические замечания Маркса о позиции Уркарта, доказывают полную несостоятельность этой версии. На деле Маркс и Энгельс коренным образом расходились с Уркартом, оценивая его взгляды как реакционные. Это, однако, не мешало Марксу использовать отдельные факты, приводимые Уркартом, а также оппозиционные печатные органы уркартистов для обличения английского правительства.

В ряде своих статей «Лондонская пресса. — Политика Наполеона в турецком вопросе» и в других Маркс раскрывает истинную подоплеку позиции бонапартистской Франции во время восточного кризиса. Разоблачая авантюристские и династические цели Луи Бонапарта в восточном конфликте, приведшем к Крымской войне, Маркс подчеркивает, что для Луи Бонапарта внешние авантюры являлись средством сохранения реакционной бонапартистской диктатуры и способом добиться от властителей тогдашней Европы признания узурпатора императорского престола Франции «респектабельным» монархом.

Политике правящих классов, ввергавших народы в войны ради захватнических целей, Маркс и Энгельс противопоставляли идею подлинно революционной войны против царизма во имя демократического переустройства Европы, освобождения поляков, венгров, южных славян и других угнетенных наций, во имя национального объединения революционно-демократическим путем Германии, а также Италии. Такая война, подчеркивали они, повлекла бы за собой крушение контрреволюционных режимов во Франции, Англии и других европейских странах и способствовала бы в конечном счете приходу к власти самого передового класса современного общества — пролетариата.

В томе публикуется ряд военных обзоров, написанных Энгельсом в связи с начавшимися военными действиями между Россией и Турцией. В этих обзорах (см. статьи «Война на Дунае», «Священная война» и др.) Энгельс анализирует условия военных действий на кавказском и балканском театрах войны, соотношение сил воюющих сторон, первые боевые операции обеих армий. Следует при этом учитывать, что статьи Энгельса писались по следам событий и он не имел времени и возможности для всесторонней проверки сообщений с театра военных действий. Так например, влияние односторонней, тенденциозной информации сказалось на оценке морского сражения при Синопе в статье Энгельса «Ход турецкой войны». Вследствие неточности информации в ряде статей Энгельса («Русские в Турции», «Передвижения армий в Турции») были приведены преувеличенные данные о численности русских войск на Дунае. Энгельс вскоре сам убедился в этом и внес в свои последующие статьи (см. настоящий том, стр. 491—493, 541—543) существенные уточнения в эти данные, изменив в связи с этим некоторые свои оценки и прогнозы относительно военных действий.

Большая серия статей Энгельса о Крымской войне, публикуемая в настоящем томе, а также в 10 и 11 томах Сочинений, содержит весьма ценные выводы по вопросам стратегии и тактики и представляет большой интерес, в первую очередь для военных специалистов и историков военного искусства. В статьях о Крымской кампании Энгельс сделал новый важный шаг в разрешении поставленной им перед собой задачи — теоретического обобщения опыта современных ему войн на основе исторического материализма.

* * *

В настоящий том включено 13 статей Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений и впервые публикуе-

мых на русском языке. В отличие от первого издания Сочинений, где многие статьи Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune» были опубликованы не в цельном виде, а разрозненными отрывками, сгруппированными в соответствии с их тематикой (при этом иногда некоторые отрывки из статей вовсе опускались), в настоящем издании все статьи Маркса и Энгельса публикуются в том виде, в каком они были в свое время напечатаны в газете.

Как неоднократно указывали в своих письмах Маркс и Энгельс, редакция «New-York Daily Tribune» произвольно обращалась с текстом их статей, особенно тех, которые печатались без подписи, в виде передовых. В некоторых из этих статей при подготовке тома были обнаружены редакционные добавления; в таких случаях добавленный редакцией текст дается в настоящем издании в примечании к соответствующему месту статьи. Выявленные в тексте «New-York Daily Tribune» и других газетах явные опечатки в цитатах., именах собственных, географических названиях, цифровых данных, датах и т. д. исправлены на основании проверки по источникам, которыми пользовались Маркс и Энгельс, а также по материалам Архива Института марксизма-ленинизма. Названия статей даны в полном соответствии с тем, как они были озаглавлены при их публикации в газетах. В тех случаях, когда название статьи, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАРТ — ДЕКАБРЬ 1853

NEW-YORK DAILY TRIBUNE.

VOL. XII......NO. 3,736 NEW-YORK, THURSDAY, APRIL 7, 1853. PRICE TWO CENTS.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА.— ДИЗРАЭЛИ. — ЭМИГРАНТЫ. — МАДЗИНИ В ЛОНДОНЕ. — ТУРЦИЯ [1]

Лондон, вторник, 22 марта 1853 г.

Наиболее важным событием в современной истории партий является уход Дизраэли с поста лидера «большого консервативного» меньшинства[2]. Дизраэли, как выяснилось, еще за восемь — девять недель до отставки торийского кабинета намеревался выбросить за борт своих прежних союзников и отказался от этого намерения лишь в результате настоятельных требований лорда Дерби. И вот теперь отстранен сам Дизраэли, и его место официально занял сэр Джон Пакингтон — человек спокойный, осторожный, не лишенный способностей руководителя, но в то же время мрачная фигура, настоящее воплощение обветшалых предрассудков и старомодных настроений английской землевладельческой аристократии. Эта смена руководства означает полное и, быть может, окончательное преобразование партии тори. Дизраэли может поздравить себя по поводу своей эмансипации от хвастливых землевладельцев. Каково бы ни было наше мнение о человеке, который, как говорят, презирает аристократию, ненавидит буржуазию и не любит народ, — он, бесспорно, является самым способным из членов настоящего парламента, а гибкость его характера помогает ему лучше приспособляться к меняющимся общественным потребностям.

Что касается вопроса об эмигрантах, то, как я уже сообщал в своей последней статье, после речи лорда Пальмерстона в палате общин австрийские газеты заявили, что бесполезно добиваться удовлетворения от кабинета, развращенного тлетворным влиянием Пальмерстона. Но едва лишь по телеграфу в Вену было передано заявление Абердина в палате лордов,

как положение дел снова изменилось[3]. Те же самые газеты утверждают теперь, что «Австрия верит в благородство английского кабинета», а полуофициальный орган «Oesterreichische Correspondenz»[4] опубликовал следующее сообщение своего парижского корреспондента:

«Вернувшись в Париж, лорд Каули заявил французскому императору, что дипломатические представители Англии при дворах северных государств получили официальную инструкцию, предписывающую приложить все усилия к тому, чтобы удержать северные державы от представления коллективной ноты английскому правительству, а в качестве основания для отказа от подобного шага выдвинуть то соображение, что английское правительство тем лучше сможет *удовлетворить требование этих держав,* чем больше будет поддерживаться в глазах всей Англии видимость того, что оно *действует в этом вопросе независимо и по своей доброй воле...*

Британский посол, лорд Каули, убеждал французского императора, что он может целиком довериться британскому кабинету, тем более что император мог бы всегда, по своему усмотрению, предпринять любой шаг, который он счел бы нужным в случае, если бы это доверие не оправдалось... Французский император согласился *подвергнуть испытанию искренность британского кабинета,* сохранив при этом за собой полную свободу действий на будущее, и теперь он пытается убедить другие державы последовать его примеру».

Вы видите, чего ожидают от «ce cher Aberdeen»*, как обычно называл его Луи-Филипп, и каковы те обещания, которые, должно быть, Абердин дал. За этими обещаниями теперь уже фактически последовали дела. На прошлой неделе английская полиция составила список проживающих в Лондоне эмигрантов с континента. Несколько сыщиков в штатском рыскали по площадям, улицам и домам и записывали приметы эмигрантов; они обращались большей частью к ближайшим трактирщикам, а в отдельных случаях под предлогом розыска преступников проникали даже в квартиры некоторых эмигрантов и рылись в их бумагах.

В то время как полиция на континенте тщетно охотится за Мадзини, а нюрнбергские власти приказали держать городские ворота на запоре для того, чтобы схватить его («никто еще не был повешен, не будучи пойман», гласит старая немецкая пословица), в то время, наконец, как английская пресса печатает множество сообщений относительно предполагаемого местопребывания Мадзини, — он вот уже несколько дней пребывает в Лондоне целым и невредимым.

Князь Меншиков, произведя смотр русским войскам, находящимся в Дунайских княжествах, и проинспектировав

* — «этого милого Абердина». *Ред.*

армию и флот в Севастополе, где по его приказанию были в его присутствии проведены маневры, заключавшиеся в посадке войск на суда и высадке их на берег, 28 февраля вступил в высшей степени театральным образом в Константинополь; его свита состояла из двенадцати лиц, включая адмирала, командующего русской эскадрой в Черном море*, одного дивизионного генерала**, нескольких штабных офицеров и г-на Нессельроде-младшего в качестве секретаря посольства. Меншиков встретил со стороны греческого и русского населения такой прием, словно это был сам православный царь, прибывший в Царьград для того, чтобы вернуть его к истинной вере. Здесь, в Лондоне, а также в Париже, величайшую сенсацию вызвало известие, что князь Меншиков, не удовлетворившись отставкой Фуад-эфенди, потребовал, чтобы султан отказался в пользу русского императора не только от протектората над всеми христианами в Турции, но также и от права назначения греческого патриарха; что султан обратился за помощью к Англии и Франции; что полковник Роуз, британский поверенный в делах, спешно послал пароход «Уосп» на Мальту для того, чтобы. немедленно вызвать английский флот в Архипелаг, а русские суда бросили якорь в Килии, близ Дарданелл. Парижская газета «Moniteur»[5] сообщает, что французская эскадра в Тулоне получила приказ направиться в греческие воды. Адмирал Дандас, однако, все еще находится на Мальте. Из всего этого следует, что в Европе вновь поставлен в ordre du jour*** восточный вопрос,— факт, в котором нет ничего удивительного для людей, знакомых с историей.

Всякий раз, когда утихает на время революционный ураган, один и тот же вопрос непременно вновь всплывает на поверхность — это вечный *«восточный вопрос».* Так было, когда отшумели бури первой французской революции и после Тильзитского мира Наполеон и русский царь Александр поделили между собой всю континентальную Европу[6]; тогда Александр воспользовался наступившим на короткое время затишьем и двинул в Турцию армию, чтобы «протянуть руку помощи» тем силам, которые стремились разрушить изнутри эту клонящуюся к гибели империю. Некоторое время спустя, едва только Лайбахским и Веронским конгрессами были подавлены революционные движения в Западной Европе[7], Николай, преемник Александра, нанес новый удар Турции. Потом, через несколько лет, когда отзвучала июльская революция и сопровождавшие

* — Корнилова В. А. *Ред.*
** — Непокойчицкого А. А. *Ред.*
*** — порядок дня. *Ред.*

ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, и Европа, в том виде, какой она приобрела в 1831 г., казалось, избавилась от внутренних потрясений, — восточный вопрос в 1840 г. вновь чуть было не втянул «великие державы» во всеобщую войну[8]. И ныне, когда пораженные близорукостью правящие пигмеи похваляются тем, что они якобы счастливо избавили Европу от опасностей анархии и революции, вновь выступает на сцену все тот же неразрешимый вопрос, все тот же неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией?

Турция является больным местом европейского легитимизма. Бессилие легитимистской, монархической системы со времени первой французской революции находит свое выражение в одном принципе: сохранять status quo[*]. Это всеобщее соглашение — упорно сохранять вещи в том виде, в каком они оказались в результате стихийного или случайного стечения обстоятельств, — является testimonium paupertatis[**], признанием ведущими державами своей полной неспособности сделать что-либо для прогресса или цивилизации. Наполеон умел в одно мгновение решать участь целого континента и притом делать это так, что в его решении одновременно обнаруживались и гениальность и целеустремленность. Представителям европейского легитимизма, собравшимся на Венский конгресс[9], со всей их «коллективной мудростью» потребовалось несколько лет для выполнения той же задачи; причем они на этой почве перессорились друг с другом, создали поистине невероятную путаницу и нашли это занятие столь смертельно скучным, что с тех пор у них пропала к нему всякая охота, и они более не пытались перекраивать Европу. Мирмидоняне посредственности, как их называл Беранже[10], без знания истории и понимания исторических фактов, без идей и инициативы, они обоготворили status quo — их же собственную коллективную стряпню, несмотря на то, что сами сознавали, насколько аляповато и бездарно было это произведение их искусства.

Но Турция столь же мало, как и остальной мир, остается неподвижной; и как раз в тот момент, когда реакционной партии удалось восстановить в цивилизованной Европе то, что она считала status quo ante[***], оказалось, что в Турции за это время status quo претерпел весьма большие изменения, что возникли новые вопросы, новые интересы, новые отношения. И бедняги дипломаты должны снова начать свою работу с того самого места, где она была прервана всеобщим потрясением

---

[*] — существующий порядок, существующее положение. *Ред.*
[**] — свидетельством о бедности. *Ред.*
[***] — положение, существовавшее до определенного момента. *Ред.*

восемь — десять лет тому назад. Сохранить в Турции status quo! С подобным же успехом можно было бы попытаться приостановить на определенной стадии гниение трупа павшей лошади и предотвратить его полное разложение. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока продолжает существовать нынешняя система «равновесия сил» и сохранения status quo. И потому она, вопреки всем конгрессам, протоколам и ультиматумам, будет систематически вносить свою ежегодную лепту в дело дипломатических затруднений и международных распрей, подобно тому как всякое другое гниющее тело обильно выделяет в окружающую среду болотный газ и другие «благоухающие» газообразные вещества.

Посмотрим, в чем заключается самый вопрос. Турция состоит из трех совершенно различных частей: африканских вассальных княжеств — а именно, Египта и Туниса, Азиатской Турции и Европейской Турции. Не будем пока касаться африканских владений, из которых только Египет можно считать страной, действительно подчиненной султану. Но в большей мере чем кому-либо Египет принадлежит англичанам и при будущем разделе Турции безусловно составит их долю. Азиатская Турция представляет собой настоящее средоточие тех сил, которыми еще обладает Турецкая империя. В продолжение четырех столетий турки обитали преимущественно в Малой Азии и в Армении, служивших резервуаром для постоянного пополнения турецких армий, начиная с тех, которые стояли под стенами Вены, и кончая армиями, разбитыми при Кулевче[11] в результате не очень искусных маневров Дибича. Азиатская Турция, несмотря на малочисленность населения, образует все же слишком сплоченную массу фанатиков-мусульман, принадлежащих к турецкой национальности, чтобы вызвать в настоящий момент какие-либо попытки к ее завоеванию. И в самом деле, при всяком обсуждении «восточного вопроса» из азиатских областей в расчет принимаются только Палестина и христианские долины Ливана.

Настоящим яблоком раздора постоянно является Европейская Турция, большой полуостров к югу от Савы и Дуная. Этот прекрасный край имеет несчастье быть населенным целым конгломератом различных рас[12] и национальностей, о которых трудно сказать, какие из них наименее подготовлены к прогрессу и цивилизации. Двенадцать миллионов славян, греков, валахов, арнаутов[13] находятся в подчинении у одного миллиона турок, и до недавнего времени казалось сомнительным, что не турки, а какой-либо другой элемент из всех этих различных рас наиболее способен осуществлять господство, которое,

при наличии такого смешанного населения, не могло не принадлежать лишь одной из этих национальностей. Но когда мы видим, какое жалкое крушение терпели все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации и как исламистский фанатизм, опорой которого является преимущественно турецкая чернь нескольких крупных городов, неизменно прибегает к помощи Австрии и России только для того, чтобы опять добиться власти и уничтожить любые прогрессивные начинания; когда мы видим, как власть центрального, то есть турецкого, правительства из года в год ослабляется восстаниями в христианских провинциях, из которых ни одно не бывает совершенно безуспешным из-за слабости Порты и вмешательства соседних государств; когда мы видим, наконец, что Греция добивается своей независимости, что Россия завоевывает часть Армении, а Молдавия, Валахия и Сербия одна за другой становятся под протекторат этой державы, — то мы должны согласиться с тем, что пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров.

Трудно назвать турок *господствующим классом* в Турции, ибо взаимоотношения различных классов общества там отличаются такой же запутанностью, как и отношения между различными расами. В зависимости от местности и разных обстоятельств, турок бывает рабочим, крестьянином-арендатором, мелким земельным собственником, купцом, феодальным землевладельцем, стоящим на самой низкой и варварской ступени феодализма, чиновником или военным; но какое бы социальное положение он ни занимал, он принадлежит к привилегированной религии и национальности—он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин обязан при встрече уступать дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества. В Боснии и Герцеговине дворянство славянского происхождения перешло в мусульманство, в то время как масса народа осталась «райей», то есть христианами. Таким образом, в этой провинции господствующая религия и господствующий класс совпадают, и вообще босняк-мусульманин стоит на одной ступени со своим единоверцем турецкого происхождения.

Главным оплотом турецкого населения в Европе, — не считая резервов, которые всегда можно привлечь из Азии, — является городская чернь Константинополя и нескольких других больших городов. Она преимущественно турецкого происхождения и, несмотря на то, что ее работодателями являются главным образом христиане-капиталисты, она все же ревниво защищает свое воображаемое превосходство и реальное право

безнаказанно бесчинствовать, которое дает ей, в противовес христианам, принадлежность к привилегированной религии — исламу. Хорошо известно, что при любом важном coup d'etat* эту чернь необходимо привлечь на свою сторону посредством подкупа и лести. Она-то и образует, не считая нескольких колонизованных округов, значительную и компактную массу турецкого населения в Европе. И, разумеется, рано или поздно станет, совершенно необходимым освободить одну из прекраснейших частей европейского континента от господства черни, по сравнению с которой чернь времен Римской империи представляла собой собрание мудрецов и героев.

Из других национальностей коснемся, прежде всего, в нескольких словах арнаутов; это — отважный горный народ, который составляет коренное население страны, расположенной на склонах побережья Адриатики; он говорит на своем особом языке, принадлежащем, по-видимому, к великой индоевропейской семье языков. Арнауты — частью христиане греко-православного вероисповедания, частью же мусульмане и как будто бы, судя по всему, что мы о них знаем, еще очень мало подготовлены к цивилизации. Их разбойничьи привычки должны будут заставить любое соседнее правительство держать их в строгом военном подчинении, пока промышленный прогресс в окружающих областях не обеспечит им занятия в качестве дровосеков и водовозов, как это произошло с гальегами[14] в Испании и вообще с другими горными жителями.

Валахи, или дако-румыны, составляющие основную массу населения области, расположенной между нижним Дунаем и Днестром, представляют собой чрезвычайно смешанный народ, принадлежащий к православной церкви и говорящий на языке, который происходит от латинского и во многом напоминает итальянский. Из них жители: Трансильвании и Буковины — подданные Австрийской империи, а жители Бессарабии — Российской империи; население же Молдавии и Валахии, единственных двух княжеств, где дако-румынская раса достигла политического существования, имеет своих собственных князей, номинально являющихся вассалами Порты, а фактически находящихся под верховенством России. О трансильванских валахах мы много слышали во время венгерской войны[15]. Эту доведенную до варварского состояния массу, над которой до сих пор тяготеет феодальный гнет венгерских земельных магнатов, превращенных к тому же, в соответствии с австрийской системой, в орудие всяческих правительственных вымогательств,

* — государственном перевороте. *Ред.*

австрийцы подкупом и обещаниями привлекли на свою сторону, так же как они это проделали с крепостными русинами в Галиции в 1846 г.[16], и валахи начали опустошительную войну против венгров, превратившую Трансильванию в пустыню. Дако-румыны турецких княжеств имеют, по крайней мере, свое дворянство и политические учреждения; и туда, несмотря на все усилия России, все же проник революционный дух, как это достаточно хорошо показало восстание 1848 года[17]. Притеснения и вымогательства, которым они подвергались во время русской оккупации с 1848 г., без сомнения должны были еще больше усилить в них этот дух, несмотря на узы общей религии и царистско-поповское суеверие, заставлявшие их до сих пор смотреть на коронованного главу православной церкви как на своего естественного покровителя. И если дело обстоит действительно так, то валашская национальность может сыграть важную роль в окончательном решении вопроса об этих областях.

Греки и Турции— большей частью славянского происхождения, хотя они и приняли новогреческий язык; и действительно, в настоящее время признано всеми, что за исключением нескольких знатных семейств в Константинополе и Трапезунде, даже в самой Греции можно найти весьма мало чистокровных эллинов. Греки, наряду с евреями, составляют главную массу торговцев в морских портах и многих городах внутри страны. В некоторых округах они занимаются также земледелием. Но нигде, за исключением Фессалии и, быть может, Эпира, они ни по своей численности, ни по плотности населения, ни по своему национальному сознанию не играют как нация какой-либо политической роли. Влияние, которым пользовались в Константинополе представители немногих греческих знатных семейств в качестве драгоманов (переводчиков), почти утрачено ими с тех пор, как турки стали получать образование в Европе, а европейские посольства завели себе атташе, владеющих турецким языком.

Переходим теперь к расе, которая образует основную массу населения и кровь которой преобладает всюду, где имело место расовое смешение. Можно утверждать, что она составляет основной костяк христианского населения от Мореи до Дуная и от Черного моря до арнаутских гор. Это — славянская раса и, в частности, та ветвь ее, которая известна под названием иллирийской (Ilirski) или южнославянской (Jugoslavenski). Вслед за западными славянами (поляками и чехами) и восточными славянами (русскими) она составляет третью ветвь той многочисленной семьи славянских народов, которая живет, в послед-

ние двенадцать столетий на востоке Европы. Южные славяне населяют не только большую часть Турции, но и Далмацию, Хорватию, Славонию и Южную Венгрию. Все они говорят на одном и том же языке, весьма близком к русскому, который из всех славянских языков для уха западноевропейца несомненно наиболее музыкален. Хорваты и часть далматинцев— римско-католического вероисповедания; все остальные принадлежат к православной церкви. Католики употребляют латинский алфавит, приверженцы православной церкви пишут кириллицей, употребляющейся также и в русском и старославянском, или церковнославянском, языках. Это обстоятельство, наряду с различием вероисповеданий, служило препятствием такому национальному развитию, которое вовлекло бы в свою орбиту все области, населяемые южными славянами. Житель Белграда не в состоянии прочесть напечатанную на его собственном языке книгу, если она издана в Аграме или Грече[*]; возможно, что он откажется даже взять ее в руки, ибо она напечатана «еретическим» шрифтом и по правилам «еретической» орфографии. В то же время для него не составит никакого труда прочитать и понять книгу, изданную на русском языке в Москве, поскольку оба языка весьма схожи друг с другом, в особенности в отношении старославянской этимологической системы орфографии, и, кроме того, книга эта напечатана «ортодоксальным» (православным) шрифтом. Масса славян православного вероисповедания не желает даже, чтобы ее библии, богослужебные книги и молитвенники печатались в ее собственной стране, так как она убеждена, что все, напечатанное в священной Москве или в императорской типографии в С.-Петербурге, отличается особой правильностью, ортодоксальностью и святостью. Несмотря на все панславистские усилия аграмских или пражских энтузиастов[18], серб, болгарин, боснийский «райя», крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке. Что бы ни произошло, они взирают на Петербург в ожидании мессии, который освободит их от всех зол; и если они называют Константинополь своим Царьградом, своим царским городом, то они делают это как в надежде на появление с севера православного царя, который вступит в этот город и восстановит истинную веру, так и в память о другом православном царе, который владел Константинополем до турецкого завоевания страны.

[*] — сербское название Вены. *Ред.*

В большей части Турции славяне находятся под непосредственным владычеством турок, хотя и сами выбирают свои местные власти; кое-где (в Боснии) они приняли религию своих завоевателей. Только в двух областях Турции славянская раса сохранила свою политическую самостоятельность или завоевала ее. Одна из них — Сербия, расположенная в долине реки Моравы, — область с отчетливо обозначенными естественными границами, которая шестьсот лет тому назад играла выдающуюся роль в истории этих стран. Русская война 1806 г.[19] дала сербам, которых турки долго держали под гнетом, возможность приобрести самостоятельность, хотя и под турецким верховенством. С того времени Сербия постоянно находилась под прямым покровительством России. Но, так же как и в Молдавии и Валахии, политическое существование вызвало к жизни новые потребности и побудило Сербию расширить свои связи с Западной Европой. Цивилизация начала пускать корни, выросла торговля, возникли новые идеи, и вот мы обнаруживаем в самом центре, в самой цитадели русского влияния, в славянской и православной Сербии антирусскую прогрессивную партию (разумеется, весьма умеренную в своих реформаторских требованиях) во главе с бывшим министром финансов Гарашаниным[20].

Если греко-славянское население станет когда-либо хозяином страны, в которой оно живет и в которой оно составляет три четверти всего населения (семь миллионов человек), то нет никакого сомнения, что те же потребности постепенно приведут к появлению в его среде антирусской прогрессивной партии, которая неизбежно зарождалась каждый раз после того, как та или иная часть этого населения становилась полунезависимой от Турции.

Черногория представляет собой не плодородную равнину с относительно большими городами, а бесплодную, трудно проходимую горную страну. В ней прочно укрепились разбойники, которые совершают набеги на равнины и прячут награбленную добычу в своих горных крепостях. Эти романтические, но довольно грубоватые господа давно уже стали в тягость Европе, однако с политикой России и Австрии вполне гармонирует то обстоятельство, что обе они защищают право черногорцев (Tsernogorci) сжигать села, убивать их жителей и угонять скот.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
между 12 и 22 марта 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 3736, 7 апреля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты.

Перевод с английского

На русском языке
полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СПОРНЫЙ ПУНКТ В ТУРЦИИ

Приходится удивляться, что в нынешней дискуссии по восточному вопросу английские газеты не подчеркнули более решительно те жизненные интересы Великобритании, которые делают ее упорным и непримиримым противником русских планов аннексий и территориального расширения. Англия не может согласиться, чтобы Россия завладела Дарданеллами и Босфором. Это событие нанесло бы и в торговом, и в политическом отношении тяжелый, если не смертельный удар британской мощи. Очевидность этого явствует из простой констатации фактов, касающихся торговых отношений между Англией и Турцией.

До открытия прямого пути в Индию Константинополь был центром обширной торговли. Да и в настоящее время, несмотря на то, что продукты, производимые Индией, попадают в Европу сухопутным путем, через Персию, Туран* и Турцию, турецкие порты ведут весьма значительную, быстро возрастающую посредническую торговлю как с Европой, так и с внутренними областями Азии. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на карту. Вся отдаленная от морей территория, начиная Шварцвальдом и кончая песчаными холмами Великого Новгорода, орошается реками, впадающими в Черное или Каспийское море. Дунай и Волга, эти две гигантские реки Европы, Днестр, Днепр и Дон — все они образуют естественные каналы для перевозки продуктов из отдаленных от моря областей в Черное море; мы говорим — Черное море, так как и к Каспийскому морю можно добраться только через Черное море. Две трети Европы, то есть

* — употреблявшееся в прошлом название Туркестанской (Туранской) низменности. *Ред.*

часть Германии и Польши, вся Венгрия, наиболее плодородные части России и, кроме того, вся Европейская Турция в отношении своего экспорта и продуктообмена связаны естественными узами с Понтом Эвксинским*, тем более, что все эти страны — преимущественно земледельческие, и громоздкость их продукции неизбежно делает водные перевозки основным видом транспорта. Венгерское, польское, южнорусское зерно, шерсть и кожа из этих же стран появляются на наших западных рынках в количествах, возрастающих из года в год, и все они грузятся на суда в Галаце, Одессе, Таганроге и других портах Понта Эвксинского. Существует еще одна важная отрасль торговли на Черном море. Константинополь и, в особенности, Трапезунд в Азиатской Турции являются главными центрами караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном. И эта торговля также быстро растет. Греческие и армянские купцы из двух названных выше городов ввозят большое количество английских фабричных товаров, которые благодаря своим низким ценам быстро вытесняют произведения домашней промышленности азиатских гаремов. Трапезунд по своему местоположению приспособлен для этой торговли лучше всякого другого пункта. С тыла к нему примыкают армянские возвышенности, гораздо более проходимые, чем сирийская пустыня, и расположен он достаточно близко от Багдада, Шираза и Тегерана; последний служит промежуточным торговым пунктом для караванов, идущих из Хивы и Бухары. Какое большое значение приобретает эта торговля и черноморская торговля вообще, можно воочию увидеть на манчестерской бирже, где появляется все большее число смуглых греческих дельцов, которые начинают играть все большую роль, и где наряду с немецкой и английской раздается греческая и южнославянская речь.

Торговля Трапезунда становится также чрезвычайно серьезной политической проблемой, так как она является источником новых столкновений интересов России и Англии во внутренней Азии. До 1840 г. русские обладали в этом районе почти исключительной монополией на торговлю иностранными промышленными товарами. Русские товары проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими. Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба[21] английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость беспрерывного расши-

* — Древнее название Черного моря. *Ред.*

рения торговли — этот fatum*, который словно привидение преследует современную Англию и, если его тотчас же не умилостивить, вызывает ужасные потрясения, распространяющиеся от Нью-Йорка до Кантона и от С.-Петербурга до Сиднея, — эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря. И хотя мы очень мало знаем о размерах русского экспорта в эту часть света, мы все же из факта увеличения английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно сократилась. Поле торговой битвы между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше доходила до границ английской империи на Востоке, теперь оттеснена на оборонительные рубежи, проходящие по самому краю ее собственной таможенной границы. Значение этого обстоятельства с точки зрения того или иного решения восточного вопроса в будущем и с точки зрения той роли, которую могут сыграть при этом как Россия, так и Англия,— совершенно очевидно. Эти страны есть и постоянно будут антагонистами на Востоке.

Перейдем теперь к более конкретной оценке черноморской торговли. Согласно лондонскому журналу «Economist»[22], стоимость английского экспорта в турецкие области, включая Египет и Дунайские княжества, равнялась:

в 1840 г.	.... 1 440 592	ф. ст.
» 1842 »	.... 2 068 842	» »
» 1844 »	.... 3 271 333	» »
» 1846 »	.... 2 707 571	» »
» 1848 »	.... 3 626 241	» »
» 1850 »	.... 3 762 480	» »
» 1851 »	.... 3 548 959	» »

Из этих сумм по меньшей мере две трети должны быть отнесены на долю портов Черного моря, включая Константинополь. И вся эта быстро растущая торговля зависит от того, насколько можно доверять державе, владеющей Босфором и Дарданеллами, этими ключами к Черному морю. Кто держит их в своих руках, тот может по произволу открывать и закрывать доступ к этому отдаленному уголку Средиземного моря. И если Россия когда-нибудь завладеет Константинополем, можно ли ожидать, что она станет держать открытыми те самые ворота, через которые Англия ворвалась в сферу русской торговли?

* — рок. *Ред.*

Так обстоит дело с торговым значением Турции и, в частности, Дарданелл. Ясно, что от полной свободы провоза торговых грузов через эти ворота в Черное море зависит судьба не только весьма обширной торговли, но и основных связей между Европой и Средней Азией, а следовательно, и основного средства восстановления цивилизации в этой обширной области.

Рассмотрим теперь вопрос с военной точки зрения. Торговое значение Дарданелл и Босфора делает их одновременно также первоклассными военными позициями, то есть такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне. Аналогичными пунктами являются Гибралтар, а также Хельсингёр на Зунде. Но Дарданеллы даже важнее этих пунктов вследствие своего географического положения. Орудия Гибралтара или Хельсингёра не могут господствовать над всем пространством тех проливов, у которых они расположены, и нуждаются еще в поддержке флота для того, чтобы совершенно закрыть их. В то же время проливы Дарданеллы и Босфор так узки, что небольшое число укреплений, построенных в надлежащих местах и хорошо вооруженных, — как это немедленно же сделает Россия в случае овладения проливами, —может образовать непреодолимую преграду для соединенных флотов всего мира при попытке их пройти через проливы. Черное море стало бы в этом случае в большей степени русским озером, чем даже Ладожское озеро, которое расположено в самом сердце России. Силы сопротивления кавказцев сразу бы иссякли. Трапезунд стал бы русским портом, а Дунай — русской рекой. Кроме того, потеряв Константинополь, Турецкая империя оказалась бы разрезанной на две части: Азиатская и Европейская Турция не имели бы никакой возможности сообщаться между собой или взаимно поддерживать друг друга, и главные силы турецкой армии, отброшенные в Азию, оказались бы совершенно обезвреженными. Покорение Македонии, Фессалии, Албании не представляло бы для завоевателя никаких затруднений, так как эти области были бы обойдены и отрезаны от главных сил; им не оставалось бы ничего другого, как молить о пощаде и просить о присылке армии для поддержания внутреннего порядка.

Но можно ли предположить, что эта столь гигантская и столь разросшаяся держава могла бы остановиться на полдороге, зайдя уже так далеко в своем стремлении превратиться в мировую империю? Если бы даже она этого и пожелала, ей не позволили бы обстоятельства. В результате аннексии Турции и Греции она приобретет превосходные морские порты, между тем как греки доставят ей искусных моряков для военного флота. Приобретя Константинополь, она утвердится

в преддверии Средиземного моря; овладев Дураццо и албанским побережьем от Антивари до Арты, она проникнет в самый центр Адриатики, имея в поле зрения британские Ионические острова и находясь в 36 часах плавания на пароходе от Мальты. Окружив австрийские владения с севера, востока и юга, Россия вполне сможет обращаться с Габсбургами как со своими вассалами. И еще кое-что стало бы возможным, даже вероятным. Изломанная и извилистая западная граница империи, не совпадающая с естественными рубежами, потребовала бы исправления; и при этом оказалось бы, что естественная граница России идет от Данцига или Штеттина до Триеста. И поскольку одно завоевание неизбежно влечет за собой другое, а одна аннексия — другую, завоевание Турции Россией явилось бы только прелюдией к аннексии Венгрии, Пруссии, Галиции и к окончательному созданию той славянской империи, о которой мечтали некоторые фанатичные философы панславизма.

Россия — безусловно страна, стремящаяся к завоеваниям, и она была ею в продолжение целого столетия, пока великое движение 1789 г. не породило ее грозного противника, полного могучих жизненных сил. Мы разумеем европейскую революцию, взрывчатую силу демократических идей и врожденного человеку стремления к свободе. Начиная с этого времени на европейском континенте существуют фактически только две силы: с одной стороны Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия. Теперь революция кажется подавленной, но она живет, и ее боятся так же сильно, как боялись всегда. На это указывает ужас, охвативший реакцию при известии о последнем восстании в Милане[23]. Но если Россия овладеет Турцией, ее силы увеличатся почти вдвое, и она окажется сильнее всей остальной Европы, вместе взятой. Такой оборот событий был бы неописуемым несчастьем для дела революции. Сохранение турецкой независимости или пресечение аннексионистских планов России, в случае возможного распада Оттоманской империи, являются делом величайшей важности. В данном случае интересы революционной демократии и Англии идут рука об руку. Ни та, ни другая не могут позволить царю сделать Константинополь одной из своих столиц, и если дело дойдет до крайности, то мы увидим, что обе эти силы окажут царю одинаково решительное противодействие.

Написано Ф. Энгельсом между 23 и 28 марта 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3740, 12 апреля 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЛОНДОНСКАЯ ПРЕССА. — ПОЛИТИКА НАПОЛЕОНА В ТУРЕЦКОМ ВОПРОСЕ [24]

Лондон, 25 марта 1853 г.

Вплоть до сегодняшнего утра не поступало никаких новых достоверных известий из Турции. Парижский корреспондент газеты «Morning Herald»[25] сообщает в сегодняшнем номере, что из авторитетных источников ему стало известно о вступлении русских в Бухарест. В газете «Courrier de Marseille» от 20 сего месяца мы читаем:

«Мы можем довести до сведения наших читателей содержание ноты, врученной Высокой Порте г-ном Озеровым сразу же после отъезда графа Лейнингена и до грубой выходки князя Меншикова на заседании Дивана. Главные пункты, которые затрагивает эта дипломатическая нота, сводятся к следующему: граф Нессельроде самым энергичным образом заявляет свою претензию Порте по поводу того, что она, невзирая на свои официальные обещания не нападать на черногорцев, повела против этого народа кровопролитную войну, вызвав этим величайшее недовольство петербургского кабинета. А посему для того, чтобы обеспечить черногорцам надлежащую защиту и предохранить их от новых бедствий, Россия намерена предложить Порте признать *независимость Черногории.* Нота содержит также протест против блокады албанского побережья и заканчивается требованием к султану уволить в отставку тех министров, действия которых всегда вызывали недоразумения между двумя правительствами. Говорят, что Турция, получив эту ноту, согласилась уступить, хотя и с сожалением, лишь в одном вопросе, касающемся отставки министров, в частности, отставки зятя султана Фуад-эфенди, который в настоящее время уже заменен Рифаат-пашой, сторонником России. Порта, однако, отказалась признать независимость Черногории. Тогда князь Меншиков, не отдав предварительно обычной дани вежливости министру иностранных дел, лично предстал перед Диваном, в нарушение всех дипломатических норм, и в резкой форме потребовал от него принятия предъявленных им требований Это требование привело к тому, что Порта обратилась за покровительством к Англии и Франции».

В Древней Греции об ораторе, молчание которого оплачивалось, говорилось, что у него *«бык на языке»*. Следует заметить, что этим *быком* была серебряная монета египетского происхождения[26]. О газете «Times»[27] мы могли бы также сказать, что в течение всего периода, когда вновь возродился восточный вопрос, у нее на языке был бык, — если не на том основании, что она хранила молчание, то по крайней мере на основании того, что она писала. Вначале эта изобретательная газета защищала австрийское вмешательство в дела Черногории под тем предлогом. что вопрос касается христианства. Но позднее, когда вмешалась Россия, газета отбросила этот аргумент и стала уверять, что все сводится к спору между православной и католической церквами, не представляющему никакого интереса для «верноподданной паствы» англиканской церкви. Потом она стала распространяться о значении турецкой торговли для Великобритании и, поскольку это значение велико, сделала вывод, что Великобритания может только выиграть, если променяет турецкую свободу торговли на русские запретительные и австрийские покровительственные пошлины. Затем газета «Times» старалась доказать, что Англия в деле обеспечения продовольствием зависит от России и потому должна молчаливо склониться перед географическими воззрениями царя. Сколь приятным комплиментом для превозносимой «Times» торговой системы и сколь привлекательным аргументом звучит утверждение, что ради смягчения зависимости Англии от России Черное море должно стать русским озером, а Дунай — русской рекой! Когда газета «Times» была выбита с этой легко уязвимой позиции, она обратилась к широко распространенному утверждению, что Турецкая империя безнадежно разваливается, а это, по мнению «Times», является решающим аргументом в пользу того, что Россия в настоящее время должна стать душеприказчиком и наследником этой империи. Потом газета «Times» решила, что нужно подчинить жителей Турции «чистому правлению» и цивилизующему влиянию России и Австрии, припомнив древнее изречение, что мудрость приходит с Востока, и позабыв недавно высказанное ею же самой утверждение, что «режим, который Австрия поддерживает в своих собственных провинциях и королевствах, является режимом произвола и администрирования, режимом тирании, не регулируемым никакими законами». В заключение, и это является уж верхом бесстыдства, «Times» поздравляет себя по поводу своих «блестящих» передовиц по восточному вопросу!

Вся лондонская пресса, утренние и вечерние газеты, ежедневные и еженедельные органы, восстали, как один, против

этой «ведущей газеты». Газета «Morning Post»[28] насмехается над своими коллегами из «Times», упрекая их в намеренном распространении ложных и нелепых известий. Газета «Morning Herald» называет «Times» «нашим еврейско-австро-русским современником», а газета «Daily News»[29] более кратко характеризует ее как «орган Бруннова». Близнец «Times» — газета «Morning Chronicle»[30] — наносит ей такой удар:

«Журналисты, которые предлагают выдать Турецкую империю России во имя коммерческого благополучия дюжины греческих фирм, могут по праву притязать на монополию в отношении блестящего остроумия!»

Газета «Morning Advertiser»[31] говорит:

«Газета «Times» права, когда уверяет, что она одинока в своей защите русских интересов... Она, правда, печатается на английском языке. Но это — единственное, что есть в ней английского. Там, где вопрос касается России, она насквозь русская».

Без сомнения, русский медведь не уберет своих лап, пока он убежден, что «entente cordiale»* между Англией и Францией[32] носит преходящий характер. В этом отношении интересно следующее поразительное стечение обстоятельств. В тот самый день, когда газета «Times» пыталась убедить лордов Абердина и Кларендона в том, что турецкие дела, это — всего лишь мелочная ссора между Францией и Россией, «roi des droles»**, как Гизо обычно называл г-на Гранье де Кассаньяка, сделал в «Constitutionnel»[33] открытие, что вся эта история сводится лишь к ссоре между лордом Пальмерстоном и царем. Поистине, читая эти газеты, понимаешь греческих ораторов с македонскими «быками» на языках во времена, когда Демосфен выступал со своими пламенными филиппиками.

Что касается британской аристократии, представленной коалиционным министерством, то она, если бы это потребовалось, пожертвовала бы национальными английскими интересами в угоду своим особым классовым интересам и допустила бы укрепление молодого деспотизма на Востоке в надежде найти поддержку для своей хилой олигархии на Западе. Что касается Луи-Наполеона, то он колеблется. Все его симпатии принадлежат самодержцу, систему правления которого он ввел во Франции, а все его антипатии направлены против Англии, парламентскую систему которой он во Франции уничтожил. Кроме того, если он позволит царю грабить на Востоке, последний, быть может, позволит ему грабить на Западе. С другой стороны, он

* — «сердечное согласие». *Ред.*
** — «король шутов». *Ред.*

не совсем уверен в чувствах, которые Священный союз питает к «хану-выскочке». Поэтому он ведет двусмысленную политику, стремясь одурачить великие державы Европы так же, как он в свое время одурачил парламентские партии французского Национального собрания. Демонстративно братаясь с английским послом в Турции, лордом Стратфордом де Редклиффом, он одновременно обхаживает русскую княгиню фон Ливен, давая ей самые льстивые обещания, и посылает ко двору султана г-на Делакура, горячего сторонника австро-французского союза в противовес англо-французскому. Он отдает приказ тулонскому флоту направиться в греческие воды, а на следующий день объявляет в «Moniteur», что это произошло без какого-либо предварительного согласования с Англией. Приказывая одному из своих органов, «Pays»[34], трактовать восточный вопрос как в высшей степени важный для Франции, он одновременно разрешает другому своему органу, «Constitutionnel», утверждать, что в восточном вопросе на карту поставлены русские, австрийские и английские интересы, а интересы Франции затронуты в нем лишь косвенным образом, и потому-де она занимает совершенно независимую позицию. Кто ему предложит больше, Россия или Англия, —вот как стоит для него вопрос.

Написано К. Марксом 25 марта 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3739, 11 апреля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС

Лишь с недавних пор западноевропейская и американская публика получила возможность составить более или менее правильное суждение о турецких делах. Турция была до греческого восстания[35] во всех отношениях terra incognita[*], и распространенные о ней среди публики банальные представления покоились больше на сказках из «Тысячи и одной ночи», чем на исторических фактах. Правда, официальные дипломатические представители, побывавшие в Турции, хвастались, что они обладают более точными знаниями; но и эти знания были ничтожными, так как никто из этих официальных лиц не потрудился изучить турецкий, южнославянский или новогреческий языки и все они без исключения полагались на тенденциозные сообщения переводчиков-греков и франкских[**] купцов. К тому же эти праздные дипломаты постоянно тратили свое время на всевозможные интриги. Похвальное исключение составляет среди них только Йозеф фон Гаммер, немецкий историк Турции. Эти господа нисколько не интересовались народом, учреждениями и общественным строем страны; они занимались только двором и, в особенности, греческими фанариотами[36], хитрыми посредниками между двумя сторонами, из которых каждая была одинаково не осведомлена относительно действительного состояния сил и ресурсов другой. Все действия

[*] — неизвестная земля. *Ред.*

[**] — то есть западноевропейских (франки — распространенное на Ближнем Востоке название жителей Западной Европы). *Ред.*

западной дипломатии по отношению к Турции долгое время покоились и, как это ни странно, даже в настоящее время в значительной мере покоятся на традиционных представлениях и суждениях, основанных на столь жалкой информации.

Но в то время как Англия, Франция и в течение длительного времени даже Австрия бродили в потемках, пытаясь определить свою восточную политику, их всех перехитрила другая держава. В России, — которая сама является страной с полуазиатскими общественными условиями, обычаями, традициями и учреждениями, — нашлось достаточно людей, способных понять истинное положение и характер Турции. В России та же религия, которую исповедуют девять десятых населения Европейской Турции; русский язык почти не отличается от языка семи миллионов турецких подданных; а хорошо известная легкость, с какой русские обучаются говорить на иностранных языках, даже не вполне владея ими, дала возможность агентам России, щедро оплачиваемым за свою службу, без особого труда полностью освоиться с турецкими делами. И русское правительство с давних пор использовало свое чрезвычайно благоприятное положение в Юго-Восточной Европе. Сотни русских агентов разъезжали по Турции, внушая христианам греко-православного вероисповедания, что православный император является главой, естественным покровителем и избавителем угнетенной восточной церкви, призванным в конце концов освободить ее; южным славянам они особенно внушали мысль о нем как о всемогущем царе, который рано или поздно объединит? под одним скипетром все ветви великой славянской расы и сделает ее господствующей расой Европы. Духовенство греческой церкви уже давно составило обширный заговор для распространения этих идей. Русское золото и русское влияние в большей или меньшей степени непосредственно содействовало вспышке сербского восстания 1804 г.[37] и восстанию греков в 1821 году. Где бы ни поднимали турецкие паши знамя мятежа против центральной власти, в русских интригах и в русских деньгах никогда не было недостатка. И когда таким образом вопрос о внутреннем положении Турции окончательно ставил в тупик западных дипломатов, знавших о действительном положении дел не больше, чем о людях на луне, объявлялась война, русские армии двигались на Балканы, и от расчленяемой Оттоманской империи отрывался один кусок за другим.

Правда, за последние тридцать лет было много сделано для осведомления широкой публики о положении Турции. Немецкие

филологи и критики познакомили нас с ее историей и литературой; английские резиденты и английские торговцы собрали много данных об общественном строе империи. Но дипломатические мудрецы, по-видимому, высокомерно относятся ко всему этому и с предельным упрямством цепляются за традиции, порожденные знакомством с восточными сказками и усиленные не менее удивительными россказнями клики греческих торгашей, наиболее продажной из всех, когда-либо существовавших.

Каков же естественный результат? Он заключается в том, что вследствие невежества, тупости, постоянных колебаний и трусости западноевропейских правительств Россия неуклонно и последовательно достигала своих целей во всех существенных вопросах. Начиная с битвы при Наварине[38] и кончая теперешним восточным кризисом, выступления западных держав либо расстраивались из-за взаимных распрей, которые возникали большей частью на почве их общего незнания восточных дел и на почве мелочной зависти, совершенно, должно быть, непонятной для восточных людей, либо же каждое их выступление прямо служило непосредственно интересам России. И не только греки, — живущие как в Греции, так и в Турции, — а также славяне видят в России свою естественную покровительницу; больше того, даже само константинопольское правительство, которое все больше теряет надежду на то, что послы западных держав, кичащиеся своей полной неспособностью составить самостоятельное суждение о турецких делах, поймут, наконец, его неотложные нужды и его действительное положение, — само это турецкое правительство каждый раз вынуждено обращаться к милости России и искать покровительства у той державы, которая открыто заявляет о своем твердом намерении прогнать всех турок за Босфор и водрузить крест святого Андрея на минаретах Айя-Софии.

Вопреки дипломатической традиции эти постоянные и успешные посягательства России вызвали, наконец, в кабинетах западноевропейских держав глухое и смутное предчувствие приближающейся опасности. Предчувствие это и привело к выдвижению, в качестве великого дипломатического патентованного средства, принципа, согласно которому поддержание status quo в Турции является непременным условием для мира во всем мире. Прикрывающие высокопарными фразами свою бездарность, некоторые современные государственные мужи ни в чем не могли столь ясно обнаружить присущее им невежество и беспомощность, как в этой аксиоме, которая, оставаясь все время мертвой буквой, за последние двадцать лет стала священной традицией,

столь же почтенной и неоспоримой, как Magna Charta короля Иоанна[39]. Поддержание status quo! О, конечно! Только для того, чтобы поддержать status quo, Россия вызвала восстание в Сербии, сделала Грецию независимой, присвоила себе протекторат над Молдавией и Валахией и удержала за собой часть Армении. Англия и Франция и пальцем не пошевелили, когда все это совершалось. Только один раз они подали признаки жизни: это было в 1849 г., когда им пришлось защищать не Турцию, а венгерских эмигрантов[40]. По мнению европейской дипломатии и даже европейской прессы весь восточный вопрос сводится к следующей дилемме: либо русские в Константинополе, либо — поддержание status quo. Ничего другого, кроме этой альтернативы, им никогда не приходило на ум.

Для иллюстрации обратимся к лондонской прессе. Мы видим, что «Times» выступает за расчленение Турции и объявляет турецкую расу неспособной больше управлять этим прекрасным уголком Европы. Со своим обычным искусством «Times» дерзко обрушивается на старую дипломатическую традицию поддержания status quo и заявляет, что дальнейшее сохранение status quo невозможно. Газета употребляет весь свой талант, чтобы доказать эту невозможность с самых различных точек зрения и засвидетельствовать симпатии Англии к новому крестовому походу против последних потомков сарацин. Никто не станет отрицать, что такое бесцеремонное нападение на обветшалую и бессмысленную фразу, которая еще два месяца тому назад была священной и для «Times», является заслугой. Но кто знает эту газету, тот знает также, что эта необычная смелость направлена непосредственно на обслуживание интересов России и Австрии. Выдвигаемые на столбцах «Times» правильные постулаты о полной невозможности сохранить Турцию в ее теперешнем состоянии служат только для того, чтобы подготовить английскую публику и весь мир к наступлению такого момента, когда важнейший пункт в завещании Петра Великого[41] — завоевание Босфора — станет совершившимся фактом.

Противоположную точку зрения представляет «Daily News», орган либералов. «Times», по крайней мере, постигает новую и верную сторону этого вопроса, правда, чтобы затем исказить ее в корыстных целях. На столбцах же либерального органа, наоборот, царит полнейшая ясность, но она является не более чем выражением *обывательского духа.* В самом деле, «Daily News» не видит дальше порога своего собственного дома. Эта газета ясно отдает себе отчет в том, что расчленение Турции

при теперешних обстоятельствах должно привести русских в Константинополь, что это было бы большим несчастьем для Англии, что миру во всем мире угрожала бы в этом случае опасность, а торговля на Черном море была бы подорвана и что возникла бы необходимость дальнейшего вооружения английских баз и усиления английского флота в Средиземном море. По этой причине «Daily News» стремится вызвать среди английской публики возмущение и страх. Разве раздел Турции не был бы таким же преступлением, как раздел Польши? Разве христиане не пользуются в Турции большей религиозной свободой, чем в Австрии и России? Разве турецкое правительство не является умеренным, отеческим правительством, позволяющим различным нациям, вероисповеданиям и местным корпорациям самим улаживать свои собственные дела? Разве Турция не рай по сравнению с Австрией и Россией? Разве жизнь и собственность там не гарантированы? И не является ли английская торговля с Турцией более значительной, чем с Россией и Австрией, вместе взятыми, и разве не растет она из года в год? И далее следует составленный в стиле сплошных дифирамбов, — поскольку «Daily News» вообще способна к дифирамбам, — апофеоз Турции, турок и всего турецкого, что должно казаться совершенно непостижимым большинству читателей этой газеты.

Ключ к этому странному энтузиазму по отношению к туркам можно найти в произведениях Давида Уркарта, эсквайра, члена парламента. Этот джентльмен, шотландец по происхождению, полный распространенных на его родине средневековых и патриархальных представлений, но получивший современное образование цивилизованного англичанина, попал, — провоевав три года с турками в Греции, — в Турцию и оказался первым из страстных почитателей турок. Романтический шотландский горец почувствовал себя вновь как дома, находясь в ущельях Пинда и Балкан. Его работы о Турции, хотя они и содержат много ценных сведений, можно свести к трем следующим парадоксам, которые звучат буквально так: 1) если бы г-н Уркарт не был британским подданным, он решительно предпочел бы быть турком; 2) если бы он не был пресвитерианским кальвинистом, он не желал бы принадлежать ни к какой иной религии, кроме ислама, и 3) Англия и Турция — единственные две страны на свете, которые пользуются самоуправлением, а также религиозной и гражданской свободой. Этот самый Уркарт стал с тех пор большим авторитетом в восточном вопросе для всех английских либералов, выступающих против Пальмерстона, и именно он снабжает

газету «Daily News» материалами для ее панегириков в честь Турции.

Единственный заслуживающий известного внимания аргумент сторонников такого подхода к вопросу состоит в следующем: «Утверждают, что Турция—в состоянии упадка. Но где он, этот упадок? Разве в Турции не происходит быстрого распространения цивилизации и расширения торговли? Там, где вы не видите ничего, кроме упадка, наши статистики доказывают только прогресс». Но было бы большой ошибкой приписывать все увеличивающуюся торговлю на Черном море одной только Турции, а между тем в данном случае так именно и поступают. Это все равно, как если бы мы захотели судить о способности к торговому и промышленному развитию Голландии—страны, являющейся проезжей дорогой к большей части Германии, — по ее огромным экспорту и импорту, представляющим собой на девять десятых только транзит. И вот то, что в отношении Голландии любой статистик сразу же признал бы грубой фальсификацией, вся английская либеральная пресса, включая ученый журнал «Economist», пытается навязать легковерной публике в отношении Турции. И, далее, кто ведет торговлю в Турции? Во всяком случае не турки. 'Когда они еще пребывали в своем первобытном кочевом состоянии, их метод ведения торговли заключался в ограблении караванов; теперь, когда они стали несколько более цивилизованными, он состоит во всевозможных произвольных и насильственных поборах. Греки, армяне, славяне и западно-европейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю, и у них нет решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за возможность ею заниматься. Удалите всех турок из Европы, торговля от этого ничуть не пострадает. А что касается прогресса цивилизации вообще, то кто же является носителем его во всех частях Европейской Турции? Во всяком случае не турки, так как количество их незначительно и они рассеяны по стране; едва ли можно утверждать, что они где-либо прочно осели, кроме Константинополя и двух-трех небольших сельских округов. Именно славянская и греческая буржуазия во всех городах и торговых пунктах является подлинной опорой всякого рода цивилизации, какая только действительно проникает в страну. Эта часть населения становится все богаче и влиятельнее, а турки все более и более оттесняются на задний план. Если бы они не имели монополии на гражданские и военные должности, они скоро совершенно исчезли бы. Но эта монополия станет невозможной в будущем, и сила турок

превратится в бессилие, сохраняясь лишь как препятствие на пути к прогрессу. Факт остается фактом — от турок следует освободиться. Тем не менее утверждать, что это можно сделать лишь путем замены турок русскими или австрийцами, значит одновременно утверждать, что теперешнее политическое состояние Европы будет продолжаться вечно. Но кто решится отстаивать такого рода утверждение?

Написано Ф. Энгельсом в конце марта 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3746, 19 апреля 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БЕРЛИНСКИЙ ЗАГОВОР

Лондон, пятница, 1 апреля 1853 г.

Наконец-то пятой из «великих держав», Пруссии, представился счастливый случай внести свой вклад в великие разоблачения «демагогических происков» революционеров, сделанные австрийской полицией[42].

«Правительство», — как уверяют нас его официальные органы, — «получив доказательство, что вожди демократической партии постоянно имели отношение к революционной пропаганде, приказало произвести 29 марта в Берлине домашние обыски, при этом удалось арестовать 40 человек, среди которых были Штрекфус и бывшие депутаты прусского Национального собрания — Берендс, Вальдек и другие. Обыски были произведены в домах 80 лиц, заподозренных в участии в заговоре. Были найдены оружие и боевые припасы».

Не удовлетворившись опубликованием этих «потрясающих фактов» в своих официальных органах, прусское правительство сочло уместным передать их по телеграфу английскому министерству иностранных дел.

Для того чтобы разоблачить тайну этого нового полицейского фарса, необходимо вернуться несколько назад. Спустя два месяца после coup d'etat* Бонапарта полицейпрезидент Берлина г-н Хинкельдей и его подчиненный, полицейский советник г-н Штибер, сговорились между собой: первому стать прусским *Мопа,* второму — прусским *Пьетри.* Прославленное всемогущество французской полиции, по-видимому, не давало им покоя. Хинкельдей обратился к г-ну фон Вестфалену, министру внутренних дел, сделав этому недалекому и фанатичному реакционеру (г-н фон Вестфален является моим шурином,

* — государственного переворота. *Ред.*

и я имел полную возможность познакомиться с его умственными способностями) лживое представление, доказывая необходимость сосредоточения всех полицейских сил прусского государства в руках полицейпрезидента Берлина. Он утверждал, что, для того чтобы сделать действия полиции более оперативными, она должна быть независимой от министра внутренних дел и доверена исключительно ему, Хинкельдею. Министр фон Вестфален представляет наиболее заскорузлые круги прусской аристократии, тогда как министр-президент г-н фон Мантёйфель представляет старую бюрократию. Оба они являются соперниками, и первый усмотрел в предложении Хинкельдея, несмотря на то что оно явно сужало сферу деятельности его собственного департамента, средство для нанесения удара своему сопернику, брат которого, г-н фон Мантёйфель, занимал пост директора в министерстве внутренних дел и ему специально был вверен контроль над всей полицией. Г-н фон Вестфален представил поэтому предложение Хинкельдея на рассмотрение Государственного совета, заседавшего под председательством самого короля[*].

Прения носили весьма ожесточенный характер. Мантёйфель, поддержанный принцем Прусским, возражал против предложения об учреждении независимого министерства полиции. Король склонялся к предложению г-на фон Вестфалена и в заключение предложил соломоново решение, заявив, что он последует примеру Бонапарта и создаст министерство полиции, «если необходимость подобного шага будет доказана ему фактами». Тогда для того, чтобы доставить такие факты, Хинкельдей и Штибер избрали дело кёльнских коммунистов. Вам уже известны их героические подвиги на кёльнском процессе[43]. После его окончания прусское правительство решило возвысить явного клятвопреступника Штибера. человека, которого освистывали при каждом его появлении на улицах Кёльна, возведя его в должность полицейдиректора Кёльна. Но вмешались г-н Бетман-Гольвег и другие благонамеренные консервативные депутаты Рейнской Пруссии, предупреждая министров, что подобное открытое оскорбление общественного мнения этой провинции может иметь весьма угрожающие последствия в момент, когда Бонапарт домогается *естественных границ* Франции[44]. Правительство уступило, удовольствовавшись назначением Штибера полицейдиректором Берлина в награду за клятвопреступления, совершенные им в Кёльне, и кражи, совершенные в Лондоне. На этом. однако, дело приостанови-

[*] — Фридриха-Вильгельма IV. *Ред.*

лось. Выполнить желание г-на Хинкельдея — создать для него независимое министерство полиции — на основе кёльнского процесса оказалось невозможным. Хинкельдей и Штибер выжидали благоприятного случая. К счастью, подоспело восстание в Милане. Штибер тотчас же произвел двадцать арестов в Берлине. Но затея была слишком смехотворной, чтобы начать судебное преследование. Однако затем последовало покушение Либени, и теперь король оказался вполне готовым принять решение. Охваченный ужасными опасениями, он тотчас признал необходимым иметь независимое министерство полиции, и Хинкельдей увидел свои мечты осуществленными. Королевский указ сделал его прусским *Мопа,* в то время как брат г-на фон Мантёйфеля подал в отставку. Самая поразительная часть комедии, однако, была еще впереди. Едва г-н Хинкельдей был возведен в новое звание, как немедленно был раскрыт «большой берлинский заговор». Этот заговор, следовательно, был устроен со специальной целью доказать необходимость г-на Хинкельдея. Это был подарок г-на Хинкельдея слабоумному королю в обмен на только что приобретенную полицейскую самодержавную власть. Помощник Хинкельдея, изобретательный Штибер, сделавший в Кёльне открытие, что все письма, оканчивающиеся словами «привет» и «братство», несомненно свидетельствуют о наличии коммунистического заговора, теперь сделал открытие, что в Берлине с некоторых пор появилось угрожающее количество «калабрийских шляп» и что калабрийская шляпа является, несомненно, «условным знаком» революционеров. Опираясь на это важное открытие, Штибер произвел 18 марта несколько арестов, главным образом среди рабочих и иностранцев, которых обвинили в ношении калабрийских шляп. 23-го того же месяца был произведен обыск в доме купца Карла Делиуса в Магдебурге, брата депутата второй палаты; он также имел роковое пристрастие к калабрийским шляпам. Наконец, как я сообщил в начале этой статьи, 29-го истекшего месяца в Берлине был произведен великий coup d'etat, направленный против калабрийских шляп. Все, кто сколько-нибудь знаком с мелкотравчатой оппозицией Вальдека, Берендса и других, весело посмеются по поводу «оружия и боевых припасов», обнаруженных у этих самых что ни на есть безобидных Брутов.

Но какой бы бессмысленной ни казалась эта полицейская комедия, разыгранная, так сказать, по чисто личным мотивам гг. Хинкельдея и Штибера, она не лишена значения. Прусское правительство раздражено пассивным сопротивлением, которое оно встречает повсюду. Оно ощущает дыхание революции

в атмосфере кажущейся апатии. Оно приходит в отчаяние, не находя этого призрака в осязаемой форме, и испытывает нечто вроде избавления от кошмара всякий раз, когда полиция доставляет ему реальное воплощение этого вездесущего, но невидимого врага. Правительство наступает, оно будет наступать и впредь, и оно преуспеет в деле превращения пассивного сопротивления народа в активное.

Написано К. Марксом 1 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3745, 18 апреля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧТО БУДЕТ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИЕЙ?

Мы видели, как государственные мужи Европы из-за упрямого невежества, традиционной рутины и унаследованной лености мысли избегают даже попытки дать ответ на этот вопрос. Абердин и Пальмерстон, Меттерних и Гизо, не говоря уже об их республиканских и конституционных преемниках периода 1848—1852 гг., имена которых никогда не будут упомянуты потомством, — все отчаялись найти какое-либо решение этого вопроса.

А тем временем медленно, но неуклонно, шаг за шагом подбирается к Константинополю Россия, невзирая на все дипломатические ноты, интриги и маневры Франции и Англии.

И хотя все партии во всех странах Европы признают этот факт постоянного продвижения России, тем не менее ни один из официальных государственных деятелей не сумел его объяснить. Они видят влияние этого факта, видят даже его конечные последствия, но причина все же остается для них скрытой, несмотря на то, что все объясняется очень просто.

Могущественным стимулом, толкающим Россию к овладению Константинополем, является не что иное, как то самое средство, при помощи которого имелось в виду удержать ее от этого, то есть пустая и никогда на деле не проводившаяся теория сохранения status quo.

В чем состоит status quo? Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией. И пока они остаются под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греко-православной церкви, в повелителе шестидесяти миллионов православных, кем бы он

ни был в других отношениях, *своего естественного освободителя и покровителя.* Таким образом, та самая дипломатическая система, которая изобретена для предотвращения русских захватов в Турции, вынуждает десять миллионов православных христиан в Европейской Турции обращаться за помощью к России.

Рассмотрим факты, известные нам из истории. Еще до царствования Екатерины II Россия не упускала ни одного случая, чтобы добиться для себя преимуществ в Молдавии и Валахии. В конце концов при заключении Адрианопольского договора (1829 г.)[45] ей удалось получить такие широкие привилегии, что вышеупомянутые княжества в настоящее время в большей мере подчинены России, чем Турции. Когда в 1804 г. вспыхнула сербская революция, Россия немедленно взяла под свою защиту восставших «райя» и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в двух договорах независимость их страны во внутренних делах[46]. А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? Не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы[47]. И вот в то время как Россия безбоязненно совершала дело расчленения Турции, западные дипломаты продолжали гарантировать и поддерживать как некую святыню status quo и неприкосновенность территории Оттоманской империи!

До тех пор пока традиционная политика сохранения любой ценой status quo и самостоятельности Турции в ее нынешнем состоянии будет руководящим принципом западной дипломатии, девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию.

Теперь предположим на миг, что с турецким владычеством на грекославянском полуострове покончено и что там существует форма правления, более отвечающая интересам народа. Каково было бы в этом случае положение России? Известно, что в каждом государстве, которое возникало на турецкой территории и достигало полной или частичной независимости, образовывалась сильная антирусская партия. И если это имело место тогда, когда русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета, чего же мы можем ожидать, когда страх перед этим гнетом исчезнет?

Но если власть турок будет оттеснена за Босфор, если различные национальности, населяющие Балканский полуостров,

обретут свободу и им будет предоставлена свобода вероисповедания, если откроются настежь двери для планов и махинаций, противоречивых стремлений и интересов всех великих держав Европы, — разве не вызовет это всеобщую войну? Такой вопрос задает дипломатия трусости и рутины.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы Пальмерстоны, Абердины, Кларендоны, различные министры иностранных дел на континенте оказались способными на что-либо подобное. Они не могут и подумать об этом без содрогания. Но тот, кто, изучая историю, научился воздавать должное вечным переменам в человеческих судьбах, в которых нет ничего постоянного, кроме самого непостоянства, ничего неизменного, кроме самого изменения; кто следит за неумолимым ходом истории, колесница которой безжалостно катится по развалинам империй, без малейшего сострадания сокрушая целые поколения; словом, кто не закрывает глаза на то, что никакие демагогические воззвания и мятежные прокламации не могут действовать так революционно, как простые и очевидные исторические факты — тот, кто только понял и оценил необычайно революционный характер нашей эпохи, в которой совместное действие пара и ветра, электричества и печатного станка, артиллерии и золотых россыпей производит в течение одного года больше изменений и революций, чем раньше происходило их на протяжении целого столетия, тот, наверное, не испугается постановки этого исторического вопроса только потому, что его надлежащее разрешение может повлечь за собой европейскую войну.

Нет, дипломатия и правительства, действующие на старый лад, никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и других великих проблем, выпадет на долю европейской революции. И вовсе не является самонадеянностью причислять этот на первый взгляд посторонний вопрос к тому, что законно входит в сферу этого великого движения. Начиная с 1789 г., границы революции неизменно передвигаются все дальше. Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых пункта, в которых должен быть атакован русский антиреволюционный колосс.

Было бы пустой игрой фантазии пытаться набросать подробный план возможного раздела территории Европейской Турции. Можно придумать, по крайней мере, двадцать таких проектов, любой из которых выглядел бы столь же пригодным, как и все остальные. То, что мы намерены предпринять, это

не сочинять фантастические программы, а сделать общие выводы из бесспорных фактов. А с этой точки зрения рассматриваемый вопрос имеет две стороны.

Во-первых, нельзя опровергнуть тот факт, что полуостров, называемый обычно Европейской Турцией, является естественным, унаследованным от предков достоянием южнославянской расы. Из двенадцати миллионов населения семь принадлежат к ней. Она владеет страной в продолжение двенадцати столетий. Не считая редкого населения, происходящего от славянского корня, но перенявшего греческий язык, соперниками славян являются только турецкие или арнаутские варвары, давно уже вызвавшие осуждение как самые закоренелые противники всякого прогресса. Наоборот, южные славяне являются единственными носителями цивилизации во внутренних частях страны. Они еще, правда, не образовали нации, но в Сербии они уже имеют сильное и сравнительно просвещенное национальное ядро. У сербов есть своя собственная история и своя собственная литература. Своей теперешней внутренней самостоятельностью они обязаны одиннадцатилетней отважной борьбе с противником, значительно превосходящим их численностью. За последние двадцать лет они добились быстрого роста культуры и средств цивилизации. Христиане в Болгарии, Фракии, Македонии и Боснии смотрят на Сербию как на центр, вокруг которого они все должны объединиться в будущей борьбе за независимость и национальное существование. И действительно, можно утверждать, что чем больше консолидируется Сербия и сербская национальность, тем больше оттесняется на задний план непосредственное влияние России на турецких славян. Ибо Сербия, для того чтобы занимать соответствующее положение как христианское государство, должна была заимствовать у Западной Европы свои политические учреждения, свои школы, свою науку, свою промышленную организацию. Этим объясняется та аномалия, что Сербия, несмотря на покровительство России, является конституционной монархией, притом с самого момента своего освобождения.

Как бы ни связывала русских и турецких славян их родственная близость и общность религии, все же их интересы начнут решительно расходиться с того дня, когда последние обретут свободу. Торговые потребности, вытекающие из географического положения обеих стран, делают это понятным. В России, компактной континентальной стране, преобладает производство сельскохозяйственных продуктов и когда-нибудь, возможно, разовьется и промышленное производство. Греко-славянский полуостров, занимающий незначительное простран-

ство по сравнению с огромной протяженностью его береговой линии, омываемой тремя морями, над одним из которых он господствует, является в настоящее время по преимуществу страной транзитной торговли, хотя и обладает превосходными ресурсами для развития собственной промышленности. Россия заинтересована в монополии, а южные славяне — в расширении рынка. Кроме того, они — конкуренты в Средней Азии, причем в то время как насущные интересы России требуют не допускать проникновения туда каких-либо других товаров, кроме своих собственных, южные славяне уже и сейчас весьма заинтересованы в ввозе западноевропейских товаров на восточные рынки. Как может при таких условиях установиться между обеими нациями взаимное согласие? И в самом деле, турецкие южные славяне и греки даже теперь имеют больше общих интересов с Западной Европой, чем с Россией. А когда железнодорожные линии, идущие ныне от Остенде, Гавра и Гамбурга к Пешту, будут продолжены до Белграда и Константинополя (как это сейчас проектируется), влияние западной цивилизации и западной торговли на юго-востоке Европы станет постоянным.

С другой стороны, славяне в Турции особенно сильно страдают от гнета военных оккупантов-мусульман, которых они должны содержать. Этот класс военных оккупантов объединяет в своих руках все государственные функции: военные, гражданские и судебные. Но разве русская правительственная система — повсюду, где она не переплетена с феодальными учреждениями, — не то же самое, что военная оккупация, при которой гражданская власть и судебная иерархия организованы по военному образцу и которую должен целиком оплачивать народ? А тот, кто полагает, что подобного рода система может прельстить южных славян, тот пусть ознакомится с историей Сербии, начиная с 1804 года. Кара-Георгий, основатель сербской независимости, был покинут народом, Милош Обренович, восстановивший эту независимость, был с позором изгнан из страны — и оба за то, что сделали попытку ввести русскую самодержавную систему с неотделимыми от нее коррупцией, полувоенной бюрократией и вымогательствами, наподобие тех, которые практикуются турецкими пашами.

Итак, вот каково простое и окончательное решение вопроса. История и современные факты в одинаковой мере указывают на необходимость основания в Европе на развалинах мусульманской империи свободного, независимого христианского государства. Уже ближайший революционный толчок по всей вероятности сделает это событие неизбежным, ибо в этом случае вряд ли дело обойдется без давно назревающего конфликта

между русским абсолютизмом и европейской демократией. Англия должна будет принять участие в этом конфликте, какое бы правительство ни стояло в этот момент у власти. Эта страна никогда не сможет согласиться с тем, чтобы Россия овладела Константинополем. Она должна будет выступить на стороне врагов царя и способствовать образованию независимого славянского правительства на месте одряхлевшей и обессилевшей Высокой Порты[48].

Написано Ф. Энгельсом в начале апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3748, 21 апреля 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БЕРЛИНСКИЙ ЗАГОВОР.— ЛОНДОНСКАЯ ПОЛИЦИЯ. МАДЗИНИ. — РАДЕЦКИЙ

Лондон, пятница, 8 апреля 1853 г.

В то время, когда я писал свою последнюю статью о большом заговоре, раскрытом г-ном Штибером*, я еще не мог знать, что мой взгляд на это дело будет более или менее подтвержден двумя консервативными берлинскими газетами. Газета «Preusisches Wochenblatt»[49], орган консервативной фракции, возглавляемой г-ном Бетман-Гольвегом, была 2 апреля конфискована за то, что рекомендовала своим читателям «не слишком доверять сказкам полиции по поводу последних арестов». Но гораздо большее значение имеет статья, появившаяся в «Zeit»[50] — полуофициальной газете той группы в прусском правительстве, которую возглавляет г-н фон Мантёйфель. «Zeit» вынуждена сделать следующее признание:

«Кто не поражен слепотой, тот не может не видеть, что многочисленные и неразрешимые осложнения в общем положении Европы должны рано или поздно привести к страшному взрыву. Искренние старания европейских великих держав могут на время отсрочить этот взрыв, но они совершенно не в состоянии вообще предотвратить его, хотя бы они сделали все, что в силах человеческих... Мы считаем своим долгом не скрывать дальше, что недовольство распространяется все шире; *оно тем опаснее и тем больше заслуживает серьезного внимания, что оно не показывается на поверхности, а все глубже и глубже укореняется в умах людей.* Следует сказать без обиняков, что это недовольство вызывается попытками осуществить в Пруссии контрреволюцию — попытками, которые недавно с невероятным etourderie** выставлялись напоказ».

«Zeit» допускает ошибку только в своем заключении. Прусской контрреволюции отнюдь не кладется сейчас начало,

* См. настоящий том, стр. 27—30. *Ред.*
** — легкомыслием. *Ред.*

наоборот, она близка к своему завершению. Это — не новое явление, оно началось еще 20 марта 1848 г. и с этого дня неуклонно усиливалось. В настоящий момент прусское правительство вынашивает два крайне опасных проекта. Один из них ограничивает свободу раздела недвижимого имущества, а другой отдает народное образование под опеку церкви. Трудно было бы придумать две другие меры, более способные оттолкнуть крестьянство Рейнской Пруссии и буржуазию всего королевства. Отмечу еще в качестве курьеза принудительный роспуск Берлинского гигиенического общества (Союза взаимопомощи больных) в связи с «раскрытием большого заговора». Общество это насчитывало около 10000 членов, принадлежавших к рабочему классу. Правительство убеждено, по-видимому, что существующая конституция прусского государства несовместима с «гигиеной».

Лондонская пресса, не подозревавшая до сих пор о действиях лондонской полиции, была удивлена сообщением венской «Presse»[51] и ведущей реакционной газеты Бельгии «Emancipation»[52] о том, что лондонская полиция составила списки всех проживающих в Лондоне политических эмигрантов с различными подробностями, касающимися их личных дел и поведения.

«Раз подобная система допускается в отношении иностранцев», — восклицает газета «Morning Advertiser», — «она будет применяться для ознакомления с подробностями личной жизни и наших соотечественников всякий раз, когда правительство или любой из его членов сочтут это целесообразным... Не прискорбно ли, что лондонские полицейские будут призваны исполнять ту же позорную роль, для которой предназначены их коллеги на континенте?»

Кроме упомянутых сообщений бельгийской и других газет, в лондонской прессе сегодня помещено телеграфное сообщение из Вены о том, что

«вопрос об эмигрантах разрешен: британское правительство обещало тщательно следить за эмигрантами и карать их по всей строгости законов всякий раз, когда они будут уличены в участии в каких-либо революционных интригах».

«Morning Advertiser» замечает по этому поводу:

«Никогда еще Англия не выглядела столь униженной, как сейчас, когда она пала ниц перед Австрией. Ничто не может сравниться с этим унижением. Дойти до него было суждено коалиционному кабинету».

Мне стало известно из весьма достоверного источника, что судебные чиновники короны собираются возбудить преследование против Мадзини, как только будет подтверждено его пребывание в Лондоне. С другой стороны, я слышал, что в

палате общин будет сделан запрос министрам относительно их скандальной сделки с Австрией и вообще относительно их намерений в вопросе об эмигрантах.

Я писал в одной из своих предыдущих статей, что Радецкий был рад воспользоваться миланским восстанием в качестве повода, «для того, чтобы под фальшивыми предлогами заполучить деньги»[53]. Эта точка зрения была вскоре подтверждена самым недвусмысленным образом. В одной из своих последних прокламаций Радецкий объявил аннулированными и недействительными все долговые обязательства и закладные, выданные с 1847 г. под имения ломбардских эмигрантов, на которые был наложен секвестр. Эта конфискация не может быть оправдана ничем иным, кроме horror vacui*, испытываемой австрийской казной. Сентиментальная буржуазия всюду принесла революцию в жертву своему богу, именуемому Собственностью. Теперь контрреволюция отрекается от этого бога.

По подводному кабелю сегодня получено сообщение, что князь Меншиков заключил соглашение с Портой, что русские войска получили приказ отойти от турецких границ и что восточный вопрос на этот раз опять улажен.

Написано К. Марксом 8 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3748, 21 апреля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — боязни пустоты. *Ред.*

К. МАРКС

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ГИРША

«Добровольные признания» Гирша[54], как мне представляется, стоят чего-либо лишь постольку, поскольку они подтверждаются другими фактами, именно потому, что эти признания противоречат друг другу. Возвратившись из Кёльна по окончании своей миссии, Гирш на одном открытом рабочем собрании заявил, что Виллих является его сообщником. Естественно, что предложение запротоколировать это мнимое признание было с презрением отвергнуто. Различные лица намекали мне, — не знаю, делалось ли это по поручению Гирша или независимо от пего, — что Гирш якобы выразил готовность сделать мне полное признание. Я это отклонил. Позднее мне стало известно, что Гирш находится в крайней нищете. Поэтому я не сомневаюсь в том, что его «самые последние» признания написаны в интересах той партии, которая его в данный момент *оплачивает.* Удивительно, что находятся люди, которые считают необходимым укрываться за спиной какого-то Гирша.

Ограничусь пока несколькими замечаниями. Мы располагаем некоторыми другими добровольными признаниями шпионов — Видока, Шеню, Делаода[55] и пр. В одном пункте они совпадают. Все эти шпионы не обычные шпионы, а шпионы благородные, подлинные отпрыски «куперовского шпиона»[56]. Их добровольные признания неизбежно представляют собой лишь самооправдание.

Гирш, например, пытается намекнуть, что не он, а полков-пик Бандья донес Грейфу, а последний сообщил Флёри о дне собраний моих партийных товарищей. Наши собрания в тех

нескольких случаях, когда на них присутствовал Гирш, происходили по четвергам; однако после того, как Гирш был изгнан, они стали проводиться по средам. Поддельные же протоколы заседаний[57], как до участия Гирша, так и после его изгнания, датированы четвергом. Кто же, кроме Гирша, мог допустить подобное «недоразумение»!

По другому пункту Гирш оказался счастливее. Бандья, согласно утверждению Гирша, неоднократно передавал сведения относительно моей переписки с Германией. Поскольку все имеющие отношение к этому данные в материалах кёльнского судебного процесса фальшивы, то, конечно, трудно решить, кто их сочинил. Перейдем теперь к Бандье.

Является Бандья шпионом или нет, — он никогда не мог стать опасным для меня или моих партийных товарищей, ибо я *никогда* не говорил с ним о *моих* партийных делах, да и сам Бандья, — как он напомнил мне об этом в одном из своих оправдательных писем, — всячески избегал заводить разговор об этих делах. Итак, шпион он или нет, он не мог ничего выдать, потому что ничего не знал. Это подтвердили материалы кёльнского процесса. Они подтвердили, что за исключением тех признаний, которые были сделаны в Германии, и документов, захваченных там же, прусская полиция ничего больше не знала о партии, к которой я принадлежу, и поэтому была вынуждена преподносить самые нелепые небылицы.

Но Бандья продал полиции брошюру Маркса «об эмигрантах»?[58]

В присутствии других лиц Бандья узнал от меня, что Эрнст Дронке, Фридрих Энгельс и я намерены напечатать сочинение о немецкой эмиграции в Лондоне, которое должно было публиковаться в нескольких выпусках. Бандья заверил, что он смог бы в Берлине подыскать издателя. Я предложил ему немедленно навести справки. Дней через восемь—десять он сообщил, что один берлинский книгоиздатель, некий Эйзерман, согласен взять на себя издание *первого* выпуска при условии, что авторы останутся анонимными, так как в противном случае он опасается конфискации. Я на это пошел, но, со своей стороны, выдвинул условие, чтобы гонорар был уплачен сразу же посла вручения рукописи, — я хотел избежать повторения опыта, который я имел с «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung»[59], — и чтобы рукопись была напечатана немедленно после ее доставки. Я поехал к Энгельсу в Манчестер, где мы написали брошюру. Тем временем Бандья доставил моей жене письмо из Берлина, в котором Эйзерман принимал мои условия, но указывал, что опубликование второго выпуска будет зависеть от

распространения первого. Когда я вернулся, Бандья получил рукопись, а я — гонорар.

Печатание, однако, затягивалось под всевозможными благовидными предлогами. Я стал кое-что подозревать; отнюдь не то, что рукопись была передана полиции для того, чтобы полиция ее напечатала. Я готов сегодня же вручить мои рукописи даже русскому императору, если бы он, со своей стороны, согласился завтра же сдать их в печать. Напротив, я опасался именно того, что рукопись будут держать под спудом.

В рукописи мы нападали на модных крикунов, конечно, не потому, что они опасные для государства революционеры, а потому, что они играют роль контрреволюционного отребья.

Мои подозрения подтвердились. Георг Веерт, которого я просил навести справки в Берлине об Эйзермане, написал мне, что никакого Эйзермана ему разыскать не удалось. Вместе с Дронке я отправился к Бандье. Эйзерман теперь уже оказался всего лишь управляющим у Якоба Кольмана. Так как для меня было важно иметь заявление Бандьи в письменном виде, я настоял на том, чтобы он в моем присутствии написал письмо Энгельсу в Манчестер, повторил в нем все сказанное мне и сообщил адрес Кольмана. Одновременно я написал несколько строк Бруно Бауэру с просьбой узнать, кто живет в том доме, на который мне указал Бандья как на дом Кольмана. Однако ответа я не получил. Мнимый же издатель на мои многократные письма ответил мне, что я никаким *контрактом* не оговорил точной даты выхода рукописи в свет и что ему лучше знать, когда для этого наступит подходящий момент. В последующем письме он разыграл роль обиженного. Наконец, Бандья заявил мне, что издатель отказывается напечатать рукопись и перешлет ее обратно. Сам же Бандья скрылся в Париже.

Берлинские письма и письма Бандьи, содержащие все переговоры, а также попытки Бандьи оправдаться, находятся в моих руках.

Но почему меня не смутили подозрения, которые немецкая эмиграция распространяла в отношении Бандьи? Да потому, что я знал «предысторию» этих подозрений. Оставляю пока эту предысторию, как она того заслуживает, в тени.

Потому, что я *знал,* что Бандья во время венгерской войны в качестве революционного офицера выполнял подобного рода поручения. Потому, что он переписывался с Семере, к которому я отношусь с уважением, и находился в дружественных отношениях с генералом Перцелем. Потому, что я своими глазами видел документ, в котором *Кошут* назначал Бандью своим на-

чальником полиции in partibus*, — документ, скрепленный подписью доверенного лица Кошута графа Сирмои, проживавшего в одном доме с Бандьей. Эта должность, которую Бандья занимал у Кошута, также объясняет необходимое общение Бандьи с полицейскими. Если не ошибаюсь, Бандья еще и в настоящее время является агентом Кошута в Париже.

Венгерские лидеры знали, с кем они имели дело. Чем же по сравнению с ними рисковал я? Ничем, кроме возможности утайки копии рукописи, оригинал которой я сохранил у себя.

Позднее я сделал запрос книгоиздателю Лициусу во Франкфурте-на-Майне и другим издателям в Германии, не пожелают ли они издать упомянутую рукопись. Они ответили, что в настоящих условиях это невозможно. За последнее время появилась надежда на издание рукописи за пределами Германии.

После этих разъяснений, которые я, разумеется, адресую не г-ну Гиршу, а моим соотечественникам в Америке, остается ли «открытым» вопрос, почему прусская полиция была заинтересована в том, чтобы держать под спудом памфлет против Кинкеля, Виллиха и прочих «великих мужей эмиграции»?

О Эриндур, объясни мне
Эту двойственность натуры!**

Лондон, 9 апреля 1853 г.

Написано К. Марксом 9 апреля 1853 г.

Напечатано о «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» 5 мая 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — in partibus infidelium — за границей (буквально: «в стране неверных»— добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

** Из драмы Мюльнера «Вина», акт II, сцена пятая. *Ред.*

THE

People's Paper

THE CHAMPION OF

POLITICAL JUSTICE AND UNIVERSAL RIGHT.

50] LONDON, SATURDAY, APRIL 16, 1853. [Price Fourpence.

К. МАРКС

НОВАЯ ФИНАНСОВАЯ МАХИНАЦИЯ, ИЛИ ГЛАДСТОН И ПЕНСЫ [60]

Наши читатели знают по собственному горькому опыту и убедились, ощущая пустоту в своих карманах, что в результате совершенных в прошлом финансовых махинаций на плечи народа был взвален государственный долг, равный 800000000 фунтов стерлингов. Этот долг был сделан главным образом для того, чтобы предотвратить освобождение американских колоний и противодействовать французской революции прошлого столетия. Влияние роста государственного долга на увеличение государственных расходов можно увидеть из следующей таблицы:

1. Государственный долг[61]

При вступлении на престол королевы Анны после смерти Вильгельма (1701)	16 394 702 ф. ст.
При вступлении на престол Георга I (1714)	54 145 363 » »
К началу царствования Георга II (1727)	52 092 235 » »
К началу правления Георга III (1760)	146 682 844 » »
После американской войны (1784)	257 213 043 » »
К концу антиякобинской войны (1801)	579 931 447 » »
В январе 1810 г. (во время наполеоновской войны)	811 898 082 » »
После 1815 г.	—около 1 000 000 000 » »

2. Государственные расходы

Все расходы, включая проценты по государственному долгу, составляли:

При вступлении на престол королевы Анны после смерти Вильгельма (1701)	5 610 987 ф. ст.
При вступлении на престол Георга I (1714)	6 633 581 » »
К началу царствования Георга II (1727)	5 441 248 » »
К началу правления Георга III (1760)	24 456 940 » »
К концу антиякобинской войны (1801)	61 278 018 » »

3. Государственные налоги

При королеве Анне (1701)	4 212 358	ф. ст.
При короле Георге I (1714)	6 762 643	» »
При короле Георге II (1727)	6 522 540	» »
При короле Георге III (1760)	8 744 682	» »
После американской войны (1784)	13 300 921	» »
После антиякобинской войны (1801)	36 728 971	» »
В 1809 г.	70 240 226	» »
После 1815 г. около	82 000 000	» »

Народ хорошо знает, испытав это на своем собственном кармане, каким бременем являются налоги, вызванные государственным долгом; однако многим неизвестны те специфические формы, в которых этот долг существовал в период его образования и продолжает существовать в настоящее время. «Государство» — это воплощение совместного господства объединившихся земельных и денежных магнатов — нуждается в деньгах для того, чтобы осуществлять угнетение внутри страны и за ее пределами. Оно занимает деньги у капиталистов и ростовщиков и выдает им взамен клочок бумаги, которым обязуется уплачивать определенную сумму в виде процентов за каждые 100 ф. ст., взятые взаймы. Средства для выплаты этих денег оно выжимает из рабочего класса посредством налогов и, таким образом, народ является поручителем за своих угнетателей перед людьми, которые ссужают этим угнетателям деньги для того, чтобы они душили народ. Займы, составляющие государственный долг, носят различные наименования; иногда по ним уплачивают 3, иногда $3^1/_2$ или 4 процента и т. д., и, соответственно процентной ставке, а также другим условиям, государственные ценные бумаги называются по-разному — трехпроцентными и т. д.

Так как не только рабочий класс, но также фабриканты и лендлорды вынуждены оплачивать известную долю этих процентов и они стремятся платить как можно меньше, то каждый канцлер казначейства, если только он не виг, пытается тем или иным способом соответственно уменьшить тяжесть этого бремени.

6 апреля, прежде чем был внесен бюджет нынешнего министерства, г-н Гладстон предложил палате общин несколько резолюций относительно государственного долга. Еще до этого выступления газета «Morning Chronicle» сообщила, что должны быть внесены крайне важные резолюции, «имеющие, согласно слухам, огромное значение и представляющие исключительный интерес». Благодаря этим слухам курс государственных

ценных бумаг поднялся. Создалось впечатление, что Гладстон собирается погасить государственный долг. Итак, «чего ради был поднят весь этот шум»?[62]

Конечной целью предложений г-на Гладстона было, как заявил он сам, понижение процента по различным государственным бумагам до 21/2. В 1822—1823, 1824—1825, 1830—1831, 1844—1845 гг. уже имело место понижение процента соответственно с 5 до $4^1/_2$, с $4^1/_2$ до 4, с 4 до $3^1/_2$, с $3^1/_2$ до 3. Почему же не понизить и теперь процент с 3 до $2^1/_2$?

Но посмотрим, каким образом г-н Гладстон предлагает достичь эту цель.

Во-первых, он предлагает объединить под одним общим названием различные бумаги на сумму в 9500000 ф. ст., связанные главным образом со старой дутой Компанией Южных морей[63], и принудительно понизить процент по ним с 3 до $2^3/_4$. Это даст постоянную ежегодную экономию приблизительно в 25000 фунтов стерлингов. Изобретение нового общего названия для различных бумаг и экономия в 25000 ф. ст. при ежегодных расходах в 30000000 ф. ст., право, не заслуживают особого восхищения.

Во-вторых, он предлагает выпустить новые ценные бумаги под названием бон казначейства на сумму, не превышающую 30000000 фунтов стерлингов. Эти боны могут размещаться без взимания каких-либо комиссионных, принося до 1 сентября 1864 г. $2^3/_4$ процента, а начиная с этого срока до 1 сентября 1894 г. — $2^1/_2$ процента. Это означает не что иное, как создание нового финансового механизма в интересах денежного и торгового класса. Когда он говорит «без комиссионных», это значит без всяких расходов для купцов из Сити. В настоящее время имеются векселя казначейства на сумму в 18000000 ф. ст., приносящие $1^1/_2$ процента. Не является ли убытком для страны платить по *бонам* казначейства на 1 процент больше чем по векселям казначейства? Во всяком случае, это второе предложение ни в коей мере не способствует уменьшению государственного долга. *Векселя* казначейства могут обращаться только в Великобритании, *боны* же казначейства могут передаваться как обыкновенные векселя; таким образом, это мероприятие выгодно только купцам Сити, народ же должен будет заплатить за него дорогой ценой.

Теперь, наконец, мы переходим к единственному важному пункту, к трехпроцентным консолям и к «трехпроцентным пониженным» бумагам, составляющим вместе капитал почти в 500000000 фунтов стерлингов. Поскольку существует постановление парламента, запрещающее принудительное пони-

жение процента по этим бумагам без предварительного предупреждения за, двенадцать месяцев, г-н Гладстон избирает метод добровольного обмена и предлагает на усмотрение держателей трехпроцентных бумаг различные комбинации по обмену их на другие бумаги, которые должны быть выпущены согласно его проекту. Держатели трехпроцентных бумаг смогут выбрать один из следующих трех способов обмена каждых 100 ф. ст. в этих бумагах:

1. Частичный обмен трехпроцентных бумаг на боны казначейства: каждые 100 ф. ст. в этих бумагах меняются на бону казначейства такого же достоинства, приносящую ежегодно в виде процентов 2 фунта 15 шилл. до 1864 г. и после этого до 1894 г. — 2 фунта 10 шиллингов. Если бы $2^1/_2$-процентные боны казначейства на всю сумму в 30000000 ф. ст. заменили собой трехпроцентные бумаги на сумму в 30000000 ф. ст., то получилась бы экономия, равная в течение первых десяти лет 75000 ф. ст., а позднее— 150000 ф. ст., всего же — 225000 фунтам стерлингов. Однако правительство было бы обязано по истечении сорока лет выплатить все 30000000 фунтов стерлингов. Этот проект ни в какой мере не ведет ни к ликвидации, ни к сколько-нибудь значительному сокращению государственного долга. Что значит экономия в 225000 ф. ст., когда ежегодный расход составляет 30000000 фунтов стерлингов?

2. Согласно второму предложению, держатели трехпроцентных бумаг за каждые 100 ф. ст. в этих бумагах могут получить 82 фунта 10 шилл. новыми $3^1/_2$-процентными бумагами, по которым до 5 января 1894 г. будут уплачиваться проценты в размере 3 фунтов 10 шилл. со 100 фунтов стерлингов. Результатом явилось бы то, что лица, согласившиеся принять $3^1/_2$-процентные бумаги, получали бы с каждых теперешних 100 ф. ст. вместо 3 фунтов 2 фунта 17 шилл. 9 пенсов дохода, то есть на 2 шилл. 3 пенса меньше. Если бы все 500000000 ф. ст. были обменены подобным образом, нация должна была бы выплачивать ежегодно вместо нынешних 15000000 ф. ст. только 14437500 ф. ст., что означало бы экономию в 562500 ф. ст. в год. Но ради этой экономии в 562500 ф. ст. парламент должен связать себе руки на целое полстолетие и гарантировать процент, превышающий $2^4/_5$, в такое неустойчивое время, когда крайне ненадежна любая процентная ставка! Однако Гладстон выиграл бы одно: по истечении сорока лет вместо трехпроцентных бумаг, *ограждаемых* в настоящее время правилом о двенадцатимесячном предупреждении, имелись бы $3^1/_2$-процентные бумаги, которые парламент мог бы выкупить по номинальной

стоимости. Гладстон предлагает не устанавливать предельной суммы для выпуска этих $3^1/_2$-процентных бумаг.

3. Третье предложение состоит в следующем: вместо каждых 100 ф. ст. в трехпроцентных бумагах держатели получают 110 ф. ст. новыми $2^1/_2$-процентными бумагами, с уплатой процентов до 1894 года. Когда г-н Гладстон 6 апреля впервые внес свой проект в палату общин, он не ограничивал суммы подлежащих выпуску новых $2^1/_2$-процентных бумаг. Но когда г-н Дизраэли указал на то, что, сравнив это предложение с двумя другими, каждый разумный человек предпочтет обменять 100 ф. ст. в трехпроцентных бумагах на 110 ф. ст. в $2^1/_2$-процентных и что в результате обмена 500000000 ф. ст. трехпроцентными бумагами на новые бумаги нация, с одной стороны, сберегала бы 1250000 ф. ст. ежегодно, но зато, с другой стороны, государственный долг увеличился бы на 50000000 ф. ст., — г-н Гладстон на следующий день изменил свой проект и предложил ограничить выпуск новых $2^1/_2$-процентных бумаг 30000000 фунтов стерлингов. Из-за этого ограничения его предложение теряет почти всякое влияние на громадную сумму государственного долга; оно увеличивает ее лишь на 3000000 фунтов стерлингов.

Теперь вы знаете, что представляет собой «один из наиболее важных и грандиозных финансовых проектов, которые когда-либо вносились». Быть может, вообще нет большего надувательства, чем так называемые финансы. Простейшие операции, касающиеся бюджета и государственного долга, жрецы этой «тайной науки» облекают в непонятную терминологию, за которой скрываются обыденные уловки с выпуском бумаг различных наименований, обменом старых бумаг на новые, понижением процента и повышением номинальной величины основной суммы, повышением процента и уменьшением основной суммы, установлением премий, бонусов и привилегированных вкладов, введением различия между погашаемыми и непогашаемыми аннуитетами и искусственной градацией льгот по передаче различных бумаг. Вся эта отвратительная биржевая схоластика и невероятное нагромождение деталей совершенно сбивают с толку публику. В то же время каждая такая финансовая операция создает благоприятную возможность для усиления вредоносной и хищнической деятельности ростовщиков, которые алчно стремятся использовать эту возможность. Без сомнения, г-н Гладстон является мастером подобного рода финансовой алхимии, и его предложение не может быть лучше охарактеризовано, чем словами г-на Дизраэли:

«Мне кажется, что изобретательность и ум самых ловких казуистов никогда не смогли бы придумать более сложного и замысловатого меха-

низма для получения столь ничтожных результатов. В сочинении Фомы Аквинского есть глава, в которой рассматривается вопрос, сколько ангелов могло бы танцевать на острие иглы. Это — одно из самых редкостных рассуждений, какое только мог породить человеческий гений, и я нахожу в предлагаемых резолюциях нечто общее с этим выдающимся творением ума».

Мы уже указывали, как вы помните, что конечной целью плана Гладстона было введение «нормальных» $2^1/_2$-процентных государственных ценных бумаг. И вот для достижения этой цели он намерен выпустить весьма ограниченное число этих $2^1/_2$-процентных бумаг и неограниченное число $3^1/_2$-процентных. Для осуществления ограниченного выпуска $2^1/_2$-процентных бумаг он понижает процентную ставку на $^1/_2$ процента и увеличивает основную сумму посредством десятипроцентного бонуса. Для того чтобы избавиться от трудности, доставляемой законодательством о трехпроцентных бумагах, на основании которого эти бумаги ограждены двенадцатимесячным предупреждением, он предпочитает связать себя определенным законом на полвека вперед. Короче говоря, если он добьется своего, английский народ в течение полустолетия будет лишен каких-либо шансов освободиться от финансовых пут.

Всякий согласится, что если билль об отмене ограничений прав евреев был маленькой попыткой установления религиозной терпимости, что если билль о канадском резервном фонде был маленькой попыткой признания колониального самоуправления, а резолюция об образовании была маленькой попыткой обойти вопрос о народном образовании, то финансовый проект Гладстона является самой маленькой попыткой справиться с гигантским чудовищем, именуемым государственным долгом Великобритании.

Написано К. Марксом 12 апреля 1853 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 50, 16 апреля 1853 г.

Подпись: К. М.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ДОСТИЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА [64]

Лондон, вторник, 12 апреля 1853 г.

Самое лучшее, по-видимому, что можно сказать в пользу коалиционного министерства, это то, что оно выражает бессилие власти в переходный момент, когда возможным является не реальное правительство, а лишь его видимость, когда старые партии сходят со сцены, а новые еще не консолидировались.

Каковы же достижения «правительства всех талантов» в течение первого квартала его деятельности? Два чтения билля об отмене ограничений прав евреев и три чтения билля о канадском церковном резервном фонде. Последний билль даст возможность канадскому законодательному органу распоряжаться некоторой частью доходов от продажи земель — доходов, которые прежде шли исключительно в пользу привилегированных англиканской и пресвитерианской церквей. Когда этот билль впервые был внесен в палату общин лордом Джоном Расселом, он состоял из трех статей. Третья статья предусматривала отмену закона, в силу которого за счет государственного консолидированного фонда следовало покрывать дефицит в те годы, когда сумма, вырученная от продажи канадских земель, не достигала 9285 фунтов стерлингов. Этот билль был принят во втором чтении, но когда он обсуждался в палате, заседавшей в качестве комитета[65] (18 марта), лорд Джон неожиданно предложил изъять им же внесенную третью статью. Следовательно, если бы канадский законодательный орган секуляризировал церковный резервный фонд, английскому народу пришлось бы ежегодно выплачивать из своего кармана около 10000 ф. ст. на содержание секты, находящейся от него на расстоянии нескольких тысяч миль. Радикальный министр

сэр У. Молсуорт, который возражает против каких-либо субсидий духовенству, сам стал, по-видимому, приверженцем доктрины лорда Джона, согласно которой «британские колонии могут быть освобождены от такого бремени как государственная церковь только за счет английского народа в метрополии».

В течение первых трех месяцев деятельности министерства радикалы внесли три резолюции. Г-н Коллиер предложил упразднить церковные суды, г-н Уильямс предложил, чтобы налог на наследуемое имущество и пошлины, уплачиваемые при утверждении завещаний, были распространены также на недвижимое имущество, а г-н Юм предложил отменить все «чисто покровительственные» пошлины. Министерство, само собой разумеется, воспротивилось этим «радикальным» реформам. Однако коалиционное министерство противится им совершенно иным способом, чем это делают тори. Последние твердо заявили о своем решении сопротивляться «посягательствам демократии». Коалиционное же министерство фактически делает то же самое, но делает это под предлогом необходимости более тщательной подготовки реформ. Оно живет реформами, подобно тому как другие министерства жили злоупотреблениями. Делая вид, что оно ревностно занимается реформами, оно фактически придумало совершенную систему для их оттягивания: то «желательно дождаться результатов предстоящего расследования», то «только что назначена комиссия и ничего нельзя сделать до получения ее заключения», то «правительство как раз занято рассмотрением этого вопроса» и надеется, что его напряженная умственная работа не будет прервана, то «вопрос заслуживает внимания палаты и будет обсуждаться, когда представится подходящий случай», «надлежащее время еще не наступило», «недалеко уже то время, когда будет необходимо кое-что сделать». Частичные мероприятия должны быть отсрочены для того, чтобы реорганизовать всю систему, либо же вся система должна быть сохранена для того, чтобы провести частичные мероприятия. «Политика воздержания», провозглашенная в восточном вопросе, является также и внутренней политикой министерства.

Когда лорд Джон Рассел впервые огласил программу коалиционного министерства и она произвела всеобщее замешательство, его сторонники воскликнули: «Мы должны иметь что-то такое, что вызывало- бы энтузиазм. Пусть речь будет идти о народном образовании. Наш Рассел вынашивает поразительный план организации народного образования. Вы еще услышите об этом».

Теперь мы об этом услышали. 4 апреля Рассел охарактеризовал в общих чертах проектируемую им реформу образования.

Ее основные моменты заключаются в предоставлении муниципальным советам права взимать местный налог для поддержания *существующих* школ, которым вменяется в обязанность преподавание догматов англиканской церкви. Что же касается университетов, этих баловней государственной церкви, этих главных противников всякой реформы, то лорд Джон надеется, «что университеты сами реформируют себя». Хорошо известны злоупотребления благотворительными фондами, предназначенными для учебных заведений. О размерах этих фондов можно составить себе представление по следующим данным:

«Имеется 24 ежегодно пополняемых благотворительных фонда размером от 2000 до 3000 ф. ст., 10 — размером от 3000 до 4000 ф. ст., 4 — размером от 4000 до 5000 ф. ст., 2 — размером от 5000 до 6000 ф. ст., 3 — размером от 8000 до 9000 ф. ст. и по одному размером в 10000 ф. ст., 15000 ф. ст., 20000 ф. ст., 25000 ф. ст., 30000 ф. ст. и 35000 фунтов стерлингов».

Не требуется особой проницательности для того, чтобы догадаться, почему олигархи, живущие за счет злоупотреблений этими фондами, проявляют весьма большую осторожность в обращении с ними. Рассел предлагает:

«Дела о благотворительных фондах с поступлениями, не превышающими 30 ф. ст. в год, должны рассматриваться в судах графств, а в случае превышения этой суммы — в канцлерском суде хранителем архивов. Однако ни в одном из этих судов *дело не* должно возбуждаться *без разрешения комитета Тайного совета, назначенного для этой цели».*

Чтобы возбудить в королевских судах дело о возмещении расхищенных благотворительных фондов, первоначально предназначенных для народного образования, требуется *разрешение* комитета. Разрешение! Но Рассел, даже выдвинув эту оговорку, не чувствует себя совершенно уверенным. Он добавляет:

«Если обнаружится, что администрация какой-либо школы *виновна* в злоупотреблениях, *никому кроме комитета Тайного совета не будет разрешено вмешиваться».*

Это — настоящая реформа в старом английском смысле этого слова. Она не создает ничего нового и не упраздняет ничего старого. Ее целью является сохранение прежней системы путем придания ей новой, более приемлемой формы, путем, так сказать, обучения ее новым манерам. Такова тайна «традиционной мудрости» английского олигархического законодательства. Суть этого, попросту говоря, состоит в том, что злоупотреблениям придается традиционный характер, для чего их, если так можно выразиться, время от времени обновляют путем вливания свежей крови.

Если, как всякий согласится, билль об отмене ограничений прав евреев был *маленькой* попыткой установления религиозной терпимости, если билль о канадском резервном фонде был *маленькой* попыткой признания колониального самоуправления, а билль об образовании был *маленькой* попыткой обойти вопрос о народном образовании, то финансовый проект Глад-стона несомненно является *самой маленькой* попыткой справиться с гигантским чудовищем, именуемым государственным долгом Великобритании.

6 апреля, до обнародования бюджета, г-н Гладстон предложил палате общин несколько резолюций относительно государственного долга. Еще до этого выступления газета «Morning Chronicle» опубликовала специальное сообщение, что должны быть внесены крайне важные резолюции, «имеющие, согласно слухам, огромное значение и представляющие исключительный интерес». Благодаря этим слухам курс государственных ценных бумаг поднялся. Создалось впечатление, что Гладстон собирается погасить государственный долг. Однако, когда 8 апреля палата заседала в качестве комитета для рассмотрения этих резолюций, Гладстон неожиданно изменил их и притом таким образом, что они совершенно утратили и «значение» и «интерес». Теперь давайте спросим вместе с г-ном Дизраэли: «Чего ради был поднят весь этот шум?»

Конечной целью предложений г-на Гладстона было, как заявил он сам, понижение процента по различным государственным бумагам до $2^1/_2$. В 1822—1823, 1824—1825, 1830—1831, 1844—1845 гг. уже имело место понижение процента соответственно с 5 до $4^1/_2$, с $4^1/_2$ до 4, с 4 до $3^1/_2$, с $3^1/_2$ до 3. Почему же не понизить и теперь процент с 3 до $2^1/_2$? Предложения г-на Гладстона заключаются в следующем:

Во-первых, он предлагает объединить под одним общим названием различные бумаги на сумму в 9500000 ф. ст., связанные главным образом со старой дутой Компанией Южных морей, и принудительно понизить процент по ним с 3 до $2^3/_4$. Это даст постоянную ежегодную экономию приблизительно в 25000 фунтов стерлингов. Изобретение нового общего названия для различных бумаг и экономия в 25000 ф. ст. при ежегодных расходах в 30000000 ф. ст. не могут быть предметом особой гордости.

Во-вторых, он предлагает выпустить новые ценные бумаги под названием *бон казначейства* на сумму, не превышающую 30000000 фунтов стерлингов. Эти боны могут размещаться без взимания каких-либо комиссионных, принося до 1 сентября 1864 г. $2^3/_4$ процента, а начиная с этого срока до 1 сентября

1894 г. $2^1/_2$ процента. Это означает не что иное, как создание нового финансового механизма в интересах денежного и торгового класса. Но как Гладстон может сохранить в обращении векселя казначейства на сумму 18000000 ф. ст., приносящие $1^1/_2$ процента и одновременно выпустить боны казначейства, приносящие $2^1/_2$ процента? Не является ли убытком для страны платить по бонам казначейства на 1 процент больше чем по векселям казначейства? Каково бы ни было это второе предложение, оно ни в малейшей степени не способствует уменьшению государственного долга.

В-третьих, наконец, мы переходим к самому главному, единственному важному пункту резолюций Гладстона, а именно к трехпроцентным консолям и к трехпроцентным пониженным бумагам, составляющим вместе капитал почти в 500000000 фунтов стерлингов. Hic Rhodus, hic salta!* Поскольку существует постановление парламента, запрещающее принудительное понижение процента по этим бумагам *без предварительного предупреждения за двенадцать месяцев,* то г-н Гладстон избирает метод добровольного обмена и предлагает на усмотрение держателей трехпроцентных бумаг различные комбинации по обмену их на другие бумаги, которые должны быть выпущены согласно его проекту. Держатели трехпроцентных бумаг смогут выбрать один из следующих путей обмена каждых 100 ф. ст. в этих бумагах:

1. Каждые 100 ф. ст. в трехпроцентных бумагах могут быть обменены на бону казначейства такого же достоинства, приносящую до 1864 г. $2^3/_4$ процента, и после этого до 1894 г. $2^1/_2$ процента. Если бы $2^1/_2$-процентные боны казначейства на всю сумму в 30000000 ф. ст. заменили собой трехпроцентные бумаги на сумму в 30000000 ф. ст., то получилась бы экономия, равная в течение первых десяти лет 75000 ф. ст., а позднее—150000 ф. ст., всего же—225000 фунтам стерлингов. Однако правительство было бы обязано выплатить все 30000000 фунтов стерлингов. Этот проект не ведет к сколько-нибудь значительному сокращению государственного долга.

2. Согласно второму предложению, держатели трехпроцентных бумаг за каждые 100 ф. ст. в этих бумагах могут получить 82 фунта 10 шиллингов новыми $3^1/_2$-процентными бумагами, по которым до 5 января 1894 г. будут уплачиваться $3^1/_2$ процента. Результатом явилось бы то, что лица, согласившиеся принять $3^1/_2$-процентные бумаги, получили бы

* — Здесь Родос, здесь и прыгай! (Слова, обращенные к герою басни Эзопа «Хвастун», который похвалялся своими прыжками, совершенными им якобы на острове Родос.) *Ред.*

с каждых теперешних 100 ф. ст., вместо 3 фунтов 2 фунта 17 шилл. 9 пенсов дохода. Ежегодный доход с каждых 100 ф. ст. в этом случае сократился бы на 2 шилл. 3 пенса. Если бы все 500000000 ф. ст. были обменены подобным образом, нация должна была бы выплачивать ежегодно вместо нынешних 15000000 ф. ст. только 14437500 ф. ст., что означало бы экономию в 562500 ф. ст. в год. Но ради этой экономии в 562500 ф. ст. парламент должен связать себе руки на целое полстолетие и гарантировать процент, превышающий $2^4/_5$, в такое неустойчивое время, когда крайне ненадежна любая процентная ставка! Но с другой стороны, г-н Гладстон, по крайней мере, выиграл бы одно: по истечении сорока лет ему не пришлось бы беспокоиться относительно трехпроцентных бумаг, ограждаемых в настоящее время правилом о двенадцатимесячном предупреждении. Гладстон имел бы дело только с $3^1/_2$-процентными бумагами, которые парламент мог бы выкупить по номинальной стоимости. Гладстон предлагает не устанавливать предельной суммы для выпуска этих $3^1/_2$-процентных бумаг.

3. Третье предложение состоит в следующем: вместо каждых 100 ф. ст. в трехпроцентных бумагах держатели получают 110 ф. ст. новыми $2^1/_2$-процентными бумагами, с уплатой процентов до 1894 года. Когда г-н Гладстон 6 апреля впервые внес свой проект в палату общин, он не ограничивал суммы этих подлежащих выпуску ($2^1/_2$-процентных) бумаг. Но когда г-н Дизраэли указал на то, что, сравнив эти предложения с двумя другими, каждый разумный человек предпочтет обменять 100 ф. ст. в трехпроцентных бумагах на 110 ф. ст. в $2^1/_2$-процентных и что в результате обмена всей суммы в 500000000 ф. ст. в трехпроцентных бумагах на новые бумаги страна, с одной стороны, сберегала бы 1250000 ф. ст. ежегодно, но зато, с другой стороны, основная сумма государственного долга увеличилась бы на 50000000 ф. ст., — тогда г-н Гладстон на следующий день изменил свой проект и предложил ограничить выпуск новых $2^1/_2$-процентных бумаг 30 миллионами фунтов стерлингов. Из-за этого ограничения третье его предложение теряет свое значение с точки зрения его влияния на государственный долг. Оно приводит к увеличению основной суммы этого долга лишь на 3000000 фунтов стерлингов.

Вам теперь известно, что представляет собой «один из наиболее важных и грандиозных финансовых проектов, которые когда-либо вносились». Быть может, вообще нет большего надувательства, чем так называемые финансы. Простейшие операции, касающиеся бюджета и государственного долга, жрецы этой

тайной науки облекают в непонятную терминологию, за которой скрываются самые обыденные уловки с выпуском бумаг различных наименований, обменом старых бумаг на новые, понижением процента и повышением номинальной величины основной суммы, повышением процента и уменьшением основной суммы, установлением премий, бонусов и привилегированных вкладов, введением различия между погашаемыми и непогашаемыми аннуитетами и искусственной градацией льгот по передаче различных бумаг. Вся эта отвратительная биржевая схоластика и невероятное нагромождение деталей совершенно сбивают с толку публику. В то же время каждая такая финансовая операция создает благоприятную возможность для усиления вредоносной и хищнической деятельности ростовщиков, которые алчно стремятся использовать эту возможность. С другой стороны, экономист обнаруживает в этом кажущемся лабиринте замен, перестановок и комбинаций предмет, относящийся не столько к области финансовой политики, сколько к простой арифметике, либо же к чистой фразеологии.

Без сомнения, г-н Гладстон является мастером подобного рода финансовой алхимии, и его предложение не может быть лучше охарактеризовано, чем словами г-на Дизраэли:

«Мне кажется, что изобретательность и ум самых ловких казуистов никогда не смогли бы придумать более сложного и замысловатого механизма для получения столь ничтожных результатов. В сочинении Фомы Аквинского есть глава, в которой рассматривается вопрос, сколько ангелов могло бы танцевать на острие иглы. Это — одно из самых редкостных рассуждений, какое только мог породить человеческий гений, и я нахожу в предлагаемых резолюциях нечто общее с этим выдающимся творением ума».

Мы уже говорили, как вы помните, что конечной целью плана г-на Гладстона было введение «нормальных» $2^1/_2$-процентных бумаг. И вот для достижения этой цели он намерен выпустить весьма ограниченное число этих $2^1/_2$-процентных бумаг и неограниченное число $3^1/_2$-процентных. Для осуществления ограниченного выпуска $2^1/_2$-процентных бумаг он понижает процентную ставку на $^1/_2$ процента и, с другой стороны, в целях проведения в жизнь этого понижения устанавливает десятипроцентный бонус. Для того чтобы избавиться от стеснительных трехпроцентных бумаг, «огражденных» правилом относительно обязательного предупреждения за 12 месяцев, он предпочитает связать себя определенным законом на 40 лет вперед. Короче говоря, если он добьется своего, два поколения будут лишены каких-либо шансов улучшить свои финансовые дела.

Положение коалиционного министерства в палате общин явствует из статистики голосований. По вопросу о Мейнуте[66]

в комитете всей палаты министерство получило лишь незначительное большинство в 30 голосов. При голосовании билля об отмене ограничений прав евреев (по которому еще не состоялось третье чтение), когда в палате присутствовало всего 439 депутатов, министерство получило большинство даже меньше, чем в 30 голосов. При обсуждении билля о канадском резервном фонде, после того как Рассел взял назад им же предложенную третью статью, министерство было спасено голосами тори против своих собственных сторонников. Большинство было получено почти целиком за счет консерваторов.

Я не буду останавливаться на внутренних разногласиях в кабинете, проявившихся в дебатах по канадскому биллю, в горячих спорах между правительственными газетами по вопросам о подоходном налоге и, прежде всего, о внешней политике. Пет ни одного вопроса, на который коалиционное министерство не могло бы дать такой же ответ, какой в свое время дал Гейза — венгерский король, принявший христианство, но продолжавший тем не менее соблюдать свои прежние языческие обряды. Когда его спросили, какого из двух вероисповеданий он в действительности придерживается, Гейза ответил: «Я достаточно богат, чтобы придерживаться обоих вероисповеданий».

Написано К. Марксом 12 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3753, 27 апреля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

ФЕРГЮС О'КОННОР. — ПОРАЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА. — БЮДЖЕТ

Лондон, вторник, 19 апреля 1853 г.

Комиссия, собравшаяся на прошлой неделе для определения психического состояния Фергюса О'Коннора, бывшего депутата парламента от Ноттингема, пришла к следующему заключению:

«Мы считаем, что г-н Фергюс О'Коннор с 10 июня 1852 г. является душевнобольным, без каких-либо признаков просветления».

Как политический деятель О'Коннор пережил себя уже в 1848 году. Его силы были сломлены, миссия его была выполнена и, оказавшись не в состоянии руководить движением пролетариата, им же самим организованным, он стал почти помехой для этого движения. Если требование исторического беспристрастия обязывает меня не скрывать этого обстоятельства, то оно также обязывает меня, отдавая должное павшему бойцу, ознакомить читателей с отзывом об О'Конноре Эрнеста Джонса, помещенным в «People's Paper»:

«Это был человек, отказавшийся от чинов, богатства и положения в обществе, бросивший дело, которое приносило доход и успех, потративший крупное состояние не ради удовлетворения личной склонности к самоотречению, а ради политического самопожертвования. Он поставил себя в положение вечного изгнанника из своей страны, в которой он владел крупными участками земли и являлся представителем одного из крупнейших графств. Это был человек, ненавидимый своей родней за то, что он любил человеческий род. Все, что он делал, было служением народу. Он угасает теперь почти в нищете, на исходе жизненного пути, полного беспримерного труда... Такова его жизнь. Взгляните теперь на плоды его труда. В период крайнего упадка сил, разлада, сомнений и нищеты он добился такого сплочения миллионов людей в нашей стране, какого до сих пор еще никогда не бывало. О'Коннел объединил вокруг себя ирландцев,

но сделал это при содействии священников. Мадзини пробудил итальянцев, но на его стороне были дворянство и купечество. Кошут сплотил венгров, но за ним стояли сенат и армия. При этом и венгры и итальянцы пылали ненавистью к иноземным завоевателям. Но О'Коннор один — без дворянства, священников и купцов — собрал и поднял угнетенный класс против них всех, даже не используя для его объединения такое средство, как национальное чувство! За Лафайетом шли купцы, за Ламартином — лавочники, за О'Коннором — народ! Но народ в XIX столетии в конституционной Англии был слабее всех. О'Коннор научил его, как стать сильнее всех»[67].

Последняя неделя была для коалиционного кабинета неделей поражений. Ему пришлось впервые столкнуться с коалиционной оппозицией. Во вторник 12-го числа г-н Батт внес предложение о том, чтобы Килмейнхемский дом инвалидов был сохранен в качестве приюта для солдат-ирландцев. Секретарь по военным делам[*] возразил против этого предложения, но вопреки сопротивлению правительства оно было принято 198 голосами против 131. В данном случае правительству было нанесено поражение коалицией ирландской бригады[68] и консервативной оппозиции. После этого в четверг ему нанесла поражение коалиция консерваторов и приверженцев манчестерской школы[69]. После того как г-н Милнер Гибсон выступил с ежегодно вносимым предложением об отмене «налогов на знание», была проведена отмена налога на объявления[70], невзирая на возражения Гладстона, Рассела и Сидни. Они остались в меньшинстве, получив 169 голосов против 200. Брайт, Гибсон и Мак-Грегор голосовали вместе с Дизраэли, Пакингтоном и другими, а г-н Кобден официально заявил, «что он от всего сердца принимает помощь Дизраэли и его друзей». Однако гораздо более крупное поражение было нанесено правительству не голосованиями в палате, а его собственными действиями.

Подробности о нашумевшем кошутовском деле о ракетах[**], наверное, уже дошли до читателей «Tribune». Но чтобы доказать, что все предпринятое в связи с этим было заранее согласовано между Пальмерстоном и иностранными державами, достаточно привести высказывание по этому поводу собственного официального органа Пальмерстона — газеты «Morning Post»:

«Быстрота и бдительность, проявленные правительством, внушат доверие тем иностранным державам, которые сомневались, в состоянии ли наши законы пресечь злонамеренные действия наших беспокойных гостей».

Это дело будет иметь серьезные последствия для коалиционного министерства. Оно уже теперь — и это имеет большое

[*] — С. Герберт. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 86—88. *Ред.*

значение — заставило Пальмерстона сбросить свою старую маску революционного дендизма. Даже его наиболее доверчивый, но честный поклонник, газета «Morning Advertiser», открыто отрекается от него. Звезда Пальмерстона начала тускнеть с момента, когда он стал дарить свою благосклонность герою 2 декабря и плаца Сатори, и она совсем закатилась, когда он открыто стал «австрийским министром»[71]. Но миссия коалиционного министерства как раз и состоит в развенчании всех нынешних талантов и знаменитостей старой олигархии. И эту задачу оно выполняет с изумительной настойчивостью. Если бы министерство, в которое входит Пальмерстон, пережило эту катастрофу, оно поистине могло бы, слегка перефразировав слова Франциска I, заявить в шутку: «Ничего не потеряно, кроме чести»[72].

Перехожу теперь к злобе дня — бюджету г-на Гладстона, который он представил вчера палате общин в речи, длившейся не менее пяти часов. Это — бюджет коалиции, тщательно разработанный в энциклопедическом духе, весьма пригодный для напечатания в качестве статьи в многотомной энциклопедии наук и искусств *Эрша и Грубера*[73]. Вы знаете, что эра составителей энциклопедий наступает всегда, когда накопляется множество фактов, а мысль соответственно отстает.

В каждом бюджете основным вопросом является соотношение между его приходной и расходной частью, подведение баланса в виде излишка или дефицита, что является основным условием, определяющим сокращения или увеличения налогового обложения в стране. Г-н Дизраэли оценивал сумму дохода за 1852—1853 гг. в 52325000 ф. ст., а расхода в 51163000 фунтов стерлингов. Теперь г-н Гладстон сообщает нам, что действительный годовой доход составил 53089000 ф. ст., а действительный расход — лишь 50782000 фунтов стерлингов. Эти цифры показывают, что фактическое превышение доходов над расходами равнялось 2460000 фунтов. Таким образом, могло показаться, что Гладстон улучшил финансовое положение по сравнению с Дизраэли. Последний мог похвалиться излишком лишь в 1600000 ф. ст., а Гладстон добился экономии в 2460000 фунтов стерлингов. К несчастью, в отличие от излишка Дизраэли, излишек г-на Гладстона при ближайшем рассмотрении сокращается до скромной цифры в 700000 фунтов стерлингов. Миллионы уже успели уплыть из его кармана вследствие различных решений палаты общин и других чрезвычайных расходов. Кроме того, как предусмотрительно добавляет г-н Гладстон:

«Следует помнить, что 215000 ф. ст. из 700000 ф. ст.. поступают из случайных, а не из постоянных источников дохода».

Таким образом, единственной базой для операций г-на Глад-стона остается излишек в 485000 фунтов стерлингов. Соответственно всякое предложение о сокращении старых налогов на сумму, превышающую эту цифру, должно быть сбалансировано введением новых налогов.

Гладстон начал свою речь с «question brulante»* о подоходном налоге. Он сказал, что от этого налога можно отказаться уже сейчас, но правительство не подготовлено к тому, чтобы рекомендовать его немедленную отмену. Первое, на что он призывал обратить внимание, это — то, что «мы извлекаем из этого налога 5500000 фунтов стерлингов». Далее он попытался привести «блестящее» оправдание этого налога с точки зрения его полезных результатов, потратив немало вдохновения на изложение его истории.

«Подоходный налог», — отмечал он, — «сослужил свою службу во время борьбы страны за свое существование, он дал нам возможность поднять доход страны и покрыть расходы на воину и гражданское управление... Если вы не уничтожите действенность этого средства, оно позволит нам, в случае, если, к несчастью, военные действия снова разразятся, немедленно увеличить армию до 300000 человек и флот до 100000, соответственно расширив и все другие наши учреждения».

Далее г-н Гладстон заметил, что подоходный налог пригодился не только для ведения антиякобинской войны, но также для проведения фритредерской политики сэра Роберта Пиля. После столь апологетического введения он внезапно поражает нас заявлением, что «подоходный налог полон изъянов». Г-н Глад-стон фактически допускает, что для сохранения этого налога его нужно преобразовать так, чтобы устранить содержащиеся в нем в настоящее время элементы неравенства. Однако для устранения этого неравенства пришлось бы разрушить всю систему. Удивительным образом противореча самому себе, он, с другой стороны, всеми силами стремится доказать, что такого неравенства вообще не существует и что оно является только кажущимся. Что же касается вопроса о постоянном и непостоянном доходе, то он сводит его к вопросу о «земле и торговле», пытаясь при помощи довольно неуклюжих расчетов убедить публику, что с земли взимается в действительности 9 пенсов с фунта, в то время как с торговли — только 7 пенсов. Затем он добавляет, что

«обложение земли и домов не зависит от величины ежегодного дохода, полученного собственниками, тогда как в торговле сведения о размерах дохода сообщаются самими владельцами, которые во многих случаях прибегают к обману».

* — «жгучего вопроса». *Ред.*

В отношении держателей государственных ценных бумаг г-н Гладстон утверждает, что обложить налогом капитализированную стоимость их дохода было бы грубым нарушением общественного доверии. Короче говоря, введение какого-либо различия между постоянным и непостоянным доходом, которое предлагал г-н Дизраэли, категорически отвергается г-ном Глад-стоном. С другой стороны, он готов распространить подоходный налог на Ирландию, а также на доходы, превышающие 100 ф. ст. в год, тогда как до сих пор предельным доходом, подлежащим обложению, был доход в 150 ф. ст. в год. В противовес, однако, только что им же самим провозглашенному принципу, согласно которому «невозможно установить различия между соответственной ценностью интеллекта, труда и собственности и выразить эти соотношения цифровыми величинами», он предлагает для доходов в пределах от 100 ф. ст. до 150 ф. ст. в год ограничить размер налога 5 пенсами с фунта стерлингов. Наконец, для того, чтобы примирить свое восхищение подоходным налогом с открытым признанием необходимости его отмены, г-н Гладстон предлагает:

«продлить взимание налога на два года— с апреля 1853 г. —в размере 7 пенсов с фунта; на два дальнейших года — с апреля 1855 г. — в размере 6 пенсов с фунта и еще на три года — с апреля 1857 г. — в размере 5 пенсов с фунта. Согласно этому предложению, с 5 апреля 1860 г. подоходный налог должен совсем исчезнуть».

Облагодетельствовав таким образом, как ему кажется, земельную аристократию и держателей ценных бумаг своим отказом признать принцип различия между постоянным и непостоянным доходом, г-н Гладстон, с другой стороны, позаботился о подобной же приманке для манчестерской школы в виде упорядочения налога на наследуемое имущество, распространив его на все виды собственности, но отказавшись при этом рассмотреть вопрос о пошлинах, взимаемых при утверждении завещаний.

«Я не сомневаюсь», — заявил он, — «что упорядочение этого налога, если палата примет это предложение, увеличит наши постоянные средства на 500000 ф. ст. в 1853—1854 гг., на 700000 ф. ст. в 1854—1855 гг., на 400000 ф. ст. в 1855—1856 гг. и на 400000 ф. ст. в 1856—1857 гг., а всего увеличит постоянный доход страны на 2000000 фунтов стерлингов».

В отношении Шотландии г-н Гладстон предлагает ввести надбавку в 1 шилл. к существующему налогу на спирт в 3 шилл. 8 пенсов (это даст дополнительно 318000 фунтов стерлингов). Кроме того, он предлагает увеличить налог на патенты чаеторговцев, пивоваров, владельцев солодовен, табачных фабрикантов, торговцев табачными изделиями и мыловаров.

Сумма поступлений от увеличения налогов в 1853—1854 гг. составит:

по подоходному налогу	295 000	ф. ст.
по налогу на наследуемое имущество	500 000	» »
по налогу на спирт	436 000	» »
по патентам	113 000	» »
Всего:	1 344 000	ф. ст.,
что вместе с превышением поступлений над расходами в	805 000	ф. ст.
даст нам для снижения налогов сумму в	2 149 000	ф. ст.

Каковы же предложения г-на Гладстона в отношении уменьшения старых налогов? Я не стану, конечно, слишком глубоко забираться в этот лабиринт, так как этот вопрос не исчерпать в нескольких словах. Поэтому я отмечу лишь основные моменты, а именно:

1) Отмену налога на мыло, который приносит в настоящее время 1397000 ф. ст. валового дохода.

2) Постепенное понижение пошлины на чай в течение приблизительно трех лет с тем, чтобы пошлина с 2 шилл. $2^1/_4$ пенса в конце концов' понизилась до 1 шиллинга.

3) Понижение пошлин на большое число мелких товаров.

4) Сокращение ирландского долга, равного 4000000 ф. ст. и погашаемого в виде консолидированной ренты.

5) Понижение наполовину пошлины на дипломы адвокатов в связи с предложением лорда Р. Гровнора о полной отмене этих сборов.

6) Понижение, согласно предложению г-на Гибсона, налога на объявления до 6 пенсов (палата, однако, уже приняла постановление о полном упразднении этого налога).

Наконец:

7) Отмену штемпельного сбора с приложений к газетам (к великой piece de rejouissance* «Times», — единственной газеты, выпускающей приложения).

Таковы вкратце основные черты бюджета, который г-н Глад-стон вынашивал в течение более четырех месяцев. Прения в палате общин, назначенные на следующий понедельник, дадут мне возможность сделать дальнейшие замечания по поводу этого творения коалиции.

Написано К. Марксом 19 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3758, 3 мая 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — радости. *Ред.*

К. МАРКС

ФУНТЫ, ШИЛЛИНГИ, ПЕНСЫ, ИЛИ КЛАССОВЫЙ БЮДЖЕТ И КОМУ ОН ИДЕТ НА ПОЛЬЗУ

Гладстон внес свой бюджет. Нам случалось наблюдать, как два петуха на гумне силятся перекричать друг друга; нечто подобное этой сцене напоминает состязание в палате общин двух канцлеров казначейства — бывшего* и нынешнего, — с той лишь разницей, что наш вигский боевой петушок заимствует некоторые ноты у консервативного индюка. На прошлой неделе мы рассмотрели ту часть финансового плана г-на Глад-стона, которая касается государственного долга, и показали, что она — лишь жалкая попытка увильнуть от обсуждаемого вопроса, простое средство удовлетворить ростовщиков, биржевых дельцов и торговцев, удешевить и облегчить для них заключение сделок**. Сегодня мы увидим, что рассматриваемый бюджет представляет собой классовый бюджет, бюджет буржуазии, написанный пером аристократа. Приведем сначала краткий обзор этого примечательного проекта:

I. О расходах и доходах. Канцлер констатирует, что государственные расходы текущего года будут превышать расходы прошлого года на 1400000 фунтов стерлингов!! Весьма многообещающее начало для бюджета, который является прологом к финансовой реформе! Не менее утешительны причины этого роста расходов.

Сюда относится увеличение расходов на военно-морской флот на сумму в 617000 ф. ст., на армию и интендантство — на сумму в 90000, на артиллерию — на сумму в 616000, на

* — Дизраэли. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 44—49. *Ред.*

милицию—на сумму в 230000 фунтов стерлингов. В то же время на школьное дело — орудие просвещения и цитадель знания, — отпускается дополнительно только 100000 фунтов стерлингов. Вся сумма расходов государства определяется на текущий год в 52183000 фунтов стерлингов. Вся сумма доходов — в 52990000 фунтов. Таким образом, получается превышение доходов в 807000 ф. ст., из которых, однако, 100000 ф. ст. уже изымаются на расходы по морским почтовым перевозкам. Весь реальный излишек составит в конечном счете 500000 фунтов стерлингов.

Перейдем теперь к

II. Финансовому проекту. Здесь канцлер имеет в виду, *во-первых,* подоходный налог, не делая при этом различия между постоянным и непостоянным доходом. Он предлагает по истечении двух лет понизить налог с 7 до 6 пенсов с фунта, затем по истечении последующих двух лет произвести новое понижение— с 6 до 5 пенсов, на трехлетний срок распространить налог на Ирландию и снизить подлежащую обложению сумму до 100 ф. ст. годового дохода. Это, уверяет он, «не коснется рабочей среды». С доходов от 100 до 150 ф. ст. устанавливается плата лишь в 5 пенсов с фунта. В результате налоговое бремя богачей будет облегчено путем переложения его на менее состоятельные слои. Богатый торговец станет платить меньше, но зато небогатому лавочнику придется платить и в тех случаях, когда он раньше был свободен от прямого обложения. Сомнительная справедливость! Правда, в течение 4-х лет человек с доходом в 100 ф. ст. будет платить с фунта на 2 пенса меньше, чем обладатель дохода в 150 или 150000 ф. ст., но по истечении этого времени они будут платить одинаково, а уже через два года богатые выгадают от понижения размера налога, осуществленного за счет обложения и менее состоятельных слоев. Нашим взглядам на налогообложение более соответствовало бы введение прогрессивного подоходного налога, при котором процентная ставка повышается вместе с суммой дохода, ибо для человека, получающего ежегодный доход в 10000 ф. ст., 10000 пятипенсовых монет имеют меньшее значение, чем 100 таких же монет для человека, получающего ежегодный доход в 100 фунтов стерлингов. Но уж такова финансовая политика вигов: прибегая к показным, ничтожным полумерам, действуя окольными путями, они постепенно, но неуклонно облегчают налоговое бремя богатых и перекладывают всю тяжесть его на бедных. Что же касается утверждения, будто подоходный налог не затронет рабочих, то это явный абсурд: при существующей у нас в настоящее время социальной системе предпринимателей и

наемных рабочих буржуазия в случае дополнительного обложения всегда компенсирует себя понижением заработной платы или повышением цен.

Во-вторых, канцлер переходит к налогу на наследуемое имущество. Он облегчает положение зятьев и невесток, уменьшая для них налог «на родственников» с 10 до 7% — бесконечно малая подачка! — и включает в сферу действия этого налога все виды собственности, причем налог на подлежащую обложению собственность определяется доходами, которые она приносила при жизни владельца. За счет этого Гладстон увеличивает сумму налогообложения страны на 2000000 ф. ст. и хвастается тем, что поддерживает интересы ремесла и промышленности в противовес землевладению. Этот пункт имеет принципиальное значение и является существенной уступкой, вырванной у монополии землевладения развитием промышленности и торговли. Мы повторяем: это — уступка, но такая уступка, которую легко обойти, что, по всей вероятности, заранее и входило в расчеты землевладельческих законодателей финансового мира.

В-третьих, упраздняются гербовые сборы с расписок, и впредь достаточно будет наклеить на расписку, независимо от размера суммы, почтовую марку стоимостью в один пенни. Весьма благоприятная — для богачей — мера, по принятии которой рост потребления почтовых марок компенсирует, как предполагают, потерю доходов от сборов; но рабочему классу это опять не принесет никакой пользы, ибо сделки, заключаемые рабочими, очень редко достигают той минимальной суммы (5 ф. ст.), для которой требуется марка.

В-четвертых, налог на объявления понижается с 1 шилл. 6 пенсов до 6 пенсов. Вот опять образец жалких полумер. Нельзя привести ни одного разумного основания в пользу сохранения шестипенсового налога, коль скоро уже отказались от шиллинга, поскольку тяжеловесный и дорогостоящий аппарат для взимания шестипенсовых сборов поглотит весь доход от этого налога! Впрочем, быть может, основанием является нежелание упразднить все те должности и местечки, которые связаны с взиманием этого налога. Приложения к газетам, содержащие только объявления, освобождаются от сбора. Оба эти пункта представляют собой уступку буржуазии, в то время как сохранение штемпельного сбора с газет ставит и впредь сильное препятствие распространению демократического воспитания. «Существующие газеты, — говорит этим канцлер, — будут поставлены в более выгодное положение, а новые и более дешевые не возникнут».

В-пятых, налог на страхование жизни понижается с 2 шилл. 6 пенсов до 6 пенсов — еще одно проявление того же духа крохоборства; пошлины на договоры о бесплатном ученичестве понижаются с 1 ф. ст. до 2 шилл. 6 пенсов; на дипломы адвокатов — с 12 и 8 ф. ст. до 9 и 6 ф. ст. и на договоры об ученичестве для клерков — с 120 ф. ст. до 80 фунтов стерлингов. Первый пункт и два последних это — опять-таки очевидная поблажка буржуазии, беднякам же они не приносят даже намека на пользу; между тем шестипенсовый налог на объявления, штемпельный сбор с газет и налог на бумагу сохраняются в силе для того, чтобы можно было в интересах богачей снизить налоги на прислугу, собак и лошадей.

В-шестых, в Шотландии и Ирландии должна быть проведена надбавка к налогу на спирт, а винокуры получат льготу на «утечку».

В-седьмых, стоимость патентов торговцев должна быть более уравнена (еще один подарок буржуазии).

В-восьмых, налоги на мыло и ряд других предметов должны быть отменены; пошлина на чай понижается к 1854 г. с 2 шилл. $2^1/_4$ пенсов до 1 шилл. 10 пенсов, к 1856 г. — до 1 шилл. 3 пенсов, а в дальнейшем — до 1 шиллинга.

Таковы основные черты бюджета вигов. И теперь мы спрашиваем наших читателей, выдвигался ли когда-нибудь с министерской скамьи более жалкий образчик «грошового законодательства», выражаясь языком самого канцлера? Внешне бюджет выглядит как нечто внушительное, благообразное и содержащее ряд эффектных пунктов; но какова реальная польза от него, каково то действительное облегчение, которое он принесет рабочему классу Англии? Отмена налогов на мыло и понижение пошлин на чай — вот единственные пункты, которые можно отметить. Но какое ничтожное облегчение они сулят! Та грань, за которой начинаются выгоды для рабочих и убытки для аристократии и буржуазии, повсюду точно соблюдена и ее старательно избегали перешагнуть. Возможно, что легковерные люди и дадут провести себя этим бюджетом. «Понижение налога на объявления до 6 пенсов и отмена штемпельного сбора с приложений к газетам!» Но что практически принесет это народу? Ничего! «Пенсовая марка для расписок!» Но какое дело до этого наемному рабу, который «расписывается» только в получении своей голодной заработной платы? Ровным счетом никакого! «Налог на страхование жизни понижается с 2 шилл. 6 пенсов до 6 пенсов». Но что это дает труженику, который батрачит за 6, 8 или 10 шиллингов в неделю и не может застраховать свою жизнь от гнетущего рабства Манчестера? Что дает это

даже тем, кто получает в неделю 1 фунт или 30 шиллингов? Ничего! Какая польза рабочему от того, что адвокаты будут платить за свои дипломы на 3 фунта меньше, а клерки за свои договоры об ученичестве — 80 фунтов вместо прежних 120 фунтов? Какая польза рабочему от того, что налог на наследуемое имущество в одном пункте будет облегчен, а общее правило о его взимании так легко обойти? Будет ли этим облегчено его бремя хотя бы на йоту? Какая польза рабочему от того, что стоимость патентов лавочников будет более уравнена, если его заработная плата не может быть уравнена с той прибылью, которую лавочники извлекают, пользуясь его нуждой? «Финансовая реформа» — один из тех двух лозунгов, под которыми нынешний парламент был избран и нынешнее министерство пришло к власти. Вот она перед вами — реформа, предлагаемая вигами, аристократами и капиталистами. Необходимо было что-то сделать, пойти на небольшую уступку; задача заключалась в том, чтобы сделать эту уступку совершенно ничтожной, едва уловимой, и наш мастер по части финансов артистически справился с этой задачей. Его бюджет, — употребляя дословно его собственное выражение, — действительно создан «для удобства торгово-промышленных классов» и в то же время является не чем иным, как образцом «грошового законодательства».

Написано К. Марксом около 20 апреля 1853 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 51, 23 апреля 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БЕСПОРЯДКИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ. — СТОЛОВЕРЧЕНИЕ В ГЕРМАНИИ. — БЮДЖЕТ [74]

Лондон, пятница, 22 апреля 1853 г.

Согласно телеграфному сообщению, 12 сего месяца в Константинополе и его окрестностях произошли большие беспорядки; пятнадцать христиан были убиты или ранены толпой фанатичных турок.

«Порядок был немедленно восстановлен при помощи вооруженной силы».

В другом сообщении — из Копенгагена — говорится, что палатой или фолькетингом было отклонено министерское послание относительно вновь предложенного порядка наследования датской короны. Этот акт мы должны рассматривать как серьезную неудачу дипломатии России, интересы которой отстаивало послание в соответствии с Лондонским протоколом, признающим Россию бесспорным наследником Датского королевства[75].

Из Гааги нам сообщают, что возбуждение, подобное тому, какое имело место два года тому назад в Англии в связи с «католическим наступлением»[76], началось теперь в Нидерландах и привело к образованию ультрапротестантского министерства. Относительно Германии, или вернее той ее части, которая была известна прежде под именем империи, надо сказать, что для характеристики умонастроения, господствующего среди образованных кругов буржуазии, нет ничего более знаменательного, чем заявление редактора «Frankfurter Journal»[77] от 20 апреля. В назидание читателям вашей газеты я привожу здесь перевод этого заявления:

«Сообщения относительно столоверчения (Tisch-Rucken)[78], доставляемые нам каждой почтой, принимают такой размах, равного которому

мы не знали со времени появления памятной «Песни о Рейне» Николауса Беккера и первых дней мартовской революции 1848 года. Как ни утешительны эти сообщения, поскольку они лучше всяких политических рассуждений говорят о том, в какое *безмятежное и безобидное* время мы вновь живем, к сожалению, мы не можем уделить им в дальнейшем надлежащего внимания из опасения, что наши читатели и мы сами можем оказаться целиком заваленными ими и они в конце концов запрудят все столбцы этой газеты».

Некий «Англичанин»[*] обратился с письмом в редакцию газеты «Times» и к лорду Пальмерстону по поводу недавнего дела Кошута[**]; в заключение своего письма он пишет:

«Когда коалиционный кабинет будет отправляться к своим отцам, или к своим дядям, или к своим праотцам, мы деликатно намекнем благородному лорду на *Джо Миллера* в новом издании. Мы, правда, совершенно не думаем услышать больше имя «Джо». «Пальмерстон» — вот имя, которое будет фигурировать. Оно длинновато. Это плохо. Но впрочем, мы убеждены, что в англосаксонской форме *«Pam»* оно уже является более пригодным. Оно подходит для прозы и для стихов, рифмуясь со словами: «sham», «flam», «cram»[***]».

В своей статье за вторник[****] я дал вам беглый обзор бюджета Гладстона. Теперь передо мной лежит официальное издание в 50 страниц in folio, озаглавленное: «Резолюции, которые будут внесены канцлером казначейства» и «Объяснительная записка к резолюциям». Однако я коснусь лишь тех деталей, которые могли бы представить интерес для иностранных читателей, если бы проект бюджета стал законом Великобритании.

Наиболее существенными являются резолюции, касающиеся таможенных пошлин. Предлагается отменить пошлины на 123 второстепенных товара, приносившие около 55000 ф. ст. в год; сюда включаются все сорта — за исключением четырех — древесины, идущей на изготовление мебели, а также стропила, рамы, кирпич и черепица. Предполагается понижение пошлин, во-первых, на чай с 2 шилл. $2^1/_4$ пенса до 1 шилл. 10 пенсов к 5 апреля 1854 г. и, во-вторых, на 12 видов продуктов питания. Существующую пошлину на миндаль предполагается понизить до 2 шилл. 2 пенсов с центнера; на сыр — с 5 шилл. до 2 шилл. 6 пенсов с центнера; на какао — с 2 пенсов до 1 пенни с фунта; на орехи — с 2 шилл. до 1 шилл. с бушеля; на яйца — с 10 пенсов до 4 пенсов с сотни; на апельсины и лимоны — до 8 пенсов с бушеля; на масло — с 10 шилл. до 5 шилл. с центнера; на изюм — с 15 шилл. 9 пенсов до 10 шилл. с центнера; на яблоки — с 2 шилл. до 3 пенсов с бушеля. Пошлины на все эти

[*] — А. Ричардс. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 86—88. *Ред.*
[***] — «позор», «ложь», «обман». *Ред.*
[****] См. настоящий том, стр. 58—63. *Ред.*

товары приносят в настоящее время 262000 ф. ст. дохода. В-третьих, намечается понижение пошлин еще на 133 вида продуктов питания, приносящих 70000 ф. ст. дохода. Кроме того, упрощается способ обложения целого ряда товаров, пошлины с которых будут взиматься в определенном размере, а не ad valorem*.

В отношении акциза намечается, как я уже указывал, отмена налога на мыло и повышение ставок на патенты пивоваров, торговцев чаем, кофе, табаком и мылом.

В отношении гербовых сборов, кроме понижения пошлин на дипломы адвокатов и налога на объявления, предполагается понизить налог на страхование жизни, гербовый сбор с расписок, пошлины на договоры об ученичестве и налог на наемные экипажи.

В отношении прямых налогов предполагается понижение налога на мужскую прислугу, на частные экипажи, на лошадей, пони и собак, а также сокращение на $17^1/_2$% платежей по выкупу поземельного налога.

По почтовому ведомству предполагается понижение почтового сбора за посылки в колонии путем введения единообразного тарифа в 6 пенсов.

Общей отличительной чертой бюджета, достойной внимания, является то обстоятельство, что большинство его статей было навязано коалиционному министерству после отчаянного сопротивления с его стороны в ходе нынешней сессии парламента.

Г-н Гладстон предлагает *теперь* распространить на недвижимость налог на наследуемое имущество; однако еще 1 марта он возражал против внесенного г-ном Уильямсом предложения, согласно которому недвижимое имущество должно подлежать обложению «тем же самым налогом на наследуемое имущество и пошлиной, взимаемой при утверждении завещаний, что и движимое имущество». Гладстон заявлял по этому поводу, как это сейчас делают торийские газеты, что это лишь кажущаяся льгота и что она уравновешивается другими налогами, падающими исключительно на недвижимое имущество. В тот же день, 1 марта,— и это также неоспоримо — г-н Уильямс угрожал г-ну Гладстону, что «он будет заменен г-ном Дизраэли, если не уступит в этом вопросе».

Г-н Гладстон предлагает *теперь* отменить или понизить покровительственные пошлины приблизительно на 268 второстепенных товаров, но 3 марта он еще противился предложению

* — в соответствии с ценой. *Ред.*

г-на Юма «о незамедлительной отмене чисто покровительственных пошлин примерно на 285 товаров». Неоспоримо также и то, что г-н Дизраэли в этот же день заявил:

«Мы не могли цепляться за обрывки и обноски протекционистской системы».

Г-н Гладстон предлагает теперь сократить налог на объявления наполовину, но всего лишь за четыре дня до внесения своего бюджета он возражал против предложения г-на Милнера Гибсона об отмене этого налога. Правда, в результате голосования в палате общин он потерпел поражение.

Этот перечень уступок, сделанных коалиционным министерством манчестерской школе, было бы легко продолжить. Что же означают эти уступки? Они означают, что промышленная буржуазия, как ни слабо она представлена в палате, является тем не менее подлинным хозяином положения и что любое правительство — вигское, торийское, коалиционное — может держаться у власти и отстранять от нее буржуазию, лишь выполняя за буржуазию ее собственную предварительную работу. Проследите британское законодательство, начиная с 1825 г., и вы обнаружите, что буржуазии оказывалось противодействие в политической области лишь ценой систематических уступок ей в области финансовой. Олигархия никак не может понять того простого факта, что политическая власть является лишь порождением экономической власти и что класс, которому олигархия вынуждена уступить экономическую власть, неизбежно завоюет также и политическую власть. Когда сам Людовик XIV издавал при посредстве Кольбера законы в интересах владельцев мануфактур, он лишь подготовлял революцию 1789 г., и ответом на его «l'etat, c'est moi»* были слова Сиейеса: «le tiers etat est tout»**.

Другой весьма резко выраженной чертой бюджета является точное копирование политики г-на Дизраэли, «этого безрассудного авантюриста», посмевшего утверждать в палате, что необходимым следствием фритредерской экономической системы явилась финансовая революция, то есть постепенная замена косвенного обложения прямым. И в самом деле, что предлагает г-н Гладстон? Он усиливает и расширяет систему прямого обложения в целях ослабления и сужения системы косвенного обложения.

С одной стороны, он предлагает сохранить в неприкосновенности в течение семи лет подоходный налог. Он распространяет

* — «государство — это я». *Ред.*
** — «третье сословие, это — все»[79]. *Ред.*

этот налог на целый народ, на ирландцев. Копируя г-на Дизраэли, он распространяет налог на целую общественную группу — на лиц, имеющих доход от 100 до 150 фунтов стерлингов. Он частично принимает предложенное г-ном Дизраэли увеличение подомового налога, проводя это под именем видоизмененного налога на лицензии и увеличивая ставку на эти лицензии пропорционально размеру помещений. Наконец, он повышает прямое обложение на 2000000 ф. ст. распространением на недвижимость налога на наследуемое имущество — мера, которая также была обещана г-ном Дизраэли.

С другой стороны, он ведет наступление на две формы косвенного обложения — таможенные пошлины и акциз: в отношении первых он принимает предложенное Дизраэли понижение пошлин на чай и проводит отмену, понижение или упрощение пошлин на 268 товаров; в отношении второго он полностью отменяет налог на мыло.

Единственным отличием бюджета Гладстона от бюджета его предшественника является то, что Дизраэли был автором, а Гладстон — только плагиатор; Дизраэли отменял акцизы и налоги в интересах землевладельцев [land-interest], а Гладстон отменяет их в интересах городской буржуазии [town-interest]; Дизраэли, провозглашая принцип, был в силу своего исключительного положения вынужден искажать его на практике, в то время как Гладстон, выступая против принципа, имеет возможность благодаря коалиционному характеру министерства, в которое он входит, проводить в жизнь его по деталям, путем целого ряда компромиссов.

Какая судьба ожидает, по всей вероятности, бюджет коалиции и как, должно быть, отнесутся к нему соответствующие партии?

В общем намечаются, по крайней мере, три вопроса, вокруг которых может разгореться борьба: подоходный налог, налог на наследуемое имущество и Ирландия.

Манчестерская школа торжественно обещала противиться всякому продлению взимания теперешнего подоходного налога, этого воплощения «ужасающего неравенства». Оракул с Принтинг-хаус-сквер[80] — «Times» — в течение десяти лет метал громы и молнии против этой «чудовищной несправедливости», общественность же Великобритании вообще предубеждена против системы единообразного обложения различного рода доходов и решительно ее осуждает. Но именно по этому единственному вопросу г-н Гладстон отвергает всякий компромисс. Поскольку г-н Дизраэли в бытность свою канцлером казначейства предлагал изменить подоходный налог, установив

различие между непостоянным и постоянным доходом и обложив первый 5 пенсами, а второй 7 пенсами с фунта стерлингов, подоходный налог, казалось бы, становится связующим звеном для образования объединенной оппозиции консерваторов, манчестерской школы и «общественного мнения», представляемого газетой «Times».

Исполнят ли, однако, манчестерцы свое торжественное обещание? Это весьма сомнительно. Им свойственна коммерческая привычка прикарманивать реальную прибыль, предоставляя принципам самим заботиться о себе. А реальная прибыль, сулимая бюджетом г-на Гладстона, далеко не ничтожна. Тон печатных органов манчестерцев уже сделался весьма умеренным и весьма примирительным в отношении подоходного налога. Они начинают успокаивать себя выраженной Гладстоном надеждой на то, что «подоходный налог целиком исчезнет через семь лет», забывая в нужный момент, что покойный сэр Роберт Пиль при введении этого налога в 1842 г. обещал упразднение его в 1845 году; они забывают и то, что распространение какого-либо налога на более широкие слои является весьма сомнительным путем к его предстоящей отмене.

Что же касается «Times», то это—единственная газета, которая выиграет от предложенной г-ном Гладстоном отмены штемпельного сбора с газетных приложений. «Times» приходится платить налог за свои ежедневные двойные приложения, публикуемые на протяжении всей недели, 40000 пенсов, или около 166 ф. ст. 3 шилл. в неделю. Все 40000 пенсов, от взимания которых г-н Гладстон отказывается, целиком пойдут в сундуки «Times». Мы можем поэтому предугадать, что Цербер будет укрощен и станет ягненком, хотя г-н Гладстон и не превратится в Геркулеса. Было бы трудно найти во всей парламентской истории Великобритании более недостойный акт, чем эта покупка г-ном Гладстоном поддержки газеты внесением в бюджет специальной статьи в ее пользу. Отмены налогов на знание добивались главным образом для того, чтобы сломить монополию газетных левиафанов. «Елейный» г-н Гладстон заимствует из предлагаемой меры лишь то, что ведет как раз к удвоению монополии «Times».

В принципе мы признаем, что г-н Гладстон прав, когда он отвергает какое бы то ни было различие между источниками, приносящими доход. Если вы проводите качественное различие между доходами, то вы должны будете также принять во внимание и количественное различие между ними, ибо в девяносто девяти случаях из ста количество дохода и составляет его качество. Если вы станете проводить между ними количественное

различие, вы неизбежно должны будете прийти к прогрессивному налогообложению, а идя от него еще дальше, впадете в ту разновидность социализма, которая отличается весьма острым характером и несомненно внушает отвращение оппонентам г-на Гладстона. При том узком и корыстном истолковании различия между постоянным и непостоянным доходом, какое дается манчестерской школой, мы приходим к смехотворному выводу, что доход самого богатого класса Англии — ее торгово-промышленного класса — является только непостоянным доходом. Под видом филантропии манчестерцы стремятся лишь переложить часть общественного бремени со своих плеч на плечи землевладельцев и держателей ценных бумаг.

Что же касается распространения на недвижимость налога на наследуемое имущество, то партия землевладельцев будет несомненно энергично этому противиться. Землевладельцы, разумеется, желают получать, как и раньше, свое наследство без уплаты налога. Однако уже г-н Дизраэли, когда он был канцлером казначейства, признал несправедливость этого исключения, и манчестерцы будут единодушно голосовать по этому вопросу вместе с правительством. Газета «Morning Advertiser» в своем вчерашнем номере предупредила партию землевладельцев, что если она окажется настолько неблагоразумной и будет отстаивать свою точку зрения по вопросу о налоге на наследуемое имущество, то ей придется оставить всякую надежду на поддержку со стороны либералов. Вряд ли существует какая-либо другая привилегия, по отношению к которой британская буржуазия была бы более враждебно настроена, и другой, более яркий пример олигархического законодательства. Питт внес в 1796 г. два билля, из которых один облагал движимость налогом на наследуемое имущество и пошлиной, взимаемой при утверждении завещания, а другой распространял те же налоги на недвижимость. Эти билли обсуждались раздельно, потому что Питт опасался успешного сопротивления членов обеих палат обложению их имений этими налогами. Первый билль почти не встретил оппозиции в парламенте. Голосование было проведено всего один раз, и только 16 членов голосовали против. Второй билль прошел все стадии, но во время третьего чтения не прошел, получив 30 голосов за и 30 против. Понимая, что у него нет никаких шансов провести билль через обе палаты, Питт вынужден был взять его обратно. Если бы, начиная с 1796 г., с недвижимости взимались налог на наследуемое имущество и пошлина при утверждении завещаний, подавляющая часть государственного долга могла бы быть погашена. Единственное веское возражение, которое могла бы теперь привести партия

землевладельцев, — это то, что держатели ценных бумаг пользуются такой же льготой. Однако она, конечно, не захочет подкреплять свою позицию такими аргументами, которые восстановят против нее держателей ценных бумаг, обнаруживающих особенную склонность к фискальным привилегиям.

Таким образом, остается лишь один вероятный шанс успешной борьбы против бюджета коалиции, это — блок партии землевладельцев с ирландской бригадой. Правда, г-н Гладстон постарался склонить ирландцев к распространению подоходного налога на Ирландию, снизив им в виде подарка выплату четырех с половиной миллионов консолидированной ренты. Но, по утверждению ирландцев, три из этих четырех с половиной миллионов, получение которых связано с голодом 1846—1847 гг., никогда не рассматривались как государственный долг и никогда не признавались в качестве такового ирландским народом.

Само министерство, по-видимому, не вполне уверено в успехе, так как угрожает *досрочным роспуском* палаты, если бюджет не будет принят полностью. Это — грозное предостережение для значительного большинства членов парламента, чьи «карманы сильно пострадали от *законных* расходов во время последней избирательной борьбы», а также для тех радикалов, которые самым ревностным образом придерживаются старого определения оппозиции, а именно — что в правительственном механизме оппозиция выполняет то же назначение, какое предохранительный клапан выполняет в паровой машине. Предохранительный клапан не останавливает работу машины, а обеспечивает ее сохранность, давая в виде выпускаемого *пара* выход той энергии, которая в противном случае могла бы взорвать все устройство. Таким же образом радикалы дают, подобно выпускаемому пару, выход народным требованиям. Они, очевидно, вносят предложения только для того, чтобы брать их потом обратно, или для того, чтобы найти отдушину для избытка своего красноречия.

Роспуск палаты только обнаружит разложение старых партии. С момента возникновения коалиционного министерства ирландская бригада раскололась на две фракции: правительственную и независимую. Партия землевладельцев также распалась на два лагеря: во главе одного стоит г-н Дизраэли, во главе другого — сэр Джон Пакингтон; теперь, однако, в минуту опасности, оба лагеря снова сплотились вокруг Дизраэли. Сами радикалы расколоты на две группы: мейферцев[81] и манчестерцев. Сила внутренней спайки в старых партиях исчезла, но в то же время не проявляется и сила действитель-

ного антагонизма. Новые общие выборы не улучшат, а только закрепят существующее положение.

В результате разоблачений злоупотреблений на выборах авторитет палаты общин пал предельно низко. Но в то же время она изо дня в день вскрывала гнилость своего собственного фундамента, сплошную коррупцию, охватившую самих *избирателей.* Рискнет ли министерство после всех этих разоблачений апеллировать к этим заклейменным позором избирателям, апеллировать к стране? Стране в целом министерство ничего не может предложить, ибо оно в одной руке держит отказ от парламентской реформы, а в другой — австрийский патент, возводящий его в сан главного осведомителя континентальной полиции[82].

Написано К. Марксом 22 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3761, 6 мая 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском, языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

МЫЛО ДЛЯ НАРОДА, ЛАКОМЫЙ КУСОК ДЛЯ «TIMES»*.—БЮДЖЕТ КОАЛИЦИОННОГО МИНИСТЕРСТВА

Каждый знает, что бюджет есть не что иное, как роспись предполагаемых доходов и расходов государства на текущий год, которая основывается на финансовом опыте, а именно на балансе истекшего года.

Поэтому первое, что изготовил г-н Гладстон, был бюджетный баланс за 1852—1853 год. Г-н Дизраэли, выступая в качестве канцлера казначейства, определял предполагаемые доходы на 1852—1853 год в 52325000 ф. ст., а предполагаемые расходы за тот же период в 51163000 фунтов стерлингов; таким образом, он предусматривал излишек в 1162000 фунтов стерлингов. Г-н Гладстон, определяя по книгам фактический баланс, обнаруживает, что действительный размер доходов за истекший год равен 53089000 ф. ст., а действительный размер расходов только 50782000 фунтов стерлингов. Реальный излишек равняется 2307000 ф. ст. или 2460000 ф. ст., как исчисляет (непонятным для нас образом) эту сумму г-н Гладстон.

Поскольку вошло в обычай или, вернее, парламент привык считать канцлера казначейства таинственным волшебником, который при помощи загадочных, никому неведомых ухищрений создает весь ежегодный доход нации, то не удивительно, что кто бы ни был этой важной персоной, он старается не разрушать этой столь лестной для него иллюзии. Следовательно, если нации, в результате расширения производства, удалось бы превысить установленную сумму налоговых поступлений, то можно быть уверенным, что министр финансов, который

* Игра слов: «soap» — «мыло»; «sop» — «лакомый кусок», «подачка». *Ред.*

благодаря этому сможет преподнести в два с лишним раза больший излишек чем тот, который был обещан его предшественником, несомненно прослывет человеком исключительных финансовых способностей. В этом-то и состояла блестящая идея г-на Гладстона, встретившая блестящий прием и должную оценку среди поборников коалиционной олигархии в палате.

Излишек в два миллиона четыреста шестьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Но ни одного гроша из этих двух миллионов палата не разрешит отдать народу. Куда же в таком случае они пойдут? Г-н Гладстон разъясняет это:

«Каким бы благоприятным ни казался этот отчет, палата не должна забывать того, что за счет значительной части этого излишка она уже вотировала различные экстренные расходы на текущий год».

Палате уже было известно от г-на Дизраэли, что при всех условиях излишек составит более одного миллиона фунтов стерлингов. В соответствии с этим, палата, заседавшая в качестве комитета по изысканию средств[83], с легким сердцем утвердила следующие дополнительные ассигнования сверх сметы:

На военно-морской флот, а также морское почтовое ведомство	617 000 ф. ст.
На армию и интендантство	90 000 » »

Кроме того, как объявил г-н Гладстон, к этим расходам следует добавить:

На ведение войны с кафрами (мира не будет?)	270 000 ф. ст.
Увеличение расходов на артиллерию	616 000 » »
Увеличение расходов на милицию	230 000 » »
На общественные (читай: частные) школы	100 000 » »
Итого	1 923 000 ф. ст.

Г-н Гладстон все же за итоговую сумму принимает 1654000 ф. ст. (вероятно, исключая пункт ассигнований на войну с кафрами, вследствие неопределенности расходов по этому пункту). Вычитая эту сумму из первоначального (лишь номинального) излишка в 2460000 ф. ст., мы получим реальный излишек в 806000 ф. ст. или, по расчетам г-на Гладстона, в 807000 фунтов стерлингов. Причем палата была предупреждена, что даже из этой скромной суммы придется исключить еще 220000 ф. ст., поступление которых запланировано из случайных, а не из постоянных источников дохода. Таким образом первоначальная цифра в два миллиона, возвещенная с такой помпой, сокращается в конце концов до 587000 ф. ст., т. е.

до суммы, которую никоим образом нельзя считать действительно широкой базой даже для самой скромной налоговой реформы. Но так как страну заверяют, что она имеет правительство реформ, то реформы должны иметь место, и г-н Гладстон немедленно принимается за выработку реформ.

Какой-нибудь заурядный фритредер вроде г-на Юма, пожалуй, посоветовал бы канцлеру казначейства употребить свой излишек на благое дело — на отмену пошлин на те иностранные товары, доход от которых, по данным таможенной статистики, покрывается как раз суммой в 587000 фунтов стерлингов. Но такое предложение было бы банальным, обыденным, вульгарным для столь ученого и глубокомысленного финансового алхимика, как г-н Гладстон! Мыслимо ли, чтобы человек, задумавший ни более ни менее как ликвидацию всего государственного долга, мог удовлетворить свое честолюбие простым сокращением налогов на 500000 фунтов стерлингов? Конечно, ради такой ничтожной цели не стоило удалять Санчо Тимбера[*] в индийскую Баратарию, чтобы очистить место для великого финансового Дон-Кихота коалиции.

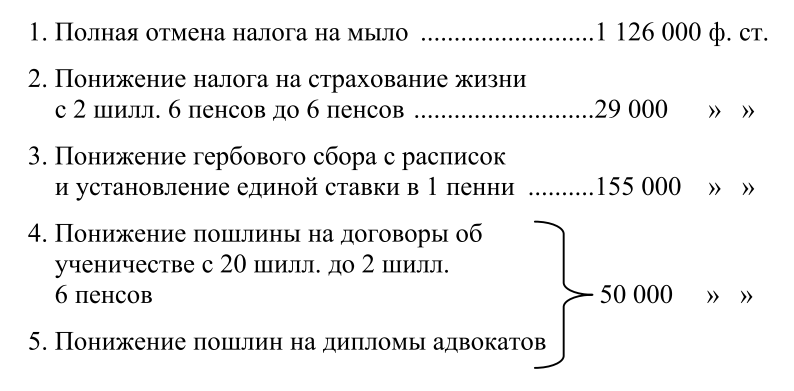
На налоговой реформе Гладстона, так же как на лавках Оксфорд-стрит, красуется гордая надпись:

«Колоссальное снижение!»

«Немедленная экономия в пять миллионов и несколько сот тысяч фунтов!»

Здесь есть то, чем можно привлечь внимание народа и ввести в соблазн даже самых неприступных старых парламентских баб.

Давайте войдем в эту лавку. «Г-н Гладстон, покажите, пожалуйста, ваш прейскурант. Что из себя представляет на деле то, о чем вы говорите, сэр? Снижение на пять миллионов фунтов?» «Конечно, дорогой сэр, — отвечает г-н Гладстон, — не угодно ли вам взглянуть на цифры? Вот они:

1. Полная отмена налога на мыло	1 126 000 ф. ст.
2. Понижение налога на страхование жизни с 2 шилл. 6 пенсов до 6 пенсов	29 000 » »
3. Понижение гербового сбора с расписок и установление единой ставки в 1 пенни	155 000 » »
4. Понижение пошлины на договоры об ученичестве с 20 шилл. до 2 шилл. 6 пенсов 5. Понижение пошлин на дипломы адвокатов	50 000 » »

[*] Имеется в виду Чарлз Вуд (Wood), занимавший пост канцлера казначейства в 1846 г., но при образовании коалиционного министерства в 1852 г. получивший пост председателя Контрольного совета по делам Индии; намек основан на игре слов: «timber» — буквально означает «строевой лес», «бревно»; «wood» — «лес», «дрова». *Ред.*

6. Понижение налога на объявления с 1 шилл. 6 пенсов до 6 пенсов ....160 000 ф. ст.

7. Понижение налога на наемные экипажи с 1 шилл. 5 пенсов до 1 шилл. в день ....26 000 » »

8. Понижение налога на мужскую прислугу старше 18 лет до 1 фунта 1 шилл. и моложе 18 лет до 10 шилл. 6 пенсов ....87 000 » »

9. Понижение налога на частные экипажи ....95 000 » »

10. Понижение налога на лошадей, пони и собак ....108 000 » »

11. Понижение налога на почтовых лошадей путем замены сбора с расстояния системой патентов ....54 000 » »

12. Понижение колониальных почтовых сборов (до 6 пенсов за письмо) ....40 000 » »

13. Понижение пошлины на чай с 2 шилл. $2^1/_4$ пенса до 1 шилл. 10 пенсов до 5 апреля 1854 г., до 1 шилл. 6 пенсов в 1855 г., до 1 шилл. 3 пенсов в 1856 г. и до 1 шилл. в дальнейшем ....3 000 000 » »

14. Понижение пошлин на яблоки, сыр, какао, яйца, масло и фрукты ....262 000 » »

15. Понижение пошлин на 133 второстепенных товара ....70 000 » »

16. Отмена пошлин на 123 второстепенных товара ....53 000 » »

Итого ....5 315 000 ф. ст.»

Конечно, сокращение налогов на 5315000 ф. ст. было бы бесспорно солидным делом. Но не имеет ли этот крайне либеральный бюджет свои изъяны? Несомненно так. Ибо иначе разве можно было бы назвать его реформой? Ведь конституционные реформы, как и лавки на Оксфорд-стрит, при всей их солидной внешности, безусловно имеют весьма солидные изъяны.

Как бы хитро ни было это задумано, у людей хватает ума раскусить в конце концов секрет. Имея в своем кошельке только *полмиллиона,* г-н Гладстон преподносит публике дар *в пять с половиной миллионов.* Откуда он их берет? Ясно, что из кармана той самой одураченной публики, которую он теперь сбивает с толку своей щедростью. Он делает публике подарок, но одновременно предъявляет требование, чтобы она отплатила тем же. Разумеется, не в прямой и вызывающей форме и даже не по отношению к тем лицам, которых он в настоящий момент хочет склонить на свою сторону. Он намеревается иметь дело с самыми различными клиентами, и фокусник Рассел научил

алхимика Гладстона, каким образом он должен возместить завтра свою сегодняшнюю щедрость.

Гладстон уменьшает старые налоги на сумму в 5315000 фунтов стерлингов. Гладстон вводит новые налоги на сумму в 3139000 фунтов стерлингов. Это все еще выглядит так, будто Гладстон облагодетельствовал нас на 2176000 фунтов стерлингов. Но Гладстон ведь в лучшем случае министр всего лишь на год, а на текущий год им проектируется уменьшение налогов на сумму, равную только 2568000 ф. ст., что вызовет сокращение доходов на 1656000 ф. ст., которое покрывается запланированными в текущем году новыми налоговыми поступлениями в сумме 1344000 фунтов стерлингов. Разница в 312000 ф. ст. должна быть покрыта опять-таки из определяемого бюджетом реального излишка в 807000 фунтов стерлингов. И после всего этого все еще получается благоприятный баланс в сумме 495000 фунтов стерлингов.

Таковы основные черты бюджета коалиции. Теперь мы хотим ознакомить наших читателей с теми пунктами, которыми министерство надеется особенно похвастаться, а также с теми наиболее вероятными возражениями, которые будут выдвинуты различными парламентскими оппозиционными партиями, и в заключение высказать наше собственное мнение по этому вопросу.

При всем своем стремлении вызвать сенсацию и обеспечить себе при помощи значительного снижения налогов славу финансиста и популярность среди народа, Гладстон почувствовал необходимость внести предложение об увеличении налогообложения на 3139000 ф. ст. под благовидным и на первый взгляд разумным предлогом. Он понимал, что ему не дадут перекраивать всю налоговую систему исключительно ради неуместного, ничем не оправданного удовлетворения личных интересов без того, чтобы этому не была придана некоторая видимость защиты «принципов» и «справедливости», употребляя выражение парламентариев и буржуа. Поэтому он хитроумно решил сыграть на знакомой ему слабой струне законодательных Пекснифов, ловко завуалировав проектируемое увеличение общественного бремени приятной и благозвучной фразой о «справедливом расширении сферы действия некоторых налогов, имея в виду достижение в этой области окончательного и прочного уравнивания». Для этой цели он избрал следующие налоги:

1) Налог на наследуемое имущество.

2) Акциз на спирт.

3) Подоходный налог.

Гладстон требует, чтобы налогом на наследуемое имущество были одинаково обложены все виды собственности. Так как

земельная собственность была до сих пор свободна от этого налога, то предполагается, что это предложение должно удовлетворить промышленников и торговцев. Акциз на спирт подлежит распространению на Шотландию и Ирландию, так чтобы их винокурение было в. равном положении с английским.

Наконец, обложение подоходным налогом должно быть распространено на доходы и от 100 до 150 ф. ст., а также на Ирландию. Разумеется, Гладстон не может ожидать, что его предложение относительно подоходного налога вызовет особые аплодисменты. Но мы коснемся этого, когда будем говорить о возражениях против бюджета.

Помимо предложений о налоге на наследуемое имущество и на спирт, понижение в духе фритредерства пошлин на большое количество импортных товаров несомненно считается министерством самой соблазнительной приманкой, и лавочники, домашние хозяйки и вообще мелкие буржуа, возможно, встретят это с шумным одобрением, пока не убедятся, что от понижения пошлин, по крайней мере на чай, потребители получат лишь ничтожнейшую выгоду, ибо большую часть ее имеют тенденцию поглотить прибыли владельцев фирм и монополистов производства. Но зато ведь целиком отменяется налог на мыло—мероприятие, которое, как надеется Гладстон, не только должно помочь народу избавиться от своего неопрятного, грязного и жалкого вида и сделать все лица чистыми, добродушными и счастливыми, но должно также совершенно упразднить рабство чернокожих и положить конец страданиям бесчисленных «дядей Томов» благодаря тому, что оно даст толчок «законной торговле и производству африканского пальмового масла». Будучи уверен в этом, Гладстон в рекламировании своего средства готов перещеголять самого тертого торговца галантереей и самого напыщенного шарлатана. К этим привлекательным перспективам Гладстон прибавляет еще изрядное число мелких подачек, включая подачку в несколько миллионов ирландской бригаде в виде освобождения от уплаты займа, предоставленного в связи с голодом, и газете «Times» — этой солидной опоре «доброго Абердина» и его коллег по коалиции. Эта последняя подачка состоит в отмене штемпельного сбора с газетных приложений, содержащих только объявления. Как известно, из всех газет только «Times» выпускает значительное количество подобных приложений.

Теперь перейдем к возражениям против бюджета, с которыми, по всей вероятности, выступит оппозиция. Так как дебаты в палате общин в прошлый понедельник были лишь пробной перестрелкой, то нам придется, насколько это

возможно, выяснять намерения партий на основании периодической печати. А в ней мы находим весьма скудные сведения. «Times», «Chronicle» и «Post» фактически прикованы к коалиционному правительству, а «Daily News» едва ли может считаться органом манчестерской школы. Кроме того, эта газета занимает весьма колеблющуюся позицию и, по-видимому, основательно введена в соблазн предложениями фритредерского характера. Но если мы заглянем в «Herald», торийско-консервативный орган, мы обнаружим, что он уже высказал определенное мнение, и притом с поистине необычной откровенностью:

«Весь бюджет г-на Гладстона», — пишет газета, — «не что иное, как недостойная смесь подкупов и барышничества».

Поэтому тори безусловно выступят против проекта Гладстона, а Дизраэли не преминет потребовать восстановления своих прав на украденные у него лавры в области расширения сферы действия налога на наследуемое имущество и подоходного налога, сокращения пошлины на чай, а также признания других своих заслуг, столь бесстыдно присвоенных Гладстоном. Если земельной аристократии и приходится мириться с очередной потерей своих привилегий, то она, во всяком случае, хочет сохранить за собой заслугу добровольного отказа от них. Но так как она не может сделать своим опорным пунктом вопрос о налоге на наследуемое имущество, то Дизраэли заставит ее сплотиться вокруг принципа, требующего проведения различия между постоянными и непостоянными доходами. На этой платформе он сможет привлечь в качестве своего союзника в борьбе значительную часть ирландской бригады. Само собой очевидно, что ирландцы никогда не смогут признать и не признают долгового обязательства, навязанного их стране англичанами исключительно в результате предварительного разорения ее населения. Не говоря уже об этом, с чисто практической точки зрения освобождение от уплаты процентов с воображаемого капитала в 3000000 ф. ст. должно показаться им весьма неравноценной уступкой за введение подоходного налога и акциза на спирт. Что же касается манчестерской школы, торжественно обещавшей своим избирателям добиться если не отмены, то хотя бы видоизменения подоходного налога, то можно ожидать только, что она будет действовать как делец, то есть считаясь не с политической честью, а лишь с выгодой. А выгоду от гладстоновского бюджета, взятого «в целом», господа из манчестерской школы ни в коем случае не считают ничтожной вещью.

Наконец, что касается нашего собственного мнения по данному вопросу, то мы ничего так страстно не желаем, как поражения министерства, реакционные и фальшивые уловки которого во внутренней политике заслуживают такого же презрения, как его трусливая и угодливая внешняя политика. И мы считаем, что имеем полное право действовать в этом духе, так как такое событие будет безусловно отвечать интересам народа. Ясно одно: до тех пор, пока аристократическая коалиция делает то, чего от нее требует класс промышленников и торговцев, до тех пор последние сами не сделают какого-либо политического усилия и не позволят рабочему классу развернуть свое собственное политическое движение. Но если партия землевладельцев еще раз возьмет верх, буржуазия не сможет освободиться от нее, не преобразуя прогнивший олигархический парламент. А тогда уже не в ее власти будет ограничиться агитацией за частичные реформы, тогда она вынуждена будет дать полный простор и требованиям народных масс. Конечно, народ никогда не может присоединиться к буржуазии или апеллировать к ней, не отказываясь от своих принципов и интересов, но буржуазии уже не в первый раз приходится опираться на плечи народа. А это привело бы к весьма решительной революции в нынешней финансовой системе. Уже и сейчас ясно, что даже буржуазное общество неизбежно стремится к замене традиционной фискальной olla podrida* единым прямым подоходным налогом. Принцип прямого обложения давно уже принят манчестерской школой; он признан Дизраэли и подтвержден даже олигархической коалицией. Когда же механизм для взимания прямого подоходного налога будет создан и как следует налажен, народу, взявшему политическую власть в свои руки, будет достаточно привести его в движение, чтобы создать

бюджет рабочего класса.

Написано К. Марксом около 25 апреля 1853 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 52, 30 апреля 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — мешанины. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ДЕЛО О РАКЕТАХ.—ШВЕЙЦАРСКОЕ ВОССТАНИЕ [84]

Лондон, пятница, 29 апреля 1853 г.

Пресловутый полицейдиректор Штибер приехал сюда несколько дней тому назад из Берлина в сопровождении полицейского лейтенанта Гольдхейма и советника уголовной юстиции Нёрнера со специальной миссией установить связь между «пороховым заговором» в Ротерхайте и заговором «калабрийских шляп» в Берлине*. Я знаю из частной информации, что названные лица собрались в Кенсингтоне, в доме Флёри и что бывший торговый служащий Гирш также присутствовал на этой встрече. На следующий день этот Гирш имел тайное свидание с русским консулом г-ном Кремером. Если ваши читатели помнят мою статью о кёльнском процессе[85], они сразу заметят, что за работу принялись те же самые люди, которые состряпали кёльнское дело.

В субботу, 23-го сего месяца, начался судебный процесс: перед полицейским судьей на Боу-стрит, г-ном Генри, предстал г-н Хейл, владелец фабрики ракет в Ротерхайте, на которую правительством был наложен арест. В этот день судебные прения вращались лишь вокруг вопроса о том, являлись конфискованные взрывчатые материалы порохом или нет. Г-н Генри, откладывавший свое решение до вчерашнего дня, сейчас объявил, вопреки мнению известного химика, г-на Юра, что эти материалы являются именно порохом. В соответствии с этим он оштрафовал г-на Хейла на 2 шилл. с каждого фунта пороха, обнаруженного у него сверх разрешенной законом нормы, причем этот излишек равнялся 57 фунтам. Затем У. Хейл, его сын

* См. настоящий том, стр. 27—30. *Ред.*

Р. Хейл и Дж. Бойлин были подвергнуты судебному допросу по обвинению в том, что в период с 13 сентября 1852 по 13 апреля 1853 г. они в разное время изготовили или приняли заказы на изготовление нескольких крупных партий ракет. Правительственный поверенный г-н Бодкин заявил, что г-н У. Хейл несколько раз безуспешно обращался к английскому правительству с предложением о продаже своих ракет, что с октября 1852 г. у него было занято большое количество рабочих,из которых часть являлась эмигрантами, что весь процесс производства хранился в величайшей тайне и что отчеты таможенного ведомства о перевозках опровергают утверждение г-на Хейла, будто он вывозил свои ракеты через таможню. В заключение г-н Бодкин заявил:

«Стоимость ракет, найденных у г-на Хейла, оценена в одну— две тысячи фунтов стерлингов. Откуда взял он эти деньги? Ведь совсем недавно г-н Хейл был банкротом и освободился от банкротства, выплатив лишь 3 шилл. за каждый фунт долга».

Сержант сыскной полиции Дж. Сандерс сообщил, что им было захвачено «1543 заряженных ракеты, 3629 ракетных головок, 2482 ракетных остова, 1955 незаряженных ракет, 22 железных ядра, 2 инструмента для взрыва ракет». Вызванный вслед за тем в качестве свидетеля г-н Уцнер сообщил, что он в течение 15 лет служил офицером прусской артиллерии и во время венгерской войны был штабным майором. У. гг. Хейлов он работал по производству ракет в Ротерхайте. До поступления на фабрику он сидел пять—шесть месяцев в Мейдстонской тюрьме за кражу, совершенную им, как он заявил, вследствие крайней нужды. Важнейшая часть его показания состояла буквально в следующем:

«С Хейлами меня познакомил г-н Кошут. Я впервые виделся с г-ном Кошутом по этому делу прошлым летом после его возвращения из Америки; приблизительно в середине сентября я видел г-на Хейла-старшего в обществе г-на Кошута в доме последнего; тут же присутствовал один венгр, его адъютант. Г-н Кошут сказал обо мне г-ну Хейлу: «Этот человек служил в венгерской армии, он — бывший прусский артиллерийский офицер, и я могу рекомендовать его Вам в качестве работника для участия в изготовлении *наших* ракет или *ваших* ракет»,— не помню точно, какое именно слово он употребил. Г-н Кошут сказал мне, что я буду получать 18 шилл. в неделю, и советовал мне держать все это дело в полной тайне; г-н Хейл, сказал он, разъяснит мне, в чем будут заключаться мои обязанности. Г-н Кошут говорил то по-венгерски, то по-английски; г-н Хейл, по-видимому, не знает немецкого языка. Слова «в *тайне»* были сказаны мне по-немецки. Вскоре после этого Р. Хейл направил меня в Пимлико для свидания с г-ном Кошутом, с которым я и встретился на Пикеринг-плейс; там же находились У. Хейл и еще один венгр. Нам предстояло испытать аппарат для метания ракет; когда все мы собрались, аппарат был установлен, и мы проделали опыт с ракетами. Разговор шел отчасти на английском языке и касался главным образом

качества ракет и т. д. Мы пробыли там около полутора часов, и когда все было кончено, г-н Кошут и г-н Хейл попросили нас выйти осторожно из дому, по одному; г-н Хейл присоединился к нам на углу улицы. Г-н Кошут несколько раз повторил нам при этом свидании, чтобы мы держали в тайне его отношение к ракетам».

Затем был допрошен г-н В. Герлах, тоже немец, который дал свое показание через переводчика. Он работал на фабрике г-на Хейла, принимал участие в изготовлении ракет. Кроме него там работали еще три венгра. Он был рекомендован г-ну Хейлу г-ном Кошутом, но никогда не видел их обоих вместе.

Г-н Генри, который мог либо наложить на обвиняемых дисциплинарное взыскание, оштрафовав их на 5 фунтов, либо передать дело в суд присяжных, выбрал последнее, но согласился отпустить на поруки обоих Хейлов. Г-н У. Хейл заявил, что он отказывается просить кого бы то ни было из друзей быть поручителем за него самого или за его сына, после чего оба обвиняемых были отведены в Хорсмонгер-лейнскую тюрьму.

Совершенно очевидно, что приведенные выше свидетельские показания явно противоречат письму г-на Хейла-старшего, о содержании которого я уже сообщал вам[86], а также письмам г-на Кошута к капитану Майн Риду и лорду Дадли Стюарту, где г-н Кошут уверяет, что он никогда ничего не слыхал ни о г-не Хейле, ни о его ракетах. Было бы, однако, несправедливым делать из этого какие-либо выводы, пока г-н Кошут не даст дальнейших объяснений. А что касается г-на Уцнера, то не позорно ли, что один из наших талантливых соотечественников, оказавшихся на чужбине, человек, жаждущий трудиться, как он доказал это, согласившись наняться простым рабочим за 18 шилл. в неделю, был доведен крайней нуждой до воровства, тогда как некоторые немецкие эмигранты, известные своим бездельем, позволяют себе растрачивать те небольшие суммы, которые предназначены для революционеров, на разные самозванные миссионерские поездки, смехотворные заговоры и всякого рода трактирные conciliabules?*

В пятницу, 22-го сего месяца, в Фрибуре (Швейцария) снова вспыхнуло восстание — уже пятое со времени недавней войны с Зондербундом[87]. Восстание должно было начаться одновременно на всей территории кантона, но в назначенный момент большинство заговорщиков не выступило. Три «колонны», обещавшие принять участие в деле, не явились к месту действия. Повстанцы, действительно вошедшие в город, состояли

* — сходки, сборища. *Ред.*

главным образом из жителей округа Фарваньи и общин Отиньи, През, Торни, Мид, а также других соседних местностей. В $4^1/_2$ часа утра отряд из 400 крестьян — все они носили цвета Зондербунда и на их знамени была эмблема святой девы — двинулся к Фрибуру по дороге, ведущей из Лозанны; их предводителями были полковник Перье и известный крестьянин Каррар, возглавлявший восстание 1851 г. и амнистированный в свое время Большим советом. Около 5 часов повстанцы вошли в город через Porte des Etangs* и овладели коллежем и арсеналом, где захватили 150 ружей. Городской совет, собравшийся по сигналу тревоги, немедленно объявил осадное положение, и майор Гербекс принял командование над собравшейся гражданской гвардией. Приказав расположить пушки на улицах, прилегающих к коллежу с тыла, он одновременно двинул отряд стрелков для лобовой атаки повстанцев. Стрелки преодолели два пролета лестницы, ведущей в коллеж, и быстро отогнали крестьян от окон здания. Бой продолжался около часа, и среди атакующих уже насчитывалось восемь убитых и восемнадцать раненых, когда повстанцы, тщетно пытавшиеся скрыться на улицах, расположенных в тылу, где они были встречены картечью, выслали священника с белым флагом, объявив о своей готовности сдаться.

Комитетом гражданской гвардии тотчас же был образован военный суд, приговоривший полковника Перье к тридцати годам тюремного заключения. Заседания суда продолжаются до настоящего времени. Число арестованных достигает двухсот, и среди них гг. Вюйере, Век и Шолле. Г-на Шарля, председателя известного комитета в Позьё, видели у ворот Ромона, но схвачен он не был. Кроме священника из Торни-ле-Гран, среди арестованных имеется еще два священника. Что касается причиненных материальных убытков, то на этот счет кантон, по-видимому, спокоен: для их покрытия вполне достаточно половины имущества патриция г-на Века.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между 26 и 29 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3768, 14 мая 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Прудные ворота. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ [88]

Лондон, 1 мая 1853 г.

В королевских семьях в прежние времена обычно держали мальчиков для битья, которые пользовались почетным правом получать соответствующее число ударов по своей плебейской спине всякий раз, когда королевские отпрыски совершали то или иное нарушение правил хорошего поведения. Нынешняя политическая система Европы продолжает до известной степени эту традицию, создавая маленькие буферные государства, которые играют роль козлов отпущения при любых мелочных дрязгах, способных нарушить гармонию «равновесия сил». А для того чтобы эти мелкие государства могли с надлежащим достоинством выполнять столь завидную роль, они с общего согласия «собравшейся на конгресс» Европы[89] и по всем правилам торжественного церемониала были объявлены *«нейтральными»* государствами. Таким козлом отпущения, или мальчиком для битья, является Греция; такую же роль играют Бельгия и Швейцария. Единственное различие состоит в том, что эти современные политические козлы отпущения, в силу ненормальных условий их существования, редко удостаиваются порки совершенно незаслуженно с их стороны.

Наиболее характерным образцом государств такого рода была в последнее время Швейцария.

Quidquid delirant reges, plectuntur...[*]

швейцарцы. Всякий раз, когда в каком-нибудь европейском государстве *народ* приходил в столкновение со своими правите-

[*] — Что б ни творили цари-сумасброды, страдают... (Гораций, «Послания», книга первая, послание II; в конце строки у Горация: achivi — ахейцы). *Ред.*

лями, швейцарцы могли быть также уверены, что и у них не обойдется без волнений, — пока, наконец, с начала текущего года Швейцария, сама навлекшая на себя презрение революционной партии, не подверглась своего рода отлучению со стороны правителей континентальной Европы. Конфликт по вопросу об эмигрантах с императором Бонапартом, из-за которого Швейцария однажды чуть было не оказалась втянутой в войну; конфликт с Пруссией по поводу Невшателя; конфликт с Австрией по поводу тессинцев и миланского восстания[90]; конфликты с мелкими германскими государствами по вопросам, которые никого не интересуют; конфликты буквально со всех сторон, угрожающие ноты, высылки, препятствия, чинимые при выдаче паспортов, объявления блокады обрушиваются на голову несчастной Швейцарии, как град во время бури. И тем не менее — такова человеческая натура! — швейцарцы счастливы, довольны и по-своему горды, чувствуя себя лучше под этим градом оскорблений и издевательств, чем если бы политический горизонт был безоблачным и ясным.

Это почетное политическое положение Швейцарии общественное мнение Европы охарактеризовало, правда, несколько туманно и грубовато, распространенной поговоркой: властители Европы выдумали Швейцарию, чтобы дискредитировать республиканский образ правления. И действительно, Меттерних или Гизо не раз могли бы воскликнуть: если бы Швейцарии не существовало, ее надо было бы создать. Для них такая соседка, как Швейцария, была настоящей находкой.

Не следует ожидать, что мы станем повторять разнообразные обвинения, выдвинутые недавно против Швейцарии и швейцарских учреждений действительными или мнимыми революционерами. Еще задолго до движения 1848 г. органы революционной коммунистической партии Германии анализировали этот вопрос; они показали, почему Швейцария как независимое государство неизбежно должна плестись в хвосте европейского прогресса и почему эта страна при всем ее показном республиканизме навсегда останется реакционной по существу[91]. Они даже подверглись за этот взгляд в то время ожесточенным нападкам со стороны разных демократических болтунов и авторов нелегальной декламаторской стряпни, прославлявших Швейцарию как свою «образцовую республику», пока им не пришлось на собственном опыте изведать ее образцовые учреждения. Теперь это положение уже стало прописной истиной; никто его не оспаривает, и нам достаточно будет нескольких слов, чтобы выяснить истинное положение вещей.

Основная масса швейцарского населения занимается либо скотоводством, либо земледелием; скотоводством — в высокогорных районах, а земледелием — там, где это позволяет состояние почвы. Пастушеские племена, — мы вполне можем назвать их племенами, — принадлежат к числу наименее цивилизованных слоев европейского населения. Если они и не рубят голов и не отрезают ушей, подобно туркам и черногорцам, то они совершают акты не меньшего варварства на своих судебных собраниях. На какую свирепость и зверскую жестокость они способны — достаточно доказали швейцарские наемники в Неаполе и в других местах. Земледельческое население так же косно, как и пастушеское; оно не имеет ничего общего с земледельческим населением американского Дальнего Запада, для которого перемены являются подлинным источником существования и которое каждый год расчищает земельную площадь/ намного превосходящую всю территорию Швейцарии. Швейцарский крестьянин обрабатывает тот же клочок земли, который до него обрабатывали его отец и дед; он обрабатывает его так же небрежно, как и они, и выручает с него приблизительно столько же; он живет примерно так же, как жили они, а потому и мыслит почти совершенно одинаковым образом. Если бы не феодальные повинности и поборы, взимаемые с крестьян частью аристократическими семьями, частью городскими патрицианскими корпорациями, швейцарское крестьянство постоянно оставалось бы таким же косным в политической жизни, каким до сего дня остаются его соседи — пастухи. Третья составная часть швейцарского народа — промышленное население, — естественно, продвинулась по пути цивилизации гораздо дальше, чем оба упомянутых класса, но и она живет в условиях, лишающих ее в значительной степени того гигантского прогрессивного воздействия, которое оказала на Западную Европу современная промышленная система. Использование пара почти неизвестно в Швейцарии; крупные фабрики имеются лишь в немногих местностях; дешевизна рабочих рук, редкость населения, обилие небольших горных рек, пригодных для постройки мельниц, — все это, а также многие другие обстоятельства способствуют созданию мелкой и разбросанной промышленности, тесно переплетенной с сельским хозяйством, что является наиболее подходящим для Швейцарии типом промышленной жизни. Так, в некоторых кантонах развита часовая и ленточная промышленность, производство соломенных изделий и вышивок и т. д., но это не привело ни к возникновению новых, ни даже к росту имеющихся городов; Женева и Базель, два богатейших и вместе с Цюрихом наиболее развитых в про-

мышленном отношении города, почти не расширились **за** целые столетия. Если, таким образом, промышленность в Швейцарии существует почти исключительно в той форме, которая была распространена во всей Европе *до* изобретения паровой машины, то как можно ожидать, что в умах производительного населения мы обнаружим какие-либо другие идеи, кроме тех, которые соответствуют этому уровню. Если пар не революционизировал швейцарское производство и способы сообщения, то мог ли он вызвать переворот в традиционном образе мышления?

Венгерская конституция имеет некоторое сходство с конституцией Великобритании, и этим обстоятельством воспользовались некоторые мадьярские политики, пытавшиеся на этом основании заставить нас прийти к поспешному выводу, что венгерская нация почти не отстала от английской. Но в действительности не только много сотен миль, по и много сотен лет отделяют мелкого торговца из Буды от хлопчатобумажного лорда из Ланкашира или бродячего лудильщика из пушты* от чартистского рабочего из английского промышленного центра. Подобно этому и Швейцария хотела бы изобразить себя Соединенными Штатами в миниатюре. Но если отвлечься от внешнего сходства политических учреждений, едва ли найдутся две страны, менее похожие друг на друга, чем непрерывно развивающаяся, непрерывно изменяющаяся Америка, страна с исторической миссией, о масштабах которой люди по обе стороны Атлантического океана только теперь начинают догадываться, и застывшая Швейцария, которую нескончаемые мелочные распри обрекли бы в конце концов на вечное топтание на месте, если бы ее насильно, против собственной воли, не толкали вперед промышленные успехи ее соседей.

Тот, кто еще сомневается, может убедиться в этом, ознакомившись с историей швейцарских железных дорог. Если бы не транзитные пути с юга на север, охватывающие Швейцарию с обеих сторон, в этой стране вообще не было бы построено ни одной железной дороги. Те же дороги, которые существуют, построены с опозданием на двадцать лет.

Французское вторжение 1798 г. и французская революция 1830 г. дали возможность крестьянству избавиться от феодальных повинностей, а промышленному и торговому населению от тяготевшего над ними средневекового контроля патрициев и цехов. Этим прогрессом исчерпывалась революция в *кантональном* управлении. Наиболее передовые кантоны получили конституции, соответствующие их интересам. Эта кантональная

* — венгерской степи. *Ред.*

революция оказала в свою очередь влияние на центральные учреждения: Союзный сейм и исполнительную власть. Партия, побежденная в отдельных кантонах, была еще сильна в центре, и борьба разгорелась вновь. Общее политическое движение 1840—1847 гг., приведшее повсюду в Европе к предварительным стычкам или подготовившее почву для решающих битв, оказалось во всех второстепенных и третьестепенных государствах — вследствие соперничества великих держав — благоприятным для оппозиции, которую можно охарактеризовать как партию буржуазии. Так же обстояло дело и в Швейцарии; моральная поддержка со стороны Англии, нерешительность Гизо, затруднения в Италии, связывавшие руки Меттерниху, — все это помогло швейцарцам благополучно пережить войну с Зондербундом. Партия, победившая в 1830 г. в либеральных кантонах, теперь завоевала центральную власть. Революции 1848 г. дали швейцарцам возможность реформировать свою феодальную конституцию и привести ее в соответствие с новой политической организацией большинства кантонов; и можно прямо сказать, что Швейцария достигла теперь наивысшего пункта того политического развития, на какое она как независимое государство вообще способна. Что новая конституция Швейцарского союза вполне отвечает потребностям страны,— это убедительно доказывают неуклонно проводимые реформы в области денежной системы, средств связи и другие законодательные меры, касающиеся промышленной жизни страны. Но — увы! — любое другое государство стыдилось бы подобных реформ при наличии такого множества традиционных пут и при столь допотопном состоянии общества, что до сих пор обнаруживается всякий раз, когда проводятся эти реформы.

Самое большее, что можно сказать в пользу швейцарской конституции 1848 г., это то, что ее введением наиболее цивилизованная часть швейцарцев выразила свое стремление перейти, в определенных рамках, от средневековья к современному обществу. Но сумеют ли они когда-нибудь разделаться с привилегированными торговыми корпорациями, цехами и тому подобными средневековыми прелестями — весьма сомнительно для всякого, кто имеет хотя бы малейшее представление о характере страны и видел хотя бы раз, с каким неистовым упорством респектабельные круги, обладающие «стародавними правами», противятся даже самой необходимой реформе.

Мы видим, таким образом, что швейцарцы, верные самим себе, продолжают спокойно жить в своем узком домашнем кругу, между тем как вокруг них вся былая устойчивость континен-

тальной Европы в корне подорвана 1848 годом. Революции в Париже, в Вене, в Берлине, в Милане свелись для них к многочисленным предлогам для кантональных интриг. Европейское землетрясение интересовало даже радикальных швейцарцев только с той точки зрения, что оно может причинить неприятность их консервативному соседу, разбив посуду в его доме. Во время борьбы за итальянскую независимость Сардиния настойчиво предлагала Швейцарии заключить союз, и не подлежит сомнению, что если бы к сардинской армии присоединилось 20 или 30 тысяч швейцарцев, австрийцы были бы очень скоро изгнаны из Италии. Коль скоро 15000 швейцарцев сражались в Неаполе против итальянской свободы, можно было ожидать, что Швейцария ради сохранения своего хваленого *«нейтралитета»* пошлет такое же количество людей на помощь итальянцам. Но предложения о союзе были отвергнуты, и дело итальянской независимости было загублено в такой же мере швейцарскими, как и австрийскими штыками. Затем последовали поражения революционной партии, и вся эмиграция — из Италии, Франции, Германии — хлынула на *нейтральную* швейцарскую землю. Но тут нейтралитету пришел конец; швейцарский радикализм был вполне удовлетворен своими достижениями, и те самые инсургенты, которые сковывали силы опекунов и естественных властителей Швейцарии — абсолютистских правительств континента — и дали швейцарцам возможность беспрепятственно провести свои внутренние реформы, подвергались теперь в Швейцарии всевозможным оскорблениям и высылались из страны по первому требованию их преследователей. А потом наступила целая серия унижений и оскорблений, которыми осыпало Швейцарию одно соседнее правительство за другим и от которых должна была бы закипеть кровь в жилах каждого швейцарца, если бы швейцарская национальность имела какую-либо основу и если бы швейцарская независимость существовала не только в легендах и хвастливых речах.

Никогда ни один народ не подвергался такому обращению, какое испытали швейцарцы со стороны Франции, Австрии, Пруссии и второстепенных германских государств. Никогда ни одной стране не предъявлялись требования даже наполовину столь унизительные без того, чтобы она не ответила на них сопротивлением не на жизнь, а на смерть. Соседние правительства осмелились осуществлять через своих агентов полицейские функции на швейцарской территории; они осуществляли их не только по отношению к эмигрантам, но и по отношению к самому персоналу швейцарской полиции. Они выражали

недовольство низшими полицейскими чинами и требовали их увольнения; они дошли даже до того, что намекнули на необходимость изменений в конституциях нескольких кантонов. Что касается швейцарского правительства, то на любое наглое требование оно давало униженный ответ. А когда в его словах и звучало что-то вроде протеста, можно было не сомневаться, что на деле оно загладит это удвоенной угодливостью. Одно оскорбление проглатывалось за другим, один приказ выполнялся за другим, пока всеобщее презрение Европы к Швейцарии не достигло крайних пределов, пока ее не стали презирать даже больше, чем ее двух соперниц по «нейтралитету» — Бельгию и Грецию. И теперь, когда требования ее главного противника, Австрии, сделались до такой степени наглыми, что их с трудом может перенести без хотя бы показного протеста политический деятель, обладающий даже таким нравом, как г-н Дрюэ, — теперь в своих самых последних и наиболее энергичных нотах Вене Швейцария только демонстрирует, как низко она пала.

Борцы за итальянскую независимость, люди, которые не только далеки от проявления каких-либо нечестивых социалистических или коммунистических тенденций, но которые, вероятно, сочтут чересчур смелым пожелать для Италии даже такую конституцию, какая действует в Швейцарии, — эти люди, не притязающие даже на демагогическую славу Мадзини, клеймятся в швейцарских нотах как убийцы, поджигатели, разбойники и разрушители всякого общественного порядка. По отношению к Мадзини употребляются, конечно, еще более сильные выражения; а между тем всем известно, что Мадзини, со всеми его заговорами и восстаниями, является таким же защитником современного общественного строя, как и сам г-н Дрюэ. Таким образом, в результате всего этого обмена нотами, выяснилось только, что в вопросе принципа швейцарцы уступили австрийцам. Можно ли после этого ждать, что они не уступят им и в практических делах?

Несомненно одно: любое дерзкое и настойчивое правительство может добиться от швейцарцев чего ему угодно. Изолированность, в которой протекает жизнь большинства швейцарцев, лишает их всякого чувства общности национальных интересов. Конечно, жители одного села, одной долины, одного кантона держатся сообща. Но подняться как единая нация на борьбу за общую цель, какой бы она ни была, — этого они никогда не пожелают. При всех иноземных вторжениях, лишь только опасность становилась серьезной, как например в 1798 г., один швейцарец предавал другого, один кантон изменял дру-

гому. Австрийцы выселили 18000 тессинцев из Ломбардии без всякого повода. Швейцарцы поднимают большой шум вокруг этого и собирают деньги для своих злополучных сограждан по Союзу. Но стоит только Австрии настоять на своем и не допустить возвращения этих тессинцев, — и очень скоро мы явимся свидетелями поразительной перемены в общественном мнении швейцарцев. Им надоест собирать деньги; они станут говорить, что тессинцы всегда вмешивались в итальянскую политику и заслужили свою участь, что на деле они не были надежными членами Швейцарского союза (keine guten Eidgenossen). Далее, изгнанные тессинцы будут-де расселяться в других кантонах Швейцарии и «лишать работы местных уроженцев». Ведь в Швейцарии человек считается не швейцарцем, а уроженцем того или иного кантона. И когда дело дойдет до этого, вы увидите, как наши бравые сограждане по Союзу дадут волю своему негодованию, как против жертв австрийского деспотизма начнутся всевозможные интриги, как тессинские швейцарцы сделаются такими же объектами ненависти, преследований и клеветы, какими были эмигранты во время их пребывания в Швейцарии, и тогда Австрия получит все, что она пожелает и вдобавок еще многое другое, если она только захочет этого потребовать.

Когда европейские нации обретут возможность для своей свободной и нормальной деятельности, они поставят вопрос о том, как быть с этими мелкими *«нейтральными»* государствами, которые угодничают перед контрреволюцией в период ее торжества и занимают нейтральную и даже враждебную позицию по отношению к любому революционному движению, выдавая себя тем не менее за свободные и независимые нации. Но к тому времени, быть может, уже не останется и следа от этих наростов на больном организме.

Написано Ф. Энгельсом около 26 апреля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3770, 17 мая 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ И В ЕВРОПЕ

Один в высшей степени глубокий, хотя и склонный к надуманным спекулятивным построениям исследователь начал, управляющих развитием человечества*, всегда превозносил как одну из основных тайн природы то, что он называл законом единства противоположностей [contact of extremes]. Распространенная поговорка «крайности сходятся» с его точки зрения представляет собой великую и непреложную истину во всех сферах жизни, аксиому, которую философ так же не может игнорировать, как астроном законы Кеплера или великое открытие Ньютона.

Является «единство противоположностей» таким универсальным принципом или нет — яркую иллюстрацию этому можно видеть в том влиянии, которое китайская революция[92] по всей видимости оказывает на цивилизованный мир. Может показаться очень странным и парадоксальным утверждение, что ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления будут, вероятно, в большей мере зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи — прямой противоположности Европы, — чем от какой-либо иной существующей ныне политической причины, в большей мере даже, чем от угроз России и их следствия — перспективы всеобщей европейской войны. И, однако, это отнюдь не парадокс, как в этом могут все убедиться, внимательно рассмотрев обстоятельства дела.

* — Гегель. *Ред.*

Каковы бы ни были социальные причины, которые вызвали хронические восстания, продолжающиеся уже около десяти лет в Китае и вылившиеся теперь в единую могучую революцию, и в какой бы форме — религиозной, династической или национальной — эти причины ни проявлялись, толчок к этому взрыву был несомненно дан английскими пушками, при помощи которых Англия принудила Китай ввозить наркотическое снадобье, именуемое опиумом. Перед британским оружием авторитет маньчжурской династии рассыпался в прах; суеверному представлению о вечности Небесной империи был нанесен смертельный удар; варварская герметическая изоляция от цивилизованного мира была нарушена и было положено начало тем связям, которые с тех пор столь быстро развивались под притягательным действием калифорнийского и австралийского золота. В то же самое время серебряная монета империи — ее живая кровь — стала утекать в Британскую Ост-Индию.

До 1830 г., пока торговый баланс был постоянно благоприятен для китайцев, происходил непрерывный ввоз в Китай серебра из Индии, Британии и Соединенных Штатов. Но с 1833 и, в особенности, с 1840 г. вывоз серебра из Китая в Индию приобрел такие масштабы, что он стал грозить Небесной империи истощением. Вследствие этого появились строгие указы императора против торговли опиумом, вызвавшие еще более сильное сопротивление этим мерам. Кроме этих прямых экономических последствий, взяточничество, связанное с контрабандной торговлей опиумом, окончательно деморализовало китайских государственных чиновников в южных провинциях. Подобно тому как император обычно почитался отцом всего Китая, его чиновники рассматривались как носители этих отцовских прав, каждый по отношению к подведомственному ему округу. Но эта патриархальная власть, единственная моральная связь между различными частями обширной государственной машины, постепенно подтачивалась взяточничеством тех чиновников, которые сколотили себе состояние, потворствуя контрабандной торговле опиумом. Это происходило главным образом именно в тех южных провинциях, которые первыми были охвачены восстанием. Вряд ли нужно доказывать, что, по мере того как властелином китайцев становился опиум, император и его свита педантичных мандаринов утрачивали в такой же степени свою власть. Можно подумать, что истории потребовалось сначала одурманить целый народ, чтобы стало возможным пробуждение его от векового оцепенения.

Крайне незначительный прежде ввоз английских хлопчатобумажных тканей, так же как и ранее ничтожный ввоз

английских шерстяных тканей, быстро возрос с 1833 г., после того как монополия торговли с Китаем перешла от Ост-Индской компании к частным торговцам. В еще больших размерах он увеличился с 1840 г., когда и другие страны, и особенно Соединенные Штаты, также стали принимать участие в торговле с Китаем. Этот ввоз иностранных промышленных изделий имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, и это вызвало соответствующее расстройство в общественной жизни.

Контрибуция, которую Китаю пришлось выплачивать Англии после злополучной войны 1840 г.[93], огромное непроизводительное потребление опиума, утечка драгоценных металлов, вызванная торговлей опиумом, разрушительное влияние иностранной конкуренции на местное производство, деморализация государственной администрации привели к двум последствиям: прежние налоги стали более тяжелыми и разорительными и к ним прибавились еще новые. Так, в декрете императора*, подписанном в Пекине 5 января 1853 г., мы находим предписания наместникам и правителям южных провинций, Учана и Ханьяна, понизить налоговые платежи, разрешить их отсрочку и, прежде всего, ни в коем случае не взыскивать сверх причитающейся суммы, ибо иначе, говорится в декрете, «как может перенести это бедный народ?»

«Таким образом», — продолжает император, — «мой народ в годину всеобщей нужды и лишений, быть может, будет избавлен от тяжкого бедствия — преследований и гнета сборщиков податей».

Такие же речи и о таких же уступках, помнится, мы слышали в 1848 г. от Австрии, этого немецкого Китая.

Все эти разрушительные факторы, действуя одновременно на финансы, нравы, промышленность и политическую структуру Китая, получили полное развитие в 1840 г. под жерлами английских пушек, подорвавших авторитет императора и принудивших Небесную империю войти в соприкосновение с земным миром. Полная изоляция была первым условием сохранения старого Китая. Когда же этой изоляции при содействии Англии был насильственно положен конец, разложение должно было наступить так же неизбежно, как неизбежно разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только к ней получит доступ свежий воздух. Но теперь, когда Англия вызвала революцию в Китае, встает вопрос,

* — Сянь-фына. *Ред.*

какое влияние окажет со временем эта революция на Англию и — через Англию — на Европу. На этот вопрос нетрудно ответить.

Мы часто обращали внимание наших читателей на беспримерный роет британской промышленности после 1850 года. Среди самого поразительного процветания нетрудно было усмотреть явные симптомы приближающегося промышленного кризиса. Несмотря на Калифорнию и Австралию[94], несмотря на огромную, беспрецедентную эмиграцию, если не случится что-либо непредвиденное, в надлежащее время все же должен наступить момент, когда расширение рынков не в состоянии будет угнаться за расширением британской промышленности, и это несоответствие с такой же неизбежностью, как и в прежние времена, должно будет вызвать новый кризис. Однако, если происходит внезапное сужение одного из крупных рынков, наступление кризиса неизбежно ускоряется. А китайское восстание в данный момент должно оказать именно такое влияние на Англию. Необходимость открытия новых рынков или расширения старых была одной из главных причин понижения пошлины на чай в Англии, поскольку ожидали, что с увеличением ввоза чая будет иметь место рост экспорта промышленных изделий в Китай. Стоимость годового экспорта из Соединенного королевства в Китай, до отмены в 1833 г. торговой монополии Ост-Индской компании, составляла только 600000 ф. ст., а в 1836 г. она достигла суммы в 1326388 ф. ст., в 1845 г. она поднялась до 2394827 ф. ст., и в 1852 г. составила свыше 3000000 фунтов стерлингов. Количество чая, вывезенного из Китая, в 1793 г. не превышало 16167331 фунта, но в 1845 г. оно доходило до 50714657 фунтов, в 1846 г. — до 57584561 фунта; в настоящее время оно превышает 60000000 фунтов.

Сбор чая в нынешний сезон будет, по-видимому, немалым, о чем уже свидетельствуют таблицы экспорта из Шанхая, показывающие прирост на 2000000 фунтов по сравнению с предыдущим годом. Этот излишек следует приписать двум обстоятельствам. С одной стороны, в конце 1851 г. на рынке ощущалась сильная депрессия и оставшийся большой излишек был переброшен на экспорт 1852 года. С другой стороны, как только в Китае стало известно об изменении британского законодательства в отношении импорта чая, весь имевшийся в наличии чай был выброшен на рынок по значительно повышенным ценам. Но что касается будущего сбора чая, дело обстоит совсем иначе. Это видно из следующих выдержек из переписки крупной чайной фирмы в Лондоне:

«В Шанхае паника достигла крайних пределов. Золото поднялось в цене на 25%, причем *его усиленно скупают, для того чтобы припрятать;* серебро исчезло настолько, что *его совершенно нельзя достать* даже для уплаты налагаемых Китаем на британские суда портовых таможенных пошлин. Вследствие этого г-н Алкок согласился поручиться перед китайскими властями за уплату этих пошлин по получении векселей Ост-Индской компании или других гарантийных ценных бумаг. *Недостаток драгоценных металлов,* с точки зрения неотложных потребностей торговли, является одним из самых неблагоприятных условий, так как их исчезновение происходит как раз в такое время, когда в них чувствуется крайняя нужда. Без них скупщики чая и шелка не могут направиться внутрь страны для того, чтобы производить свои закупки, за которые *приходится уплачивать вперед значительное количество звонкой монеты, чтобы дать возможность производителям завершить свои работы...* В это время года обычно начинают заключать сделки на новый чай, но так как теперь ни о чем другом не говорят, кроме как о способах защиты личности и собственности, то все дела приостановились... Если не будет принято мер для сбора листа в апреле и мае, то ранний сбор, включающий все более тонкие сорта как черного, так и зеленого чая, погибнет так же, как не сжатая до рождества пшеница».

Конечно, ни английские, ни американские, ни французские эскадры, стоящие в китайских водах, не обеспечат средств для сбора чайного листа, но своим вмешательством они легко могут вызвать такие осложнения, которые приведут к прекращению всяких деловых связей между производящими чай внутренними областями страны и вывозящими чай морскими портами. Таким образом, для нынешнего сбора следует ожидать повышения цен — в Лондоне спекуляция уже началась, — а для будущего сбора можно почти с уверенностью предсказать крупный дефицит. Но это еще не все. Китайцы, которые хотя и готовы, как и все люди в периоды революционных потрясений, продать иностранцам всю массу имеющихся у них товаров, будут, как это обыкновенно и делали жители стран Востока, когда они опасались больших перемен, припрятывать свои шелка и чай и в обмен на них не станут брать ничего другого, кроме звонкой монеты. Англия поэтому должна ожидать повышения цен на один из ее главных предметов потребления, отлива металлических денег и значительного сужения одного из важнейших рынков для ее хлопчатобумажных и шерстяных товаров. Даже «Economist», этот оптимистический заклинатель всего, что угрожает спокойствию умов меркантильного общества, вынужден вести такие речи:

«Мы не должны льстить себя надеждой найти такой же большой рынок для нашего экспорта в Китае, как до сих пор... Более вероятно, что наша экспортная торговля с Китаем пострадает и что спрос на изделия Манчестера и Глазго уменьшится».

Не следует забывать, что повышение цен на такой необходимый товар как чай и сужение столь важного рынка как Китай совпадет с плохим урожаем в Западной Европе и, следовательно, с повышением цен на мясо, хлеб и все другие сельскохозяйственные продукты. Это вызовет сужение рынка для промышленных изделий, потому что каждое повышение цен на предметы первой необходимости сопровождается как в самой стране, так и за границей соответственным сокращением спроса на промышленные изделия. Со всех концов Великобритании раздаются жалобы на плохое состояние большей части посевов. «Economist» по этому поводу пишет следующее:

«На юге Англии не только многие поля останутся незасеянными до тех пор, пока *уже* будет слишком поздно рассчитывать на какой бы то ни было урожай, но и многие из засеянных полей, по-видимому, покроются сорняками или вообще окажутся в состоянии, мало благоприятном для роста хлебов. На сырой и истощенной почве, отведенной под пшеницу, налицо очевидные признаки предстоящего неурожая. Время для посева кормовой свеклы теперь, можно сказать, уже упущено, и ее очень мало было посеяно; время для возделывания почвы под турнепс также быстро проходит, причем не сделано никаких необходимых приготовлений для того, чтобы посадка этого важного растения была закончена... Посеву овса сильно мешали снег и дожди. Ранний посев овса был недостаточен, а поздние посевы редко дают хороший урожай... Во многих местах погибло значительное количество племенного скота».

Цены на незерновые сельскохозяйственные продукты на 20, 30 или даже 50% выше прошлогодних. Зерно на континенте вздорожало сравнительно больше, чем в Англии. В Бельгии и Голландии рожь поднялась в цене на целых 100%. За ней следуют пшеница и другие зерновые культуры.

При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что британская промышленность и торговля уже проделали большую часть обычного экономического цикла, можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в готовую взорваться мину современной промышленной системы и заставит разразиться давно назревающий всеобщий кризис, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последуют политические революции на континенте. Любопытное будет зрелище: Китай вызывает потрясения в западном мире, в то время как западные державы с помощью английских, французских и американских военных кораблей водворяют «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устье Великого канала. Разве эти экспортирующие «порядок» державы, которые пытаются оказать поддержку пошатнувшейся маньчжурской династии, забыли, что ненависть к иностранцам и изгнание их из пределов империи, имевшие место в прежние времена лишь

вследствие географических и этнографических особенностей Китая, стали политической системой только со времени завоевания этой страны маньчжуро-татарами?[95] Не подлежит ни малейшему сомнению, что бурные раздоры между европейскими нациями, которые с конца XVII века стали соперничать друг с другом из-за торговли с Китаем, послужили мощным толчком для проведения принятой маньчжурами политики недопущения иностранцев. Но еще сильнее побуждали к этому новую династию опасения, что иностранцы будут поддерживать недовольство, которым была охвачена значительная часть китайцев в течение первых пятидесяти лет или около этого, после покорения Китая татарами. По этим соображениям иностранцам и было запрещено поддерживать какие-либо связи с китайцами кроме как через Кантон — город, находящийся на большом расстоянии от Пекина и чайных округов, — а торговля их была ограничена товарообменом с торговцами Гонконга, которым правительство специально дало привилегию на иностранную торговлю, дабы таким путем оградить остальных своих подданных от всякого соприкосновения с ненавистными чужеземцами. Во всяком случае вмешательство со стороны западных правительств в такое время может лишь придать революции более насильственный характер и продлить застой в торговле.

В то же время следует заметить в отношении Индии, что британские власти в этой стране целую седьмую часть своих доходов извлекают из продажи опиума китайцам, между тем как спрос Индии на британские промышленные изделия зависит в значительной мере от производства этого индийского опиума. Правда, китайцы, вероятно, столь же мало склонны отказаться от опиума, как немцы — запретить употребление табака. Но так как известно, что новый император благосклонно относится к возделыванию мака и изготовлению опиума в самом Китае, то очевидно, что это сразу нанесет смертельный удар как по производству опиума в Индии, так и по доходам Индии и торговым ресурсам Индостана. Хотя соответствующие заинтересованные стороны возможно и не почувствуют немедленно этого удара, но придет время, когда его действие скажется в полной мере и он будет способствовать обострению и продлению всеобщего финансового кризиса, гороскоп которого мы уже составили выше.

С начала XVIII века в Европе не было серьезной революции, которой не предшествовал бы торговый и финансовый кризис. Это в такой же мере относится к революции 1789 г., как и к революции 1848 года. Правда, мы с каждым днем наблюдаем

не только все более грозные симптомы столкновений между правителями и их подданными, между государством и обществом, между различными классами, но и столкновения между существующими державами друг с другом, которые постепенно достигают такого напряжения, когда остается только извлечь из ножен меч и прибегнуть к ultima ratio* государей. В европейские столицы ежедневно поступают сообщения, полные слухов о всеобщей войне, сменяющиеся назавтра другими сообщениями, из которых следует, что мир обеспечен на неделю или на приблизительно такой срок. Тем не менее, мы можем быть уверены, что какой бы остроты ни достиг конфликт между европейскими державами, какими бы грозными ни казались тучи, заволакивающие дипломатический горизонт, какие бы действия ни пыталась предпринять та или иная фракция энтузиастов в той или другой стране, — ярость государей и негодование народов в равной мере смягчаются, как только в воздухе повеет процветанием. Ни войны, ни революции не в силах глубоко потрясти Европу, если они не произойдут в результате всеобщего торгового и промышленного кризиса, сигнал к которому, как всегда, должна подать Англия, представительница европейской промышленности на мировом рынке.

Нам незачем останавливаться на политических последствиях, которые вызовет такой кризис в наше время, когда происходит небывалый в истории рост фабрик в Англии, а ее официальные партии переживают полное разложение, когда весь государственный аппарат Франции превращен в один огромный спекулирующий биржевой концерн, а Австрия находится накануне банкротства, когда накопившиеся повсюду несправедливости должны повлечь за собой народное возмездие, когда приходят в столкновение интересы самих реакционных держав и перед всем миром снова обнаруживаются завоевательные стремления России.

Написано К. Марксом 20 мая 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3794, 14 июня 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — последнему доводу. *Ред.*

К. МАРКС

ГОЛЛАНДСКИЕ ДЕЛА. — ДАНИЯ. — КОНВЕРСИЯ БРИТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА. — ИНДИЯ. — ТУРЦИЯ И РОССИЯ [96]

Лондон, вторник, 24 мая 1853 г.

Общие выборы в Голландии, вызванные недавним роспуском Генеральных штатов, уже закончились. В результате выборов большинство в 12 голосов принадлежит ультрапротестантскому и роялистскому министерству.

Дания в настоящее время наводнена антиправительственными брошюрами, из которых наиболее значительными являются: *«Объяснение датскому народу причин роспуска парламента»* г-на Грундтвига и анонимный памфлет, озаглавленный: *«Спорный вопрос о престолонаследии в Дании, или что должно быть предпринято европейскими державами».* Цель обеих брошюр — доказать, что отмена прежнего закона о престолонаследии, на чем настаивало министерство и что предусмотрено Лондонским протоколом, приведет к гибели страны, превратив ее первоначально в провинцию герцогства Гольштейн, а затем в вассальное владение России.

Таким образом, датский парод, кажется, осознал, наконец, какие последствия для него самого имело его слепое сопротивление требованиям независимости, выдвинутым в 1848 г. герцогствами Шлезвиг и Гольштейн. Датский народ настаивал на сохранении вечной унии между его страной и Гольштейном и ради этого объявил войну германской революции; выиграв эту войну, он удержал за собой Голыптейн. Но за это завоевание датский народ вынужден теперь расплачиваться потерей собственной родины. «Neue Rheinische Zeitung» в 1848—1849 гг. неустанно предостерегала датских демократов о конечных последствиях их враждебного отношения к германской революции[97]. Она недвусмысленно предсказывала, что Дания, содей-

ствуя разоружению революции за рубежом, навсегда связывает себя с династией, которая, если устанавливаемый порядок престолонаследия будет узаконен и санкционирован самими датчанами, станет приносить их национальную самостоятельность в жертву bon plaisir* русского царя. Датская демократия отказалась действовать в соответствии с этим советом и получает теперь такое же возмездие за проявленную ею близорукость и безрассудство, как и славяне Богемии**, которые ради того, чтобы «уберечь свою национальную самобытность от немцев», ринулись в истребительный поход против своих единственно возможных освободителей от ненавистного им германского деспотизма — против венских революционеров. Разве это не является сейчас суровым уроком для обоих этих народов, которые в результате интриг контрреволюции позволили вовлечь себя в самоистребительную войну против дела революции?

Теперь, когда выдвинутый Гладстоном план сокращения государственного долга прошел через парламент и подвергается проверке на практике, его поборники, — а почти вся лондонская пресса, казалось бы, в высшей степени одобрительно отнеслась к этому знаменитому плану, — немедленно умолкли. Предложенные Гладстоном на выбор три способа добровольной конверсии трехпроцентных бумаг на сумму в 500000000 ф. ст. свелись к столь платоническим пожеланиям, что ни один из них не нашел еще такого количества согласных его принять, которое заслуживало бы упоминания. Что же касается конверсии облигаций Компании Южных морей, то к вечеру 19 мая из общей суммы в 10000000 ф. ст. было обменено на новые ценные бумаги всего лишь 100000 фунтов стерлингов. Согласно общему правилу, если подобные операции не бывают завершены в течение первых же недель, то после этого с каждым днем все больше утрачивается вообще какая-либо вероятность их осуществления. Кроме того, процентная ставка, хотя и медленно, но неуклонно, растет. Вот почему едва ли не будет преувеличением предположить, что прежние ценные бумаги на сумму в 10000000 ф. ст. могли бы быть обменены на новые в намеченный для проведения такой операции срок. Но даже если бы это было так, г-н Гладстон должен будет уплатить по крайней мере 8000000 ф. ст. тем владельцам бумаг Компании Южных морей, которые не захотят обменивать их на новые ценные бумаги. Единственный фонд, которым располагает г-н Гладстон на этот случай, это государственные бюджетные средства в Английском банке,

* — произволу. *Ред.*
** — Чехии. *Ред.*

составляющие приблизительно восемь или девять миллионов фунтов стерлингов. Поскольку эти средства, однако, являются не излишком, образованным в результате превышения дохода над расходами, а лишь вложениями в банк, сделанными в силу того, что государственные доходы поступают несколькими месяцами раньше времени их расходования, то г-н Гладстон в будущем окажется в один прекрасный момент перед очень большими финансовыми затруднениями, которые одновременно вызовут в высшей степени серьезное расстройство в денежных операциях банка и на денежном рынке вообще. К тому же плохие виды на урожай дадут толчок более или менее значительному отливу золота.

Срок действия хартии Ост-Индской компании истекает в 1854 году. Лорд Джон Рассел заявил в палате общин, что правительство сможет 3 июня огласить устами сэра Чарлза Вуда свои соображения о будущем управлении Индией. Некоторые министерские газеты дают понять, в подтверждение уже распространившихся среди публики весьма достоверных слухов, что коалиции удалось свести даже гигантскую индийскую проблему почти к карликовым масштабам. Газета «Observer»[98] готовит умы английского народа к новому разочарованию. Мы читаем в этом негласном органе Абердина:

> «В области новой организации управления нашей восточной империей предстоит сделать гораздо меньше, чем это обычно предполагают».

Милорды Рассел и Абердин сделают гораздо меньше даже по сравнению с тем, что предполагается сделать.

Главное в предлагаемых изменениях сводится, по-видимому, к двум весьма незначительным пунктам. Во-первых, Совет директоров будет «обновлен» за счет пополнения его некоторыми новыми членами, назначаемыми непосредственно короной, но даже и эта свежая кровь будет вливаться «на первых порах экономно». Язвы старой директорской системы, стало быть, думают исцелять таким образом, чтобы вводимая сейчас с «большой осторожностью» порция свежей крови вполне успела застояться, прежде чем приступят к повторному вливанию. Во-вторых, будет положен конец совмещению в одном лице должности судьи и налогового инспектора и к занятию должности судьи будут допускаться только лица с образованием. Не кажется ли вам, когда вы слышите о таких предложениях, что вы переноситесь в ранние периоды средневековья, когда феодальных баронов еще только начали заменять в роли судей юристы, от которых требовалось, по крайней мере, умение читать и писать?

«Сэр Чарлз Вуд», который выступит в качестве председателя Контрольного совета по делам Индии с этим солидным образчиком реформы, — это тот самый дубоватый [timber] господин*, который при последнем правительстве вигов проявил такие недюжинные умственные способности, что коалиция находилась в страшном затруднении, не зная, как с ним поступить, пока не напала на счастливую мысль поставить его во главе Индии. Ричард III предлагал королевство за коня, коалиция предлагает осла для королевства. Право же, если нынешний официальный идиотизм олигархического правительства есть показатель того, на что сейчас *способна* Англия, значит времена английского владычества над миром миновали.

Мы не раз видели, как коалиция неизменно находила какие-либо удобные предлоги для отсрочки всякого, даже незначительного мероприятия. В настоящее время присущая ей склонность к отсрочкам встречает в отношении Индии поддержку со стороны общественного мнения обеих стран. Английский и индийский народы одновременно требуют отсрочки всяких законодательных мер по индийскому вопросу до тех пор, пока не будет выслушан голос населения Индии, пока не будут собраны необходимые материалы и пока не будут завершены начатые расследования. На Даунинг-стрит уже поступили петиции от трех президентств[99] с возражением против поспешного издания новых законов. Манчестерская школа основала «Индийское общество»[100], которое должно будет немедленно приступить к устройству митингов в столице и по всей стран в целях протеста против издания в текущую сессию парламента каких бы то ни было законов в данной области. Кроме того, в настоящее время работают две парламентские комиссии, подготовляющие отчет о положении дел в управлении Индией. Но коалиционное министерство на этот раз неумолимо. Оно не хочет ждать, пока будет обнародовано мнение какой-либо комиссии. Оно желает немедленно и непосредственно издать законы для 150 миллионов человек — и издать их сразу на двадцать лет вперед. Сэр Чарлз Вуд жаждет прослыть современным Ману. Откуда же столь внезапно появившиеся поспешность и законодательный пыл у наших «осторожных» политических инвалидов?

Они хотят продлить старую индийскую хартию еще на 20 лет. При этом они пользуются постоянной ссылкой на желание провести реформу. Почему? Английская олигархия предчувствует приближающийся конец своего славного правления и испыты-

* Игра слов: «wood»—«лес», «timber» — «строевой лес», «бревно». *Ред.*

вает весьма понятное желание заключить с английским законодательством такую сделку, которая позволила бы ей, даже если бы Англия вскоре высвободилась из ее слабых, но жадных рук, сохранить для себя и своих сообщников привилегию, позволяющую грабить Индию еще в течение 20 лет.

В прошлую субботу из Брюсселя и Парижа были переданы по телеграфу депеши, содержащие известия из Константинополя от 13 мая. Немедленно по их получении в министерстве иностранных дел состоялось заседание кабинета министров, продолжавшееся три с половиной часа. В тот же день по телеграфу был послан приказ адмиралтейству в Портсмут, предписывающий, чтобы два паровых фрегата — 90-пушечный «Лондон» и 71-пушечный «Санпарай» отправились из Спитхеда в Средиземное море. Приказ отправиться в море получили также 21-пушечный паровой фрегат «Хайфлайер» и 16-пушечный паровой фрегат «Оден».

Каково же было содержание этих депеш, вызвавших столь внезапную активность министров и прервавших состояние безмятежной сонливости, в котором пребывала Англия?

Известно, что вопрос о святых местах был урегулирован в пользу России[101]; по уверению русских посольств в Париже и Лондоне, Россия не притязала ни на что другое, кроме как на признание за ней главной доли в этих святых местах. Цели русской дипломатии были не менее рыцарскими, чем Фридриха Барбароссы и Ричарда Львиное сердце. Так, по крайней мере, уверяет «Times».

«Однако», — по словам «Journal des Debats»[102], — «5 мая из Одессы прибыл русский паровой фрегат «Бессарабия», имея на своем борту полковника с депешами для князя Меншикова; а в субботу, 7 мая, князь вручил турецким министрам проект соглашения или специального договора, в котором были изложены новые требования и притязания. Этот документ называют ультиматумом, поскольку он сопровождался весьма краткой нотой, в которой указывалось, что крайним сроком для принятия или отклонения этого документа Диваном является вторник, 10 мая. Нота заканчивалась примерно такими словами: «Если Высокая Порта соблаговолит ответить отказом, то император будет вынужден усмотреть в этом акте полное отсутствие уважения к своей особе и к России и примет это известие с чувством *глубокого сожаления*»».

Главная цель этого договора состояла в том, чтобы обеспечить русскому императору протекторат над всеми православными подданными Порты. По Кючук-Кайнарджийскому договору конца XVIII века[103], в Константинополе должна была быть сооружена православная церковь, и русскому посольству было предоставлено право вмешательства в споры между ее священниками и турками. Эта привилегия была подтверждена Адрианопольским договором. Но теперь князь Меншиков

желает эту необычную привилегию превратить во всеобщий протекторат над всей греко-православной церковью в Турции, то есть над большинством населения Европейской Турции. Кроме того, Меншиков требует, чтобы константинопольский, антиохийский, александрийский и иерусалимский патриархи, а также митрополиты пользовались правом несменяемости, если только они не будут уличены в государственной измене (против русских), но и тогда они могут быть смещены только с согласия царя. Другими словами, он добивается отказа султана* от своего суверенитета в пользу России.

Известия, доставленные телеграфом в субботу, таковы: во-первых, князь Меншиков согласился продлить до 14 мая срок для ответа на свой *ультиматум;* далее, в составе турецкого министерства произошли изменения, в результате которых министром иностранных дел был назначен Решид-паша, противник России, а Фуад-эфенди был возвращен на пост министра; и, наконец, *русский ультиматум был отклонен.*

Если бы Россия даже одержала целый ряд выдающихся побед, то и при этом она не могла бы предъявить Турции столь далеко идущие требования. Это —лучшее доказательство того, насколько упорно Россия придерживается своей прочно укоренившейся идеи, что каждое контрреволюционное междуцарствие в Европе дает ей право вымогать уступки у Оттоманской империи. И действительно, начиная со времени первой французской революции, попятное движение на европейском континенте всегда означало также и продвижение России на Востоке. Но Россия ошибается, смешивая нынешнее состояние Европы с ее положением после конгрессов в Лайбахе и Вероне, или даже после Тильзитского мира. Сама Россия теперь гораздо больше боится революции, которая должна последовать за любой всеобщей войной на континенте, чем султан — нападения царя. Если остальные державы будут держаться твердо, Россия наверняка отступит, сохраняя внешнее достоинство. Как бы то ни было, последние маневры России послужили, во всяком случае, могучим толчком для элементов, дезорганизующих Турцию изнутри. Единственный вопрос заключается в том, действует ли Россия по свободному побуждению или же она поневоле является лишь бессознательным рабом современного рока — революции? Я уверен в последнем.

Написано К. Марксом 24 мая 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3790, 9 июня 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

* — Абдул-Меджида. *Ред.*

К. МАРКС

МАДЗИНИ.— ШВЕЙЦАРИЯ И АВСТРИЯ. — ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС

Лондон, пятница, 27 мая 1853 г.

Пребывание г-на Мадзини в Англии теперь, наконец, подтверждено чем-то вроде официального сообщения в одной связанной с ним лондонской газете.

Дело гг. Хейлов по обвинению в «пороховом заговоре» не будет слушаться на нынешней сессии суда присяжных и переносится на август, так как коалиционное правительство жаждет того, чтобы между сделанными им «разоблачениями» и судебными прениями, которые должны показать, чего они стоят, протекло некоторое время и «разоблачения» эти изгладились бы из памяти.

Граф Карницкий, австрийский поверенный в делах в Берне, получил 21 мая приказ от своего правительства немедленно оставить свой пост и прибыть в Вену, поставив в известность президента Швейцарского союза о разрыве дипломатических отношений между Австрией и Швейцарией. Газета «Bund» от 23 мая, однако, утверждает, что австрийский представитель уже заранее получил разрешение покинуть страну по своему усмотрению, когда он сочтет это нужным. Ультиматум графа Карницкого изображается этой газетой как ответ Австрии на ноту Союзного совета от 4 мая. То, что ультиматум содержал в себе нечто большее, чем простой ответ, можно заключить из того факта, что Союзный совет только что потребовал от кантонального правительства Фрибура объяснений относительно «чрезвычайных» мер, принятых им недавно против разбитых повстанцев. Английские газеты напечатали следующее сообщение из Берна, датированное 23 мая:

«В результате уведомления, сделанного австрийским поверенным в делах президенту Швейцарского союза о разрыве дипломатических отношений между Австрией и Швейцарией, Союзный совет решил немедленно прекратить деятельность швейцарского представителя в Вене».

Содержание этого сообщения опровергается, однако, следующей статьей в «La Suisse», датированной 23 мая:

«Мы оказались, примерно, в таком же положении, как Пьемонт[104]. Переговоры между обеими странами прерваны... Австрийская миссия остается в Берне для выполнения обычной текущей работы. Газета «Bund» утверждает, что отозвание швейцарского поверенного в делах в Вене было желательно, поскольку под предлогом ведения государственных дел он преспокойно устраивал там свои собственные дела, занимаясь исключительно торговлей шелком. Г-н Штейгер является дипломатом второго разряда и известно, что он разбирается значительно больше в шелковичных червях, чем во вверенных ему служебных делах. Поэтому не было никакой необходимости отзывать подобного дипломата, который всегда находился в Вене по собственному благоусмотрению, никогда не получая на это специальных полномочий».

Пусть поэтому никто не думает, что швейцарцы вспоминают знаменитый девиз, которым Лустало в 1789 г. украшал свою газету «Rẹvolutions de Paris»[105]:

Les grands ne sont pas grands,
Que parce que nous somnaes a̲ genoux.
— Levons nous![*]

Тайна швейцарской отваги достаточно объясняется как пребыванием герцога Генуэзского в Париже и бельгийского короля[**] в Вене, так и, возможно, не в меньшей степени, статьей во французской газете «Moniteur» от 25 мая:

«Никакая нация не должна вмешиваться в отношения между Францией и Швейцарией, все прочие соображения должны отступить перед этим основным обстоятельством».

Помыслы прусского короля о возвращении Невшателя, таким образом, не встречают большого одобрения. Более того, преобладают слухи о формировании французского обсервационного корпуса на границах Швейцарии. Луи-Наполеон был бы, разумеется, весьма рад возможности отомстить императорам России и Австрии и королям Пруссии и Бельгии за то презрительное обращение, которому он подвергался с их стороны в течение последних месяцев[106].

Сведения относительно отклонения русского ультиматума и образования антирусского министерства в Константинополе,

[*] — Великие кажутся нам великими лишь потому,
Что мы сами стоим на коленях.
— Поднимемся! *Ред.*

[**] — Леопольда I. *Ред.*

которые я сообщил в своей последней статье*, полностью подтвердились. В самых последних сообщениях из Константинополя от 17 мая говорится:

«Заняв свой пост, Решид-паша просил у князя Меншикова отсрочку на шесть дней. Меншиков отказал, заявив, что дипломатические отношения прерваны, и добавил, что он останется в Константинополе еще на три дня, чтобы произвести все необходимые приготовления к отъезду; он призывал Порту обдумать положение и воспользоваться тем небольшим сроком, на который он задержится».

Из сообщений от 19 мая из Константинополя мы далее узнаем:

«17 мая состоялось заседание Дивана, в результате которого было твердо решено, что договор, предложенный князем Меншиковым, не может быть принят. Уведомленный об этом,. Меншиков тем не менее не покинул Константинополя. Наоборот, он приступил к новым переговорам с Решид-пашой. День отъезда русской миссии *более не устанавливался».*

В противоположность этому сообщению, французский правительственный орган, вечерняя газета «Patrie»[107], определенно заявляет, что, как стало известно правительству, князь Меншиков отплыл в Одессу и это событие не произвело большого впечатления в Константинополе. Газета «Pays» подтверждает правильность этого заявления, но газета «Presse»[108] опровергает его. Жирарден, однако, добавляет, что если эти известия и верны, то их легко можно объяснить.

«Если князь Меншиков действительно отплыл из Бююкдере[109] в Одессу, то дело заключается в том, что, не достигнув цели своей миссии (manque son effet), он был лишен другого выбора, кроме как ретироваться под видом посещения одного порта за другим».

Некоторые газеты утверждают, что эскадра адмирала Делазюса прошла Дарданеллы и в настоящее время стоит на якоре в Золотом Роге. Но это утверждение опровергается газетой «Morning Post». «Triester Zeitung» уверяет своих читателей, что прежде чем передать ответ князю Меншикову, Порта запросила лорда Редклиффа и г-на Делакура, сможет ли она в конечном счете рассчитывать на их поддержку. «Times» со своей стороны торжественно опровергает это.

Я передаю текстуальный перевод выдержки из парижской газеты «Siecle»[110], которая содержит некоторые любопытные подробности относительно переговоров в Константинополе, продолжавшихся с 5 по 12 мая. Эта выдержка показывает в истинном свете смехотворное поведение князя Меншикова, который продемонстрировал во всем этом деле самое отвратительное сочетание северного варварства с византийским дву-

* См. настоящий том, стр. 110— 111. *Ред.*

личием, весьма преуспев в деле выставления России на посмешище Европы. Этот «grec du Bas-Empire»[*] вознамерился завоевать верховную власть над целым государством посредством лишь одних театральных эффектов. Для России не остается ничего иного, как сделать шаг от великого к смешному — позор, который может быть смыт лишь кровью. Но нынешнее время спекулирующей на бирже плутократии — это не время рыцарских турниров. В статье, напечатанной в «Siecle», говорится :

«В четверг, 5 мая, в день отплытия французского почтово-пассажирского парохода, Высокая Порта направила г-ну Делакуру и князю Меншикову копии фирмана, содержащего решение вопроса о святых местах. Этот день миновал без какого-либо заявления и демарша со стороны князя Меншикова, и все послы, полагая, что вопрос урегулирован, воспользовались отплытием французского парохода для отправки с ним сообщений своим правительствам о благоприятном обороте дел. Однако князь Меншиков, получив фирман относительно святых мест, с наступлением полуночи направил к министру иностранных дел[**] простого *каваса,* то есть жандарма, с ультиматумом, требующим *сенеда* (договора), в котором разрешался бы вопрос о святых местах, *а также* содержались бы гарантии на будущее в отношении привилегий и неприкосновенности греко-православной церкви, иными словами, устанавливался бы самый широкий протекторат России над этой церковью, что было бы равносильно появлению в Турции двух различных императоров: султана для мусульман и царя для христиан. Для ответа на этот ультиматум князь дал'Порте всего четыре дня, требуя при этом немедленного подтверждения получения ультиматума правительственным чиновником. Министр иностранных дел передал князю Меншикову нечто вроде расписки через своего ага — низшего чина жандармерии. Князь в ту же ночь отправил пароход в Одессу. 6 мая, в пятницу, султан, узнав о вручении ультиматума столь необычным путем, созвал Диван и официально уведомил о случившемся лорда Редклиффа и г-на Делакура. Оба посла немедленно договорились о совместных действиях, рекомендуя Порте отклонить ультиматум с соблюдением при этом величайшей сдержанности в выражениях. Кроме того, как утверждают, г-н Делакур заявил самым определенным образом, что Франция будет возражать против любого соглашения, нарушающего ее права в отношении святых мест, гарантированные ей договором 1740 года. Князь Меншиков тем временем удалился в Бююкдере» (подобно Ахиллесу, удалившемуся в свой шатер). «9 мая г-н Каннинг выразил пожелание увидеться с князем, намереваясь склонить его к более умеренному образу действий. На это последовал отказ. 10-го военный министр[***] и министр иностранных дел находились у великого визиря[****], который пригласил князя Меншикова прибыть, чтобы сделать совместную попытку достичь приемлемого соглашения. Снова последовал отказ. Тем не менее князь Меншиков дал Порте понять, что он склонен предоставить ей отсрочку еще на три дня. Султан и его правительство, однако, ответили, что решения ими приняты и время их не изменит. Этот отрицательный ответ Порты был в полночь 10-го направлен в Бююкдере, где собралось

[*] — «грек времен Восточной Римской империи», византиец. *Ред.*
[**] — Рифаат-паше. *Ред.*
[***] — Мехмед-Мутерджин-паша. *Ред.*
[****] — Мехмеда-Али-паши. *Ред.*

все русское посольство и где на протяжении последних нескольких дней оно демонстративно готовилось к предстоящему отъезду. Турецкое правительство, осведомленное об этом, почти готово было пойти на уступки, но султан дал ему отставку и сформировал новое правительство».

Я заканчиваю свое сообщение о турецких делах выдержкой из газеты «Constitutionnel», рисующей поведение греко-православного духовенства в период всех этих переговоров:

«Греко-православное духовенство, столь глубоко заинтересованное в этом вопросе, высказалось в пользу status quo, то есть в пользу Порты Оно en masse[*] выражает протест против того протектората, который грозит навязать ему русский император. Православное население, вообще говоря, стремится получить поддержку России, но лишь при условии, что оно не будет подчинено ее непосредственному господству. Ему глубоко неприятна сама мысль, что восточная церковь, являющаяся матерью русской церкви, должна будет когда-либо подчиниться последней, — факт, который неизбежно имел бы место, если бы проекты петербургского кабинета были приняты».

Написано К. Марксом 27 мая 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3791, 10 июня 1853 г.

Подпись; Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — в массе своей. *Ред.*

К. МАРКС

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС. — «TIMES». — РАСШИРЕНИЕ РОССИИ

Лондон, вторник, 31 мая 1853 г.

В Бискайском заливе замечена эскадра адмирала Корри, направляющаяся на Мальту, где она должна усилить эскадру адмирала Дандаса. Газета «Morning Herald» справедливо замечает по этому поводу:

«Если бы адмиралу Дандасу за несколько недель до этого позволили соединиться с французской эскадрой у Саламина, дела обстояли бы теперь совершенно иначе».

Если бы Россия, хотя бы только для того, чтобы внешне сохранить свой престиж, сделала попытку подкрепить смехотворные демонстрации Меншикова действительными военными операциями, то ее первыми действиями была бы, вероятно, новая оккупация Дунайских княжеств и вторжение в армянскую провинцию Карс и в Батумскую гавань — территории, которые она всячески стремилась обеспечить за собой еще при заключении Адрианопольского договора. Так как Батумская гавань— единственное надежное убежище для кораблей в восточной части Черного моря, то овладение ею Россией лишило бы Турцию последней военно-морской базы на Понте и превратило бы его в исключительно русское море. Если бы Россия наряду с Карсом — этой богатейшей и наиболее освоенной частью Армении — овладела еще и Батумом, она была бы в состоянии прервать торговлю между Англией и Персией, идущую через Трапезунд, и могла бы создать себе операционную базу как против Англии, так и против Малой Азии. Тем не менее, если Англия и Франция проявят твердость, то Николай будет так же далек от осуществления своих планов в этом районе, как

в свое время императрица Екатерина в своей борьбе с Ага-Мохаммедом, когда последний велел своим рабам плетьми прогнать из Астрабада и заставить сесть на корабли русского посла Войновича и его спутников.

Последние известия нигде не вызвали столь большого замешательства, как на Принтинг-хаус-сквер. Первой попыткой, предпринятой газетой «Times» для того, чтобы оправиться от страшного удара, были отчаянные выпады против электрического телеграфа, этого «совершенно из ряда вон выходящего» аппарата. «Из этих лживых телеграфных сообщений, — восклицает «Times», — нельзя сделать правильных заключений». Переложив таким образом вину за свои собственные неверные заключения на телеграфные провода, «Times», употребляя выражение, к которому прибегают министры в парламенте, пытается отмежеваться от своих собственных прежних «правильных» посылок. Газета заявляет:

«Каковы бы ни были конечные судьбы Оттоманской империи или, вернее, той мусульманской власти, которая правила этой империей на протяжении четырех веков, мнения всех партий как в Англии, так и в Европе сходятся в одном, а именно в том, что постепенный прогресс местного христианского населения в направлении цивилизации и независимого правления отвечает интересам всего мира и что никак нельзя допустить, чтобы эти народности попали под иго России и тем еще больше увеличили ее гигантские владения. Мы питаем глубокую надежду на то, что не только Турция, но и вся Европа окажет сопротивление подобным притязаниям России, и что стоит только этому стремлению к аннексиям и к расширению проявиться в своем настоящем виде, как это вызовет всеобщую антипатию и непреодолимую оппозицию, в которой, со своей стороны, готовы принять активное участие греческие и славянские подданные Турции».

Как же случилось, что бедный «Times» поверил в «добрые намерения» России по отношению к Турции и в ее «антипатию» ко всякому расширению? Добрые намерения России по отношению к Турции! Уже Петр I помышлял возвыситься на развалинах Турции. Екатерина убеждала Австрию и уговаривала Францию принять участие в предполагавшемся разделе Турции и основании в Константинополе греческой империи во главе с ее внуком*, которому в расчете на такой исход дела дали соответствующее образование и даже соответствующее имя. Более умеренный Николай требует всего лишь признания его *исключительным покровителем* Турции. Человечество помнит, что Россия была *покровительницей* Польши, *покровительницей* Крыма, *покровительницей* Курляндии, *покровительницей* Грузии, Мингрелии, черкесских и кавказских пле-

* — Константином. *Ред.*

мен. И вот теперь она в роли покровительницы Турции! Чтобы иллюстрировать «антипатию» России к расширению, я привожу несколько данных из множества фактов, касающихся территориальных приобретений России со времени Петра Великого.

Русские границы продвинулись:

По направлению к Берлину, Дрездену и Вене примерно на ....700 миль

По направлению к Константинополю примерно на....................500 »

По направлению к Стокгольму примерно на ....630 »

По направлению к Тегерану примерно на ....1 000 »

Приобретения, сделанные Россией за счет Швеции, охватывают большую территорию, чем оставшаяся часть этого королевства; в Польше ее приобретения почти равняются всей Австрийской империи; в Европейской Турции они превышают размеры Пруссии (без рейнских владений); в Азиатской Турции они так же велики, как вся собственно германская территория; в Персии они по своим размерам не уступают Англии; в Татарии их протяженность равна Европейской Турции, Греции, Италии и Испании, вместе взятым. Территориальные приобретения, сделанные Россией за последние шестьдесят лет, в своей совокупности равняются — по размерам и по значению—всей той империи, которой Россия обладала до этого в Европе.

Написано К. Марксом 31 мая 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3794, 14 июня 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РУССКИЙ ОБМАН. — ПРОВАЛ ГЛАДСТОНА. — ОСТ-ИНДСКИЕ РЕФОРМЫ ЧАРЛЗА ВУДА [111]

Лондон, вторник, 7 июня 1853 г.

Согласно сообщению из Берна, Союзный совет отменил приговор участникам недавнего восстания, вынесенный военным судом в Фрибуре, предложив передать дело о них в обычный суд, *если только* они не будут помилованы Советом кантонов. Следовательно, здесь мы имеем первый из героических актов, сопровождающих «разрыв отношений между Швейцарией и Австрией», неизбежных последствий которого я коснулся в предыдущей статье, посвященной европейской «образцовой республике»[*].

Передавая сообщение о том, что прусское правительство приказало нескольким офицерам-артиллеристам, находившимся в отпуске за границей, немедленно вернуться на место службы, я по ошибке написал, что эти офицеры использовались в качестве инструкторов в русской армии, в то время как хотел сказать — в турецкой артиллерии при проведении полевых учений[112].

Все русские генералы и прочие русские, живущие в Париже, получили приказ немедленно вернуться в Россию. Г-н Киселев, русский посланник в Париже, прибегает к довольно угрожающему языку и демонстративно показывает письма из Петербурга, в которых турецкий вопрос трактуется assez cavalierement[**]. Из тех же источников исходит слух, будто Россия требует от Персии уступки территории с городом Астрабадом, расположенной в крайнем пункте юго-восточного побережья

[*] См. настоящий том, стр. 112—113. *Ред.*
[**] — весьма вызывающе. *Ред.*

Каспийского моря. Одновременно русские купцы отправляют, или — *как сообщают* — уже отправили своим лондонским агентам предписания *«не торопиться* в данный момент с продажей зерна, поскольку предвидится повышение цен вследствие нависшей угрозы войны». Наконец, во всех газетах содержатся таинственные намеки на то, что русские войска продвигаются к границам; что жители Ясс уже готовятся к их встрече; что русский консул в Галаце закупил огромное количество бревен для сооружения нескольких мостов через Дунай, а также другие утки подобного рода, которых так хорошо умеют высиживать «Аугсбургская газета»[113] и прочие проавстрийские и прорусские органы.

Все это, как и целая куча подобных же новостей, сообщений и т. д., является не чем иным, как смехотворными попытками русских агентов нагнать спасительный страх на западный мир и заставить его продолжать ту политику оттяжек, под покровом которой Россия надеется осуществить, как и прежде, свои планы на Востоке. Насколько систематически разыгрывается эта мистификация, можно видеть из следующего:

На прошлой неделе некоторые французские газеты, известные как органы, оплачиваемые Россией, сделали открытие, что

> «на самом деле спор ведется не столько между Россией и Турцией, сколько между Петербургом и Москвой, то есть между царем и старорусской партией; для самодержца гораздо менее опасно объявить войну, чем подвергнуться мести со стороны той настойчиво требующей завоеваний партии, которая уже не раз показывала, как она поступает с неугодными ей монархами».

Князь Меншиков, разумеется, — «глава этой партии», «Times» и большинство других английских газет не замедлили повторить это нелепое утверждение, одни вполне сознавая его истинное значение, другие, — возможно, бессознательно поддавшись на обман. Но какой вывод будет склонна сделать публика из этого нового откровения? Либо то, что Николай, если он отступит под градом насмешек и откажется от своего воинственного образа действий в отношении Турции, одерживает победу над своей собственной воинственной старорусской партией, либо же то, что Николай, если он действительно начнет войну, поступает так только из необходимости идти на уступки этой (мифической) партии. При любом обороте дел «это было бы только победой Москвы над Петербургом или Петербурга над Москвой» и следовательно не было бы *победой Европы над Россией.*

Что же касается знаменитой старорусской партии, то я случайно узнал от некоторых хорошо осведомленных русских,

которые сами принадлежат к аристократии и среди которых я много вращался в Париже, что эта партия давно уже совершенно исчезла и только изредка вызывается к жизни ее призрак, когда царю требуется пугало для устрашения Западной Европы, чтобы заставить ее терпеливо относиться к его дерзким притязаниям. Поэтому-то теперь и откопали Меншикова, нарядив его в соответствующие мифические старорусские одежды. В действительности царь опасается только одной партии среди русского дворянства, а именно той, целью которой является установление аристократическо-конституционной системы по английскому образцу.

Помимо различных призраков, вызываемых русской дипломатией для того, чтобы ввести в заблуждение Англию и Францию, только что предпринята другая попытка для достижения той же цели: выпущена работа под заглавием: *«Русская империя со времени Венского конгресса»,* принадлежащая перу виконта де Бомон-Васси[114]. Для характеристики этого opusculum[*] достаточно привести из него одну выдержку:

«Известно, что в подвалах Петропавловской крепости хранится запас монет, а также золотых и серебряных слитков. К 1 января 1850 г. этот *тайный клад* официально оценивался в 99763361 рубль серебром».

Приходило ли кому-либо в голову говорить о *тайном кладе* Английского банка? «Тайный клад» России — не что иное как металлический запас, обеспечивающий обращение тройного количества денежных знаков, *подлежащих обмену на драгоценные металлы,* не говоря уже о наличии *«тайного»* резерва из не подлежащих обмену на драгоценные металлы ценных бумаг, выпускаемых государственным казначейством. Однако возможно, что этот клад действительно можно называть «тайным», поскольку его никто до сих пор еще не видел, кроме нескольких петербургских купцов, назначаемых каждый год царским правительством для ревизии мешков, в которых он хранится.

Однако главным маневром России в указанном духе является опубликование в «Journal des Débats» статьи, подписанной старым орлеанистским мудрецом г-ном Сен-Марк-Жирарденом. Я цитирую:

«По нашему мнению, для Европы существуют две великие опасности: *Россия,* угрожающая ее независимости, и *революция,* угрожающая ее *социальному строю.* Европа может избегнуть одной опасности, только целиком обрекая себя на другую... Если Европа считает, что

[*] — сочиненьица. *Ред.*

ключ к ее независимости и, в особенности, к независимости европейского континента находится в Константинополе и что именно здесь нужно проявить смелость при решении вопроса, то это означает войну с Россией. В этой войне Франция и Англия сражались бы за обеспечение независимости Европы. Как поступит Германия? Этого мы не знаем. Но мы знаем, *что при теперешнем положении Европы война означала бы социальную революцию».*

Само собой разумеется, что г-н Сен-Марк-Жирарден отдает предпочтение миру любой ценой, высказываясь против социальной революции. Однако он при этом забывает, что русский император испытывает, по меньшей мере, такой же «ужас» перед революцией, как он сам и его хозяин, г-н Бертен.

Несмотря на все эти усыпляющие средства, преподносимые русской дипломатией английской прессе и английскому народу, «старый и упрямый» Абердин был вынужден отдать адмиралу Дандасу приказ о присоединении к французскому флоту у турецких берегов. Даже «Times», который в течение последних нескольких месяцев умел писать только по-русски, кажется, проникся более английскими чувствами. Он заговорил теперь весьма вызывающе.

Датский (в прошлом шлезвиг-гольштейнский) вопрос начинает возбуждать в Англии живой интерес, с тех пор как английская пресса, наконец, поняла, что в основе его лежит то же стремление России к расширению, которое составляет исходный пункт затруднений и на Востоке. Г-н Уркарт, член парламента, известный поклонник Турции и восточных учреждений, выпустил брошюру о датском наследстве, на которой я подробнее остановлюсь в одной из будущих статей[115]. Главный аргумент этого сочинения состоит в указании на то, что Россия склонна отводить Зунду на севере ту же роль, которую она отводит Дарданеллам на юге, то есть стремится использовать его для обеспечения своего господства на Балтийском море подобно тому, как оккупацией Дарданелл она намерена упрочить свое господство на Понте Эвксинском[*].

Не так давно я высказал мнение, что процентная ставка начнет повышаться в Англии и что это обстоятельство отрицательно скажется на финансовых проектах г-на Гладстона[**]. И действительно, на прошлой неделе минимальная ставка учетного процента была повышена Английским банком с 3 до $3^1/_2$ процента, и провал, который я предсказывал гладстоновскому плану конверсии, является уже совершившимся фактом, о чем вы можете судить по следующим данным:

[*] — древнее название Черного моря. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 107—108. *Ред.*

Английский банк

четверг, 2 июня 1853 г.

Стоимость новых ценных бумаг,
реализованных до сегодняшнего дня:

	ф. ст.	шилл.	пенсы
$3^1/_2$-процентные бумаги	138082	0	3
$2^1/_2$-процентные бумаги	1 537 100	10	10
Боны казначейства	4 200	0	0
Итого	1 679 382	11	1

Компания Южных морей

четверг, 2 июня 1853 г.

Стоимость конвертированных до сегодняшнего дня
облигаций, приносящих ежегодный доход:

	ф. ст.	шилл.	пенсы
На $3^1/_2$-процентные бумаги	67 504	12	8
На $2^1/_2$-процентные бумаги	986 528	5	7
На боны казначейства	5 270	18	4
Итого	1 059 303	16	7

Таким образом, из всей суммы подлежащих конверсии облигаций Компании Южных морей обменена только одна восьмая часть, а из новых ценных бумаг, выпущенных г-ном Гладстоном на сумму в двадцать миллионов, размещена всего лишь одна двенадцатая часть. Г-н Гладстон будет поэтому вынужден заключить заем в такое время, когда процентная ставка повысилась и, вероятно, будет повышаться и дальше, причем сумма этого займа должна равняться не менее 8157811 фунтам стерлингов. Полный провал! От тех 100000 ф. ст., которые предполагалось сэкономить в результате конверсии и которые уже было записали в приходную часть бюджета, придется, следовательно, отказаться. В отношении основной массы государственного долга, то есть трехпроцентных бумаг на сумму в 500000000 ф. ст., г-н Гладстон достиг своим финансовым экспериментом только того, что к 10 октября 1853 г. истечет еще один год, на протяжении которого ему так и не удастся провести какую-либо конверсию. Но хуже всего то, что в ближайшие дни придется уплатить 3116000 ф. ст. наличными тем держателям векселей казначейства, которые отказываются обменять их на предложенных г-ном Гладстоном условиях. Таковы финансовые успехи правительства «всех талантов».

Во время прений по поводу церковных доходов Ирландии (палата общин, 31 мая) сэр Джон Рассел заявил:

«За последние годы стало очевидным, что католическое духовенство, — судя по его поведению в Англии, судя по действиям католической церкви, направляемым его главой, который сам является иностранным государем, — проявляет стремление к политической власти (возгласы: «Правильно, правильно!»), и это мне представляется несовместимым с действительной преданностью английской короне (возгласы: «Правильно, правильно!»), с действительной преданностью общему делу свободы, с действительной преданностью тем обязанностям, которые лежат на каждом подданном государства. Так как я желаю говорить с такой же откровенностью, с какой говорил достопочтенный джентльмен, выступавший до меня, то я не хотел бы быть неправильно понятым палатой. Я далек от того, чтобы отрицать, что в палате и вне ее, как в *нашей стране,* так и в Ирландии, имеется немало лиц католического вероисповедания, преданных престолу и свободам *нашей страны;* я утверждаю только, — и в этом я глубоко убежден, — что если права, предоставленные католическому духовенству, будут расширены, если католические священники приобретут большее политическое влияние и контроль, чем сейчас, то они используют эту власть не в соответствии с *общей свободой,* процветающей *в нашей стране* (громкие возгласы), и в вопросах политической власти, а также в других вопросах будут действовать не в пользу той *общей свободы* дискуссий, той активной и энергичной деятельности человеческого ума, которые составляют подлинный дух конституции *нашей страны.* (Гром аплодисментов.) Я не думаю, чтобы в этом отношении католиков можно было поставить рядом с шотландскими просвитерианами (звуки, напоминающие волынку), с *английскими* уэслиянами[116] и с *англиканской* церковью (восторженное одобрение всего зала)... Итак, я должен сделать вывод, — я делаю его крайне неохотно, но весьма решительно, — что поддержка католической религии в Ирландии, вместо поддержки со стороны государства протестантской церкви в *этой стране,* не может получить одобрения и санкции парламента *нашей страны».*

Через два дня после речи лорда Джона, в которой он в сотый раз постарался продемонстрировать свою любовь к «общей свободе» ревностным низкопоклонством в отношении отдельных ханжеских протестантских сект, гг. Садлер, Кьоу и Монселл вручили коалиционному министерству прошение об отставке в форме письма г-на Монселла на имя милорда Абердина. В своем ответе от 3 июня милорд Абердин заверил этих джентльменов в том, что:

«соображения лорда Джона Рассела и высказанные им чувства, вызвавшие ваше неудовольствие, не разделяются мной и многими из моих коллег... Лорд Джон Рассел просил меня передать вам, что он не имел в виду обвинить католиков в недостаточной лояльности».

После этого гг. Садлер, Кьоу и Монселл взяли обратно свое прошение об отставке, и вчера вечером «к величайшему удовлетворению лорда Джона Рассела» в парламенте были предприняты шаги к всеобщему примирению.

Прошлый билль об Индии 1783 г. оказался роковым для коалиционного кабинета г-на Фокса и лорда Норта. Новый

билль об Индии 1853 г. может оказаться столь же роковым, для коалиционного кабинета г-на Гладстона и лорда Джона Рассела. Но если первый пал из-за своей попытки упразднить Совет директоров и Совет акционеров [Courts of Directors and of Proprietors], то второму грозит такая же судьба по совершенно противоположной причине. 3 июня сэр Чарлз Вуд попросил разрешения огласить билль об управлении Индией. Сэр Чарлз начал с того, что стал оправдывать чрезмерную пространность речи, которую он должен будет произнести, ссылкой на «обширность вопроса» и на «150000000 человеческих душ, которых этот вопрос касается». На каждые 30000000 своих собратьев по подданству сэр Чарлз счел себя обязанным пожертвовать по крайней мере один час своей жизни. Но почему проявляется такая стремительность в законодательном урегулировании этого «огромного вопроса»,- в то время как принятие мер «даже по самым пустяковым делам» постоянно затягивается? Потому что срок действия хартии Ост-Индской компании истекает 30 апреля 1854 года. Почему же, однако, не принять пока билль о временном продлении хартии, резервируя время для будущего обсуждения более стабильных законов? Потому-де, что нельзя рассчитывать на то, что нам представится еще раз «столь удобный случай для спокойного обсуждения этого обширного и важного вопроса», то есть для погребения его в стенах парламента. К тому же мы располагаем-де всеми сведениями по этому делу, директора Ост-Индской компании считают необходимым законодательное урегулирование вопроса в нынешнюю сессию, а генерал-губернатор Индии, лорд Далхузи, обратился к правительству с экстренным письмом, требуя во что бы то ни стало немедленного принятия законодательного решения. Однако самый поразительный аргумент сэра Чарлза в пользу безотлагательного принятия его законопроекта состоит в том, что, хотя он и готов, как ему кажется, говорить о множестве «не предусмотренных вносимым им биллем» вопросов,

«*мероприятия,* которые предлагаются на рассмотрение в той степени, в какой это обусловлено законопроектом, *не выходят за довольно узкие пределы»*.

После такого введения сэр Чарлз приступил к апологии управления Индией за последние двадцать лет. «Мы должны смотреть на Индию как бы глазами индийцев», причем оказывается, что эти глаза имеют особенное свойство видеть все английское в розовом свете, а все индийское — в черном.

«В Индии вы имеете дело с такого рода народом, который неохотно идет на перемены, который скован религиозными предрассудками и уста-

ревшими обычаями. Там на самом деле существуют всяческие препятствия для быстрого прогресса». (Должно быть в Индии существует партия вигской коалиции.)

Сэр Чарлз Вуд заявляет:

«Пункты, которым придается наибольшее значение и которые составляют главный предмет жалоб в представленных комиссии петициях, относятся к отправлению правосудия, к отсутствию общественных работ и к землевладению».

Что касается общественных работ, то правительство *намеревается* организовать «наиболее крупные и имеющие наибольшее значение» работы. Что касается землевладения, то сэр Чарлз весьма успешно доказывает, что три его формы, существующие в Индии, — системы *заминдари, райятвари* и *сельских общин* — являются лишь тремя формами фискальной *эксплуатации,* используемыми Компанией, и ни одна из них не может стать общераспространенной, да и не заслуживает этого. Идея создания какой-нибудь иной формы, прямо противоположного характера, совершенно не приходит в голову сэру Чарлзу.

«В отношении *отправления правосудия»,* — продолжает он, — «жалобы касаются главным образом затруднений, возникающих из-за процедуры английского судопроизводства, некомпетентности, обнаруженной якобы английскими судьями, и продажности туземных чиновников и судей».

И вот, чтобы доказать, насколько трудно обеспечить отправление правосудия в Индии, сэр Чарлз сообщает, что еще в 1833 г. там была учреждена специальная юридическая комиссия. Но что делала эта комиссия по свидетельству самого же сэра Чарлза Ву да? Первым и единственным плодом ее трудов был *уголовный кодекс,* выработанный под руководством г-на Маколея. Этот кодекс был разослан разным местным властям в Индии, которые отослали его обратно в Калькутту, откуда он был препровожден в Англию, а оттуда снова возвращен в Индию. В Индии, после замены г-на Маколея на посту юридического советника г-ном Бетьюном, кодекс был совершенно переработан. Под этим предлогом генерал-губернатор[*], не считавший тогда, что «отсрочка является источником слабости и опасности», еще раз послал его в Англию, откуда он был возвращен ему обратно с полномочием утвердить кодекс в той форме, какую он сам сочтет наилучшей. Но вот г-н Бетьюн умер, и генерал-губернатор счел наилучшим передать кодекс на усмотрение третьего английского юриста, — причем такого,

[*] — Далхузи. *Ред.*

который ничего не понимал в обычаях и нравах индийцев, — оставив за собой право отвергнуть кодекс после того, как его состряпает этот совершенно некомпетентный чиновник. Такова полная перипетий история этого до сих пор еще не появившегося на свет кодекса. Что касается нелепостей судебной процедуры в Индии, то тут сэр Чарлз ссылается на не менее нелепую процедуру самого английского судопроизводства. Утверждая, что английские судьи в Индии совершенно неподкупны, он тем не менее готов пожертвовать ими, изменив порядок их назначения. Общий прогресс Индии сэр Чарлз доказывает посредством сравнения состояния Дели в настоящее время с его состоянием во времена вторжения Кули-хана. Соляной налог оправдывается аргументами, заимствованными у наиболее известных экономистов, которые единодушно советовали обложить налогом какой-либо из предметов первой необходимости. Сэр Чарлз не добавляет, однако, что сказали бы эти самые экономисты, узнав, что за два года, с 1849—1850 до 1851—1852, потребление соли сократилось на 60000 бочек, и это привело к сокращению на 415000 ф. ст. доходов от соляного налога, при общей сумме доходов от этого налога в 2000000 фунтов стерлингов.

Предлагаемые сэром Чарлзом мероприятия, которые «не выходят за довольно узкие пределы», таковы:

1) Совет директоров должен состоять из восемнадцати членов вместо двадцати четырех, причем двенадцать членов избираются акционерами, а шестеро назначаются короной.

2) Оклад директоров повышается с 300 до 500 ф. ст. в год; председатель получает 1000 фунтов стерлингов.

3) Все штатные должности по гражданскому ведомству и все военные должности, требующие специальных знаний, замещаются в Индии путем публичного конкурса; за директорами оставляется право назначения на младшие офицерские должности в армейскую кавалерию.

4) Должность генерал-губернатора отделяется от должности губернатора Бенгалии; верховной власти предоставляется право образовать новое президентство в районах Инда.

5) Наконец, все перечисленные меры остаются в силе только до тех пор, пока парламент не примет иных постановлений.

Речь сэра Чарлза Вуда и предлагаемые им меры были подвергнуты весьма суровой и сатирически острой критике г-ном Брайтом; однако изображенная им картина Индии, разоренной фискальными вымогательствами Компании и правительства, не была, разумеется, дополнена штрихами, рисующими разорение Индии Манчестером и свободной торговлей. Что касается

произнесенной вчера вечером речи одного старого ост-индца, сэра Дж. Хогга, директора или экс-директора Компании, то мне, право, кажется, что я уже читал ее в отчетах за 1701, 1730, 1743, 1769, 1772, 1781, 1783, 1784, 1793, 1813 и за другие годы. В ответ на его директорский панегирик мне хотелось бы только привести несколько данных из ежегодных отчетов об Индии, издающихся, насколько мне помнится, под его собственным наблюдением:

Общая сумма чистого дохода Индии:

1849—50	20 275 831 ф. ст.	За три года доход сократился на 348 792 ф. ст.
1850—51	20 249 932 » »	
1851—52	19 927 039 » »	

Общая сумма расходов:

1849—50	16 687 382 ф. ст.	За три года расходы увеличились на 1 214 284 ф. ст.
1850—51	17 170 707 » »	
1851—52	17 901 666 » »	

Поземельный налог

За последние 4 года сумма поступлений колебалась

в Бенгалии	от	3 500 000 ф. ст.	до	3 560 000 ф. ст.
на Северо-Западе	»	4 870 000 » »	»	4 900 000 » »
в Мадрасе	»	3 640 000 » »	»	3 470 000 » »
в Бомбее	»	2 240 000 » »	»	2 300 000 » »

	Валовой доход в 1851—52	Расходы на общественные работы в 1851—52
Бенгалия	10 000 000 ф. ст.	87 800 ф. ст.
Мадрас	5 000 000 » »	20 000 » »
Бомбей	4 800 000 » »	58 500 » »
Итого	19 800 000 ф. ст.	166 300 ф. ст.

Таким образом, из общей суммы дохода в 19800000 ф. ст. на постройку дорог, каналов, мостов и на другие необходимые общественные работы было истрачено всего лишь 166300 фунтов стерлингов.

Написано К. Марксом 7 июня 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3801, 22 июня 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

БРИТАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИНДИИ [117]

Лондон, пятница, 10 июня 1853 г.

Телеграфные сообщения из Вены гласят о том, что там уверены в мирном разрешении турецкого, сардинского и швейцарского вопросов.

Вчера вечером в палате общин продолжались дебаты об Индии, отличавшиеся обычной заурядностью. Г-н Блэкетт обвинил сэра Чарлза Вуда и сэра Д. Хогга в том, что на их выступлениях лежит печать фальшивого оптимизма. Кучка присяжных защитников министерства и Совета директоров порицала, как только могла, автора этого обвинения, а вездесущий г-н Юм в своем резюме призвал министров взять свой билль обратно. Продолжение дебатов было перенесено.

Индостан — это Италия азиатских масштабов. Гималайские горы соответствуют Альпам, равнины Бенгалии — равнинам Ломбардии, Деканский хребет — Апеннинам, а остров Цейлон — острову Сицилии. То же богатство и разнообразие даров земли и та же раздробленность в политическом устройстве. И подобно тому как в Италии время от времени меч завоевателя лишь насильственно объединял различные национальные массы, точно так же мы видим Индостан — в те периоды, когда он не находится под гнетом мусульман, или моголов, или британцев — разделенным на столько же независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов пли даже деревень. Однако в социальном отношении Индостан представляет собой не Италию, а Ирландию Востока. И это странное сочетание Италии и Ирландии, мира сладострастия и мира печали, было предвосхищено в древних традициях религии Индостана. Эта религия одновременно является религией

чувственных излишеств и религией умерщвляющего плоть аскетизма, религией Лингама и религией Джаггернаута, религией монаха и религией баядерки[118].

Я не разделяю мнения тех, кто верит в существование золотого века Индостана, хотя для подтверждения своего взгляда и не стану приводить, как это делает сэр Чарлз Вуд, в качестве доказательства Кули-хана*. Но возьмите для примера времена Аурангзеба, или эпоху, когда моголы появились па севере, а португальцы — на юге, или период вторжения мусульман и период гептархии в Южной Индии[119], или, если вы хотите идти назад к еще более глубокой древности, возьмите мифологическую хронологию самих брахманов, которая относит начало бедствий Индии к эпохе более отдаленной, чем даже та, к коей христианство относит сотворение мира.

Но не подлежит никакому сомнению, что бедствия, причиненные Индостану британцами, по существу иного рода и неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше. Я не говорю здесь о европейском деспотизме, взращенном британской Ост-Индской компанией на почве азиатского деспотизма, что дает в результате сочетание более чудовищное, чем священные чудовища, поражающие нас в храме Сальсетты[120]. Такое сочетание является не специфической чертой английской системы управления колониями, а лишь подражанием голландской системе, и это в такой степени верно, что для характеристики деятельности британской Ост-Индской компании достаточно привести дословно то, что сэр Стамфорд Рафлс, *английский* губернатор Явы, говорил о старой голландской Ост-Индской компании:

«Голландская компания, движимая исключительно духом наживы и меньше щадящая своих подданных, чем некогда вест-индский плантатор щадил толпу рабов, работавших на его плантации, — ибо этот последний заплатил деньги за людей, которых он приобрел в собственность, между тем как первая ничего не платила, — эта компания пустила в ход весь существующий аппарат деспотизма для того, чтобы выжать из населения последний грош поборами и заставить его работать до полного истощения. Таким образом, она усугубила зло, причиняемое стране капризным и полуварварским правительством, сочетая в своей деятельности все практическое искусство политика со всем монополистским эгоизмом купца».

Гражданские войны, вторжения, перевороты, завоевания, голодные годы — все эти сменяющие друг друга бедствия, каким бы бесконечно сложным, бурным и разрушительным ни представлялось их действие на Индостан, затрагивали его лишь поверхностно, Англия же подорвала самую основу индийского

---

* См. настоящий том. стр. 128. *Ред.*

общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток его преобразовать. Потеря старого мира без приобретения нового придает современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана, управляемого Британией, со всеми его древними традициями, со всей его прошлой историей.

В Азии с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ. Климатические условия и своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия. Как в Египте и Индии, так и в Месопотамии, Персии и других странах наводнения используют для удобрения полей: высоким уровнем воды пользуются для того, чтобы наполнять питательные ирригационные каналы. Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, — где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, — повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ. Такая система искусственного повышения плодородия почвы, зависевшая от центрального правительства и немедленно приходившая в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно возделанными, как, например, Пальмира, Петра, развалины Йемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна опустошительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации.

И вот британцы в Ост-Индии переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они со-

вершенно пренебрегли ведомством общественных работ. Отсюда упадок земледелия, не способного развиваться в соответствии с британским принципом свободной конкуренции — принципом laissez faire, laissez aller[121]. Однако, как это обычно бывает, в азиатских государствах земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-нибудь другом. Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе — от хорошей или дурной погоды. Поэтому, каким бы злом ни являлись сами по себе ущерб, причиняемый земледелию, и пренебрежительное к нему отношение, все же нельзя было бы считать, что именно этим британский завоеватель нанес окончательный удар индийскому обществу, если бы все это не сопровождалось значительно более важными обстоятельствами, представляющими собой нечто новое в летописях всего азиатского мира. Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX века. Ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества. С незапамятных времен Европа получала великолепные ткани — продукт индийского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом местного золотых дел мастера, этого необходимого члена индийского общества, любовь которого к украшениям так велика, что даже представители низшего класса, которые ходят почти нагими, имеют обыкновенно пару золотых серег и какое-нибудь золотое украшение на шее. Всеобщее распространение имели также кольца, надевавшиеся на пальцы рук и ног. Женщины, так же как и дети, часто носили массивные ручные и ножные браслеты из золота или серебра, а золотые или серебряные статуэтки богов встречались среди домашнего скарба. Британский завоеватель уничтожил индийский ручной ткацкий станок и разрушил ручную прялку. Англия сначала вытеснила индийские хлопчатобумажные изделия с европейских рынков, затем приступила к ввозу в Индостан пряжи и кончила тем, что стала наводнять родину хлопчатобумажных изделий хлопчатобумажными товарами. За период с 1818 по 1836 г. экспорт пряжи из Великобритании в Индию возрос в отношении 1 к 5200. В 1824 г. ввоз английского муслина в Индию едва достигал 1000000 ярдов, между тем как в 1837 г. он уже превышал 64000000 ярдов. Но за этот же самый период население Дакки сократилось с 150000 жителей до 20000. Этот упадок индийских городов, славившихся прежде своими

изделиями, нельзя, однако, считать самым худшим результатом английского господства. Британский пар и британская наука окончательно уничтожили на всей территории Индостана связь между сельскохозяйственным и ремесленным производством.

Оба эти обстоятельства — с одной стороны, то, что жители Индии, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных работах, являющихся основным условием их земледелия и торговли, с другой — то, что население Индии, рассеянное по всей территории страны, сосредоточивается в маленьких центрах благодаря патриархальной связи между земледельческим и ремесленным трудом, — эти два обстоятельства вызвали к жизни с самых давних времен своеобразную социальную систему, так называемую *систему сельских общин,* которая придавала каждому из этих маленьких союзов независимый характер и обрекала его на обособленное существование. Со своеобразными чертами этой системы знакомит нас следующее описание, содержащееся в одном старом официальном отчете английской палаты общин об индийских делах:

«Село в географическом отношении представляет собой пространство в несколько сот или тысяч акров возделанной и пустующей земли; в политическом отношении оно походит на корпорацию или городскую общину. Обычно оно имеет следующий штат должностных лиц и служащих: *патель,* или староста, как правило, осуществляет надзор за делами села, улаживает споры между его обитателями, обладает полицейскими функциями и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села, обязанность, для выполнения которой он является наиболее подходящей фигурой в силу личного влияния и детального знакомства с положением и делами жителей; *карпам* следит за состоянием земледелия и ведёт учет всего, что к нему относится. Далее идут *тальари* и *тоти:* обязанность первого состоит в собирании сведений- о преступлениях и проступках и в сопровождении и защите лиц, переезжающих из одного села в другое; круг же обязанностей второго, по-видимому, более ограничен пределами села и состоит, помимо прочего, в охране урожая и в содействии его учету. *Пограничный страж* охраняет границы села или дает свидетельские показания о них в случае спора. Лицо, надзирающее за водохранилищами и водостоками, распределяет воду для нужд земледелия. Особый брахмаи ведает в селе делами культа. Далее идут школьный учитель, которого можно видеть в селе обучающим детей чтению и письму на песке, брахман, следящий за календарем, или астролог, и т. д. Эти должностные лица и служащие образуют администрацию села, но в некоторых частях страны число их меньше, так как кое-какие из описанных выше обязанностей и функций объединяются и выполняются одним и тем же лицом, в других же местностях, напротив, количество их превышает число указанных выше лиц. Под этой примитивной формой общинного управления население жило с незапамятных времен. Границы сел редко изменялись, и, хотя самые села иногда несли тяжелый ущерб и даже подвергались опустошению в результате войны, голода и болезней, — то же название, те же гра-

French Princess married King Leopold. It seems that Napoleon is eager to pick a quarrel with King Leopold, who has thrown himself under the protection of Russia and Austria, instead of suing for peace at Paris, as the Kings of Holland and Sardinia, and the Swiss Republic have done. Spain, too, is not looked at favorably by the Emperor: her royal house is too much allied with the Orleans family, not to be disliked by a Bonaparte. A rising, therefore, would not be suppressed by French Intervention, and such a rising is not altogether impossible in Spain, where royalty has lost its dignity by the personal behaviour of the Queen-Mother and of the Queen.

A. C. C.

The British Rule in India.

Correspondence of The N. Y. Tribune.

LONDON, Friday, June 10, 1853.

Telegraphic dispatches from Vienna announce that the pacific solution of the Turkish, Sardinian and Swiss questions, is regarded there as a certainty.

Last night the debate on India was continued in the House of Commons, in the usual dull manner. Mr. Blackett charged the statements of Sir Charles Wood and Sir J. Hogg with bearing the stamp of optimist falsehood. A lot of Ministerial and Directorial advocates rebuked the charge as well as they could, and the inevitable Mr. Hume summed up by calling on Ministers to withdraw their bill. Debate adjourned.

Hindostan is an Italy of Asiatic dimensions, the Himalayas for the Alps, the Plains of Bengal for the Plains of Lombardy, the Deccan for the Appenines, and the Isle of Ceylon for the Island of Sicily. The same rich variety in the products of the soil, and the same dismemberment in the political configuration. Just as Italy has, from time to time, been compressed by the conqueror's sword into different national masses, so do we find Hindostan, when not under the pressure of the Mohammedan, or the Mogul, or the Briton, dissolved into as many independent and conflicting States as it numbered towns, or even villages. Yet, in a social point of view, Hindostan is not the Italy, but the Ireland of the East. And this strange combination of Italy and of Ireland, of a world of voluptuousness and of a world of woes, is anticipated in the ancient traditions of the religion of Hindostan. That religion is at once a religion of sensualist exuberance, and a religion of self-torturing asceticism; a religion of the Lingam and of the Juggernaut; the religion of the Monk, and of the Bayadere.

I share not the opinion of those who believe in a golden age of Hindostan, without recurring, however, like Sir Charles Wood, for the confirmation of my view, to the authority of Khuli-Khan. But take, for example, the times of Aurung-Zebe; or the epoch, when the Mogul appeared in the North, and the Portuguese in the South; or the age of Mohammedan invasion, and of the Heptarchy in Southern India; or, if you will, go still more back to antiquity, take the mythological chronology of the Brahman himself, who places the commencement of Indian misery in an epoch even more remote than the Christian creation of the world.

There cannot, however, remain any doubt but that the misery inflicted by the British on Hindostan is of an essentially different and infinitely more intensive kind than all Hindostan had to suffer before. I do not allude to European despotism, planted upon Asiatic despotism, by the British East India Company, forming a more monstrous combination than any of the divine monsters startling us in the Temple of Salsette. This is no distinctive feature of British Colonial rule, but only an imitation of the Dutch, and so much so that in order to characterise the working of the British East India Company, it is sufficient to literally repeat what Sir Stamford Raffles, the *English* Governor of Java, said of the old Dutch East India Company:

"The Dutch Company, actuated solely by the spirit of gain, and viewing their subjects, with less regard or consideration than a West India planter formerly viewed a gang upon his estate, because the latter had paid the purchase money of human property, which the other had not, employed all the existing machinery of despotism to squeeze from the people their utmost mite of contribution, the last dregs of their labor, and thus aggravated the evils of a capricious and semi barbarous Government, by working it with all the practised ingenuity of politicians, and all the monopolizing selfishness of traders."

All the civil wars, invasions, revolutions, conquests, famines, strangely complex, rapid, and destructive as the successive action in Hindostan may appear, did not go deeper than its surface. England has broken down the entire framework of Indian society, without any symptoms of reconstitution yet appearing. This loss of his old world, with no gain of a new one, imparts a particular kind of melancholy to the present misery of the Hindoo, and separates Hindostan, ruled by Britain, from all its ancient traditions, and from the whole of its past history.

There have been in Asia, generally, from immemorial times, but three departments of Government; that of Finance, or the plunder of the interior; that of War, or the plunder of the exterior; and, finally, the department of Public Works. Climate and territorial conditions, especially the vast tracts of desert, extending from the Sahara, through Arabia, Persia, India, and Tartary, to

personal influence and minute acquaintance with the situation and concerns of the people render him the best qualified for this charge. The *kurnum* keeps the accounts of cultivation, and registers everything connected with it. The *tallier* and the *totie*, the duty of the former of which consists in gaining information of crimes and offenses, and in escorting and protecting persons traveling from one village to another; the province of the latter appearing to be more immediately confined to the village, consisting, among other duties, in guarding the crops and assisting in measuring them. The *boundary-man*, who preserves the limits of the village, or gives evidence respecting them in cases of dispute. The Superintendent of Tanks and Watercourses distributes the water for the purposes of agriculture. The Brahmin, who performs the village worship. The schoolmaster, who is seen teaching the children in a village to read and write in the sand. The calendar brahmin, or astrologer, &c. These officers and servants generally constitute the establishment of a village; but in some parts of the country it is of less extent, some of the duties and functions above described being united in the same person; in others it exceeds the above-named number of individuals. Under this simple form of municipal government, the inhabitants of the country have lived from time immemorial. The boundaries of the villages have been but seldom altered; and though the villages themselves have been sometimes injured, and even desolated by war, famine or disease, the same name, the same limits, the same interests, and even the same families have continued for ages. The inhabitants gave themselves no trouble about the breaking up and divisions of kingdoms; while the village remains entire, they care not to what power it is transferred, or to what sovereign it devolves; its internal economy remains unchanged. The potail is still the head inhabitant, and still acts as the petty judge or magistrate, and collector or rentor of the village."

These small stereotype forms of social organism have been to the greater part dissolved, and are disappearing, not so much through the brutal interference of the British tax-gatherer and the British soldier, as to the working of English steam and English free trade. Those family-communities were based on domestic industry, in that peculiar combination of hand-weaving, hand-spinning and hand-tilling agriculture which gave them self-supporting power. English interference having placed the spinner in Lancashire and the weaver in Bengal, or sweeping away both Hindoo spinner and weaver, dissolved these small semi-barbarian, semi-civilized communities, by blowing up their economical basis, and thus produced the greatest, and to speak the truth, the only *social* revolution ever heard of in Asia.

Now, sickening as it must be to human feeling to witness those myriads of industrious patriarchal and inoffensive social organizations disorganized and dissolved into their units, thrown into a sea of woes, and their individual members losing at the same time their ancient form of civilization, and their hereditary means of subsistence, we must not forget that these idyllic village-communities, inoffensive though they may appear, had always been the solid foundation of Oriental despotism, that they restrained the human mind within the smallest possible compass, making it the unresisting tool of superstition, enslaving it beneath traditional rules, depriving it of all grandeur and historical energies. We must not forget the barbarian egotism which, concentrating on some miserable patch of land, had quietly witnessed the ruin of empires, the perpetration of unspeakable cruelties, the massacre of the population of large towns, with no other consideration bestowed upon them than on natural events, itself the helpless prey of any aggressor who deigned to notice it at all. We must not forget that this undignified, stagnatory, and vegetative life, that this passive sort of existence evoked on the other part, in contradistinction, wild, aimless, unbounded forces of destruction and rendered murder itself a religious rite in Hindostan. We must not forget that these little communities were contaminated by distinctions of caste and by slavery, that they subjugated man to external circumstances instead of elevating man the sovereign of circumstances, that they transformed a self-developing social state into never changing natural destiny, and thus brought about a brutalizing worship of nature, exhibiting its degradation in the fact that man, the sovereign of nature, fell down on his knees in adoration of Kanuman, the monkey, and Sabbala, the cow.

England, it is true, in causing a social revolution in Hindostan, was actuated only by the vilest interests, and was stupid in her manner of enforcing them. But that is not the question. The question is, can mankind fulfil its destiny without a fundamental revolution in the social state of Asia? If not, whatever may have been the crimes of England she was the unconscious tool of history in bringing about that revolution.

Then, whatever bitterness the spectacle of the crumbling of an ancient world may have for our personal feelings, we have the right, in point of history, to exclaim with Göethe:

"Sollte diese Qual uns quälen
Da sie unsre Lust vermehrt,
Hat nicht myriaden Seelen
Timur's Herrschaft aufgezehrt?"

KARL MARX.

Часть страницы «New-York Daily Tribune»
со статьей К. Маркса
«Британское владычество в Индии»

ницы, те же интересы и даже те же семьи продолжали существовать из века в век. Жители этих сел нисколько не беспокоились по поводу гибели и разделов целых монархий; пока их село остается целым и невредимым, их мало интересует, под власть какой державы оно подпало и какому государю оно подчинено, ибо их внутренняя хозяйственная жизнь остается неизменной. Патель продолжает оставаться старостой общины и действовать на селе как мировой судья и сборщик или откупщик налогов»[122].

Эти маленькие стереотипные формы социального организма большей частью разрушены и исчезают навсегда не столько вследствие грубого вмешательства британского налогового чиновника и британского солдата, сколько в результате действия английской паровой машины и английской свободы торговли. Эти организованные по-семейному общины покоились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли — комбинации, которая придавала им самодовлеющий характер. Английское вмешательство — в результате которого прядильщики оказались в Ланкашире, а ткачи в Бенгалии, или же вообще как индийские прядильщики, так и индийские ткачи были сметены с лица земли, — разрушило эти маленькие полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией.

Однако как ни печально с точки зрения чисто человеческих чувств зрелище разрушения и распада на составные элементы этого бесчисленного множества трудолюбивых, патриархальных, мирных социальных организаций, как ни прискорбно видеть их брошенными в пучину бедствий, а каждого из их членов утратившим одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, — мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из пего покорное орудие суеверия, накладывая па пего рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы па ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика,

соблаговолившего обратить на них свое внимание. Мы не должны забывать, что эта лишенная достоинства, неподвижная, растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане даже убийство религиозным ритуалом. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой.

Вызывая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководствовалась самыми низменными целями и проявила тупость в тех способах, при помощи которых она их добивалась. Но не в этом дело. Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию. Но в таком случае, как бы ни было прискорбно для наших личных чувств зрелище разрушения древнего мира, с точки зрения истории, мы имеем право воскликнуть вместе с Гёте:

«Sollte diese Qual uns qualen
Da sie unsre Lust vermehrt,
Hat nicht Myriaden Seelen
Timur's Herrschaft aufgezehrt?»*

Написано К. Марксом 10 июня 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3804, 25 июня 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — «Если мука — ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизней мириады
Тамерлан не растоптал?»

(Из стихотворения «К Зулейке», цикл «Западно-Восточный Диван»). *Ред.*

К. МАРКС

АНГЛИЙСКОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ. — ЗАБАСТОВКИ. — ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС. — ИНДИЯ

Лондон, пятница, 17 июня 1853 г.

По официальным данным стоимость английского экспорта

за апрель 1853 г. составила	7 578 910 ф. ст.
тогда как за апрель 1852 г. она составляла	5 268 915 » »
за первые четыре месяца 1853 г. составила	27 970 633 » »
тогда как за эти же четыре месяца 1852 г. она составляла	21 844 663 » »

Таким образом, в первом случае прирост составляет 2309995 ф. ст., или свыше 40%, во втором — 6125970 ф. ст., или около 28%. Если и в дальнейшем рост будет продолжаться в таких же размерах, то к концу 1853 г. общая стоимость экспорта Великобритании превысит 100000000 фунтов стерлингов.

Сообщая своим читателям эти ошеломляющие цифровые данные, «Times» разразился настоящим дифирамбом, заключив его словами: «Все мы счастливы и едины!» Но не успела газета громогласно возвестить об этом отрадном открытии, как во всей Англии, и особенно на ее промышленном севере, почти повсеместно вспыхнула целая серия забастовок, образуя довольно странное эхо к той песне о гармонии, которую распевал «Times». Эти забастовки явились необходимым следствием относительного уменьшения числа избыточных рабочих рук, совпавшего с общим вздорожанием предметов первой необходимости. 5000 человек забастовало в Ливерпуле, 35000 — в Стокпорте и т. д. Дело дошло даже до того, что забастовочная эпидемия проникла в среду самой полиции, и в Манчестере 250 констеблей подало в отставку. Это окончательно вывело из себя буржуазную печать, например газету «Globe»[123], и побудило ее отбросить свои обычные филантропические излияния.

Она клевещет, бранится, грозит и даже открыто призывает муниципальные власти к вмешательству, — что уже на деле имело место в Ливерпуле, — во всех случаях, когда для этого можно найти хотя бы малейший законный повод. Эти муниципальные власти, если даже они сами не являются фабрикантами и торговцами, как это обычно бывает в Ланкашире и Йоркшире, во всяком случае тесно связаны с деловыми кругами и зависят от них. Они дали возможность фабрикантам уклоняться от выполнения закона о десятичасовом рабочем дне, обходить закон, запрещающий оплату труда товарами[124], и безнаказанно нарушать все другие законы, специально изданные для обуздания «неприкрытой» алчности фабриканта; в то же время закон о союзах[125] они всегда толкуют в наиболее пристрастном и неблагоприятном для рабочих духе. Те самые «рыцарственные» фритредеры, которые известны как неутомимые противники правительственного вмешательства, эти апостолы буржуазной доктрины laissez faire, проповедующие свободную игру частных интересов при любых обстоятельствах, всегда первыми взывают к вмешательству правительства, как только частные интересы рабочего сталкиваются с их собственными классовыми интересами. В моменты таких столкновений они взирают с откровенным восхищением на континентальные государства, где деспотические правительства хотя и не допускают буржуазию к власти, но зато, по крайней мере, не позволяют рабочим оказывать сопротивление. Каким образом предполагает использовать теперешний крупнейший конфликт между хозяевами и рабочими революционная партия, лучше всего ознакомит вас следующее письмо, присланное мне лидером чартистов Эрнестом Джонсом накануне его отъезда в Ланкашир, где предполагается начать кампанию:

«Дорогой Маркс!

... Завтра я выезжаю в Блэкстон-Эдж, где под открытым небом должен состояться митинг чартистов Йоркшира и Ланкашира, и я счастлив сообщить Вам, что подготовка к нему ведется на Севере в самых широких масштабах. Прошло семь лет с тех пор, как в этой местности, освященной традициями чартистского движения, состоялось подлинно народное собрание[126]. Нынешнее же собрание созывается со следующей целью. Предательства и расколы 1848 г., распад существовавшей в то время организации в результате заключения в тюрьмы и ссылки 500 ее ведущих деятелей, поредение чартистских рядов вследствие эмиграции, упадок политической энергии под влиянием оживления промышленности и торговли — все это привело к тому, что национальное чартистское движение выродилось в изолированные действия, а чартистская организация захирела как раз в такое время, когда социальные знания получили широкое распространенно. Однако на развалинах чисто политического движения выросло рабочее движение, порожденное первыми робкими ша-

гами в области социальных знаний. Это рабочее движение вылилось сначала в форму разрозненных кооперативных начинаний, а когда выяснилась их неудача — в форму энергичной борьбы за билль о десятичасовом рабочем дне, за ограничение времени работы машин, против систематической задержки заработной платы и за новое толкование закона о союзах. На эти меры, полезные сами по себе, направлена была вся энергия и внимание рабочего класса. Провал попыток добиться законодательных гарантий для осуществления этих мер породил в умах британских рабочих более революционные настроения. Это создает благоприятные условия для объединения масс под знаменем подлинной социальной реформы, ибо всем должно быть ясно, что как бы хороши ни были упомянутые меры с точки зрения удовлетворения текущих требований момента, они не дают никаких гарантий на будущее и отнюдь не олицетворяют собой какого-либо коренного принципа социального права. Благоприятным условиям, сложившимся таким образом для движения, возможностям для его успешного развития способствуют также обстоятельства момента, когда недовольство народа сочетается с известным ростом его силы благодаря относительному — в сравнении с происходящим оживлением в промышленности и торговле — недостатку рабочих рук. Забастовки возникают повсюду и проходят большей частью успешно. Но печально видеть, как сила, которую можно было бы направить на коренные улучшения, тратится на временные паллиативы. Вот я и пытаюсь, вместе с многочисленными друзьями, добиться перестройки, используя этот весьма благоприятный момент для объединения рассеянных рядов чартизма на незыблемых принципах социальной революции. Мне удалось реорганизовать с этой целью бездействующие и выбывшие из строя местные группы и подготовить их к проведению всеобщей и внушительной демонстрации, — а я надеюсь, что она будет именно такой, — по всей Англии. Новая кампания начнется с митинга под открытым небом в Блэкстон-Эдж, за которым последуют массовые митинги во всех промышленных графствах; в то же время наши уполномоченные работают в земледельческих округах, стремясь объединить сельских тружеников с остальной армией труда — задача, которой до сих пор наше движение пренебрегало. Первым нашим шагом будет требование о принятии Хартии, выдвинутое этими массовыми народными митингами, и попытка заставить наш продажный парламент принять предложение о введении Хартии в качестве открыто и недвусмысленно признаваемого единственного орудия социальной реформы. С такой точки зрения вопрос о Хартии еще не" ставился в палате. Если рабочий класс поддержит это движение, — на что мне дает основание рассчитывать отклик на мой призыв, — результат должен быть серьезным. Ибо в случае отказа со стороны парламента, пустые фразы лжелибералов и торифилантропов будут разоблачены, и их последняя ставка на легковерие народа будет бита. Если же парламент согласится принять и обсудить это предложение, тогда бурный поток вырвется на простор и его уже нельзя будет задержать временными уступками. При Вашем близком знакомстве с английской политической жизнью, Вы ведь должны знать, что у нашей аристократии и плутократии нет ни энергии, ни сил для того, чтобы оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление народному движению. Правящие круги представляют собой лишь беспорядочную мешанину выродившихся партийных клик, наспех сплотившихся, как сплачивается у насоса перессорившаяся судовая команда, когда нужно спасать давшее течь судно. Они совершенно бессильны, и если они даже и выплеснут в демократический океан несколько капель воды из трюма, это ни в малейшей мере не успокоит его разбушевавшиеся волны. Таковы, мой друг, благоприятные

возможности, которые я вижу в данный момент, таковы силы, с помощью которых они будут, я надеюсь, использованы, и такова первая ближайшая, цель, на которую эти силы будут направлены. О результатах первой демонстрации я напишу Вам особо.

Преданный. Вам

Эрнест Джонс».

Едва ли нужно пространно доказывать, что нет ровно никаких оснований рассчитывать на рассмотрение парламентом проектируемой чартистской петиции. Каким бы иллюзиям ни предавались раньше на этот счет, они должны теперь рассеяться пред лицом того факта, что парламент только что отверг большинством в 60 голосов предложение г-на Беркли о тайном голосовании, поддержанное гг. Филлимором, Кобденом, Брайтом, сэром Робертом Пилем и другими. Так поступил тот самый парламент, который изо всех сил протестовал против запугивания и подкупов, применявшихся при его собственном избрании, и на целые месяцы забрасывал серьезные дела, предпочитая заниматься опустошением собственных рядов путем расследований злоупотреблений во время выборов. Единственное средство, которое до сих пор находилось у непорочного Джонни* против подкупов, запугивания и взяточничества, заключалось в лишении избирательных прав или, чаще всего, в уменьшении избирательных округов. И не подлежит сомнению, что если бы ему удалось свести эти округа к таким же небольшим размерам, как он сам, то это дало бы возможность английской олигархии получать голоса в свою пользу без хлопот и без расходов на их покупку. Резолюция г-на Беркли была отвергнута объединенными голосами тори и вигов, потому что на карту оказался поставленным их общий интерес: сохранение их местного влияния на зависимых арендаторов, мелких лавочников и прочих подопечных землевладельца.. «Кто вносит арендную плату, должен отдавать вместе с ней и свой голоса — таков древний принцип достославной английской конституции.

В прошлую субботу «Press»[127] — новый еженедельник, покровительствуемый г-ном Дизраэли, сделал достоянием английской публики следующее любопытное разоблачение:

«В начале весны барон Бруннов сообщил лорду Кларендону содержание требования, которое русский император собирался предъявить Порте; барон заявил при этом, что цель его сообщения, состоит в том, чтобы выяснить отношение Англии к этому вопросу. Лорд Кларендон не сделал никаких возражений и ни в малейшей степени не осудил предполагаемый куре. Московитский дипломат сообщил своему императору, что Англия не расположена отнестись неблагосклонно к его намерению относительно Золотого Рога».

* Иронический намек на Джона, Рассела. *Ред.*

В ответ на это тяжелое обвинение, выдвинутое г-ном Дизраэли, вчера в «Times» была опубликована тщательно продуманная официальная статья, исходящая от министерства иностранных дел, которая, однако, на мой взгляд, скорее усугубляет, чем опровергает это обвинение. «Times» утверждает, что ранней весной, до прибытия князя Меншикова в Константинополь, барон Бруннов жаловался лорду Джону Расселу на отмену Портой привилегий, предоставленных греко-православному духовенству согласно договору, и лорд Джон Рассел, считая, что этот вопрос касается только святых мест, согласился с планами царя. Но «Times» вынужден, в то же время признать, что после прибытия князя Меншикова в Константинополь и замены лорда Джона Рассела лордом Кларендоном на посту министра иностранных дел барон Бруннов предоставил лорду Кларендону новую информацию, «имевшую целью разъяснить смысл полученных им инструкций и некоторых выражений, употребленных в верительной грамоте, которую князь Ментиков вручил от имени русского императора султану». При этом «Times» тут же признает, что «лорд Кларендон согласился с требованиями, о которых сообщил ему барон Бруннов». Очевидно, в этой второй информации содержалось нечто большее, чем было сообщено лорду Джону Расселу. Таким образом, заявлением, опубликованным в «Times», вопрос отнюдь не исчерпывается. Одно из двух: либо выяснится, что барон Бруннов — дипломатический плут, либо же, что лорды Кларендон и Абердин — предатели. Поживем — увидим.

Быть может, ваших читателей заинтересует следующий, касающийся восточного вопроса документ, который был недавно опубликован одной лондонской газетой. Это — прокламация, изданная проживающим сейчас в Лондоне князем Армении и распространенная среди армянского населения в Турции:

«Лев, милостью божьей верховный князь Армении и пр., к турецким армянам:

Возлюбленные братья и верные соотечественники! Мы выражаем свою волю и пламенное желание, чтобы вы защищали до последней капли крови вашу страну и султана против северного тирана. Помните, братья, что в Турции не существует кнутов, что турки не рвут вам ноздрей и не секут ваших жен ни тайно, ни всенародно. Под властью султана процветает человечность, под властью северного тирана — нет ничего, кроме зверских жестокостей. Поэтому поручите себя предначертаниям божьим и отважно сражайтесь за свободу вашей страны и за вашего нынешнего владыку. Сносите свои дома для постройки баррикад; если у вас нет оружия, ломайте свою домашнюю утварь и защищайтесь ею. Да поведет вас господь по пути к славе. Мое единственное счастье — сражаться

в ваших рядах против угнетателя вашей страны и вашей веры. Молю бога, чтобы он склонил сердце султана к одобрению моего призыва, ибо под его владычеством сохраняется чистота нашей религии, в то время как под властью северного тирана наша религия будет извращена. Помните, наконец, братья, что в жилах писавшего это воззвание течет кровь двадцати королей, кровь героев Лузиньянов, защитников нашей веры. И мы взываем к вам: защитим же чистоту нашей религии до последней капли крови».

13-го сего месяца лорд Стэнли сделал заявление в палате общин, что при втором чтении билля об Индии (оно состоится 23-го сего месяца) он внесет следующую резолюцию:

«По мнению палаты, необходима дальнейшая информация, чтобы дать возможность парламенту принять плодотворные законодательные меры к установлению постоянного управления Индией. В настоящей же завершающей стадии парламентской сессии было бы нецелесообразно принимать какие-либо меры, которые только нарушили бы существующее положение, но все равно не могли бы рассматриваться как окончательное урегулирование вопроса».

Однако в апреле 1854 г. срок действия хартии Ост-Индской компании истекает, и, следовательно, что-нибудь в том или ином направлении нужно предпринять. Правительство хотело бы издать постоянный закон, иными словами продлить действие хартии еще на двадцать лет. Манчестерская школа хотела бы отсрочить принятие каких бы то ни было законодательных мер, продлив действие хартии самое большее на год. Правительство заявило, что издание постоянного закона необходимо для «блага» Индии. Манчестерцы возразили, что. это невозможно за отсутствием информации. «Благо» Индии и недостаток информации — два одинаково лживых предлога. Правящая олигархия желала еще до того, как соберется реформированная палата, обеспечить за счет Индии свое собственное «благо» на двадцать лет вперед. Манчестерцы не желали бы вообще принятия каких-либо законодательных актов до реформы существующего парламента, в котором они не имеют шансов провести свою точку зрения. И вот коалиционный кабинет устами сэра Чарлза Вуда, в противоречии с его собственными прежними заявлениями, но в полном соответствии с его обычной манерой обходить трудности, внес нечто вроде законопроекта. В то же время он не решился предложить возобновление хартии на какой-либо определенный срок, а выступил с таким «решением» вопроса, распутать которое он предоставил парламенту, если только последний захотел бы заняться этим делом. Если бы предложения правительства были приняты, это означало бы не возобновление, а лишь временное продление существования Ост-Индской компании. Во всех остальных

отношениях правительственный проект лишь по видимости меняет порядок управления Индией; единственное серьезное изменение, которое он вносит, заключается в добавлении нескольких новых губернаторов, хотя долголетним опытом доказано, что в тех областях Ост-Индии, которые управляются просто комиссарами [commissioners], положение намного лучше, чем там, где население удостоилось иметь губернаторов и советы при них с их дорогостоящей роскошью. Изобретенный вигами способ облегчать участь разоренных стран путем обременения их новыми синекурами для обнищавших аристократов напоминает нам эпизод периода прежнего правительства Рассела, когда виги, пораженные вдруг той духовной нищетой, в которой живут индусы и мусульмане на Востоке, решили прийти им на помощь путем отправки в Индию нескольких *новых епископов,* в то время как тори, находясь у власти, всегда считали, что достаточно и одного. Как только это решение было принято, тогдашний вигский председатель Контрольного совета, сэр Джон Хобхауз, тотчас же обнаружил, что у него есть родственник, удивительно подходящий для епископского сана. Этот родственник и был немедленно назначен на одну из новых кафедр. «В случаях, — замечает один английский писатель,—когда обувь оказывается как раз впору, поистине бывает затруднительно сказать, башмак ли создан для ноги или нога для башмака». Точно так же и в отношении изобретения сэра Чарлза Вуда было бы очень трудно сказать, созданы ли новые губернаторы для индийских провинций или индийские провинции для новых губернаторов.

Как бы то ни было, коалиционный кабинет думал, что он удовлетворил все требования, оставив за парламентом право в любое время изменить внесенный законопроект. К несчастью, лорд Стэнли, тори, выступил с резолюцией, которая, когда она была оглашена, вызвала громкое одобрение «радикальной» оппозиции. Однако резолюция лорда Стэнли страдает внутренними противоречиями. С одной стороны, Стэнли отклоняет правительственный проект потому, что палата требует дальнейшей информации для издания постоянного закона. С другой стороны, он отклоняет его потому, что этот проект предлагает не постоянный закон, а лишь изменение существующего положения, не претендующее на окончательное урегулирование вопроса. Консерваторы, конечно, против билля, потому что билль вообще предусматривает какие-то изменения. Радикалы против пего, потому что он в действительности ровно ничего не меняет. В нынешние коалиционные времена лорд Стэнли нашел формулу, объединяющую противоположные

точки зрения против позиции правительства в этом вопросе. Коалиционное министерство симулирует добродетельное негодование по поводу подобной тактики, и его орган «Chronicle» восклицает:

«Как партийное выступление, предложенная резолюция об отсрочке является в высшей степени раскольнической и позорной... Она внесена только потому, что некоторые сторонники правительства дали обязательство отмежеваться в этом частном вопросе от тех, с кем они обычно действуют заодно».

Министры, по-видимому, в самом деле серьезно встревожены. Сегодняшний номер «Chronicle» опять возвращается к этой теме:

«Голосование по вопросу о резолюции лорда Стэнли вероятно решит судьбу билля об Индии; поэтому *крайне важно,* чтобы лица, сознающие *важность* немедленного издания закона, приложили все усилия для укрепления позиции правительства»,

С другой стороны, в сегодняшнем номере «Times» мы читаем:

«Судьба правительственного билля об Индии начинает более или менее выясняться... Опасность для правительства состоит в том, что возражения лорда Стэнли целиком совпадают с выводами общественного мнения. Каждое слово этой резолюции решительно говорит против министерства».

В одной из следующих статей[*] я покажу, какова позиция различных партий Великобритании в индийском вопросе и какую пользу могут извлечь несчастные жители Индии из этой перебранки английских аристократов, плутократов и промышленных магнатов по поводу улучшения их участи.

Написано К. Марксом 11 июня 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3809, 1 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 151—160. *Ред.*

К. МАРКС

ТУРЦИЯ И РОССИЯ. — ПОТВОРСТВО РОССИИ СО СТОРОНЫ МИНИСТЕРСТВА АБЕРДИНА. — БЮДЖЕТ. — НАЛОГ НА ГАЗЕТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ. — ПАРЛАМЕНТСКАЯ КОРРУПЦИЯ [128]

Лондон, вторник, 21 июня 1853 г.

В 1828 г., когда России была предоставлена возможность обрушиться на Турцию войной и завершить эту войну Адрианопольским договором, — в результате этого договора все восточное побережье Черного моря, от Анапы на севере до Поти на юге (за исключением Черкесии), перешло в ее руки, и она завладела также островами в устье Дуная, а Молдавия и Валахия были фактически отделены от Турции и переданы под ее верховенство, — министром иностранных дел Великобритании был лорд Абердин. В 1853 г. мы видим того же самого Абердина в качестве главы «смешанного министерства» той же самой страны. Достаточно этого простого факта, чтобы объяснить вызывающее поведение России в ее нынешнем конфликте с Турцией и с Европой.

В своей последней статье я выразил мнение, что казуистическое, полное хитросплетений, фальшивое оправдание, с которым выступил в четверг «Times», вряд ли сможет рассеять бурю, вызванную разоблачениями «Press» относительно тайных соглашений между Абердином, Кларендоном и бароном Брунновым*. «Times» вынужден был даже позднее признать в полуофициальной статье, что лорд Кларендон действительно согласился с требованиями, которые Россия намеревалась предъявить Турции. Однако он добавил, что требования, сообщенные в Лондоне, и требования, которые были предъявлены в действительности в Константинополе, оказались совершенно различными по своему характеру, несмотря на то, что

* См. настоящий том, стр. 140—141. *Ред.*

документы, с которыми барон Бруннов ознакомил английского министра, были представлены как *текстуальные выдержки»* из инструкций князю Меншикову. Но в субботу «Times» — несомненно в результате протеста со стороны русского посольства — взял свое утверждение обратно и выдал барону Бруннову свидетельство о его полнейшей «добросовестности и честности». Газета «Morning Herald» в своем вчерашнем номере ставит вопрос; «Не дала ли Россия самому барону Бруннову ложные инструкции для того, чтобы ввести в заблуждение английского министра?» Но одновременно стали известны новые, тщательно скрывавшиеся от публики продажной прессой факты, которые совершенно исключают подобное толкование. Эти разоблачения показывают, что вся ответственность лежит на «смешанном министерстве», и их было бы вполне достаточно для возбуждения обвинения против лордов Абердина и Кларендона в государственном преступлении, — и так поступил бы всякий другой парламент, кроме нынешнего, который представляет собой всего лишь паралитичное детище омертвелого круга избирателей, искусственно оживленного посредством беспримерного подкупа и запугивания.

Установлено, что лорд Кларендон получил сообщение, в котором его уведомляли, что вопрос о гробе господнем *не* является *единственным вопросом,* занимающим русского князя[*]. В этом сообщении был затронут и главный вопрос, а именно вопрос о православном населении Турции и о той позиции, которую русский император занимает по отношению к нему, согласно известным договорам. Все эти пункты были обсуждены, был подробно охарактеризован курс, которого собирается придерживаться Россия, — тот самый курс, который был обстоятельно изложен в проектировавшейся конвенции от 6 мая[129]. Лорд Кларендон, с согласия лорда Абердина, не высказал ни малейшего неодобрения и ни малейшего протеста против этого курса. В то время как дела в Лондоне обстояли таким образом, Бонапарт послал свой флот в Саламин, общественное мнение оказало давление на парламент и министрам были сделаны запросы в обеих палатах, Рассел торжественно пообещал защитить неприкосновенность и независимость Турции, а князь Меншиков сбросил свою маску в Константинополе. Для лордов Абердина и Кларендона возникла необходимость посвятить и других министров во все происшедшее, и коалиция оказалась накануне распада, когда лорд Пальмерстон, которого обязывало его прошлое, стал настаивать на совер-

[*] — Меншикова. *Ред.*

шенно противоположной политике. Для того чтобы предотвратить распад своего кабинета, лорд Абердин в конце концов уступил настояниям Пальмерстона и согласился на совместное выступление английского и французского флотов в Дарданеллах. Но в то же самое время, для того чтобы выполнить свои обязательства по отношению к России, лорд Абердин уведомил доверительной депешей С.-Петербург, что занятие русскими Дунайских княжеств он не будет рассматривать как casus belli*, а «Times» получил распоряжение подготовить общественное мнение к этому новому истолкованию международных договоров. И нельзя не отдать этой газете справедливости, она много потрудилась над тем, чтобы доказать, что черное является белым. Та самая газета, которая все время утверждала, что русский *протекторат* над православным населением Турции вообще не будет иметь никаких политических последствий, стала вдруг доказывать, что Молдавия и Валахия находятся под двойным сюзеренитетом и на деле не являются неотъемлемой частью Турецкой империи и что поэтому их оккупация не явилась бы «в строгом смысле слова» вторжением в пределы Турецкой империи, поскольку Бухарестским и Адрианопольским договорами царю предоставлен протекторат над его единоверцами в Дунайских провинциях[130]. Балта-Лиманская конвенция от 1 мая 1849 г.[131] устанавливает совершенно определенно:

«1) что оккупация этих провинций, если бы таковая должна была иметь место, может быть произведена лишь объединенными русскими и турецкими вооруженными силами;

2) что единственным основанием для оккупации могли бы служить лишь серьезные беспорядки в Дунайских княжествах».

Но так как в этих княжествах вообще не произошло никаких беспорядков и так как, более того, Россия намеревается занять их отнюдь не совместно с Турцией, а наоборот, как раз действуя против последней, то «Times» полагает, что Турция должна, прежде всего, терпеливо отнестись к оккупации княжеств одной Россией, а затем вступить с пей в переговоры. Если же Турция не обнаружит должного спокойствия духа и сочтет оккупацию за casus belli, то Англия и Франция, по мнению «Times», вовсе не обязаны сделать то же самое. А если они все-таки это сделают, то «Times» рекомендует им действовать корректно и ни в коем случае не выступать против России в качестве воюющей стороны, ограничиваясь лишь выступлением в защиту Турции в качестве ее союзников.

* — повод к войне. *Ред.*

Лучший способ, как мне кажется, заклеймить трусливое и изворотливое поведение газеты «Times» — это процитировать следующее место из ее сегодняшней передовицы. Последняя воплощает в себе невероятную смесь всех тех противоречий, уверток, фальшивых предлогов, опасений и lachetes*, из которых и складывается политика лорда Абердина.

«Прежде чем перейти к крайним мерам. Порта может, если она это сочтет нужным, заявить протест против оккупации княжеств и продолжать вести переговоры при поддержке всех европейских держав. Турецкое правительство должно само принять решение, в согласии с послами четырех держав, по этому важному вопросу и, в частности, определить, настолько ли далеко зашли враждебные действия, чтобы, согласно конвенции 1841 г.[132], открыть Дарданеллы для иностранных военных судов. Если этот вопрос будет решен в положительном смысле и флотам будет отдан приказ войти в проливы, тогда останется еще выяснить, явимся ли мы туда в качестве держав-посредников или же в качестве воюющей стороны. Ибо если и предположить, что Турция и Россия находятся в состоянии войны между собой и что иностранные военные суда допускаются в силу casus foederis**(!), то отсюда еще не следует, что они обязательно должны действовать как суда воюющей стороны, а не как суда держав-посредников, в чем они гораздо больше заинтересованы, поскольку они посылаются не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы ее предотвратить. Такого рода мера не должна нас непременно сделать главными участниками борьбы».

Все передовицы «Times» не достигли никакой цели. Ни одна из других газет не пошла по стопам «Times», ни одна из них не попалась на его удочку, и даже правительственные газеты — «Morning Chronicle», «Morning Post», «Globe», «Observer» — занимают совершенно иную позицию, встречая живейший отклик по ту сторону Ла-Манша, где одна только легитимистская газета «Assemblee nationale»[133] как будто не усматривает casus belli в оккупации Дунайских княжеств.

Разногласия в рядах коалиционного министерства, таким образом, стали известны публике вследствие крикливой разноголосицы среди правительственных газет. Пальмерстон убедил кабинет рассматривать оккупацию Молдавии и Валахии как объявление войны и в этом его поддержали виги и псевдорадикальные члены «смешанного министерства». Лорд Абердин, который согласился на совместное выступление английского и французского флотов лишь в расчете на то, что Россия будет действовать не в Дарданеллах, а только в Дунайских княжествах, оказался теперь «на мели». Существование правительства было снова поставлено под вопрос. И вот, наконец, когда

* — подлостей. *Ред.*
** — буквально: «случая союза», то есть момента, когда должны вступить в силу союзнические обязательства. *Ред*.

Пальмерстон, уступая упорным настояниям лорда Абердина, уже готов был дать вынужденное согласие на произвольную оккупацию княжеств Россией, внезапно приходит депеша из Парижа с извещением о намерении Наполеона признать этот акт за casus belli. Замешательство достигло предельной точки.

Если приведенное освещение событий является правильным, — а у нас, исходя из прошлого лорда Абердина, есть все основания это считать, — то вся тайна русско-турецкой трагикомедии, занимающей Европу уже в течение ряда месяцев, выступает наружу. Теперь нам сразу становится понятным, почему лорд Абердин не желал выводить английский флот с острова Мальты. Мы начинаем понимать, почему полковник Роуз получил выговор за свое энергичное поведение в Константинополе, нам становится ясным, почему князь Меншиков вел себя столь вызывающе, а царь проявил столь геройскую твердость. Понимая, что военные демонстрации Англии являются простым фарсом, он был бы весьма рад, если бы мог посредством беспрепятственной оккупации Молдавии и Валахии не только покинуть сцену в качестве хозяина положения, но и провести свои ежегодные большие маневры за счет подданных султана. Если война все же вспыхнет, это, по нашему мнению, произойдет только потому, что Россия слишком далеко зашла, чтобы отступить без ущерба для своей чести. Более того, Россия, как мы полагаем, только потому обнаружила такую смелость, что все время рассчитывала на попустительство со стороны Англии.

В этом отношения весьма метким является следующее высказывание в последней статье «Англичанина» по поводу коалиционного министерства:

«Коалиция колеблется при каждом ветерке, дующем с Дарданелл. Боязливость доброго Абердина и жалкая некомпетентность Кларендона поощряюще подействовали на Россию и вызвали кризис».

Последние известия из Турции таковы: турецкий посол в Париже получил из Константинополя через Землин телеграфное сообщение, уведомляющее его, что Порта, опираясь на меморандум, посланный великим державам, отклонила последний ультиматум России[134]. Марсельская газета «Sémaphore»[135] передает, что в Смирне получено сообщение о захвате русскими в Черном море двух турецких торговых судов, но что, с другой стороны, кавказскими племенами предпринята генеральная кампания против русских, в которой Шамиль одержал в высшей степени блестящую победу, захватив не менее 23 пушек.

Г-н Гладстон теперь объявил об изменении своих предложений относительно налога на объявления. Для того чтобы

заручиться поддержкой «Times», он раньше предлагал отменить налог на газетные приложения, содержащие одни только объявления. Теперь же, напуганный общественным мнением, он предлагает освободить от налога все первые приложения и обложить налогом в полпенни каждое дополнительное приложение. Можно представить себе ярость «Times», который из-за этого изменения будет теперь выгадывать вместо 40000 ф. ст. в год только 20000 ф. ст., причем рынок будет широко открыт для его конкурентов. Эта весьма последовательная газета, которая отчаянно защищает налоги на знание, в том числе налог на объявления, сопротивляется теперь любому налогу на приложения. Но она может утешиться. Если министерство, после принятия большей части бюджета, не чувствует больше никакой необходимости угождать «Times», то, с другой стороны, манчестерцы, добившись своей доли в бюджете, не будут больше испытывать необходимости в министерстве. Последнее именно этого и опасается, и как раз этим опасением объясняется тот факт, что дискуссия о бюджете растянулась на весь период парламентской сессии. Для уравнивающей справедливости г-на Гладстона весьма характерно, что в то время как он понижает налог на газетные объявления с 1 шилл. 6 пенсов до 1 шилл. 3 пенсов, объявления об изданиях, помещаемые в конце большинства книг и журналов, он предлагает облагать налогом по 6 пенсов каждое.

Сегодня вечером палата общин будет рассматривать два случая подкупа. На протяжении нынешней сессии заседали 47 комиссий по поводу выборов, из которых 4 все еще продолжают заседать, а 43 закончили свои расследования, придя к заключению, что большинство членов палаты, лишенных мандатов, виновно в подкупе. Для того чтобы показать, с каким уважением общественное мнение относится к этому парламенту — отпрыску коррупции и отцу коалиции, — достаточно процитировать следующие слова из сегодняшнего номера газеты «Morning Herald»:

«Если отсутствие ясных целей и намерений, более того, приступы колебаний и шатаний есть признак слабоумия, то следует признать, что нынешний парламент, этот шестимесячный ребенок, уже — старец, впавший в детство. Он уже сейчас выдыхается и распадается на группки в виде лишенных всякой энергии и цели мелких клик».

Написано К. Марксом 21 июня 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3814, 8 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ, ЕЕ ИСТОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лондон, пятница, 24 июня 1853 г.

Дебаты по предложению лорда Стэнли об отсрочке принятия законодательных мер для Индии были отложены на сегодняшний вечер. Впервые с 1783 г. индийский вопрос стоит в Англии как вопрос правительственный. Чем это объяснить?

Действительное начало деятельности Ост-Индской компании не может быть отнесено к более раннему времени, чем 1702 г., когда различные общества, претендовавшие на монопольную торговлю с Ост-Индией, объединились в одну-единственную компанию. До этого года самое существование первоначальной Ост-Индской компании несколько раз подвергалось опасности: в период протектората Кромвеля ее деятельность была прекращена на ряд лет, а в правление Вильгельма III из-за вмешательства парламента ей угрожал полный роспуск. Но именно под властью этого голландского принца, когда виги стали откупщиками доходов Британской империи, когда появился Английский банк, когда в Англии прочно утвердилась покровительственная система и окончательно установилось равновесие сил в Европе, — лишь в это время существование Ост-Индской компании было признано парламентом. Эта эра мнимой свободы была в действительности эрой монополий, которые создавались не на основании королевских патентов, как во времена Елизаветы и Карла I, а узаконивались и объявлялись национальными с санкции парламента. Эта эпоха в истории Англии по существу очень похожа на эпоху Луи-Филиппа

во Франции, когда старая земельная аристократия потерпела поражение, а буржуазия оказалась в состоянии занять ее место лишь под стягом плутократии, или «haute finance»*. Ост-Индская компания отстранила рядовых людей от торговли с Индией в то самое время, когда палата общин отстранила их от парламентского представительства. Тут, как и в других случаях, мы имеем пример того, как первая решительная победа буржуазии над феодальной аристократией сопровождается наиболее откровенной реакцией против народа, — явление, побудившее не одного народного писателя, вроде Коббета, искать народную свободу скорее в прошлом, чем в будущем.

Союз между конституционной монархией и пользующимися монополией денежными магнатами, между Ост-Индской компанией и «славной» революцией 1688 г. был взлелеян той же самой силой, которая во все времена и во всех странах связывала и объединяла либеральный капитал и либеральные династии, а именно силой коррупции, этой главной движущей силой конституционной монархии, этим ангелом-хранителем Вильгельма III и злым гением Луи-Филиппа. Еще в 1693 г., как это было установлено парламентским расследованием, ежегодные расходы Ост-Индской компании под рубрикой «подарков» власть имущим, редко превышавшие до революции 1200 ф. ст., достигли к тому времени суммы в 90000 фунтов стерлингов. Герцог Лидс был обвинен в получении взятки в 5000 ф. ст., а сам добродетельный король был изобличен в получении 10000 фунтов стерлингов. Помимо этих прямых подкупов, от конкурирующих компаний избавлялись путем предоставления правительству огромных займов за самые низкие проценты, иди же посредством взяток директорам этих компаний.

Влияние, которое Ост-Индская компания точно так же, как и Английский банк, приобрела посредством подкупа правительства, она была вынуждена, как и Английский банк, поддерживать все новыми и новыми подкупами. Каждый раз, когда истекал срок ее монополии, она могла возобновлять свою хартию, лишь предоставляя правительству новые займы и преподнося ему новые подарки.

События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в державу военную и территориальную[136]. Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке. Акции Ост-Индской компании поднялись тогда до 263 ф. ст., а дивиденды выплачивались из

* — крупных финансистов. *Ред.*

$12^1/_2$ процентов. Но тогда появился новый враг Компании, на этот раз уже не в лице конкурирующих компаний, а в лице конкурирующих министров и конкурирующей нации. Указывалось на то, что территориальные владения Компании были завоеваны с помощью британского флота и британских войск и что ни один британский подданный не может обладать верховной властью над какой-либо территорией независимо от короны. Министры и нация тех времен потребовали своей доли в «чудесных сокровищах», которые, как тогда себе представляли, достались Компании в результате последних завоеваний. Компания спасла свое существование лишь благодаря соглашению, заключенному в 1767 г., по которому она обязалась ежегодно вносить в государственную казну 400000 фунтов стерлингов.

Но вместо того, чтобы выполнять это соглашение и платить дань английской нации, Ост-Индская компания, испытывая финансовые затруднения, сама обратилась к парламенту за денежной помощью. Следствием этого шага были серьезные изменения в хартии Компании. Дела Компании, несмотря на новые условия, в которые она была поставлена, не удалось поправить, и так как одновременно с этим английская нация потеряла свои колонии в Северной Америке, то убеждение в том, что Англии необходимо вновь приобрести где-либо обширную колониальную империю, становилось все более всеобщим. Знаменитый Фокс поэтому и счел в 1783 г. момент подходящим для внесения своего нашумевшего билля об Индии, в котором предлагалось упразднить Совет директоров и Совет акционеров и передать все управление Индией в руки семи комиссаров, назначаемых парламентом. Вследствие личного влияния слабоумного короля* на палату лордов билль г-на Фокса был провален и использован для свержения коалиционного правительства Фокса и лорда Норта и для назначения главой правительства знаменитого Питта. Питт провел в 1784 г. через обе палаты билль, который предусматривал учреждение Контрольного совета, состоящего из шести членов Тайного совета. Контрольный совет должен был:

> «проводить ревизии и осуществлять наблюдение и контроль за всеми актами, операциями и делами, которые в той или иной мере касаются гражданского и военного управления территориями и владениями Ост-Индской компании, а также получаемых с них доходов».

Вот что говорит по этому поводу историк Милль:

* — Георга III. *Ред.*

«Проведением этого закона преследовалась двоякая цель. Чтобы избежать обвинений в намерении осуществить то, что изображалось одиозным в билле г-на Фокса, необходимо было создать *видимость,* будто большая часть власти остается в руках директоров. Для выгоды министерства необходимо было, чтобы в *действительности* у директоров была отнята всякая власть. То показное отличие, которое имел билль г-на Питта от билля его соперника, состояло главным образом именно в том, что он якобы сохранял власть директоров почти неприкосновенной, в то время как билль Фокса лишал их всякой власти. По закону г-на Фокса полномочия министров были бы открыто признаны. По закону г-на Питта эти полномочия осуществлялись тайно и с помощью обмана. Билль г-на Фокса передавал власть, отобранную у Компании, комиссарам, назначаемым парламентом. Билль г-на Питта передавал эту власть комиссарам, назначаемым королем»[137].

Годы 1783 и 1784 были, таким образом, первыми и до настоящего времени единственными годами, когда индийский вопрос стоял как правительственный вопрос. Билль г-на Питта был принят, хартия Ост-Индской компании была возобновлена, и индийский вопрос был отложен в сторону на двадцать лет. Но в 1813 г. антиякобинская война, а в 1833 г. только что принятый билль о реформе[138] отодвинули на задний план все другие политические вопросы.

Вот главная причина, которая помешала индийскому вопросу как до, так и после 1784 г., стать большим политическим вопросом. До 1784 г. Ост-Индской компании приходилось прежде всего отстаивать свое существование и свое влияние, а после 1784 г. олигархия завладела всеми теми правами Компании, которые она могла присвоить себе, не беря на себя также и ответственности; позднее же, в периоды возобновления хартии, в 1813 и 1833 гг., внимание английского народа было в основном поглощено другими, более неотложными вопросами.

Рассмотрим теперь вопрос с другой точки зрения. Ост-Индская компания начала с простого стремления устроить фактории для своих агентов и складочные пункты для своих товаров. Для защиты своих факторий и складов она соорудила несколько фортов. Хотя уже с 1689 г. Ост-Индская компания замышляла основать в Индии территориальное владение и сделать доходы с приобретенных территорий одним из источников своих барышей, однако вплоть до 1744 г. она приобрела лишь несколько незначительных районов вокруг Бомбея, Мадраса и Калькутты. Война, вспыхнувшая вслед за тем в Карнатике, привела к тому, что Компания после ряда столкновений стала по существу властелином этой части Индии. Гораздо более значительные плоды принесла война в Бенгалии и победы Клайва. Результатом их был действительный захват Бен-

галии, Бихара и Ориссы. Затем, в конце XVIII века и в первые годы текущего столетия последовали войны с Типпу Сахибом, результатом которых явилось значительное усиление могущества завоевателей и широкое распространение субсидиарной системы[139]. Во втором десятилетии XIX века Англией впервые, наконец, была завоевана удобная граница, а именно пустынная пограничная полоса Индии. Только тогда Британская империя на Востоке достигла тех частей Азии, которые во все времена служили местопребыванием всякой сильной центральной власти в Индии. Но наиболее уязвимый пункт империи, пункт, с которого Индия подвергалась нашествиям каждый раз, как старый завоеватель изгонялся новым, — а именно, западный пограничный барьер, — еще не был в руках британцев. В период от 1838 до 1849 г. в войнах с сикхами и афганцами британское владычество было окончательно установлено в пределах этнографических, политических и военных границ всего ост-индского континента в результате насильственного присоединения Пенджаба и Синда[140]. Эти владения были нужны для того, чтобы отразить любое вторжение из Средней Азии, а также для противодействия России, продвигающейся к границам Персии. В течение этого последнего десятилетия к Британской Индии была присоединена территория площадью в 167000 квадратных миль с населением в 8572630 душ. Что касается внутреннего положения Индии, то все местные государства были теперь окружены английскими владениями, подчинены британскому сюзеренитету в той или другой форме и, за исключением только Гуджарата и Синда, отрезаны от морского побережья. Что же касается внешних сношений Индии, то отныне с ними было покончено. Только с 1849 г. существует единая великая англо-индийская империя.

Таким образом, британское правительство вело в течение двух столетий войны, прикрываясь именем Компании, пока, наконец, не были достигнуты естественные границы Индии. Мы понимаем теперь, почему в течение всего этого времени этому молчаливо потворствовали все партии в Англии, включая и тех, которые решили перекричать всех своими лицемерными воплями о мире после того, как завершится arrondissement* единой английской империи в Индии. Они, разумеется, сначала должны заполучить Индию, чтобы затем сделать ее объектом своей назойливой филантропии. Из этого нам становится ясным, почему с индийским вопросом в нынешнем,

* — округление границ. *Ред.*

1853, году дело обстоит иначе, чем во все предыдущие периоды возобновления хартии.

Подойдем к вопросу еще с одной точки зрения. Мы гораздо лучше поймем особенности кризиса, переживаемого законодательством об Индии, если рассмотрим все фазисы, через которые прошло развитие торговых сношений между Великобританией и Индией.

В начале деятельности Ост-Индской компании, в царствование Елизаветы, Компания получила разрешение для прибыльного ведения своей торговли с Индией ежегодно вывозить серебро, золото и иностранную монету на сумму в 30000 фунтов стерлингов. Это было нарушением всех предрассудков века, и Томас Ман вынужден был в «Рассуждении о торговле между Англией и Ост-Индией»[141], — изложив основы «системы меркантилизма» и признав, что драгоценные металлы являются единственным реальным богатством, которым какая-либо страна может обладать,—одновременно доказывать, что вывоз их может быть спокойно разрешен, если *платежный баланс* благоприятен для вывозящей нации. В этом смысле он утверждал, что импортируемые из Ост-Индии товары по преимуществу снова вывозятся в другие страны, откуда поступает значительно большее количество золота и серебра, чем требовалось для уплаты за эти товары в Индии. В том же духе сэр Джозая Чайлд написал «Трактат, в котором доказывается, что из всех видов внешней торговли самой национальной является торговля с Ост-Индией»[142]. Мало-помалу сторонники Ост-Индской компании становились все смелее, и можно отметить как курьез в этой странной индийской истории, что монополисты в Индии были первыми проповедниками принципа свободы торговли в Англии.

Требования парламентского вмешательства в дела Ост-Индской компании снова стали раздаваться в самом конце XVII и в течение большей части XVIII века, но уже не со стороны торгового, а со стороны промышленного класса. Именно в это время заявляли, что ввоз ост-индских хлопчатобумажных и шелковых тканей разоряет несчастных британских промышленников. Мнение это было высказано в сочинении Джона Поллексфена; «Несовместимость промышленного производства Англии и Индии», Лондон, 1697[143], заглавие которого нашло удивительное подтверждение 150 лет спустя, но совершенно в противоположном смысле. Тогда вмешался парламент. Актом 11-го и 12-го годов царствования Вильгельма III, глава 10, было запрещено ношение одежды из выделанных шелковых материй и из набивного или крашеного коленкора, ввезенных

из Индии, Персии или Китая, и устанавливался штраф в 200 ф. ст. для тех лиц, которые держат у себя эти изделия или торгуют ими. Подобные же законы были изданы позже, в царствования Георгов I, II и III, под влиянием повторявшихся и в дальнейшем жалоб со стороны столь «просвещенных» британских промышленников. И таким образом, в течение большей части XVIII столетия индийские промышленные изделия обычно ввозились в Англию лишь для того, чтобы быть проданными на континенте, а собственно английский рынок оставался для них закрытым.

Помимо парламентского вмешательства в ост-индские дела, вызванного назойливыми ходатайствами жадных английских промышленников, всякий раз, когда решался вопрос о возобновлении хартии, лондонские, ливерпульские и бристольские купцы прилагали все усилия к тому, чтобы сломить торговую монополию Компания и самим принять участие в этой торговле, которая считалась настоящим золотым дном. Вследствие этих домогательств в акт 1773 г., продлевавший срок действия хартии Компании до 1 марта 1814 г., был внесен пункт, согласно которому частным британским подданным разрешалось вывозить из Англии в Индию, а служащим Ост-Индской компании ввозить в Англию почти все виды товаров. Но эта уступка была обставлена условиями, уничтожавшими значение той ее части, которая касалась ввоза в Индию товаров частными купцами. В 1813 г. Компания оказалась неспособной противостоять дольше давлению широких торговых кругов, и если монополия на торговлю с Китаем была сохранена, то торговля с Индией была на известных условиях открыта для частной конкуренции. При возобновлении хартии в 1833 г. были отменены, наконец, и эти последние ограничения: Компании было вообще запрещено вести какую бы то ни было торговлю, ее торговый характер был уничтожен, и она лишена была своей привилегии запрещать британским подданным пребывание на индийской территории.

Между тем торговля с Ост-Индией пережила весьма серьезные перемены, совершенно изменившие отношение разных классов Англии к этой торговле. Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII в., приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации страны и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию. После устранения в 1813 г. препятствий для торговли, размеры торгового оборота с Индией в очень короткое время более чем утроились. Но это было еще не все. Весь характер этой торговли изменился. До 1813 г.

Индия была преимущественно экспортирующей страной, между тем как теперь она стала страной импортирующей; и это развитие шло таким быстрым темпом, что уже в 1823 г. валютный курс, составлявший ранее обычно 2 шилл. 6 пенсов за рупию, упал до 2 шилл. за рупию. Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английской пряжей и английскими хлопчатобумажными тканями. После того как собственные индийские изделия были изъяты из продажи в Англии или стали допускаться лишь на самых жестких условиях, Индию наводнили изделия английской промышленности, облагаемые небольшой и по существу лишь номинальной пошлиной, что привело к гибели местное, некогда столь славившееся хлопчатобумажное производство. В 1780 г. стоимость английской продукции, в том числе готовых изделий, составляла всего лишь 386152 ф. ст., стоимость золота и серебра, вывезенных в том же году, составляла 15041 ф. ст., причем общая стоимость всего экспорта в течение 1780 г. была равна 12648616 ф. ст., так что сумма торгового оборота с Индией составляла лишь $^{1}/_{32}$ суммы всех оборотов внешней торговли. В 1850 г. стоимость всего экспорта в Индию из Великобритании и Ирландии составляла 8024000 ф. ст., причем стоимость одних только экспортируемых хлопчатобумажных товаров достигала 5220000 ф. ст., составляя более $^{1}/_{8}$ стоимости всего экспорта Великобритании и более $^{1}/_{4}$ стоимости всего ее экспорта хлопчатобумажных товаров за границу, Но в хлопчатобумажном производстве была занята теперь $^{1}/_{8}$ часть населения Великобритании, и эта отрасль промышленности доставляла ей $^{1}/_{12}$ всего ее национального дохода. После каждого торгового кризиса торговля с Ост-Индией все больше становилась для хлопчатобумажных фабрикантов делом первостепенной важности, и ост-индский континент стал действительно их лучшим рынком сбыта. В той же мере, в какой хлопчатобумажная промышленность приобретала жизненное значение для всего социального строя Великобритании, Ост-Индия стала приобретать жизненное значение для британской хлопчатобумажной промышленности.

До этого момента интересы плутократии, превратившей Индию в свою вотчину, олигархии, завоевавшей Индию своими армиями, и промышленных магнатов, наводнивших Индию своими товарами, совпадали. Но чем более увеличивалась зависимость английской промышленности от индийского рынка, тем более английские промышленники чувствовали необходимость создания новых производительных сил в Индии после

того, как они разрушили ее собственную промышленность. Нельзя беспрерывно наводнять страну своими промышленными изделиями, не предоставляя ей возможности в свою очередь сбывать кое-какие продукты. Английские промышленники обнаружили, что их торговля сокращается, вместо того чтобы возрастать. За четырехлетний период, кончающийся 1846 г., стоимость импорта в Индию из Великобритании составляла 261 млн. рупий; за четырехлетие, кончающееся 1850 г., стоимость этого импорта достигла лишь 253 млн. рупий, между тем как стоимость экспорта за первый период равнялась 274 млн. рупий, а за следующий период — 254 млн. рупий. Промышленники увидели, что покупательная способность в отношении их товаров была доведена в Индии до самого низкого уровня, что—в то время как стоимость годового потребления их товаров на душу населения составляла в британской Вест-Индии около 14 шилл., в Чили 9 шилл. 3 пенса, в Бразилии 6 шилл. 5 пенсов, на Кубе 6 шилл. 2 пенса, в Перу 5 шилл. 7 пенсов, в Центральной Америке 10 пенсов — в Индии она составляла лишь около 9 пенсов. Затем наступил неурожай хлопка в Соединенных Штатах, причинивший в 1850 г. английским хлопчатобумажным промышленникам убытки на 11000000 ф. ст., и промышленники были раздражены тем, что они находятся в зависимости от Америки, вместо того чтобы получать в достаточном количестве хлопок-сырец из Ост-Индии. Кроме того, они видели, что все их попытки приложить капитал в самой Индии наталкиваются на препятствия и подвохи со стороны властей в Индии. Таким образом, Индия стала ареной борьбы между промышленным капиталом, с одной стороны, плутократией и олигархией — с другой. Промышленники, сознавая свое растущее влияние в Англии, требуют теперь уничтожения этих враждебных им сил в Индии, разрушения всего старого аппарата управления Индией и окончательной ликвидации Ост-Индской компании.

И, наконец, вот еще четвертая и последняя точка зрения, с которой следует рассматривать индийский вопрос. С 1784 г. финансовое положение Индии все более и более ухудшалось. Национальный долг достигает теперь 50 млн. ф. ст., источники доходов все более сокращаются и соответственно увеличиваются расходы; дефицит едва покрывается ненадежными доходами от налога на опиум, которые грозят теперь вообще иссякнуть, так как китайцы начали сами возделывать мак. Кроме того, предвидится увеличение расходов ввиду бессмысленной войны с Бирмой[144].

«Положение таково», — говорит г-н Дикинсон, — «что если потеря империи в Индии грозит Англии крахом, то и необходимость сохранить ее создает такое напряжение в наших финансах, которое чревато крахом»[145].

Таким образом, я показал, почему индийский вопрос впервые после 1783 г. стал английским вопросом и вопросом правительственным.

Написано К. Марксом 24 июня 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3816, 11 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС.— ИРЛАНДСКОЕ АРЕНДНОЕ ПРАВО [146]

Лондон, 28 июня 1853 г.

Дебаты по предложению лорда Стэнли относительно Индии, начавшиеся 23-го, продолжавшиеся 24-го и затем перенесенные на 27-е сего месяца, все еще не закончились. Когда они, наконец, закончатся, я намерен резюмировать свои замечания по индийскому вопросу.

Так как коалиционное министерство, зависит от поддержки ирландской партии и так как все прочие партий, составляющие палату общин, настолько уравновешивают одна другую, что ирландцы в любой момент могут склонить чашу весов в угодную им сторону, то ирландским арендаторам собираются, наконец, сделать некоторые уступки. В «билле о правах, вытекающих из аренды» (в Ирландии), прошедшее в прошлую пятницу в палате общин, имеется пункт, согласно которому по окончании срока аренды арендатор должен получить денежную компенсацию за произведенные им улучшения, связанные с землей и не связанные с нею; новому арендатору предоставляется право учитывать их при оценке; что же касается улучшения самой почвы, то компенсация за нее должна быть оговорена в договоре между лендлордом и арендатором.

После того как арендатор в той или иной форме вложил свой капитал в землю, способствуя тем самым улучшению почвы — либо непосредственно, путем орошения, дренажа, внесения удобрений, либо косвенно, путем сооружения построек для сельскохозяйственных целей, — после всего этого вмешивается лендлорд и требует повышенной арендной платы. Если арендатор уступает, то получается, что он должен платить лендлорду проценты за свои собственные деньги. Если он

упорствует, его бесцеремонно выбрасывают и заменяют новым арендатором, который в состоянии платить более высокую арендную плату вследствие издержек, произведенных его предшественниками; новый арендатор, в свою очередь, улучшает землю, в результате чего подобным же образом заменяется другим лицом или ставится в более тяжелые условия. С помощью такого простого способа класс не проживающих в стране лендлордов получал возможность прикарманивать не только труд, но и капитал целых поколений; каждое поколение ирландских крестьян опускалось ступенью ниже по общественной лестнице в прямом соответствии с теми усилиями, которые были затрачены крестьянами для улучшения своего положения и положения своих семей, и принесенными ради этого жертвами. Если арендатор был трудолюбив и предприимчив, то он облагался дополнительным побором именно вследствие своего трудолюбия и предприимчивости. Если, наоборот, он становился бездеятельным и небрежным, его корили «наследственными пороками кельтской расы». Следовательно, у него не оставалось никакого иного выхода, как сделаться паупером — обнищать из-за своего трудолюбия или из-за своего нерадения. В целях борьбы с подобным порядком вещей в Ирландии было провозглашено «арендное право» — право арендатора не на землю, а лишь на те улучшения, которые он производил на этой земле за свой собственный счет. Посмотрим, как «Times» в своей субботней передовице пытается опровергнуть это ирландское «арендное право»[147].

«Существуют две главные системы фермерской аренды: либо арендатор может взять землю в аренду на точно установленное количество лет, либо его аренда может быть прекращена в любое время после определенного предупреждения. В первом случае совершенно очевидно, что он имеет возможность таким образом регулировать и распределять свои затраты, чтобы при всех, или почти при всех, условиях получить свою прибыль еще до окончания срока аренды. Во втором случае не менее очевидно, что арендатор не рискнет вложить свой капитал без нормальных гарантий получения дохода».

Там, где лендлорды имеют дело с классом крупных капиталистов, которые могут, как им заблагорассудится, помещать свои капиталы в торговлю, промышленность или сельское хозяйство, там, конечно, не приходится сомневаться в том, что подобные капиталистические арендаторы знают и при долгосрочной аренде и при аренде без определенного срока, как обеспечить себе «нормальный» доход за свои затраты. Но по отношению к Ирландии это предположение является совершенно ложным. Здесь вы имеете, с одной стороны, малочисленный класс монополистов земли и, с другой, —весьма многочисленный класс малоимущих арендаторов, которые лишены возможности выбирать

способ применения своих ничтожных средств и могут вкладывать их лишь в одну отрасль производства, в земледелие. Они вынуждены поэтому становиться арендаторами без гарантии сроков аренды [tenants at will]. В качестве таковых они, естественно, рискуют лишиться своего дохода, если не вкладывают свой скудный капитал. Если же они вкладывают его в целях обеспечения своего дохода, они рискуют потерять и этот капитал.

«Может быть», — продолжает «Times», — «нам возразят, что редко когда-либо по окончании срока аренды на участке не остается чего-либо, представляющего собой в той или другой форме собственности арендатора, и что за это он должен получить компенсацию. В этом замечании имеется доля истины, но вопрос о такого рода требовании при нормальных общественных условиях легко может быть улажен между лендлордом и арендатором, так как при всех обстоятельствах это требование можно учесть в первоначальном договоре. Но мы утверждаем, что эти отношения должны регулироваться общественными условиями, ибо, по нашему мнению, никакой парламентский акт не в состоянии заменить собой подобного фактора».

Действительно, при «нормальных общественных условиях» мы вовсе не нуждались бы в парламентском вмешательстве в ирландские арендные отношения, так же как при «нормальных общественных условиях» мы не испытывали бы нужды во вмешательстве солдата, полицейского и палача. Законодательство, суд и вооруженная сила — все это лишь плоды ненормальных общественных условий, препятствующих установлению между людьми таких отношений, которые делали бы ненужным насильственное вмешательство третьей верховной силы. Но, быть может, «Times» превратился в социального революционера? Быть может вместо «парламентских актов» он желает *социальной* революции, которая бы реорганизовала «общественные условия», и вытекающего отсюда «устройства»? Англия разрушила условия жизни ирландского общества. Сначала она конфисковала землю, затем «парламентскими актами» задушила промышленность, наконец, вооруженной силой сломила активность и энергию ирландского народа. Таким образом Англия создала те отвратительные «общественные условия», которые дают возможность маленькой *касте* хищных лордиков диктовать ирландскому народу, на каких условиях ему дозволяется пользоваться землей и жить на ней. Народ, слишком слабый еще, чтобы произвести революцию в этих «общественных условиях», обращается к парламенту, требуя, по крайней мере, смягчения или регулирования этих условий. Но «нет», — заявляет «Times», — «если вы не живете при нормальных общественных условиях, парламент не может

исправить это положение». А если ирландский народ, по совету «Times», попытался бы сам завтра исправить свои общественные условия, то тот же «Times» первый бы апеллировал к штыкам и обрушился бы с потоком кровожадных угроз по адресу «кельтской расы с ее наследственными пороками», которой недостает англосаксонской склонности к мирному прогрессу и усовершенствованию в рамках закона.

«Если лендлорд», — пишет «Times», — «намеренно наносит ущерб одному арендатору, то тем труднее ему будет найти другого; и поскольку все его занятие состоит в сдаче земли в аренду, он убедится, что ему становится все труднее сдавать ее».

В Ирландии дело обстоит как раз наоборот. Чем больший ущерб лендлорд наносит одному арендатору, тем легче он получает возможность угнетать другого. Арендатор, вступающий в пользование землей, служит орудием, которым наносится ущерб прежнему, выброшенному арендатору, а этот последний служит орудием порабощения нового. Что, по истечении известного времени, лендлорд, нанося ущерб своему арендатору, причинит ущерб самому себе и разорится сам, — это не только вероятно, это уже факт для Ирландии, факт, который, однако, является весьма сомнительным источником утешения для разоренного арендатора.

«Отношения между лендлордом и арендатором», — утверждает «Times», — «это отношения между двумя торговцами».

Это именно та petitio principii*, которая пронизывает всю передовицу «Times». Нуждающийся ирландский арендатор целиком зависит от земли, в то время как земля принадлежит английскому лорду. С таким же основанием можно было бы объявить отношением между двумя торговцами отношение между грабителем, извлекающим свой пистолет, и путешественником — свой кошелек.

«Но», — говорит «Times», — «в действительности отношения между ирландскими лендлордами и арендаторами скоро будут реформированы фактором более могущественным, чем законодательство. Земельная собственность быстро переходит в новые руки, и если эмиграция будет продолжаться в таких же масштабах, как в настоящее время, обработка земли в Ирландии также перейдет в другие руки».

Здесь, наконец, «Times» сказал правду. Британский парламент воздерживается от вмешательства в такой момент, когда старая, отжившая система доводит до окончательного разорения сразу обе стороны: как богача-лендлорда, так

* — недоказанная предпосылка. *Ред.*

в бедняка-арендатора. Первого повергает удар молотка комиссии, ведающей *заложенными имениями,* второй изгоняется вынужденной эмиграцией. Это напоминает нам старую историю о марокканском султане. Какая бы тяжба ни велась двумя сторонами, он не знал иного, более «могущественного фактора» для разрешения спора между ними, чем казнь обеих сторон.

«Ничто не может привести к большему хаосу», — заканчивает «Times» свою статью об арендном праве, — «чем подобного рода *коммунистическое распределение собственности.* Единственным лицом, обладающим каким-либо правом на землю, является лендлорд».

Газета «Times», по-видимому, подобно Эпимениду, проспала всю первую половину настоящего столетия и никогда не слыхала о горячей полемике, которая в течение всего этого времени велась по поводу притязаний лендлордов; эта полемика происходила не среди сторонников социальной реформы и коммунистов, а среди экономистов — истинных представителей британской буржуазии. Рикардо, создатель современной политической экономии в Великобритании, не полемизировал против «права» лендлордов, поскольку он был вполне убежден, что их притязания основаны на факте, но не на праве, а политическая экономия вообще не занимается вопросами права. Рикардо атаковал монополию на землю более простым, но зато более научным и потому более опасным способом. Он доказывал, что частная собственность на землю, в отличие от соответствующих требований сельскохозяйственного рабочего и фермера-арендатора, является отношением совершенно излишним и несовместимым со всей системой современного производства; что земельная рента — экономическое выражение этих отношений — могла бы с большой выгодой быть присвоена государством; что, наконец, интересы лендлорда противоположны интересам всех других классов современного общества. Было бы утомительно перечислять все выводы, которые извлекла из этих предпосылок школа Рикардо против монополии на землю. Для моей цели будет достаточно процитировать трех новейших английских авторитетов в области политической экономии.

Лондонский «Economist», — главный редактор которого г-н Дж. Уилсон является не только оракулом фритредеров, но также и оракулом вигов, и не только представителем вигов, но и неизменным придатком казначейства в каждом вигском или коалиционном министерстве, — в различных статьях утверждал, что, точно говоря, не может существовать права, разрешающего какому-либо индивиду или нескольким индивидам требовать исключительной собственности на землю нации.

Г-н Ньюмен в своих «Лекциях по политической экономии», Лондон, 1851 г., написанных с откровенно признаваемой целью опровергнуть социализм, утверждает:

«ни один человек не имеет и не может иметь естественного права на *землю,* если только он лично ее не занимает. Его право касается лишь пользования землей, но не больше. Любое иное право представляет собой продукт искусственного закона» (или парламентских актов, как выразился бы «Times»)... «Если когда-нибудь земли не будет хватать для того, чтобы *жить на ней,* праву частных собственников удерживать ее в своих руках придет конец»[148].

В Ирландии дело обстоит именно так, и г-н Ньюмен недвусмысленно подтверждает обоснованность требований ирландских арендаторов, хотя его лекции и читались перед избранной аудиторией британской аристократии.

В заключение разрешите мне процитировать несколько выдержек из работы г-на Герберта Спенсера «Социальная статика», Лондон, 1851 г., также претендующей на полное опровержение коммунизма и признанной наиболее обстоятельным изложением фритредерских доктрин современной Англии.

«Никто не может пользоваться землей так, чтобы препятствовать остальным в пользовании ею подобным же образом. Справедливость, таким образом, не допускает собственности на землю, ибо тогда остальным приходилось бы жить на земле лишь с согласия собственников. Безземельные люди могли бы даже на основе права вообще быть изгнанными с земли... Никогда не могут быть обоснованными претензии считать существующие права на такого рода собственность законными. Если кто-нибудь и думает так, пусть обратится к хроникам. Первоначальные документы были написаны скорее мечом, чем пером. Не юристы, а солдаты были здесь нотариусами; удары служили ходячей монетой, идущей в уплату; для печатей кровь предпочитали воску. Могут ли иметь силу притязания, возникшие на таких основаниях? Едва ли. А если нет, что сказать тогда о правах всех последующих владельцев имений, приобретенных таким образом? Разве порождается продажей или передачей по наследству право там, где его прежде не существовало?.. Если один акт передачи не создает права, то могут ли это сделать многие акты?.. И согласно какой норме претензии, не имеющие силы, ежегодно получали эту силу?.. Право всего человечества на поверхность земного шара еще имеет силу, несмотря на все документы, обычаи и законы. Невозможно найти какой-либо способ, посредством которого земля может стать частной собственностью... Мы каждый день отрицаем лендлордизм нашим законодательством. Как могут быть проведены канал, железная дорога или тракт? Мы не проявляем щепетильности, чтобы захватить столько акров, сколько потребуется для этой цели. Мы не дожидаемся для этого чьего-либо согласия... Требуемая перемена была бы не чем иным, как переменой владельцев земли... Вместо того, чтобы быть собственностью отдельных лиц, земля принадлежала бы великой корпорации — обществу. Вместо того, чтобы брать в аренду свой участок у отдельного собственника, фермер арендовал бы его у нации. Вместо того, чтобы платить арендную плату агенту сэра Джона или его светлости, он платил бы ее агенту или субагенту общества. Управляющие имениями из частных служащих пре-

вратились бы в общественных чиновников, а система аренды в простое пользование землей... Доведенное до своей крайности притязание на исключительное обладание землей приводит к деспотизму землевладельцев»[149].

Таким образом, даже с точки зрения представителей современной английской политической экономии, правом на землю своей родной страны обладают только ирландские арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, но отнюдь не английские узурпаторы-лендлорды, и «Times», выступая против требований ирландского народа, вступает в прямое противоречие с британской буржуазной наукой.

Написано К. Марксом 28 июня 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3816, 11 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ТУРЦИИ. — *РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ [150]

Лондон, пятница, 1 июля 1853 г.

Начиная с 1815 г. великие европейские державы больше всего на свете боялись нарушения status quo*. Но всякая война между какими-либо двумя из этих держав чревата ниспровержением status quo. В этом кроется причина того, почему к захватам России на Востоке относились терпимо и почему от нее никогда не требовалось взамен ничего иного, кроме какого-либо, хотя бы и абсурдного, предлога, который давал бы западным державам возможность остаться нейтральными и избавлял бы их от необходимости препятствовать русской агрессии. Россию все время хвалили за терпеливость и великодушие, проявляемые ее «августейшим повелителем», который не только милостиво соглашался прикрывать неприкрытое постыдное раболепие западных кабинетов, но и имел великодушие поглощать Турцию не всю сразу, а по частям. Таким образом, русская дипломатия опиралась на трусость государственных деятелей Запада, и ее дипломатическое искусство постепенно стало настолько *шаблонным,* что историю нынешних переговоров можно почти буквально проследить в анналах прошлого.

Беспочвенность новых предлогов России стала очевидной после того, как султан** в своем последнем фирмане на имя константинопольского патриарха сделал во всем, что касается религии, даже большие уступки, чем того требовал сам царь. Но, может быть, «умиротворение Греции»[151] является серьезным предлогом для вмешательства? Когда в свое время

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*
** — Абдул-Меджид. *Ред.*

г-н де Виллель, желая рассеять опасения султана* и дать доказательство добрых намерений великих держав, предложил, чтобы «союзники прежде всего заключили договор, согласно которому Оттоманской империи гарантируется ее status quo», этому предложению самым решительным образом воспротивился русский посол в Париже**. Он заявил, что

«Россия, проявляя *великодушие в своих отношениях с Портой* и *безграничное уважение* к желаниям своих союзников, тем не менее вынуждена сохранить исключительно за собой право улаживать свои собственные разногласия с Диваном; общая гарантия в отношении Оттоманской империи, не говоря уже о необычности и неожиданности такого акта, задела бы *чувства его повелителя,* равно как и приобретенные Россией *права* и те принципы, на которых последние покоятся»[152].

В настоящий момент Россия требует, чтобы ей разрешили оккупировать Дунайские княжества, отказывая Турции в праве рассматривать этот шаг как casus belli***.

В 1827 г. Россия требовала, чтобы ей разрешили «оккупировать Молдавию и Валахию *от имени трех держав».*

В своем манифесте от 2 апреля 1828 г. об объявлении войны русский император заявлял следующее:

«Мои союзники найдут во мне всегдашнюю готовность идти с ними нога в ногу в отношении выполнения Лондонского договора[153] и горячее стремление помочь им в той работе, которую наша *религия* и чувства, священные для всего человечества, делают предметом нашей заботливости; они найдут во мне всегдашнюю готовность использовать свое положение *исключительно* для того, чтобы ускорить выполнение договора от 6 июля».

В русском манифесте 1 октября 1829 г. провозглашалось, что; «Россия неизменно отклоняла от себя всякую мысль о завоеваниях, всякое стремление к расширению».

И в то же время русский посол в Париже писал графу Нессельроде:

«Когда императорский кабинет обсуждал вопрос о том, настал ли момент поднять оружие против Порты, у некоторых, быть может, возникли сомнения относительно настоятельной необходимости этого шага, а именно у тех, кто недостаточно подумал о *последствиях кровожадные реформ,* которые только что с таким ужасным насилием проведены в жизнь главой Оттоманской империи.

Турецкая система была исследована императором, и его величество нашел, что она обнаруживает зачатки физической и моральной организации, которой она прежде не обладала. Если султан оказался в состоянии противопоставить нам более решительное и лучше организованное сопротивление уже сейчас, когда он едва только успел подготовить

* — Махмуда II. *Ред.*
** — Поццо-ди-Борго. *Ред.*
*** — повод к войне. *Ред.*

основы для своих новых планов реформ и улучшений, то насколько он был бы страшнее для нас, если бы имел время упрочить их. Раз уж создалось такое положение, мы должны почитать себя счастливыми, что успели перейти в наступление, прежде чем опасность возросла. Ибо всякая отсрочка могла бы лишь ухудшить наше положение и создать нам еще большие затруднения, чем те, с которыми мы встретились».

В настоящий момент Россия намеревается сначала предпринять агрессивный шаг, а затем уж разговаривать об этом. В 1829 г. князь Ливен писал графу Нессельроде:

«Мы ограничимся только общими местами, ибо всякое подробное сообщение о столь щекотливом предмете могло бы вызвать действительную опасность. Если мы когда-либо станем обсуждать вместе с нашими союзниками статьи договора с Портой, мы удовлетворим их лишь тогда, когда они *возомнят,* что заставили нас понести непоправимые жертвы. Мир должен быть подписан только в нашем собственном лагере, и Европа должна узнать о его условиях лишь после того, как он будет заключен. Протестовать тогда уже будет поздно, и Европа терпеливо подчинится тому, чему она уже не в состоянии будет помешать».

В настоящий момент Россия в течение нескольких месяцев под всевозможными предлогами откладывала энергичные действия, чтобы сохранить то положение вещей, которое, не будучи ни войной, ни миром, было для России приемлемым, для Турции же — гибельным. Точно таким же образом действовала Россия и в то время, о котором мы говорили выше, Поццо-ди-Борго так высказывался по этому поводу:

«Наша политика направлена к тому, чтобы в течение ближайших четырех месяцев ничего не произошло, и я надеюсь, что нам это удастся, *ибо люди, вообще говоря, предпочитают выжидать.* Но пятый месяц должен быть богат событиями».

После того как царь осыпал турецкое правительство величайшими оскорблениями я несмотря на то, что в данный момент он угрожает силой вырвать у него самые унизительные уступки, он тем не менее громко афиширует свою «дружбу к султану Абдул-Меджиду» и свои заботы о «сохранении Турецкой империи». Он сваливает на султана «ответственность» за то, что последний сопротивляется его «справедливым требованиям», за то, что он непрерывно «оскорбляет его дружбу и его чувства», отвергает его «ноты» и отклоняет его «покровительство».

Когда в 1828 г. Карл X спросил у Поццо-ди-Борго, чем объясняются неудачи русского оружия в кампании этого года, последний ответил, что император, не желавший без крайней необходимости вести войну a l'outrance[*], надеялся, что султан воспользуется его *великодушием,* но этот *опыт* не удался.

[*] — не на жизнь, а на смерть. *Ред.*

Незадолго до того, как Россия вступила в нынешний конфликт с Портой, она попыталась в связи с вопросом о политических эмигрантах создать всеобщую коалицию континентальных держав против Англии; когда же этот опыт не удался, она постаралась вызвать к жизни союз с Англией против Франции. Подобным же образом Россия в период 1826—1828 гг. запугивала Австрию «честолюбивыми планами» Пруссии, делая в то же время все возможное для усиления Пруссии и роста ее притязаний с тем, чтобы последняя могла играть роль противовеса Австрии. В своей теперешней циркулярной ноте[154] Россия выставляет Бонапарта единственным виновником нарушения мира, вызвавшим это нарушение своими притязаниями на святые места. В те же времена она устами Поццо-ди-Борго доказывала, что

«всю тревогу, охватившую Европу, следует приписать интригам князя Меттерниха» и старалась «дать понять самому герцогу Веллингтону, что внимание, оказываемое им венскому кабинету, может нанести ущерб его влиянию на все другие кабинеты, а также придать делу такой оборот, что уже не Россия стремится к соглашению между Францией и Великобританией, а сама Великобритания, которая ранее отказывалась от союза с Францией ради сближения с венским кабинетом».

Россия подвергла бы себя теперь большому унижению, если бы отступила. Точно в таком же положении она оказалась после первой неудачной кампании 1828 года. В чем состояла тогда ее главная цель? Предоставим слово ее собственному дипломату:

«Вторая кампания необходима для того, чтобы добиться превосходства, требуемого для успешного ведения переговоров. Ко времени этих переговоров мы должны быть в состоянии быстро и энергично продиктовать свои условия.... *Обладая большими возможностями для действий, его* величество удовлетворится *меньшими требованиями.* Достижение этого превосходства должно, по моему мнению, явиться целью всех наших усилий. *Это превосходство сделалось ныне условием нашего политического существования* в том виде, в каком мы должны его сохранить и поддержать перед всем миром».

Но разве Россия не боится совместного выступления Англии и Франции? Конечно. В опубликованных во времена правления Луи-Филиппа секретных мемуарах о средствах, которыми располагает Россия для того, чтобы расстроить союз между Францией и Англией, содержится следующее место:

«Если вспыхнет война, в которой Франция и Англия будут выступать совместно, у России не будет никакой надежды на успех, пока этот союз не будет расстроен или пока Англия не согласится, по меньшей мере, на то, чтобы остаться нейтральной во время столкновений на континенте».

Вопрос стоит так: верит ли Россия в совместное выступление Англии и Франции? Обратимся снова к депешам Поццо-ди-Борго:

«С того момента, как мысль о гибели Турецкой империи перестала заслонять все остальное, стало невероятным, чтобы английское правительство решилось рисковать всеобщей войной ради избавления султана от необходимости согласиться на те или иные уступки, в особенности при том положении вещей, которое сложится к началу предстоящей кампании, когда все будет еще неопределенно и неясно. Эти соображения дают нам основание предположить, что упас нет никаких причин опасаться открытого разрыва со стороны Великобритании. Последняя ограничится тем, что посоветует Порте попросить мира и окажет ей всяческие добрые услуги во время переговоров, если таковые состоятся. Если же султан откажется или мы будем настаивать на своем, то дальнейших шагов Англия не предпримет».

Относительно мнения Нессельроде о «добром» Абердине как о министре в 1828 г. и как о министре в 1853 г. можно судить по следующей выдержке из депеши князя Ливена:

«При встрече со мной лорд Абердин вновь заверил меня в том, что в намерения Англии никогда не входило искать ссоры с Россией. Он боится, что в С.-Петербурге не вполне понимают позицию английского министерства. Лично же он находится в щекотливом положении. Общественное мнение всегда готово разразиться против России. Британское правительство не может постоянно *бросать* ему *вызов*. Да и было бы опасно возбуждать общественное мнение по таким вопросам, с которыми тесно связаны национальные предрассудки. Но, с другой стороны, Россия может с полным доверием рассчитывать на дружеское расположение английского министерства, которое против этих предрассудков ведет борьбу».

Если чему и следует удивляться в связи с нотой г-на Нессельроде от 11 июня, то не «бесстыдной смеси из заявлений, которые опровергаются делами, и угроз, которые прикрываются декламацией», а тому приему, который впервые был оказан Европой русской дипломатической ноте, вызвавшей у западного мира вместо обычного почтительного трепета и восхищения краску стыда за прошлое и презрительный смех по поводу этого бесстыдного нагромождения дерзких притязаний, хитрости и подлинного варварства. И все же циркулярная нота Нессельроде и «сверхультиматум» от 16 июня были ничуть не хуже хваленых шедевров Поццо-ди-Борго и князя Ливена. А граф Нессельроде был и в то время, как и теперь, главой русской дипломатии.

Существует забавный анекдот о двух персидских естествоиспытателях, исследовавших медведя. Один из них, никогда не видавший подобного животного, спросил, рождает ли оно живых детенышей или же кладет яйца. Второй, более осведомленный, ответил: «Это животное на все способно». Русский

медведь несомненно способен на все, в особенности когда он знает, что другие звери, с которыми ему приходится иметь дело, ни на что не способны.

En passant* я хотел бы упомянуть о знаменательной победе, только что одержанной Россией в Дании, где королевское послание одобрено большинством в 119 голосов против 28, Текст гласит следующее:

«В соответствии с § 4 конституции от 5 июня 1849 г. объединенный парламент дает, со своей стороны, согласие на проведение указа его величества о порядке престолонаследия во всем Датском королевстве, согласно королевскому посланию о престолонаследии от 4 октября 1852 г., возобновленному 13 июня 1853 года».

Забастовки и союзы рабочих возникают и распространяются быстрым темпом и в небывалых размерах. Передо мной отчеты о забастовках фабричных рабочих всевозможных профессий в Стокпорте; кузнецов, прядильщиков, ткачей и т. д. в Манчестере; ковровщиков в Киддерминстере; углекопов на Рингвудских копях близ Бристоля; ткачей в Блэкберне и Даруэне; столяров-краснодеревщиков в Бостоне; белильщиков, аппретурщиков, красильщиков и ткачей на механических станках в Болтоне и его окрестностях; ткачей в Барнсли; рабочих шелкоткацкого производства в Спиталфилдсе; рабочих кружевного производства в Ноттингеме; рабочих всех профессий в Бирмингемском округе и во многих других местах. С каждой почтой приходят новые известия о забастовках. Прекращение работы принимает эпидемический характер. Каждая крупная стачка вроде стокпортской, ливерпульской и т. д. неизбежно порождает целую серию более мелких забастовок, так как значительная часть рабочего люда не в состоянии успешно сопротивляться хозяевам, не обратившись за поддержкой к своим товарищам-рабочим в других частях королевства, а эти последние, чтобы прийти на помощь своим собратьям, в свою очередь выдвигают требование повышения заработной платы. Кроме того, для каждой местности стало как бы делом чести и общим интересом не соглашаться на худшие условия, чтобы тем самым не допускать изоляции своих товарищей-рабочих в их борьбе. Поэтому забастовки в одном месте находят себе отклик в виде забастовок в самых отдаленных местностях. В некоторых случаях требование повышения заработной платы означает всего лишь требование урегулирования вопроса о старой задолженности хозяев. Так было во время большой забастовки в Стокпорте.

* — Попутно. *Ред.*

В январе 1848 г. стокпортские фабриканты провели общее снижение заработной платы на 10% для всех категорий фабричных рабочих. Согласие на это снижение было дано на том условии, что при первом улучшении конъюнктуры эти 10% будут восстановлены. Ввиду этого в начале марта 1853 г. рабочие напомнили своим хозяевам об обещанной десятипроцентной прибавке. Не придя к соглашению с предпринимателями, они объявили забастовку, в которой приняло участие свыше 30000 человек. В большинстве случаев фабричные рабочие определенно заявляли, что они имеют *право* на *долю* тех доходов, которые страна, и в особенности их хозяева, получают в результате процветания.

Отличительной чертой нынешних забастовок является то, что они начались среди низших слоев неквалифицированных (не фабричных) рабочих — рабочих, непосредственно испытывающих теперь влияние эмиграции, иначе говоря среди различных слоев некадровых мастеровых, лишь позднее забастовки охватили фабричный пролетариат крупных промышленных центров Великобритании. В прежнее время забастовки, наоборот, всегда начинались среди верхушки фабричных рабочих — механиков, прядильщиков и т. д., распространялись затем на низшие слои этого громадного промышленного роя и только потом уже охватывали мастеровых. Это явление следует приписать исключительно влиянию эмиграции.

Существует категория филантропов и даже социалистов, которая считает забастовки весьма вредными для интересов «самих рабочих» и усматривает свою главную задачу в том, чтобы изыскать способ обеспечения постоянных средних ставок заработной платы. Не говоря уже о том, что наличие промышленных циклоп с их различными фазами делает невозможными какие-либо средние ставки подобного рода, — я, в противоположность этому взгляду, убежден, что попеременные повышения и падения заработной платы и возникающие на этой почве постоянные конфликты между хозяевами и рабочими являются при современной организации производства необходимым средством для того, чтобы пробудить энергию трудящихся, сплотить их в единый великий союз на борьбу против посягательств правящего класса и не допустить их превращения в апатичные, тупые, более или менее сытно накормленные орудия производства. При общественном строе, основанном на антагонизме классов, тот, кто хочет воспрепятствовать рабству не только на словах, но и на деле, должен решиться на войну. Чтобы правильно оценить значение забастовок и рабочих союзов, мы не можем позволить ввести себя в заблужде-

ние тем обстоятельством, что их экономические результаты внешне незначительны, — мы должны иметь в виду прежде всего их моральные и политические последствия. Если бы не было сменяющих друг друга продолжительных фаз застоя, процветания, лихорадочного возбуждения, кризиса и крайнего упадка, через которые проходит современная промышленность в своих периодически повторяющихся циклах, если бы не было обусловленного этой сменой фаз повышения и понижения заработной платы и постоянной, тесно связанной с этими колебаниями заработной платы и прибыли, войны между хозяевами и рабочими, рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, умственно отсталой, внутренне опустошенной, покорной массой, для которой освобождение собственными силами было бы так же невозможно, как для рабов Древней Греции и Рима. Мы не должны забывать, что забастовки и объединения крепостных явились источниками возникновения средневековых коммун и что эти коммуны были, в свою очередь, колыбелью ныне правящей буржуазии.

В одной из своих последних статей я указывал на значение, которое должна приобрести нынешняя борьба рабочих для чартистского движения в Англии*. Мое предположение подтвердилось результатами, достигнутыми за первые две недели кампании, возобновленной лидером чартистов Эрнестом Джонсом. Первый большой митинг под открытым небом должен был, как вы знаете, состояться на холме Блэкстон-Эдж. 19-го прошлого месяца туда прибыли ланкаширские и йоркширские делегаты местных чартистских групп и образовали делегатский совет. Петиция Эрнеста Джонса с требованием Хартии была единогласно одобрена, равно как и петиции, которые были представлены от имени собраний, состоявшихся в обоих графствах. Подачу ланкаширской и йоркширской петиций решено было поручить г-ну Апсли Пеллатту, депутату парламента от Саутуарка, который согласился передавать все чартистские петиции. Что касается главного митинга, то самые ярые оптимисты полагали, что он не состоится, потому что погода была ужасная, гроза усиливалась с каждой минутой и дождь все время лил как из ведра. Сперва показались только отдельные небольшие группы, взбиравшиеся на холм, но вскоре стали появляться более многочисленные партии, и с возвышенности, откуда открывается вид на окрестные долины, стали виднеться на всем пространстве, какое можно было рассмотреть сквозь густую завесу дождя, узкие, но непрерывные

* См. настоящий том, стр. 137—140. *Ред.*

ленты людей, которые тянулись отовсюду по дорогам и тропинкам, ведущим от соседних селений. Ко времени, назначенному для начала митинга, свыше 3000 человек собралось на холме, находившемся на отдаленном расстоянии от каких-либо поселков и строений, и во время продолжительных речей ораторов участники митинга, несмотря на отчаянный ливень, до конца оставались на месте.

Внесенная г-ном Эдуардом Хусоном резолюция, в которой указывалось, что «социальные тяготы, лежащие на рабочем классе Англии, являются плодом классового законодательства и единственной мерой против такого классового законодательства является принятие Народной хартии», была поддержана г-ном Гаммеджем, членом чартистского Исполнительного комитета[155], и г-ном Эрнестом Джонсом. Я приведу некоторые отрывки из речей этих ораторов.

«Предложенная резолюция», — сказал г-н Гаммедж, — «объясняет народные тяготы классовым законодательством. Я думаю, что ни один человек, следивший за ходом событий, не станет оспаривать этого мнения. Так называемая палата общин оставалась глуха ко всем жалобам масс, и когда народ громко заявлял о своих бедствиях, он встречал только насмешки и издевательства со стороны людей, выдающих себя за представителей нации; а если в виде исключения голос народа находил иногда отклики в палате, он неизменно заглушался улюлюканьем разбойничьего большинства наших классовых законодателей. (Громкие аплодисменты.) Палата общин не только отказывалась удовлетворить справедливые требования народных масс, но отказывалась даже обследовать их социальное положение. Все вы, вероятно, помните, что не так давно г-н Слейни внес в палату предложение о назначении постоянной комиссии для обследования условий жизни народа и для определения мер помощи, но палата так твердо решила уклониться от обсуждения этого вопроса, что при внесении указанного предложения только 26 депутатов оказались на место и заседание палаты было перенесено из-за отсутствия кворума. (Громкие возгласы: «Позор, позор!») Когда предложение было снова внесено, г-н Слейни не только не имел никакого успеха, но, насколько помнит оратор (г-н Гаммедж), даже приступить к обсуждению вопроса выразило готовность лишь 19 присутствующих депутатов из 656 достопочтенных джентльменов. Если я вам расскажу о действительном положении народа, я думаю, вы согласитесь со мной, что причин для расследования этого вопроса более чем достаточно. Экономисты утверждают, что ежегодная продукция нашей страны оценивается в 820000000 фунтов стерлингов. Считая, что в Соединенном королевстве имеется 5000000 рабочих семей и что средний доход каждой из этих семей равняется 15 шиллингам в неделю, что, впрочем, мне представляется слишком высокой цифрой по сравнению с действительным доходом (возгласы: «Даже чересчур высокая!»), — принимая все-таки за среднюю цифру эти 15 шиллингов, мы обнаруживаем, что из своей гигантской годовой продукции рабочие получают жалкую долю в сто девяносто пять миллионов (возгласы: «Позор!»), а все остальное идет в карманы тунеядцев-лендлордов, ростовщиков и вообще класса капиталистов... Нужно ли доказывать, что эти люди — грабители? Самые злостные воры — это не те, которые

сидят за решеткой в наших тюрьмах; самые крупные и ловкие воры— это те, кто грабят народ с помощью ими же созданных законов, и этот крупный грабеж является настоящей причиной всех мелких грабежей, которые совершаются в стране...»[156]

Перейдя затем к анализу состава палаты общин, г-н Гаммедж отметил, что, принимая во внимание, к каким классам принадлежат и какие классы представляют члены этой палаты, нельзя и думать, что между ними и миллионами трудящихся может быть какое-либо, даже самое слабое взаимопонимание. В заключение оратор заявил, что народ должен хорошо уяснить себе свои социальные права.

Г-н Эрнест Джонс сказал:

«Мы провозглашаем сегодня наше требование, чтобы Хартия стала законом. (Громкие аплодисменты.) Я призываю вас вернуться в ряды великого движения, ибо я убежден, что для этого настало время, что успех зависит теперь от вас, и я страстно желаю, чтобы вы не упустили благоприятного момента. Оживление в промышленности и торговле и эмиграция придают вам на время силу, и от того, как вы ее используете, зависит ваше будущее. Если вы используете ее только для удовлетворения ваших текущих нужд, вас ждет поражение, как только изменятся нынешние условия. Но если вы используете свою силу не только для укрепления вашего настоящего положения, но и для обеспечения будущего, вы восторжествуете над всеми вашими врагами. Если оживление в промышленности и торговле и эмиграция являются для вас источником силы, эта сила должна будет исчезнуть вместе с прекращением торгового оживления и эмиграции, и вы попадете в худшее рабство, чем когда-либо, если не позаботитесь о себе теперь. (Возгласы: «Правильно, правильно!») Больше того, причины, обусловливающие вашу силу сейчас, очень скоро станут источником вашей' слабости. Эмиграция, которая уменьшает количество рабочих рук, вскоре начнет в еще большей мере уменьшать спрос на труд... делах наступит застой, и я спрашиваю вас — в какой мере вы подготовлены к этому? Вы участвуете в славном движении рабочих за сокращение рабочего времени и повышение заработной платы и вы на деле добились кое-чего в этом отношении. Но заметьте! Вы добились этого не через парламент. Заметьте! Замысел предпринимателей таков: будем тешить их мелкими подачками, но не дадим им ни одного закона! Не станем проводить билль о заработной плате в парламенте, но выполним кое-какие его требования на фабрике. (Возгласы: «Слушайте!») Наемные рабы скажут тогда: «Нам нет надобности в какой-либо политической организации для борьбы за билль о десятичасовом рабочем дне или за законы, регулирующие заработную плату. Мы добились своего сами, без парламента». Да, но можете ли вы удержать завоеванное без парламента? Что дало вам победу? — Оживление в промышленности и торговле. Что отнимет у вас ее плоды? — Застой в промышленности и торговле. Ваши хозяева знают это. Поэтому они сокращают ваш рабочий день, увеличивают вашу заработную плату или возвращают ту ее часть, которую они удержали, надеясь, что вы откажетесь от создания собственной политической организации для проведения этих мер. (Аплодисменты.) Они сокращают рабочий день, хорошо зная, что скоро им придется сократить работу своих фабрик, они увеличивают вашу заработную плату, хорошо зная, что скоро им вообще не придется платить никакой заработной платы

тысячам из вас. И в то же время они—в частности фабриканты центральных графств — говорят вам, что даже если бы неугодные им законы прошли, это только заставило бы их искать другие средства для вашего ограбления — таков был прямой смысл их заявлений. Итак, во-первых, вы не можете добиться нужных вам законов, потому что у вас нет народного парламента, а во-вторых, если бы такие законы и прошли, фабриканты, как сами они это утверждают, все равно будут уклоняться от их выполнения. (Громкие возгласы: «Правильно!») И я спрашиваю вас, насколько вы подготовлены к будущему? Насколько вы используете ту большую силу, которой вы в данный момент обладаете? Ибо вы будете совершенно бессильны, если не подготовитесь теперь же; вы потеряете все, что завоевали. Ведь мы собрались здесь сегодня именно для того, чтобы показать вам, каким образом вы можете сохранить и расширить свои завоевания. Некоторые думают, что чартистская организация может послужить помехой для рабочего движения. Боже правый! Да ведь только чартистская организация и может привести его к победе... Работник не в состоянии обходиться без предпринимателя, если он не может сам добыть себе работу. Но работник не может сам добыть себе работу, если он не владеет средствами труда — землей, кредитом и машинами. Он никогда не овладеет ими, пока не покончит с земельной, денежной и торговой монополиями, а сделать это он не может, не овладев государственной властью. Почему вы добиваетесь закона о десятичасовом рабочем дне? Если политическая власть не нужна для обеспечения свободы рабочих, к чему тогда вообще идти в парламент? Почему не перенести свою деятельность сразу же на фабрику? Да потому, что вы знаете, вы чувствуете, вы всеми своими действиями молчаливо подтверждаете, что без овладения политической властью невозможно социальное освобождение. (Громкие аплодисменты.) И вот я обращаю ваше внимание на основу политической власти — на всеобщее избирательное право — на Хартию. (Гром аплодисментов)... Быть может, скажут: «Почему не подождать наступления кризиса, когда миллионы сами присоединятся к нам?» — Потому что нам нужно движение, порожденное не чувством опасности и возбуждением, а основанное на спокойном убеждении и нравственной силе. Мы хотим, чтобы вы не отдавались порыву чувств, а руководствовались голосом рассудка. И вот мы призываем вас к восстановлению нашей организации, чтобы вы могли управлять стихиями, а не становиться их игрушкой. Застой в торговле будет снова сопровождаться революцией на континенте, и нам нужно воздвигнуть надежный маяк чартизма, который освещал бы нам путь среди хаоса, вызванного бурей. Итак, мы провозглашаем сегодня восстановление нашего движения, и, чтобы добиться официального признания, мы избираем путь обращения к парламенту — не потому, что мы рассчитываем на принятие им нашей петиции, а потому, что мы используем его в качестве наиболее подходящего рупора для того, чтобы возвестить миру о нашем воскресении из мертвых. Да, те самые люди, которые недавно объявили о нашей смерти, будут иметь теперь сомнительное удовольствие объявить, что мы снова воскресли, и наша петиция есть только метрическое свидетельство, возвещающее о нашем новом рождении». (Гром аплодисментов.)[157]

Резолюция Хусона и петиция парламенту были единодушно и с энтузиазмом приняты как на этом митинге, так и на последующих митингах, состоявшихся на той же неделе.

На митинге в Блэкстон-Эдж Эрнест Джонс сообщил о смерти Бенджамина Растона — рабочего, который семь лет тому назад

был председателем большого чартистского митинга, состоявшегося в той же местности[158]. Джонс предложил превратить похороны Растона в большую политическую демонстрацию, связав эти похороны с чартистским митингом в Уэст-Райдинге в пользу принятия Хартии. Это будет, сказал он, наиболее достойный способ проводить прах скончавшегося ветерана. И нужно заметить, что летописи британской демократии не знают демонстрации, подобной той, которой были отмечены восстановление чартизма в Уэст-Райдинге и похороны Бенджамина Растона, состоявшиеся в прошлое воскресенье; число собравшихся в Галифаксе превысило 200000, — чего не бывало даже во времена наибольшего возбуждения. Людям, которые судят об английском обществе только по его тупой, апоплексической внешности, я посоветовал бы побывать на таких рабочих собраниях и заглянуть в те глубины, где действуют силы, призванные разрушить это общество.

Коалиционное министерство выиграло предварительное сражение по индийскому вопросу: предложение лорда Стэнли об отсрочке принятия законодательных мер было отклонено большинством в 184 голоса. Срочные дела вынуждают меня отложить свои комментарии по поводу этого голосования.

Написано К. Марксом 1 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3819, 14 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВОПРОС О ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ. — ГАЗЕТА «NEW-YORK TRIBUNE» В ПАЛАТЕ ОБЩИН. — УПРАВЛЕНИЕ ИНДИЕЙ [159]

Лондон, вторник, 5 июля 1853 г.

24 июня курьер доставил в Петербург сообщение об отклонении Решид-пашой русского сверхультиматума и через три дня к князю Горчакову был послан специальный курьер с приказом форсировать Прут и оккупировать Дунайские княжества.

Австрийское правительство направило к царю графа Дьюлаи с чрезвычайной миссией; он, несомненно, должен был предупредить царя об угрозе революции, которую таит в себе всякая общеевропейская война. О характере ответа русского кабинета в данном случае можно судить по тому ответу, который был им дан на подобное же представление той же державы в 1829 году. Вот его содержание:

«В связи с этим австрийский кабинет снова перечисляет все основания для тревоги, порождаемой брожением, которое по его мнению и согласно имеющейся у него информации господствует далеко не в одной стране, а также успехи, достигнутые в последнее время революционными стремлениями. Эти опасения особенно ясно выражены в письме императора Франца» (Николаю). «Мы далеки от того, чтобы отрицать ту опасность, на которую нам указывает Австрия. Поскольку в результате иностранных влияний сопротивление Порты приобретает характер упрямства, что откладывает — вопреки нашим желаниям и надеждам — прекращение данного кризиса и даже требует от нас удвоенных усилий и готовности пойти на новые жертвы, Россия более чем когда-либо вынуждена посвятить все свои заботы тем интересам, которые непосредственно касаются ее чести и благосостояния ее подданных. В силу этого средства, которые она могла бы противопоставить вспышке революционного духа в остальной части Европы, в настоящее время, по необходимости, окажутся скованными. Из всех держав Австрия поэтому наиболее заинтересована в заключении мира, но предстоящий мир должен быть почетным для императора и выгодным для его империи. Если договор, ко-

торый мы должны будем подписать, не имел бы подобного характера, то политическому весу и влиянию России был бы нанесен роковой удар; Россия утратила бы свой *престиж* как могучая сила, и та моральная поддержка, которую она, возможно, будет призвана оказать в случае непредвиденных обстоятельств дружественным и союзным державам, оказалась бы непрочной и безрезультатной». (Секретное послание графа Нессельроде г-ну Татищеву от 12 февраля 1829 г., С.-Петербург.)[160].

Газета «Press» в номере за прошлую субботу сообщает, что царь, раздосадованный поведением Англии и в особенности лорда Абердина, дал указание г-ну Бруннову не поддерживать больше никаких отношений с этим «добрым» стариком, а ограничиться официальными сношениями с министром иностранных дел.

Венская газета «Lloyd»[161], орган австрийских банковских магнатов, настроена весьма решительно в пользу сближения Австрии с Англией и Францией в целях противодействия агрессивной политике России.

Вы, вероятно, помните, что коалиционное министерство потерпело 14 апреля поражение в связи с предложением об отмене налога на объявления*. 1 июля ему пришлось испытать еще два поражения по этому же вопросу. Г-н Гладстон выступил в этот день с предложением снизить налог на объявления с 1 шилл. 6 пенсов до 6 пенсов и распространить его на объявления, публикуемые во всех журналах, брошюрах и других печатных изданиях. Поправка г-на Милнера Гибсона, предложившего отменить все существующие налоги на объявления, была отклонена 109 голосами против 99. Когда после этого сторонники г-на Гладстона, считавшие, что победа уже одержана, покинули палату, предпочтя присутствовать на званых обедах или на придворном балу, слово взял г-н Брайт и произнес чрезвычайно сильную речь против налогов на знание вообще и в частности против штемпельного сбора и налога на объявления. Я приведу из его речи несколько отрывков, которые могут вас заинтересовать.

«Он (г-н Брайт) сказал, что держит в руках газету таких же размеров, как любая лондонская ежедневная газета без приложений, и что, на его взгляд, эта газета ничуть не хуже всех издающихся в Лондоне газет. Напечатана она более изящным шрифтом, чем любая лондонская ежедневная газета. Бумага превосходна — она вполне удовлетворяет всем газетным требованиям. По своей печати она вряд ли может быть превзойдена, и она содержит больше материалов, чем любая ежедневная лондонская газета ее формата. Первая, вторая и третья полосы заполнены объявлениями. В номере помещены: пространная статья об исследованиях американской Ассоциации художеств, передовая, дающая сводку всех

* См. настоящий том, стр. 59 и 72. *Ред.*

последних известий из Европы, передовая, посвященная дебатам о рыбных промыслах, и, наконец, передовая, с которой он целиком согласен и в которой доказывается, что публичные банкеты представляют собой общественное бедствие. (Возгласы: «Правильно, правильно!» Смех.) Ему приходилось читать статьи, которые с точки зрения стиля написаны, может быть, лучше, но никогда он не встречал статей, выдержанных в более достойном тоне и более полезных. Далее в газете имеются такие статьи, как «Через три дня по возвращении из Европы», «Прибытие парохода «Азия»» и сжатый обзор всех последних новостей из Европы. Из Великобритании был получен подробный разбор бюджета, внесенного достопочтенным джентльменом*. Этот бюджет в некоторых своих частях одобряется, а в других — не одобряется, а что касается положений манчестерской школы, то они совершенно не одобряются[162]. (Смех.) Далее идет сообщение о визите г-жи Стоу в Эдинбург, длинная статья из лондонского «Times» о тяжелом положении портных, корреспонденции из Греции, Испании и других стран континента, статья о выборах в Атлоне и избрании в парламент генерал-солиситора ее величества ровно 189 голосами — весьма любопытное обстоятельство для американского читателя! Затем имеется несколько столбцов обычной хроники и весьма тщательно составленные таблицы, характеризующие состояние торговли и рынка. Газета систематически выступает против употребления спиртных напитков и против рабства, и он [Брайт] позволяет себе сказать, что в Лондоне в настоящее время нет газеты, которая была бы лучше, чем эта. Название этой газеты — «New-York Tribune»; каждое утро она регулярно появляется на столе каждого нью-йоркского рабочего, пожелавшего истратить на ее покупку 1 пенни. (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») Оратор хотел бы задать правительству следующий вопрос: каким образом и во имя какой полезной цели и в силу каких фискальных соображений допускается, чтобы лондонскому рабочему приходилось платить 5 пенсов за утреннюю газету, между тем как его непосредственный конкурент в Нью-Йорке может покупать газету за 1 пенни? Мы открыто на глазах у всего мира соревнуемся с Соединенными Штатами; но если наши мастеровые вынуждены либо совсем обходиться без газеты, либо платить за нее 5 пенсов, либо читать ее в трактирах, тогда как в Соединенных Штатах каждый мастеровой может приобрести газету за 1 пенни, разве возможна при таких условиях какая-либо конкуренция на равных началах между мастеровыми этих двух стран? Подобным же образом трудно утверждать, что английский торговец, не видавший в глаза прейскуранта, может с такой же легкостью вести свои дела, как и торговец, ежедневно пользующийся этим преимуществом. (Возгласы: «Правильно, правильно!»)... Если канцлер казначейства станет возражать сказанному, оратор прямо и без колебаний заявит ему, что причиной этих возражений является тайная боязнь свободы печати; когда достопочтенный джентльмен говорил о финансовых затруднениях, то, утверждает оратор, это была лишь маскировка, скрывавшая его тайные опасения, как бы народ не получил свободу печати и более широкие источники политической информации. (Возгласы: «Правильно!») Только боязнь, что печать станет свободной, побуждала держаться за 6-пенсовый налог на объявления, который якобы необходим как подкрепление штемпельного сбора».

После этого г-н Крофорд предложил заменить цифру в 6 пенсов цифрой в 0 пенсов. Г-н Кобден поддержал это предложение;

* — Гладстоном. *Ред.*

в ответ на утверждение г-на Гладстона, что налог на объявления не может серьезно повлиять на распространение дешевых газет, Кобден напомнил ему о заявлении, сделанном Хорасом Грили перед комиссией, обсуждавшей этот вопрос в 1851 году.

«Г-н Грили был одним из комиссаров большой выставки и владельцем той самой газеты, на которую только что ссылался его многоуважаемый друг, г-н Брайт. На вопрос, каковы были бы последствия введения налога на объявления в Америке, г-н Грили ответил, что этот налог привел бы новые американские газеты к гибели».

Тогда взял слово лорд Джон Рассел и заявил довольно раздраженным тоном, что едва ли можно считать честными попытки при отсутствии стольких членов палаты отменить уже принятые решения. Лорд Джон, разумеется, запамятовал, что как раз по вопросу о налоге на объявления его коллеги в свое время были побиты большинством всего лишь в 40 голосов, а теперь получили большинство только в 10 голосов. Несмотря на сделанное лордом Джоном назидание по поводу «конституционной» щепетильности, предложение Гладстона о налоге в 6 пенсов на каждое объявление было отвергнуто 68 голосами против 63 и поправка г-на Крофорда была принята 70 голосами против 61. Г-н Дизраэли и его друзья голосовали вместе с представителями манчестерской школы.

Как бы отдавая должное огромной важности и необъятности вопроса, палата общин придала дебатам об Индии необычайно затяжной и широкий характер, хотя следует сказать, что эти дебаты были лишены всякой глубины и значительности. Голосование, обеспечившее министерству большинство в 322 голоса против 142, находится в обратном отношении к характеру самих дебатов. Дебаты не дали министерству ничего, кроме терний, и сэр Чарлз Вуд сыграл роль осла, официально выпущенного для того, чтобы их пожирать. А в результате голосования — сплошные розы, и тот же сэр Чарлз Вуд провозглашен вторым *Ману.* Те же самые люди, которые опровергали проект министерства своими аргументами, провели его своими голосами. Ни один из защитников билля не осмелился оправдывать его по существу; наоборот, все они, защищая билль, оправдывались сами: одни тем, что он все же представляет собой маленькую частицу правильно задуманного мероприятия, другие тем, что он в сущности вообще не является мероприятием. Первые утверждают, что они подправят билль в комитете, а последние заявляют, что сорвут с него все его псевдореформаторские украшения.

Министерство вышло победителем, потому что больше половины торийской оппозиции разбежалось, а значительная часть

остальных тори переметнулась во главе с Геррисом и Инглисом в лагерь Абердина; что же касается 142 голосов, поданных против билля, то из них 100 принадлежат фракции Дизраэли, а 42 — представителям манчестерской школы, поддержанным несколькими недовольными ирландцами и несколькими «дикими». Оппозиция внутри оппозиции еще раз спасла министерство.

Г-н Халлидей, один из чиновников Ост-Индской компании, на вопросы комиссии по расследованию заявил:

«Тот факт, что хартия предоставляет Ост-Индской компании арендные права на двадцать лет, рассматривается населением Индии как *сдача на откуп его самого»*.

На этот раз хартия по крайней мере не была возобновлена на определенный срок, и по желанию парламента она может быть отменена в любое время. Таким образом, Компания, занимавшая до сих пор весьма солидное положение наследственного арендатора, должна будет опуститься до шаткого положения арендатора без гарантии сроков аренды [tenant at will]. Население Индии от этого только выиграет. Коалиционному министерству удалось оставить открытым, подобно всем остальным вопросам, и вопрос об управлении Индией. А палата общин, со своей стороны, выдала себе еще раз свидетельство о бедности, подтвердив одним и тем же голосованием и свою неспособность выработать закон и свое нежелание отложить его разработку.

Со времен Аристотеля мир был наводнен огромным количеством исследований, иногда талантливых, иногда абсурдных, на тему: кто должен быть наделен правительственной властью. Но впервые в анналах истории собрание мудрейших законодателей народа, владычествующего над другим народом, который насчитывает 156 миллионов человек и населяет территорию в 1368113 квадратных миль, на своем торжественном и публичном заседании разрешало необычный вопрос: кто из них обладает действительной властью управлять чужим народом в сто пятьдесят миллионов душ? В британском собрании мудрейших не нашлось Эдипа, который сумел бы разрешить эту загадку. Все дебаты вращались исключительно вокруг нее, но хотя голосование уже проведено, никакой определенности в вопрос об управлении Индией внесено не было.

То, что Индия испытывает хронический финансовый дефицит, что она несет чрезмерные военные расходы, в то время как на общественные работы не расходуется ровно ничего, что там действует отвратительная система налогообложения, а суд и законы находятся в не менее отвратительном состоянии, что

эти пять пунктов составляют как бы пять главных параграфов хартии Ост-Индской компании, — все это было совершенно бесспорно установлено в дебатах 1853 г. так же, как и в дебатах 1833 г., так же, как и в дебатах 1813 г., да и вообще во всех предыдущих дебатах по индийскому вопросу. Единственное, что так и осталось невыясненным, это вопрос о том, какая партия несет за все это ответственность.

Разумеется, существует генерал-губернатор Индии, облеченный верховной властью. Но этот генерал-губернатор, в свою очередь, управляется органом управления, находящимся в Англии [home-government]. Кем же представлен этот орган управления? Министром ли по делам Индии, скрывающимся за скромным званием председателя Контрольного совета, или двадцатью четырьмя директорами Ост-Индской компании? У входа в храм индийской религии мы находим божественную троицу, и такую же троицу, только не божественную, мы находим у входа в храм управления Индией.

Если на время оставить в стороне генерал-губернатора, то поставленный нами вопрос сведется к вопросу о *двойной системе управления* — форме, привычной для англичан. Министерство своим биллем, а палата своим голосованием показали, что они цепляются за этот дуализм.

Когда компания английских купцов-авантюристов, завоевавшая Индию для выколачивания из нее денег, начала расширять сеть своих факторий до масштабов империи, когда ее конкуренция с частными голландскими и французскими купцами стала приобретать характер соперничества между нациями, английское правительство, конечно, стало вмешиваться в дела Ост-Индской компании, и таким образом, если не формально, то фактически возникла двойная система управления Индией. Акт Питта 1784 г., установивший компромисс с Компанией, подчинивший ее надзору Контрольного совета и одновременно превративший последний в придаток английского правительства, формально и фактически санкционировал, утвердил и упорядочил эту стихийно возникшую двойную систему управления.

Акт 1833 г. усилил Контрольный совет, превратил акционеров Ост-Индской компании в простых кредиторов — владельцев закладной на доходы Ост-Индии, предписал Компании распродать свои товарные запасы, положил конец ее торговому существованию и, поскольку она еще сохранялась как политическая организация, преобразовал ее в простого доверенного агента короны — словом, поступил с Ост-Индской компанией так же, как она сама обыкновенно поступала с ост-индскими

князьями: заняв их место, она временно продолжала управлять от их имени. С 1833 г. и до сих пор Ост-Индская компания существовала лишь номинально и постольку, поскольку ее терпели. Но если, таким образом, с одной стороны, казалось бы нетрудно совсем избавиться от этой компании, то, с другой, — решительно все равно, владычествует ли английская нация над Индией от имени лично королевы Виктории или под фирмой традиционного анонимного общества. Весь вопрос как будто бы сводится к формальностям, вряд ли имеющим большое значение. Однако в действительности дело обстоит совсем не так просто.

Прежде всего, необходимо заметить, что правительственный Контрольный совет, помещающийся на Каннон-роу, есть такая же фикция, как сама Ост-Индская компания, которая, как это считают, помещается на Леденхолл-стрит. Члены Контрольного совета являются лишь прикрытием верховной власти его председателя. Сам председатель — только второстепенный, хотя и независимый член имперского кабинета. В Индии, кажется, принято считать, что человека, ни к чему не пригодного, лучше всего назначить судьей, и таким способом от него отделаться. В Великобритании пришедшая к власти партия, когда она не знает, куда пристроить какого-нибудь из своих десятистепенных «государственных деятелей», считает за лучшее назначить его председателем Контрольного совета, наследником Великого Могола — teste Carolo Wood*.

По букве закона, Контрольный совет, то есть фактически его председатель,

> «наделен всеми правами и полномочиями, чтобы осуществлять руководство, наблюдение и контроль за всеми актами, операциями и делами Ост-Индской компании, которые в той или иной мере касаются управления индийскими владениями, а также получаемых с них доходов».

Директорам воспрещается

> «издавать без санкции Контрольного совета любые приказы и инструкции, отправлять депеши, официальные письма и какие бы то ни было сообщения, касающиеся Индии или управления ею».

Директорам предписывается

> «подготовлять инструкции или приказы по любым вопросам в течение двух недель со дня соответствующего распоряжения Совета или же передавать по назначению его приказы, касающиеся Индии».

Контрольный совет уполномочен контролировать всю корреспонденцию Совета акционеров и Совета директоров и все

* — свидетельство тому Чарлз Вуд. *Ред.*

их депеши, идущие в Индию и из Индии, а также проверять их делопроизводство. Наконец, Совет директоров назначает секретный комитет в составе своего председателя, вице-председателя и старшего члена, которые должны дать клятву в соблюдении тайны и через которых председатель Контрольного совета может передавать в Индию свои личные распоряжения по всем политическим и военным вопросам; комитет этот играет роль простого передаточного пункта для его сношений. Приказы, касавшиеся войн с афганцами и Бирмой и захвата Синда, передавались через этот секретный комитет, причем Совет директоров был осведомлен о них не больше, чем широкая публика и парламент. До сих пор, таким образом, председатель Контрольного совета как бы являлся настоящим Великим Моголом и при всех обстоятельствах он сохраняет неограниченную власть творить зло — например, затевать самые разорительные войны, всякий раз прикрываясь именем безответственного Совета директоров. Но, с другой стороны, и Совет директоров не лишен реальной власти. Поскольку ему, как правило, принадлежит инициатива в области административных мероприятий, поскольку он является по сравнению с Контрольным советом более постоянным и устойчивым органом с традиционными методами деятельности и известным знанием деталей, Совет директоров, естественно, распоряжается всеми текущими внутренними административными делами. Он же назначает, с санкции короны, верховные власти Индии—генерал-губернатора и его советников — и, кроме того, пользуется неограниченным правом отзывать высших чиновников, даже генерал-губернатора, как он поступил при сэре Роберте Пиле с лордом Элленборо. Но и это еще не самая главная привилегия директоров. При годовом окладе всего лишь в 300 фунтов стерлингов они оплачиваются в действительности за оказание протекций, выдвигая кандидатов на все гражданские и военные должности, из числа которых генерал-губернатор Индии и губернаторы президентств обязаны отбирать лиц для замещения всех чиновничьих постов, поскольку доступ к ним индийскому населению запрещен. По установлении числа вакансий на данный год это число делится на 28 равных частей, из которых две предоставляются председателю и вице-председателю Совета директоров, две — председателю Контрольного совета и по одной — каждому директору. Годовой доход от каждой доли вакансий, используемых для протекции, редко составляет сумму ниже 14000 фунтов стерлингов.

«Все назначения», — говорит г-н Кэмпбелл, — «составляют в данный момент как бы частную собственность отдельных лиц, так как они

распределены между директорами, распоряжающимися своей долей по своему усмотрению»[163].

Ясно поэтому, что духом Совета директоров должна быть пропитана вся высшая администрация Индии, представители которой являются воспитанниками школ Аддискома и Хейлибери и получают назначение, пользуясь протекцией директоров. Не менее ясно, что этот Совет, распределяющий из года в год должности общей стоимостью до 400000 фунтов стерлингов среди высших классов Великобритании, не может подвергнуться серьезным, да и вообще каким-либо нападкам со стороны общественного мнения, направляемого теми же классами. Каков этот дух Совета директоров, я покажу в одной из следующих статей о современном положении Индии. А пока достаточно сказать, что во время происходящих дебатов по индийскому вопросу г-н Маколей защищал этот Совет своеобразным способом, ссылаясь на то, что он бессилен совершить все то зло, какое он мог бы вознамериться сделать; например, все улучшения были введены наперекор ему и в борьбе с ним отдельными губернаторами, действовавшими на свой собственный страх и риск. Таким путем был запрещен обычай сати[164], отменены отвратительные транзитные пошлины и допущена свобода ост-индской печати.

Следовательно, председатель Контрольного совета вовлекает Индию в разорительные войны, прикрываясь Советом директоров, а Совет директоров разлагает индийскую администрацию, прикрываясь Контрольным советом.

Приглядываясь ближе к структуре этого уродливого управления, мы обнаруживаем среди его устоев третью силу, более могущественную, чем Контрольный совет и Совет директоров, более безответственную и более скрытую от глаз и недоступную контролю общественного мнения. Сменяемый председатель Контрольного совета зависит от постоянных чиновников этого учреждения на Каннон-роу, а для этих чиновников Индия находится не в Индии, а на Леденхолл-стрит. Кто же хозяйничает на Леденхолл-стрит?

Две тысячи пожилых леди и хилых джентльменов, владеющих индийскими акциями и интересующихся Индией лишь с точки зрения аккуратного получения дивидендов за счет индийских доходов, избирают двадцать четыре директора, единственное достоинство которых состоит в том, что они являются держателями акций на 1000 фунтов стерлингов. Купцы, банкиры и директора разных компаний всячески стараются проникнуть в Совет директоров для того, чтобы лучше устроить свои частные дела.

«Один банкир из лондонского Сити», — говорит г-н Брайт, — «располагает 300 голосами в Ост-Индской компании, и его слово при выборах директоров — почти абсолютный закон».

Таким образом, Совет директоров является не чем иным, как *подчиненным органом* английских денежных магнатов. Избираемый таким способом Совет создает, в свою очередь, кроме вышеупомянутого секретного комитета, еще три комитета, а именно: 1) по политическим и военным вопросам; 2) по финансовым и внутренним делам; 3) по вопросам доходов, суда и законодательства. Члены этих комитетов ежегодно попеременно сменяют друг друга, так что какой-нибудь финансист входит в данном году в судебный, а в следующем — в военный комитет, и никто не имеет возможности заведовать без перерыва каким-нибудь одним ведомством. Способ избрания директоров уже сам по себе приводит к занятию этих постов людьми, совершенно непригодными для дела, а система их взаимозаменяемости окончательно губит даже остатки деловитости, которые случайно могли у кого-нибудь из них оказаться. Кто же фактически управляет именем Совета директоров? Обширный штат безответственных секретарей, ревизоров и чиновников в Индиа-хаус[165], из которых, как замечает г-н Кэмпбелл в своем «Проекте управления Индией»[166], может быть только один-единственный побывал когда-либо в Индии, да и то случайно. Поэтому, если не считать торговлю протекциями, совершенно не приходится говорить ни о политическом направлении, ни о принципах, ни о какой-либо системе в деятельности Совета директоров. Действительным Советом директоров, действительным английским органом управления Индией и т. д. является постоянная и безответственная *бюрократия* — «питомцы конторок и фаворитизма», — расположившаяся на Леденхолл-стрит. Огромной империей управляет, таким образом, корпорация, состоящая не из видных патрициев, как это было в Венеции, а из старых заскорузлых канцеляристов и им подобных случайных людей.

Не удивительно после этого, что ни одно правительство в мире не пишет так много и не делает так мало, как правительство Индии. Пока Ост-Индская компания была только торговым обществом, она требовала, конечно, самых подробных отчетов по каждому вопросу от управляющих ее индийскими факториями, как этого требует всякая торговая фирма. Но когда фактории превратились в целую империю, а торговые отчеты — в груды писем и документов, леденхоллские чиновники получили такой перевес, что директора и Контрольный совет оказались в зависимости от них; им удалось превратить правительство Индии в одну огромную пишущую машину.

В своих показаниях комиссии, ведающей окладами должностных лиц, лорд Бротон сообщил, что однажды была отправлена депеша, которая насчитывала 45000 страниц.

Чтобы дать вам некоторое представление о том, как убивают время при прохождении дел в канцеляриях Индиа-хаус, я приведу один отрывок из работы г-на Дикинсона.

«Когда поступает из Индии депеша, ее прежде всего передают в соответствующую ревизорскую канцелярию [Examiners' Department]; после этого председатели* обсуждают ее с заведующим этой канцелярией и согласовывают с ним содержание ответа; проект ответа посылается ими министру по делам Индии[167]; все это на служебном языке называется П. С. — предварительное сообщение [previous communication]. На этой предварительной стадии, обозначаемой П. С., председатели находятся в полной зависимости от чиновников. Зависимость эта настолько велика, что даже во время прений в Совете акционеров после вступительных замечаний председателя можно наблюдать жалкое зрелище, как он постоянно обращается к секретарю, который сидит рядом с ним и помогает ему вести заседание, нашептывая, подсказывая, прерывая его речь, словно он какая-то кукла; в столь же затруднительном положении находится министр на противоположном конце этой системы. Если на стадии П. С. возникает какое-нибудь разногласие по проекту, то оно обсуждается, и почти неизменно вопрос улаживается путем дружеского обмена мнениями между министром и председателем. Наконец, министр возвращает проект ответа либо одобрив его, либо видоизменив, после чего его направляют для рассмотрения и обсуждения вместе со всей относящейся к нему документацией в тот комитет Совета директоров, под чьим контролем находится канцелярия, ведающая этим делом; комитет принимает или изменяет его, и он передается далее на пленарное заседание Совета директоров, чтобы подвергнуться там такой же процедуре. И только после этого он впервые посылается министру уже в порядке официального уведомления, а затем снова проходит те же инстанции в обратном порядке»[168].

Кэмпбелл свидетельствует:

«Когда в Индии обсуждается вопрос о каком-нибудь мероприятии, то известие о его передаче в Совет директоров расценивается как откладывание решения вопроса на неопределенный срок»[169].

Затхлая и отвратительная атмосфера, созданная этой бюрократией, стоит того, чтобы заклеймить все это знаменитыми словами Бёрка:

«Эта порода пошлых политиканов — настоящие подонки рода человеческого. Правительственная работа вырождается в их руках в самое низменное, механическое ремесло. Добродетель не в их нравах. Они выходят из себя от всякого поступка, продиктованного только совестью и честью. Широкие, либеральные, дальновидные взгляды на интересы государства они считают романтикой, а соответствующие этим взглядам принципы — бредом расстроенного воображения. Расчеты калькуляторов лишают их способности мыслить. Насмешки шутов и фигля-

* Имеются в виду председатель и вице-председатель Совета директоров Ост-Индской компании. *Ред.*

ров заставляют их стыдиться всего великого и возвышенного. Убожество в целях и средствах представляется им здравомыслием и трезвостью»[170].

Канцелярские учреждения на Леденхолл-стрит и на Каннон-роу стоят индийскому народу пустяки — каких-нибудь 160000 ф. ст. в год. Олигархия вовлекает Индию в войны, чтобы дать занятие своим младшим сыновьям; плутократия распродает ее как на торгах, а бюрократия более низкого ранга парализует ее систему управления и увековечивает злоупотребления, как самое необходимое условие для увековечивания своего собственного существования.

Билль сэра Чарлза Вуда ни в чем не изменяет существующей системы. Он расширяет полномочия министерства, нисколько не увеличивая его ответственности.

Написано К. Марксом 5 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3824. 20 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

*ЗАПРОС ЛЕЙАРДА. — БОРЬБА ВОКРУГ БИЛЛЯ О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ

Лондон, пятница, 8 июля 1853 г.

Фактическое занятие Дунайских княжеств и приближение давно ожидавшегося кризиса заставили английскую прессу заметно сбавить свой воинственный тон; поэтому и не встретило серьезных возражений высказанное «Times» подряд в двух его передовицах мнение, что «раз русские не могут сдержать своей наклонности к цивилизаторской деятельности в варварских странах, то для Англии лучше всего предоставить им свободу действий и не допускать нарушения мира в результате бесполезного упорства».

Горячее стремление правительства воздерживаться от какой-либо информации по турецкому вопросу, стоящему на повестке дня, проявилось в смехотворнейшем фарсе, который разыгрался одновременно в обеих палатах парламента. В палате общин г-н Лейард, знаменитый реставратор древней Ниневии[171], сделал заявление о своем намерении внести сегодня вечером предложение о том, чтобы палате была предоставлена исчерпывающая информация относительно Турции и России. После того как это заявление было сделано, в нижней палате произошла следующая сцена.

Г-н *Лейард.* — Было объявлено, что мой запрос будет сделан завтра. Вчера днем я получил извещение с просьбой отложить его до понедельника, 11-го сего месяца. Я не имел возможности дать ответ тогда же, — и фактически я не мог этого сделать до сегодняшнего утра. К моему изумлению оказывается, что я, сам того не зная, присутствовал вчера в палате, ибо в объявлениях о вносимых предложениях, напечатанных вместе с результатами голосования, я прочел, что г-н Лейард отложил свое выступление с пятницы, 8-го сего месяца, на понедельник, 11-го сего месяца! Подобное обращение с независимыми депутатами мне представляется едва ли достойным.

Г-н *Гладстон.* — Я не знаю, кто дал распоряжение или полномочие напечатать в информационном бюллетене палаты заявление об отсрочке выступления. Я могу лишь заверить многоуважаемого депутата в одном: все, что было сделано, было сделано абсолютно bona fide*.

Г-н *Лейард.* — Я хотел бы знать, кто внес в бюллетень объявление об отсрочке. Что заставило вас отложить мое выступление на понедельник?

Г-н *Гладстон.* — Недомогание лорда Дж. Рассела.

Г-н *Лейард* тогда согласился отложить внесение своего предложения до понедельника.

Г-н *Дизраэли.* — Я считаю, что это дело требует объяснения со стороны правительства, тем более, что и обсуждение билля об Индии отнесено в объявлениях, вопреки договоренности, на завтра.

После паузы сэр *Ч. Вуд* скромно признался, что он повинен в обоих прегрешениях, но, воспользовавшись подсказкой Гладстона, он тут же заявил, что действовал по отношению к г-ну Лейарду с *самыми благими намерениями.*

Оборотная сторона медали раскрылась в палате лордов, где физическое недомогание бедняги Рассела уж во всяком случае не имело никакого отношения к предложению маркиза Кланрикарда, аналогичному предложению Лейарда. Внесение предложения маркиза было также назначено на пятницу после неоднократных отсрочек по требованию министров.

Лорд *Брум* выступил с заверением, что он не обсуждал этого вопроса ни с одним из членов министерства, но он считает предложение лорда Кланрикарда, внесение которого назначено на завтра, крайне неуместным при настоящем положении дел. Он обратится по этому вопросу к министру иностранных дел.

Лорд *Кларендон* заявил, что он не может, разумеется, утверждать, что подробное обсуждение вопроса в данный момент не причинит вреда или не создаст затруднений. Переговоры еще продолжаются, но после повторных отсрочек он не чувствует себя вправе снова просить своего благородного друга взять назад свое предложение. Но он оставляет за собой право в своем ответе сообщить ему не больше того, что позволяет ему сознание его общественного долга. Тем не менее он хотел бы спросить своего благородного Друга, не согласится ли он, по крайней мере, отложить внесение своего предложения до будущего понедельника, поскольку было бы удобнее, чтобы прения по этому вопросу происходили в обеих •палатах одновременно, а лорд Дж. Рассел чувствует себя сейчас очень плохо.

Граф *Элленборо.* — Благородный маркиз, сидящий напротив, проявил бы только здравое благоразумие, если бы он не только отложил внесение своего предложения, назначенное на завтра, до понедельника, но и вообще не указывал в данный момент для этого какого-либо срока.

Лорд *Дерби* выразил свое удивление по поводу того, что благородный маркиз поднял настоящий вопрос, и заявил, что целиком присоединяется к мнению благородного графа (Элленборо).

Граф *Грей.* — После заявления лорда Кларендона целесообразность отсрочки прений должна быть очевидна для всякого.

Маркиз Кланрикард после этого берет обратно свой запрос.

* — с добрыми намерениями. *Ред.*

Граф *Фицуильям* спросил, является ли аутентичным текст русского манифеста от 26 июня, объявляющего *священную войну* против Турции.

Граф *Кларендон* ответил, что этот документ получен им от посла ее величества в С.-Петербурге.

Граф *Малмсбери.* — Во имя высокого достоинства членов палаты лордов правительство должно заверить их, что оно намерено не допустить, поскольку это в его силах, чтобы подобные же дебаты состоялись в понедельник в палате общин.

Граф *Абердин* заявил, что он и его коллеги употребят все свое влияние, чтобы не допустить этих дебатов.

Резюмируем: сначала палату общин побуждают отложить дебаты посредством обмана; затем под тем предлогом, что в палате общин дебаты отложены, побуждают поступить так же палату лордов, затем «благородные» лорды решают отложить внесение предложения ad infinitum*. Наконец, достоинство «благороднейшего на земле собрания» требует, чтобы палата общин также отложила внесение предложения ad infinitum.

В ответ на запрос г-на Лидделла лорд Пальмерстон заявил на том же заседании палаты общин следующее:

«Недавняя приостановка навигации в Сулинском рукаве устья Дуная была вызвана тем обстоятельством, что вода поднялась и вышла из берегов, вследствие чего уменьшилась сила течения и увеличилось количество ила на отмелях. Я должен сказать, что уже в течение многих лет правительству приходится жаловаться на небрежное отношение русского правительства, владельца территории, на которой расположена дельта Дуная, к своим обязанностям по поддержанию Сулинского рукава в пригодном для навигации состоянии, несмотря на то, что сама Россия всегда признавала, что по условиям Адрианопольского договора это входит в ее обязанности. Когда устье Дуная составляло часть турецкой территории, в мелководных местах поддерживалась глубина в 16 футов, теперь же, из-за небрежности русских властей, она уменьшилась там до 11 футов, да и эти 11 футов сохранились лишь в небольшом и узком фарватере, сведенном к таким размерам из-за наносов с берегов, образования отмелей, а также из-за потерпевших крушение и затонувших судов, до сих пор не поднятых из воды. В результате всего этого плавание судов в неспокойную погоду и без искусных лоцманов здесь весьма затруднительно. Во всем этом сказалось соперничество со стороны Одессы, где имеет место стремление воспрепятствовать вывозу товаров по Дунаю и направить этот вывоз по возможности через самое Одессу».

Английское министерство надеется, по-видимому, что, когда Дунайские княжества станут русскими, устье Дуная откроется вновь, ибо исчезнет соперничество со стороны Одессы.

Несколько месяцев тому назад я имел случай отметить успехи агитации в фабричных округах за десятичасовой рабочий день[172]. Движение с тех нор не прекращалось и нашло, наконец, отклик среди законодателей. 5-го сего месяца, г-н Коббет, член парламента от Олдема, попросил разрешения внести билль

* — на неопределенное время. *Ред.*

об ограничении фабричного труда до 10 часов в первые пять дней недели и до $7^1/_2$ часов в субботу. Ему было разрешено внести такой билль. Во время предварительных дебатов у лорда Пальмерстона в пылу импровизации вырвалось явно угрожающее заявление, что если не найдется другого способа защиты женщин и детей, занятых фабричным трудом, он предложит ограничить время работы машин. Едва успела эта фраза сорваться с его уст, как против опрометчивого государственного деятеля разразилась настоящая буря негодования, и не только со стороны прямых представителей промышленных магнатов, но главным образом со стороны их и его собственных друзей — вигов, таких, как сэр Джордж Грей, г-н Лабушер и другие. Лорд Дж. Рассел отвел Пальмерстона в сторону и, после получасовых частных pourparler[*], принялся изо всех сил успокаивать бурю, заверяя господ депутатов, что, «как ему кажется, его почтенный друг был совершенно неправильно понят и что, высказываясь *за* ограничение времени работы машин, его друг на самом деле имел в виду высказаться *против* такого ограничения». Подобные глупые компромиссы — хлеб насущный коалиционного кабинета. При всех обстоятельствах *представители коалиции* имеют право говорить одно, а подразумевать другое. Что касается лично лорда Пальмерстона, то не забудем, что этот старый денди либерализма выгнал несколько лет тому назад сотни ирландских семейств из своих «имений» приблизительно таким же образом, как герцогиня Сатерленд обошлась с членами старинных кланов[173].

Г-н Коббет, внесший упомянутый билль — сын знаменитого Уильяма Коббета и депутат от того же города, представителем которого был его отец. Он унаследовал от отца как свой депутатский мандат, так и свои политические убеждения, которые поэтому, хотя и носят независимый характер, но весьма мало соответствуют позициям современных партий. Уильям Коббет был самым талантливым представителем или вернее основателем старого английского радикализма. Он первый разоблачил тайну традиционной партийной борьбы между тори и вигами, сорвал маску показного либерализма с паразитической олигархии вигов, повел борьбу против лендлордизма во всех его формах, высмеял лицемерную алчность англиканской церкви и напал на плутократию в лице двух институтов, являющихся наиболее ярким ее воплощением: «старой леди с Треднидл-стрит» (Английский банк) и «мистера Макуорма и К°» (государственных кредиторов)[174]. Он предлагал аннулировать

[*] — переговоров. *Ред.*

государственный долг, конфисковать церковные имения и отменить все виды бумажных денег. Он следил, как политическая централизация шаг за шагом посягает на права местного самоуправления и осуждал эти посягательства как нарушение привилегий и вольностей английских подданных. Он не понимал, что это — неизбежный результат промышленной централизации. Он выдвинул все политические требования, которые были впоследствии объединены в Народной хартии. Но у него эти требования скорее носили характер политической хартии промышленной мелкой буржуазии, чем промышленного пролетария. Плебей по своим инстинктам и симпатиям, он умом редко выходил за пределы буржуазной реформы. И только в 1834 г., незадолго до своей смерти, после издания нового закона о бедных[175] Уильям Коббет начал догадываться, что существующие промышленные магнаты так же враждебны народным массам, как и лендлорды, банкиры, государственные кредиторы и духовенство англиканской церкви. Если, с одной стороны, Уильям Коббет был, таким образом, предтечей современного чартиста, то, с другой стороны и в гораздо большей степени, он был закоренелым Джоном Булем. Он был одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым провозвестником молодой Англии. Он считал, что упадок Англии начинается с периода Реформации, а крайняя подавленность английского народа — со времен так называемой славной революции 1688 года. Революция была для него поэтому не переходом к новому, а возвратом к старому, — не началом новой эры, а восстановлением «доброго старого времени». Он не видел как раз того, что эпоха воображаемого упадка английского народа в точности совпадает с начавшимся возвышением буржуазии, с развитием современной торговли и промышленности и что по мере их роста ухудшалось материальное положение народа, а местное самоуправление исчезало, уступая место политической централизации. Огромные перемены, сопровождавшие разложение старого английского общества, начиная с XVIII века, поразили его воображение и наполнили горечью его сердце. Но, видя следствия, он не понимал причин, не понимал тех новых социальных сил, которые делают свое дело. Он не видел современной буржуазии, а видел только ту часть аристократии, которая владеет наследственной монополией на государственные должности и своим законодательством санкционирует все перемены, продиктованные новыми потребностями и притязаниями буржуазии. Он видел машину, но не видел скрытую силу, приводящую ее в движение. Поэтому

в его глазах ответственность за все перемены, происшедшие с 1688 г., падала на вигов: они были первопричиной упадка Англии и деградации английского народа. Отсюда его фанатическая ненависть к вигам и его непрекращавшиеся выступления с обличением вигской олигархии. Отсюда тот удивительный факт, что Уильям Коббет, являясь инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии, считался всеми и сам считал себя борцом за интересы промышленной буржуазии против наследственной аристократии. Как писатель, он остается непревзойденным.

Нынешний г-н Коббет, продолжающий в изменившейся обстановке политику своего отца, поневоле скатился в разряд либеральных тори.

«Times», стараясь вознаградить себя за покорность перед русским царем удвоенной наглостью по отношению к английским рабочим, выступает по поводу предложения г-на Коббета с передовой, претендовавшей быть чем-то потрясающим, но на деле оказавшейся полнейшим вздором. Газета не может отрицать, что ограничение времени работы машин есть единственный способ заставить фабричных магнатов подчиниться существующим законам о продолжительности рабочего дня на фабриках. Но она не в состоянии уразуметь, как это человек в здравом уме, стремящийся достигнуть определенной цели, может предлагать единственное пригодное для этого средство. Существующий закон о *$10^1/_2$-часовом рабочем дне*[176], подобно всем остальным фабричным законам, — только фиктивная уступка рабочим со стороны правящих классов. И рабочие, не довольствуясь чисто показной уступкой, смеют добиваться, чтобы этой уступке был придан реальный характер. «Times» никогда не слыхал ничего более смешного или экстравагантного. Если хозяину будет воспрещено парламентом заставлять своих рабочих работать 12, 16 и больше часов, то, — заявляет «Times», — «Англия перестанет быть страной свободных людей». Точно так же некий джентльмен из Южной Каролины, осужденный лондонским судьей за то, что он публично выпорол негра, привезенного им из-за Атлантического океана, в крайнем возмущении воскликнул: «Можно ли назвать свободной страну, где человеку запрещают выпороть своего собственного негра!» Если человек поступает рабочим на фабрику и заключает с хозяином договор, по которому он продает себя на шестнадцать или восемнадцать часов в сутки, лишаясь возможности спать столько же, сколько дозволено прочим смертным, находящимся в лучших условиях, то это объясняется,—утверждает «Times»,—

«тем естественным импульсом, который постоянно согласует предложение со спросом и побуждает людей выбирать занятие, *наиболее для них приятное и подходящее».*

Законодательство не должно, разумеется, вторгаться в область travail attrayant*. Если вы ограничите работу машин определенной частью суток — скажем, от 6 часов утра до 6 часов вечера, то на таком же основании, —говорит «Times», — вы вообще можете запретить применение машин. Если вы тушите газ на улицах после восхода солнца, вы должны тушить его и ночью. «Times» не допускает законодательного вмешательства в частные дела, и, вероятно, поэтому он отстаивает сохранение налога на бумагу, на объявления и сохранение штемпельного сбора с газет, чтобы нанести ущерб частным делам своих конкурентов, добиваясь в то же время от парламента облегчения своих собственных дел путем отмены налога на газетные приложения. «Times» выказывает свое крайнее отвращение к вмешательству парламента в священные интересы фабричных лордов — интересы, ради которых ставятся на карту жизнь и моральное состояние целых поколений, и в то же время всякими неправедными путями добивается самого бесцеремонного вмешательства в дела извозчиков и владельцев наемных экипажей, хотя при этом на карту ровно ничего не было поставлено, кроме удобства некоторых упитанных дельцов из Сити и, возможно, джентльменов из Принтинг-хаус-сквер[177]. До сих пор буржуазные экономисты говорили нам, что главная польза машин заключается в том, что они заменяют и сокращают физический труд и уменьшают его тяжесть. Ныне «Times» признает, что при существующем классовом строе машины не сокращают, а удлиняют рабочий день, что они сначала лишают индивидуальный труд его качеств, а затем вынуждают рабочего возмещать потерю качества количеством. Так, рабочий день удлиняется все больше, к дневной работе прибавляется ночная, и этот процесс прерывается только промышленными кризисами, когда рабочему вообще отказывают в какой-либо работе, когда ворота фабрик захлопываются у него перед носом и он может либо наслаждаться полным отдыхом, либо повеситься, если ему так угодно.

Написано К. Марксом 8 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3826, 22 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — привлекательного труда. *Ред.*

К. МАРКС

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ. — УЛОВКИ И УВЕРТКИ БРИТАНСКОГО КАБИНЕТА. — ПОСЛЕДНЯЯ НОТА НЕССЕЛЬРОДЕ. — ОСТ-ИНДСКИЙ ВОПРОС

Лондон, вторник, 12 июля 1853 г.

Парламентский фарс, разыгравшийся в четверг на прошлой неделе, был продолжен и завершен на заседании палаты общин в пятницу 8-го сего месяца. Лорд Пальмерстон потребовал, чтобы г-н Лейард не только отложил на понедельник внесение своего предложения, но чтобы вообще об этом предложений никогда более не упоминалось. «Понедельник должна была постигнуть участь пятницы». Г-н Брайт воспользовался случаем для того, чтобы поздравить лорда Абердина по поводу его осторожной политики, а заодно уж и вообще заверить его в своем полном доверии.

«Если бы кабинет был не чем иным, как Обществом мира»[178], — замечает «Morning Advertiser», — «то и тогда он не мог бы сделать больше, чем сделал добрейший Абердин для того, чтобы ободрить Россию, обескуражить Францию, поставить в опасное положение Турцию и дискредитировать Англию. Речь г-на Брайта явилась чем-то вроде манчестерского манифеста в поддержку робких членов кабинета».

Старания министров сорвать предполагавшийся запрос Лейарда проистекали из вполне обоснованного опасения, что при этом нельзя будет дольше скрыть от публики внутренние разногласия в кабинете. Турция должна распасться ради того, чтобы предотвратить распад коалиции. Происки России встречают наиболее благосклонное отношение не только со стороны лорда Абердина, но и со стороны следующих министров: герцога Аргайла, лорда Кларендона, лорда Гранвилла, г-на Сидни Герберта, г-на Кардуэлла и «радикального» сэра Уильяма Молсуорта. Передают, будто лорд Абердин уже раз грозил подать в отставку. «Энергичной» партии Пальмерстона (civis romanus

sum[179]), разумеется, только и нужен был этот предлог для того, чтобы отступить. Было решено послать константинопольскому и с.-петербургскому дворам тождественные ноты, в которых предложить, чтобы «привилегии, требуемые царем для православных, были предоставлены и всем другим христианам, проживающим во владениях Турции, посредством гарантийного договора, участниками которого должны быть великие державы». Но ведь точно такое же предложение было уже сделано князю Меншикову накануне его отъезда из Константинополя, и оно, как всем известно, ни к чему не привело. Поэтому поистине смешно ожидать какого-либо результата от его повторения, тем более, что именно Россия, а теперь это несомненно, настойчиво добивается как раз заключения договора с великими державами, иными словами, с Австрией и Пруссией, и это больше не встречает противодействия. Граф Буоль, австрийский премьер-министр, является шурином барона Мейендорфа, русского посланника, и действует в полном согласии с Россией. В тот самый день, когда обе партии коалиции, сонливая и «энергичная», приняли вышеупомянутое решение, в газете «Patrie» было напечатано следующее:

«Новый австрийский интернунции в Константинополе, г-н фон Брук, в качестве первых своих шагов потребовал у Порты уплаты пяти миллионов пиастров возмещения и согласия на передачу портов Клек и Суторина. Это требование было воспринято как поддержка России».

Это не единственная поддержка, оказанная Австрией русским интересам в Константинополе. Следует напомнить, что, когда в 1848 г. государям нужно было стрелять в свой народ, они создавали «недоразумения». Такой прием применяется сейчас по отношению к Турции. Австрийский консул в Смирне распорядился силой доставить одного венгра* из английской кофейни на борт австрийского корабля; в ответ на эту попытку эмигранты убили одного австрийского офицера и ранили другого, после чего г-н фон Брук потребовал у Порты удовлетворения в течение 24 часов[180]. Сообщая об этом, газета «Morning Post» в субботнем номере одновременно приводит слухи о вступлении австрийцев в Боснию. Разумеется, когда представителей коалиционного кабинета запросили вчера на заседании обеих палат относительно достоверности этих слухов, оказалось, что они «еще не получили информации». Один только Рассел отважился высказать предположение, что за этими слухами, вероятно, не кроется ничего другого, кроме факта концентрации австрийцами своих войск в Петервардейне. Так исполняется

* — Косту (арестованного по приказу консула Векбеккера). *Ред.*

предсказание г-на Татищева, заявившего в 1828 г., что, когда дело дойдет до окончательного решения, Австрия жадно ухватится за свою долю добычи.

Депеша из Константинополя от 26-го прошлого месяца гласит:

«Ввиду распространившихся слухов о том, что весь русский флот покинул Севастополь и направляется к Босфору, султан запросил французского и английского послов, готов ли объединенный флот пройти через Дарданеллы в случае демонстрации со стороны русских у Босфора? Оба посла ответили утвердительно. Турецкий пароход, имея на борту английских и французских офицеров, только что был послан из Босфора в Черное море для рекогносцировки».

После занятия княжеств русские первым делом запретили опубликование султанского фирмана, подтверждающего привилегии христиан всех вероисповеданий, и закрыли выходившую в Бухаресте немецкую газету, которая осмелилась напечатать статью о восточном вопросе. В то же время они потребовали от турецкого правительства уплаты первого взноса ежегодных платежей, установленных при их предыдущей оккупации Молдавии и Валахии в 1848—1849 годах. За время с 1828 г. русский протекторат обошелся княжествам в 150 миллионов пиастров, не считая огромных убытков, причиненных грабежами и разрушениями. Англия покрывала расходы России в ее войнах против Франции, Франция оплатила войну России против Персии, Персия — ее войну против Турции, Турция и Англия— ее войну против Польши; Венгрия и Дунайские княжества должны теперь покрыть издержки ее войны против Турции.

Самым важным событием дня является новая циркулярная нота графа Нессельроде, помеченная: С.-Петербург, 20 июня 1853 года. В ней объявляется, что русские войска не очистят Дунайских княжеств до тех пор, пока султан не согласится на все требования царя, а английский и французский флоты не покинут турецкие воды. Эта нота звучит как прямое издевательство над Англией и Францией. В ней говорится:

«Позиция, занятая обеими морскими державами, является морской оккупацией, и это дает нам право восстановить равновесие во взаимном положении сторон путем занятия определенной военной позиции».

Обратите внимание на то, что Безикская бухта находится на расстоянии 150 миль от Константинополя. Царь настаивает на своем праве оккупировать турецкую территорию, отрицая в то же время за Англией и Францией право занимать нейтральные воды без его специального разрешения. Восхваляя собственное великодушие и снисходительность, он предоставляет Порте полную свободу в выборе формы отказа от своего суверенитета: она может это сделать «посредством конвенции, сенеда или

другого взаимно-обязывающего договора, либо даже путем подписания простой ноты». Он убежден, что «беспристрастная Европа» поймет, что Кайнарджийский договор, предоставивший России право охранять всего одну православную церковь в Стамбуле[181], провозгласил Россию eo ipso* восточным Римом. Он сожалеет о том, что Запад не понимает безобидного характера религиозного протектората России в зарубежных странах. Свою заботу о сохранении неприкосновенности Турции он доказывает историческими фактами, — той «подлинной умеренностью, с которой он использовал в 1829 г. свою победу при Адрианополе». На самом деле ему тогда помешали проявить неумеренность лишь жалкое состояние его армии и угроза английского адмирала подвергнуть бомбардировке — с разрешения или без разрешения своего правительства — каждый населенный пункт на побережье Черного моря; все то, чего ему тогда удалось добиться, досталось ему только в результате «снисходительности» западных кабинетов и вероломного разгрома турецкого флота при Наварине. .

«В 1833 г. он был единственным человеком в Европе, который спас Турцию от неизбежного расчленения».

В 1833 г. царь заключил с Турцией посредством подписания знаменитого Ункяр-Искелесийского договора *оборонительный союз,* согласно которому чужим флотам было запрещено приближаться к Константинополю[182]. Турция была, следовательно, спасена от расчленения только для того, чтобы целиком достаться России.

«В 1839 г. он вместе с другими державами выступил инициатором ряда предложений, проведение которых общими усилиями избавило султана от угрозы замены его трона новой арабской империей».

Другими словами, в 1839 г. он заставил другие державы взять на себя инициативу в деле уничтожения египетского флота и лишения всякой силы единственного человека**, который мог бы сделать Турцию чрезвычайно опасной для России и добиться того, чтобы «парадный тюрбан» заменила настоящая голова.

«Основным принципом политики нашего августейшего повелителя всегда являлось стремление как можно дольше сохранить на Востоке status quo».

Это верно. Царь всегда тщательно заботился о том, чтобы разложение турецкого государства совершалось исключительно под опекой России.

Следует признать, что никогда еще Восток не осмеливался бросить в лицо Западу более издевательский документ. Недаром

* — тем самым. *Ред.*
** — Мухаммеда-Али. *Ред.*

его автор — Нессельроде, имя которого означает одновременно и крапиву и розгу*. Поистине, это—документ, свидетельствующий о том, как деградировала Европа под розгой контрреволюции. Революционеры могут только поздравить царя с этим шедевром. Если это — отступление Европы, то оно является не просто отступлением после обычного поражения, а прохождением через furcae Caudinae[183].

В то время как английская королева устраивает сейчас торжественный прием русским княгиням, а просвещенная английская аристократия и буржуазия припадают к стопам варвара-самодержца, один только английский пролетариат протестует против бессилия и деградации правящих классов. 7 июля представители манчестерской школы устроили большой митинг в пользу мира в Од-Феллоу-холл в Галифаксе. Кросли, член парламента от Галифакса, и все другие «великие мужи» манчестерской школы специально приехали на этот митинг из «города»**. Зал был переполнен, и несколько тысяч человек остались за дверями. Эрнест Джонс (агитация которого в фабричных округах идет с большим успехом, как это можно заключить по большому числу поданных в парламент петиций с требованием Хартии и по нападкам провинциальной буржуазной прессы) был в это время в Дургаме. Чартисты Галифакса, где Джонс дважды выдвигался кандидатом в палату общин и оба раза избирался голосованием путем поднятия рук[184], вызвали его телеграммой, и он прибыл как раз к началу митинга. Господа манчестерцы были уже уверены, что проведут свою резолюцию и вернутся назад, обеспечив своему доброму Абердину поддержку промышленных округов, как вдруг поднялся Эрнест Джонс и предложил поправку, в которой народ призывался к *войне* и в которой объявлялось, что до тех пор пока не установлена свобода, мир является преступлением. Произошла ожесточенная дискуссия, но поправка Джонса была все же принята огромным большинством.

Параграфы билля об Индии проходят один за другим, и прения почти не обнаруживают ничего примечательного, кроме полной несостоятельности так называемых «реформаторов Индии». Вот, например, милорд Джослин, член парламента, сколотивший себе нечто вроде политического капитала периодическими разоблачениями имеющихся в Индии зол и скверного управления ею со стороны Ост-Индской компании; Как вы думаете, к чему сводилась его поправка? К продлению хартии Ост-Индской компании на 10 лет. К счастью, его высту-
пле-

* Игра слов: «Nessel» — «крапива» (нем.). «rod» — «розга» (англ.). *Ред.*
** — Лондона. *Ред.*

ние окончилось только конфузом для него самого. Вот другой профессиональный «реформатор», г-н Джозеф Юм, который за свою долгую парламентскую жизнь сумел превратить даже оппозицию в особый способ поддерживать министерство. Он предложил не сокращать числа директоров Ост-Индской компании с 24 до 18. Единственная разумная, сейчас уже принятая поправка была внесена г-ном Брайтом: он предложил отменить для директоров, назначаемых правительством, требование быть владельцами определенного количества акций Ост-Индской компании — требование, обязательное для директоров, избираемых Советом акционеров. Просмотрите брошюры, выпущенные Ассоциацией в пользу реформ в Ост-Индии[185], и у вас будет такое чувство, как если бы вы прослушали длинный обвинительный акт против Бонапарта, составленный сообща легитимистами, орлеанистами, синими и красными республиканцами и даже самими разочаровавшимися бонапартистами. Единственная заслуга этих брошюр заключалась до сих пор лишь в том, что они вообще привлекли внимание публики к индийским делам, а большего от них и ожидать нельзя при теперешнем эклектическом характере высказываемых в них оппозиционных взглядов. Так, подвергая критике дела английской аристократии в Индии, они в то же время выражают протест против уничтожения индийской аристократии, то есть индийских князей.

После того как английские захватчики однажды появились в Индии и твердо решили не выпускать ее из своих рук, им не оставалось ничего другого, как уничтожить власть местных князей силой или при помощи интриг. Оказавшись по отношению к ним в таком же положении, в каком древние римляне находились по отношению к своим союзникам, они пошли по стопам римских политиков. «Это была, — говорит один английский автор, — система откармливания союзников, как мы откармливаем быков, прежде чем их съесть». Заманив в свои сети союзников по методу Древнего Рима, Ост-Индская компания расправлялась с ними уже по-современному, как это делают на Чейндж-алли[186]. Для выполнения обязательств, взятых ими на себя перед Ост-Индской компанией, местные князья должны были занимать у англичан огромные суммы под ростовщические проценты. Когда их затруднения достигали высшей точки, кредитор становился неумолимым, «винт закручивался», и князьям оставалось либо уступать путем «полюбовной сделки» свои территории Компании, либо начинать войну. В первом случае они становились пенсионерами своих узурпаторов, во втором — лишались престола как изменники. В настоящий момент местные государства занимают площадь в 699961 квад-

ратную милю с населением в 52941263 человека, но теперь это уже не союзники, а вассалы английского правительства, прикованные к нему разнообразными условиями подчинения, системой субсидиарных договоров и протектората в различных формах. Общая черта этих условий — отказ местных государств от права на самооборону, на самостоятельные дипломатические сношения и на разрешение возникающих между ними споров без вмешательства генерал-губернатора. Все они должны платить дань либо наличными деньгами, либо в виде содержания вооруженных отрядов под командой английских офицеров. Вопрос об окончательном поглощении или аннексии этих местных государств служит сейчас предметом ожесточенных споров между сторонниками реформ, объявляющими такую аннексию преступлением, и дельцами, оправдывающими ее соображениями необходимости.

На мой взгляд, самый вопрос поставлен совершенно неправильно. Что касается местных *государств,* то они фактически перестали существовать с того момента, как они оказались связанными субсидиарными договорами с Компанией, или попали под ее протекторат. Если вы разделите доход страны между двумя правительствами, вы неизбежно нанесете ущерб ресурсам одного из них и административной системе обоих. При нынешней системе местные государства изнемогают под двойным бременем своей собственной администрации и налагаемых на них Компанией податей, а также сборов на чрезвычайные военные нужды. Условия, на которых им дозволяется сохранять видимость независимости, являются вместе с тем условиями их неуклонного упадка и полной невозможности какого-либо улучшения дел. Органическое бессилие — основной закон их существования как и вообще всякого организма, существующего лишь постольку, поскольку его терпят. Речь идет, следовательно, о сохранении не местных *государств,* а местных *князей* и их дворов. И не странно ли, что именно люди, громко осуждающие «варварскую пышность английской короны и аристократии», ныне проливают слезы по поводу разорения индийских навабов, раджей и джагирдаров[187], которые в своем огромном большинстве не могут даже похвалиться древностью рода, ибо это узурпаторы совсем недавнего происхождения, возведенные в свой сан английскими интригами! Во всем мире нет деспотизма более смешного, нелепого и ребяческого, чем деспотизм этих Шахземанов и Шахрияров из «Тысячи и одной ночи». Герцог Веллингтон, сэр Джон Малколм, сэр Генри Рассел, лорд Элленборо, генерал Бригс и другие авторитетные лица высказались в пользу сохранения status quo. Но на чем основывалось

их суждение? На том, что индийские войска, находящиеся под командованием англичан, следует втравливать в мелкие войны с их собственными соотечественниками, дабы помешать им повернуть оружие против своих европейских господ; на том, что существование независимых государств дает от случая к случаю занятие английским войскам; на том, что наследственные князья — самые раболепные орудия английского деспотизма, — что они служат препятствием для возвышения смелых военных искателей приключений, которыми Индия всегда была и всегда будет так богата; на том, что независимые территории являются прибежищем для всех недовольных и предприимчивых элементов из индийского населения. Оставляя в стороне все эти соображения, суть которых, при всем их многословии, сводится к тому, что местные князья являются опорой нынешней гнусной системы английского господства и величайшей помехой прогрессу Индии, я перейду к Томасу Манро и лорду Элфинстону, которые являются, по крайней мере, людьми недюжинного ума и действительно проникнуты сочувствием к индийскому народу. Они считают, что без местной аристократии ни один класс общества не будет достаточно жизнедеятелен и что низложение этой аристократии не возвысит, а наоборот принизит весь народ в целом. Их можно было бы считать правыми, принимая во внимание, что в областях непосредственного господства англичан коренные жители систематически не допускаются ни к каким высшим должностям, военным и гражданским. Там, где люди лишены возможности достичь высокого положения собственными усилиями, должна существовать категория людей, высокопоставленных от рождения, чтобы у завоеванного народа сохранилась хотя бы некоторая доля собственного величия. Однако это отстранение коренных жителей от высших должностей на английской территории стало возможным только вследствие сохранения наследственных князей на так называемых независимых территориях. А одну из этих двух уступок нужно было сделать индийской армии, на военную мощь которой опирается все английское владычество в Индии. Мы можем, думается мне, поверить г-ну Кэмпбеллу, что местная индийская аристократия менее всего способна к занятию высших должностей, что для удовлетворения новых потребностей необходимо создать новый класс и что «ввиду сообразительности и восприимчивости к знаниям, которыми отличаются низшие классы, в Индии это сделать легче, чем в любой другой стране»[188].

Сами местные князья почти сошли со сцены вследствие вымирания их династий. Но с текущего столетия английское пра-

вительство стало разрешать им назначать себе *наследников путем усыновления* или стало замещать их вакантные места марионетками из числа креатур англичан. Известный генерал-губернатор лорд Далхузи первый открыто стал протестовать против этой системы. Если бы естественный ход вещей не одерживался искусственными мерами, для устранения местных князей не надо было бы прибегать ни к войнам, ни к расходам.

Что касается князей, *состоящих на пенсии*, то те 2468969 ф. ст., которые английское правительство ассигновало на их содержание из индийских доходов, являются крайне тяжелым бременем для народа, вся пища которого состоит из риса и который лишен предметов первой необходимости. Если эти князья годны на что-нибудь, то только на то, чтобы выставлять напоказ монархическую власть в совершенно разложившемся и в самом комическом виде. Возьмите, например, Великого Могола*, потомка Тимура-Тамерлана[189]. Ему назначено содержание в 120000 ф. ст. в год. Его власть не простирается дальше стен его дворца, внутри которого впавшие в идиотизм отпрыски царского рода, предоставленные самим себе, размножаются как кролики. Даже полиция в Дели изъята англичанами из-под его контроля. Сидит он на своем троне, сморщенный желтый старичок, в расшитом золотом театральном наряде, напоминающем костюм индостанских танцовщиц. В торжественные для государства дни эта позолоченная кукла выходит порадовать сердца своих верноподданных. Чтобы попасть к нему на прием, иностранцы должны вносить плату в виде нескольких гиней, как за вход на публичное представление какого-нибудь saltimbanque**, а он, в свою очередь, преподносит гостям тюрбаны, алмазы и т. п. При ближайшем рассмотрении эти королевские алмазы оказываются обыкновенными размалеванными стекляшками, весьма топорно подделанными под драгоценные камни и так скверно обработанными, что они рассыпаются в руках, как имбирный пряник.

Английские ростовщики вкупе с английской аристократией понимают толк в искусстве развенчания монархии, сведенной ими к конституционному ничтожеству в своей стране и к пустому этикету в чужих странах. И вот теперь радикалы возмущаются при виде этого зрелища!

Написано К. Марксом 12 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3828, 25 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Бахадур-шаха II. *Ред.*
** — скомороха. *Ред.*

К. МАРКС

ВОЙНА В БИРМЕ. — РУССКИЙ ВОПРОС. — ЛЮБОПЫТНАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА [190]

Лондон, пятница, 15 июля 1853 г.

С последней сухопутной почтой из Индии получено известие, что бирманские уполномоченные отклонили договор, предложенный генералом Годвином. Генерал предоставил им дополнительно 24 часа на размышление, по бирманцы через 10 часов уехали. Третье издание нескончаемой бирманской войны, кажется, становится неизбежным[191].

Из всех военных экспедиций, предпринятых Англией на Востоке, ни одна еще не была настолько беспочвенной, как экспедиция против Бирмы. В отличие от северо-западной границы, никакой возможной опасности вторжения в Индию со стороны Бирмы не существует, поскольку Бенгалия отделена от Бирмы горной цепью, непроходимой для войск. Чтобы вести войну с Бирмой, правители Индии вынуждены добираться до нее морем. Предположение о возможности нападения бирманцев с моря так же смехотворно, как и нелепая мысль о способности предназначенных для прибрежного плавания бирманских джонок противостоять военным пароходам Ост-Индской компании. Не подтверждается никакими фактами и то, что янки обнаруживают сильные стремления к аннексии Пегу. Таким образом, не остается никакого аргумента, кроме потребности чем-то занять разоряющуюся аристократию, необходимости, как выразился один английский писатель, создать «постоянный работный дом для знати или нечто вроде Хэмптон-корта[192] на Востоке». Первая бирманская война (1824—1826), затеянная в годы донкихотского правления лорда Амхёрста, хотя и длилась немногим больше двух лет, увеличила индийский долг на тринадцать миллионов фунтов стерлингов.

Содержание

сеттльментов на Востоке — в Сингапуре, на острове Пенанг и в Малакке, —не считая жалованья солдатам, вызвало ежегодное превышение расходов над доходами в сумме 100000 фунтов стерлингов. Территория, отнятая у Бирмы в 1826 г., обошлась значительно дороже. Территория Пегу вызвала еще более разорительные расходы. Чем же объяснить то обстоятельство, что Англия, уклоняясь от самой необходимой войны в Европе, каковой ныне является война с Россией, из года в год ввязывается в самые безрассудные войны в Азии? Англию побуждает занимать трусливую позицию в Европе ее государственный долг, в то время как расходы на ведение войн в Азии она взваливает на плечи жителей Индии. Но мы можем ожидать, что предстоящее ныне прекращение поступления доходов от опиума и Бенгалии вместе с расходами на ведение новой бирманской войны вызовут столь сильный кризис индийских финансов, что это повлечет за собой более радикальное преобразование индийской империи, чем все то, что возвещают в своих речах и трактатах английские парламентские реформаторы.

Вчера в палате общин г-н Дизраэли запросил министров, не является ли теперешний момент, после получения последней циркулярной ноты русского кабинета, весьма подходящим для внесения г-ном Лейардом его предложения. Лорд Джон Рассел ответил, что, по его мнению, в настоящее время гораздо лучше не заслушивать г-на Лейарда, так как после опубликования этой ноты важнее чем когда-либо вести переговоры. «Мнение почтенного депутата, что переговоры зашли в настоящий момент в тупик, ошибочно». Лорд Джон, исповедуя на деле абердиновское credo, попытался в то же время спасти достоинство партии civis romanus sum[193] следующим заявлением:

«Я, естественно, не мог предполагать, что такой опытный и прозорливый человек, как граф Нессельроде, поставит свою подпись под документом, в котором открыто заявляется, что русское правительство ставит условием эвакуации Дунайских княжеств увод соединенных эскадр».

В последовавших затем дебатах по индийскому вопросу г-н Брайт внес предложение о том, чтобы из статьи девятой, предусматривающей, «что шесть директоров Компании, не назначаемых короной, должны быть лицами, пробывшими в течение десяти лет в Индии в качестве служащих короны или Компании», — были исключены слова «в качестве служащих короны или Компании». Поправка была принята. Характерно, что на протяжении всех дебатов по индийскому вопросу ни одна из поправок не была поддержана министерством и, соответственно, не была принята палатой, исключая поправки г-на Брайта. Министерство мира делает в настоящий момент все, для того

чтобы обеспечить entente cordiale* с партией мира—манчестерской школой, которая является противницей всех видов войн, кроме войны, ведущейся посредством тюков хлопка и бюллетеней цен.

Г-н Друэн де Люис, французский министр иностранных дел, служивший в прошлом, при Гизо, старшим канцеляристом в этом министерстве и, по отзыву своего начальника, не вполне обладавший данными, необходимыми для этой должности, ныне вволю наслаждается обменом нотами и циркулярами с графом Нессельроде. «Moniteur» печатает во вчерашнем номере ответ г-на Друэн де Люиса на последнее (2-е)—*циркулярное*—послание русского министра[194]. Ответ заканчивается следующими словами:

«Умеренность Франции снимает с нее всякую ответственность и дает ей право надеяться, что все жертвы, принесенные ею ради сохранения спокойствия на Востоке, не будут напрасными и что русское правительство найдет в конце концов способ примирить свои претензии с верховными прерогативами, которые дает султану его суверенитет, и что будут выработаны основы для урегулирования, без применения силы, спорного вопроса, в разрешении которого заинтересованы столь многие».

Я упоминал в одной из предыдущих статей о том, что России в свое время г-ном де Виллелем было сделано предложение об обеспечении неприкосновенности Оттоманской империи посредством гарантийного договора, подписанного всеми великими державами**. Это предложение вызвало следующий ответ со стороны графа Поццо-ди-Борго:

«Общая гарантия в отношении Оттоманской империи, не говоря уже о необычности и неожиданности такого акта, задела бы приобретенные Россией права и те принципы, на которых последние покоятся».

Тем не менее в 1841 г. Россия согласилась стать участницей такого необычного договора[195], и сам Нессельроде ссылается на этот договор в своей ноте от 20 июня (2 июля). Почему Россия пошла на это, наперекор своей традиционной политике? Потому что этот договор был не «гарантией в отношении Оттоманской империи», а скорее орудием расправы с ее единственной тогда жизнеспособной частью — Египтом, управляемым Мухаммедом-Али, и потому что он был равносилен, по крайней мере по своему первоначальному замыслу, коалиции против Франции.

Парижская газета «Presse» помещает в своем сегодняшнем номере, только что попавшем мне в руки, неопубликованную переписку между покойным генералом Себастиани, француз-

* — сердечное согласие. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 168—169. *Ред.*

ским послом в Лондоне, и мадам Аделаидой, сестрой Луи-Филиппа. Эта переписка проливает яркий свет на дипломатические отношения того периода. Она неопровержимо доказывает, что договор 1841 г. был первоначально задуман отнюдь не Россией, как утверждает Нессельроде в своей ноте, а наоборот Францией и Англией против России, и что только впоследствии он был превращен Россией в орудие против Франции. Я перевел из этой важной переписки столько отрывков, сколько мне позволило время.

I

Лондон, 12 июня 1835 г.

«Я имел сегодня двухчасовую беседу с лордом Пальмерстоном. Я был полностью удовлетворен этой беседой. Я не ошибался, когда заверял Вас, что он друг короля Леопольда и, прежде всего, большой сторонник союза с Францией. Лорд Пальмерстон много говорил со мной о восточных делах. Он полагает, что египетский паша решил действовать определенным образом. Он желал бы, чтобы Англия и Франция предприняли новые усилия, подкрепленные присутствием их флотов, с целью запугать Мухаммеда-Али, а также чтобы одновременно наши послы в Константинополе сообщили султану о получении ими от своих дворов распоряжения заверить его в том, что ему будет оказана помощь против посягательств египетского паши, при условии, если не он первым начнет военные действия. Я считаю, что это — благоразумный курс, и для Англии и Франции было бы целесообразно ему следовать. Мы должны поддержать Порту и не допустить отделения от нее таких провинций, как Египет, Сирия и Келесирия. Россия только и ждет удобной минуты, чтобы выступить на помощь султану, а эта *помощь была бы концом Оттоманской империи».*

II

Лондон, 21 апреля 1836 г.

«В Англии все партии единодушны в том, что необходимо тщательно следить за Россией, и партия тори, думается мне, проявляет в этом отношении большую решительность, чем виги, или, по крайней мере, кажется более решительной, потому что ее не заставляют быть более сдержанной».

III

Лондон, 6 июля 1838 г.

«Англичане верят в общеевропейское соглашение по восточному вопросу. Ответа из Парижа ждут с нетерпением. Не думаю, чтобы я отступил в чем-нибудь от той линии поведения, которая была намечена королем во время нескольких бесед со мной. Как только согласие будет в принципе достигнуто, в зависимости от обстоятельств можно будет урегулировать вопрос о способе действий и позиции каждой из держав. Участие России должно выражаться, конечно, в действиях на море, так же как Франции и Англии, и чтобы предупредить всякую опасность, которая может возникнуть в результате действий флота в Черном море, необходимо добиться, чтобы Россия согласилась на посылку из Балтики своей эскадры, входящей в объединенный флот».

IV

Лондон, 3 октября 1839 г.

«Англия не приняла русских предложений[196], и лорд Пальмерстон уведомил меня от имени правительства, что ее отказ вызван желанием сохранить верность союзу с Францией. Побуждаемая теми же чувствами, она соглашается, чтобы Мухаммед-Али получил в наследственное владение Египет и часть Сирии с точно установленной границей, которая должна проходить от Сен-Жан-д'Акр до Тивериадского озера. Согласие английского правительства на эти последние предложения было получено нами не без труда. Не думаю, чтобы подобное соглашение было отвергнуто Францией или Мухаммедом-Али. Восточный вопрос упрощается; он будет исчерпан при содействии держав и на основе гарантий неприкосновенности Оттоманской империи. Все принципы соблюдены. На Высокую Порту распространяются нормы европейского международного права. *Исключительное покровительство России упраздняется.* Я спросил себя, почему республиканская партия во Франции столь расположена в пользу Мухаммеда-Али и почему она столь горячо защищает его интересы. И я не мог найти другого мотива, кроме революционного принципа — поддерживать и поощрять все, что может привести к свержению существующих правительств. Мне кажется, мы ни в коем случае не должны попасть в такую ловушку».

V

Лондон, 30 ноября 1839 г.

«Я узнал из достоверного источника, что лорд Пальмерстон, докладывая на последнем заседании кабинета о положении восточных дел и о расхождениях между английской и французской политикой, говорил об этом в таком умеренном тоне и с таким бережным отношением к союзу между обеими странами, что заслуживает благодарности с нашей стороны. Он даже предложил вниманию своих коллег систему, аналогичную указанной мной. В заключение он уступил в вопросе о формальностях и высказался против политики решительных действий и неизбежных осложнений».

VI

Лондон, 12 декабря 1839 г.

«Я виделся с лордом Пальмерстоном, потому что хотел узнать, не могу ли я получить от него какую-либо информацию, относящуюся к тому, что он мне недавно сообщил. Он прочел мне письмо г-на *Нессельроде* русскому поверенному в делах, содержание которого в точности соответствует тому, что он мне говорил. Приезд г-на *Бруннова* раскроет нам тайные замыслы санкт-петербургского кабинета. Лорд Пальмерстон был бесподобен как внешне, так и по существу. Он очень рад возобновлению дружественных отношений между французским и английским кабинетами и продолжению союза. Поверьте мне, я нисколько не преувеличиваю. Я вполне доверительно сказал ему, что новое положение в точности таково, каким его всегда желала видеть Франция. Он и сам должен был это признать. Князь Эстергази написал своему поверенному в делах, что он чрезвычайно доволен маршалом* и что он пытается сейчас вернуть

* — Сультом, премьер-министром Франции (1839—1840). *Ред.*

французский кабинет на путь согласия с Австрией, но что короля он находит *неподатливым.* Я вполне допускаю это. Король не увлекается такими нереальными и отвлекающими в сторону прожектами. Это я пишу для Вас одной. Я безусловно разделяю Ваше мнение, Ваше королевское высочество, что *Россия запутается в своих собственных сетях».*

VII

Лондон, 18 декабря 1839 г.

«Я получил сегодня утром депешу от маршала, более странную чем обычно. Это — ответ на письмо, в котором я доложил ему о сообщении, сделанном мной лорду Пальмерстону относительно впечатления, произведенного в Париже известием о новой миссии г-на Бруннова и ее цели. Я прочел лорду Пальмерстону textuellement* соответствующий параграф из депеши маршала. Но в заявлении, которое я сделал ему по этому поводу, я употребил слова, выражавшие те же идеи, но не совпадавшие со словами маршала. Теперь маршал, достаточно любезно заверяя меня в том, что между моими словами и его собственными выражениями не было никакого расхождения, советует мне удвоить мою осторожность и постараться воспроизводить в наших переговорах текстуальное содержание его депеш. Было бы большой ошибкой с моей стороны видеть в этом факте больше, чем querelle allemande**, чем изощренность, достойную grec du Bas-Empire***... Маршал — новичок на дипломатическом поприще, и я боюсь, что он видит дипломатическое искусство в изворотливости. На деле же, как он может убедиться, оно состоит только в искренности и прямоте».

VIII

Лондон, 3 января 1840 г.

«Вчера лорд Пальмерстон обедал у меня со всем Corps Diplomatique****... Он сказал мне, что министерство намерено просить у парламента дополнительного ассигнования на военно-морские силы, но прибавил, что предложит своим коллегам не ссылаться при этом на усиление французского флота, чтобы не задеть союзника хотя бы малейшим намеком. Усилия, прилагаемые лордом Холлендом и лордом Джоном Расселом для сохранения союза, достойны восхищения».

IX

Лондон, 20 января 1840 г.

«Лорд Пальмерстон сообщил мне проект конвенции, который должен быть представлен великим державам и Порте... Это не конвенция, заключаемая пятью великими державами между собой, а конвенция, заключаемая этими державами с Портой... *Г-н Бруннов возражает против такой формы»* (см. соответствующее место в ноте Нессельроде от 2 июля сего месяца относительно русской инициативы!)... «Эта конвенция

* — дословно. *Ред.*
** — буквально: немецкую ссору; в переносном смысле: ссору из-за пустяков. *Ред.*
*** — грека времен Восточной Римской империи, византийца. *Ред.*
**** — дипломатическим корпусом. *Ред.*

состоит из преамбулы и восьми статей. В преамбуле сказано вполне определенно и почти дословно следующее: поскольку неприкосновенность Оттоманской империи существенно необходима для сохранения мира в Европе, пять держав готовы оказать ей требуемую помощь и включить ее в сферу европейского международного сотрудничества. А в статьях регулируется вопрос о помощи...

P. S. Только что я узнал, что Бруннов и Нейман крайне недовольны конвенцией, предлагаемой лордом Пальмерстоном».

X

Лондон, 21 января 1840 г.

«Я думаю, что проект конвенции, составленный лордом Пальмерстоном, будет отвергнут русским и австрийским уполномоченными. Г-н Нейман особенно отличился резкостью и, смею сказать, глупостью своих претензий. Он выдает тайны политики своего двора. Князь Меттерних, стремившийся удержать в своих руках равновесие сил, открыто признается в ненависти к России. Он льстил себя надеждой, что предложения Бруннова будут приняты без оговорок, и как он, так и Бруннов были разочарованы, встретив в лорде Пальмерстоне министра, который искренне желает союза с Францией и старается действовать в согласии с нею».

XI

Лондон, 24 января 1840 г.

«Сегодня я имел продолжительную беседу с лордом Мелбурном, решительным сторонником союза с нашим королем. Он несколько раз просил меня указать ему какой-либо способ, посредством которого можно было бы сочетать французские и английские предложения.

Он расценивает намерения России так же, как и мы, а на одном совещании он сказал мне по поводу венского кабинета, что последнему нельзя доверять, потому что он в конце концов всегда оказывается преданным сторонником России».

XII

Лондон, 27 января 1840 г.

«Оборот, принимаемый ныне восточными делами, вызывает у меня тревогу... Не подлежит сомнению, что Россия ведет дело к войне и что Австрия поддерживает ее всеми возможными средствами... Им удалось запугать Англию «французскими планами в Средиземном море». Алжир и Мухаммед-Али — таковы два средства, которые они пускают в ход... Я прилагаю все усилия, чтобы добиться отклонения предложений Бруннова, и мне почти удалось достигнуть цели, но они узнали об этом, и теперь Австрия выставляет предложения Бруннова как свои собственные. Это — явный обман. Тем не менее было созвано совещание кабинета для обсуждения австрийских предложений. Голоса разделились. На одной стороне — лорд Мелбурн, лорд Холленд и г-н Лабушер; на другой — лорд Пальмерстон, лорд Дж. Рассел и лорд Минто. Остальные члены кабинета колеблются между этими двумя точками зрения».

XIII

Лондон, 28 января 1840 г.

«Кабинет обсудил пока только один пункт проекта лорда Пальмерстона. Он постановил, что конвенция должна быть заключена между шестью, а не между пятью» (державами), «как предлагал г-н Бруннов, который не обнаружил недостатка усердия в обеспечении своих частных интересов» (заботясь об Оттоманской империи). «Порта не согласится на конвенцию, составленную без ее участия. Подписав wee договор с пятью великими державами, она тем самым поставит себя под охрану европейского международного права».

XIV

Лондон, 28 января 1840 г.

«Неужели политика и интересы короля отданы в жертву капризам г-на Тьера и его газеты? Система, созданная с такими муками, с такими усилиями и сохранявшаяся вопреки стольким трудностям в течение десяти с лишним лет, обрекается на гибель».

Написано К. Марксом 15 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3833, 30 июля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

ВОЕННЫЙ ВОПРОС. — ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕЛА. — ИНДИЯ

Лондон, вторник, 19 июля 1853 г.

Царь не только начал войну, но успел уже завершить свою первую военную кампанию. Операционная линия проходит уже не за Прутом, а по Дунаю. А там временем что же предпринимают в связи с этим западные державы? Они советуют султану, то бишь принуждают его, рассматривать войну как мир. Они отвечают на действия самодержца не пушками, а нотами. Императора атакуют, но отнюдь не силами двух флотов, а не менее чем четырьмя проектами переговоров. Один исходит от английского кабинета, второй от французского, третий выдвинут Австрией, а четвертый наспех составлен «шурином» из Потсдама[*]. Надеются, что царь из этого embarras de richesses[**] соблаговолит выбрать наиболее подходящий для его целей проект. Друэн де Люис в своем ответе (втором) на ноту (вторую) графа Нессельроде[197] всеми силами старается доказать, что «не Англия и не Франция первыми произвели демонстрацию». Подобно тому как собакам бросают кости, Россия забрасывает западных дипломатов множеством нот только для того, чтобы доставить им невинное развлечение, а себе обеспечить дальнейший выигрыш во времени. Англия и Франция, разумеется, кидаются на приманку. Не довольствуясь тем унижением, каковым является уже самый факт принятия подобных нот, их еще снабжают самыми миролюбивыми комментариями, как, например, в опубликованной в «Journal de l'Empire»[198] статье, которая, хотя и подписана г-ном де Ла Героньером, но написана по указаниям императора и им проредактирована. Эта статья

[*] — Фридрихом-Вильгельмом IV. *Ред.*
[**] — избытка богатств, затруднения из-за чересчур большого выбора. *Ред.*

предоставляет России право на прихоть «вести переговоры не на левом, а на правом берегу Прута». Вторую ноту графа Нессельроде статья превращает чуть ли не в «попытку добиться примирения». Делается это в следующих выражениях:

«Граф Нессельроде говорит теперь только о моральных гарантиях и объявляет, что они лишь временно должны быть заменены материальными гарантиями; он, *таким образом, прямо призывает к переговорам.* При таком положении дел невозможно считать дипломатический путь уже исчерпанным».

Газета «Assemblee nationale» — этот «русский вестник» в Париже — иронически поздравляет «Journal de l'Empire» с весьма запоздалым открытием и выражает лишь сожаление, что произошло так много шума из ничего.

Английская пресса потеряла всякое самообладание.

«Царь совершенно не в состоянии оценить учтивость, проявленную по отношению к нему западными державами... В своих переговорах с другими державами он неспособен к вежливому обращению».

Так говорит «Morning Advertiser». «Morning Post», в свою очередь, выходит из себя по поводу того, что царь так мало беспокоится о внутренних embarras[*] своих противников.

«Предъявлять только из-за дерзкого каприза требование, которое не носит безотлагательного характера, и делать это без всякого внимания к состоянию Европы, готовой в любой момент воспламениться, значит допускать почти невероятную неосмотрительность».

Автор статей по вопросам денежного рынка в журнале «Economist» нашел,

«что люди теперь убедились на своем собственном опыте, какие большие затруднения проистекают из того, что самые сокровенные интересы мира» (то есть биржи) «зависят от причуд одного человека».

И все же в 1848 и 1849 гг. бюст русского императора можно было видеть рядом с самим veau d'or[**].

Между тем положение султана[***] становится с каждым часом все тяжелее и запутаннее. Его финансовые затруднения возрастают еще и оттого, что он несет все тяжести войны, не пользуясь ни одной из ее выгод. Энтузиазм народа, не направляемый против царя, обращается против самого султана. Фанатизм мусульман угрожает ему дворцовыми переворотами, в то время как фанатизм православных грозит народными восстаниями. Сегодняшние газеты содержат сообщения о направленном против жизни султана заговоре, который был организован студентами-

[*] — затруднениях. *Ред.*
[**] — золотым тельцом. *Ред.*
[***] — Абдул-Меджида. *Ред.*

мусульманами из старотурецкой партии, стремящейся посадить на престол Абдул-Азиза[199].

Вчера в палате лордов лорды Бомонт и Малмсбери потребовали от лорда Кларендона, чтобы он доложило своих намерениях, поскольку французский император не поколебался заявить о своих. Но лорд Кларендон только вкратце сообщил о том, что Англия одобрила ноту г-на Друэн де Люиса, и уклонился от дальнейших объяснений, прикрываясь обещанием непременно представить палате в самое ближайшее время полную информацию. Когда был задан вопрос, верно ли, что русские взяли в свои руки также гражданское управление и почтовое ведомство в Дунайских княжествах, подвергнутых ими режиму военной оккупации, лорд Кларендон, разумеется, предпочел «отмолчаться». «Судя по прокламации князя Горчакова[200], он не может этому поверить». В ответ на это лорд Бомонт заявил, что Кларендон кажется ему поистине большим оптимистом.

На вопрос, заданный в палате общин сэром Дж. Уолмсли относительно последних беспорядков в Смирне[*], лорд Джон Рассел ответил, что он действительно слыхал о похищении венгерского эмигранта[**] австрийским консулом[***], но что у него нет ни малейших сведений о том, что Австрия потребовала выдачи всех венгерских и итальянских эмигрантов. Лорд Джон отвечает на запросы всегда в шутливом тоне и так, как ему самому бывает удобно. Всегда оказывается, что он не получает официальных сообщений и в газетах не читал того, что, по вашему предположению, мог или обязан был уже прочесть.

«Kolnische Zeitung»[201] приводит в письме из Вены, датированном 11 июля, следующий отчет об инциденте в Смирне.

«Шекиб-эфенди был послан в Смирну, чтобы произвести расследование о виновниках беспорядков, во время которых погиб г-н Хакельберг. Шекиб получил также приказ выдать Австрии эмигрантов австрийского или тосканского происхождения. Г-н Браун, поверенный в делах Соединенных Штатов, вел по этому поводу с Решид-пашой переговоры, результат которых еще неизвестен. Я только что узнал, что убийца барона Хакельберга получил от американского консула в Смирне паспорт, делающий его неприкосновенным для турецких властей. *Этот факт показывает, что Соединенные Штаты намерены вмешаться в европейские дела.* Несомненно также, что три американских военных судна находятся в Босфоре при турецком флоте и что американский фрегат «Камберлэнд» доставил турецкому правительству 80000000 пиастров».

---

[*] См. настоящий том, стр. 200. *Ред.*
[**] — Косты. *Ред.*
[***] — Векбеккером. *Ред.*

Какая бы доля правды ни содержалась в этом сообщении или в других подобных сообщениях, они все же свидетельствуют об одном, а именно, что повсюду ожидают вмешательства Америки и что это даже рассматривается в благоприятном свете частью английской публики. Поведение американского капитана* и консула шумно одобряется на публичных собраниях, и во вчерашнем номере газеты «Advertiser» «Англичанин»** призывал американский флаг явиться в Средиземное море и посрамить «грязный старый английский флаг», побудив его к действию.

Резюмируем в немногих словах сущность восточного вопроса. Царь, недовольный и раздраженный тем, что вся его громадная империя должна довольствоваться для своего экспорта единственным портом, расположенным к тому же у моря, которое в продолжение одного полугодия закрыто для судоходства, а в продолжение другого доступно нападению англичан, делает энергичные попытки осуществить план своих предков — добиться доступа к Средиземному морю. Одну за другой отделяет он от тела Оттоманской империи ее наиболее отдаленные части, и это будет продолжаться до тех пор, пока сердце этой империи — Константинополь — не перестанет биться. Он периодически повторяет свое вторжение всякий раз, когда приходит к убеждению, что его видам на Турцию угрожает кажущееся усиление турецкого правительства или еще более опасные стремления к освобождению собственными силами, обнаруживающиеся среди славян. Рассчитывая на трусость западных держав, он запугивает Европу, непомерно раздувает свои требования, чтобы потом выглядеть великодушным, довольствующимся тем, чего он, собственно, с самого начала непосредственно хотел.

С другой стороны, западные державы, непоследовательные, малодушные, подозревающие друг друга, начинают с того, что поощряют султана к сопротивлению царю из страха перед завоеваниями России, а кончают тем, что вынуждают султана к уступкам из страха перед всеобщей войной, которая послужит толчком ко всеобщей революции. Слишком слабые и слишком робкие, чтобы предпринять преобразование Оттоманской империи путем основания греческой империи или федеративной республики славянских государств, они направляют все свои устремления только на сохранение status quo, то есть такого состояния разложения, которое не позволяет султану освободиться от царя, а славянам — от султана.

* — Ингрехема. *Ред.*
** А. Ричардс. *Ред.*

Революционная партия может только поздравить себя с таким положением дел. Унижение реакционных западных правительств и открыто обнаружившаяся неспособность их защитить интересы европейской цивилизации от посягательств России не может не вызвать здорового возмущения среди народов, которые с 1849 г. были обречены подчиняться господству контрреволюции. Надвигающийся промышленный кризис будет обострен и ускорен этими полувосточными осложнениями в такой же мере, как и чисто восточными осложнениями в Китае. Одновременно с повышением цен на зерно и общей заминкой в делах валютный курс становится для Англии неблагоприятным, и начинается утечка золота на континент. Между 9 июня и 14 июля золотой запас Французского банка сократился на 2200000 ф. ст., что превышает всю сумму прироста, имевшего место за последние три месяца.

Прохождение билля об Индии через парламентский комитет не представляет большого интереса. Характерно, что представители коалиционного кабинета добиваются теперь отклонения всех поправок и голосуют вместе с тори против своих собственных союзников из манчестерской школы.

Нынешнее положение в Индии можно охарактеризовать несколькими фактами. Аппарат управления Индией, находящийся в Англии, поглощает 3% всего чистого дохода Индии, годовые платежи процентов по внутреннему долгу и дивидендов акционерам Компании составляют 14%, таким образом, всего — 17%. За вычетом этих ежегодных перечислений из Индии в Англию, около двух третей всех расходов по Индии, то есть до 66% ее дохода, падают на *военные издержки,* а расходы на *общественные работы* составляют не более $2^3/_4$% общего дохода, или 1% от местных доходов в Бенгалии, $7^3/_4$% — в Агре, $^1/_8$ — в Пенджабе, $^1/_2$% — в Мадрасе и 1%—в Бомбее. Это—официальные цифры самой Компании.

С другой стороны, приблизительно три пятых всего чистого дохода поступает с *земли,* около одной седьмой — с *опиума* и более одной девятой — с *соли.* Эти источники дохода вместе дают 85% всех поступлений.

Что же касается второстепенных приходных и расходных статей, то достаточно сказать, что налог *мотурфа,* сохранившийся в Мадрасском президентстве и взимаемый с лавок, ткацких станков, овец, крупного рогатого скота, с разного рода профессий и т. д., приносит около 50000 ф. ст., то есть приблизительно столько же, во сколько обходятся ежегодные обеды в Ост-Индиа-хаус.

Основная масса дохода поступает с земли. Так как о разных типах индийского землевладения написано в последнее время очень много, и притом в популярной форме, то по этому вопросу я ограничусь немногими общими замечаниями о системах заминдари и райятвари.

Введение систем заминдари и райятвари явилось двумя аграрными революциями, осуществленными посредством английских указов и противоположными друг другу по своему характеру. Одна была аристократической, другая — демократической, одна — карикатурой на английский лендлордизм, другая — на французскую систему крестьянской собственности. Но обе они пагубны, обе таят в себе величайшие внутренние противоречия, обе произведены не в интересах народных масс, обрабатывающих землю, и не в интересах держателей, владеющих ею, а в интересах правительства, облагающего ее налогом.

Введением системы заминдари население Бенгальского президентства было сразу лишено своих наследственных прав на землю в пользу местных сборщиков налогов, так называемых *заминдаров.* Введением системы райятвари в Мадрасском и Бомбейском президентствах притязавшая на владение землей местная знать — мирасдары, джагирдары и т. д. — была низведена вместе с простым народом до уровня держателей небольших участков, обрабатываемых ими самими в пользу коллекторов Ост-Индской компании[202]. Но что за курьезное подобие английского лендлорда представлял собой этот заминдар, получающий только одну десятую долю дохода, а остальные девять десятых отдающий правительству. И какой пародией на французского крестьянина был индийский райят, лишенный всяких постоянных прав на землю и облагаемый поборами, меняющимися каждый год в зависимости от собираемого им урожая. Первоначальный класс заминдаров, несмотря на то, что он беспощадно и бесконтрольно грабил бесправную массу бывших наследственных владельцев земли, вскоре сошел со сцены под гнетом Компании, и его место заняли торговые спекулянты, которым принадлежат теперь все земли в Бенгалии, за исключением владений, перешедших в непосредственное ведение правительства. Эти спекулянты создали разновидность заминдарской системы, которая получила название *патни* [Patnee]. Не довольствуясь своей ролью посредников по отношению к английскому правительству, они создали в свою очередь класс «наследственных» посредников, называемых *патнидарами,* которые опять-таки создали субпатнидаров и т. д. Так возникла законченная иерархия посредников, которая всей своей тяжестью давит на несчастного земледельца. Что касается райятов Мадраса

и Бомбея, то введенная у них система быстро выродилась в систему принудительных полевых работ и земля потеряла всю свою ценность.

«Земля здесь», — говорит г-н Кэмпбелл, — «была бы продана коллекторами за недоимки, как в Бенгалии, но обычно они этого не делают по весьма существенной причине: ее никто не хочет покупать»[203].

Мы имеем, таким образом, в Бенгалии сочетание английского лендлордизма, ирландской системы посредничества, австрийской системы, превращающей помещика в сборщика податей, и азиатской системы, согласно которой подлинным владельцем земли является государство. В Мадрасе и Бомбее мы имеем французского крестьянина-собственника, который в то же время является крепостным и арендатором-издольщиком [métayer] государства. Недостатки всех этих разнообразных систем целой грудой ложатся на плечи индийского крестьянина, но при этом он не пользуется ни одной из их положительных сторон. Подобно французскому крестьянину, райят является жертвой вымогательства частных ростовщиков, но у него нет никаких наследственных, никаких постоянных прав на землю, как у французского крестьянина. Подобно крепостному, он должен обрабатывать землю в принудительном порядке, но в отличие от крепостного он не обеспечен в случае крайней нужды. Подобно издольщику, он должен делить свой продукт с государством, но государство не обязано авансировать его средствами и инвентарем, как оно обязано это делать по отношению к издольщику. Как в Бенгалии, при *системе заминдари,* так и в Мадрасе и Бомбее — при *системе райятвари,* крестьяне-райяты, а они составляют одиннадцать двенадцатых всего индийского населения, подвергаются ужасающей пауперизации. И если они фактически еще не дошли до такого же низкого уровня, как ирландские бедняки-арендаторы [cottiers], то этим они обязаны индийскому климату, ибо у жителей южных стран меньше потребностей и больше воображения, чем у северян.

Наряду с поземельным налогом следует принять во внимание и соляной налог. Как известно, Компания держит в своих руках соляную монополию и продает соль втрое дороже ее рыночной цены. И это происходит в стране, где море, озера, горы и даже простая земля в полной мере доставляют этот продукт. Вот как описывает применение на практике соляной монополии граф Албемарл:

«Значительную часть соли для внутреннего потребления в страна закупают у Компании крупные оптовые торговцы меньше чем по 4 рупии

АНГЛИЙСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В ИНДИИ К СЕРЕДИНЕ XIX В.
1857 г.
КОНЕЦ XVII В.
КОНЕЦ XVIII В.
Фактории Ост-Индской компании
АФГАНИСТАН
Кабул
Пешавар
Кандагар
Сендеман
Кветта
КАШМИР
Сринагар
ПЕНДЖАБ
Лахор
Амритсар
Мултан
Бахавалпур
Биканир
РАДЖПУТАНА
Аджмир
Джодхпур
Джайпур
СИНД
Инд
Хардвар
Мирут
Альмора
Рампур
Дели
Барейли
Агра
Лакнау
Канпур
Гвалиор
Джханси
Аллахабад
Бенарес
Патна
НЕПАЛ
БУТАН
БИХАР
Ганг
Горы Раджмахал
Брахмапутра
АССАМ
МАНИПУР
Дакка
БЕНГАЛИЯ
Калькутта и Форт-Уильям
Северный тропик
МАЛВА
ГУДЖАРАТ
Ахмедабад
Барода
Нарбада
Сурат
Диу (Порт.)
Даман (Порт.)
Нагпур
БЕРАР
НАГПУР
ОРИССА
Каттак
Аурангабад
Тхана
Бомбей
Пуна
ХАЙДАРАБАД
Хайдарабад
Годавари
Биджапур
СЕВЕРНЫЕ СИРКАРЫ
Визагапатам
Янаон
Масулипатам
Кистна
Гоа (Порт.)
Беллари
МАЙСУР
КАРНАТИК
Мангалур
Мадрас
Пондишери (Фр.)
Каликут
Карикол
Танджур
Кочин
ТРАВАНКУР
Тривандрам
ЦЕЙЛОН
Коломбо
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
БЕНГАЛЬСКИЙ ЗАЛИВ
Андаманские о-ва
БИРМА
Мандалай
Ава
Иравади
АРАКАН
Проме
ПЕГУ
Рангун
Бассейн
Моулмейн
ТЕНАССЕРИМ
Салуин
СИАМ
Кра
ИМПЕРИЯ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ
Хасимбазар
Хугли
Голконда
Армагон
Цейлон
СОЮЗ МАРАТХСКИХ КНЯЖЕСТВ
Плесси
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Одесса
Астрахань
Севастополь
Тифлис
Хива
Стамбул
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Астрабад
Бейрут
Тегеран
ПЕРСИЯ
Герат
Каир
ЕГИПЕТ
АРАВИЯ
Мекка
Аден
КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Пекин
Шанхай
Гонконг
Территории английских владений
Территории вассальных княжеств
150 0 150 300 450 км

за *маунд*[*]; примешав к ней известную долю песку, добываемого обычно в нескольких милях к юго-западу от Дакки, они продают эту смесь второму или, считая правительство первым, третьему монополисту по 5—6 рупий. Этот последний примешивает сюда еще земли или золы, и, пройдя таким образом через множество рук на своем пути из крупных городов в села, соль поднимается в цене до 8—10 рупии, а примесь возрастает до 25—40%. В результате население платит за потребляемую им соль от 21 ф. ст. 17 шилл. 2 пенсов до 27 ф. ст. 6 шилл. 2 пенсов, иными словами в 30—36 раз больше, чем более зажиточное население Великобритании»[204].

В качестве образца английской буржуазной морали укажу на защиту г-ном Кэмпбеллом монополии на опиум на том основании, что-де она мешает китайцам потреблять это снадобье в слишком большом количестве, и на одновременную защиту им же водочной монополии (лицензий на продажу спирта в Индии) на том основании, что благодаря ей необычайно возросло потребление водки в Индии.

Системы заминдари и райятвари, а также соляной налог в соединении с индийским климатом, образуют питательную среду для распространения холеры — этого опустошительного бедствия, которое из Индии обрушивается на западный мир. Разительный и страшный пример солидарности человеческих бедствий и зол!

Написано К. Марксом 19 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3838, 5 августа 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — мера сыпучих тел в Индии, неодинаковая в разных районах, в среднем около 12 *кг. Ред.*

К. МАРКС

БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БРИТАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИНДИИ

Лондон, пятница, 22 июля 1853 г.

В этой статье я намерен подвести итог своим замечаниям об Индии.

Каким образом установилось английское владычество в Индии? Верховная власть Великого Могола была свергнута его наместниками. Могущество наместников было сломлено маратхами[205]. Могущество маратхов было сломлено афганцами, и пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех. Страна, где существует рознь не только между мусульманами и индусами, но и между одним племенем и другим, между одной кастой и другой; общество, весь остов которого покоится на своего рода равновесии, обусловленном всеобщим взаимным отталкиванием и органической обособленностью всех его членов, — разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя? Если бы мы даже ничего не знали о прошлой истории Индостана, то разве нам недостаточно было бы того важного и бесспорного факта, что даже в настоящее время Англия держит Индию в рабстве при помощи индийской армии, содержащейся за счет Индии? Индия, таким образом, не могла избежать участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история, если чем-нибудь и является, то только историей следовавших друг за другом завоеваний, которым она подвергалась. Истории индийского общества нет, по крайней мере, нам она неизвестна. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших один другого завоевателей, которые основывали свои империи на пассивном базисе этого не оказывавшего никакого сопротивления неподвижного общества. Вопрос заключается поэтому не в том, имела ли Ан-

глия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы, чтобы Индия была завоевана турками, персами, русскими, а не британцами.

Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии.

Арабы, турки, татары, моголы, одни за другими завоевывавшие Индию, быстро *ассимилировались* с коренным населением. Согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов. Британцы были первыми завоевателями, стоявшими на более высокой ступени развития, и они поэтому оказались недоступными воздействию индийской цивилизации. Они уничтожили ее, разрушив местные общины, искоренив местную промышленность и нивелировав все великое и возвышенное в индийском обществе. Страницы истории господства англичан в Индии едва ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа едва заметна за грудой развалин. Тем не менее эта работа началась.

Политическое объединение Индии, отличающееся большей консолидацией и охватывающее более обширную территорию, чем когда-либо при Великих Моголах, было первой предпосылкой ее возрождения. Это объединение, осуществленное английским мечом, будет теперь упрочено и навсегда закреплено электрическим телеграфом. Индийская армия, организованная и вымуштрованная британским сержантом, явилась sine qua non* для того, чтобы Индия освободилась собственными силами и перестала служить добычей первого же иноземного захватчика. Свободная печать, впервые введенная в азиатское общество и руководимая преимущественно отпрысками смешанных браков индийцев с европейцами, является новым и могущественным фактором переустройства этого общества. Даже системы заминдари и райятвари, как они ни гнусны, представляют собой две различные формы частной собственности на землю, то есть того, чего так жаждет азиатское общество. Из коренных жителей Индии, которым неохотно и в весьма скудных размерах дают образование под английским надзором в Калькутте, вырастает новая категория людей, обладающих знаниями, необходимыми для управления страной, и приобщившихся к европейской науке. Пар сделал возможным регулярное и быстрое сообщение между Индией и Европой, связал

* — conditio sine qua non — непременным условием. *Ред.*

главные порты Индии со всеми портами южных и восточных морей и таким образом вывел Индию из того изолированного положения, которое было главной основой господствовавшего в ней застоя. Недалек уже тот день, когда с помощью сочетания железных дорог и пароходных рейсов расстояние между Англией и Индией, измеряемое временем, сократится до восьми дней пути, и эта некогда легендарная страна будет, таким образом, действительно присоединена к западному миру.

Господствующие классы Великобритании до сих пор лить от случая к случаю, временно и в порядке исключения оказывались заинтересованными в развитии Индии. Аристократия желала ее покорить, плутократия хотела ее грабить, а промышленные магнаты стремились подчинить ее дешевизной своих товаров. Но теперь положение изменилось. Промышленные магнаты открыли, что их жизненные интересы требуют превращения Индии в производящую страну и что для этой цели необходимо, прежде всего, снабдить ее ирригационными сооружениями и внутренними путями сообщения. Промышленники намерены теперь покрыть Индию сетью железных дорог. И они это сделают, а это должно дать неоценимые результаты.

Известно, что производительные силы Индии парализованы полным отсутствием транспортных средств, необходимых для перевозки и обмена ее разнообразных продуктов. Нигде в мире нельзя встретить такого бедственного состояния общества среди природного изобилия, какое существует в Индии, и это вызывается отсутствием достаточных средств обмена. В 1848 г. в комитете английской палаты общин было установлено, что

«в то время как зерно продавалось от 6 до 8 шилл. за квартер в Хандеше, в Пуне оно продавалось от 64 до 70 шилл. за квартер, и люди там умирали на улицах от голода, не имея возможности получить съестные припасы из Хандеша, так как глинистые дороги были непроходимы».

Проведение железных дорог может быть легко использовано для сельскохозяйственных целей, а именно для устройства водохранилищ там, где требуется выемка земли при сооружении железнодорожной насыпи, а также для снабжения водой местностей, расположенных вдоль железнодорожных линий. Таким путем можно сильно расширить систему искусственного орошения, этого sine qua non для земледелия на Востоке, и предотвратить частое повторение местных голодовок, вызываемых недостатком воды. Универсальное значение железных дорог станет с этой точки зрения очевидным, если вспомнить, что даже в районах, примыкающих к горному хребту Гатов, за орошаемые земли платят в три раза больше налогов, что на

них занято в десять—двенадцать раз больше людей и они приносят в двенадцать — пятнадцать раз больше прибыли, чем неорошаемые земли такой же площади.

Железные дороги дадут возможность сократить военный аппарат и расходы на его содержание. Полковник Уоррен, начальник Форт-Уильяма, высказался следующим образом в специальном комитете палаты общин:

«Возможность получать сведения из отдаленных частей страны через столько же часов, сколько теперь для этого требуется дней и даже недель, возможность в течение более короткого времени присылать инструкции вместе с войсками и припасами — значение этих важных обстоятельств едва ли можно переоценить. Гарнизоны можно было бы расположить на более далеком расстоянии и в более здоровых местностях, чем в настоящее время, и этим сохранялась бы жизнь многих людей, гибнущих теперь от болезней. Потребовалось бы меньше запасов на разных складах, и поэтому можно было бы избежать потерь от гниения и разрушительных климатических влияний. Численность войск можно было бы уменьшить в такой же пропорции, в какой возросла бы их эффективность».

Известно, что покоящаяся на самоуправлении организация и экономическая основа сельских общин были разрушены, но их наихудшая черта, а именно распадение общества на однородные, не связанные между собой атомы, пережила их. Изолированность сельских общин породила отсутствие дорог в Индии, а отсутствие дорог увековечивало изолированность общин. При таком порядке вещей община существовала на данном низком жизненном уровне, почти не вступая в сношения с другими общинами, не проявляя никаких стремлений к социальному прогрессу и не делая никаких необходимых для этого усилий. Теперь, когда британцы сломили самодовлеющую *инерцию* сельских общин, железные дороги создадут новую потребность в сношениях и обмене. Кроме того,

«одним из последствий железнодорожной системы будет то, что она внесет в каждое село, где она проходит, такое знание усовершенствований и практических приспособлений, введенных в других странах, и так облегчит их заимствование, что это даст возможность потомственным, оплачиваемым сельской общиной ремесленникам Индии, во-первых, в полной мере проявить свои способности, а во-вторых, восполнить свои пробелы» (*Чапмен,* «Хлопок и торговля Индии»[206]).

Я знаю, что английские промышленные магнаты в своем стремлении покрыть Индию железными дорогами руководствуются исключительно желанием удешевить доставку хлопка и другого сырья, необходимого для их фабрик. Но раз вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, вы не сможете помешать этой стране самой производить такие машины. Вы не можете сохранять

сеть железных дорог в огромной стране, не организуя в ней тех производственных процессов, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного транспорта, а это повлечет за собой применение машин и в тех отраслях промышленности, которые непосредственно не связаны с железными дорогами. Железные дороги станут поэтому в Индии действительным предвестником современной промышленности. Это тем более верно, что жители Индии, по признанию самих английских властей, обладают особой способностью применяться к совершенно новым видам труда и усваивать знания, необходимые для того, чтобы управлять машиной. Убедительным подтверждением этого факта являются способности и знание дела, обнаруженные индийскими механиками, обслуживающими в течение многих лет паровые машины на монетном дворе в Калькутте, а также труд местных жителей, занятых на работе при разных паровых машинах в угольных районах Хардвара, и другие примеры. Сам г-н Кэмпбелл, как он ни заражен предрассудками Ост-Индской компании, вынужден признать, что

«широкие массы индийского народа обладают большой *промышленной энергией,* весьма способны к накоплению капитала, отличаются математическим складом ума и незаурядными способностями к вычислениям и к точным наукам». «Их интеллект», — говорит он, — «великолепен»[207].

Современная промышленность, которая явится результатом проведения железных дорог, приведет к разложению системы наследственного разделения труда, на которой покоятся индийские касты — это основное препятствие на пути прогресса и могущества Индии.

Все, что английская буржуазия будет, вероятно, вынуждена осуществить в Индии, не принесет свободы народным массам и не улучшит существенно их социального положения, ибо и то и другое зависит не только от развития производительных сил, но и от того, владеет ли ими народ. Но что буржуазия непременно будет делать, — это создавать материальные предпосылки для осуществления как той, так и другой задачи. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?

Население Индии не сможет пожать плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы

навсегда сбросить с себя английское иго. Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны, благородные жители которой даже в своих самых низших классах, по выражению князя Салтыкова, «sont plus fins et plus adroits que les italiens»*, — страны, уроженцы которой даже свою покорность уравновешивают каким-то спокойным благородством и, несмотря на свою природную медлительность, изумляли английских офицеров своей храбростью, — страны, которая является колыбелью наших языков, наших религий и которая в джате дает нам тип древнего германца, а в брахмане[209] — тип древнего грека.

Я не могу расстаться с темой об Индии без некоторых заключительных замечаний.

Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов. Буржуазия выдает себя за защитницу собственности, но разве какая-нибудь революционная партия совершала когда-нибудь аграрные революции, подобные тем, которые были произведены в Бенгалии, в Мадрасе и в Бомбее? Разве в Индии она не прибегала, — говоря словами самого лорда Клайва, этого великого хищника, — к беспощадному вымогательству там, где простой подкуп оказывался недостаточным для достижения ее грабительских целей? Разве в то время, когда она в Европе болтала о нерушимой святости государственного долга, она не конфисковала в Индии дивидендов раджей, поместивших свои частные сбережения в пенные бумаги самой Компании? Разве в то время, когда она сражалась против французской революции под предлогом защиты «нашей священной религии», она не запретила распространение христианства в Индии, и разве она в целях извлечения доходов от паломничества пилигримов в храмы Ориссы и Бенгалии не превратила в промысел убийство и проституцию в храме Джаггернаута?[210] Вот каковы эти защитники «собственности, порядка, семьи и религии»!

Опустошительное действие английской промышленности на Индию — страну, которая по своим размерам не меньше Европы и имеет территорию в 150 миллионов акров, — совершенно очевидно, и оно ужасно. Но мы не должны забывать, что это действие является лишь органическим результатом

* — «являются более утонченными и более искусными, чем итальянцы»[208]. *Ред.*

всей существующей ныне системы производства. Это производство зиждется на всесильном господстве капитала. Централизация капитала совершенно необходима для существования капитала как независимой силы. Разрушительное влияние этой централизации на рынки всех стран лишь выявляет в гигантских размерах внутренние органические законы политической экономии, которые ныне действуют в любом цивилизованном городе. Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых.

Написано К. Марксом 22 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» №3840, 8 августа 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ФИНАНСОВОМУ ВОПРОСУ. — ИЗВОЗЧИКИ. — ИРЛАНДИЯ. — РУССКИЙ ВОПРОС [211]

Лондон, пятница, 29 июля 1853 г.

Г-н Гладстон внес на вчерашнем заседании палаты общин резолюцию, предусматривающую принятие мер по созданию государственного консолидированного фонда для оплаты облигаций Компании Южных морей, которые оказались необмененными вопреки финансовому проекту Гладстона. Внесением этой резолюции» г-н Гладстон признал полное крушение своего плана конверсии. Кроме этого небольшого поражения, министерство потерпело весьма тяжелое поражение в связи с его биллем об Индии. Сэр Джон Пакингтон предложил внести дополнение, в силу которого соляная монополия должна быть отменена, а производство и продажа соли в Индии должны стать совершенно свободными, подлежа лишь обложению акцизным сбором или каким-либо другим налогом. Предложение было принято 117 голосами против 107, несмотря на отчаянное сопротивление сэра Чарлза Вуда, лорда Джона Рассела, сэра Дж. Хогга, сэра Г. Маддока и г-на Лоу (из «Times»). Олигархия, добившись успеха по вопросу о повышении оклада председателю Контрольного совета до 5 тыс. ф. ст., намеревается теперь повысить жалованье безупречным директорам Ост-Индской компании — с 300 ф. ст. до 1000 ф. ст., а председателю и вице-председателю Совета директоров до 1500 фунтов стерлингов. Очевидно, олигархия предполагает, что Индия обладает такой же волшебной силой, какая в Индостане приписывается листве сказочного дерева, растущего якобы на высочайших вершинах Гималаев, — превращать в золото все, что к ней прикасается; разница заключается лишь в том, что легковерный индиец надеется получить золото из сока листьев, просвещенный же англичанин надеется выжать его из крови индийского населения.

В «Тысяче и одной ночи» изображен китайский император, который, встав в одно прекрасное утро и подойдя к окну, чтобы полюбоваться дворцом Аладина, был удивлен, не увидя ничего, кроме пустого места. Он вызвал своего великого визиря и спросил его, видит ли он дворец. Великий визирь не мог ничего разглядеть и был удивлен не менее императора, который, разгневавшись, приказал своей страже схватить Аладина. Лондонская публика, проснувшись в среду утром, оказалась в положении, весьма схожем с положением сказочного китайского императора. Лондон выглядел так, как будто он перестал быть городом. Там, где мы привыкли что-то видеть, было и продолжало быть пустое место. И если глаза поражал пустынный вид площадей, то уши поражала мертвая тишина. Что же, однако, произошло в Лондоне? *Революция извозчиков!* Извозчики и их кэбы как бы чудом исчезли с улиц, со своих стоянок, с площадей у железнодорожных вокзалов. Владельцы наемных экипажей и кучера восстали против нового закона об извозчиках, против этого великого и почти «уникального» акта «министерства всех талантов». Они забастовали.

Неоднократно замечалось, что британская публика бывает время от времени подвержена приступам морального рвения и что через каждые шесть или семь лет ее добродетель становится неистовой и обуреваемой желанием сразиться с пороком. Объектом подобного приступа морального и патриотического рвения в настоящее время явился *бедный кэбби.* Его вымогательствам, от которых страдали беззащитные дамы и тучные дельцы из Сити, следовало-де положить конец, а плату за проезд снизить с одного шиллинга до шести пенсов за милю. Шестипенсовая мораль стала эпидемической. Министерство, в лице г-на Фицроя, выработало драконовский закон против кэбби, определяющий его обязанности перед публикой и в то же время подчиняющий оплату его поездок, его «экипаж», его лошадей и его нравственность законодательному регулированию парламентом. По-видимому, имелось в виду насильно превратить кэбби в образчик британской респектабельности. Нынешнее поколение не может обойтись без того, чтобы не сотворить по крайней мере одну добродетельную и бескорыстную категорию граждан, и для этого были избраны кэбби. «Министерство всех талантов» настолько горело желанием провести в жизнь свой законодательный шедевр, что закон об извозчиках, едва пройдя через палаты, был уже введен в действие, прежде чем была готова хотя бы часть необходимых для этого условий. Никто не позаботился о том, чтобы лондонские *кади* имели под рукой точные копии новых правил и таблиц расстояний и рас-

ценок; вместо этого полицейские судьи получили в самой общей форме указания разрешать все конфликты, возникающие между кэбби и публикой. Таким образом, в течение двух недель мы были свидетелями разнообразного и возвышенного зрелища разыгравшейся перед судьями непрерывной борьбы между целой армией шестипенсовых Гемпденов[212] и «свирепыми» извозчиками; из них первые сражались за добродетель, а вторые — за деньги. День за днем кэбби читались нравоучения, им выносили приговоры, их заключали в тюрьму. Наконец, они убедились, что при новом тарифе они не в состоянии вносить своим хозяевам прежнюю арендную плату. Хозяева и извозчики собрались все вместе на свою mons sacer[213] — в Нэшионал-холл в Холборне, где и пришли к ужасному решению, приведшему к исчезновению на три дня извозчиков с улиц Лондона. Двух вещей они уже добились: во-первых, министерство в лице г-на Фицроя настолько изменило свой собственный закон, что почти аннулировало его; а во-вторых, восточный вопрос, датский coup d'e̲tat*, плохой урожай и надвигающаяся эпидемия холеры — все это исчезло перед лицом великой борьбы между общественной добродетелью, настаивавшей на. уплате шести пенсов за милю, и частным интересом, настаивавшем на уплате двенадцати пенсов.

«Забастовка» стоит в порядке дня. В течение этой недели бастовало 5000 углекопов в северных угольных районах, от 400 до 500 поденщиков—резчиков пробки в Лондоне, около 2000 рабочих, работавших у различных владельцев товарных пристаней на Темзе; забастовали и полицейские в Гулле, такая же попытка была сделана полицейскими Сити и всей столичной полицией, и, наконец, под боком у парламента забастовали каменщики, работавшие в капелле св. Стефана.

«Мир становится сущим раем для трудящихся, люди приобретают цену!» — восклицает «Times». В 1849, 1850, 1851 и 1852 гг., в то время как торговля неизменно росла, подъем промышленности достиг невиданных ранее размеров и прибыли непрерывно повышались, заработная плата в общем оставалась неизменной, а в большинстве случаев даже удерживалась на более низком уровне, установившемся в результате кризиса 1847 года. После того как эмиграция понизила численность населения, а повышение цен на предметы первой необходимости обострило аппетит народа, вспыхнули забастовки, благодаря которым заработная плата поднялась. И вот мир сделался сущим раем для рабочих — в глазах «Times». Чтобы райские

* — государственный переворот. *Ред.*

условия низвести до земных, фабричные лорды Ланкашира образовали ассоциацию с целью взаимной поддержки и совместной борьбы против требований народных масс. Но, не довольствуясь противопоставлением своего объединения объединению рабочих, буржуазия грозит прибегнуть к вмешательству закона, — закона, который продиктован ею же самой. О том, как это будет осуществляться, можно заключить из следующих злобных излияний газеты «Morning Post», органа либерального и любезного Пальмерстона.

«Если среди проявлений безнравственности есть вещи, которые особенно заслуживают того, чтобы за них *карали железной рукой,* то к этому относится система забастовок... Необходимо строгое и скорое наказание руководителей и главарей этих союзов. Не было бы никаким нарушением свободы продажи труда, если бы *этих людей подвергали наказанию розгами...* Глупо утверждать, что это было бы покушением на свободу продажи труда. Пока те, кто снабжает рынок труда, воздерживаются от действий, подвергающих опасности интересы страны, *им можно предоставить* самим договариваться об условиях своего найма с работодателями».

В известных, обусловленных обстоятельствами пределах трудящимся будет дана возможность воображать, что они являются свободными контрагентами производства и что их договоры с хозяевами заключены по обоюдному соглашению. Но лишь только они будут выходить за эти пределы, их открыто будут принуждать работать на условиях, предписанных парламентом, этим постоянным объединенным комитетом правящих классов против народа. Глубокомыслие и философский ум пальмерстоновского органа любопытным образом обнаружились в его вчерашнем открытии, согласно которому «из всех классов этой страны наиболее трудно живется *беднякам из высших кругов»,* бедным аристократам, которым приходится ездить в наемных экипажах, а не в собственных «каретах».

Нас уверяют, что как весь мир вообще, так, в частности, и Ирландия становится сущим раем для трудящихся в результате голода и массового выезда населения. Если заработная плата в Ирландии действительно столь высока, почему же тогда ирландские трудящиеся массами перебираются в Англию для постоянного поселения по эту сторону «пруда»[214], в то время как раньше они каждый раз возвращались обратно после окончания полевых работ? Если социальные условия, в которых живет ирландский народ, настолько улучшились, чем же в таком случае объясняется столь страшный рост среди него психических заболеваний, начиная с 1847 и в особенности с 1851 года? Взгляните на нижеследующие данные, взятые из «Шестого отчета окружных уголовных и частных домов для умалишенных в Ирландии»:

	Общее число принятых в дома	Из них: мужчин	женщин
1851 г.	2584	1301	1283
1852 г.	2662	1276	1386
1853 г., март	2870	1447	1423

И это та самая страна, в которой знаменитый Свифт, основатель первого в Ирландии дома для умалишенных[215], сомневался, удастся ли найти всего-навсего 90 сумасшедших!

Чартистская агитация, возобновленная Эрнестом Джонсом, энергично развивается; 30-го текущего месяца состоится огромный митинг лондонских чартистов на открытом воздухе на Кеннингтон-коммон, как раз в том месте, где происходило знаменитое собрание 10 апреля 1848 года[216].

Г-н Коббет взял обратно свой билль о рабочем дне на фабриках, дав понять, что он намерен вновь внести его в начале следующей сессии.

Что же касается перспектив для английских финансов и для Англии в целом, то «Manchester Guardian» в передовой статье от 27-го настоящего месяца, полностью подтверждает мои предварительные предположения, высказываясь следующим образом:

«Редко, можно сказать, когда-либо наша коммерческая атмосфера была столь насыщена элементами неуверенности, способными возбудить *беспокойство.* Мы умышленно употребляем этот мягкий термин. В любой период до отмены хлебных законов и до общего Принятия политики свободы торговли мы употребили бы более сильное выражение — *серьезной тревоги.* Указанными элементами являются, во-первых, предполагаемый неурожай, во-вторых, отлив золота из подвалов банка и, в-третьих, большая вероятность войны».

Последняя из конституций 1848 г. уничтожена ныне в результате coup d'etat, совершенного датским королем. Стране дарована конституция в русском духе, и в силу отмены Lex Regia Дания обречена на то, чтобы стать русской провинцией[217]. В одной из своих ближайших статей я охарактеризую положение дел в этой стране*.

«Наша политика направлена к тому, чтобы в течение ближайших четырех месяцев ничего не произошло, и я надеюсь, что нам это удастся, *ибо люди, вообще говоря, предпочитают выжидать.* Но пятый месяц должен быть богат событиями».

Так писал 28 ноября 1828 г. граф Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, и граф Нессельроде действует теперь согласно

* См. настоящий том, стр. 245—247. *Ред.*

этому же правилу. Дополнив военный захват Дунайских княжеств захватом их гражданского управления, посылая одну войсковую часть за другой в Бессарабию и в Крым, Россия в то же самое время намекнула Австрии, что ее посредничество, может быть, будет принято, а Бонапарту дала понять, что его предложения, возможно, найдут благоприятный прием у царя. Министрам в Париже и Лондоне нарисовали приятную перспективу: Николай, наконец, милостиво соизволит принять их извинения. Дворы Европы, подобно султаншам, с замиранием сердца ждали, кому из них бросит платок великодушный повелитель всех правоверных. Продержав их таким образом в состоянии такого напряженного ожидания ряд недель или даже месяцев, Николай вдруг объявил, что ни Англия, ни Франция, ни Австрия, ни Пруссия не должны вмешиваться в его конфликт с Турцией и что переговоры с ней может вести только он один. Очевидно, он именно для того и отозвал свое посольство из Константинополя, чтобы облегчить эти самые переговоры с Турцией. Но в то время как, с одной стороны, он объявляет, что державы не должны вмешиваться в дела России, с другой стороны, представители Франции, Англии, Австрии и Пруссии, как мы узнаем, убивают время на совещании в Вене, вынашивая проекты разрешения восточного вопроса, причем ни турецкий, ни русский посол не принимают участия в этих смехотворных переговорах. 8 июля султан назначил министерство из сторонников войны, чтобы избавиться от состояния вооруженного перемирия, но лорд Редклифф заставил его в тот же вечер дать этому кабинету отставку. Это настолько лишило султана присутствия духа, что он намерен послать в С.-Петербург австрийского курьера, чтобы запросить царя, не возобновит ли он прямые переговоры. От возвращения этого курьера и ответа, который он привезет, будет зависеть поездка в С.-Петербург самого Решид-паши. Из С.-Петербурга он должен будет послать в Константинополь проект новых нот; эти новые ноты пойдут затем обратно в С.-Петербург, и ничего не будет решено до того, как последний ответ вновь вернется из С.-Петербурга в Константинополь. А тем временем наступит пятый месяц, и никакой флот не сможет войти в Черное море. Царь тогда преспокойно перезимует в Дунайских княжествах, где он оплачивает свои расходы теми же обязательствами, которые и по сей день еще циркулируют здесь со времени его прежних оккупации, начиная с 1820 года.

Известно, что сербский министр Гарашанин был отстранен от своего поста по настоянию России. Ободренная этой первой победой, Россия настаивает теперь на отставке всех антирусски

настроенных офицеров. Эту меру предполагается распространить также на царствующего князя Александра, чтобы заменить его князем Михаилом Обреновичем, послушным орудием России и русских интересов. Стремясь избежать этого бедствия, а отчасти действуя так под влиянием Австрии, князь Александр пошел против султана и объявил, что желает сохранять строгий нейтралитет. Русские интриги в Сербии следующим образом изображаются в парижской газете «Presse»:

«Всем известно, что русское консульство в Оршове—захудалом селении, в котором не проживает ни одного русского подданного и которое расположено в самой гуще сербского населения, — влачит весьма жалкое существование, но все же является в настоящее время очагом московитской пропаганды. Судебным расследованием установлено, что Россия причастна как к Браиловскому делу 1840 г., так и к делу Иоанна Лутцо 1850 г., равно как и к недавнему делу об аресте четырнадцати русских офицеров, послужившему причиной отставки министерства Гарашанина. Точно так же известно, что князь Меншиков во время своего пребывания в Константинополе вел через своих агентов подобного же рода интриги в Бруссе и Смирне, равно как и в Салониках, Албании и Греции».

Нет более примечательной черты в русской политике, чем это традиционное постоянство не только в целях, но и в способах их достижения. В теперешнем восточном вопросе нет ни одного осложнения, ни одних переговоров, ни одной официальной ноты, которые не носили бы на себе печать повторения уже известных страниц истории.

В своих теперешних претензиях к султану Россия может сослаться только на Кайнарджийский договор, хотя этот договор отнюдь не предоставлял царю протектората над его единоверцами, но лишь дал ему право соорудить церковь в Стамбуле и взывать к милосердию султана в отношении его христианских подданных. Это совершенно правильно отметил Решид-паша, возражая царю в своей ноте от 14-го числа. Но уже в 1774 г., когда подписывался этот договор, Россия имела намерение рано или поздно истолковать его в том смысле, как он был истолкован ею в 1853 году. Тогдашний австрийский интернунций при Оттоманской Порте, барон Тугут, писал в 1774 г. своему двору:

«Отныне Россия будет всегда в состоянии каждый раз, когда она сочтет момент благоприятным, и без особых предварительных приготовлений, направить из своих портов в Черном море десант против Константинополя. В этом случае, без сомнения, был бы приведен в исполнение заговор, заранее подготовленный совместно с главами православной церкви, и султану не осталось бы ничего иного, как, при первом известии о приближении русских, покинуть свой дворец, бежать в глубь Азии, предоставив трон Европейской Турции более опытному властителю. Как только будет завоевана столица, террор и ревностная поддержка православных христиан, без сомнения, с легкостью обеспечат переход под русский скипетр всего

Архипелага, побережья Малой Азии и всей Греции до берегов Адриатики. Обладание этими столь щедро одаренными природой странами, с которыми по богатству и плодородию почвы не может сравниться никакая другая часть света, приведет Россию к такому могуществу, которое затмит все чудеса, рассказываемые историей про великолепие древних монархий».

Россия пыталась уже в 1774 г., как и в настоящее время, возбудить честолюбие Австрии перспективой присоединения к ней Боснии, Сербии и Албании. Тот же барон Тугут пишет об этом следующее:

«Подобного рода расширение границ Австрии не вызвало бы зависти со стороны России. Причины этого состоят в том, что присоединение Австрией Боснии, Сербии и т. д., которое при других обстоятельствах очень много значило бы для России, было бы для нее весьма безразлично после того, как в ее руки попала бы остальная часть Оттоманской империи. Ведь жители этих провинций почти исключительно мусульмане и православные: первых не стали бы здесь терпеть в качестве постоянных жителей, последние же, принимая во внимание близкое соседство Восточной Российской империи, не замедлили бы переселиться туда; а если бы они и остались на месте, то их неверность Австрии явилась бы причиной продолжительных беспорядков. Таким образом расширение территории, но без внутреннего усиления, не только не упрочило бы власти австрийского императора, а способствовало бы ее ослаблению».

Желая продемонстрировать традиционную политику России вообще и, в частности, ее виды на Константинополь, политики обычно ссылаются на завещание Петра I[218]. Но они могли бы пойти еще дальше в глубь истории. Более восьми веков тому назад Святослав, тогда еще языческий великий князь Руси, заявил, собрав своих бояр, что «под владычество Руси должна перейти не только Болгария, но и греческая империя в Европе, а также Богемия и Венгрия». Святослав завоевал Силистрию и угрожал Константинополю в 968 г. н. э., так же как Николай в 1828 году. Вскоре после основания русской империи династия Рюриковичей перенесла свою столицу из Новгорода в Киев для того, чтобы быть ближе к Византии. В одиннадцатом веке Киев подражал во всем Константинополю, и его называли *вторым Константинополем;* в этом названии нашли свое выражение вековые стремления России. Религия и цивилизация России — византийского происхождения, и ее стремление подчинить себе Византийскую империю, находившуюся тогда в таком же состоянии упадка, как теперь Оттоманская империя, было гораздо более естественным, чем стремление германских императоров завоевать Рим и Италию. Поэтому однообразие целей русской политики обусловлено ее историческим прошлым, ее географическим положением, необходимостью для нее иметь открытые гавани в Архипелаге, как и в Балтийском море, если она хочет удержать свое верховенство

в Европе. Но традиционные приемы, при помощи которых Россия преследует свои цели, далеко не заслуживают того восхищения, с которым к ним относятся европейские политики. Если успех этой традиционной политики является доказательством слабости западных держав, то однообразие и шаблонность этой политики свидетельствуют о внутреннем варварстве России. Кому не показалось бы курьезным, если бы Франция пожелала основывать свою политику на завещании Ришелье или капитуляриях Карла Великого?[219] Если просмотреть самые знаменитые документы русской дипломатии, то приходишь к заключению, что как бы тонко, хитроумно, искусно и ловко ни умела она отыскивать слабые стороны европейских монархов, министров и дворов, при всей ее мудрости она всякий раз становилась в тупик, когда нужно было понять исторические движения самих западноевропейских народов. Князь Ливен обнаружил совершенно правильное понимание характера доброго Абердина, когда рассчитывал на его уступчивость по отношению к царю, но он основательно ошибся в своем суждении об английском народе, когда предсказывал продолжение господства тори накануне развернувшегося в 1831 г. движения за реформу. Граф Поццо-ди-Борго вполне правильно судил о Карле **X**, но совершенно ложно оценивал французский народ, когда побуждал своего «августейшего повелителя» вступить в переговоры насчет раздела Европы с этим королем накануне его изгнания из Франции. Русская политика со своими традиционными кознями, хитростями и уловками может поймать в свои сети европейские дворы, которые сами являются всего лишь традицией прошлого, но она совершенно бессильна против революционных народов.

В Бейруте американцы вырвали еще одного венгра из когтей австрийского орла. Приятно видеть, что американское вмешательство в европейские дела начинается именно с восточного вопроса. Помимо торгового и военного значения, которое имеет Константинополь в силу своего местоположения, существует еще ряд других, исторических соображений, которые делают вопрос об обладании этим городом предметом постоянного горячего спора между Востоком и Западом. Америка же является самой юной и сильной представительницей Запада.

Константинополь, это — вечный город, это — Рим Востока. Западная цивилизация и восточное варварство при господстве старинных греческих императоров, восточное варварство и западная цивилизация при господстве турок так тесно переплелись между собой, что этот центр теократической империи стал серьезной преградой для европейского прогресса. Когда

греческие императоры были вытеснены иконийскими султанами[220], дух старой Византийской империи пережил эту перемену династий, и если султан когда-нибудь будет замещен царем, то Bas-Empire* возродится вновь; она будет оказывать тогда еще более деморализующее влияние, чем при старинных императорах, и станет более агрессивной силой, чем при султане. Царь дал бы византийской цивилизации ту опору, которую давали императорам Восточной Римской империи в течение веков русские искатели приключений, составлявшие corps de garde** их вооруженных сил. Борьба между Западной Европой и Россией за обладание Константинополем заключает в себе вопрос о том, падет ли византинизм перед западной цивилизацией или же антагонизм между ними снова оживет в более ужасных и насильственных формах, чем когда-либо раньше. Константинополь, это — золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг света, не пройдя через этот мост; а через этот мост нельзя пройти без борьбы с Россией. В руках султана Константинополь — это лишь залог, отданный во временное владение до востребования революцией, и нынешние номинальные властители Западной Европы, которые, со своей стороны, видят на берегах Невы последний оплот своего «порядка», не могут сделать ничего иного, как оставить вопрос нерешенным до тех пор, пока Россия не очутится лицом к лицу со своим настоящим противником — революцией. Революция, которая ниспровергнет западный Рим, одолеет и демоническое влияние восточного Рима.

Те из читателей, которые знакомы с моими статьями о революции и контрреволюции в Германии, написанными для «Tribune» около двух лет тому назад[221], и которые желают получить наглядное представление о революции, пусть посмотрят картину г-на *Хазенклевера,* выставленную сейчас в Хрустальном дворце в Нью-Йорке; она изображает вручение петиции рабочих городским властям Дюссельдорфа в 1848 году. То, что писатель мог только проанализировать, выдающийся художник воспроизвел со всем драматизмом и жизненной силой.

Написано К, Марксом 29 июля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3844, 12 августа 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты.

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

* — Восточная Римская империя, Византия. *Рвд.*
** — гвардейский корпус. *Ред.*

К. МАРКС

* В ПАЛАТЕ ОБЩИН.—ПРЕССА О ВОСТОЧНЫХ ДЕЛАХ. — ЦАРСКИЙ МАНИФЕСТ. — ДАНИЯ

Лондон, вторник, 2 августа 1853 г.

На улицах Лондона снова появились извозчики. В прошлую субботу кэбби отказались от своей системы пассивного сопротивления. Тем временем парламент продолжает уничтожать великий акт своей нынешней сессии, устраняя шаг за шагом всякий casus belli между кэбби и палатой общин*.

В пятницу прошел в последнем чтении билль об Индии, после того как предложения министерства о повышении окладов членам, председателю и вице-председателю Совета директоров были отклонены и оклады директоров были снижены до 900 ф. ст., а председателю и вице-председателю до 1000 фунтов стерлингов. Специальное заседание Совета акционеров Ост-Индской компании, состоявшееся в прошлую пятницу, представляло в высшей степени мрачное зрелище. Унылые восклицания и речи ясно выдавали опасения достойных собственников-акционеров, почуявших, что добрые времена, когда индийская империя *была* их собственностью, по-видимому, миновали. Один достопочтенный джентльмен заявил о своем намерении внести на рассмотрение палаты общин резолюцию, отвергающую настоящий билль, объявляющую от имени акционеров и директоров об их отказе от той роли, которая предназначена им этим министерским мероприятием. Забастовка почтенных акционеров и директоров Ост-Индской компании! Не правда ли, какое поразительное зрелище! Английская палата общин, отменив соляную монополию Компании, сделала первый шаг к установлению своего непосредственного управления финансами Индии.

* См. настоящий том, стр. 232—233. *Ред.*

Вчера на заседании парламентского комитета был проведен билль о морских волонтерах прибрежной службы. Цель этого мероприятия заключается в том, чтобы создать соединение численностью в 10000 человек, которые будут ежегодно в течение четырех недель проходить военное обучение по обороне британских берегов. Так же, как при службе в милиции, эти волонтеры получат специальное вознаграждение в размере 6 фунтов стерлингов. Их служба должна будет ограничиваться пятью годами в мирное время и шестью в периоды военной опасности. Во время службы они будут получать жалованье, как матросы 1-й статьи, а на протяжении последнего года — дополнительно надбавку в два пенса в день. В мирное время их нельзя удалять от берега дальше, чем на 50 лиг[*], в период военной опасности дальше, чем на 100 лиг.

Билль о лендлордах и арендаторах в Ирландии также прошел вчера вечером в третьем чтении. Была добавлена одна важная поправка в пользу арендаторов, а именно — запрещение лендлордам захватывать и продавать урожай арендатора, находящийся на корню.

Г-н Кобден опубликовал брошюру о происхождении бирманской войны[222].

Боязнь неурожая во Франции настолько велика, что правительство Луи Бонапарта договорилось с синдикатом парижских булочников о небольшом снижении в первой половине августа цен на хлеб, несмотря на неуклонное повышение цен на муку на Halle aux blеs[**]. Булочники должны быть впоследствии компенсированы повышением цен.

«Это», — пишет «Economist», — «заговор французского правительства, имеющий целью обманным путем внушить народу уверенность, что урожай не так плох, как в действительности».

День за днем на столбцах печати в большом количестве появляются противоречивые сообщения о восточных делах, фабрикуемые в Вене и Берлине, частично русскими агентами с целью ввести в заблуждение французскую и английскую публику относительно действий России, частично по специальным заказам из Парижа в целях биржевых спекуляций. Однако заявление, опубликованное в сегодняшнем номере «Morning Post», заслуживало бы внимания, если бы этот орган Пальмерстона так часто не злоупотреблял подобными угро-

[*] Морская лига равна 5,56 *км. Ред.*
[**] — хлебном рынке (в Париже). *Ред.*

зами, к которым он сегодня прибегает только для того, чтобы завтра взять их обратно.

«Либо к 10 августа вопрос целиком будет разрешен мирным путем, либо соединенные эскадры получат приказ направиться в Босфор, а возможно и в Черное море. На смену терпеливым переговорам придут энергичные действия, и страх перед опасностью больше не помешает пустить в ход действенные средства, которые могут стать необходимыми во имя безопасности. Если царь примет сделанное ему в настоящее время предложение, то в качестве первого условия будет значиться *немедленная* эвакуация Дунайских княжеств».

«Morning Post» утверждает далее, что представители Англии, Франции, Австрии и Пруссии* 24 июля договорились относительно пунктов *ультиматума,* который немедленно был направлен в С.-Петербург[223]. Это утверждение, однако, противоречит последним заявлениям лорда Кларендона и лорда Джона Рассела, упоминавших лишь о совместной ноте Франции и Англии; к тому же оно совершенно игнорируется французской прессой. Однако как бы там ни было, оно означает, но крайней мере, что в кабинете министров партия Пальмерстона предъявила ультиматум доброму Абердину, на который он должен ответить 10 августа.

Видимо считается, что совещаний в Вене и Константинополе недостаточно, так как из «National-Zeitung»[224] мы узнаем, что теперь должно заседать совещание в Берлине. Чтобы обеспечить это совещание необходимым «материалом» для обсуждения, русский император соизволил заявить, что при всей своей готовности отказаться от оккупации Дунайских княжеств в качестве материальной гарантии, обеспечивающей интересы его единоверцев, он теперь вынужден удерживать княжества в качестве гарантии возмещения расходов, связанных с нынешней их оккупацией. В то время как князь Горчаков провозгласил в своих прокламациях, что Россия обязывается воздерживаться от какого-либо вмешательства в прерогативы законных властей в княжествах, царь издает указ, запрещающий господарям Молдавии и Валахии платить какую-либо дань турецкому правительству или поддерживать с ним какие-либо отношения. По получении этого предписания господарь Валахии уведомил русского консула в Бухаресте, что он уже отослал султану денежную дань, на что консул ответил: c'est de l'argent perdu**; это означает, что господарю придется снова уплатить эту сумму России.

* — Уэстморленд, Буркене, Буоль-Шауэнштейн и Арним. *Ред.*
** — это потерянные деньги. *Ред.*

Газета «Patrie» во вчерашнем номере сообщает, что трое из наиболее влиятельных молдавских бояр со специального разрешения господаря выехали из Ясс в Петербург, чтобы сделать царю представление по поводу поведения русских солдат, которые, в нарушение торжественного обещания, данного Порте, держат себя в Дунайских провинциях как в завоеванной стране и совершают там бесчисленные акты вымогательства. Русских, безусловно, нельзя обвинить в том, что они преследуют какие-либо пропагандистские цели в княжествах путем завоевания там себе популярности.

Россия продолжает вооружаться, так же открыто афишируя это, как и прежде. Газета «Hamburger Nachrichten»[225] опубликовала следующий манифест императора, изданный в Петербурге 23 июля:

«Божьей милостью мы, Николай I, манифестом нашим от 1 (13) августа 1834 г., установив ежегодные частные по государству рекрутские наборы, повелеваем:

1. Для укомплектования сухопутных войск и флота произвести десятый частный рекрутский набор с губерний восточной полосы Империи, полагая с 1000 душ по 7 рекрутов в соразмерность с бывшим в 1852 г. набором в губерниях западной полосы.

2. Независимо от сего взять с губерний восточной полосы по 3 рекрута с 1000 в число 6 человек, которых эта полоса в предшествовавшие наборы поставила менее противу западной.

3. С губерний Псковской, Витебской и Могилевской, которые манифестами от 31 октября 1845 г. и 26 сентября 1846 г. по случаю урожая были изъяты от поставки рекрутов, собрать в 1853 г. с 1000 душ по 3 рекрута. С евреев Витебской и Могилевской губерний взять, наравне с евреями прочих губерний, по 10 человек с 1000.

4. Сбор рекрутов начать с 1 ноября и кончить к 1 декабря. Дан в Санкт-Петербурге

Николай I».

Манифест дополнен двумя указами, в которых определяются детали проведения этого нового и чрезвычайного рекрутского набора. Согласно второму указу, кроме вышеперечисленных губерний, набор будет также проведен среди однодворцев[226] и горожан в губерниях Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской.

Корреспондент газеты «Hamburger» сообщает следующее:

«Вооружение внутри империи непрерывно продолжается. Запасные батальоны 4-го пехотного корпуса сосредоточиваются близ Тулы. Мы узнаем из приказа по одной из воинских частей, что гвардия и гренадеры попрежнему находятся в лагерях под Красным Селом и близ Пудости, неподалеку от Гатчины. Полевые маневры этих двух корпусов, насчитывающих до 100000 человек, продолжаются».

Стокгольмская газета «Post Zeitung» в номере от 16 июля сообщает, что русский император отдал приказ вооружить

и снабдить припасами Балтийский флот, состоящий из 20 линейных кораблей и 15 фрегатов. «Kolnische Zeitung» от 29 июля пишет:

«Досрочное возвращение датско-шведского флота до окончания его маневров объясняется тем, что командующий получил приказ немедленно привести корабли на ремонт в Балтийское море».

Сегодня как французские газеты, так и газета «Morning Chronicle» помещают телеграфную депешу из Вены от 3 июля, в которой сообщается, что Америка предложила Порте денежную помощь и действенную поддержку.

Впечатление, которое производит на умы континентальной публики угрожающая позиция России в сочетании с внушающими тревогу видами на урожай, наиболее ярко отразил журнал «Economist» в следующих словах:

«Царь вновь вызвал к жизни революционные стремления и надежды в Европе; мы читаем о заговорах в Австрии, о заговорах в Италии, о заговорах во Франции. Здесь начинают больше опасаться новых революционных беспорядков, чем объявления правительствами войны».

Один хорошо осведомленный датский господин, только что прибывший в Лондон из-за опасения заболеть холерой, свирепствующей в настоящее время с такой силой в Копенгагене, что ею поражено уже 4000 человек и не менее 15000 человек просят выдать паспорта для выезда из столицы Дании, сообщил мне, что королевский рескрипт о престолонаследии был принят главным образом потому, что от голосования воздержалась большая часть эйдерменовцев[227], надеявшаяся своей пассивной позицией предотвратить кризис. Однако кризис, которого они опасались, обрушился на них в виде октроированной конституции, направленной в первую очередь против «друзей крестьян»[228], партии, при поддержке которой датская корона ранее добилась успехов в вопросе о престолонаследии. Поскольку я намерен вернуться к этой теме в особой статье*, я укажу здесь лишь на то, что датское правительство представило на рассмотрение объединенного сейма (ландстинга вместе с фолькетингом) ноты, которыми оно обменялось с великими державами по поводу своих предложений.

Наибольший интерес из этих документов, особенно в настоящий момент, представляют собой ноты Англии и России. «Молчаливый» Кларендон не только одобряет королевский рескрипт, но прозрачно намекает датскому правительству на то, что оно

* См. настоящий том, стр. 250—251. *Ред.*

не могло бы дальше существовать, имея прежнюю демократическую конституцию со всеобщим избирательным правом и без чего-либо вроде палаты лордов. Поэтому молчаливый Кларендон взял на себя инициативу поощрить и спровоцировать осуществление в Дании — в интересах России — coup d'etat*. Русская нота, адресованная графом Нессельроде барону Унгерн-Штернбергу, после обзора статей Лондонского договора, подписанного 8 мая 1852 г.[229], заканчивается такими словами:

«Договор 8 мая формально не предписывает, чтобы Lex Regia был отменен; такая статья была бы невозможна в договоре, заключенном между независимыми государствами. Она противоречила бы дипломатической практике, и более того — тому уважению, какого заслуживает суверенитет и достоинство датской короны. Но державы, давая согласие на возвращение короне территорий взамен отказа от условий Lex Regia в том случае, когда этого потребует необходимость, и обещая свою поддержку, естественно были вынуждены предоставить его величеству королю Дании выбор наиболее подходящих средств для осуществления законодательным путем этой цели. Его величество, воспользовавшись своей королевской прерогативой, выразил свое намерение установить для всех подвластных ему земель такой порядок престолонаследия, при котором в случае, если мужская линия потомков Фредерика III угаснет, все притязания, проистекающие из статей 27 и 40 Lex Regia должны будут считаться недействительными и на престол должен быть призван принц Кристиан Глюксбургский. Корона Дании будет закреплена за ним и его потомками мужского пола от его брака с принцессой Луизой Гессенской. Таковы условия, изложенные в королевском рескрипте от 4 октября 1852 года. Они выражают взгляды, которые, по крайней мере для императорского правительства, служили основой при настоящих переговорах. С точки зрения императорского кабинета они представляют единое целое и не могут быть урезаны, ибо, как нам это представляется, отмена статей 27 и 40 Lex Regia является естественным следствием и условием sine qua non** не только порядка, в силу которого на престол призывается принц Кристиан Глюксбургский и его наследники, но также и принципа, установленного в преамбуле договора, а именно, что наиболее надежным средством сохранить неприкосновенность Датской монархии является такое положение, при котором во всех землях, подвластных ныне Дании, престол наследуют лишь представители мужской линии... В статье II договора державы объявляют, что они признают на вечные времена принцип неприкосновенности Датской монархии... Они определенно заявили о своем намерении общими усилиями помешать повторению осложнений, которыми был столь несчастливо отмечен истекший год... Прекращение мужской линии принца Кристиана Глюксбургского безусловно восстановило бы в силе эвентуальные права, от которых его императорское величество отказался в свое время в пользу принца. Однако инициатива, намеренно предоставленная в этом деле королю Дании, а также сотрудничество трех великих держав в вышеуказанном случае, если оно будет осуществлено, ограждают датских патриотов от чьих-либо честолюбивых замыслов и стремлений, ныне существующих разве только в их собственном воображении».

---

* — государственного переворота. *Ред.*
** — непременным. *Ред.*

Россия таким образом дает понять, что временную отмену Lex Regia, предусмотренную договором от 8 мая, следует толковать как отмену на все времена, а отказ русского императора на все времена от своих прав является только временным отказом, но что датские патриоты могут отныне уповать на защиту неприкосновенности своей страны европейскими державами. Разве они не являются свидетелями того, как защищается неприкосновенность Турции после подписания договора 1841 года!

Написано К. Марксом 2 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3847, 16 августа 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

НАЛОГ НА ОБЪЯВЛЕНИЯ. — ДЕЙСТВИЯ РОССИИ. — ДАНИЯ. — СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В ЕВРОПЕ [230]

Лондон, пятница, 5 августа 1853 г.

Закон об отмене налога на объявления вчера вечером получил королевскую санкцию и сегодня вступает в силу. Ряд утренних газет уже опубликовал сокращенные расценки на различные объявления.

Рабочие лондонских доков объявили забастовку. Компания прилагает усилия, чтобы набрать новых людей. Ожидают, что между старыми и вновь нанятыми рабочими возникнет столкновение.

Русский император нашел новый повод для удержания в своих руках Дунайских княжеств. Отныне они нужны ему уже не как материальная гарантия его духовных устремлений и не для возмещения издержек по их оккупации — нет, теперь он должен их удерживать ввиду «внутренних беспорядков», согласно условиям Балта-Лиманского договора[231]. И так как русские действительно перевернули в княжествах все вверх дном, наличие внутренних беспорядков отрицать не приходится. На заседании палаты лордов от 2 августа лорд Кларендон подтвердил то, что я писал в своей последней статье о запрещении господарям пересылать в Константинополь причитающуюся с них дань и вообще поддерживать дальнейшие отношения с Турцией*. С особой торжественностью и с преисполненным важности видом лорд Кларендон заявил о том, что он

«предпишет сэру Гамильтону Сеймуру через курьера, выезжающего из Лондона сегодня вечером, потребовать у русского кабинета *объяснений,* на которые Англия имеет право».

---

* См. настоящий том, стр. 243. *Ред.*

Пока Кларендон шлет гонцов в С.-Петербург с требованием *объяснений,* газета «Patrie» печатает в сегодняшнем номере известие из Ясс от 20-го прошлого месяца о том, что русские укрепляют Бухарест и Яссы; что господари Молдавии и Валахии поставлены под надзор русского контрольного органа, состоящего из трех человек; что с населения взимается контрибуция натурой и что некоторые непокорные бояре забраны в русские полки. Таково «объяснение» прокламации князя Горчакова, согласно которой

«его августейший повелитель не намеревается изменять правительственные учреждения страны, я присутствие его войск не возложит на население никаких новых поборов и тягот».

На состоявшемся в тот же день заседании палаты общин лорд Джон Рассел, отвечая на вопрос лорда Дадли Стюарта, заявил, что четыре державы договорились в Вене совместно обратиться к царю с предложением, «приемлемым» как для России, так и для Турции, и что это предложение передано уже в С.-Петербург. Отвечая г-ну Дизраэли, лорд Дж. Рассел сказал:

«Это предложение является фактически *австрийским,* хотя оно первоначально исходило от французского правительства».

Это французское по происхождению, но натурализованное в Австрии предложение выглядит весьма подозрительно, и «Neue Preusische Zeitung»[232] дает по этому поводу в одном письме из Вены следующее пояснение:

«Русский и австрийский кабинеты окончательно сговорились между собой не допускать преобладания английского влияния на Востоке».

По поводу *объяснений* коалиционного министерства «Англичанин»[*] замечает, что это министерство «величественно в своем унижении, могущественно в своем бессилии и в высшей степени красноречиво в своем молчании».

В случае русификации Молдавии и Валахии Галиция, Венгрия и Трансильвания превратились бы в русские «enclaves»[**].

Я говорил в одной из предыдущих статей о «тайном кладе» Петербургского банка, представляющем собой его металлический запас, который обеспечивает обращение тройного количества денежных бумажных знаков[***]. И вот русский военный-

---

[*] — А. Ричардс. *Ред.*

[**] — «владения, вкрапленные в чужую территорию». *Ред.*

[***] См. настоящий том, стр. 122. *Ред.*

ный министр[*] возбудил ходатайство о переводе части этого запаса в кассу военного ведомства. Так как министр финансов[**] возражал против этого, император лично обратился к святейшему синоду, блюстителю церковной собственности, за ссудой в 60 миллионов рублей. В то время как царь испытывает нужду в деньгах, его войска испытывают угрозу для своего здоровья. Из достоверного источника сообщают, что войска, оккупирующие Дунайские княжества, во время похода жестоко страдали от жары, что число больных среди них необычайно велико и что множество частных домов в Бухаресте и Яссах превращены в госпитали.

«Times» выступил вчера против честолюбивых планов России в отношении Турции, но в то же время попытался прикрыть ее интриги в Дании. «Times» работает на своего августейшего повелителя даже тогда, когда делает вид, что ссорится с ним.

«Мы не верим», — говорит «Times», — «утверждениям, будто русскому кабинету удалось подчинить своему влиянию копенгагенский двор, и считаем совершенно ошибочным мнение, будто датское правительство под русским влиянием предпринимает шаги к отмене или урезыванию конституции 1849 года. Датское правительство опубликовало, правда, законопроект, или набросок законопроекта, о *некоторых видоизменениях* действующей ныне *конституции,* но этот законопроект будет представлен на обсуждение и голосование палат, как только они соберутся вновь; он отнюдь не вводится в действие властью короля».

Расчленение законодательного собрания на четыре обособленных провинциальных феодальных сейма, отмена его права самому решать вопрос о налогообложении, ликвидация всеобщего избирательного права, уничтожение свободы печати, возрождение вместо свободной конкуренции замкнутых цехов, лишение всех чиновников, то есть единственного образованного класса Дании, права избираться в представительные органы без специального королевского разрешения — все это называется «некоторыми видоизменениями конституции»! С таким же основанием можно назвать рабство небольшим видоизменением свободы. Правда, датский король не осмелился обнародовать этот новый «основной закон» как закон. Он лишь послал палатам, по примеру восточных султанов, шелковый шнурок с приказанием удавиться. Подобного рода предложение уже содержит угрозу проведения его силой в случае отказа добровольно ему подчиниться. Так обстоит дело с

[*] — Долгоруков. *Ред.*
[**] — Брок. *Ред.*

«некоторыми видоизменениями конституции». Теперь о «русском влиянии».

Каким образом возник конфликт между датским королем и датскими палатами? Король предложил отменить Lex Regia, то есть существующий закон о престолонаследии в Дании. Кто побудил его сделать этот шаг? Россия, как вы это видели из ноты графа Нессельроде от 11 мая 1853 г., приведенной в моей последней статье. Кто выиграет от отмены Lex Regia?[233] Никто, кроме России. Lex Regia допускает наследование трона представителями царствующей династии по женской линии. С отменой его родственники по мужской линии могут отклонить претензии на наследование престола со стороны всех родственников по женской линии, до сих пор стоявших на их пути. Вы знаете, что Датское королевство, кроме собственно Дании, то есть островов и Ютландии, включает в себя также и два герцогства — Шлезвиг и Гольштейн. Престолонаследие и в самой Дании и в Шлезвиге регулируется Lex Regia, тогда как герцогство Гольштейн, будучи германским леном, передается исключительно по мужской линии, в соответствии с Lex Salica[234]. С отменой Lex Regia порядок престолонаследия в Дании и Шлезвиге станет таким же, как в германском герцогстве Гольштейн, и русский император, имеющий ближайшие права на Гольштейн как представитель Гольштейн-Готторпского дома[235], приобретает, в качестве старшего родственника по мужской линии, также право выступать как непосредственный претендент на датский престол. В 1848—1850 гг. при поддержке русских нот и русского флота Дания вела борьбу с Германией за сохранение Lex Regia, не позволявшего объединить Шлезвиг с Гольштейном и отделить герцогство от Дании. Одержав победу над германской революцией под предлогом защиты Lex Regia, царь отменой того же закона конфискует демократическую Данию. Скандинавы и немцы, таким образом, на опыте узнали, что каждый из них не должен основывать свои национальные претензии на феодальных законах престолонаследия. Опыт еще больше показал им, что, ссорясь друг с другом, вместо того чтобы быть союзниками, немцы и скандинавы — представители одной и той же великой расы — лишь прокладывают путь для своих традиционных врагов — славян.

Крупнейшим событием дня является появление американской политики на европейском горизонте. Приветствуемый одними и встречаемый с ненавистью другими, этот факт признается всеми.

«Австрия должна стремиться к разделу Турецкой империи, чтобы вознаградить себя за возможную потерю своих итальянских провинций —

перспектива, которая отнюдь не стала менее вероятной после ссоры с дядей Сэмом, которую она имела глупость затеять. Присутствие американской эскадры в Адриатическом море чрезвычайно осложнило бы дело в случае итальянского восстания, а мы вполне можем дожить до такого сюрприза, ибо англосаксонский дух еще не умер на Западе».

Так пишет «Morning Herald», старый орган английской аристократии.

«Инцидент с Костой», — говорит парижская газета «Presse», — «еще далеко не исчерпан. Нам сообщают, что венский кабинет потребовал у вашингтонского кабинета удовлетворения, которого он конечно не получит. А пока Коста остается под охраной французского консула».

Венская газета «Presse» бормочет:

«Мы должны избегать встречи с янки, этим наполовину пиратом, наполовину лесным человеком, и уж во всяком случае никак не джентльменом».

Немецкие газеты ворчат по поводу тайного договора, заключенного будто бы между Соединенными Штатами и Турцией на следующих условиях: Турция получаст деньги и морскую помощь, а Соединенные Штаты — гавань Энос в Румелии, что дало бы американской республике безопасную и удобную торговую и военную базу в Средиземном море.

«Смирнский конфликт между американским и австрийским правительствами, вызванный арестом эмигранта Косты», — говорит брюссельская газета «Emancipation», — «будет в свое время отнесен к числу важнейших событий 1853 года. По сравнению с этим фактом оккупация Дунайских княжеств, маневры в Константинополе западной дипломатии и соединенных эскадр можно отнести на второй план. Смирнский инцидент знаменует собой начало новой исторической полосы, между тем как константинопольские события — только распутывание старого вопроса, близкого к исчезновению».

В одной итальянской газете, «Il Parlamento»[236], напечатана передовая статья под заглавием *«Американская политика в* Европе». Я приведу из этой статьи следующий отрывок в дословном переводе:

«Хорошо известно», — говорит «Parlamento», — «что Соединенные Штаты давно уже пытались приобрести морскую базу в Средиземном море и в Италии, особенно в такие моменты, когда возникали осложнения на Востоке. Так, например, в 1840 г., когда выдвинулся великий египетский вопрос и совершено было нападение на Сен-Жан-д'Акр, правительство Соединенных Штатов безуспешно просило короля обеих Сицилий[*] о временной уступке ему большой сиракузской гавани. В настоящий момент тенденция американской политики к вмешательству в европейские дела

[*] — Фердинанда II. *Ред.*

неизбежно должна усилиться и стать более упорной. Не подлежит ни малейшему сомнению, что нынешнее демократическое правительство Союза самым шумным образом выражает свое сочувствие жертвам итальянской и венгерской революций, что его нисколько не тревожит разрыв дипломатических отношений с Австрией и что в Смирне оно подкрепило свою политику угрозой применения пушек. Было бы несправедливо негодовать на эти устремления заатлантической нации или называть их несообразными или смешными. Американцы, разумеется, не собираются завоевывать Восток и затевать сухопутную войну с Россией. Но если Англия и Франция пускают в дело свои лучшие морские силы, почему бы не поступить так же американцам, особенно когда они приобретут морскую базу — место для укрытия и «пополнения запасов» в Средиземном море? Для них на карту поставлены важные интересы, поскольку республиканские элементы непосредственно враждебны элементам казацким. Торговля и судоходство настолько расширили узаконенные сношения и связи между всеми народами мира, что теперь уже ни один народ не может считать себя чужеземцем в любом море, омывающем старый или новый континент, или посторонним в любом большом вопросе, подобном вопросу о судьбах Оттоманской империи. Американская торговля и резиденты, которые занимаются ею на побережье наших морей, требуют охраны американского флага, а чтобы эта охрана была постоянной и действенной во все времена года, им нужен порт для их военного флота, который занимает уже третье место среди флотов мировых морских держав. Если Англия и Франция прямо вмешиваются во все, что касается Панамского перешейка, если первая из этих держав зашла так далеко, что даже изобрела короля москитов, чтобы противопоставить территориальные права действиям Соединенных Штатов, если эти державы окончательно договорились о том, что путь из Атлантического океана в Тихий должен быть открыт для всех наций и находиться в руках нейтрального государства, — то не очевидна ли, что и Соединенные Штаты должны требовать и стремиться к осуществлению такой же бдительной охраны свободы и нейтралитета Суэцкого перешейка, зорко следя за распадом Оттоманской империи, который может привести к полному или частичному переходу Египта и Ливии под владычество какой-нибудь первоклассной державы? Суэц и Панама — два великих пути на Восток; закрытые до сих пор, они в будущем будут конкурировать друг с другом. Лучший способ обеспечить себе преобладание в трансатлантическом вопросе заключается в участии в решении средиземноморского вопроса. Мы уверены, что американские военные суда, плавающие неподалеку от Дарданелл, не откажутся от претензии на то, чтобы входить туда, когда им будет угодно, поскольку они не связаны ограничительными условиями, на которые согласились великие державы по конвенции 1841 г., — и именно на том неоспоримом основании, что американское правительство не было участником этой конвенции. Европа изумлена такой смелостью, потому что она привыкла со времени мирного договора 1783 г. смотреть на Соединенные Штаты так же, как смотрели на швейцарские кантоны посло Вестфальского мира, то есть как на страну, существование которой юридически признается, но которую никак нельзя допустить в аристократический круг старых держав, предоставив ей право голоса в вопросах общей политики. Но по ту сторону океана англосаксонская раса, достигшая высших ступеней богатства, цивилизации и могущества, не может долее мириться с тем скромным положением, которое было ей отведено в прошлом. Давление Американского союза на ареопаг пяти великих держав, вершивших до сих пор судьбы земного шара, является новой силой, которой суждено содействовать падению замкнутой системы, созданной Венскими трактатами. А пока республика Соединенных Штатов не завоевала

себе позитивных прав и официального места на конгрессах, решающих общие политические вопросы, она с невиданной широтой и с особенным достоинством проводит в жизнь наиболее гуманные нормы естественного права и jus gentium*. Ее флаг охраняет жертвы гражданских войн без различия партийной принадлежности, и во время великого пожара 1848—1849 гг. гостеприимство американского флота ни разу не было поколеблено какой-либо унизительной или позорной уступчивостью».

Написано К. Марксом 5 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3850, 19 августа 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском, языке полностью публикуется впервые

* — международного права. *Ред.*

К. МАРКС

ВОПРОС О ВОЙНЕ.— НАСЕЛЕНИЕ АНГЛИИ И ТОРГОВЫЕ — ОТЧЕТЫ. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕЛА [237]

Лондон, пятница, 12 августа 1853 г.

Как стало известно из сегодняшнего номера «Moniteur», Бонапарт снижает цены на табак для матросов, чтобы компенсировать французский военный флот за унизительное положение, в которое он попал в Безикской бухте. Бонапарт завоевал себе трон при помощи колбасы[238]. Почему бы ему не сделать попытки удержать его при помощи табака? При всех обстоятельствах осложнения на Востоке приведут к demonetisation* авторитета Луи Бонапарта в глазах армии и французских крестьян. Они поняли, что утрата свободы в своей стране не возмещается славой за рубежом. «Империя всех триумфов» опустилась даже ниже, чем «кабинет всех талантов».

Из только что полученных константинопольских газет мы узнаем, что манифест султана к его подданным появился 1 августа, что русский консул в Адрианополе получил из С.-Петербурга приказ покинуть Турцию, что другие русские консулы ждут подобных же распоряжений и что константинопольские газеты запрещены в Дунайских княжествах. Издающаяся в Смирне газета «Impartial» напечатала 1 августа следующее сообщение относительно Персии:

«Персидский шах, ознакомившись с переданной ему по его распо ряжению перепиской между Портой и русским кабинетом по поводу настоящего конфликта, официально заявил, что он считает Порту целиком правой и в случае войны открыто станет на ее сторону. Эта новость произвела сильное впечатление на русского посла в Тегеране, который, как утверждают, намеревается потребовать свои паспорта».

* — падению. *Ред.*

О содержании предложений, сделанных России и принятых царем, согласно таинственной депеше из Петербурга, усердно гадает вся европейская печать. Пальмерстоновская «Morning Post» утверждает:

«25 июля г-н Мейендорф передал своему императору если не официальные предложения» (принятые на Венском совещании), «то во всяком случае отчет о том. что происходило на совещании 24-го. Мы едва ли ошибемся, если с уверенностью скажем, что вопрос разрешается в таком духе, чтобы сохранить в неприкосновенности независимость и целостность Оттоманской империи. Способ урегулирования будет такой: Решид-паша передаст графу Нессельроде ноту, в которую будут включены фирманы, предоставляющие православным подданным султана более широкие привилегии, чем даже требовала для них Россия. Царю будет сказано множество любезностей и его заверят в наилучшем расположении султана к своим подданным, которым султан даровал такие-то и такие-то права. Эта нота будет вручена турецким послом, и вопрос будет исчерпан... 10 сентября последний русский солдат перейдет через Прут!»

С другой стороны, частные письма из Вены, указывающие на появление русских военных судов выше места слияния Прута и Дуная, подтверждают высказанное в моей последней статье мнение, что в предложениях, направленных в С.-Петербург, вообще отсутствует требование вывода русских войск из Дунайских княжеств, что предложения эти исходят от австрийского кабинета, к которому, после отклонения царем французских и английских предложений, английский посол в Вене*, этот «истинный поборник гармонии», обратился с просьбой о посредничестве; эти австрийские предложения предоставляют России желанную возможность перенести окончание переговоров in infinitum**. По сведениям полуофициальной франкфуртской «Ober-Postamts-Zeitung»[239], Россия разрешила Австрии лишь информировать Турцию относительно своих собственных интересов.

Недавно опубликованные официальные данные о населении свидетельствуют о медленном, но неуклонном сокращении численности населения Великобритании. За второй квартал 1853 г.

Умерло	107 861	человек
За то же время родилось	158 718	»
Естественный прирост населения в обследуемых округах	50 857	»

* — Уэстморленд. *Ред.*

** —в бесконечность. *Ред.*

Во всем Соединенном королевстве

Превышение рождаемости над смертностью ....79 800 человек

Число эмигрировавших за это же время ....115959 »

Превышение числа эмигрировавших над естественным приростом населения ....36 159 »

Последний отчет показал превышение числа эмигрировавших над естественным приростом населения только на 30000 человек.

Сокращение населения, вызванное эмиграцией, совпадает с неслыханным ростом производительных сил и капитала. Если мы вспомним священника Мальтуса, отрицавшего подобное влияние эмиграции и воображавшего, что он тщательными вычислениями доказал, будто всех флотов мира никогда не хватило бы для перевозки эмигрантов в таких масштабах, чтобы можно было хоть сколько-нибудь воздействовать на чрезмерный рост народонаселения, то перед нами раскроется вся тайна современной политической экономии. Она состоит попросту в превращении преходящих общественных отношений, свойственных определенной исторической эпохе и соответствующих данному уровню материального производства, в вечные, всеобщие, незыблемые законы, в естественные законы, как их называют экономисты. Коренное преобразование общественных отношений, обусловленное революциями и эволюциями в процессе материального производства, считается экономистами чистой утопией. Они не видят дальше экономических границ данной эпохи, не понимая, что эти границы сами носят ограниченный характер и так же неизбежно исчезнут в ходе развития истории, как они были созданы этим развитием.

Опубликованные министерством торговли данные о торговле и навигации за первое полугодие 1853 г., кончая 5 июля, показывают в общем весьма большой рост по сравнению с данными об экспорте, импорте и судоходстве за соответствующий период 1852 года. Импорт волов, быков, коров, телят, овец и ягнят значительно вырос.

Общий импорт зерна составлял в I полугодие 1852 г., кончая 5 июля 1852 г. ....2 604 201 квартер

а за соответствующий период 1853 г. ....3 984 374 квартера

Общий импорт муки тонкого и грубого помола составлял за I полугодие 1852 г.	1 931 363 квартера
а за соответствующий период 1853 г.	2 577 340 квартеров
Общий импорт кофе, 1852 г.	19 397 185 фунтов
» » » 1853 »	21 908 954 фунта
Общий импорт вина, 1852 »	2 850 862 галлона
» » » 1853 »	4 581 300 галлонов
Общий импорт яиц, 1852 »	64 418 591 штука
» » » 1853 »	67 631 380 штук
Общий импорт картофеля, 1852 г.	189 410 центнеров
» » » 1853 »	713 941 центнер
Общий импорт льна, 1852 г.	410876 центнеров
» » » 1853 »	627 173 центнера
Общий импорт шелка-сырца, 1852 г.	2 354 690 фунтов
» » » » 1853 »	2 909 733 фунта
Общий импорт хлопка, 1852 г.	4935317 центнеров
» » » 1853 »	5 134 680 »
Общий импорт шерсти (овечьей и ягнячьей), 1852 г.	26 916 002 фунта
То же, 1853 г.	40 189 398 фунтов
Общий импорт кож (дубленых), 1852 г.	1 075 207 »
» » » » 1853 »	3 604 769 »

Ввоз какао, гуано, нерафинированного сахара, чая и т. д. сократился. Что касается экспорта, то данные показывают.

Стоимость экспорта хлопчатобумажных изделий составляла за I полугодие 1852 г.	11 386 491 ф. ст.
за соответствующий период 1853 г.	13 155 679 » »

Что касается хлопчатобумажной пряжи — а это относится также и к льняной и к шелковой пряже, — то *в количественном отношении* ее экспорт уменьшился, но по объявленной *стоимости* значительно возрос. Стоимость экспорта составила:

Экспорт полотняных изделий за первую половину 1852 г.	2 006 951 ф. ст.
Экспорт за соответствующий период 1853 г.	2 251 260 » »
Экспорт шелковых изделий, 1852 г.	467838 » »
» » » 1853 »	806 419 » »
Экспорт шерстяных изделий, 1852 »	3 894 506 » »
» » » 1853 »	4 941 357 » »
Экспорт гончарных изделий, 1852 »	590663 » »
» » » 1853 »	627 218 » ».

Экспорт стеклянных изделий, 1852 г.	187 470	ф. ст.
» » » 1853 »	236 797	» »
Экспорт галантерейных товаров и дамских головных уборов, 1852 г.	884 324	» »
То же, 1853 г.	1 806 007	» »
Экспорт скобяных и ножевых изделий, 1852 г.	1246639	» »
» » » » 1853 »	1 663 302	» »
Экспорт машинного оборудования, 1852 »	476 078	» »
» » » 1853 »	760 288	» »
Экспорт железных брусьев, болтов и прутьев, 1852 г.	1455952	» »
То же, 1853 г.	2 730 479	» »
Экспорт сварочного железа, 1852 г.	696 089	» »
» » » 1853 »	1 187 059	» »
Экспорт проволоки, 1852 г.	42 979	» »
» » 1853 »	106 610	» »

В области импорта фабричных изделий наибольший прирост падает на ботинки, сапоги и перчатки, наибольшее сокращение — на стеклянные товары, часы, шерстяные материи и индийские шелковые изделия. В области экспорта наибольший прирост приходится на полотняные, шелковые, шерстяные и металлические изделия. Что касается импорта продовольственных товаров, то, если не считать зерна и скота, почти все статьи, по которым он увеличился, свидетельствуют о том, что потребление высших и средних классов Англии растет в гораздо большей пропорции, чем потребление рабочего класса. Например, в то время как потребление вина увеличилось вдвое, потребление какао, нерафинированного сахара и чая заметно сократилось.

Из 260 отчетов об урожае пшеницы в Соединенном королевстве только 25 называют урожай хорошим и обильным, 30 оценивают его как средний, а свыше 200 прямо объявляют его неудовлетворительным или плохим. Виды на урожай овса, ячменя и бобов не столь плохие, так как обилие влаги благоприятствовало этим культурам; но картофель погиб по всей стране. Гг. Дж. и Ч. Стерджи и К° отмечают в своем последнем бюллетене об урожае пшеницы:

«Урожай пшеницы в целом будет, вероятно, наиболее низким за все годы, начиная с 1816 г., и если в 1854 г. сбор не будет ранним, нам, наверное, придется ввезти зерна и муки всех сортов в большем количестве, чем даже в 1847 г., — возможно, не менее 15000000 квартеров. Впрочем, наши нынешние цены достаточно высоки, чтобы вызывать импорт в таких размерах, если только Франция не будет конкурировать с нами на рынках производящих стран».

Рассчитывать на очень ранний сбор в 1854 г., по-видимому, нет особых оснований, поскольку, как показывает опыт, неурожайные годы следуют обыкновенно один за другим точно так же, как и урожайные, а ряд урожайных лет уже длится необычайно долго, начиная с 1848 года. Что Англия закупит достаточное количество хлеба в других странах, безусловно не подлежит сомнению; но чтобы вывоз ее промышленных изделий шел наравне, как ожидают фритредеры, с ввозом зерна, — на это рассчитывать не приходится. Вероятное превышение ввоза над вывозом будет, кроме того, сопровождаться сокращением внутреннего потребления промышленных изделий. Уже сейчас золотой запас Английского банка сокращается с каждой неделей и упал до 17739107 фунтов стерлингов.

Палата лордов на своем заседании в прошлую пятницу отклонила билль о рабочих союзах, принятый палатой общин. Этот билль представлял собой лишь новое толкование старого закона о союзах 1825 г.[240] и ставил себе целью, путем устранения трудной для понимания и двусмысленной терминологии этого закона, поставить рабочих в более равное положение с предпринимателями в отношении признания законности их союзов. Сентиментальные лорды, которые предпочитают обращаться с рабочими как со своей покорной челядью, приходят каждый раз в ярость, когда эта чернь требует для себя прав, а не соболезнований. Так называемые радикальные газеты, разумеется, с жаром ухватились за столь удобный случай заклеймить лордов как «исконных врагов» пролетариата. Я далек от того, чтобы это отрицать. Но присмотримся к самим радикалам, к этим «естественным друзьям» рабочих. В одной из предыдущих статей я сообщал вам, что владельцы прядильных мастерских и фабриканты Манчестера организуют ассоциацию для противодействия требованиям своих рабочих[*]. Эта организация именует себя «Ассоциацией содействия промышленности в деле прекращения волнений среди рабочих в манчестерском промышленном округе». Создание этой ассоциации должно преследовать следующие цели:

«1. Установление ставок заработной платы для различных отраслей прядильного и ткацкого дела в соответствии со ставками, существующими в других районах хлопчатобумажной промышленности.

2. Оказание взаимной поддержки членами ассоциации в деле введения этих ставок в случае, если рабочие, занятые на предприятии кого-либо из них, окажут этому сопротивление.

3. Обеспечение в интересах самих рабочих единообразия соответствующих ставок для всего города и его окрестностей».

[*] См. настоящий том, стр. 233—234. *Ред.*

Для достижения этих целей решено создать целую организованную систему путем образования местных ассоциаций владельцев прядильных мастерских и фабрикантов, возглавляемых центральным комитетом.

«Члены этих ассоциаций будут сопротивляться всем требованиям со стороны *объединенных групп* фабричных рабочих, ибо всякая уступка им была бы вредна для интересов предпринимателей, рабочих и промышленности вообще».

Они не желают допускать, чтобы организации, созданной ими самими для собственных целей, противостояла подобная же организация, созданная их рабочими. Они намерены укрепить монополию капитала посредством монопольного права на объединение. Они будут диктовать свои условия как объединенная группа, но рабочие должны вступать с ними в спор только как отдельные лица. Они хотят нападать сплоченными рядами, но желают, чтобы им сопротивлялись только в одиночку. На языке манчестерских радикалов и образцовых фритредеров это называется *«честной конкуренцией».*

На заседании 9 августа палата лордов должна была решить судьбу трех ирландских биллей, принятых палатой общин после десятимесячного обсуждения. *Билль о лендлордах и арендаторах* отменяет законы, касающиеся закладных на недвижимость, что в настоящий момент служит непреодолимым препятствием для законной продажи небольших имений, на которые не распространяется *акт о заложенных имениях. Билль о правах, вытекающих из аренды,* видоизменяет и обобщает свыше шестидесяти парламентских актов, запрещающих заключение соглашений об аренде сроком на 21 год, регулирует вопрос о компенсации арендаторов за произведенные ими улучшения во всех случаях, когда существуют соответствующие договоры, и не допускает применения системы субаренды. Наконец, *билль о компенсации за улучшения, произведенные арендатором,* предусматривает выплату такой компенсации в случаях, когда улучшения производились арендатором без какого-либо договора с лендлордом, и содержит пункт о том, что этот закон имеет обратную силу. Палата лордов не могла, конечно, возражать против парламентского вмешательства в отношения между лендлордом и арендатором, ибо со времен Эдуарда IV и до настоящего времени она не переставала перегружать собрание статутов законодательными актами, регулирующими эти отношения, да и самое ее существование основано на законах, касающихся земельной собственности, каков, например, *закон о порядке наследования.* Но на сей раз благородные лорды, выступающие судьями в своем собственном деле, дали волю

столь бурному негодованию, какого трудно было ожидать в этой богадельне.

«Такой законопроект», — воскликнул граф Кланрикард, — «как билль о компенсации арендаторов, такое полнейшее нарушение всех договоров и пренебрежение к ним никогда еще, насколько мне известно, не выносилось на утверждение парламента, и я до сих пор никогда не слыхал, чтобы какое-либо правительство осмелилось предложить меру, подобную той, какая содержится в пункте об обратной силе этого закона».

Лорды дошли до того, что пригрозили короне отказом от феодальной клятвы на верность[241] и намекнули на возможность мятежа лендлордов в Ирландии.

«Дело касается», — заявил упомянутый благородный лорд, — «почти *всего вопроса о сохранении лояльности* и доверия ирландских землевладельцев по отношению к английскому правительству. Если они увидят, что с земельной собственностью в Ирландии обращаются подобным образом, то я хотел бы знать, что может *гарантировать их преданность короне и повиновение ее верховной власти?»*

Спокойствие, милорд, спокойствие! Что может гарантировать их повиновение верховной власти короны? — Один полицейский судья и два констебля. Мятеж лендлордов в Великобритании! Слыхал ли кто-либо о более чудовищном анахронизме! Но бедные лорды уже давно живут одними анахронизмами. Для того чтобы сопротивляться палате общин и общественному мнению, они, естественно, должны подбодрить себя.

«Пусть светлейшие лорды не допустят», — изрек старый лорд Сент-Леонардс,—«ради того, чтобы избежать так называемой *коллизии* с другой палатой, или ради популярности, или под давлением извне, принятия столь несовершенных мер, как эти».

Граф Роден воскликнул:

«Я не принадлежу ни к одной из партий, но я крайне заинтересован, в благополучии Ирландии».

Другими словами, светлейший лорд предполагает, что Ирландия крайне заинтересована в благополучии графа Родена. «Это вопрос не партий, а всех лордов» — таков был единодушный возглас палаты, и так это было на самом деле. Между обеими партиями, между лордами-вигами и лордами-тори, между лордами, принадлежащими к коалиции, и лордами, принадлежащими к оппозиции, с самого начала существовало тайное соглашение провалить указанные билли, а вся бурная дискуссия была лишь фарсом, разыгранным для газетных репортеров.

Это станет совершенно ясно, если вспомнить, что настоящим автором этих биллей, явившихся предметом столь горячих

дебатов, был не коалиционный кабинет, а г-н Нейпир, генерал-атторней для Ирландии в министерстве Дерби, и что во время последних выборов в Ирландии тори ссылались на эти внесенные ими билли. Единственное существенное изменение, сделанное палатой общин в проекте торийского правительства, состояло в запрещении отбирать у арендатора за недоимки урожай, находящийся на корню. «Это не те билли», — воскликнул граф Малмсбери, обращаясь к герцогу Ньюкаслу с вопросом, может ли он в этом ему поверить. — «Конечно, нет», — ответил герцог. «Чьим же словам вы поверили бы?» — «Словам г-на Нейпира», — был ответ герцога. — «Так вот же, — сказал граф, — письмо г-на Нейпира, подтверждающее, что это не те же самые билли». — «А вот, — возразил герцог, — другое письмо г-на Нейпира, подтверждающее, что это те же самые билли».

Если бы тори оставались у власти, лорды, принадлежащие к коалиции, голосовали бы против ирландских биллей. Но, поскольку у власти было коалиционное министерство, на долю тори выпала задача выступить против своих собственных предложений. Коалиция, унаследовавшая эти билли от тори и включившая в свой кабинет представителей ирландской партии, не могла, конечно, голосовать против биллей в палате общин. Но она была уверена, что их провалят в палате лордов. Герцог Ньюкасл оказал было робкое сопротивление, но лорд Абердин заявил, что согласен на то, чтобы билли прошли официальную процедуру второго чтения, то есть фактически остались непринятыми в текущую сессию. Так оно и получилось. Лорд Дерби, глава бывшего министерства, и лорд Ленсдаун, номинальный председатель нынешнего министерства и вместе с тем один из "крупнейших землевладельцев в Ирландии, благоразумно отсутствовали, сославшись на нездоровье.

В тот же день палата общин приняла в третьем чтении *билль о налоге на наемные экипажи,* восстановив официальную таксу для извозчиков, существовавшую в XIV веке, и приняв внесенный г-ном Ф. Скалли пункт, согласно которому владельцы кэбов, устраивающие забастовки, подлежат судебному преследованию. Мы не можем сейчас останавливаться на вопросе о вмешательстве государства в частные дела. Отметим только, что все это было проведено в фритредерской палате. Правда, она утверждает, что в области извозного промысла существует монополия, а не свободная конкуренция. Странная логика! Сначала частный промысел облагают налогом в форме так называемых лицензий, устанавливают для него особые полицейские правила, а потом заявляют, что именно в силу тягот,

которые на него возложены, промысел этот потерял свой свободный характер и превратился в государственную монополию.

Билль о ссылке в каторжные колонии тоже прошел через комитет. За исключением небольшого числа приговоренных к каторжным работам, которые будут по-прежнему ссылаться в Западную Австралию, наказание ссылкой в каторжные колонии этим биллем отменяется. Отбыв предварительно определенный срок заключения, преступники получают досрочное условное освобождение, которое может быть и отменено, с правом жительства в Великобритании; они будут использованы на общественных работах с оплатой по ставкам, устанавливаемым правительством. Филантропической целью этого последнего пункта является создание искусственного излишка на рынке труда посредством конкуренции между принудительным и свободным трудом; те же филантропы воспрещают всякое участие в производительном труде пауперам, находящимся в работных домах, боясь создать конкуренцию частному капиталу.

Еженедельная лондонская газета «Press», инспирируемая г-ном Дизраэли и несомненно наиболее осведомленная во всем, что относится к области министерских тайн, напечатала в прошлую субботу — стало быть, до прибытия петербургской депеши — следующее любопытное сообщение:

«Нам стало известно, что в кругу частных, пользующихся их доверием лиц министры заявляют, что сейчас не только нет никакой угрозы войны, но всякая опасность, если таковая когда-либо существовала, давно уже устранена. Предложение, официально переданное в С.-Петербург, было, по-видимому, предварительно одобрено императором; в то время как в своих публичных выступлениях английское правительство прибегает к тону, который оказывает пагубное влияние на хозяйственную жизнь страны, в частном порядке оно изображает панику как результат мистификации, высмеивает всякую мысль о том, что какая-либо держава когда-либо всерьез помышляла о войне, и уверяет, что имевшее место недоразумение «окончательно улажено в течение последних трех недель». Что все это означает? В чем тайна всего этого поведения?.. Предложения, находящиеся сейчас в С.-Петербурге и одобренные императором еще до их отправки, сводятся к тому, чтобы Турция целиком и полностью уступила тем требованиям России, отказ от выполнения которых вызвал теперешнюю войну между обеими странами. Порта отказалась выполнить эти требования по совету и прямому наущению Англии и Франции. По совету и прямому наущению Англии и Франции Порта должна теперь, в соответствии с упомянутым предложением, согласиться на эти требования. По форме кое-что здесь изменено, но по существу все осталось по-старому. Русский император, фактически устанавливающий свой протекторат над основной массой населения Европейской Турции, должен только заявить, что он этим не посягает на верховные права султана. Какое великодушное соизволение!»

Монархическая власть считается в Великобритании чисто номинальной, — и только поэтому с ней и мирятся все партии.

Если вы спросите английского радикала, почему его партия воздерживается от борьбы против прерогатив короны, он вам ответит: это лишь парадная декорация, до которой нам нет дела. Он скажет вам, что королева Виктория только один раз посмела проявить собственную волю, а именно во время нашумевшего конфликта из-за фрейлин с неудачной для нее драматической развязкой, когда она хотела оставить при себе entourage* из вигских придворных дам, но была вынуждена уступить сэру Роберту Пилю и расстаться с ними. Однако многие обстоятельства, связанные с восточным вопросом, — непонятная политика министерства, обвинения, выдвигаемые иностранной прессой, и следующие один за другим визиты русских великих князей и княгинь в момент, когда Англия, казалось бы, была накануне войны с русским самодержцем, — подтверждали слухи о том, что в продолжение всего восточного кризиса английский двор состоит в заговоре с Россией, сохраняя на посту премьера доброго старого Абердина, парализуя выставляемый напоказ союз с Францией и противодействуя тем мерам, которые официально принимались против русских посягательств. Намекают на то, что португальская контрреволюция была поддержана английским флотом исключительно в интересах дома Кобургов[242]. Упорно говорят, что лорд Пальмерстон был удален из министерства иностранных дел также в результате придворных интриг. Ссылаются на известную дружбу королевы Виктории с герцогиней Орлеанской. Вспоминают о том, что супругом королевы является Кобург** и что дядя королевы — также Кобург***, чрезвычайно заинтересованный в качестве бельгийского короля и зятя Луи-Филиппа в падении Бонапарта и официально принятый в сонм Священного союза после женитьбы его сына на австрийской эрцгерцогине. Наконец, сравнивают прием, оказываемый в Англии русским гостям, с арестами и придирками, которым подвергаются в последнее время английские путешественники в России.

Парижская газета «Siecle» выступила несколько недель тому назад против английского двора. Одна немецкая газета посвятила подробную статью кобургско-орлеанистским заговорщикам, навязавшим ради династических интересов английскому министерству при посредничестве короля Леопольда и принца Альберта курс, опасный для западных наций и поощряющий тайные замыслы России. Брюссельская «Nation»[243] поместила пространный отчет о состоявшемся в Лондоне

* — свиту, окружение. *Ред.*
** — принц Альберт. *Ред.*
*** — Леопольд I. *Ред.*

заседании кабинета, на котором королева официально заявила, что Бонапарт с его притязаниями на святые места является единственным виновником теперешних осложнений, что русский император желает меньшего унижения Турции, чем его французский соперник, и что она никогда не даст своего королевского согласия на какую-либо войну с Россией ради интересов какого-то Бонапарта.

Газета «Morning Advertiser» весьма деликатно касается этих слухов, которые нашли широкий отклик среди публики и довольно осторожный отголосок в еженедельной печати.

«Не желая строить слишком широкие предположения», — пишет «Leader»[244], — «взглянем просто на факты. Княгиня Ольга приехала в Англию со своим супругом и своей сестрой, герцогиней Лейхтенбергской, наиболее дипломатичной из дочерей императора. Она была встречена бароном Брунновым, и ей сразу же был оказан радушный прием *при дворе,* она была окружена представителями высшего английского общества, в числе которых был и лорд Абердин».

Даже «Examiner»[245], первая среди перворазрядных еженедельных лондонских газет, сообщила о прибытии русских гостей под лаконичным заголовком: *«Снова русские».* В одной из передовиц этой газеты мы находим следующие слова:

«Ныне не существует решительно никаких причин, препятствующих новому появлению на сцене Общества мира в наиболее авторитетном виде *под покровительством его королевского высочества принца Альберта».*

Более ясного намека не может себе позволить такая газета, как «Examiner». Статья, из которой я привел последнюю цитату, заканчивается следующим сопоставлением английской монархии с заатлантической республикой:

«Если американцы будут стремиться занять то место, которое мы некогда занимали в Европе, то это нас не касается. Пусть они пожинают в настоящее время почет, а в конечном счете и выгоду от того, что укрепляют международное право и вызывают к себе уважение как защитники слабых против сильных. Англию заботит лишь то, чтобы консоли шли по нарицательной стоимости и чтобы ее берега были ограждены от непосредственного нападения чужеземной армии».

В связи с голосованием по вопросу об ассигновании в текущем году, кончающемся 31 марта 1854 г., 5820 ф. ст. на покрытие расходов по строительным работам, ремонту, меблировке и т. д. в резиденции британского посла в Париже г-н Уайз задал вопрос: куда ушли ежегодные ассигнования в 1100 ф. ст., выделявшиеся в течение последних тридцати лет для поддержания в надлежащем порядке резиденции британского посла в Париже? Сэр Уильям Молсуорт вынужден был признать, что общественными деньгами злоупотребляли и что согласно сооб-

щению архитектора Албано, посланного правительством в Париж, резиденция британского посла находится в крайне запущенном состоянии. Веранда, окружающая дом, обвалилась; стены разрушаются; здание не красилось в течение нескольких лет; лестницы ненадежны; сточные колодцы выделяют самые отвратительные испарения; комнаты полны паразитов, которые ползают по столам; мебель и занавески повсюду усыпаны их личинками, а ковры испачканы нечистотами собак и кошек.

Внесенный лордом Пальмерстоном *билль о мерах борьбы с копотью* прошел через второе чтение. Если это предложение будет проведено, то столица Англии приобретет новый вид, и в городе больше не останется ни одного грязного дома, кроме палаты лордов и палаты общин.

Написано К. Марксом 12 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3854, 24 августа 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

УРКАРТ. — БЕМ. — ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ

Лондон, вторник, 16 августа 1853 г.

Давид Уркарт опубликовал по восточному вопросу четыре статьи[246] с целью рассеять четыре заблуждения: первое относительно тождественности восточной и русской церквей, второе о наличии дипломатического конфликта между Англией и Россией, третье о вероятности войны между Англией и Россией и четвертое о существовании якобы союза между Англией и Францией. Так как я намерен в будущем более подробно остановиться на этих статьях[247], то я ограничусь в данный момент тем, что сообщу вам следующее письмо Бема к Решид-паше, — письмо, впервые опубликованное г-ном Уркартом.

«Ваше превосходительство! Так как я еще не получал приказа, предписывающего мне прибыть в Константинополь, я считаю своим долгом сообщить Вашему превосходительству некоторые соображения, которые мне представляются неотложными. Я начну с заявления, что турецкие войска, которые мне удалось видеть, — кавалерия, пехота и полевая артиллерия, — превосходны. Выправка, выучка и воинский дух не могут быть лучше. Конница превосходит всякую другую европейскую кавалерию. Неоценимое значение имеет желание всех офицеров и всех солдат сражаться с русскими. С такими войсками я не преминул бы напасть на вдвое большие по численности русские силы и наверняка остался бы победителем. Поскольку же Оттоманская империя в состоянии выставить против России больше войск, чем эта держава может им противопоставить, то ясно, что султан может с удовлетворением увидеть возвращенными под свой скипетр все провинции, вероломно отобранные у его предков московскими царями... Бем».

Австрийский министр иностранных дел* послал всем европейским дворам ноту по поводу поведения американского фрегата «Сан-Луи» в деле с Костой, в этой ноте он порицает аме-

* — Буоль-Шауэнштейн. *Ред.*

риканскую политику в целом. Австрия настаивает на своем праве насильно захватывать иностранцев на территории нейтральной державы, отрицая за Соединенными Штатами право принимать меры военного характера для их защиты.

В палате лордов в пятницу граф Малмсбери в своем запросе интересовался отнюдь не тайнами совещания в Вене и содержанием тех предложений, которые были сделаны этим совещанием царю, как и вообще теперешним состоянием переговоров; его любознательность носила скорее историко-антикварный характер. Он не пожелал ничего другого, как «простого перевода» обоих обращений императора, в мае и июне, к своим дипломатическим агентам, опубликованных в «С.-Петербургских ведомостях»[248]; его интересовал также ответ, «который должно было дать правительство ее величества на содержащиеся в этих документах утверждения». Граф Малмсбери — не древний римлянин. Его чувствам ничто так не претит, как римский обычай открыто выслушивать иностранных послов перед patres conscript![*]. При этом он сам констатирует, что

«оба русских циркуляра были обнародованы русским императором на его родном языке открыто перед всей Европой и появились также в прессе на английском и французском языках».

Какую же пользу можно извлечь, переведя их с языка журналистов на язык клерков министерства иностранных дел?

«Французское правительство ответило на циркуляры тотчас же и весьма умело... Английский ответ последовал,, как нам сообщают, вскоре за французским».

Граф Малмсбери, очевидно, жаждет знать, какой вид принимает заурядная проза г-на Друэн де Люиса, когда она переводится на благородную прозу графа Кларендона.

Он счел себя вынужденным напомнить «своему благородному другу, сидящему напротив», что Джон Буль после тридцати лет мира, торговой практики и промышленных занятий стал «несколько нервозно» относиться к *войне* и что эта нервозность с марта прошлого года «возросла вследствие того, что правительство в течение долгого времени продолжает окружать свои действия и переговоры глубокой тайной». Поэтому в интересах мира граф Малмсбери вносит свой запрос, но также в интересах мира правительство хранит молчание.

Никто не был так огорчен первыми признаками агрессии России против Европейской Турции, как сам благородный граф.

[*] — избранными отцами (почетный титул древнеримских сенаторов). *Ред.*

Он никогда и не подозревал о замыслах России в отношении Турции. Он не хотел верить своим собственным глазам. Для него прежде всего существовала «честь русского императора». Но разве расширение империи могло когда-либо причинить ущерб императорской чести? Далее, для него существовала «консервативная политика царя, которую последний так настойчиво проводил во время революции 1848 года». Действительно, самодержец не имел ничего общего с этими безнравственными революциями. В особенности же в 1852 г., когда благородный граф возглавлял министерство иностранных дел,

«ни один государь не давал столь неоднократно заверений относительно соблюдения договоров, связывающих Европу, и сохранения территориальных соглашений, существовавших в течение столь многих лет на благо Европы, и ни один государь не обнаруживал более искреннего стремления к этому».

Не подлежит сомнению, что, побуждая графа Малмсбери к подписанию договора от 8 мая 1852 г. о датском престолонаследии, барон Бруннов сумел завлечь его в свои сети неоднократными заверениями в том, что его августейший повелитель питает слабость ко всем существующим договорам. И когда он уговаривал графа, только что горячо приветствовавшего узурпацию Бонапарта, заключить тайный союз с Россией, Пруссией и Австрией против этого самого Бонапарта, он тем самым давал величайшее доказательство своего искреннего стремления к сохранению существующих территориальных соглашений.

Чтобы объяснить внезапную и неожиданную перемену, происшедшую в русском императоре, граф Малмсбери прибегает к психологическому анализу, рассматривая «настроения, повлиявшие на *образ мыслей русского императора».* «Чувства императора», — уверяет он, — «были задеты поведением французского правительства в отношении святых мест». Правда, Бонапарт, чтобы успокоить эти задетые чувства, послал в Константинополь г-на Делакура, «человека с чрезвычайно мягким и покладистым характером». «Но, — продолжает граф, — по-видимому, то, что произошло, не изгладилось из сознания русского императора», и у него остался осадок горечи против Франции. Следует признать, что г-н Делакур разрешил вопрос в окончательной форме и вполне удовлетворительно перед тем, как в Константинополь прибыл князь Меншиков. «Но, несмотря на это, умонастроение русского императора не изменилось». Эти настроения и проистекавшее из них ошибочное представление были так сильны, «что император все еще подозревает турецкое правительство в стремлении предъявить

России такие условия, на которые оно не имеет никакого права». Граф Малмсбери признает, что не только «какому-либо человеческому существу», но даже и английскому лорду «не дано читать человеческих мыслей»; тем не менее «он не может не считать себя способным объяснить эти удивительные настроения, повлиявшие на образ мыслей русского императора». Наступил, говорит он, такой момент, который в течение многих поколений русский народ приучали рассматривать как «время, предопределенное для завоевания им Константинополя и восстановления Византийской империи». Он допускает также, что «нынешний император» разделяет «эти чувства». Первоначально проницательный граф рассчитывал объяснить дело тем, что император упорно подозревал турецкое правительство в намерении нарушить его права; теперь же он объявляет, что император только потому подозревает Турцию, что считает наступивший момент подходящим для того, чтобы ее проглотить. Дойдя до этого пункта, благородный граф принужден был изменить ход своих логических рассуждений. Вместо того, чтобы говорить о новых настроениях, повлиявших на образ мыслей русского императора и приведших к изменению прежних обстоятельств, он теперь ссылается на обстоятельства, которые сдерживали в течение некоторого времени честолюбивые умонастроения и старые традиционные чувства царя и не позволяли «открыть дорогу искушению». Эти обстоятельства сводились к одному весьма важному факту, а именно, что граф Малмсбери в тот период был «в составе» правительства, а в другой период — «вне» его.

Когда он был «в составе», он первый не только признал Бустрапу[249], но даже оправдывал его клятвопреступления, убийства и насилия. Но после этого

«тогдашние газеты стали непрерывно нападать на то, что они называли раболепной и пресмыкательской политикой по отношению к французскому императору».

Пришло к власти коалиционное министерство, и с ним сэр Дж. Грехем и сэр Чарлз Вуд,

«которые клеймили на публичных собраниях политику и личность французского императора, а заодно клеймили и французский народ за то, что он избрал себе этого принца в государи».

Затем последовала черногорская история[250], и коалиционное министерство

«позволило Австрии настаивать на том, чтобы султан не применял дальнейших насильственных мер против восставших черногорцев и даже не обеспечил турецкой армии безопасного и спокойного отступления, в результате чего Турция потерпела урон в 1500—2000 человек».

Позднее последовало отозвание полковника Роуза из Константинополя, и английское правительство проявило нежелание отправлять свой флот в Безикскую бухту или Смирну одновременно с Францией. Все эти обстоятельства, вместе взятые, породили определенное умонастроение у русского императора, решившего, что народ и правительство Англии враждебно относятся к французскому императору и что между обеими странами невозможен никакой действительный союз.

Изобразив с тонкостью, которая сделала бы честь любому романисту, описывающему изменчивые чувства своей героини, смену обстоятельств, повлиявшую на впечатлительный ум русского императора и совратившую его со стези добродетели, граф Малмсбери похваляется тем, что он якобы разрушил стену предрассудков и антипатий, отделявшую в течение веков французский народ от английского, посредством своего тесного союза с угнетателем французского народа. Он поздравляет теперешнее правительство с тем, что оно унаследовало от него этот дружественный союз с западным царем и пожало то, что посеяли тори. Он забывает добавить, что это был тот самый дружественный союз, под сенью которого султан был принесен в жертву России, когда французский император поддержал коалиционное министерство; ибо этот французский Сулук жадно стремится получить возможность на плечах мусульман пробраться на какой-нибудь Венский конгресс и таким путем стать респектабельным. Поздравляя министерство с его тесным союзом с Бонапартом, граф немедленно же начинает поносить политику, являющуюся плодом этого mesalliance*.

Мы не будем следовать за всеми разглагольствованиями графа, в которых он распространяется о важности сохранения Турции в неприкосновенном виде, отрицает ее упадок, отказывается признать русский религиозный протекторат, а также воспроизводить его упреки правительству в том, что оно не сочло вторжение в Дунайские княжества за casus belli и не ответило на переход русских через Прут посылкой своего флота. Он не привел ничего нового, кроме следующего письма князя Меншикова Решид-паше, которое было написано перед самым отъездом из Константинополя и «является неслыханным по своей наглости».

«Бююкдере, 9 (21) мая

В момент отъезда из Константинополя нижеподписавшийся посол России узнал, что Высокая Порта объявила о своем намерении предоста-

* Игра слов: «close alliance» — «тесный союз», «mesalliance» — «неравный брак». *Ред.*

вить духовенству восточной церкви гарантии осуществления принадлежащих им духовных прав, что на деле поставило бы под сомнение сохранение других привилегий, которыми пользуется эта церковь. Каковы бы ни были мотивы для принятия этого решения, нижеподписавшийся считает себя вынужденным уведомить его превосходительство, министра иностранных дел, что любая декларация, или что-либо в этом роде, которая, сохраняя даже неприкосновенность чисто духовных прав православной восточной церкви, была бы направлена к тому, чтобы лишить силы другие права, привилегии и иммунитеты, признанные за вероисповеданием и духовенством этой церкви с самых древних времен и принадлежащие ей в настоящее время, — будет воспринята императорским кабинетом как акт, враждебный по отношению к России и ее религии. Нижеподписавшийся просит принять и т. д.

Меншиков.

Граф Малмсбери «с трудом может поверить, чтобы русский император одобрил поведение князя Меншикова или его образ действий». Ноты Нессельроде, последовавшие за отъездом Меншикова, и русская армия, последовавшая за нотами Нессельроде, подтверждают «обоснованность» этих сомнений.

«Молчаливый» Кларендон, «как это ни было ему прискорбно», был вынужден «давать постоянно все тот же ответ», то есть не давать никакого ответа. Он счел «своим долгом перед обществом не произнести ни единого слова», которого бы он уже не сказал раньше, и заявить, «что он не может представить никаких сообщений и не может предъявить никаких особых депеш». Благородный граф, таким образом, не мог прибавить ни йоты к тому, что нам было известно уже ранее. Его главная цель заключалась в том, чтобы установить, что в течение всего времени, когда австрийский и русский кабинеты вели свою наступательную политику, он находился с ними в «постоянном контакте». Так, он находился в постоянном контакте с австрийским правительством, когда последнее отправило князя Лейнингена в Константинополь[251], а свои войска к границе, «опасаясь возмущения своих собственных подданных в пограничных районах». Так по крайней мере гласило, по уверению невинного Кларендона, «приведенное основание». После того как султан уступил Австрии и увел обратно свои войска, энергичный Кларендон «опять установил контакт с Австрией, чтобы обеспечить точное соблюдение договора».

«Я полагаю», — продолжает лорд, — «что договор был соблюден, *так как* австрийское правительство заверило нас, что дело обстоит именно тал».

Великолепно, милорд! Что касается entente cordiale[*] с Францией, то оно существует уже с 1815 года. Относительно решения,

[*] — сердечного согласия. *Ред.*

принятого английским и французским правительствами «об отправке их флотов», также «не было ни тени разногласий». Бонапарт дал приказ своему флоту отправиться в Саламин,

«полагая, что опасность велика», и «хотя он (Кларендон) говорил, что опасность не столь велика и что французскому флоту нет необходимости в данный момент покидать французские гавани», Бонапарт «все же дал приказ об отплытии французского флота; но это обстоятельство не вызывало *ни малейшего разногласия, так как* гораздо выгоднее и удобнее иметь один флот в Саламине и другой на Мальте, чем иметь один на Мальте и другой в Тулоне».

Лорд Кларендон заявляет далее, что в течение всего времени, когда Меншиков применял против Порты наглые меры давления,

«флот, *как* это следует с удовлетворением отметить, не получал приказа выйти в море, для того чтобы никто не смог утверждать, что турецкое правительство действовало под нашу диктовку».

После всего того, что произошло, представляется на самом деле вполне вероятным, что султан должен был бы отступить, если бы флот получил тогда приказ выйти в море. «Прощальное письмо» Меншикова Кларендон считает корректным, «однако он полагает, что такой язык при дипломатических переговорах с правительствами, к счастью, является редким и, как он надеется, еще долго будет редким». Что касается, наконец, вторжения в Дунайские княжества, то, по словам Кларендона, французское и английское правительства

«дали султану совет пока отказаться от своего несомненного права рассматривать оккупацию княжеств как casus belli».

О продолжающихся еще переговорах он может сказать только одно:

«От сэра Гамильтона Сеймура нынешним утром было получено официальное сообщение о том, что согласованные послами в Вене предложения будут приняты С.-Петербургом, если они будут *несколько изменены».*

Но он скорее умрет, чем позволит себе сказать хотя бы одно слово об условиях соглашения.

Благородному лорду отвечали лорд Бомонт, граф Хардуик, маркиз Кланрикард и граф Элленборо. Ни один голос не раздался, чтобы поздравить правительство ее величества по поводу курса, которого оно придерживается в этих переговорах. Со всех сторон высказывались весьма большие опасения, не была ли политика министерства ошибочной, не действовало ли оно как посредник в пользу России, вместо того чтобы защищать Турцию, и не находилось ли бы оно в лучшем положении, чем

сейчас, если бы Франция и Англия гораздо раньше проявили твердость. Старый упрямый Абердин ответил им, что «легко гадать о том, что могло бы случиться, после того, как события уже произошли, и рассуждать о том, что могло бы быть, если бы действовали иначе». Но наиболее поразительным и многозначительным явилось его следующее заявление:

«Светлейшим лордам следует помнить, что они не связаны никакими договорами; я отрицаю, что Англия в силу условий какого-либо договора обязана принять участие в каких бы то ни было действиях военного характера в поддержку Турецкой империи».

Когда Англия и Франция впервые выразили свое намерение вмешаться в стоящий на повестке дня турецкий вопрос, русский император категорически отверг обязательную силу договора 1841 г. в отношении его собственных дел с Портой и вытекающие отсюда права на вмешательство западных держав. Но одновременно он, опираясь на тот же договор 1841 г., настаивал на недопущении в Дарданеллы военных судов других держав. Теперь же лорд Абердин на публичном торжественном заседании парламента подписывается под этим дерзким толкованием договора, который русский самодержец соглашается признать лишь тогда, когда Великобритания будет изгнана им из Понта Эвксинского*.

Написано К. Марксом 16 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3862, 2 сентября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — древнее название Черного моря. *Ред.*

К. МАРКС

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС В ПАЛАТЕ ОБЩИН

Лондон, пятница, 19 августа 1853 г.

Лорд Джон Рассел, который снова и снова откладывал свои объяснения по турецкому вопросу, пока, наконец, на его счастье, не наступила последняя неделя парламентской сессии, в прошлый понедельник вдруг выступил с заявлением, что столь долго откладываемое сообщение он сделает во вторник. Дело в том, что благородный лорд узнал об отъезде г-на Дизраэли в понедельник утром из Лондона. Таким же образом и сэр Чарлз Вуд, узнав об отсутствии в палате сэра Дж. Пакингтона и его сторонников, внезапно внес свой билль об Индии с поправками палаты лордов, и добился, пользуясь малочисленностью присутствовавших членов палаты, единогласного восстановления соляной монополии. Такого рода мелкие и низкие плутни являются главными пружинами парламентской тактики вигов.

Обсуждение восточного вопроса в палате общин представляло собой в высшей степени интересное зрелище. Лорд Рассел открыл спектакль в тоне, вполне соответствующем той роли, которую ему предстояло сыграть. Этот крошечный гном, считающийся последним представителем некогда могущественного вигского рода, говорил скучно, приглушенным голосом, в сухой, монотонной и плоской манере, не как министр, а как уголовный хроникер, ослабляющий впечатление от описываемых им ужасов тривиальной, обыденной и казенной формой изложения. То, что он говорил, было не «защитительной речью», а скорее исповедью. Если что и спасает эту речь, так это се прямолинейность; казалось, маленький человек стремился

этим успокоить какое-то внутреннее болезненное чувство. Даже неизбежная фраза о «независимости и неприкосновенности Оттоманской империи» звучала как давнее воспоминание, вкравшееся по недосмотру в надгробную речь над этой империей. О впечатлении от этой речи, которая претендовала на то, чтобы объявить восточные осложнения улаженными, можно лучше всего судить по следующему факту: в Париже произошло падение ценных бумаг, как только она была передана туда по телеграфу.

Лорд Джон был прав, утверждая, что правительство не нуждается в его защите, ибо на него никто не нападал; напротив, палата обнаружила явную склонность целиком предоставить ведение переговоров исполнительной власти. И действительно, ни один член парламента не внес предложения, которое бы требовало от министров принять участие в дискуссии, а вне палаты не состоялось ни одного собрания, которое потребовало бы, чтобы члены парламента приняли такого рода предложение. Если политика министерства была полна таинственности и мистификаций, то это произошло с молчаливого согласия парламента и публики. Если не публикуются документы до окончания переговоров, то это, по уверению лорда Джона, — освященный веками закон, установившийся в силу парламентской традиции. Было бы утомительно следовать за лордом Джоном, пока он приводит перечень всем известных событий, которые в его изложении не становятся более интересными, ибо он не рассказывает, а перечисляет. Тем не менее, есть несколько важных пунктов, которые никем еще до лорда Джона не были официально отмечены.

Еще до приезда князя Меншикова в Константинополь русский посол известил лорда Джона, что царь намеревается послать в Константинополь специальную миссию, которая должна ограничиться предложениями по поводу святого креста и связанных с этим привилегий греко-православной церкви. Британский посол в Петербурге и британское правительство не подозревали никаких иных намерений со стороны России. Только в начале марта турецкий министр сообщил лорду Стратфорду (по уверению г-на Лейарда, полковник Роуз и многие другие лица в Константинополе были уже раньше посвящены в эту тайну), что князь Меншиков предложил тайный договор[252], несовместимый с независимостью Турции, заявив при этом, что, если Франция или Англия будут поставлены в известность об этом предложении, Россия будет рассматривать это как акт прямой враждебности по отношению к ней, Одновременно стало известно, — и не только по слухам,

а из надежных донесений, — что Россия стягивает большое количество войск к турецкой границе и к Одессе.

Что касается ноты, с которой обратилось к царю венское совещание и которую он принял, то она была подготовлена в Париже г-ном Друэн де Люисом, положившим в ее основу ответ Решид-паши на последнюю русскую ноту[253]. Через некоторое время ее приняла Австрия, видоизменив и выдвинув 24 июля как свое собственное предложение, а свой окончательный вид нота получила 31 июля. Австрийский министр еще до этого передал ее русскому посланнику в Вене, который уже 24 июля, то есть еще до ее окончательной редакции, послал ее в С.-Петербург. И лишь 2 августа, после того как царь согласился с ней, она была отправлена в Константинополь. Таким образом, она по существу является русской нотой, адресованной султану при посредничестве четырех держав, а не нотой четырех держав, адресованной России и Турции. Лорд Джон Рассел уверяет, что эта нота *то своей форме не совпадает в точности с нотой князя Меншикова»,* признавая тем самым, что по своему содержанию она в точности с ней совпадает. Чтобы на этот счет не оставалось никакого сомнения, он прибавляет:

«Император полагает, что цели его будут достигнуты».

Проект не содержит даже намека на эвакуацию Дунайских княжеств.

«Если даже Турция и Россия придут в конце концов к соглашению на основе этой ноты», — говорит лорд Джон, — *«то все же остается нерешенным важный вопрос об эвакуации княжеств».*

В то же время он добавляет, что английское правительство «считает эту эвакуацию в высшей степени важной», но просит позволения не говорить ничего о способе, посредством которого эту задачу можно разрешить. Все же он довольно ясно дает понять, что, может быть, английскому и французскому флотам придется оставить Безикскую бухту раньше, чем казаки уйдут из Дунайских княжеств.

«Мы не должны соглашаться на такого рода условия, по которым всякое продвижение флотов вблизи Дарданелл могло бы рассматриваться как акт, равносильный фактическому вторжению на территорию Турции. Но само собой разумеется, что когда дело будет улажено и мир будет обеспечен, Безикская бухта перестанет быть базой, имеющей какую-либо ценность для Англии и Франции».

Так как ни одному разумному человеку никогда не придет в голову, что английский и французский флоты должны вечно оставаться в Безикской бухте, или что Англия и Франция должны заключить формальный договор, запрещающий им

продвижение в нейтральные воды близ Дарданелл, то эти двусмысленные и малопонятные фразы, — если они вообще имеют какой-либо смысл, — могут означать только то, что флоты будут уведены как только султан примет ноту и казаки дадут обещание очистить княжества.

«Когда русское правительство заняло княжества», — говорит лорд Джон, — «Австрия заявила, что по духу договора 1841 г. безусловно необходимо, чтобы представители держав собрались на конференцию и постарались мирным путем уладить создавшееся затруднение, которое в противном случае может угрожать миру в Европе».

В противоположность этому лорд Абердин несколько дней тому назад заявил в палате лордов, — а также, как нам сообщают из других источников, в официальной ноте, посланной в июне константинопольскому и санкт-петербургскому кабинетам, — что

«договор 1841 г. никоим образом не налагает на подписавшие его державы обязательства оказывать действенную поддержку Порте» (зато налагает обязательство временно отказываться от вступления в Дарданеллы!), «и правительство ее величества британской королевы сохраняет за собой полное право самому решать, действовать или воздерживаться от действий, — в соответствии с его собственными интересами».

Лорд Абердин отрицает какие бы то ни было обязательства по отношению к Турции только для того, чтобы не иметь права выступать против России.

Лорд Джон Рассел заканчивает указанием на *«прекрасную перспективу»* приближения переговоров к успешному их завершению. Такой взгляд на дело представляется слишком радужным в настоящий момент, когда составленная в Вене русская нота, которую Турция должна передать царю, еще не одобрена султаном и когда условие sine qua non* западных держав, то есть эвакуация Дунайских княжеств, вообще еще не предъявлено царю в настойчивой форме.

Г-н Лейард, первый оратор, отвечавший лорду Джону, произнес несомненно самую лучшую и сильную речь — смелую, собранную, содержательную, богатую фактами; она показывает, что известный ученый столь же хорошо осведомлен о Николае, как и о Сарданапале, и столь же хорошо знает современные интриги на Востоке, как и таинственные предания его прошлого.

Г-н Лейард выразил сожаление по поводу того, что лорд Абердин «при различных обстоятельствах и в разных местах заявил, что его политика основывается в своем существе на

* — непременное. *Ред.*

мире». Если Англия избегает защищать свою честь и свои интересы вооруженной рукой, она этим поощряет в столь необузданной державе, как Россия, притязания, которые рано или поздно неизбежно должны будут привести к войне. Теперешнее поведение России должно рассматриваться не как случайное и преходящее явление, а как неотъемлемая часть широкого политического плана.

Что касается «уступок», сделанных Франции, и «интриг» г-на Лавалета, то их Россия не может выставить даже в качестве простого предлога, так как

«Порта за несколько дней или даже недель до издания фирмана, содержащего уступки, вы звавшие недовольство России, представила г-ну Титову проект этого фирмана, текст которого не вызвал тогда никаких возражений».

Трудно не разгадать замыслы России относительно Сербии, Молдаво-Валахии и христианского населения Турции. Непосредственно вслед за своим официальным прибытием в Константинополь князь Меншиков потребовал смещения Гарашанина с поста сербского министра. Это желание было удовлетворено, несмотря на протест сербского синода. Г-н Гарашанин был одним из тех деятелей, которые выдвинулись благодаря восстанию 1842 г., благодаря тому национальному движению против русского влияния, которое привело к изгнанию правившего тогда в Сербии князя Михаила: последний и его семья были лишь простыми орудиями в руках России. В 1843 г. Россия потребовала себе права на вмешательство во внутренние дела Сербии. Не имея абсолютно никакого полномочия на это в силу какого-либо договора, она получила это полномочие от *лорда Абердина,* тогдашнего министра иностранных дел, объявившего, что *«Россия имеет право толковать по своему разумению свои собственные договоры».*

«Своим успехом в этом деле», — сказал г-н Лейард, — «Россия показала, что она является повелительницей Сербии и что она может воспрепятствовать любой национальности в ее борьбе за независимость».

Что касается Дунайских княжеств, то Россия прежде всего воспользовалась национальным движением 1848 г. в этих провинциях для того, чтобы побудить Порту изгнать оттуда всех сторонников либеральных и независимых взглядов. Затем она заставила султана подписать договор в Балта-Лимане, который устанавливал право России на вмешательство во все внутренние дела княжеств, «и их теперешняя оккупация доказала, что Молдавия и Валахия стали фактически русскими провинциями».

Остаются еще греки в Турции и славяне в Болгарии, исповедующие христианство.

«Среди греков стал распространяться дух критики и независимости, который, наряду с их торговыми сношениями со свободными странами Европы, вызвал большую тревогу у русского правительства. Для этого была еще и другая причина, а именно распространение протестантизма среди восточных христиан. Влиянию и проповедям американских миссионеров следует главным образом приписать то, что в Турции вряд ли найдется более или менее значительный город, в котором не было бы уже ядра протестантской общины». (Еще одно основание для американского вмешательства.) «Православное духовенство, поддерживаемое русской миссией, делало все, что было в его силах, чтобы помешать этому движению, и когда все преследования оказались бесполезными, в Константинополе появился князь Меншиков. Для России было чрезвычайно важно искоренить тот дух религиозной и политической независимости, который начал проявляться в последние годы среди христианских подданных Порты».

Касаясь проектов основания так называемой *греческой империи с центром в Константинополе,* г-н Лейард констатировал, что греков — имея в виду, разумеется, не православных, а национальность, отличную от славян, — наберется всего едва ли 1750000 человек; что славяне и болгары в продолжение многих лет усиленно стремятся порвать с ними всякую связь, отказываясь допускать к себе в качестве священников и епископов священнослужителей греческой национальности; что сербы учредили собственный патриархат вместо константинопольского и что дать грекам укрепиться в Константинополе — значит выдать всю Турцию России.

Тем членам палаты общин, которые объявляли, что вопрос о том, будет ли Константинополь в руках России или нет, не имеет серьезного значения, г-н Лейард ответил, что если Константинополь будет взят, то все крупные провинции, входящие в состав Турции, как, например, Малая Азия, Сирия, Месопотамия, окажутся в состоянии хаоса и анархии. Держава, в руки которой они попали бы, установила бы также господство над Индией. Держава, владеющая Константинополем, всегда рассматривалась бы на Востоке как владычица мира.

Россия, впрочем, убедилась, что ни одно европейское государство не позволит ей в настоящий момент захватить Константинополь. Между тем

«она стремится к тому, чтобы сделать невозможным существование каких-либо независимых национальностей в этой стране, медленно, но верно подточить власть турок и показать всем, кто сопротивляется ее планам, что такое сопротивление не только бесполезно, но и навлечет на них ее месть. Одним словом, она хочет сделать невозможным в Турции всякое другое правительство, кроме своего собственного. *Такого рода замыслы ей на этот раз удались в полной мере».*

Г-н Лейард заявил, что после того, как князь Меншиков потребовал заключения тайного договора и после того, как Россия

произвела большие военные приготовления на границах и в Одессе, правительство удовлетворилось данными ему в С.-Петербурге объяснениями и заверениями, упустив случай заявить, что Англия и Франция будут рассматривать переход через Прут как casus belli*; оно не заявило, что не допустит заключения Россией договоров или соглашений с Турцией без участия Англии.

«Если бы мы предприняли этот шаг, Россия никогда не осмелилась бы перейти через Прут».

Г-н Лейард изложил затем, каким образом независимые Дунайские княжества, объединенные с Бессарабией и опирающиеся на Венгрию, могли бы в конечном счете стать единственным средством защиты Константинополя от русских и разделения на две части великой славянской расы. Он придерживается того мнения, что Россия *эвакуирует* княжества.

«Россия решит, что не стоит ввязываться в войну с европейскими великими державами из-за провинций, которые фактически уже принадлежат ей. Россия и так без единого выстрела приобрела то, что ей могла бы дать только кровопролитная и дорогостоящая кампания; она укрепила свое могущество на Востоке; она унизила Турцию; она заставила ее нести все военные расходы и совершенно истощила ее ресурсы; а кроме того — и это гораздо важнее — она унизила Англию и Францию в глазах их собственных подданных и народов Востока».

Нота, выработанная венским совещанием, будет иметь, по мнению Лейарда, следующий результат:

«Если Порта откажется ее принять, то Россия повернет все ее острие против нас и сделает нас своими союзниками против Турции для того, чтобы принудить ее принять несправедливое предложение. Если же Порта ее примет, то это будет означать, что Англия прямо санкционирует право России на вмешательство в дела, касающиеся двенадцати миллионов христианских подданных Порты... Как бы мы ни относились к данному вопросу, ясно одно, что мы занимали в нем положение второстепенной державы, а роль первостепенной державы предоставили одной России... Мы упустили случай, который, может быть, никогда более не повторится, разрешить надлежащим образом великий восточный вопрос... Вместо этого России позволили нанести Турции такой удар, от которого последняя никогда больше не оправится... Но это будет не единственный результат политики нашей страны. Швеция, Дания и все слабые государства Европы, доверчиво рассчитывавшие до сих пор на поддержку нашей страны, увидят, что отныне бесполезно бороться против посягательств России».

После Лейарда сэр Джон Пакингтон сделал несколько замечаний, важных в том смысле, что они явились декларацией взглядов торийской оппозиции. Он выразил сожаление, что лорд Джон Рассел не может представить палате и стране более

* — повод к войне. *Ред.*

удовлетворительных сведений. Он заверил правительство, что его решение рассматривать эвакуацию княжеств как условие sine qua non «будет поддержано не только мнением этой палаты, но и почти единодушным мнением народа Англии». До тех пор, пока не будут опубликованы документы, он воздержится от вынесения суждения о политике, в силу которой Турции советовали не рассматривать оккупацию княжеств как casus belli, отказывались на ранних стадиях от энергичных и решительных действий и, затянув переговоры на шесть месяцев, создав атмосферу неуверенности, нанесли ущерб интересам и торговле Турции и Великобритании.

Лорд Дадли Стюарт разразился одной из своих обычных благодушных демократических декламации, которые безусловно доставляют больше удовольствия оратору, чем слушателям. Если сжать эти напыщенные фразы, подобные воздушным шарам, то в руках не останется ничего, даже воздуха, заставлявшего их раньше казаться чем-то. Дадли Стюарт повторил еще раз так часто повторявшиеся утверждения насчет реформ, проводимых в Турции, насчет того, что правление султана отличается гораздо большим либерализмом в отношении религии и торговли, чем правление русского царя. Он справедливо указал, что бесполезно хвастаться миром, пока несчастные жители Дунайских княжеств фактически испытывают ужасы войны. Он потребовал, чтобы Европа защитила жителей этих провинций от ужасного угнетения, которому они сейчас подвергаются. Ссылаясь на факты из парламентской истории, он доказывал, что члены палаты имеют право произносить речи, даже когда переговоры еще не закончились. Словом, он едва ли что-нибудь упустил из того, что хорошо известно каждому аккуратному и постоянному читателю «Daily News». В его речи было два следующих момента, составляющих ее «соль»:

«Хотя объяснения благородного лорда» (Дж. Рассела) «не отличались большой полнотой, ибо он не сказал палате ничего такого, чего бы она не знала и до него, но, к сожалению, из того, о чем он умолчал, можно сделать заключение, *что благородный лорд совершил что-то, чего он должен стыдиться».*

Что касается графа Абердина, то:

«Хотя он и заявил нам, что мир обеспечен на тридцать лет к великой пользе для свободы и благоденствия Европы, однако я» (Дадли Стюарт) «отрицаю, чтобы мир оказался благодетельным для свободы Европы. Я спрашиваю, в каком положении находится Польша? Италия? Венгрия? Наконец, Германия?»

Увлеченный потоком своего собственного красноречия — роковая склонность подобных ораторов третьего разряда, —

демократический лорд никак не мог закончить, пока от деспотов континента не перешел к собственной монархине, «царящей в сердцах своих подданных».

Г-н М. Милнс, один из тех приверженцев министерства, на лбу которого написано:

«Он может быть орудием—и только»*,

не осмелился произнести речь, целиком выдержанную в правительственном духе. Его речь состояла из «с одной стороны» и «с другой стороны». С одной стороны, он находил, что министры «действовали очень умно и осторожно», не сообщив палате документов; с другой стороны, он давал им понять, что их действия отличались бы большей энергией и твердостью, если бы они поступили иначе. С одной стороны, он полагал, что правительство было право, подчинившись требованиям России; с другой стороны, у него возникло сомнение, не получилось ли до некоторой степени так, что английское правительство побудило Турцию к проведению определенной политики, не будучи готово ее поддержать, и т. д. и т. д. В конечном счете он заявил, «что чем больше он размышляет об этой проблеме, тем более сознает ее крайнюю трудность», а чем менее он ее понимает, тем понятнее ему становится выжидательная тактика правительства.

После всех уловок, увиливаний и путаницы мыслей, продемонстрированных г-ном Монктоном Милнсом, на нас поистине освежающе подействовала грубоватая прямота г-на Мунца, члена парламента от Бирмингема и одного из заправил палаты 1831 г., проводившей реформу.

«Когда голландский посол сделал однажды Карлу II какое-то весьма предосудительное предложение, король воскликнул: «О боже! Вы никогда бы не сделали подобного предложения Оливеру Кромвелю». — «Разумеется, нет, — ответил посол, — но вы ведь совершенно другой человек, чем Оливер Кромвель». Если бы у нашей страны был сейчас такой человек, как Кромвель, мы бы имели других министров и совершенно другое правительство, а Россия никогда бы не вторглась в Дунайские провинции, Русский император знал, что Англию ничем нельзя побудить к войне; об этом свидетельствовал пример Польши и Венгрии. Англия теперь лишь пожинает плоды своего поведения в отношении этих стран. Я считаю положение Англии, поскольку речь идет о ее внешней политике, весьма уязвимым и неудовлетворительным. Я полагаю также, что английский народ чувствует, что престиж его страны упал и что правительство утратило всякое чувство чести, принимая во внимание одни лишь фунты, шиллинги и пенсы. Единственный вопрос, занимающий в настоящий момент правительство, это каковы будут расходы и будет ли война выгодна различным дельцам страны».

* Шекспир, «Юлий Цезарь», акт IV, сцена первая. *Ред.*

Так как Бирмингем является центром оружейного производства и торговли огнестрельным оружием, представители этого города, естественно, относятся насмешливо к миролюбивому хлопчатобумажному братству манчестерцев.

Г-н Блэкетт, депутат от Ньюкасла на Тайне, не верит, что русские эвакуируют Дунайские княжества. Он предостерегает правительство, *«чтобы оно не позволило увлечь себя каким-либо династическим симпатиям и антипатиям».*

Осаждаемые со всех сторон представителями всех направлений, министры сидели мрачные, поникшие, подавленные, упавшие духом, как вдруг на трибуну поднялся Ричард Кобден и со всей необычайной изобретательностью и искренней убежденностью, присущей маньяку, со всеми противоречиями, свойственными идеологу, и со всей трусливой расчетливостью лавочника, принялся расточать им похвалы за то, что они приняли его доктрину мира и применили ее в данном случае. Он проповедовал то, что открыто проводило в жизнь министерство, что молчаливо одобрял парламент и что господствующие классы позволяли делать правительству и принимать парламенту. Страх перед войной внушил ему в первый раз нечто вроде исторических идей. Он выдал тайну буржуазной политики, за что от него отреклись как от изменника. Он заставил английскую буржуазию как бы взглянуть на себя в зеркало, и так как изображение оказалось далеко не лестным, то он был с позором освистан. Он проявил непоследовательность, но в самой этой непоследовательности он был последователен. Разве это его вина, если традиционные воинственные фразы, унаследованные от аристократического прошлого, не гармонируют с проникнутыми малодушием фактами биржевого настоящего?

Он начал с заявления, что по существу самого вопроса нет различия во мнениях.

«И тем не менее турецкие дела, очевидно, вызывают весьма большое беспокойство».

В чем же дело? За последние двадцать лет все больше распространялось убеждение, что европейские турки являются пришельцами, вторгшимися в Европу, что они не стали коренными жителями Европы и их отечеством является Азия, что в цивилизованных государствах не может существовать мусульманство, что мы не в состоянии отстаивать независимость какой-либо страны, которая неспособна отстаивать ее сама, и что, как сейчас известно, в Европейской Турции на каждого турка приходится трое христиан.

«Мы должны проводить политику, которая обеспечила бы Европейской Турции независимое положение по отношению к России только в том случае, если подавляющее большинство населения разделило бы наше желание помешать всякой другой державе овладеть этой страной... Нет сомнения, что мы могли бы послать наш флот в Безикскую бухту и заставить русских воздержаться, ибо Россия не захочет вступать в конфликт с морской державой; но этим мы лишь увеличили бы колоссальные вооружения, не разрешив все же восточного вопроса... Вопрос заключается в том, что будет с Турцией и ее христианским населением? Мусульманство не может быть сохранено, и мы бы очень сожалели, если бы наша страна выступила как борец за мусульманство в Европе».

Лорд Дадли Стюарт говорил о том, что Турции должна быть оказана поддержка в интересах торговли. Он (Кобден) никогда не вел бы войны из-за тарифов. Он слишком твердо верит в принципы свободы торговли, чтобы считать, что они нуждаются в проведении их военными методами. Размеры экспорта в Турцию многими переоцениваются. Только самая малая часть его потребляется в странах, находящихся под властью турок.

«Всей торговлей, которую мы вели в Черном море, мы обязаны продвижению России на турецком побережье. Мы получаем теперь хлеб и лен не из Турции, а из России. И разве Россия не будет по-прежнему охотно посылать нам свою пеньку, свой хлеб, свое сало, если даже она и будет продолжать свои нападения на Турцию? Мы вели торговлю с Россией и в Балтийском море... А какие перспективы открывает нам торговля с Турцией? Это — страна без дорог. Русские — гораздо лучшие торговцы: посмотрите на Санкт-Петербург с его причалами, товарными пристанями и складами... Какой национальный союз мы могли бы иметь с такой страной, как Турция?.. Говорят также о равновесии сил. Это политическая сторона вопроса... Очень много говорят о могуществе России и об опасности, возникающей для Англии в случае, если Россия оккупирует территории у Босфора. Насколько нелепо утверждать, что Россия попытается напасть на Англию! Россия не в состоянии перебросить свои войска через собственные границы, не прибегая к займу в Западной Европе... Эта столь бедная страна, представляющая собой, по сравнению с Англией, собственно говоря, только совокупность деревень, лишенная капитала и ресурсов, никогда не может нанести ущерба нам, или таким странам, как Америка, как Франция... Англия сейчас в десять раз могущественнее, чем когда-либо раньше, и в гораздо большей степени способна оказать противодействие нападению такой страны, как Россия».

Затем Кобден стал доказывать, что война в настоящее время представляет для Англии гораздо большую опасность, чем в прежние времена. Промышленное население Англии очень выросло. Значительно увеличилась зависимость англичан от вывоза своих товаров и ввоза сырья. Они не обладают уже больше промышленной монополией. Со времени отмены навигационных актов[254] Англия должна выдерживать мировую конкуренцию не только в области судоходства, но и во всех других отраслях.

«Я очень прошу г-на Блэкетта подумать о том, что ни один порт не пострадал бы больше, чем тот, представителем которого он здесь является. Правительство поступило мудро, не обращая внимания на громкие требования безрассудных людей... Я не хочу порицать выступления правительства в защиту сохранения целостности Турецкой империи, ибо это — унаследованная им традиционная политика... Нынешнее правительство заслуживает доверия, ибо оно проявляет миролюбие в тех пределах, в каких это позволяет ему народ».

Ричард Кобден был истинным драматическим героем и как таковой разделил судьбу всех истинных героев, которая может быть только трагичной. Но затем на трибуну поднялся мнимый герой, покровитель всяческого обмана, мастер элегантной лжи и учтивых обещаний, глашатай всех смелых слов, которые нередко произносят, обращаясь в бегство. Это был лорд Пальмерстон. Этот старый, опытный и хитрый полемист увидел с первого взгляда, что подсудимый может избежать приговора, если отречется от своего адвоката. Он понял, что министерство, осаждаемое со всех сторон, сможет в корне изменить положение, если оно со всем пылом обрушится на единственного человека, осмелившегося выступить в его защиту, и если оно откажется от единственных оснований, которые Могли бы в какой-то мере послужить оправданием его политики. Не было ничего легче, как найти у г-на Кобдена ряд противоречий. Г-н Кобден, указал Пальмерстон, начал с того, что выразил свое полное согласие с предыдущими ораторами, а кончил тем, что разошелся с ними в каждом пункте. Он высказался в защиту целостности Турции, а затем сделал все, чтобы доказать, что она не заслуживает никакой защиты. Он, апостол мира, оправдывал агрессивные действия России. Россия, утверждал он, слаба, но война с Россией, по его же мнению, означала бы для Англии неминуемое разорение. Правда, Россия представляет собой лишь совокупность деревень, но поскольку С.-Петербург более красивый город, чем Константинополь, то Россия должна получить право владеть обоими. Хотя г-н Кобден и сторонник свободы торговли, но он предпочитает русскую покровительственную систему турецкой фритредерской. Потребляет ли Турция сама ввозимые в нее товары или же она служит только каналом для их доставки в другие части Азии, — разве для Англии безразлично, сохранится или нет для них свободный транзит? Г-н Кобден, горячий защитник принципа невмешательства, хочет теперь парламентскими постановлениями определить судьбы мусульман, греков, славян и других народов, населяющих Турецкую империю. И тут лорд Пальмерстон стал превозносить прогресс, достигнутый Турцией, и силы, которыми она ныне располагает. «Правда, Турция не имеет

Польши и Черкесии». Но так как Турция достаточно сильна, то лорд Пальмерстон может, разумеется, принудить ее согласиться на занятие некоторых провинций русскими. Сильная империя может все выдержать. Лорд Пальмерстон доказал Ричарду Кобдену, что не было ни одного разумного основания для той политики, которую проводили лорд Пальмерстон и его коллеги. И после этого старый комедиант, которого после каждой сказанной фразы прерывали восторженными аплодисментами,вернулся на свое место, произнеся в заключение следующие наглые, противоречащие всей его речи слова:

«Мне доставляет удовлетворение, что Турция носит в себе самой элементы жизни и процветания, и я полагаю, что политика, которую проводит правительство ее величества, является здоровой политикой, заслуживающей одобрения страны и что следовать ей и впредь должно быть долгом всякого английского правительства». (Аплодисменты.)

Пальмерстон был велик в своей *«отваге напускной»,* употребляя выражение Шекспира*. Он проявил, говоря словами Сидни, «робкую смелость, которая отваживается делать только то, что, — как она заведомо знает, —она не знает, как делать».

Написано К. Марксом 19 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3862, 2 сентября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* «Юлий Цезарь», акт **V,** сцена первая. *Ред.*

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ НА КОНТИНЕНТЕ И В АНГЛИИ [255]

Лондон, вторник, 23 августа 1853 г.

Немецкие и бельгийские газеты на основании телеграфных сообщений из Константинополя от 13 сего месяца утверждают, что Порта согласилась на предложения венского совещания. Однако французские газеты, получившие телеграммы из Константинополя за то же число, сообщают только, что Диван обнаружил склонность принять эти предложения. Окончательный ответ едва ли был получен в Вене ранее 20 августа. Остается открытым весьма важный вопрос: направит Порта своего посла в С.-Петербург до или после вывода русских войск из Дунайских княжеств.

Согласно последним сообщениям из района Черного моря, поднявшиеся норд-осты стали нарушать нормальное судоходство. Некоторые корабли, стоявшие на якоре в Пендерекли и в других пунктах побережья, были вынуждены покинуть свои якорные стоянки, чтобы не быть выброшенными на берег.

Вам уже известно, что после происшедших в Молдавии и Валахии событий султан* приказал господарям** покинуть княжества и прибыть в Константинополь, но господари отказались выполнить требование своего сюзерена. После этого султан отрешил от власти господаря Валахии на том основании, что тот оказал прием и поддержку русским войскам. Фирман об отрешении был зачитан 9 августа в собрании бояр, которое постановило просить господаря не отказываться от власти в настоящий критический момент. Князь так и сделал. Министр

* — Абдул-Меджид. *Ред.*
** — Гике (Молдавия) и Штирбею (Валахия). *Ред.*

иностранных дел Ману и начальник департамента министерства внутренних дел Ивандис были также вызваны в Константинополь, но и они отказались выполнить приказ под тем предлогом, что их отъезд может вызвать беспорядки. В связи с этим французский и британский консулы немедленно прекратили все сношения с мятежным правительством.

Дела в Сербии принимают сложный оборот. Парижская газета «Constitutionnel» в номере за прошлую пятницу поместила сообщение из Константинополя, согласно которому Австрия, пользуясь затруднениями султана, предъявила ему ряд требований.

Австрийский генеральный консул, совершивший недавно инспекционную поездку по Боснии и Сербии, заявил сербскому князю Александру, что Австрия готова оккупировать Сербию своими войсками в целях подавления всякого опасного движения среди населения. Князь отклонил предложение генерального консула и немедленно направил в Константинополь специального курьера с сообщением об этом предложении Австрии. Решид-паша обратился к барону де Бруку за объяснениями. Последний ответил, что генеральный консул имел с князем предварительную беседу в связи с возникшими у Австрии опасениями, что ее подданные, проживающие на границах с Сербией, могут быть вовлечены в какие-либо волнения, которые вспыхнут в этой провинции. Ответ Решид-паши сводился к тому, что любая оккупация Сербии войсками Австрии будет рассматриваться Портой как враждебный акт, ибо Порта сама отвечает за спокойствие в этой провинции; кроме того, Решид-паша обещал немедленно послать в Сербию специального чиновника с поручением изучить положение дел на месте и представить об этом отчет.

Через день в нескольких лондонских газетах появились сообщения о вступлении австрийских войск в Сербию. Эти сообщения, однако, не имели под собой никакой почвы. Вчера эти же газеты сообщили о контрреволюционном восстании в Сербии. Однако и эти сообщения оказались не более достоверными, так как они были основаны на ошибочном переводе немецкого слова Auflauf*; фактически имел место незначительный бунт. Немецкие газеты опубликовали сегодня сообщения из Константинополя от 9 августа, согласно которым состоялось несколько заседаний Дивана, посвященных сербским делам. Поведение князя Александра получило полное одобрение и было принято решение о том, что если австрийские войска сделают

* — сборище, мятеж, волнение. *Ред.*

попытку оккупировать Сербию, то они в случае необходимости будут изгнаны оттуда силой. Одна дивизия уже отправлена к границам Боснии. Из частных писем, полученных в Константинополе 8 августа, там стало известно, что князь Александр, вследствие конфликта с австрийским консулом, апеллировал к мнению консулов Франции и Англии и временно покинул Белград. Утверждают, что он направился в Ниссу, где будет ожидать распоряжений Порты.

Г-н Уркарт в статье, опубликованной сегодня в «Morning Advertiser», пишет по поводу осложнений в Сербии следующее:

«Россия в настоящий момент не думает о войне с Турцией, так как, действуя совместно с Австрией, она потеряла бы своих православных союзников; зато она втягивает Австрию в назревающий конфликт, в результате которого Сербия окажется в положении, сходном с положением Дунайских княжеств. Это явится прелюдией к религиозной войне между католиками и православными... Внезапной переменой декораций Россия может сделать свою оккупацию Дунайских княжеств приемлемой для Турции в качестве меры защиты турок от австрийской оккупации Сербии и таким образом она может втянуть и Австрию и Турцию в планы расчленения как той, так и другой страны, оказывая им в этом поддержку».

Для покрытия чрезвычайных расходов, связанных с оккупацией княжества, господарь Молдавии намеревается сделать заем у русских банкиров.

Недостаток продовольствия в болгарских крепостях настолько велик, что проводится строжайшая экономия и гарнизоны испытывают суровые лишения.

Газета «Journal de Constantinople»[256] приводит следующее сообщение из Алеппо:

«Недавно была раскрыта шайка злонамеренных турок, готовившая нападение, как это имело место в 1850 г., на христианское население города. Однако, благодаря неослабной бдительности паши-губернатора и Али Асми-паши — командующего войсками в Алеппо, эта попытка была подавлена и общественный порядок сохранен. В связи с этим греческий вселенский патриарх Деметрий и армянский патриарх Василий выразили в совместном письме от имени своих общин благодарность Решид-паше за защиту, оказанную правительством султана христианам».

Немецкая «С.-Петербургская газета»[257] в передовой, посвященной восточным делам, пишет следующее:

«Если в начале июля у друзей мира могла быть только надежда, то в последние дни у них появилась уверенность. Посредничество между Россией и Турцией теперь окончательно перешло в руки Австрии. В Вене будет намечено решение восточного вопроса, который в последнее время вызвал беспокойство на всем пространстве от Черного моря до Атлантического океана и явился единственной причиной, помешавшей европейским дипломатам воспользоваться своими обычными отпусками».

Обратите внимание на то, как старательно подчеркивается здесь, что Австрия одна, вместо четырех держав, является посредником и как беспокойство народов ставится, в истинно русском стиле, на одну доску с прерванными отпусками дипломатов.

Берлинская «National-Zeitung» опубликовала письмо из Грузии, датированное 15 июля, в котором сообщается, что Россия намеревается в конце месяца предпринять новую кампанию против кавказцев и что флот, находящийся в Азовском море, приведен в боевую готовность для поддержки действии сухопутной армии.

Парламентская сессия 1853 г. закончилась в прошлую субботу — парламент распущен до 27 октября. Комиссией была оглашена весьма бесцветная и бессодержательная речь, которая должна была представлять собой послание королевы. Отвечая г-ну Милнсу, лорд Пальмерстон заверил парламент, что он может не беспокоиться в отношении эвакуации Дунайских княжеств, но, тем не менее, он не дал в этом смысле никакой другой гарантии, кроме «своей веры в честность и личные качества русского императора», которые-де побудят его *добровольно* вывести свои войска из княжеств. Коалиционный кабинет отплатил, таким образом, сам себе за речь Пальмерстона против г-на Кобдена[*], принудив Пальмерстона торжественно заявить о своей «вере в честность и личные качества» царя. Тот же Пальмерстон принял в тот же день депутацию от аристократической фракции польской эмиграции в Париже и ее филиала в Лондоне[258], преподнесшую светлейшему лорду адрес и золотые, серебряные и бронзовые медальоны с портретами князя Адама Чарторыского, по-видимому, в знак благодарности за согласие лорда на конфискацию Кракова в 1846 г.[259] и другие проявления сочувствия с его стороны делу Польши. Вездесущий лорд Дадли Стюарт, покровитель лондонского филиала парижского общества, выполнял, конечно, роль церемониймейстера. Лорд Пальмерстон заверил посетивших его простаков «в своем глубоком интересе к польской истории, которая поистине была историей, полной страданий». При этом благородный лорд не преминул заметить, что он говорит не как член кабинета, а принимает их лишь как частное лицо, интересующееся вопросом.

Первая половина нынешней затянувшейся сессии были заполнена агонией министерства Дерби, образованием и окончательной победой коалиционного кабинета и пасхальными каникулами парламента. Что касается действительного содер-

[*] См. настоящий том, стр. 287—288. *Ред.*

жания сессии, то ее наиболее замечательными чертами было разложение всех старых политических партий, коррупция членов парламента и полное оцепенение всех тех, кто пользуется привилегией избирать. Все это обнаружилось в весьма любопытном характере деятельности правительства, которое приняло в свое лоно все оттенки различных направлений и все таланты официального мира, провозгласило отсрочку как метод разрешения всех вопросов, пыталось уклониться от трудностей при помощи полумер, кормило обещаниями, объявило, что «исполнение есть своего рода завещание или завет, свидетельствующий о большом недомыслии тех, кто его оставил», брало обратно, видоизменяло, проваливало свои собственные законопроекты тотчас же после их внесения, жило наследием своих предшественников, которых сурово клеймило, отдавало инициативу в проведении своих собственных мероприятий палате, которой оно должно было руководить, и терпело неизбежный провал с теми немногими биллями, авторство' которых неоспоримо принадлежит ему. Так, парламентская реформа, реформа народного образования и реформа в области права (не считая отдельных мелочей) были отложены. Билли о ссылке в каторжные колонии, о судоходстве и пр. были унаследованы от кабинета Дерби. Билль о канадском резервном фонде был совершенно изуродован самим правительством через несколько дней после его внесения. Что касается бюджета, то закон о налоге на наследство был предложен канцлером казначейства после того, как он сам же проголосовал против этого налога. Закон о налоге на объявления был проведен канцлером лишь после того, как палата дважды провалила его предложения. Новое положение о системе лицензий, претерпев различные изменения, было, в конце концов, положено под сукно. Претенциозно предложенное г-ном Гладстоном в качестве некоего грандиозного плана, это положение, вполне достойное бюджета в целом, оказалось в принятом палатой виде жалкой заплатой, простым конгломератом случайных, бессвязных и противоречивых мелочных пунктов. Единственная важная черта билля об Индии — невозобновление хартии Ост-Индской компании — была внесена министерством лишь после того, как оно предварительно объявило о продлении хартии на 20 лет. Два закона, автором которых действительно в полной мере является «министерство всех талантов», — об извозчиках и конверсии государственного долга, — не успели выйти за порог палаты, как уже были освистаны публикой, засвидетельствовавшей этим их провал. Внешняя политика «самого сильного правительства, которое когда-либо видела Англия», была, по

признанию его собственных сторонников, nec plus ultra[*] беспомощности, неустойчивости и слабости. Тем не менее, союз, заключенный в Чешем-плейс между бюрократами-пилитами, вигскими олигархами и псевдорадикалами[260], еще более укрепился под влиянием угрожающего характера зарубежных дел и еще более грозных симптомов народного недовольства внутри страны, — недовольства, выразившегося в небывалом по интенсивности и масштабам забастовочном движении и в возрождении чартистской агитации. При оценке внешней политики правящих классов и кабинета мы не должны упускать из виду, что война с Россией чревата всеобщим революционным пожаром на континенте, который в настоящий момент легко может найти неизбежный отклик среди народных масс Великобритании.

Что касается палаты лордов, то ее деятельность можно резюмировать очень кратко. Она проявила свое ханжество отклонением билля об эмансипации евреев, свою враждебность к рабочему классу — погребением билля о рабочих союзах, свою корыстную ненависть к ирландскому народу — сдачей в архив ирландских земельных биллей, наконец свою тупую приверженность к злоупотреблениям в Индии — восстановлением соляной монополии. Палата лордов все время действовала в тайном сговоре с правительством относительно того, что если какое-либо прогрессивное мероприятие случайно пройдет через палату общин, оно будет провалено просвещенными лордами.

Среди документов, представленных парламенту до его роспуска, имеется объемистая переписка между английским и русским правительствами по вопросу о нарушении судоходства в Сулинском рукаве Дуная. Переписка началась с 9 февраля 1849 г. и закончилась в июле 1853 г. без всяких практических результатов. Дело дошло до того, что даже австрийское правительство вынуждено объявить, что устье Дуная стало недоступным для судоходства и что его почта в Константинополь будет впредь доставляться через Триест. Все это затруднение — результат потворства англичан захватам московитов. В 1836 г. английское правительство, молча согласилось с узурпацией устья Дуная Россией, хотя до этого оно предписало одной торговой фирме сопротивляться вмешательству чиновников русского правительства.

Так называемый мирный договор с Бирмой, о котором возвестила прокламация генерал-губернатора Индии от 30 июня 1853 г. и по поводу которого королева поздравила парламент, на самом деле является только перемирием. Король Авы[**],

[*] — верхом, крайней степенью. *Ред.*
[**] — Мендон. *Ред.*

вынужденный к подчинению голодом, выразил желание прекратить военные действия, освободил английских пленных, попросил о снятии речной блокады и запретил своим войскам нападать на территории Мекадей и Тунгао, куда английское правительство ввело свои гарнизоны, подобно тому как турецкое правительство запретило своим войскам атаковать русские войска в Дунайских княжествах. Однако король Авы отказывается признать притязания Англии на Пегу или какую-либо другую часть Бирманской империи. Единственно, чего добилась Англия в войне с Бирмой, это установления подверженной опасности и спорной границы вместо надежной и признанной. Англия устремилась за этнографические, географические и политические пределы своих индийских владений, и теперь сама Небесная империя уже не составляет естественной преграды для ее завоевательных сил. Англия утратила свой центр тяжести в Азии, ее повлекло к беспредельным захватам. Она больше не в состоянии контролировать свои собственные движения и остановится лишь там, где кончается суша и начинается море. Таким образом, Англии суждено, по-видимому, открыть отдаленнейшие страны Востока для сношения с Западом, но не суждено овладеть ими и удержать их в своих руках.

Крупные забастовки углекопов в Южном Уэльсе не только продолжаются, но и вызвали новые забастовки среди рабочих, занятых в железных рудниках. Ожидается всеобщая забастовка британских моряков к моменту вступления в силу билля о торговом судоходстве, который разрешает набор иностранцев в судовые команды исключительно, как утверждают моряки, с целью понижения их заработной платы. Значение происходящих забастовок, на которое я не раз обращал внимание ваших читателей, начинает теперь понимать даже лондонская буржуазная пресса. Так, газета «Weekly Times»[261] в прошлую субботу отмечала:

«Отношения между работодателями и рабочими чрезвычайно обострились. По всей стране труд смело выступает против капитала, и можно с полной уверенностью утверждать, что вызванная этим борьба еще только начинается. Рабочий класс твердо решил испытать свои силы. В настоящий момент движение пока еще ограничивается рядом разрозненных стычек, но, судя по некоторым признакам, уже недалек день, когда эти разрозненные военные действия перерастут в систематический, всеобщий и объединенный поход против капитала».

Написано К. Марксом 23 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3864, 5 сентября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

МИХАИЛ БАКУНИН

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «MORNING ADVERTISER»

Милостивый государь!

Гг. Герцен и Головин пожелали замешать выходившую в 1848 и 1849 гг. под моей редакцией «Neue Rheinische Zeitung» в полемику, которая происходит между ними и «Ф. М.»* по поводу Бакунина[262]. Они объявляют английской публике, что клевете на Бакунина было положено начало на столбцах этой газеты, которая-де даже осмелилась сослаться на свидетельство Жорж Санд. Меня нисколько не трогают инсинуации гг. Герцена и Головина. Но, так как это может содействовать разрешению спора, поднятого вокруг имени Михаила Бакунина, то позвольте мне установить, как фактически обстояло дело.

5 июля 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» получила из Парижа два письма: одно представляло собой оригинал корреспонденции агентства Гавас, другое было частной корреспонденцией, исходившей от польского эмигранта, совершенно не связанного с этим агентством; в обоих сообщениях утверждалось, что Жорж Санд имела в своем распоряжении документы, компрометирующие Бакунина, как человека, установившего в последнее время связи с русским правительством.

6 июля «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала письмо своего парижского корреспондента**.

Бакунин, со своей стороны, заявил в «Neue Oder-Zeitung»[263] (газете, издающейся в Бреславле), что еще *до появления* в «Neue Rheinische Zeitung» этой парижской корреспонденции подоб-

* — Фрэнсисом Марксом. *Ред.*
** — Эвербека. *Ред.*

ные слухи тайно распространялись в Бреславле, что они исходят от русских посольств и что лучшим ответом на них будет его обращение к Жорж Санд. Письмо Бакунина к Жорж Санд было опубликовано одновременно с его заявлением. Как заявление, так и письмо были немедленно перепечатаны в «Neue Rheinische Zeitung» (см. номер от 16 июля 1848 года). 3 августа 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» получила от Бакунина через г-на Косцельского письмо Жорж Санд, адресованное редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое и было опубликовано в тот же день со следующими вводными замечаниями:

«В № 36 нашей газеты мы сообщали, что в Париже распространился слух, будто Жорж Санд имеет в своем распоряжении документы, рисующие русского эмигранта Бакунина как агента императора Николая. Мы сообщили об этом, потому что эти сведения были нам переданы одновременно двумя корреспондентами, совершенно не связанными друг с другом. Поступая таким образом, мы лишь выполнили долг, лежащий на публичной печати, которая должна проявлять строгую бдительность по отношению к общественным деятелям. В то же самое время мы предоставили г-ну Бакунину возможность рассеять подозрения, выдвигаемые против него в некоторых парижских кругах. Мы даже перепечатали из «Neue Oder-Zeitung» заявление г-на Бакунина и его письмо, адресованное Жорж Санд, не дожидаясь его просьбы. Теперь мы публикуем текстуальный перевод письма Жорж Санд, адресованного редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое полностью исчерпывает этот инцидент» (см. «Neue Rheinische Zeitung» от 3 августа 1848 г.).

В последних числах августа 1848 г. я, проездом через Берлин, виделся с Бакуниным и возобновил с ним тесную дружбу, которая соединяла нас до февральской революции.

В номере от 13 октября 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» выступила с осуждением прусского министерства за изгнание Бакунина и угрозу выдать его России, если он осмелится снова вернуться в прусские земли.

В номере от 15 февраля 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» поместила передовую статью по поводу брошюры Бакунина «Призыв к славянам», в начале которой были следующие слова: *«Бакунин — наш друг.* Но это не помешает нам подвергнуть критике его брошюру»[264].

В своих статьях на тему «Революция и контрреволюция в Германии», печатавшихся в «New-York Daily Tribune», я, насколько мне известно, первым из немецких писателей воздал Бакунину должное за его участие в нашем движении, и особенно в дрезденском восстании[265], осуждая в то же самое время германскую печать и германский народ за то, что они проявили величайшую трусость, допустив выдачу Бакунина своим и его врагам.

Что касается «Ф. М.», то, поскольку он исходит из навязчивой идеи, будто революции на континенте благоприятствуют тайным замыслам России, он должен, если он хочет быть в какой-то море последовательным, осудить не только Бакунина, но и любого континентального революционера как русского агента. В его глазах сама революция является русским агентом. Почему бы не быть им и Бакунину?

Лондон, 30 августа 1853 г.

Карл Маркс

Напечатано в газете «The Morning Advertiser» 2 сентября 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОВЫШЕНИЕ ХЛЕБНЫХ ЦЕН. — ХОЛЕРА. — ЗАБАСТОВКИ. — ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ МОРЯКОВ [266]

Лондон, вторник, 30 августа 1853 г.

«Breslauer Zeitung»[267] сообщает, что вывоз хлеба из Валахии окончательно запрещен.

В настоящее время назревает вопрос в известном смысле более важный, чем восточный, а именно продовольственный вопрос. Цены на хлеб поднялись в Кенигсберге, Штеттине, Данциге, Ростоке, Кёльне, Гамбурге, Роттердаме и Антверпене и, само собой разумеется, вообще на всех значительных рынках. На главных провинциальных рынках Англии цена на пшеницу поднялась с 4 до 6 шилл. за квартер. Постоянно повышающиеся цены на пшеницу и рожь в Бельгии и Франции и вызванная этим дороговизна хлеба порождают серьезное беспокойство. Французское правительство закупает зерно в Англии, Одессе и Прибалтике. Окончательные данные о размерах урожая в Англии будут получены не ранее следующей недели. Болезнь картофеля приняла в Англии более повсеместный характер, чем в Ирландии. Вывоз зерна запрещен всеми правительствами в Италии, в том числе и ломбардскими властями.

В течение прошлой недели в Лондоне были обнаружены несомненные случаи заболевания азиатской холерой. Мы также слышали, что холера достигла уже Берлина.

Сражение между трудом и капиталом, между заработной платой и прибылью продолжается. В Лондоне имели место новые забастовки среди грузчиков угля, парикмахеров, портных, дамских сапожников, рабочих, обтягивающих зонтики, белошвеек и вообще рабочих, изготовляющих белье, а также занятых в магазинах готового платья и в оптовых экспортных фирмах. Вчера объявили забастовку многие каменщики,

а также рабочие, занятые перевозкой грузов на баржах с кораблей, стоящих на Темзе, на пристань. Забастовка углекопов и металлургов в Южном Уэльсе продолжается. К этому перечню нужно еще прибавить новую забастовку углекопов в Резолвене и т. д., и т. д.

Было бы утомительно перечислять в каждой из моих статей различные забастовки, сведения о которых поступают ко мне еженедельно. Поэтому я буду лишь от случая к случаю отмечать те из них, которые выделяются особенно интересными чертами; среди них заслуживает упоминания, хотя это еще не забастовка, продолжающийся конфликт между полицейскими констеблями и их начальником, сэром Ричардом Мейном. Сэр Ричард Мейн в своем циркуляре, адресованном в различные отделения столичной полиции, запретил полицейским собираться на митинги или создавать союзы и в то же время заявил, что он сам готов разбирать каждую индивидуальную жалобу. Полицейские ответили ему, что считают право собраний неотъемлемым правом англичан. Сэр Мейн напомнил им, что их оклады были установлены в то время, когда предметы продовольствия были намного дороже, чем в настоящее время. Они ответили, что «их требование основывается не только на цене предметов продовольствия, но и на убежденности в том, что живые люди стали не так дешевы, как они были раньше».

Самым значительным событием во всей этой истории забастовок является декларация, выпущенная «Объединенной дружественной ассоциацией моряков» и именуемая ими биллем о правах англосаксонских моряков. Декларация касается билля о торговом судоходстве, аннулирующего статью навигационного акта, согласно которой британские судовладельцы были обязаны комплектовать команды своих судов по крайней мере на три четверти из британских подданных. Новый билль открывает доступ в каботажное судоходство иностранным морякам даже там, где не допускаются иностранные суда. Авторы декларации заявляют, что это не билль о правах моряков, а билль о правах судовладельцев. При его проведении ни с кем, кроме судовладельцев, не советовались. Статья о наборе судовых команд действовала сдерживающим образом на хозяев, заставляя их лучше обращаться с экипажем судов и заботиться о его содержании. Новый закон отдает команду всецело во власть любого плохого капитана. Этот закон основывается на том принципе, что «все 17000 хозяев — люди благонравные, исполненные великодушия, милосердия и мягкости, а все моряки — люди несговорчивые, неблагоразумные и от природы злые». Моряки заявляют, что в то время как судовладельцы могут отправлять

свои корабли, куда им заблагорассудится, труд моряков может применяться только в пределах собственной страны, ибо правительство отменило навигационный акт, не позаботившись предварительно выговорить также и для них право наниматься на иностранные суда.

«Так как парламент принес моряков в жертву судовладельцам, мы, как класс, должны объединиться и принять меры для самозащиты».

Эти меры сводятся главным образом к намерению моряков отстаивать касающуюся их часть *статьи о наборе судовых команд.* В то же время они заявляют, что

«моряки Соединенных Штатов Америки должны рассматриваться как британцы, к ним предполагается обратиться с призывом поддержать наш союз. Поскольку же после 1 октября, когда войдет в силу вышеупомянутый закон, плавание в качестве английских подданных не будет больше связано с какими-либо преимуществами, а наоборот, служба на британских судах в мирное время и в качестве иностранцев гарантирует свободу от призыва и от обязанности служить во время войны в военно-морском флоте ее величества, и поскольку обладание американской свободой даст гораздо большую защиту во время мира, то моряки будут обзаводиться удостоверениями о гражданстве Соединенных Штатов по прибытии в любой порт этой республики»[268].

Написано К. Марксом 30 августа 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3873, 15 сентября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ «PEOPLE'S PAPER» [269]

Милостивый государь!

Газета «Morning Advertiser» от 3-го числа сего месяца опубликовала прилагаемую ниже статью «Как следует писать историю (от иностранного корреспондента)», отказавшись в то же время поместить мой ответ этому «иностранному корреспонденту». Вы обяжете меня, поместив в «People's Paper» обе статьи — как русскую статью, так и мой ответ на нее.

Преданный Вам

д-р ***Карл Маркс***

Лондон, 7 сентября

«КАК СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

(От иностранного корреспондента)

Бакунин русский агент, — Бакунин не русский агент. Бакунин умер в Шлиссельбургской крепости, подвергнувшись там чрезвычайно суровому обращению, — Бакунин не умер, он еще жив. Его отдали в солдаты и сослали на Кавказ, — нет, его не отдавали в солдаты, он все еще сидит в Петропавловской крепости. Таковы те противоречивые сведения, которые поочередно появлялись в печати относительно Михаила Бакунина.

В наши дни, когда все предается широкой огласке, мы приходим к истинному, лишь утверждая ложное. Но доказано ли, наконец, что Бакунин не находится на жаловании у русского военного ведомства?

Есть люди, которые не знают, что гуманность делает людей зависимыми друг от друга, что, освобождая Германию от влияния, которое имеет на нее Россия, мы оказываем также обратное воздействие на последнюю, снова толкая ее в объятия деспотизма, до тех пор пока она не станет уязвимой для революции. Таких людей напрасно было бы убеждать, что Бакунин является одним из самых чистых и великодушных представителей прогрессивного космополитизма.

«Клевещите, клевещите, — гласит французская пословица,— от клеветы всегда что-нибудь останется». Клевета на Бакунина, поддержанная в 1848 г. одним из его друзей, в 1853 г. вновь распространяется неизвестным лицом.

«Предает всегда свой, — говорит другая пословица, — и лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым другом». Не консервативные газеты взяли на себя распространение клеветы на Бакунина, эту заботу взяла на себя дружественная газета.

У людей, которые могут хотя бы на мгновение забыть, — как забыл г-н Маркс, — что Бакунин сделан не из того теста, из которого делаются полицейские шпионы, очевидно, слабо развито революционное чувство. Почему он, по крайней мере, не поступил так, как поступают обыкновенно английские газеты, и не опубликовал того письма польского эмигранта, в котором выдвигались обвинения против Бакунина? Ему не пришлось бы сожалеть о том, что его имя связывается с ложным обвинением».

ОБ ИНОСТРАННОМ КОРРЕСПОНДЕНТЕ, ВЫСТУПИВШЕМ В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ «MORNING ADVERTISER»

«Лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым другом». Совершенно верно.

Разве не «глупый друг» тот, кто удивляется как открытию, что полемика предполагает противоположные мнения и что историческая истина может быть выведена не иначе как из противоречивых утверждений.

Разве не «глупый друг» тот, кто находит нужным в 1853 г. придираться к объяснениям, которыми удовлетворился сам Бакунин в 1848 году; кто «снова толкает Россию в объятия деспотизма», от которого она никогда не освобождалась, и называет французской банальную латинскую пословицу.

Разве не «глупый друг» тот, кто уверяет, будто газета, поместив сообщение своего иностранного корреспондента без всяких оценок со стороны редактора, «поддержала» его сообщение.

Разве не «глупый друг» тот, кто выставляет «консервативные газеты» в качестве образца «революционного чувства», которое в момент высшего напряжения изобрело lois des suspects* и заподозрило даже таких людей, как Дантон, Камилль Демулен и Анахарсис Клоотс в том, что они сделаны из «теста» предателей; кто осмеливается нападать на третье лицо от имени Бакунина и не осмеливается выступить в его защиту от своего собственного имени.

В заключение позвольте мне заявить любителю избитых пословиц, что на этом я прекращаю полемику с ним и ему подобными друзьями Бакунина.

Лондон, 4 сентября 1853 г.

Карл Маркс

Напечатано в газете «The People's Paper» № 71, 10 сентября 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — закон о подозрительных. *Ред.*

К. МАРКС

* ВЕНСКАЯ НОТА.—США И ЕВРОПА. — ПИСЬМА ИЗ ШУМЛЫ.— БАНКОВСКИЙ АКТ ПИЛЯ

Лондон, пятница, 9 сентября 1853 г.

Когда в своей статье от 30 августа[270] я сообщил вам, что Венская нота по существу отвергнута Портой, поскольку предложенные Портой изменения и требование немедленной предварительной эвакуации[271] нельзя рассматривать иначе как отказ удовлетворить притязания России, я разошелся во мнении со всей прессой, утверждавшей, что предлагаемые изменения незначительны, что о них вообще не стоит говорить и что вопрос в целом можно считать урегулированным. Несколько дней спустя «Morning Chronicle» удивила доверчивых биржевиков сообщением, что изменения, предлагаемые Портой, очень серьезны и уладить дело будет далеко не просто. В настоящее время существует только одно мнение, а именно, что весь восточный вопрос возвратился к своей исходной точке, и такое впечатление отнюдь не ослаблено опубликованием во вчерашних газетах полного текста официальной ноты, с которой Решид-паша 19 августа 1853 г. обратился к представителям Австрии, Франции, Великобритании и Пруссии.

В том, что русский император отклонит турецкие «изменения», можно не сомневаться. Газета «Assemblee nationale», этот парижский «Moniteur»[*] русского императора, уже сообщила нам, что

«согласно известиям, полученным сегодня в Париже, первое впечатление у петербургского кабинета сложилось отнюдь не в пользу предложенных Портой изменений. Каковы бы ни были решения этого кабинета, мы должны заранее быть готовыми к тому, чтобы встретить их хладнокровно и не выказывать опасений. Нам следует принять во внимание, что если

[*] — официальный орган. *Ред.*

даже русский кабинет не согласится принять предложенные Портой изменения в Венской ноте, то остается выход в виде новых переговоров в Константинополе».

Содержащийся здесь намек на то, что Россия попытается еще раз отсрочить разрешение спора, подтверждает и берлинская газета «Litographic Correspondence»:

«Австрийское правительство предъявило меморандум императору Николаю, содержащий новые предложения относительно изменений, и оно предпринимает шаги к ликвидации кризиса совершенно иным путем, чем это делалось при всех предыдущих попытках».

Венская газета «Wanderer»[272] поместила письмо из Одессы от 26 августа, в котором сказано, что «разрешение восточного вопроса еще не так близко, как некоторые ожидали». Кронштадтский «Satellite» категорически утверждает,что русские войска расположатся в Дунайских княжествах на зимние квартиры.

Едва ли даже нота, полученная из Вашингтона, могла произвести в Европе большую сенсацию, чем ваши редакционные замечания о капитане Ингрехеме[273]. Их перепечатала, с комментариями или без комментариев, почти вся еженедельная лондонская пресса, многие французские газеты, брюссельская «Nation», туринская «Parlamento», «Basler Zeitung» и все либеральные газеты Германии. Поскольку ряд немецких газет одновременно перепечатал и вашу статью о швейцарско-американском союзе, вы можете считать, что следующее место из статьи в берлинской «Litographic Correspondence» обращено отчасти и к вам:

«Некоторое время тому назад пресса имела различные поводы для того, чтобы высказать свое мнение относительно американской теории вмешательства. Совсем недавно возобновились споры в связи с делом Косты в Смирне. Это дело еще не закончилось,, а иностранные и местные газеты уже рассматривают возможность вмешательства Соединенных Штатов на стороне Швейцарии, если последняя окажется под угрозой нападения. Сегодня мы получили сведения, что некоторые державы намерены выступить с коллективным заявлением протеста против доктрины международного права, выдвинутой Соединенными Штатами, и что мы можем надеяться на достижение полного согласия между кабинетами этих стран. Если американская теория вмешательства не будет *отвергнута* самым решительным образом, *искоренение революционного духа в Европе натолкнется на непреодолимое препятствие.* К этому сообщению мы можем добавить тот важный факт, что одной из держав, готовых подписаться под этим протестом, является Франция».

Газета «Constitutionnel» в своем номере за вторник позаботилась о том, чтобы не оставить никаких сомнений в отношении этого последнего пункта:

«Нужно говорить обо всем без обиняков. Представители американской республики защищают Косту от Австрии не как гражданина Соединенных

Штатов, а как революционера. Но ни одна европейская держава не примет в качестве принципа международного права положение, что правительство Соединенных Штатов вправе защищать революцию в Европе силой оружия. Ни в коем случае недопустимо, чтобы какому-нибудь правительству чинились препятствия в осуществлении его юрисдикции под тем смехотворным предлогом, что преступник изменил свое подданство, а на самом деле — потому, что он восстает против политического строя своей страны. Флоту Американского союза не всегда удастся одерживать столь легкие победы, а в другой раз такое своеволие, какое проявил капитан парохода «Сен-Луи», может привести к очень прискорбным последствиям».

В полученном нами сегодня номере выходящей в Смирне газеты «Impartial» опубликованы следующие интересные письма из Шумлы:

«Шумла, 8 авг. 1853 г.

Главнокомандующий Омер-паша так умело распределил свои войска, что при первой же необходимости он может в 24 часа сосредоточить в любом пункте Дуная 65 тысяч пехоты и кавалерии и 180 орудий. Согласно письму, полученному мною из Валахии, тиф производит огромные опустошения в рядах русской армии, которая с момента начала кампании потеряла не менее 13 тысяч человек. Мертвых стараются хоронить ночью. Очень большой падеж лошадей. А в нашей армии нет никаких болезней. Время от времени на противоположном берегу Дуная появляются одетые в молдавскую форму русские отряды, насчитывающие от 30 до 60 человек. Все их передвижения известны нашему генералу. Вчера прибыла тысяча албанцев-католиков. Они являются авангардом отряда в 13 тысяч человек, который должен прибыть со дня на день. Все они прекрасные стрелки. Вчера прибыло также 3 тысячи кавалерии — все до одного старые служаки, прекрасно вооруженные и оснащенные. Численность наших войск растет с каждым днем. Ахмет-паша вчера отбыл в Варну, где он будет ожидать египетские войска, с тем чтобы направить их в пункты, которые они должны занять.

Шумла, пятница, 12 авг. 1853 г.

9 августа два полка пехоты и одна батарея легкой артиллерии, принадлежащие к гвардии султана, выступили в направлении Разграда. 10 августа мы получили сообщение о том, что 5600 русских расположились лагерем на берегу Дуная у порта Тутракан, в результате чего аванпосты обеих армий оказались всего лишь на расстоянии ружейного выстрела друг от друга. Доблестный полковник Искандер-бей отправился к этому пункту с несколькими офицерами. Омер-паша установил телеграфную связь, чтобы в любое время дня и ночи в штаб-квартиру передавались сообщения о событиях, происходящих на любом участке реки.

В течение последних нескольких дней беспрерывно шли дожди, но несмотря на это фортификационные работы продолжались весьма энергично. Два раза в день, на рассвете и на закате, производится артиллерийский салют. На противоположном берегу реки нет ничего подобного.

После того как египетские войска пройдут карантин в Константинополе, они погрузятся на суда и отправятся в Варну, откуда их должны направить в Бабадаг. Там их ждет бригадный генерал Изет-паша. В округе Добруджа-Овасси сосредоточилось 20 тысяч татар, чтобы принять участие в войне против русских. Большей частью это бывшие эмигранты, которые уехали из Крыма во время завоевания его Россией. Оттоманская

армия, численность которой возрастает с каждым днем благодаря прибытию новых войск, как регулярных, так и иррегулярных, устала от бездействия и горит желанием начать военные операции. Следует опасаться, что на днях будет осуществлена переправа через Дунай без приказа свыше; вероятность этого особенно велика теперь, когда появление русских на противоположном берегу еще больше возбуждает армию. Несколько дней тому назад группа врачей, мусульман и христиан, выехала организовывать военные госпитали европейского типа в Плевне, Разграде, Видине и Силистрии. 11-го числа из Варны прибыли два высших английских офицера. У них была продолжительная беседа с Омер-пашой. В сопровождении нескольких турецких офицеров они осмотрели укрепления и нашли, что они прекрасно подготовлены к обороне, снабжены достаточным количеством пороховых погребов, пекарен, запасов свежей воды и т. д. Все эти укрепления построены в высшей степени прочно. Среди наших войск царит самая строгая дисциплина.

Шумла, понедельник, 15 авг. 1853 г.

13-го числа из Константинополя прибыл английский генерал О'Доннел. Он имел двухчасовую беседу с Омер-пашой и на следующий день в сопровождении адъютанта главнокомандующего уехал инспектировать укрепления. Вчера из Варны прибыли три батареи и огромное количество боеприпасов. Завтра в порт Расова отправятся подкрепления в составе одной батареи, двух батальонов пехоты и 1000 человек кавалерии. В Расове инженерные войска усиленно работают по восстановлению укреплений, разрушенных русскими в 1828 году. Турция может быть абсолютно уверена в своей армии».

В прошлый четверг граф Фицуильям направил письмо собранию ножовщиков Шеффилда, в котором он протестует против высказанного доблестным Пальмерстоном при закрытии парламентской сессии чудовищного предположения о том, что «следует полагаться на честность и личные качества русского императора».

Г-н Дизраэли назначил на 14 сентября встречу со своими избирателями в Эйлсбери. Во вчерашнем номере «Daily News» напечатана длинная и скучная статья, в которой делается попытка парировать то, что, по предположению газеты, г-н Дизраэли вероятно скажет своим избирателям. Я полагаю, что для «Daily News» было бы гораздо более уместным предоставить совершать такие подвиги своему почтенному предку — лондонскому «Punch»[274].

В настоящее время Английский банк в четвертый раз, начиная с января месяца, повысил учетную ставку. 4 сентября она была установлена в 4%. Лондонская газета «Sun»[275] восклицает по этому поводу:

«Предпринята еще одна попытка *сократить средства обращения страны,* сделано еще одно усилие задержать развитие народного благосостояния».

С другой стороны, газета утешает себя тем соображением, что в результате акта 1844 г., проведенного Пилем, Английский

банк утратил значительную долю своего вредоносного могущества.

Газета «Sun» ошибается как в том, чего она опасается, так и в том, на что возлагает надежды. Английский банк столь же мало способен увеличить или сократить денежное обращение страны, как и любой другой банк. Реальное же вредоносное могущество, которым обладает этот банк, отнюдь не было ослаблено, а напротив, было усилено актом Пиля 1844 года.

Поскольку банковский акт 1844 г. понимается обычно неправильно и поскольку в условиях приближающегося кризиса его влияние будет иметь весьма серьезное значение не только для Англии, но и для всего коммерческого мира, я намерен кратко разъяснить существо этого акта.

Банковский акт Пиля 1844 г. исходит из предположения, что единственным нормальным денежным обращением является металлическое денежное обращение; что количество денег в обращении регулирует цены; что в условиях чисто металлического денежного обращения оно расширяется при благоприятном валютном курсе и притоке золота в слитках и сокращается при неблагоприятном валютном курсе и отливе золота в слитках; что обращение банкнот должно в точности копировать металлическое денежное обращение; что поэтому между изменениями в количестве золота в подвалах Английского банка и изменениями в количестве его банкнот, обращающихся среди населения, должно быть определенное соответствие; что выпуск банкнот должен увеличиваться при благоприятном валютном курсе и сокращаться при неблагоприятном валютном курсе; и наконец, что Английский банк контролирует количество своих, находящихся в обращении, банкнот.

Из всех этих предпосылок нет ни одной, которая не была бы совершенно ошибочной и не противоречила бы фактам. Даже если предположить наличие чисто металлического денежного обращения, то количество денег в обращении не могло бы определять цены, как не могло бы оно определять и число торговых и промышленных сделок; напротив, цены определяли бы количество денег, находящихся в обращении. Неблагоприятный валютный курс и утечка золота не привели бы к сокращению даже чисто металлического денежного обращения, так как они оказали бы влияние не на количество денег, находящихся в обращении, а лишь на количество денег, находящихся в резерве, лежащих в качестве вкладов в банках или в виде сокровищ у частных лиц. С другой стороны, благоприятный валютный курс и сопровождающий его приток золота увеличил бы

не количество денег, находящихся в обращении, а количество денег, лежащих в банках или припрятанных у частных лиц. Поэтому акт Пиля, который исходит из ложной концепции чисто металлического денежного обращения, естественно приходит к неправильному копированию его в бумажном денежном обращении. Сама мысль о том, что эмиссионный банк контролирует количество выпущенных им в обращение банкнот, совершенно абсурдна. Банк, выпускающий банкноты, обмениваемые на золото, или вообще банкноты, авансируемые под коммерческое обеспечение, не в силах расширить естественные размеры обращения или сократить их хотя бы на одну-единственную банкноту. Банк может, конечно, выпустить любое количество банкнот, которое примут его клиенты, но если эти банкноты не требуются для обращения, они будут возвращены в банк либо в виде вкладов, либо в уплату долгов, либо в обмен на металлические деньги. С другой стороны, если банк вознамерится в принудительном порядке сократить размеры эмиссии, то вклады будут изыматься обратно в размерах, необходимых для заполнения вакуума, образовавшегося в обращении. Таким образом, банк не имеет никакой власти над количеством денег, находящимся в обращении, каковы бы ни были его возможности злоупотреблять капиталами других лиц. Так, хотя в Шотландии банковое дело до 1845 г. фактически не подвергалось ограничениям, и количество банков с 1825 г. значительно увеличилось, денежное обращение там сократилось, и на душу населения приходилось только по 1 ф. ст. (в бумажных деньгах), в то время как в Англии на душу населения приходилось по 2 ф. ст. — и это несмотря на то, что обращение денежных единиц достоинством ниже 5 ф. ст. в Англии в целом было металлическим, а в Шотландии — бумажным.

Иллюзорным является представление, будто количество денег в обращении должно соответствовать размерам золотого запаса. Если золотой запас в подвалах банка увеличивается, то, разумеется, этот банк всеми силами будет пытаться расширить обращение своих банкнот, но это, как учит опыт, бесполезно. За период с 1841 по 1843 г. золотой запас Английского банка возрос с 3965000 ф. ст. до 11054000 ф. ст., но общая сумма его бумаг, находящихся в обращении, сократилась с 35660000 до 34094000 фунтов стерлингов. Французский банк на 25 марта 1845 г. имел в обращении выпущенные им банкноты на сумму в 256000000 франков при золотом запасе в 234000000 франков, а на 25 марта 1846 г. у него были в обращении банкноты на сумму в 249404000 франков, при золотом запасе, равном только 9535000 франков.

Не менее ошибочно и предположение, будто внутреннее денежное обращение должно сокращаться в случае утечки золота. В настоящий момент, например, в то время как такая утечка продолжается, на монетный двор доставлено 3000000 долларов, которые присоединены к денежному обращению страны.

Но самое главное заблуждение основано на предположении, что спрос на денежные ссуды, то есть на заем капитала, должен означать спрос на дополнительные средства денежного обращения, как будто гораздо большее количество коммерческих сделок не производится при помощи векселей, чеков, аккредитивов, клирингов и других форм кредита, совершенно не связанных с так называемым денежным обращением. Лучшим мерилом кредитоспособности банка является рыночная ставка учетного процента, а наиболее точным показателем для определения количества операций, действительно произведенных банком, служит оборот векселей, подлежащих учету. Обратимся к этому двоякому способу измерения. Между мартом и сентябрем 1845 г., когда вместе со спекулятивной горячкой рост фиктивного капитала достиг наивысшей степени и всевозможные операции, совершавшиеся в огромных масштабах, буквально захлестнули страну, ставка учетного процента равнялась около $2^{1}/_{2}$%, а обращение банкнот осталось почти неизменным, между тем как в более поздний период, в 1847 г., когда учетная ставка достигла $4^{1}/_{2}$%» когда акции понизились в цене до крайнего предела и когда повсюду широко наблюдался отказ в кредитах, обращение банкнот достигло своей максимальной цифры.

Обращение банкнот Английского банка на 17 апреля 1847 г. составляло 21152853 ф. ст., на 15 мая 1847 г. — 19998227 ф. ст. и на 21 августа 1847 г. — 18943079 фунтов стерлингов. Но в то время как происходило это сокращение обращения, рыночная ставка учетного процента понизилась с 7 и 8 до 5%. Начиная с 21 августа по 23 октября 1847 г. обращение банкнот возросло с 18943079 ф. ст. до 21265188 фунтов стерлингов. В это же время рыночная ставка учетного процента поднялась с 5 до 8%. На 30 октября обращение банкнот составляло сумму в 21764085 ф. ст., а процент, уплачиваемый на Ломбард-стрит, поднялся до 10. Обратимся к другому примеру.

АНГЛИЙСКИЙ БАНК

	Векселя, подлежащие учету	Банкноты, находящиеся в обращении
На 18 сентября 1846 г.	12 323 816 ф. ст.	20 922 232 ф. ст.
На 5 апреля 1847 г.	18 627 116 » »	20 815 234 » »

Таким образом, банковых ссуд в апреле 1847 г. было на 6000000 ф. ст. больше, чем в сентябре 1846 г., но эти ссудные операции осуществлялись с помощью меньшего количества банкнот, находившихся в обращении.

Выяснив основные принципы банковского акта Пиля, я перехожу теперь к его практическим деталям. Этот акт предполагает, что банкноты на сумму в 14000000 ф. ст. составляют необходимый минимум для денежного обращения. Все банкноты, выпускаемые Английским банком сверх этой суммы, должны обеспечиваться соответствующим золотым запасом. Сэр Роберт Пиль вообразил, что он открыл автоматически действующий принцип эмиссий банкнот, который с механической точностью определяет количество денег в обращении и расширяет или сокращает его в точно такой же пропорции, в какой увеличивается или сокращается золотой запас. Для того чтобы осуществить этот принцип на практике, банк был разделен на два отделения — эмиссионное отделение и банковое отделение. Первое — это просто фабрика банкнот, второе — подлинный банк, принимающий вклады от государства и от публики, выплачивающий дивиденды, учитывающий векселя, предоставляющий займы и вообще ведущий операции с клиентурой по общим принципам любого иного банковского учреждения. Эмиссионное отделение передает, выпускаемые им банкноты банковому отделению на сумму, равную 14000000 ф. ст. плюс стоимость золотого запаса, хранящегося в подвалах банка. Банковое отделение распространяет эти банкноты среди публики. Золотой запас, необходимый для покрытия банкнот, выпущенных на сумму сверх 14000000 ф. ст., остается в эмиссионном отделении, остальная же часть его сдается в банковое отделение. Если золотой запас сократится настолько, что перестанет покрывать находящееся в обращении количество банкнот сверх 14000000 ф. ст., то банкноты, возвращающиеся в банковое отделение в счет погашения ссуд или в форме вкладов, вновь не выпускаются и не заменяются, а аннулируются. Если бы, например, в обращении имелось банкнот на 20000000 ф. ст., а металлический запас равнялся бы только 7000000 ф. ст., то в случае дальнейшей утечки 1000000 ф. ст. золотом, весь наличный золотой запас был бы затребован эмиссионным отделением и в банковом отделении не осталось бы ни одной золотой монеты.

Отсюда каждому будет понятно, что вся эта механика, с одной стороны, носит иллюзорный, а с другой — в высшей степени пагубный характер.

Взять, например, отчеты Английского банка в бюллетене за последнюю пятницу. Вы найдете там под рубрикой: «Эмис-

сионное отделение» сведения о том, что количество банкнот, находящихся в обращении, составляет 30531650 ф. ст. или 14000000 ф. ст. плюс 16962918 ф. ст. — последняя цифра соответствует золотому запасу в последнюю неделю. Но обращаясь к данным под рубрикой: «Банковое отделение», вы обнаружите в его активе банкноты на сумму 7755345 фунтов стерлингов. Это та часть общей суммы в 30531650 ф. ст., которая не была принята публикой. Таким образом, проявление автоматически действующего принципа ограничивается только передачей 30531650 ф. ст. в банкнотах из эмиссионного отделения в банковое отделение. Но и там они лежат без движения. Как только банковое отделение приходит в соприкосновение с публикой, количество денег в обращении регулируется не актом Пиля, а потребностями деловой жизни. Поэтому влияние автоматически действующего принципа не распространяется дальше подвалов банка.

С другой стороны, бывают моменты, когда Английский банк благодаря своему исключительному положению оказывает действительное влияние не только на английскую, но и на мировую торговлю. Это имеет место в периоды всеобщего недостатка в кредитах. В такие периоды, повышая, согласно акту Пиля, минимальную учетную ставку в соответствии с отливом золота и отказывая в ссудах, банк может обесценить государственные бумаги, понизить цены на все товары и в огромной степени усилить разрушительный характер торгового кризиса. Чтобы приостановить отлив золота и изменить валютные курсы, банк может превратить любой торговый застой в угрозу для денежного обращения. И подобным образом Английский банк в 1847 г. действовал и был вынужден действовать в силу акта Пиля.

Однако это еще не все. В любом банковском учреждении самые тяжелые обязательства связаны не с определенным количеством банкнот, находящихся в обращении, а с определенным количеством банкнот и металлических денег, помещенных в виде вкладов. Голландские банки, например, как заявил г-н Андерсон в комиссии палаты общин, имели до 1845 г. вкладов на сумму 30000000 ф. ст. и только 3000000 ф. ст. в обращении.

«Во время всех торговых кризисов», — говорит г-н А. Беринг, — «например, во время кризиса 1825 г. самыми грозными требованиями были требования не владельцев банкнот, а требования вкладчиков».

В настоящее время, когда акт Пиля предписывает, чтобы золотой запас хранился как резерв для обеспечения обмена банкнот на золото, директорам банка представляется полная

возможность обращаться с вкладами так, как им заблагорассудится. Более того. Именно установленный этим актом порядок, как я показал, может заставить банковое отделение приостановить выдачу вкладов и дивидендов, в то время как какое-то количество золота будет лежать в подвалах эмиссионного отделения. Так в 1847 г. действительно и произошло. Эмиссионное отделение располагало золотым запасом в 61000000 ф. ст. в момент, когда банковое отделение было спасено от банкротства только благодаря вмешательству правительства, приостановившего 25 октября 1847 г. под свою ответственность действие акта Пиля.

Таким образом, результатом акта Пиля явилось то, что Английский банк в течение кризиса 1847 г. менял учетную ставку тринадцать раз, тогда как в период кризиса 1825 г. он изменил ее лишь дважды; далее, то, что в разгар самого кризиса он вызвал ряд финансовых паник — в апреле и в октябре 1847 года; и наконец, то, что банковое отделение вынуждено было бы прекратить свою деятельность, если бы не было приостановлено действие самого акта. Не может быть, поэтому, сомнения в том, что акт Пиля усилит превратности и остроту надвигающегося кризиса.

Написано К. Марксом 9 сентября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3881, 24 сентября 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ. — НЕДОСТАТОК ХЛЕБА В ЕВРОПЕ

Лондон, вторник, 13 сентября 1853 г.

Газета «Sunday Times»[276] опубликовала в последнем номере депешу лорда Кларендона сэру Г. Сеймуру, являющуюся ответом на ноту графа Нессельроде от 2 июля. Депеша помечена 16 июля. Она представляет собой просто «doubliere»* ответа г-на Друэн де Люиса. Автор одной корреспонденции в «Leader» за прошлую субботу в следующей смелой манере высказывается об «антагонизме» между лордом Абердином и Пальмерстоном:

«Лорд Абердин никогда не мог понять притворства лорда Пальмерстона; он не видит, что благодаря этому притворству *лорд Пальмерстон умел безболезненно проводить русофильскую политику даже лучше, чем сам лорд Абердин*... Лорд Пальмерстон скрывает цинизм под маской *склонности к примирению*... Лорд Абердин, в противоположность лорду Пальмерстону, выражает свои убеждения открыто... Лорд Пальмерстон понимает, а лорд Абердин не понимает выгоды от разговоров о вмешательстве при невмешательстве на деле... Лорд Абердин знает, на основании близкого знакомства с правящими классами, как добываются места и покупаются голоса, и поэтому он не считает английскую конституцию наиболее совершенным из человеческих институтов; и, полагая, что население континентальной Европы отличается не большим дружелюбием и честностью, чем население Великобритании, он не настаивает перед континентальными правительствами на отмене отеческого деспотизма в пользу самоуправления правящих классов... Лорд Абердин знает, что мощь Великобритании основана на покорении других национальностей, и он презирает внешнюю политику, притворно провозглашающую дружеское сочувствие борющимся национальностям. Лорд Абердин не видит, почему Англия, которая завоевала и ограбила Индию и угнетает ее во имя блага самой же Индии, должна ненавидеть царя Николая, который является добрым деспотом для России и угнетает Польшу безусловно во имя блага самой Польши. Лорд Абердин не понимает, почему Англия, которая задушила

* — «дубликат», «копию». *Ред.*

ряд восстаний в Ирландии, должна фанатически ненавидеть Австрию за подавление Венгрии, и зная, что Англия насильно навязывает Ирландии чуждую ей церковь, он понимает горячее стремление папы водворить кардинала Уайзмена в Вестминстер. Он знает, что мы вели войну с кафрами, и не считает Николая негодяем за то, что он истребляет свою армию в войнах с кавказцами; он знает, что мы периодически отправляем мятежных Митчелов и О'Брайенов на Вандименову землю, и не ужасается тому, что Луи-Наполеон устроил каторгу в Кайенне. Когда ему приходится писать неаполитанскому правительству о сицилийских делах, он не впадает в исступленный либерализм, так как он помнит, что Великобритания имеет своего проконсула в Корфу... Как все великолепно устроено в этом коалиционном правительстве, в котором есть и лорд Абердин для русофильских *действий* и лорд Пальмерстон для *речей* в духе бермондсийской *политики».*

В доказательство того, что я не преуменьшил героизм Швейцарии*, я могу привести письмо, отправленное ее Союзным советом властям кантона Тессин. В этом письме говорится, что

«дело капуцинов[277] представляет собой чисто кантональный вопрос и что, следовательно, кантон Тессин сам должен решить, что для него лучше: сопротивляться и продолжать подвергаться суровым мерам Австрии или же обратиться к правительству с просьбой о возобновлении переговоров».

Это, таким образом, означает, что швейцарский Союзный совет пытается свести свой спор с Австрией к масштабам простого кантонального дела. Тот же Совет издал только что приказ о высылке итальянцев Клементи, Кассолы и Грилленцони, хотя присяжные заседатели в Куре признали их невиновными в содействии миланскому восстанию[278] путем перевозки оружия через границу кантона Тессин.

Поддержка, оказываемая англичанами храму Джаггернаута, по-видимому, все еще окончательно не прекращена. 5 мая 1852 г. Советом директоров была отправлена следующая депеша губернатору Индии:

«Мы продолжаем считать, что желательно полностью освободить английское правительство от каких-либо связей с храмом, и уполномочиваем Вас поэтому принять соответствующие меры для достижения этой цели путем недопущения какой бы то ни было периодической денежной поддержки храма; взамен этого должен быть произведен окончательный расчет в форме компенсации всем тем лицам, которые могли бы иметь на это право в силу прошлых обязательств или соглашений при их соответственно широком толковании».

Однако к 11 апреля 1853 г. индийскими властями еще ничего не было сделано в этом направлении, и вопрос до сих пор остается открытым.

---

* См. настоящий том, стр. 112—113. *Ред.*

Целая неделя ушла на правительственное расследование жестокостей, которым подвергались заключенные в Бирмингемской тюрьме, — жестокостей, доведших некоторых из них до самоубийства, а других — до попыток покончить с собой, Обнаруженные зверства, не уступающие всему, что творится в каком-нибудь австрийском или неаполитанском carcere duro*, поистине потрясающи, но, с другой стороны, нельзя не изумиться в то же время и тому рабскому доверию, с каким посетившие тюрьму должностные лица отнеслись к показаниям заинтересованной стороны, а также их крайнему равнодушию к жертвам злодеяний. Их забота о варваре-тюремщике простиралась настолько далеко, что они регулярно предупреждали его о своем предстоящем посещении. Главный виновник злодейств, лейтенант Остин, принадлежит к числу тех, кого Карлейль назвал в своих «Образцовых тюрьмах»[279] подлинными главарями бродяг и преступников.

Одним из злободневных вопросов является вопрос о *морали железнодорожных компаний.* Правление Йоркширско-Ланкаширской железной дороги специально извещает на своих железнодорожных билетах, что

«правление не несет никакой юридической ответственности за все несчастные случаи или повреждения, которые могут произойти по его собственной непредусмотрительности или по небрежности его служащих».

В то же время правление Бирмингем-Шрусберийской железной дороги предстало в субботу перед судом вице-канцлера по обвинению в обмане своих собственных акционеров. Между Большой Западной и Северо-Западной железными дорогами идет борьба за поглощение упомянутой, Бирмингем-Шрусберийской, железной дороги. Большинство акционеров стоит за слияние с Северо-Западной железной дорогой, а члены правления — за включение в состав Большой Западной дороги; и вот последние решили использовать некоторое количество вверенных им под отчет акций компании для приобретения фиктивных голосов. С этой целью акции были переданы ряду номинальных держателей — в нескольких случаях без ведома соответствующих лиц, чьи имена фигурировали как подставные, а в одном случае это был даже девятилетний ребенок, — и эти держатели, не возмещая стоимости акций, передали их затем обратно членам правления, снабжая последних как номинальные акционеры определенным количеством голосов для обеспечения большинства в пользу объединения с Большой Западной железной дорогой.

* — застенке. *Ред.*

Ученый судья заметил, что «более вопиющего и более грубого обмана нельзя себе представить, а способ, каким план был приведен в исполнение, еще того грубее». С этим нравоучением он отпустил виновных, как это обычно бывает, когда преступник принадлежит к буржуазии, в то время как бедняга-пролетарий был бы наверняка отправлен на каторгу, если бы был уличен в краже свыше пяти фунтов.

Любопытно наблюдать, как бурно английская публика негодует против морали то фабричных магнатов, то шахтовладельцев, то мелких торговцев фальсифицированными наркотическими средствами, то владельцев железных дорог, заменивших собой вышедших из моды разбойников с большой дороги, — словом, против морали капиталистов. Если же взять весь класс в целом, то у капитала имеется, очевидно, своя собственная мораль, нечто вроде высшего закона, диктуемого raison d'etat*, обыкновенная же мораль считается подходящей только для бедняков.

Парламентские реформаторы из рядов манчестерцев, по-видимому, попали в весьма пикантное положение. Разоблачения злоупотреблений на выборах, сделанные в течение последней парламентской сессии, коснулись почти исключительно городских избирательных округов, причем в таких крупных городах, как Гулль, Ливерпуль, Кембридж и Кентербери. Либеральный маклер по избирательным делам, г-н Коппок, признался в припадке откровенности: «Каким был Сент-Альбан, такими оказались все остальные городские избирательные округа». Теперь олигархия задумала использовать эти разоблачения для проведения реформы в пользу графств за счет городских избирательных округов. Манчестерские реформаторы, которые добиваются расширения избирательного права не вообще, а лишь в пределах городских избирательных округов, должны были, разумеется, прикусить язык при таком предложении. Жалко смотреть, как их орган, «Daily News», старается выпутаться из этого затруднения.

14 января 1846 г. учетная ставка Английского банка была повышена до $3^1/_2$%, 21 января 1846 г. —до 4% и только к апрелю 1847 г. она достигла 5%. Неизвестно, что за последние три недели апреля 1847 г. почти все кредитные операции замерли. В 1853 г. повышение учетной ставки Английского банка шло несравненно быстрее. С 2%, какой она была к 24 апреля 1852 г., она поднялась до $2^1/_2$% к 8 января 1853 г., до 3% — к 22 числу того же месяца, до $3^1/_2$% — к 4 июня, до 4% —

* — благом государства. *Рвд.*

к 1 сентября, и уже по городу ходят слухи, что она скоро будет повышена до 5%. В ноябре 1846 г. средняя цена на пшеницу была 56 шилл. 9 пенсов за квартер; за последние недели августа 1853 г. она возросла до 65—66 шиллингов. Приблизительно в это же время в прошлом году в подвалах Английского банка

было	21 852 000	ф. ст.
имеется теперь	16 500 068	» »
разница составляет	5 351 932	ф. ст.

Золотой запас сократился за предыдущую неделю на 208 875 ф. ст., а за истекшую — на 462 852 фунтов стерлингов. Это оказало немедленное действие на цены на фондовой бирже, и котировка ценных бумаг неизменно идет на понижение. В финансовом обзоре «Times» за прошлую среду мы читаем:

«Несмотря на депрессию, на рынке ценных бумаг векселя казначейства продолжают учитываться из 2%, с премией в 1%, но создается впечатление, что канцлер казначейства ради того, чтобы удержать их в цене, распорядился о покупке их на правительственный счет, ввиду одновременной продажи трехпроцентных бумаг в ущерб сберегательным кассам, поскольку под рукой сейчас нет каких-либо других ценных бумаг, пригодных для этой цели».

Это было бы поистине шедевром со стороны г-на Гладстона! Продавать консоли по низкому курсу и покупать векселя казначейства по высокому, потерять половину дохода от трехпроцентных бумаг, обменяв их на векселя, приносящие не многим более $1^1/_2$%.

Как можно совместить неблагоприятный валютный курс и сокращение золотого запаса с небывалым ростом британского экспорта, который в конце года превзойдет на 16000000 ф. ст. даже экспорт 1852 года?

«Так как мы при экспорте своих товаров предоставляем кредит 'всему миру и платим наличными за наш импорт, то исключительное расширение нашей торговли неизбежно должно когда-нибудь привести к весьма неблагоприятному для нас платежному балансу, но все эти платежи должны будут к нам вернуться, когда истечет срок кредита по нашему экспорту и за него нам будут переведены деньги».

Так говорит «Economist». Согласно этой теории, если экспорт 1854 г. превзойдет экспорт 1853 г., то валютный курс должен будет по-прежнему оставаться неблагоприятным для Англии, и торговый кризис будет единственным регулирующим средством. «Economist» полагает, что о крахах, подобных краху 1847 г., не может быть речи, так как в настоящее время значительная часть капиталов не вкладывается в железные дороги и т. п.,

как это имело место тогда. Он забывает, что капиталы вкладываются в фабрики, машинное оборудование, пароходы и т. п. С другой стороны, газета «Observer» жалуется на «бессмысленные вложения в *иностранные железные дороги* и другие предприятия весьма сомнительного и подозрительного характера». «Economist» полагает, что расширившиеся торговые операции, поскольку речь идет о Европе, могут испытать *благотворную задержку* вследствие высоких цен на хлеб, но что *Америка и Австралия* и т. д. *надежны.* «Times» уверяет в то же самое время, что напряженность нью-йоркского денежного рынка вызовет *благотворную задержку* в американских операциях. «Leader» восклицает:

«Мы не должны рассчитывать на такое же количество заказов из Соединенных Штатов, которыми мы до сих пор обычно располагали».

Остается Австралия. Здесь выступает «Observer»:

«Экспорт был доведен до крайних пределов вопреки здравому смыслу. По поводу 74000 тонн морских грузов, которые прибыли в настоящее время в Лондон для отправки в южные колонии, полученные нами неблагоприятные сведения из Аделаиды, Мельбурна и других мест подтверждаются. Нельзя отрицать, что теперешние перспективы не являются обнадеживающими».

Что касается китайского рынка, то все отчеты единодушно отмечают, что там имеется большое стремление продавать, но столь же большое нежелание покупать, поскольку драгоценные металлы припрятаны; и не может быть и речи о каком-либо изменении этого положения вещей, пока революционное движение в этой исполинской империи не осуществит свои цели.

А внутренний рынок?

«Большое число ткачей, работающих на механических станках в Манчестере и его окрестностях, последовали примеру Стокпорта, забастовав для того, чтобы добиться повышения своей заработной платы на 10%... Фабричные главари, вероятно, еще до конца зимы обнаружат, что речь пойдет не о согласии на прибавку в 10%, а о том, согласятся ли фабриканты возобновить работу при сохранении нынешнего уровня заработной платы».

В таких недвусмысленных выражениях «Morning Chronicle» предупреждает о предстоящем сокращении внутреннего рынка.

Я уже не раз писал об огромном расширении старых фабрик и неслыханно быстром строительстве новых. Я сообщал вам о некоторых вновь построенных предприятиях, образующих теперь, так сказать, целые промышленные города. Я отмечал, что никогда прежде такое количество свободного капитала,

накопленного в период процветания, не вкладывалось непосредственно в промышленное производство[280]. Сопоставьте теперь эти факты, с одной стороны, и симптомы перенасыщения внутренних и внешних рынков, с другой, и не забудьте при этом, что неблагоприятный валютный курс является самым верным средством вызвать чрезмерный избыток экспортируемых товаров на заграничных рынках.

Однако толчком для вспышки большого торгового и промышленного кризиса, элементы которого давно уже накапливаются, явится прежде всего неурожай. Для всех других видов продукции вздорожание влечет за собой падение спроса; но когда повышается в цене хлеб, это вызывает лишь еще больший спрос на него и приводит к падению цен на все остальные товары. Самые цивилизованные народы, как и самые неразвитые дикари, должны обеспечить себя питанием, прежде чем позаботиться о чем-нибудь другом; рост богатства и прогресс цивилизации происходят обыкновенно в той же пропорции, в какой сокращаются труд и издержки производства, потребные для получения предметов питания. Общий неурожай приводит сам по себе к общему сужению рынков, внутренних и внешних. А урожай нынешнего года в южной части Европы, в Италии, Бельгии, Рейнской Пруссии по меньшей мере столь же неудовлетворителен, как в 1846—1847 годах; на северо-западе и северо-востоке он тоже не обещает ничего хорошего. Что касается Англии, то вот что пишет «Mark-Lane Express»[281], этот «Moniteur» лондонской хлебной биржи, в номере за прошлую неделю:

«Не подлежит никакому сомнению, что сбор пшеницы в Соединенном королевстве будет в этом году наименьшим за многие годы. Урожай будет гораздо ниже среднего почти во всех частях королевства; а кроме того надо еще помнить, что посевная площадь была в этом году, по крайней мере, на одну четверть меньше обычных размеров вследствие неблагоприятной погоды во время сева».

Это положение не улучшишь посредством иллюзии, будто расстройство торговли, промышленное перепроизводство и неурожай одним ударом устраняются *свободой торговли.* Наоборот.

«Фермеры»,— замечает тот же «Mark-Lane Express», — «все еще не могут освоиться с мыслью о недостатке хлеба при режиме свободной торговли. Поэтому лишь немногие склонны были сделать крупные запасы. Если нужда заставит нас ввозить хлеб в большем количестве, нам вероятно придется *дорого* платить за него».

Во вчерашнем номере «Mark-Lane Express» добавляет:

«За границей так много хлеба еще на корню, что состояние погоды в ближайшие недели должно будет оказать большое влияние на торговлю.

Качество неснятых хлебов уже пострадало от последних дождей, и если сырая погода продлится еще некоторое время, это может повлечь за собой огромные бедствия... Окончательный итог уборки урожая грозит оказаться еще менее удовлетворительным, чем можно было думать неделю или две тому назад... Сведения, полученные нами за последние дни о состоянии *картофеля,* менее благоприятны, чем полученные ранее... Несмотря на огромные заграничные поставки, полученные на прошлой неделе (88833 квартера), влияние их на цены было незначительным, понижение по сравнению с высшей точкой произошло не более чем на 1—2 шилл. с квартера... Вероятные итоги урожая в балтийских странах в общем неблагоприятны... Согласно последним данным, пшеница шла по 60 шилл. франко борт в Данциге, по 56 шилл. 9 пенсов — в Кёнигсберге, по 54 шилл. — в Штеттине, по 58 шилл. — в Ростоке».

Последствия дороговизны уже начинают сказываться, как в 1847 г., и в политической области. В Неаполе городские власти не имеют средств нанимать рабочих для общественных работ, у казны нет денег для выплаты жалованья чиновникам. В Папской области в Толентино, Терни, Равенне и Трастевере произошел ряд хлебных бунтов, отнюдь не усмиренных недавними арестами, вторжением австрийцев и угрозой учинить палочную расправу. В Ломбардии графу Страссольдо не удастся предотвратить политические последствия дороговизны и промышленного застоя введением дополнительного налога в $6^1/_2$ крейцеров с флорина, который должен быть взыскан к 20 сентября и 10 октября этого года со всех плательщиков прямых налогов, включая подоходный налог и налог на жалованье. О повсеместном бедственном положении в Австрии говорит заминка с новым займом, выпущенным с обычным заверением, что государству нужны деньги только ввиду расходов по сокращению армии. О лихорадочной озабоченности французского правительства можно судить по его фальшивым отчетам об урожае, по введенной в Париже искусственной таксе на хлеб и по громадным закупкам хлеба на всех рынках. Провинция недовольна тем, что Бонапарт кормит Париж за ее счет; буржуазия недовольна тем, что он вмешивается в деловую жизнь от имени пролетариев; пролетарии недовольны тем, что он дает солдатам белый хлеб вместо черного в такой момент, когда крестьянам и рабочим грозит опасность остаться совсем без хлеба; наконец, солдаты недовольны унизительной, антинациональной позицией Франции в восточном вопросе. В Бельгии вспыхнул ряд продовольственных беспорядков в ответ на нелепые пышные празднества, которыми Кобурги чествовали австрийскую эрцгерцогиню. В Пруссии страх правительства настолько велик, что для вида оно арестовало нескольких хлеботорговцев, а остальные были вызваны к полицейпрезиденту, который «потребовал», чтобы они продавали хлеб по «справедливой» цене.

В заключение выскажу еще раз свое мнение, что отнюдь не декламации демагогов и не празднословие дипломатов приведут дело к кризису; надвигающиеся экономические бедствия и социальные потрясения — вот что является верным предвестником европейской революции. С 1849 г. торговое и промышленное процветание было тем ложем, на котором безмятежно покоилась контрреволюция.

Написано К. Марксом 13 сентября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3886, 30 сентября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ. — НАДВИГАЮЩИЙСЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС. — ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ИНДИИ [282]

Лондон, вторник, 20 сентября 1853 г.

В своей статье от 19 июля я писал:

«Западные державы *начинают с* того, что поощряют султана к сопротивлению царю из страха перед завоеваниями России, а *кончают тем, что вынуждают султана к уступкам* из страха перед всеобщей войной, которая послужит толчком ко всеобщей революции»[*].

В настоящий момент мощь соединенных эскадр собираются использовать *в интересах России против Турции.* Если англофранцузская эскадра и войдет в Дарданеллы, то не для того, чтобы бомбардировать Севастополь, а чтобы принудить к повиновению мусульман, способных помешать султану *безоговорочно* принять Венскую ноту.

«13 сентября», — говорит Д. Уркарт, — «четыре министра иностранных дел[*] спокойно собрались на Даунинг-стрит и решили направить в Константинополь требование, чтобы Порта отказалась от принятых европейским совещанием изменений в прежних условиях. Не довольствуясь этим, они на случай, если бы султан оказался не в силах сопротивляться возмущению своего народа, отдали приказ эскадре направиться в Босфор для оказания султану поддержки против его подданных. Не довольствуясь и этим, они послали Омер-паше предписание, воспрещающее ему передвижение из одной провинции в другую во владениях его государя. Они, следовательно, ожидали, что в результате их требования вспыхнет восстание, и позаботились о средствах, необходимых для его подавления. Этими средствами явилась союзная эскадра»[283].

---

[*] См. настоящий том, стр. 219. *Ред.*

[*] — тогдашний министр иностранных дел Англии Кларендон и ранее занимавшие этот пост Абердин, Пальмерстон и Рассел. *Ред.*

Английская публика узнала эту новость из воскресного номера «Journal des Debats». Эта газета сообщила, что г-н Рив, выехавший из Лондона 13-го сего месяца с депешами на имя лорда Стратфорда де Редклиффа, прибыл в Париж утром 14-го и отбыл в тот же день вечером, ознакомив французское правительство с содержанием доставляемых инструкций. Согласно этим инструкциям, английский посол должен требовать полного присоединения Порты к венским предложениям и отказа от изменений, внесенных в них 19 августа. Он должен пригрозить Порте лишением ее поддержки четырех держав в случае войны, которая возникла бы из-за ее отказа пойти на уступки, и предложить ей помощь французского и английского флотов для подавления восстания, которое может вспыхнуть в Константинополе в ответ на принятие Портой Венской ноты, а также против Омер-паши, если он решится действовать наперекор приказам Порты. До получения воскресного номера «Journal des Debats» нам стало известно, что венское совещание, узнав об отрицательном ответе императора, обратилось к султану с предложением взять обратно свои слова, подписать ноту, которую он ранее отказывался подписывать, и удовольствоваться заверением, что совещание примет такое толкование ноты, какое будет приемлемо для самого султана. «Times» избегает говорить о компрометирующих разоблачениях, сделанных «Journal des Debats». Так же поступают «Morning Chronicle», «Morning Post» и вся правительственная лондонская печать. В то же время «Morning Post» клеймит фанатизм константинопольской черни. «Morning Chronicle» возбуждает своих тупых читателей романтическими описаниями свирепых и недисциплинированных азиатских орд, которые наводняют Европейскую Турцию и за счет которых широко пополняется армия Омер-паши; доблестный «Globe» публикует изо дня в день тщательно подобранные выдержки из спекулирующей на мире прессы манчестерской школы, и таким образом в нужный момент респектабельные классы Англии будут вполне готовы *«искоренять язычество»* и восклицать вместе с князем Горчаковым: «Да здравствует царь! Да здравствует *бог православных!»*

В своем сегодняшнем номере «Times» делает открытие, что *«турецкий вопрос стал чисто словесным вопросом»*. Вывод, который должен быть сделан из этой предпосылки, заключается в том, что султана, готового рисковать всеобщим миром ради пустых слов, надлежит насильно образумить более здравомыслящим Пальмерстонам и Абердинам. Царь, — говорит нам «Times», — предъявил султану несправедливые требования, которые султан отклонил; тогда царь захватил Дунайские

княжества; Англия и Франция послали свои эскадры в Безикскую бухту, а представители этих двух держав встретились в Вене с представителями Австрии и Пруссии.

С какой целью они встретились в Вене? *В интересах Турции,* — говорит «Times».

«У них не только не было никакого желания принуждать оттоманское правительство, но не было и никакого повода для такого образа действий».

Следовательно, если теперь у четырех держав есть желание *принуждать* оттоманское правительство, то вызывается это просто тем, что «теперь есть» *повод* для «такого образа действий». Разве было бы ошибкой предположить, что единственная и главная цель венского совещания и вмешательства Пальмерстона и Абердина состояла в создании такого повода, который давал им возможность оказывать только показное сопротивление России для того, чтобы иметь предлог заставить Турцию подчиниться русским требованиям?

«Требования России», — продолжает «Times», — «были сочтены другими великими державами несправедливыми, несовместимыми с суверенными правами султана», и посему великие державы составили ноту, которую султан должен был послать царю и в которой санкционировались все требования царя и даже кое-что сверх того.

«Язык, которым написан этот документ», — говорит «Times», — *«мог дать повод для неправильного толкования,* но два пункта были в нем сформулированы с безукоризненной ясностью: во-первых, четыре державы намерены поддерживать территориальные и административные права Порты и, во-вторых, в случае конфликта *они будут считать себя связанными этими намерениями».*

Почему бы султану не подписать ноту, ущемляющую его суверенные права и отдающую протекторат над двенадцатью миллионами его подданных в руки русского самодержца, раз он может быть уверен, что будет поддержан добрыми *«намерениями»* четырех держав и тем, что они считают себя *связанными* этими тайными «добрыми *намерениями»* в случае конфликта? Как султан уже имел возможность убедиться, четыре державы не считают себя связанными ни международным правом, ни ясными условиями договоров, согласно которым они должны защищать его в случае конфликта с Россией; почему бы ему не положиться на их отвагу в случае конфликта, вспыхнувшего из-за ноты, которая наделяет Россию явными правами, а Турцию — «тайными намерениями»?

«Возьмем», — говорит «Times», — «крайний случай. Предположим, что после par et simple* принятия первоначальной Венской ноты царь воспользовался бы теми возможностями, которые ему, как полагают, предоставляет эта нота».

Что случилось бы тогда?

«Султан заявил бы протест, и конфликт возник бы на почве применения соглашения 1853 года».

Как будто не возникало никаких конфликтов на почве применения соглашений 1840 и 1841 гг., на почве применения Балта-Лиманской конвенции[284], а также на почве того нарушения международного права, которое сам лорд Кларендон назвал «актом пиратства»!

«Двусмысленность», — говорит «Times», — «только ввела бы в заблуждение русского императора».

Совершенно так же, как его «ввел в заблуждение» договор 1841 г., ссылаясь на который, он не допустил в Дарданеллы соединенные эскадры и в то же время сам занял Дунайские княжества.

Однако султан проявляет упорство. Он отказался согласиться с нотой, авторы которой сумели выразить свои добрые намерения по отношению к Турции только тем, что выдали ее России. Султан предложил внести некоторые изменения в эту ноту, и, по словам «Times», «четыре державы показали принятием предложенных Турцией изменений, что они считают их совпадающими с их собственными предложениями». Но так как русский император придерживается противоположного мнения и так как «Times» считает совершенно несомненным, что «поведение царя в этом конфликте не может иметь *каких-либо оправданий»,* то «Times» приходит к заключению, что если Россия не желает согласиться на разумные условия, предлагаемые Турцией, то Турция должна согласиться на неразумные условия, предлагаемые Россией, и что

«государство, вынужденное вследствие собственного бессилия искать защиты у Европы при всякой угрозе нападения извне или восстания внутри, *должно расплачиваться за свою слабость по крайней мере тем, что необходимая для его существования помощь оказывается ему на условиях, наименее обременительных для его защитников».*

Четыре державы, разумеется, должны стать на сторону России против Турции, потому что Турция, очевидно, нуждается в их помощи против России, а Турция должна «расплачиваться

* — безоговорочного. *Ред.*

за свою слабость», раз она обратилась за помощью к четырем великим державам, к которым она обязана апеллировать в силу существующих договоров.

«Одно из двух: либо законы Англии должны быть со всей их карающей силой применены персонально к четырем изменникам» (Абердину, Кларендону, Пальмерстону и Расселу), «либо над миром владычествует русский царь».

Тирады, подобные этому заявлению Д. Уркарта в «Morning Advertiser», не имеют никакого смысла. Кто должен судить четырех изменников? Парламент. Из кого состоит этот парламент? Из представителей биржевых дельцов, промышленных магнатов и аристократов. Какую внешнюю политику отстаивают эти представители? Политику paix partout et toujours*. А кто проводит в жизнь их программу внешней политики? Те самые четыре человека, которых они должны будут осудить как изменников, по мнению простоватого «Morning Advertiser». Одно по крайней мере должно быть ясно, а именно, что биржевые дельцы и спекулирующая на мире буржуазия, представленные в правительстве олигархией, выдают Европу России, и, следовательно, для того чтобы дать отпор посягательствам царя, нужно прежде всего свергнуть бесславное царство этих низких, раболепных и бесчестных почитателей veau d'or**.

Тотчас же после получения в Константинополе Венской ноты Порта призвала под ружье 80000 из редифа[285]. Согласно телеграфному сообщению из Константинополя от 5 сентября, турецкое правительство решило после совещания, состоявшегося в доме великого визиря***, настаивать на своей последней ноте, невзирая на опасность войны. Энтузиазм мусульманского населения достиг крайних пределов. На смотре египетских войск султан был встречен громовыми приветствиями, а после смотра толпа сняла его с коня и торжественно пронесла по улицам Стамбула. Он снова послал приказы господарям Молдавии и Валахии, предписывающие поддерживать спокойствие в княжествах. Решид-паша сделал предупреждение русскому консулу по поводу некоторых проживающих в Константинополе русских подданных, уличенных в интригах против турецкого правительства. Одна константинопольская газета сообщает, что еврейская община в Константинополе предложила султану миллион пиастров на покрытие расходов, связанных с военными приготовлениями империи. Смирнские евреи приняли, как сообщают, подобное же решение. Из напечатанной в венской «Presse»

* — мира во что бы то ни стало. *Ред.*
** — золотого тельца. *Ред.*
*** — Мустафа-паши. *Ред.*

корреспонденции нам стало известно, что в Галаце было арестовано несколько бояр за тайную переписку с Омер-пашой, которого они самым детальным образом информировали о состоянии русских войск в Дунайских княжествах. Было найдено письмо Омер-паши, в котором он предлагал этим боярам вербовать на военную службу как можно больше иностранцев.

Князь Меншиков прибыл в Вену 13 сентября в сопровождении своего секретаря для того, чтобы предъявить новую декларацию императора Николая, адресованную европейским державам и объясняющую мотивы отклонения им изменений, предложенных Турцией. Сам император прибудет в Ольмюц 21-го сего месяца в сопровождении графа Нессельроде и барона Мейендорфа. Прусский король, которого он вызвал через барона Ливена на Ольмюцкую конференцию, отказался прибыть на том основании, что при сложившихся обстоятельствах такой шаг с его стороны вызвал бы слишком много eclat*. Русский армейский корпус численностью в 30000 человек расквартирован в настоящий момент в Крайове на болгарской границе. До сих пор существовало только восемь армейских интендантских управлений в Российской империи. Теперь учреждено девятое постоянное интендантское управление в Бухаресте — верный признак того, что русские и не думают об эвакуации Дунайских княжеств.

15 сентября Английский банк повысил учетную ставку до $4^1/_2$ процента. Помеченная этим же числом статья по финансовому вопросу в «Times» сообщает, что «это мероприятие вызвало всеобщее удовлетворение». Однако в той же статье говорится, что

«около 2 часов дня операции на фондовой бирже фактически почти совсем прекратились, и, когда вскоре после этого было сообщено о повышении учетной ставки до $4^1/_2$%, курсы ценных бумаг упали до 95% за наличные деньги и до $95^1/_8$—$95^1/_4$%за бумаги, срок погашения которых истекает 13 октября. Общее мнение таково, что если бы учетную ставку повысили не до $4^1/_2$, а до 5%, то это, вероятно, оказало бы на рынок не такое неблагоприятное влияние, поскольку публика сочла бы тогда, что мероприятий подобного рода в дальнейшем уже нельзя больше ожидать... Торговля акциями железнодорожных компаний испытала сильнейший спад после закрытия заседания правления банка, и курсы разных других акций были до конца дня крайне неустойчивыми».

Автор статьи, помещенной в «Times», поздравляет директоров банка с тем, что они следовали в своей политике акту Пиля.

«Соответственно уменьшению количества находящихся в обращении денег вследствие отлива золота, директора потребовали более высокой цены

* — шума. *Ред.*

за реализацию остатка и таким образом обеспечили то *свободное проведение* акта сэра Р. Пиля о хартии Английского банка, посредством которого только и можно доказать правильность этого акта, чему помешали безрассудные действия директоров в 1847 году».

В одной из предыдущих статей я показал, что безрассудство директоров в 1847 г. состояло как раз в их чрезмерной приверженности акту Пиля, «свободное проведение» которого правительству пришлось прервать, чтобы спасти банковое отделение от необходимости прекратить платежи*. В газете «Globe» мы читаем:

«В высшей степени маловероятно, чтобы причины, вызвавшие наше теперешнее процветание, продолжали действовать в таких же масштабах. Отрицательные последствия уже сказались в Манчестере, где некоторые крупные фирмы были вынуждены сократить объем своего производства... Все отделы фондовой биржи находятся в состоянии сильной депрессии. В торговле железнодорожными акциями царит паника... Отлив золота на континент продолжается, и в ближайшие день или два почти полмиллиона отправятся морем в С.-Петербург... Одна из причин, побуждающих его (банк) экономить свои запасы металлических денег, заключается, вероятно, в желании оказать канцлеру казначейства помощь в размере семи или восьми миллионов, которые ему потребуются для расчетов с владельцами облигаций Компании Южных морей и другими недовольными».

«Morning Post» от 13 сентября сообщает из Манчестера:

«Торговля тканями и пряжей идет вяло, цены на все виды фабричных изделий едва удерживаются на прежнем уровне. Отсутствие спроса почти на всех заграничных рынках и ожидаемые финансовые затруднения внутри страны — вот что главным образом привело к создавшемуся положению вещей, которое следует признать в высшей степени ненормальным, если сопоставить его с повсеместно распространяемыми сообщениями о процветании».

Та же газета от 15 сентября следующим образом заканчивает передовую статью о накоплении элементов приближающегося кризиса:

«Мы предупреждаем коммерческие круги, что мы вступили в такую фазу, когда постоянная тщательность и осторожность являются непременными требованиями при основании и ведении предприятий. Помимо того, по нашему мнению, положение наших финансов полно еще более серьезных и трудно преодолимых опасностей, чем положение нашей торговли».

Из приведенных выше, дополняющих одно другое высказываний «Globe» и «Morning Post» следует, что в то время как, с одной стороны, происходит сокращение спроса, с другой — налицо избыток предложения. Фабриканты попытаются прикрыть свое отступление путем обострения конфликта между ними и рабочими. Репортер по вопросам промышленности

* См. настоящий том, стр. 313. *Ред.*

и торговли пишет из Манчестера во вчерашнем номере «Morning Chronicle»:

«Фабриканты начинают относиться совершенно безразлично к достижению соглашения, так как они убеждены, что значительную *часть фабрик,* если не *все фабрики,* придется *приостановить,* прежде чем может быть урегулирован вопрос о заработной плате. В течение последних дней в различных частях фабричных округов по этому вопросу состоялись совещания предпринимателей. Ясно, что чрезмерные требования, предъявленные рабочими, а также неистовые попытки последних навязать свой диктат, заставляют фабрикантов позаботиться о создании общего объединения для самозащиты».

В статье по финансовому вопросу, опубликованной в «Times», мы читаем:

«Хозяева организуют союзы самозащиты во всех округах: только за последние пять дней в Аштоне, Стейлибридже, Хайде и Глоссопе около 100 фирм поставили свои подписи под актом об основании такого союза. В Престоне фабриканты взяли на себя суровое обязательство: оказать сопротивление рабочим путем закрытия своих фабрик на три месяца».

Согласно телеграфным сообщениям из Марселя, цены на пшеницу снова повысились на 2 франка 25 сантимов за гектолитр. Повышение процентов на облигации казначейства, о чем объявлено в «Moniteur», произвело самое неблагоприятное впечатление на бирже; это мероприятие повсеместно рассматривается как признак того, что правительство нуждается в деньгах. Поговаривают о займе, к заключению которого правительство вынуждено будет прибегнуть. Министр финансов* разослал большому количеству землевладельцев циркуляр, предлагающий им уплатить налоги за полгода вперед, в знак благодарности за те большие благодеяния, которые им оказало теперешнее правительство, а также за то, что оно подняло стоимость их земельной собственности. «Это, — замечает газета «Observer», — начало конца».

В одной из предыдущих статей я говорил о жизненно важном значении железных дорог для Индии**. Сейчас я считаю уместным сообщить о появившихся в печати новейших сведениях относительно развития и дальнейших перспектив строительства железнодорожной сети. Первой индийской железной дорогой была ныне уже действующая линия между Бомбеем и Тханой. Другая железнодорожная линия будет теперь проведена из Калькутты в Раджмахал на Ганге, протяжением в 180 миль; далее она пойдет по правому берегу реки к Патне, Бенаресу и Аллахабаду. Из Аллахабада она пройдет через Доаб в Агру

* — Бино. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 226—228. *Ред.*

и оттуда в Дели. Таким образом, она пересечет пространство в 1100 миль. Предполагается установить паровые паромы через Сон и Тунону, чтобы в конечном счете довести калькуттскую линию от Дели до Лахора. В Мадрасе предполагается в ближайшие дни начать строительство железнодорожной линии, которая, следуя на протяжении 70 миль прямо на запад, разделится далее на два ответвления: одно пойдет вдоль Гатов и конечным пунктом его будет Каликут, другое будет проведено через Беллари и Пуну до Бомбея. Завершающим звеном этого костяка будущей железнодорожной сети явится железная дорога Бомбей — Барода — Центральная Индия, для сооружения которой уже сейчас производятся предварительные геодезические работы с санкции Совета директоров. Эта железнодорожная линия пройдет из Бомбея через Бароду в Агру, где она соединится с железнодорожной магистралью Калькутта — Дели, благодаря чему Бомбей — столица Западной Индии и лучший порт всего Индостана для сообщения с Европой — будет связан с одной стороны с Калькуттой, а с другой — с Пенджабом и северо-западными провинциями. Инициаторы этого плана намереваются также провести ветки в крупные хлопковые районы во внутренних частях страны. В то же время принимаются меры, чтобы распространить по всему Индостанскому полуострову телеграфную сеть.

Написано К. Марксом 20 сентября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3889, 4 октября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

* ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ. — СИМПТОМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Лондон, пятница, 23 сентября 1853 г.

Газета «Globe» в номере от 20 сентября отрицает достоверность содержащегося в «Journal des Debats» утверждения относительно миссии г-на Рива, а «Times» перепечатал в среду статью из «Globe» под заголовком «Gobemoucherie»*, обвиняя французскую печать в распространении *уток.* Но разве передовая статья самого «Times», разобранная мной в моей последней статье**, не подтверждает целиком сообщение «Journal des Debats»? Разве появилось какое-нибудь опровержение в парижском «Moniteur»? Разве газета «Assemblee nationale» не повторила в тот самый день, когда «Globe» уличал во лжи «Debats», что

«лорд Редклифф должен был уведомить султана, что если он не возьмет обратно предложенных им изменений, то английская эскадра войдет в Дарданеллы и французская эскадра не замедлит последовать за ней»?

Разве «Times», перепечатывая из «Globe» опровержение французской версии, прямо не заявил в том же номере, что

«Англия и Франция могут вмешаться в русско-турецкий конфликт только на условиях, предложенных четырьмя союзными державами и принятых Россией, — независимо от того, *приемлемы* эти условия для турецкого высокомерия или нет»?

Разве газета «Morning Post» не сообщала нам еще до появления «Journal des Debats» в Лондоне, что

«по получении ответа русского императора на предложение об изменениях в Венской ноте немедленно состоялось совещание представителей

* — «В расчете на простаков». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 324—326. *Ред.*

Neue Serie

1 Dienstag 16 August Potpourri House of Lords

2 Freitag 19 August Gouvernements Pity (Palmerston and Cobden)

3 Dienstag 23 August Résumé d. Parlaments

4 Dienstag 30 August ~~Shumla August~~

5 Freitag 9 September Kritik d. Peel acts etc. Shumla

6 Dienstag 13 September Samuel [illegible] etc.

7 Dienstag 20 September coercing Turkey paix partout et toujours

8 Freitag 23 September Appendix Vive Alexandre

9 Dienstag 27 September [illegible] Turkey [illegible]

10 Freitag 30 September [illegible] Militaria

11 Dienstag 4 Octbr. [illegible]

12 Freitag 7 Octbr. [illegible]

13 Freitag 14 October III Palmerston

Страница из книжки Женни Маркс
с пометками об отправке статей
Маркса и Энгельса
в «New-York Daily Tribune»

великих держав, пославшее 4-го сего месяца курьера в Константинополь с *определенными сообщениями* Дивану, которые, можно надеяться, *заставят* Порту принять Венскую ноту»?

И, наконец, в одной сегодняшней утренней газете мы читаем:

«Г-н Рив направлен в Константинополь; он доставит несколько депеш от лорда Кларендона лорду Стратфорду де Редклиффу; между Ривом и министерством иностранных дел существует самая тесная связь, поскольку он является соединительным звеном между Даунинг-стрит и Принтинг-хаус-сквер».

Верно и то, что со времени последних разоблачений, сделанных французской прессой, восточный вопрос опять принял совершенно новый оборот и что позорные решения английского министерства могут быть опрокинуты событиями вопреки всем его расчетам и надеждам.

Австрия отказалась от совместных выступлений со своими мнимыми союзниками. Венское совещание сорвано, по крайней мере на ближайшее время. Россия сбросила с себя маску, в которой она больше не видит надобности, и английское министерство оказалось вытесненным из своих последних укрепленных позиций.

«Лорд Абердин», — справедливо замечает «Liverpool-Courier», — «рекомендовал, чтобы султан прибегнул к явному и низкому обману; чтобы участники венского совещания сделали в отношении ноты *молчаливую оговорку;* чтобы султан понял эту ноту в *превратном смысле,* — ибо условия ноты сами по себе ясны и определенны, — и чтобы державы были готовы в случае решительного отказа русского императора согласиться с изменениями, предложенными султаном, действовать так, *как если бы согласие на эти изменения было дано».*

Г-н *Друэн де Люис* предложил венскому совещанию послать Порте объяснительную ноту, составленную в таком же лицемерном духе, но граф Буоль отклонил это предложение, заявив, что оно «носит чересчур дружеский характер по отношению к Порте, что время совместных выступлений прошло и что теперь каждая держава может действовать по своему усмотрению». Таким образом, английское министерство лишилось возможности прикрываться *общими* решениями *европейского* ареопага, этой акционерной компании, которая исчезает по одному слову австрийского министра, будучи вызванной к жизни его же заклинанием. Сначала, до перехода русских войск через Прут, Австрия вообще не нуждалась в каком-либо совещании. После вступления России в Дунайские княжества Австрия уже больше не нуждалась в совещании, во всяком случае в совещании на прежних основах. С другой стороны, граф Нессельроде

опубликовал два циркулярных послания, которые делают в дальнейшем невозможным продолжать оправдывать первоначальную Венскую ноту тайными «добрыми намерениями» или толковать ее наперекор ее буквальному смыслу.

Предложенные Портой изменения свели весь вопрос «к чисто словесному вопросу», — вопила вся правительственная печать.

Вовсе нет, заявляет Нессельроде. Царь толкует первоначальный текст ноты так же, как султан. Первоначальная нота никогда не была и не претендовала быть чем-то иным, кроме как вторым изданием ноты Меншикова, и мы твердо придерживаемся ее текста, полного текста и одного только текста. Правительственный орган «Globe», конечно, изумлен тем, что, как оказывается, царь и султан одинаково видят смысл первоначальной ноты «в окончательном признании тех требований, которые были предъявлены Россией и отклонены Турцией и которых не собирались (?) поддерживать четыре державы», и что «Россия настаивает на *безусловном* удовлетворении претензий, выдвинутых ею с самого начала». А почему бы ей на этом не настаивать? Раз она нашла в себе достаточно смелости выдвинуть их четыре месяца тому назад, почему ей отказываться от них сейчас, когда она уже выиграла первую кампанию?

Тот же самый «Globe», который несколько дней тому назад называл изменения, предложенные Турцией, схоластическим *крючкотворством* и *ненужными* тонкостями, вынужден теперь признать, что «русское толкование доказывает их *необходимость»*.

Первая депеша Нессельроде еще не опубликована, но «Morning Post» уверяет нас, что в ней объявляется о «равноценности Венской ноты и ноты князя Меншикова». К этому «Globe», вечерняя газета, добавляет, что, согласно этой депеше,

«император считает, что Венская нота обеспечивает ему признание его требований к Турции и его влияние на турецкое правительство, в чем ему отказывала Порта при поддержке четырех держав и для противодействия чему она и обратилась к их посредничеству; мы узнаем также, что император никогда не намерен отказываться от своего права иметь дело непосредственно с Турцией, обходясь без посредников, которых он признавал лишь для вида».

Русский император никогда и для вида не признавал их в качестве посредников. Он разрешил трем из них плестись в хвосте Австрии, а самой Австрии дозволил явиться к нему в качестве смиренной просительницы.

Что касается *второй* депеши, отправленной из С.-Петербурга 7 сентября, опубликованной в берлинской «Zeit» 18 сентября и адресованной в Вену на имя барона Мейендорфа, то в ней

Нессельроде совершенно правильно сообщает, что первоначальная нота была представлена ему австрийским посланником как *«ультиматума,* на который Россия обязалась дать свое согласие при непременном условии принятия его Портой *без каких бы то ни было изменений,* «Кто откажется воспринять это не иначе как свидетельство о лояльности императора?» Правда, он учинил небольшой «пиратский акт» по отношению к Дунайским княжествам: он вторгся в них, захватил их, обложил их налогами, управляет ими, разорил их, присвоил их себе, можно сказать, проглотил их, несмотря на все прокламации Горчакова. Но ведь это не так важно. Разве он вместе с тем «не сообщил по телеграфу, тотчас же по получении первого проекта ноты, о своем полном согласии с ним, *не дожидаясь известий о том, одобрен ли он в Лондоне и в Париже?»* Действительно, мог ли он сделать что-нибудь большее, нежели сообщить по телеграфу, что нота, продиктованная русским министром в Вене, не будет отвергнута русским министром в С.-Петербурге! Мог ли он сделать что-нибудь большее для Парижа и Лондона, нежели одобрить ноту, даже не дожидаясь их одобрения! И тем не менее он сделал большее. Проект ноты, о принятии которого он соблаговолил известить по телеграфу, был *«изменен»* в Париже и Лондоне. И что же? «Взял ли он обратно свое согласие, создал ли он хотя бы малейшее затруднение?» Правда, по его собственному утверждению, нота «в ее окончательном виде» является не более и не менее как *«равноценным* вариантом ноты князя Меншикова». Но этот равноценный вариант при всем том *«отличается»* от своего оригинала. А разве он «не поставил условием принятие ноты Меншикова без *всяких* изменений»? Разве он не мог бы «на одном этом основании отказаться от рассмотрения новой ноты»? Но он этого не сделал. «Можно ли было проявить большее миролюбие?» *Ультиматум* венского совещания его ни в какой мере не касается; это дело самого совещания. *«Его дело* — подумать о тех *проволочках,* которые последуют» из-за отказа султана принять ультиматум. Он же, со своей стороны, ничего не имеет против того, чтобы продолжать занимать в течение нескольких месяцев Дунайские княжества, где его войска безвозмездно получают обмундирование и продовольствие.

Одесса не пострадала от того, что устье Дуная оказалось блокированным, а если оккупация Дунайских княжеств и способствует вздорожанию пшеницы на лондонском Марклейне[286], то это только облегчит возвращение нечестивых империалов в святую Русь. Поэтому Австрия и другие державы должны

«прямо и твердо заявить Порте, что, после того как они тщетно пытались открыть ей единственный путь, который мог бы привести к немедленному восстановлению ее отношений с нами, они отныне *умывают руки в этом деле».*

Державы достаточно сделали для султана, открыв царю путь к Дунаю и преградив путь к Черному морю союзной эскадре. «Августейший повелитель» графа Нессельроде клеймит далее *«воинственные* замыслы, которые, по-видимому, воодушевляют сейчас султана и большинство его министров». Он, со своей стороны, разумеется, предпочел бы, чтобы султан не горячился, чтобы канонеркам он противопоставлял мирные предложения, а казакам — учтивые фразы. «Он исчерпал меру возможных уступок, между тем как Порта не сделала еще ни одной уступки. Его величество не может идти дальше по этому пути». Несомненно, царь *не может идти дальше,* не перейдя через Дунай. Нессельроде резюмирует всю свою аргументацию в следующей искусной дилемме, от которой никак не отвертишься. Либо изменения, предложенные Портой, не имеют никакого значения, либо они какое-то значение имеют. Если они не имеют никакого значения, почему Порта настаивает на них? А если они имеют какое-то значение, «вполне понятно, что мы отказываемся их принять».

«Эвакуация Дунайских княжеств,—заявил лорд Кларендон,—есть *предварительное* sine qua non* всякого соглашения». Как раз наоборот, —возражает Нессельроде. «Соглашение», то есть приезд турецкого посла для вручения австрийской ноты без всяких *изменений,* «есть предварительное sine qua поп эвакуации Дунайских княжеств».

Одним словом, великодушный царь готов прекратить канитель с венским совещанием, так как оно ему больше не нужно для окончания его первой кампании; но тем крепче он будет держать в своих руках Дунайские княжества, так как это ему необходимо, чтобы начать вторую кампанию.

Если верно полученное сегодня по телеграфу сообщение о возобновлении совещания, державы повторят в адрес Николая песенку, которой парижская толпа приветствовала Александра:

Vive Alexandre,
Vive le roi des rois,
Sans rien pre̲tendre
*Il nous donne des lois***.

* — непременное условие. *Ред.*

** — О царь царей Александр!
Мы славим имя его,
Он нам дарует законы,
Взамен не прося ничего. Ред.

Впрочем, сам царь уже не властен, как прежде, над восточными осложнениями. Султан был вынужден вызвать старый фанатизм и побудить снова двинуться на Европу грубые воинственные племена Азии, которых не успокоишь ни дипломатическими нотами, ни трафаретной ложью; и даже в дерзкой московитской ноте чувствуется что-то вроде опасения того «воинственного духа», которым охвачен Стамбул. В своем манифесте к мусульманам султан объявил, что России не будет больше сделано ни одной уступки. Как сообщают, депутация улемов[287] обратилась к султану с требованием либо отречься от престола, либо объявить войну без дальнейшего промедления. Разногласия в Диване достигли крайнего напряжения, и склоняющее Диван к миру влияние Решид-паши и Мустафа-паши начинает уступать влиянию сераскира[*] Мехмед-Али.

Так называемая *радикальная* лондонская печать проявляет прямо-таки невероятное недомыслие. Заявив несколько дней тому назад, что «законы Англии должны быть со всей их *карающей силой* применены *персонально к четырем изменникам»* (Абердину, Кларендону, Пальмерстону и Расселу), «Morning Advertiser» во вчерашнем номере заканчивает одну из своих передовиц следующими словами:

«Лорд Абердин должен поэтому уступить место своему преемнику. Нужно ли называть этого преемника? Есть только один человек, на которого страна взирает в этот ответственный момент как на лицо, достойное стать у кормила правления. *Этот человек —лорд Пальмерстон»*.

Если редакторы «Morning Advertiser» не способны следить за событиями и фактами, то им следовало бы хотя бы следить за статьями г-на Уркарта, печатающимися изо дня в день в их же собственной газете.

Во вторник вечером был созван митинг жителей Шеффилда по их требованию, адресованному к мэру города, с целью «обсудить современное неурегулированное и неудовлетворительное состояние восточного вопроса и целесообразность подачи петиции правительству по этому поводу». Такой же митинг должен состояться в Стафforде. Делается много других попыток организовать публичные демонстрации против России и министерства «всех талантов». Но внимание общества пока в основном поглощено учетным процентом, хлебными ценами, забастовками, неблагоприятными коммерческими прогнозами, а еще больше *холерой,* которая уже свирепствует в Ньюкасле и борьба с которой ведется при помощи разъясни-

[*] — военного министра. *Ред.*

тельных циркуляров лондонского Совета по охране здоровья., Издан указ от имени королевы и Тайного совета о том, что на ближайшие шесть месяцев по всему королевству вступают! в силу предписания *закона об эпидемических заболеваниях;* в Лондоне и других крупных городах делаются спешные приготовления для принятия надлежащих мер против надвигающегося бедствия. Если бы я разделял взгляды г-на Уркарта, я сказал бы, что холера прислана в Англию царем с *«секретной миссией»* уничтожить последние остатки того, что называется англосаксонским духом.

Поразительная перемена произошла в промышленных округах за последние четыре недели. В июле и в начале августа на горизонте было лишь одно безоблачное процветание; обстановку омрачали лишь тень, исходившая от отдаленной тучки— восточного вопроса и, пожалуй, в большей степени, опасения, как бы недостаток рабочих рук не помешал нашим хлопчатобумажным лордам использовать до конца неиссякаемый источник рисовавшихся им прибыльных дел. Восточный конфликт как будто был улажен; урожай мог, конечно, оказаться не совсем удовлетворительным, но на то ведь и существует свобода торговли, чтобы держать цены на низком уровне с помощью неистощимых американских, черноморских и балтийских запасов. Изо дня в день спрос на промышленные товары возрастал. Калифорния и Австралия оплодотворяли британскую промышленность потоками своего золота. «Times», позабыв про Мальтуса и про свои собственные недавние разглагольствования о перенаселении, всерьез пустился в обсуждение вопроса, не приведет ли недостаток рабочих рук и вызванное им повышение заработной платы к росту — в определенной пропорции — издержек производства английских промышленников и не прекратится ли в результате этого процветание промышленности и торговли, если только с континента не будут доставлены рабочие-переселенцы. Рабочему классу, по уверениям предпринимателей, жилось *чересчур хорошо,* настолько хорошо, что он в своих требованиях преступил всякие пределы, его «бесстыдство» становилось несноснее с каждым днем. Но это уже само по себе свидетельствовало об огромном, неслыханном процветании, переживаемом страной; а что могло послужить причиной этого процветания, как не свобода торговли! Но самое ценное заключалось в уверенности, что вся эта гигантская торгово-промышленная деятельность покоится на *здоровых* началах, что в ней нет места биржевому ажиотажу и необузданной спекуляции. Так утверждали в один голос английские промышленники, и они действовали в

соответствии с этой точкой зрения: они строили сотни фабрик, заказывали паровые машины в тысячи лошадиных сил, заказывали тысячи ткацких станков и сотни тысяч веретен. Никогда еще машино- и станкостроение не было такой прибыльной отраслью производства, как в 1853 году. Предприятия, понесшие тяжелый ущерб во всех своих звеньях в результате большой забастовки 1851 г.[288], восстановили теперь свое положение и даже улучшили его, и я мог бы назвать не одну первоклассную и широко известную машиностроительную фирму, которая никогда не оправилась бы от удара, нанесенного ей рабочими-машиностроителями во время упомянутой большой стачки, если бы не это небывалое деловое оживление.

Приходится, однако, констатировать, что на ясном небе процветания в настоящий момент появились мрачные тучи. Этому, без сомнения, в известной степени способствовал тот оборот, который принял восточный конфликт, но влияние этого обстоятельства на внутреннюю, американскую и колониальную торговлю все же весьма незначительно. Повышение учетного процента не причина, а скорее симптом того, что «гнило что-то в королевстве датском»[*]. Что касается неурожая и вздорожания предметов продовольствия, то тут мы несомненно имеем причины, которые понизили и еще сильнее понизят спрос на промышленные товары на рынках, подверженных действию этих причин, и в первую очередь на внутреннем рынке, этом оплоте британской промышленности. Однако повышение цен на продовольствие в настоящий момент в большинстве районов Англии и Шотландии пока еще компенсируется целиком или почти целиком повышением заработной платы, так что едва ли можно говорить о том, что *уже произошло* значительное падение покупательной способности потребителя. Повышение заработной платы привело к увеличению издержек производства в тех отраслях, в которых преобладает ручной труд; но благодаря большому спросу рост цен почти на все промышленные товары к августу значительно опередил рост издержек производства. Все перечисленные причины содействовали, конечно, ослаблению деловой жизни, но одних этих причин все же еще недостаточно, чтобы объяснить ту всеобщую тревогу, которая охватила деловые сферы промышленных округов.

Ведь это факт, что чары фритредерских иллюзий начинают рассеиваться и отважные промышленные авантюристы начинают смутно осознавать, что вопреки их грезам в стране, где

[*] Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена четвертая. *Ред.*

господствует свобода торговли, вовсе не исключены экономические потрясения, торговые кризисы и новое проявление перепроизводства. Что касается перепроизводства, то оно бывало, есть и должно быть, *ибо «запасы товаров»* — этот жупел газеты «Manchester Guardian», — продолжают существовать и даже возрастают. Спрос на товары определенно падает, а предложение увеличивается с каждым днем. Из вновь построенных промышленных предприятий самые крупные по масштабу и количеству рабочих только *теперь постепенно вводятся в действие.* Недостаток рабочих рук, забастовки строителей, невозможность удовлетворить огромное количество заказов на машинное оборудование вызвали многочисленные непредвиденные задержки с пуском их в ход и отсрочили на время появление тех симптомов промышленного изобилия, которые без этого дали бы о себе знать уже раньше. Так, фабрика г-на Т. Солта близ Брадфорда, крупнейшее промышленное предприятие в мире, должна была начать работать только на этой неделе, и пройдет еще немало времени, прежде чем ее производственная мощь полностью выявит себя на рынке. Очень многие из новых крупных предприятий в Ланкашире смогут начать работу не раньше зимы, *а результат этого нового огромного прироста производительных сил в полной мере скажется на рынках только весной и, может быть, даже позднее.* Согласно последним сведениям из Мельбурна и Сиднея, в импортной торговле наблюдается значительный спад, отправка многих грузов откладывается на неопределенный срок. Что же касается *безудержной спекуляции [over-speculation],* то мы еще часто будем слышать о ней, когда будут опубликованы отчеты. Спекуляция распространилась в последнее время на такое множество самых разнообразных товаров, что она теперь меньше бросается в глаза, чем прежде, несмотря на то, что идет полным ходом.

Написано К. Марксом 23 сентября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3892, 7 октября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ПАНИКА НА ЛОНДОНСКОЙ БИРЖЕ. — ЗАБАСТОВКИ [289]

Лондон, вторник, 27 сентября 1853 г.

Известие о том, что соединенные эскадры прошли Дарданеллы, в сочетании со слухами об изменениях в составе министерства и о затруднениях в торговле, вызвало в субботу настоящую панику на лондонской фондовой бирже.

«Было бы весьма нелегкой задачей описать положение с английскими ценными бумагами или охарактеризовать те сцены, которые, как правило, разыгрывались на фондовой бирже. Редко можно наблюдать подобное возбуждение, и хорошо, что это бывает нечасто... Вероятно мы не преувеличим, если скажем, что *игра на понижение* идет теперь почти в таких же масштабах, как это имело место во время французской революции... На этой неделе ценные бумаги шли по курсу $91^1/_2$%; на таком низком уровне они не были с 1849 года... Железнодорожные акции непрерывно падают».

Так пишет правительственная газета «Observer». Все наиболее солидные железнодорожные акции продаются на 68— 80 шилл. дешевле по сравнению с их ценой на прошлой неделе. Что касается внезапного наводнения рынка акциями, то само по себе оно еще ни о чем серьезном не говорит, поскольку одни только спекулянты на текущих курсах в любой момент могут произвести переполох на бирже и запугать bona fide* держателей акций. Но поскольку сильное колебание курса ценных бумаг, даже если оно носит чисто спекулятивный характер, совпадает с общими симптомами торгового кризиса, оно будет иметь весьма пагубные последствия. При всех обстоятельствах эта паника на денежном рынке обрекает на провал все проектируемые на будущее государственные займы, в особенности австрийские. Более того, капиталистам

* — честных, добропорядочных. *Ред.*

приходит на память, что в 1811 г. Австрия платила в качестве дивидендов по своим обязательствам всего 1 шилл. $7^1/_4$ пенса за фунт; что несмотря на искусственное увеличение доходов Австрии с 12000000 до 18000000 ф. ст., достигнутое путем огромного усиления налогового бремени в Венгрии и Ломбардии после 1849 г., ее ежегодный дефицит в среднем составляет больше четверти всех ее доходов; что с 1846 г. государственный долг Австрии вырос на 50000000 ф. ст. и что от очередного банкротства ее спасла лишь корыстная снисходительность сынов Израиля, которые все еще надеются освободить свои сундуки от скопившейся в них груды австрийских бумаг.

«Торговля до некоторой степени вышла за пределы своих возможностей», — пишет «Observer», — «и наши коммерческие обязательства отчасти превысили наши средства».

«Morning Post» восклицает:

«Незачем дольше обходить этот вопрос, ибо хотя предстоящий кризис будет отличаться некоторыми благоприятными особенностями, которых не было в 1847 г., для каждого вдумчивого наблюдателя, следящего за ходом событий, должно быть ясно, что дела теперь приняли, мягко выражаясь, крайне неприятный оборот».

Золотой запас Английского банка вновь уменьшился на 338954 ф. ст., а его резервный фонд банкнот, то есть ценные бумаги, предназначенные для учетных операций, составляет всего семь миллионов, иначе говоря сумму, которая целиком нужна канцлеру казначейства для уплаты строптивым держателям облигаций Компании Южных морей. О состоянии хлебного рынка мы узнаем из последнего номера «Mark-Lane Express» следующее:

«В течение ряда лет при средних урожаях мы ежегодно потребляли несколько миллионов квартеров импортной пшеницы. Какое же количество ее нам потребуется при нынешних условиях? Сбор пшеницы в этом году в лучшем случае составит не более трех четвертей среднего сбора, к тому же ни одна из прочих культур не дала излишков урожая. Картофель серьезно пострадал от болезни и ввиду его непригодности для длительного хранения так усиленно потребляется, что в скором времени будет ощущаться недостаток в этом продукте питания. Наше потребление стало таким огромным, что несмотря на импорт 3304025 квартеров зерна и 3337206 центнеров пшеничной муки за восемь месяцев, закончившихся 5 сентября, запасы зерна отнюдь нельзя назвать значительными... У нас, разумеется, нет никакого желания преувеличивать затруднения, с которыми может встретиться наша страна, но *отрицать наличие этих затруднений было бы глупостью...* Отчеты говорят о *весьма неудовлетворительном* урожае пшеницы; там, где был произведен пробный обмолот, во многих случаях полученное количество зерна едва превышает половину того, на что можно было рассчитывать».

В то время как на ясном небе торгового и промышленного процветания появились мрачные предвестники бури, *забастовки* все еще составляют и довольно долго будут составлять важную особенность нашего промышленного развития; правда, характер забастовок начал изменяться соответственно тем изменениям, какие происходят теперь в общем положении страны.

В Бери прядильщики вновь потребовали прибавки в 2 пенса с каждой тысячи мотков. Так как хозяева отказали им в этом, они прекратили работу; их примеру последуют ткачи, как только обработают имеющуюся у них на руках пряжу. В Престоне, где ткачи, которых поддерживают рабочие близлежащих округов, продолжают требовать десятипроцентной прибавки, шесть владельцев предприятий уже закрыли свои фабрики и остальные, по всей вероятности, последуют их примеру. Две тысячи рабочих, таким образом, уже лишились работы. В Блэкберне все еще бастуют механики чугунолитейного завода г-на Дикинсона. На одной фабрике в Уигане бастуют мотальщики, требуя прибавки в 1 пенни на 20 ярдов, а на другой фабрике отказались приступить к работе прядильщики, пока им не будет увеличена заработная плата. Обе фабрики закрылись. В том же месте происходит забастовка углекопов, охватившая около пяти тысяч человек. В среду вечером граф Крофорд и другие крупные шахтовладельцы из этой же округи уволили всех своих рабочих. После этого был созван многочисленный митинг углекопов в Скэйлс-Орчарде. В Манчестере все еще бездействуют 5000 ткацких станков, не говоря уже о мелких стачках — красильщиков бумазеи, красильщиков пряжи, валяльщиков, изготовляющих фетровые шляпы, и т. д. В Болтоне прядильщики хлопка проводят митинги, требуя повышения заработной платы. В Трентеме, Бриджуотере и других городах бастуют сапожники, в Глазго — извозчики, в Килмарноке — каменщики, в Олдеме угрожает забастовать полиция и т. д. В Бирмингеме гвоздильщики требуют десятипроцентной прибавки; плотники Вулвергемптона требуют шестипенсовой прибавки в день; лондонские плотники требуют такой же прибавки и т. д. Одновременно в главных промышленных центрах Ланкашира, Чешира, Дербишира и других графств рабочие устраивают открытые митинги и принимают решения относительно мер по оказанию помощи их голодающим братьям. Хозяева со своей стороны твердо решили закрыть на неопределенное время свои предприятия с тем, чтобы голодом принудить своих рабочих к подчинению.

«Мы видим», — пишет «Sunday Times», — «что, вообще говоря, требуемая рабочими прибавка не превышает 6 пенсов в день; и, если учесть

нынешние цены на продукты питания, трудно утверждать, что это требование является неразумным. Мы знаем, что существует мнение, будто одной из целей, которую ставят себе теперешние забастовщики, является получение своего рода *коммунистической доли* в действительных или предполагаемых прибылях предпринимателя; но сравнение *между требуемым повышением заработной платы и вздорожанием предметов первой необходимости* полностью опровергает это обвинение».

Когда рабочие требуют больше, чем стоят «предметы первой необходимости», когда они претендуют на «долю» в прибылях, созданных их же трудом, их обвиняют в *коммунистических* стремлениях. Что общего имеют цены на продукты питания с «вечным и высшим законом спроса и предложения»? В 1839, 1840, 1841 и 1842 гг., то есть в то время, когда цены на продукты питания непрерывно росли, заработная плата падала, до тех пор пока не достигла голодного уровня. «Заработная плата», — говорили в то время те же фабриканты, — «зависит не от цен на продукты питания, а от вечного закона спроса и предложения». «Sunday Times» утверждает:

«Требования рабочих могут быть удовлетворены тогда, когда они предъявляются в *почтительной* форме».

Что общего имеет *почтение* с «вечным законом спроса и предложения»? Слыхал ли кто-нибудь о том, чтобы цена на кофе на Минсинг-лейн[290] повышалась оттого, что подобное требование «предъявлялось в *почтительной* форме»? Торговля человеческой плотью и кровью ведется теми же методами, что и торговля любым другим товаром, так, по крайней мере, предоставьте ей те же условия.

Движение за повышение заработной платы продолжается уже в течение шести месяцев. Сделаем попытку применить к нему критерий, признанный самими владельцами предприятий, — «вечный закон спроса и предложения». Или, может быть, нам следует считать, что вечные законы политической экономии подлежат такому же толкованию, как вечные мирные договоры, заключаемые Россией с Турцией?

Шесть месяцев тому назад рабочие — даже если бы они не пришли еще тогда к выводу, что их позиции, усилились благодаря возросшему спросу на их труд и непрерывной огромной эмиграции на золотые прииски и в Америку, — должны были убедиться в увеличении прибылей промышленников уже по тому всеобщему крику о процветании, который подняла буржуазная пресса, прославлявшая на все лады благодатное действие свободы торговли. Рабочие, разумеется, потребовали своей доли в этом, столь громко возвещенном процветании, но хозяева дали им жестокий отпор. Тогда рабочие объединяются

в союзы, грозят забастовками и, в более или менее миролюбивом тоне, настаивают на своих требованиях. Повсюду, где происходят забастовки, предприниматели и их приспешники с церковных кафедр, с трибуны собраний и в печати разражаются неистовой бранью по поводу «наглости и глупости» тех, кто «подобным образом *пытается диктовать условия»*. Но что же доказали забастовки, как не то, что рабочие предпочитают проверять соотношение между спросом и предложением собственным методом, вместо того чтобы полагаться на пристрастные заверения своих работодателей? При известных обстоятельствах для рабочего единственный способ удостовериться в том, действительно ли он получает рыночную стоимость своего труда[291], — это забастовка или угроза прибегнуть к забастовке. В 1852 г. разница между ценой сырья и ценой готового товара—например, разница между ценой хлопка-сырца и ценой пряжи, между ценой пряжи и ценой хлопчатобумажных изделий — в среднем была больше, а следовательно, и прибыли владельцев прядилен и промышленных предпринимателей вообще были выше, чем в 1853 году. Ни цена на пряжу, ни цены на готовые товары не поспевали затем до самого недавнего времени за ростом цен на хлопок. Так почему же предприниматели сразу не повысили заработную плату в 1852 году? Соотношение спроса и предложения не оправдывало такое повышение в 1852 г., утверждают они. Так ли это? Год тому назад незанятых рабочих было действительно больше, чем сейчас, но эта разница совершенно не пропорциональна тому внезапному и неоднократно повторявшемуся повышению заработной платы, которое с тех пор были вынуждены провести предприниматели в силу действия закона спроса и предложения, смысл которого был им разъяснен забастовками. Работающих фабрик, конечно, в настоящее время больше, чем в прошлом году, и много квалифицированных рабочих за этот год эмигрировало; но в то же время никогда еще наши «промышленные ульи» не получали такого пополнения фабричных рабочих за счет наплыва людей, занятых ранее в сельском хозяйстве или в других отраслях, как это было за последние двенадцать месяцев.

Дело в том, что «рабочие руки» как всегда слишком поздно обнаружили, что стоимость их труда уже много месяцев назад выросла на 30%, и только тогда — не ранее лета прошлого года — они начали бастовать, требуя сначала 10% прибавки, потом еще 10% и так далее, разумеется, в пределах того, что они могли получить. Неизменный успех этих забастовок, способствуя их распространению по всей стране, явился лучшим доказательством их законности, а частое повторение

забастовок в одной и той же отрасли промышленности, являвшихся делом одних и тех же «рабочих рук», которые требовали все новых прибавок, исчерпывающим образом показало, что, по закону спроса и предложения, рабочие уже давно имели право на более высокую заработную плату и не получали ее только потому, что предприниматели пользовались их неосведомленностью о положении на рынке труда. Когда же рабочие наконец уяснили себе это положение, то предприниматели, все это время проповедовавшие «вечный закон спроса и предложения», вернулись к доктрине «просвещенного деспотизма» и потребовали права поступать со своей собственностью как им заблагорассудится; они заявили в форме злобного *ультиматума,* что рабочие не знают сами, что для них хорошо, а что плохо.

Изменение в общих экономических перспективах должно привести и к изменению в положении рабочих и работодателей по отношению друг к другу. Внезапное наступление этой перемены совпало с многочисленными забастовками, которые уже начались, и с еще большим числом тех, которые еще подготовляются. Несмотря на депрессию, они, без сомнения, будут продолжаться и проходить под тем же лозунгом повышения заработной платы, ибо в ответ на заявление предпринимателя, что он не может увеличить заработную плату, рабочие сошлются на вздорожание продуктов; а оба эти довода имеют одинаковую силу. Однако, если, как я предполагаю, депрессия 'затянется, рабочие пострадают от нее сильнее всего, и им придется бороться — без шансов на успех — уже против *снижения* заработной платы. Но тогда их деятельность быстро перейдет *в область политики,* и *новая организация — тред-юнионы, — завоеванная в ходе забастовок, приобретет для них огромное значение.*

Написано К. Марксом 27 сентября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3900, 17 октября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

РУССКИЕ В ТУРЦИИ

Так как война неизбежна и каждый прибывающий из Европы пароход может доставить известия о передвижениях армий и результатах сражений, то сейчас более чем когда-либо необходимо тщательно уяснить себе положение противников и соотношение их сил, а также различные обстоятельства, которые будут определять ход кампании. Такая потребность побуждает нас дать краткий анализ тех возможностей, которыми та и другая сторона располагают для наступления и обороны, а также тех основных стратегических соображений, которые, вероятно, будут влиять на решения командования воюющих сторон.

Русские войска, оккупировавшие Дунайские княжества, состояли вначале из двух пехотных корпусов и обычного количества резервной кавалерии и артиллерии. В состав русского пехотного корпуса входят три дивизии, то есть шесть бригад пехоты, несколько полков легкой кавалерии и одна артиллерийская бригада — всего около 55000 человек и приблизительно сто орудий. На каждые два пехотных корпуса имеются «резервный кавалерийский корпус» и известное количество резервной артиллерии, включая сюда тяжелую осадную артиллерию. Таким образом, первоначально оккупационная армия насчитывала, по штатному расписанию, приблизительно 125000 человек. Сейчас уже началась переправа через Прут третьего пехотного корпуса, и можно, следовательно, после всех необходимых вычетов, определять численность сосредоточенных на Дунае русских сил в 140—150 тысяч бойцов. Сколько из них в нужный момент окажется в состоянии стать в строй, зависит

от санитарного состояния местности, от большей или меньшей расторопности русского интендантства и от иных обстоятельств подобного порядка,учесть которые, не будучи на месте, невозможно.

По всем данным, которыми мы располагаем, турецкая армия, противостоящая русским на Дунае, насчитывает самое большее 110—120 тысяч человек. До прибытия египетских контингентов численность ее по общему утверждению не превышала 90000. Таким образом, насколько мы можем судить, в численном отношении турецкая сторона заметно уступает русской. Что же касается действительного качества и боеспособности той и другой армий, то следует признать, что и в этом отношении превосходство равным образом на стороне русских. Правда, турецкая артиллерия, созданная прекрасными французскими и прусскими офицерами, пользуется хорошей репутацией, в то время как русские артиллеристы слывут не очень меткими стрелками; но зато, несмотря на все усовершенствования последнего времени, турецкая пехота не может идти в сравнение с русскими гренадерами, и турецким кавалеристам все еще недостает той дисциплины и упорства в бою, которые позволяют атаковать и во второй и в третий раз после того, как первая атака отбита.

Генералы той и другой стороны — сравнительно новые люди. Мы уже имели возможность рассказать нашим читателям о военных достоинствах русского командующего князя Горчакова и о причинах, побудивших императора назначить его на этот пост[292]. Он честный человек и ревностный защитник «особого предназначения» России, однако предстоит еще убедиться, сумеет ли он вести кампанию таких масштабов, как та, которая теперь начинается. Омер-паша, турецкий главнокомандующий—более известная фигура, и то, что мы о нем знаем, в общем говорит в его пользу. Его экспедиция в Курдистан увенчалась успехом, несмотря на трудные условия, а экспедиция в Черногорию была превосходно задумана и несомненно закончилась бы почти бескровной победой, если бы не вмешательство дипломатии[293]. Итак, главный козырь турок, возможно, будет состоять в превосходстве военного руководства; почти во всех остальных отношениях преимущество на стороне русских.

Несмотря на то, что войну объявили турки, и они, вероятно, более страстно, чем русские, жаждут первыми нанести удар; им, очевидно, как более слабой стороне, будет выгоднее предпринимать оборонительные действия, а русским — наступательные. При этом, разумеется, не принимаются во внимание шансы на успех, которые могли бы появиться в результате грубых ошибок в действиях того или другого командующего.

Если бы турки были достаточно сильны для того, чтобы предпринять наступление, их тактика была бы ясна. Им нужно было бы в таком случае ввести русских в заблуждение ложными маневрами на верхнем Дунае, быстро сосредоточить свои силы между Силистрией и Гирсовой, форсировать нижний Дунай и напасть на противника в том месте, где его позиция слабее всего, а именно, на узкой полосе земли, составляющей границу между Валахией и Молдавией, а затем, разделив русские войска в обоих княжествах на две части, сосредоточенным ударом отбросить корпус, расположенный в Молдавии, и разгромить другой корпус, который оказался бы изолированным и отрезанным в Валахии. Но поскольку у турок нет никаких шансов на успех при наступлении, они могли бы предпринять подобную операцию только в случае вопиющих промахов со стороны русского командующего.

Если русские захотят использовать возможность наступательных действий, то прежде чем проникнуть в сердце Турецкой империи, им предстоит преодолеть два естественных препятствия: сначала Дунай, а затем Балканы. Форсирование большой реки, даже на виду у неприятеля, является военным подвигом, настолько часто совершавшимся во время революционных и наполеоновских войн, что в настоящее время любой лейтенант может рассказать, как оно должно быть осуществлено. Несколько ложных передвижений, хорошо оснащенный понтонный парк, несколько батарей для прикрытия мостов, тщательно продуманные мероприятия для обеспечения отступления и храбрый авангард—вот, примерно, все необходимые для этого условия. Но переход через высокий горный хребет, в особенности при таком ограниченном количестве перевалов и годных дорог, как на Балканах, — куда более серьезная операция. А когда еще горная цепь тянется параллельно реке, на расстоянии не более 40—60 миль от нее, — а именно на таком расстоянии Балканы отстоят от Дуная, — это еще больше осложняет дело, так как войска, потерпевшие поражение в горах, могут быть в результате энергичного преследования отрезаны от своих мостов и сброшены в реку еще до того, как подоспеет помощь; армия, разбитая таким образом в большом сражении, погибла бы неминуемо. Именно в этой близости Дуная к Балканам и в их параллельном расположении и заключается естественная военная сила Турции. Балканский хребет, от македоно-сербской границы до Черного моря, то есть собственно Балканы, «Veliki Balkan»*, имеет пять перевалов;

* — «Великие Балканы». *Ред.*

два из них расположены на больших трактах, или вернее на дорогах, которые в Турции называются этим именем. Это— Ихтиманский перевал на дороге из Белграда через Софию, Филиппополь, Адрианополь к Константинополю, и перевал Добрал на дороге из Силистрии и Шумлы. Остальные три перевала, из которых два находятся между вышеупомянутыми, а третий — ближе к Черному морю, можно считать непроходимыми для большой армии и войсковых обозов. Через них могут пройти лишь более мелкие военные отряды, возможно даже легкая полевая артиллерия, но они не могут быть использованы как операционные и коммуникационные линии главных сил армии вторжения.

В 1828 и 1829 гг. русские войска действовали на линии Силистрия — перевал Добрал — Адрианополь — Айнадшик, и, поскольку это кратчайший и наиболее прямой путь от русской границы к столице Турции, он действительно является наиболее естественным для любой русской армии, которая движется с севера, которую поддерживает флот, безраздельно господствующий на Черном море, и которая ставит себе целью быстро закончить кампанию победоносным маршем на Константинополь. Чтобы пройти по этой дороге, русская армия, форсировав Дунай, должна овладеть сильной позицией, прикрываемой с флангов двумя крепостями — Шумлой и Варной, — блокировать или взять обе эти крепости и затем перейти Балканы. В 1828 г. турки на этой позиции рискнули своими главными силами. Они были разбиты у Кулевчи; Варна и Шумла пали, оборона Балкан была слаба, и русские достигли Адрианополя, правда, весьма обессиленные, но не встречая больше сопротивления, так как турецкая армия совершенно разложилась и для защиты Константинополя не было в наличии даже бригады. Турки в этом случае допустили большую ошибку. Любому офицеру должно быть ясно, что защищать горную цепь следует не на оборонительной позиции, расположенной впереди нее, и не распыляя обороняющуюся армию для блокирования всех проходов; напротив того, следует занять центральную позицию позади горной цепи, ведя наблюдение за всеми проходами и, выждав, когда намерения противника ясно определятся, наносить сосредоточенные удары по передовым колоннам при выходе их из ущелий, прорезающих горный хребет. Наличие сильной позиции, расположенной поперек операционной линии русских в районе между Варной и Шумлой, побудило турок дать решающее оборонительное сражение именно в этом месте, тогда как им следовало бы дать его, еще больше сосредоточив силы и имея дело с противником, неизбежно

ослабленным болезнями и отставанием отдельных частей, только на Адрианопольской равнине.

Таким образом мы видим, что при обороне линии Силистрия — Адрианополь переправу через Дунай нужно защищать, не отваживаясь на решающее сражение. Последующее сопротивление нужно оказать *за* Шумлой и Варной, а не *между* ними, причем на решающее сражение можно пойти лишь в том случае, если шансы на победу *весьма велики.* Далее должно следовать отступление за Балканы, причем для охраны перевалов необходимо оставить отряды, способные оказывать сопротивление противнику до тех пор, пока это окажется возможным без вступления в решающую схватку. Русские тем временем будут растрачивать свои силы на осаду крепостей и, — если они последуют своей предыдущей практике, — они снова будут брать их штурмом, то есть понесут при этом значительные потери, ибо для русской армии характерен следующий примечательный факт: ей до сих пор *никогда не удавалось* без посторонней помощи *провести регулярную осаду.* Недостаток в опытных инженерах и артиллеристах, невозможность создать в варварской стране большие военные склады и надлежащие осадные средства, или хотя бы доставлять, преодолевая огромные пространства, имеющиеся материалы — все это всегда вынуждало русских брать любой укрепленный пункт штурмом после непродолжительного, мощного, но редко достаточно эффективного артиллерийского обстрела. Таким путем Суворов взял Измаил и Очаков[294]; таким же образом в 1828 и 1829 гг. русские штурмовали турецкие крепости в Европе и в Азии; и таким же путем в 1831 г. они овладели Варшавой. В любом случае русская армия достигнет балканских перевалов, будучи уже ослабленной, в то время как у турок хватит времени стянуть со всех сторон свои войска. Если вторгшийся противник не будет отброшен ударом всей турецкой армии при попытке перехода через Балканы, то решающее сражение можно будет дать под стенами Адрианополя, а если и в этом случае турки потерпят поражение, то, по крайней мере, можно будет констатировать, что они целиком использовали все представлявшиеся им возможности.

Но при нынешних обстоятельствах победа русских под Адрианополем не может иметь сколько-нибудь решающего значения. Британская и французская эскадры находятся у Константинополя, и перед лицом такой силы ни один русский командующий не сможет двинуться на эту столицу. Русские, остановленные у Адрианополя, лишенные поддержки своего

флота, который к тому же и сам оказался бы под угрозой, стали бы вскоре нести огромные жертвы, теряя тысячи людей от болезней, и были бы вынуждены отступить за Балканы. Таким образом, даже одержав победы, они потерпели бы неудачу в достижении своей главной цели в войне. Есть, однако, еще одна операционная линия, которую они могли бы выбрать и, пожалуй, с большей выгодой для себя. Эта линия идет вдоль дороги от Видина и Никопола через Софию на Адрианополь. Если отбросить политические соображения, то ни одному здравомыслящему русскому генералу не пришло бы в голову следовать этим путем. Но пока Россия может рассчитывать на Австрию, пока появление русской армии поблизости от сербской границы в сочетании с русскими интригами в Сербии может вызывать повстанческое движение в этой стране, а также в Черногории и среди греко-славянского населения, преобладающего в Боснии, Македонии и Болгарии, пока о завершающей операции чисто военной кампании, о взятии Константинополя, не может быть и речи из-за присутствия там европейского флота, — до тех пор этот план кампании будет единственным, который русские могут принять с большими шансами на успех; принимая его, они избегнут решительных военных действий со стороны Англии и Франции, которые мог бы вызвать слишком откровенный поход на Константинополь.

Действительно, из нынешней дислокации русской армии явствует, что существует что-то вроде этого плана. Правое крыло армии растянуто до Крайовы близ западной границы Валахии, и ее боевые порядки в целом оказались сдвинутыми вверх по Дунаю. Так как этот маневр полностью исключает предположение, что операционная линия будет проходить через Силистрию и Шумлу, то целью его может быть только установление связи русских с Сербией, этим центром славянской национальности и православия в Турции. Удерживание оборонительной позиции на нижнем Дунае — в сочетании с наступлением через верхний Дунай на Софию — было бы вполне обеспеченным делом при условии поддержки Австрии и одновременного развертывания движения за национальную независимость среди проживающих в Турции славян; а такое движение вернее всего может быть вызвано походом русской армии в самый центр славянских областей Турции. Таким путем царь гораздо легче и менее вызывающим образом добьется того, на что он претендовал в течение всего конфликта, а именно — организации всех проживающих в Турции славян в отдельные княжества, какими являются ныне Молдавия, Валахия и Сербия. При номинальном суверенитете султана в Болгарии,

Черногории и Македонии и фактическом протекторате над ними царя, европейские владения Турции свелись бы к окрестностям Константинополя, и она лишилась бы Албании—питомника ее солдат. Это было бы для России куда лучшим результатом, чем если бы она одержала решительную победу под Адрианополем, за которой последовало бы топтание ее армии на одном месте. Судя по всему, она собирается сделать попытку добиться именно такого результата. Трудно сказать, ошибается ли она, полагаясь на славянское население Турции, хотя не было бы ничего удивительного, если бы все оно высказалось против нее.

Написано Ф. Энгельсом 29 сентября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3900, 17 октября 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН [295]

Написано К. Марксом в октябре — начале декабря 1853 г.

Напечатано е «The People's Paper» №№ 77, 78. 79, 80, 81, 84, 85 и 86; 22 и 29 октября, 5, 12 и 19 ноября, 10, 17 и 24 декабря 1853 г. за подписью: Д-р Маркс; в неполном виде опубликовано в качестве передовых в газете «New-York Daily Tribune» №№ 3902, 3916, 3930 и 3973; 19 октября, 4 и 21 ноября 1853 и 11 января 1854 г., а также отдельными брошюрами, вышедшими в Лондоне в 1853—1854 гг.

Печатается по тексту «The People's Paper», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune» и с текстами отдельных брошюр

Перевод с английского

THE PEOPLE'S PAPER.

LORD PALMERSTON.

Written for the "New York Tribune," by Dr. Marx, and communicated by him to us.

FIRST ARTICLE.

Ruggiero is again and again fascinated by the false charms of Alcine, which he knows to disguise an old witch—

Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans everything

and the knight-errant cannot withstand falling in love with her anew whom he knows to have transmuted all her former adorers into asses and other beasts. The English public is another Ruggiero, and Palmerston is another Alcine. Although a septuagenarian, and since 1847 occupying the public stage, almost without interruption, he contrives to remain a novelty, and to evoke all the hopes that used to centre on an untried and promising youth. With one foot in the grave, he is supposed not yet to have begun his true career. If he were to die to-morrow, all England would be surprised at learning that he has been a Secretary of State half this century.

If not a good statesman of all work, he is at least a good actor of all work. He succeeds in the comic as in the heroic—in pathos as in familiarity—in the tragedy as in the farce: although the latter may be more congenial to his feelings. He is no first class orator, but he is an accomplished debater. Possessed of a wonderful memory, of great experience, of a consummate tact, of a never-failing *presence d'esprit*, of a gentlemanlike versatility, of the most minute knowledge of parliamentary tricks, intrigues, parties, and men, he handles difficult cases in an admirable manner and with a pleasant volubility, sticking to the prejudices and susceptibilities of his public, secured from any surprise by his cynic impudence, from any self-confession by his selfish dexterity, from running into a passion by his profound frivolity, his perfect indifference, and his aristocratic contempt. Being an exceedingly happy joker, he ingratiates himself with everybody. Never losing his temper, he imposes on an impassioned antagonist. When unable to master a subject, he knows how to play with it. If wanting of general views, he is always ready to tissue elegant generalities.

Endowed with a restless and indefatigable spirit, he abhors inactivity, and pines for agitation, if not for action. A country like England allows him, of course, to busy himself in every corner of the earth. What he aims at is not the substance, but the mere appearance of success.

If he can do nothing, he will devise anything. Where he dares not interfere, he intermeddles. Not able to vie with a strong enemy, he improvises a weak one.

Being no man of deep designs, pondering on no combinations of long standing, pursuing no great object, he embarks in difficulties with a view to disentangle himself in a showy manner. He wants complications to feed his activity, and when he finds them not ready, he will create them. He exults in show-conflicts, show-battles, show enemies, diplomatical notes to be exchanged, ships to be ordered to sail, the whole movement the act of piracy, while admitting that Denmark had evidenced no hostility whatever towards Great Britain, he contended that they were right in bombarding its capital and stealing its fleet, because they had to prevent Danish neutrality from being, perhaps, converted into open hostility by the compulsion of France. This was the new law of nations, proclaimed by my lord Palmerston.

When again speechifying, we find that English minister *par excellence*, engaged in the defence of foreign troops, called over from the continent to England, with the express mission of maintaining forcibly the oligarchic rule, to establish which William had, in 1688, come over from Holland, with his Dutch troops. Palmerston answered to the well-founded "apprehensions for the liberties of the country," originating from the presence of the King's German Legion, in a very flippant manner. Why should we not have 16,000 of those foreigners at home; while you know, that we employ "a far larger proportion of foreigners abroad." (House of Commons, March 10, 1812.)

When similar apprehensions for the constitution arose from the large standing army, maintained since 1815, he found "a sufficient protection of the constitution in the very constitution of our army," a large proportion of its officers being "men of property and connexions." (House of Commons, March 8, 1816.)

When the large standing army was attacked from a financial point of view, he made the curious discovery that "much of our financial embarrassments had been caused by our former low peace establishment." (House of Commons, March 8, 1816.)

When the "burdens of the country," and the "misery of the people" were contrasted with the lavish military expenditure, he reminded parliament that these burdens and that misery "were the price which we (viz., the English oligarchy) agreed to pay for our freedom and independence." House of Commons, May 16, 1828.)

In his eyes, military despotism was not to be apprehended from the exertions of "those self-called, but misled Reformers, who demand that sort of reform in the country which, according to every first principle of government, must end, if it were acceded to, in a military despotism." (House of Commons, June 14, 1820.)

While large standing armies were thus his panacea for maintaining the constitution of the country, flogging was his panacea for maintaining the constitution of the army. He defended it in the debates on the Mutiny Bill, on the 5th of March, 1824, he declared it to be "absolutely indispensable" on March 11, 1825, he recommended it again on March 10, 1828; he stood by it in the debates of April, 1833, and he proved an amateur of flogging on every subsequent occasion.

There existed no abuse in the army, he did not find plausible reasons for, if it happened to foster the interests of aristocratic parasites. Thus, for instance, in the debates on the Sale of Commission. (House of Commons, March 12, 1828.)

Часть страницы «People's Paper»
с первой статьей К. Маркса из серии
«Лорд Пальмерстон»

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ*

Руджьеро все снова и снова пленяется ложными прелестями Альчины, за которыми, как он знает, скрывается старая ведьма —

«Без глаз и без зубов, без вкуса, без всего»**.

Странствующий рыцарь не может не влюбиться в нее снова, хотя и знает, что она превратила всех своих прежних поклонников в ослов и других животных. Английская публика — новый Руджьеро, и Пальмерстон — новая Альчина. Хотя Пальмерстону уже под семьдесят и он с 1807 г. почти непрерывно подвизается на политической арене, он умудряется всегда придавать себе прелесть новизны, снова и снова возбуждать все те надежды, которые обычно возлагаются на неискушенных, многообещающих юношей. И хотя он уже стоит одной ногой в могиле, все еще считают, что его настоящая карьера —

* В «New-York Dally Tribune» от 19 октября 1853 г. статья начиналась следующими словами, отсутствующими в «People's Paper»: «Восточные осложнения породили в Англии большие перемены если не в положении партий, то, по крайней мере, в положении лиц, стоящих во главе партий. Лорд Пальмерстон снова сделался любимцем публики. Его имя у всех на устах; он-де — единственный человек, способный спасти Англию; он негласно провозглашен непременным премьером измененного кабинета, которого громко требуют и тори, и виги, и самозванные патриоты, и пресса, и общественное мнение в целом.

Пальмерстоновская мания представляет собой настолько необычайное явление, что иной раз напрашивается предположение, не является ли она попросту фикцией, пущенной в-ход не для внутреннего употребления, а в качестве экспортного товара, предназначенного для сбыта за границей. Но это предположение все же ошибочно». *Ред.*

** Шекспир. «Как вам это понравится», акт II, сцена седьмая. *Ред.*

впереди. Если бы он завтра умер, вся Англия с удивлением узнала бы, что он уже целых полвека был министром.

Если он не для всякого дела хорош как государственный деятель, то, по крайней мере, как актер он годится для любой роли. Ему одинаково хорошо дается как комический, так и героический стиль, как пафос, так и фамильярный тон, как трагедия, так и фарс, впрочем, фарс, пожалуй, больше всего соответствует его душевному складу. Он не первоклассный оратор, но совершенный полемист. Обладая удивительной памятью, большим опытом, непревзойденным тактом, никогда не изменяющим ему presence d'esprit*, гибкостью светского человека, будучи тончайшим знатоком всех парламентских махинаций, интриг, партий и деятелей, он великолепным образом и с приятной непринужденностью действует при сложных обстоятельствах, приспосабливаясь к предрассудкам и используя впечатлительность своей публики. При этом его циничная наглость служит ему защитой от всяких неожиданностей, его эгоизм и ловкость предохраняют его от всяких признаний в порыве откровенности; его крайняя фривольность, его полное равнодушие, его аристократическая пренебрежительность оберегают его от запальчивости. Своими исключительно удачными шутками он умеет всех расположить в свою пользу. Никогда не теряя самообладания, он постоянно оставляет разгоряченного противника в дураках. Если он и неспособен овладеть каким-нибудь предметом, то все же умеет им играть, а если ему недостает общих воззрений, то зато он всегда готов плести изящный узор из общих фраз.

Наделенный беспокойным, неутомимым духом, он не терпит бездействия и жаждет если не деятельности, то хотя бы возбуждения. Такая страна, как Англия, естественно, доставляет ему возможность действовать в любом уголке земного шара. То, к чему он стремится, является не самим успехом, а лишь его видимостью.

Если он ничего не может сделать, то он что-либо изобретает. Когда он не осмеливается вмешаться, он играет роль посредника. Если он не способен померяться силами с сильным врагом, он создает себе врага слабого.

Не будучи человеком широких планов, далеко идущих комбинаций, не преследуя никаких великих целей, он ввязывается в затруднения только для того, чтобы затем эффектно из них выпутываться. Ему нужны осложнения, ибо они дают ему возможность проявить свою деятельность, и, если их

* — присутствием духа, находчивостью. *Ред.*

не оказывается налицо, он сам их создает. Он находит наслаждение в мнимых конфликтах, в мнимых битвах с мнимыми противниками, в обменах дипломатическими нотами, в приказах к отплытию судов, пока, наконец, вся эта суматоха не заканчивается для него бурными парламентскими дебатами, которые непременно принесут ему минутный успех, составляющий постоянную и единственную цель всех его стремлений. Он действует в международных конфликтах как артист, доводя дело до определенной грани, отступая, когда положение становится угрожающим, но при всех обстоятельствах достигая той драматической напряженности, в которой он нуждается. В его представлении само историческое развитие является не более как развлечением, изобретенным специально для личного удовольствия благородного виконта Пальмерстона оф Пальмерстон*.

Уступая иностранному влиянию на деле, он противится ему на словах. Он перенял по наследству от Каннинга доктрину о миссии Англии распространять конституционализм на континенте, и потому у него никогда не бывает недостатка в поводах для того, чтобы возбуждать национальные предрассудки и противодействовать революции в других странах, поддерживая в то же время ревнивую подозрительность иностранных держав. После того как ему удалось таким удобным способом сделаться bete noire** всех континентальных дворов, он без труда сумел прослыть у себя в стране истинно английским министром. Несмотря на то, что он первоначально был тори, он сумел внести в управление иностранными делами все то притворство и противоречивость, которые составляют сущность вигизма. Он умеет сочетать демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, прикрывать политику спекулирующей на мире буржуазии кичливыми тирадами старой аристократической Англии; он умеет казаться нападающим, когда на самом деле потворствует, и защитником, когда на самом деле предает; он умеет ублажать показного врага и доводить до отчаяния мнимого союзника; он умеет в надлежащий момент спора оказаться на стороне сильного против слабого и обладает искусством произносить смелые слова, обращаясь в бегство.

Одни обвиняют его в том, что он состоит на жаловании у России, другие подозревают его в карбонарстве. В 1848 г.

* В «New-York Dally Tribune» от 19 октября 1853 г. после этих слов напечатана следующая фраза: «Он является выдающимся образчиком той породы людей, которую Томас Карлейль обозначил как категорию фальшивых руководителей мира». *Ред.*

** — жупелом, предметом страха и ненависти (буквально; «черным зверем»). *Ред.*

ему пришлось защищаться от грозившего привлечением к суду обвинения в том, что он действовал как министр царя Николая; зато в 1850 г. он, к своему удовлетворению, стал объектом преследования со стороны иностранных послов, составивших против него заговор, который имел успех в палате лордов, но потерпел провал в палате общин[296]. Если он предавал чужие пароды, то делал это с величайшей вежливостью, ибо вежливость — это мелкая монета чёрта, которой чёрт оплачивает кровь обманутых им простаков. Если угнетатели всегда могли рассчитывать на его действенную помощь, то угнетенных он щедро одаривал своим ораторским великодушием. Подавление поляков, итальянцев, венгров, немцев всегда совпадало с его пребыванием у власти, но расправлявшиеся с ними деспоты всегда подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они преследовали с его же соизволения. До сих пор, имея его своим противником, можно было при всех обстоятельствах рассчитывать на вероятный успех, а имея его своим другом — всегда ожидать верного поражения. Но если подобное дипломатическое искусство не увенчало его переговоры с иностранными государствами сколько-нибудь блестящими результатами, то тем более блестяще обнаружил он его в умении навязать английскому народу определенное толкование этих результатов, заставляя его принимать фразы за дела, фантазии за реальность и за возвышенными предлогами не видеть низменных мотивов.

Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон, унаследовавший свой титул от ирландского пэра, был в 1807 г. назначен лордом адмиралтейства при образовании министерства герцога Портленда. В 1809 г. он стал секретарем по военным делам и оставался на этом посту до мая 1828 года. В 1830 г. он чрезвычайно ловко перебежал к вигам, которые сделали его своим бессменным министром иностранных дел. Не считая промежутков времени, когда у власти были тори, то есть с ноября 1834 до апреля 1835 г. и с 1841 по 1846 г., он несет ответственность за всю внешнюю политику Англии с момента революции 1830 г. до декабря 1851 года.

Не кажется ли весьма странным на первый взгляд видеть этого Дон-Кихота «свободных учреждений», этого Пиндара «прославленной конституционной системы» в качестве непременного и видного члена торийских кабинетов г-на Персивала, графа Ливерпула, г-на Каннинга, лорда Годрича и герцога Веллингтона? И именно в течение того продолжительного периода, когда велась антиякобинская война, когда государственный долг достиг чудовищных размеров, когда были изданы

хлебные законы[297], когда иностранные наемники находились на английской земле[298], когда народу, — пользуясь выражением коллеги Пальмерстона, лорда Сидмута, — время от времени «пускали кровь», когда прессе был заткнут рот, собрания были воспрещены, а народные массы обезоружены, когда были отменены свобода личности и нормальное судопроизводство и вся страна находилась по существу на осадном положении, — одним словом, в самую позорную и реакционную эпоху английской истории!

Весьма характерен парламентский дебют Пальмерстона. 3 февраля 1808 г. он взял слово. В защиту чего? В защиту тайны дипломатических переговоров и самого позорного акта насилия, который когда-либо совершала одна нация над другой, а именно бомбардировки Копенгагена и захвата датского флота в то самое время, когда Англия официально открыто заявляла, что находится с Данией в состоянии нерушимого мира[299]. По первому вопросу он заявил:

«В этом особом случае министры его величества обязаны» (кто их обязал?) «сохранять тайну».

Но он пошел еще дальше:

«Да и вообще я против того, чтобы предавать гласности деятельность дипломатии, так как раскрытие тайны в этой области обычно влечет за собой прекращение дальнейшей информации из данного источника»,

Видок защищал бы такое же дело теми же словами. Что касается пиратского нападения на Данию, то, признавая, что Дания не проявила никакой враждебности по отношению к Великобритании, Пальмерстон все же утверждал, что англичане были вправе бомбардировать столицу Дании и присвоить ее флот, так как необходимо было предотвратить возможное превращение датского нейтралитета — под давлением Франции — в открытую вражду. Таково было новое международное право, возвещенное милордом Пальмерстоном.

Следующее ораторское творение этого английского министра par excellence* было посвящено защите пребывания в Англии иностранных войск, привезенных с континента явно для того, чтобы силой поддержать тот олигархический режим, для основания которого Вильгельм прибыл в 1688 г. из Голландии со своими голландскими войсками. На вполне обоснованные «опасения за вольности страны», вызванные присутствием немецкого королевского легиона, Пальмерстон ответил весьма вызывающим образом: а почему бы нам не иметь 16000 иностранцев у себя в стране, если, как известно, мы содержим

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

«гораздо большее количество иностранных войск в других странах?» (Палата общин, 10 марта 1812 года.)

Когда подобные же опасения за неприкосновенность конституционного режима были высказаны в связи с сохранением после 1815 г. большой постоянной армии, Пальмерстон счел, что «достаточной гарантией конституционного устройства является само устройство пашей армии», офицеры которой большей частью «люди с состоянием и связями». (Палата общин, 8 марта 1816 года.)

Когда против содержания большой постоянной армии выступили с финансовой точки зрения, Пальмерстон сделал любопытное открытие, что «многие из наших финансовых затруднений были вызваны незначительным мирным контингентом нашей армии в прошлое время». (Палата общин, 25 апреля 1816 года.)

Когда ему указывали на контраст между «налоговым бременем страны» и «нищетой народа», с одной стороны, и расточительными военными расходами — с другой, он напоминал парламенту, что это налоговое бремя и нищета являются «той ценой, которую мы» (то есть английская олигархия) «согласились уплатить за свою свободу и независимость». (Палата общин, 16 мая 1820 года.)

По его мнению опасность военного деспотизма существует только в результате стараний

«заблуждающихся лиц, именующих себя сторонниками реформы, требующих для страны такого рода реформ, которые согласно самым элементарным правилам государственной деятельности неизбежно привели бы, в случае их осуществления, к военному деспотизму». (Палата общин, 14 июня 1820 года.)

Если в больших постоянных армиях он, таким образом, видел всеисцеляющее средство для поддержания порядка в стране, то в телесных наказаниях он видел всеисцеляющее средство для поддержания порядка в армии. Он защищал телесные наказания 5 марта 1824 г. при обсуждении билля о мятежах[300], он объявил их «абсолютно необходимыми» 11 марта 1825 г., он рекомендовал их снова 10 марта 1828 г., он отстаивал их во время дебатов в апреле 1833 г. и в дальнейшем по всякому поводу выказывал себя горячим сторонником этой меры.

Не было такого злоупотребления в армии, которое он не оправдывал бы какими-либо основательными доводами, если только оказывалось, что в этих злоупотреблениях заинтересованы аристократические паразиты. В качестве примера можно привести прения о продаже патентов на офицерский чин. (Палата общин, 12 марта 1828 года.)

Лорд Пальмерстон любит изображать себя неутомимым борцом за установление свободы совести. Однако он голосовал против резолюции лорда Рассела об отмене актов о присяге и о корпорациях[301]. А почему? Да потому, что он «как ревностный и горячий друг свободы совести» не мог допустить, чтобы диссентеров[302] «избавляли от воображаемых притеснений, в то время как католики страдают от действительных зол». (Палата общин, 26 февраля 1828 года.)

В доказательство своего ревностного стремления к свободе совести он нам сообщает, что «огорчен ростом числа диссентеров и желает, чтобы государственная церковь получила полное преобладание в Англии». Он также желает, «чтобы государственная церковь содержалась за счет инаковерующих». Склонный к шуткам светлейший лорд сетует на богатых диссентеров за то, что они содержат специальные церкви для бедных, в то время как

«в англиканской церкви одним только беднякам приходится страдать от недостатка места в церкви... Было бы нелепо утверждать, что бедняки должны уделять средства на церковь из своих скудных доходов». (Палата общин, 9 апреля 1824 года.)

Разумеется, было бы еще более нелепо утверждать, что богачи, принадлежащие к государственной церкви, должны уделять средства на церковь из своих обильных доходов.

Посмотрим теперь, каким образом Пальмерстон боролся за эмансипацию католиков[303], ибо это одно из тех дел, по поводу которых он особенно «претендует» на благодарность со стороны ирландского народа. Я не буду останавливаться на том обстоятельстве, что, объявив себя сторонником эмансипации католиков в качестве члена кабинета Каннинга, он тем не менее вошел в министерство Веллингтона, которое с открытой враждебностью относилось к этой эмансипации. Может быть, лорд Пальмерстон считал, что свобода совести — это одно из тех прав человека, в которые не должно вмешиваться законодательство? Предоставим слово ему самому:

«Хотя я и желаю, чтобы считались с требованиями католиков, но я никогда не соглашусь с тем, что эти требования основаны на праве... Если бы я считал, что католики отстаивают свои права, то я отказался бы войти в комитет». (Палата общин, 1 марта 1813 года.)

Но почему он возражал против того, чтобы католики отстаивали свои права?

«Потому, что законодательная власть страны правомочна лишить любой класс общества тех или иных политических прав, если это признается необходимым для безопасности и благосостояния целого... Это

один из основных принципов, на которых покоится цивилизованное правление». (Палата общин, 1 марта 1813 года.)

Здесь перед вами самое циничное из когда-либо сделанных признаний, что масса народа не имеет вообще никаких прав, что она может пользоваться известными свободами лишь в той мере, в какой сочтет нужным предоставить эти свободы народу законодательная власть, или, другими словами, правящий класс. Сообразно с этим, лорд Пальмерстон объявляет без обиняков, что «эмансипация католиков должна быть делом милости и благорасположения». (Палата общин, 10 февраля 1829 года.)

Он, следовательно, только из соображений целесообразности соблаговолил положить конец ограничению католиков в правах. Но что же скрывалось за этой целесообразностью?

Пальмерстон является одним из крупных землевладельцев Ирландии и поэтому хочет поддержать иллюзию, будто против ирландских зол нет других средств, кроме эмансипации католиков, будто эта эмансипация исцелит Ирландию от бедствий, причиненных ей не проживающими в самой стране лендлордами, и заменит законодательство о бедных. (Палата общин, 18 марта 1829 года.)

Великий филантроп, который впоследствии произвел «очистку» своих имений в Ирландии от исконных ирландцев, не мог допустить, чтобы нищета ирландцев хотя бы на мгновение омрачила своими зловещими тучами безоблачный небосвод земельных и денежных магнатов*.

«Правда», — говорил он, — «крестьянство Ирландии не пользуется всеми теми благами, которыми пользуется все английское крестьянство» (стоит только подумать, что это за блага, которыми пользуется семья с доходом в 7 шиллингов в неделю!), «Но все же», — продолжал он, — «и у ирландского крестьянина есть свои блага... Он хорошо обеспечен топливом и лишь изредка» (только четыре дня из шести!) «бывает без пищи».

Какое благо! Но это еще не все, что имеет ирландский крестьянин. «Он обладает гораздо более веселым характером, чем его английский собрат по несчастью». (Палата общин, 7 мая 1829 года.)

О вымогательствах со стороны ирландских лендлордов Пальмерстон говорит в таком же шутливом топе, как о благах, которыми обладает ирландское крестьянство.

* В «New-York Daily Tribune» от 19 октября 1853 г. вместо слов «безоблачный небосвод земельных и денежных магнатов» напечатано: «безоблачный небосвод над парламентом земельных и денежных магнатов». *Ред.*

«Говорят, что ирландские лендлорды добиваются самой высокой арендной платы, какая только возможна. Но, милостивый государь, я думаю, что в этом нет ничего особенного; в Англии лендлорды, наверное, поступают точно так же». (Палата общин, 7 марта 1829 года.)

Следует ли после всего этого удивляться тому, что человек, так глубоко привязанный к таинствам «прославленной английской конституции» и к «преимуществам английских свободных учреждений», стремится распространить их по всему континенту?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Когда движение за реформу[304] стало непреодолимым, лорд Пальмерстон покинул тори и перебежал в лагерь вигов. Хотя он считал, что опасность возникновения военного деспотизма исходит не от присутствия немецкого королевского легиона на английской земле и не от сохранения большой постоянной армии, но исключительно от «лиц, именующих себя сторонниками реформы», он тем не менее уже в 1828 г. благосклонно относился к распространению избирательного права на такие большие промышленные города, как Бирмингем, Лидс и Манчестер. Но почему?

«Не потому, что в принципе я друг реформы, а потому, что я ее решительный враг».

Он убедился в том, что некоторые уступки, своевременно сделанные бурно развивавшемуся промышленному капиталу, могли бы явиться наиболее надежным средством предотвращения «всеобщей реформы». (Палата общин, 27 июня 1828 года.) Став союзником вигов, он сразу же перестал делать вид, будто целью их билля о реформе было преодоление узких рамок венецианской конституции; наоборот, реформа должна была придать силу и прочность последней, оторвав буржуазию от народной оппозиции.

«Настроения буржуазии будут меняться, и ее недовольство конституцией превратится в приверженность к последней, отчего конституция значительно укрепится и усилится».

Он утешал пэров, уверяя их, что осуществление билля о реформе на деле не угрожает «влиянию палаты лордов» и ее «воздействию на выборы». Аристократии он говорил, что конституция не утратит своего феодального характера, ибо «землевладение — это тот великий фундамент, на котором покоятся здание общества и учреждения страны». Он рассеивал ее страх и с помощью брошенных невзначай иронических

намеков: «нас упрекали в том, будто у нас нет серьезного и искреннего желания дать народу подлинное представительство», или — «уверяли, будто мы хотим лишь предоставить аристократии и землевладению влияние в другой форме». Он даже дошел до признания, что наряду с неизбежными уступками буржуазии «главным и руководящим принципом билля о реформе» является «упразднение избирательных привилегий», то есть избирательных привилегий старых торийских «гнилых местечек» в пользу новых вигских. (Палата общин, 24 марта 1831 и 14 марта 1832 года.)

Но теперь настало время вновь обратиться к деяниям благородного лорда в области внешней политики.

Когда в 1823 г., в соответствии с постановлениями Веронского конгресса, в Испанию вступила французская армия, чтобы уничтожить конституцию страны и выдать народ беспощадной мести идиота-Бурбона* и его свиты из монахов-ханжей, лорд Пальмерстон отверг идею какого бы то ни было «донкихотского крестового похода во имя абстрактных принципов», какого бы то ни было выступления в «пользу народа», героическое сопротивление которого в свое время спасло Англию от подчинения ее власти Наполеона. Слова, с которыми он обратился по этому поводу к своим тогдашним вигским противникам, живо и верно отражают его собственную внешнюю политику с того момента, когда он сделался бессменным министром иностранных дел своих тогдашних оппонентов. Он сказал:

«Кое-кто хотел бы, чтобы мы уже во время переговоров прибегали к угрозам, не будучи готовыми к войне в случае неудачи этих переговоров. Если бы мы твердили о войне, думая на самом деле о нейтралитете, если бы мы угрожали армией, а потом спрятались бы за какую-нибудь официальную бумагу, если бы мы вызывающе размахивали мечом в момент обсуждения вопроса, а кончили бы тем, что в час битвы взялись бы за перо, чтобы настрочить кучу протестов, — мы поступали бы как хвастливые трусы, навлекли бы на себя презрение всей Европы и стали бы посмешищем в ее глазах». (Палата общин, 30 апреля 1823 года.)

Наконец, мы подходим к прениям по греко-турецкому вопросу, впервые доставившим лорду Пальмерстону возможность проявить свой несравненный талант неутомимого и непоколебимого защитника русских интересов как в кабинете министров, так и в палате общин. Одну за другой воспроизвел он, словно эхо, все ходячие фразы, пущенные в ход Россией о турецких зверствах, греко-православной цивилизации, свободе совести, христианстве и т. д. Но прежде всего мы видим, как он в качестве министра отвергает всякую попытку осудить

* — Фердинанда VII. *Ред.*

«похвальное поведение адмирала Кодрингтона», послужившее причиной разгрома турецкого флота при Наварине, признав при этом, что «это сражение произошло с державой, с которой мы не находимся в состоянии войны», и что оно является «прискорбным событием». (Палата общин, 31 января 1828 года.)

После того как он затем покинул свой пост, он обрушился с целой серией нападок на лорда Абердина, упрекая его в том, что тот слишком медленно выполняет приказы России.

«Где были наша быстрота и энергия, когда дело шло о выполнении наших обязательств по отношению к Греции? Уже приближается июль 1829 г., а все еще не выполнен договор, заключенный в июле 1827 года... Правда, из Мореи турки вытеснены... Но почему были приостановлены военные действия французов на Коринфском перешейке?.. Последовало вмешательство со стороны Англии с ее узколобой политикой и их дальнейшее успешное продвижение было задержано... И почему бы союзникам не поступить с областями к северу от перешейка так же, как поступили они с областями к югу от него, и не занять сразу всю территорию, которая должна быть предоставлена Греции? Я полагаю, что союзники вели с Турцией достаточно много переговоров о Греции». (Палата общин, 1 июня 1829 года.)

Общеизвестно, что в это время князь Меттерних оказывал противодействие посягательствам России, и русским дипломатическим агентам было поэтому поручено — вспомним депеши Поццо-ди-Борго и князя Ливена—изображать Австрию как непримиримого врага освобождения Греции и европейской цивилизации, успехи которой были-де единственной целью русской дипломатии. Благородный лорд естественно следует по этой проторенной дорожке.

«Вследствие узости ее взглядов и злосчастных предрассудков, господствующих в ее политике, Австрия почти опустилась до уровня второстепенной державы».

Вследствие же колеблющейся политики Абердина Англия выглядит

«главным звеном в той цепи, составными частями которой являются Мигел, Испания, Австрия и Махмуд... В задержке с выполнением июльского договора народ усматривает не столько страх перед турецким сопротивлением, сколько непреодолимую неприязнь к свободе Греции». (Палата общин, 1 июня 1829 года.)

Снова и снова нападает он на Абердина за антирусский характер его дипломатии:*

* В «New-York Daily Tribune» от 19 октября 1853 г. вместо слов: «Снова и снова нападает он на Абердина за антирусский характер его дипломатии» напечатано: «В течение полустолетия в качестве единственной преграды русскому продвижению к Константинополю выдвигалась фраза о том, что целостность Турецкой империи необходима для сохранения равновесия сил. «Я возражаю»,—заявил Пальмерстон 5 февраля 1830 г., — «против политики, которая возводит целостность европейских владений Турции в принцип, жизненно необходимый для интересов христианской и цивилизованной Европы». Снова и снова принимается он критиковать Абердина». *Ред.*

«Я, с своей стороны, не удовлетворен некоторыми депешами английского правительства; хотя они, без сомнения, хорошо читаются, достаточно отшлифованы, отстаивают в общих чертах целесообразность примирения с Россией; по вместе с тем они сопровождаются чересчур, быть может, сильным выражением чувств, которые Англия питает к Турции и, если их будет читать заинтересованная сторона, то легко может показаться, что они означают большее, чем на самом деле желали сказать их авторы... Я бы хотел, чтобы Англия приняла твердое решение — и это почти единственно приемлемый курс — ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае не становиться в этой войне на сторону Турции и чтобы она открыто и чистосердечно заявила об этом Турции... Существуют три наиболее безжалостные вещи: время, огонь и султан». (Палата общин, 16 февраля 1830 года.)

Здесь я должен напомнить читателю некоторые исторические факты, чтобы не оставить никаких сомнений насчет характера филэллинских чувств благородного лорда.

Россия заняла Гокчу, полосу земли, граничащую с озером Севан, — бесспорное персидское владение, — и в качестве возмещения за ее эвакуацию потребовала от Персии отказа от притязаний на другую часть персидской территории, на Капан. Когда Персия отказалась уступить, Россия начала против нее войну, одержала победу и принудила ее в феврале 1828 г. подписать Туркманчайский договор. По этому договору Персия должна была выплатить России возмещение в два миллиона фунтов стерлингов и уступить провинции Эривань и Нахичевань, включая крепости Эривань и Аббасабад. Единственной целью этого договора, по словам Николая, являлось установление общей границы по Араксу, что, по его утверждению, являлось якобы единственным средством к устранению всяких будущих споров между обоими государствами. Но в то же время он отказался возвратить Персии Талыш и Моган, расположенные на персидском берегу Аракса. Наконец, Персия обязалась также не держать военного флота на Каспийском море. Таково было происхождение русско-персидской войны и таковы были ее результаты.

Что касается религии и свободы Греции, то Россия заботилась о них в то время так же мало, как мало в настоящее время заботится бог православных о судьбе ключей церкви «гроба господня» или знаменитого «купола»[305]. Традиционная политика России издавна состояла в том, чтобы побуждать греков к восстанию, а затем покидать их, предоставляя мести султана. Симпатии России к возрождению Эллады были столь сильны, что на Веронском конгрессе она рассматривала греков как

мятежников и признавала за султаном право отвергать всякое иностранное вмешательство в отношения между ним и его христианскими подданными. Более того, царь предлагал свою «помощь Порте в деле подавления мятежников» — предложение, которое, само собой разумеется, было отклонено. После провала этой попытки он обратился уже к великим державам с прямо противоположным предложением: «послать в Турцию армию, которая продиктовала бы мир под стенами Сераля». Для того чтобы связать царю руки чем-то вроде общего выступления, другие великие державы заключили с ним в Лондоне 6 июля 1827 г. договор[306], по которому они взаимно обязались, в случае необходимости, уладить спор между султаном и греками силой оружия. За несколько месяцев до подписания этого договора Россия заключила с Турцией договор — Аккерманскую конвенцию[307], — обязавшись по нему отказаться от всякого вмешательства в греческие дела. До заключения этого договора Россия побудила персидского наследника престола напасть на Оттоманскую империю и осыпала Порту самыми грубыми оскорблениями с целью толкнуть ее на разрыв. После всего этого английский посол предъявил Порте условия Лондонского договора от 6 июля 1827 года; он действовал опять-таки от имени России и других держав. С помощью затруднений, вызванных этим нагромождением лжи и обмана, Россия нашла, наконец, предлог к войне 1828—1829 годов. Эта война закончилась Адрианопольским договором, содержание которого резюмируют следующие выдержки из известной брошюры Мак-Нейла «Продвижение России на Востоке»:

«По Адрианопольскому договору царь приобрел Анапу и Поти и значительную территорию на черноморском побережье, часть Ахалцихского пашалыка с крепостями Ахалкалаки и Ахалцих, а также острова в устье Дуная; он выговорил себе такое условие, как разрушение турецкой крепости Журжево и очищение турками территории на правом берегу Дуная на расстоянии многих миль от реки... Много тысяч армянских семей были переселены из азиатских провинций Турции на территорию царя отчасти насильно, а отчасти в результате влияния духовенства... Для своих подданных, находящихся в Турции, царь добился освобождения от всякой ответственности перед местными властями и наложил на Порту огромную контрибуцию под видом возмещения военных издержек и торговых убытков, наконец, в качестве залога, гарантирующего уплату этих сумм, удержал Молдавию, Валахию и Силистрию... Обязав этим договором Турцию признать протокол от 22 марта, который закреплял за султаном права сюзерена Греции и получение от нее ежегодной дани, Россия в то же время использовала все свое влияние для того, чтобы добиться независимости Греции. Греция была превращена в независимое государство, и ее президентом был назначен граф Каподистрия, бывший русский министр»[308].

Таковы факты. Посмотрим, как отображены они в картине, нарисованной рукой лорда Пальмерстона:

«Вполне правдоподобно, что русско-турецкая война возникла в результате посягательств Турции на торговлю и права России и нарушений Турцией договоров». (Палата общин, 16 февраля 1830 года.)

Когда Пальмерстон сделался воплощением вигизма в министерстве иностранных дел, он усовершенствовал эту точку зрения:

«Почтенный и доблестный член парламента» (полковник Эванс) «представил поведение России с 1815 г. до нынешнего дня как постоянную агрессию против других государств. Он указывал в особенности на войны России с Персией и Турцией. Ни в одном из этих случаев Россия не была нападающей стороной, и если в результате персидской войны произошло увеличение ее силы, то это случилось не потому, что она этого добивалась... И в войне с Турцией Россия также не была нападающей стороной. Я не хочу утомлять палату перечислением всех провокаций, которые позволила себе Турция по отношению к России; но нельзя, я полагаю, отрицать, что Турция изгнала со своей территории русских подданных, задержала русские суда, нарушила все постановления Аккерманской конвенции и после сделанных ей представлений отказалась возместить ущерб. Таким образом, если вообще существуют справедливые основания для войны, то Россия имела их в войне с Турцией. Несмотря на это, она не приобрела никаких новых территорий, — по крайней мере, в Европе. Я знаю, что некоторые пункты были оккупированы в течение продолжительного времени» (Молдавия и Валахия — только пункты, а устье Дуная — сущая безделица!) «и что были сделаны некоторые дополнительные приобретения на азиатском побережье у Черного моря, но имелось соглашение между Россией и другими европейскими державами, согласно которому успех России в этой войне не должен был привести к какому-либо расширению ее территории в Европе». (Палата общин, 7 августа 1832 года.)

Ваши читатели теперь поймут, почему сэр Роберт Пиль заявил благородному лорду на открытом заседании палаты общин, что «ему не ясно, чьим представителем он является»[309].

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ*

Благородный виконт широко известен как рыцарственный защитник поляков. Он ни разу не упустил случая выразить чувство своей скорби по поводу судьбы Польши перед депутацией, ежегодно приводимой к нему «добрым, смертельно скучным» Дадли Стюартом**,

«этим достойным мужем, который произносит речи, проводит резолюции, ставит на голосование адреса, сопровождает депутации, в любое время питает нужную меру доверия *к* нужному лицу и может также всегда, когда это требуется, провозгласить троекратное «ура» в честь королевы».

Когда лорд Пальмерстон приступил к своим министерским обязанностям в ноябре 1830 г., поляки уже почти целый месяц вели вооруженную борьбу. А 8 августа 1831 г. г-н Хант уже представил палате общин от Вестминстерского объединения петицию в пользу поляков с требованием «удаления лорда Пальмерстона из кабинета ее величества». В тот же день г-н Юм констатировал, что из молчания благородного лорда надо сделать тот вывод, что правительство «ничего не намерено предпринять для поляков и хочет отдать их судьбу на

* В «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г., а также в отдельной брошюре «Пальмерстон и Россия», изданной в Лондоне в 1853 г., статья начиналась следующими словами: «На недавно происходившем в Лондоне митинге протеста против действий английского министерства в теперешнем конфликте между Россией и Турцией один господин, который осмелился специально выступить с критикой лорда Пальмерстона, был освистан бурно негодующей аудиторией и принужден замолчать. Участники митинга, по-видимому, считали, что если у России и имеется друг в министерстве, то не благородный виконт является этим другом; они без сомнения устроили бы бурную овацию, если бы кто-нибудь смог объявить, что светлейший лорд сделался премьер-министром. Это удивительное доверие к столь неискреннему и фальшивому человеку еще раз показывает, как легко можно ввести в заблуждение публику блестящими внешними дарованиями и еще раз свидетельствует о необходимости сорвать маску с этого коварного врага всякого прогресса человеческой свободы. Ввиду этого мы намерены продолжить, опираясь на историю последнего двадцатипятилетия и парламентские дебаты, освещение той подлинной роли, которую играл в современной европейской драме этот искуснейший актер». *Ред.*

** Игра слов: «dear, dully deadly» — «добрым, смертельно скучным», Dudley — имя. *Ред.*

милость России». На это лорд Пальмерстон возразил, что «любые обязательства, возложенные на нас существующими договорами, будут все время находиться в поле зрения правительства». В чем же, по его мнению, состояли обязательства, возложенные на Англию существующими договорами? На этот вопрос он сам дает ответ:

«Притязания России на владение Польшей носят дату Венского договора». (Палата общин, 9 июля 1833 года.)

Но этот договор ставит владение Польшей в зависимость от сохранения царем польской конституции. Однако

«один только факт участия Англии в Венском договоре еще не означает гарантии с нашей стороны, что Россия не станет нарушать этот договор». (Палата общин, 25 марта 1834 года.)

Итак, если вы гарантируете договор, это ни в коем случае не означает, что вы гарантируете его соблюдение. Именно таким образом ответили миланцы императору Фридриху Барбароссе: «Мы принесли Вам присягу, но, вспомните, мы не присягали соблюдать ее»[310].

Впрочем, в одном отношении Венский договор был хорош. Он давал британскому правительству как одной из договаривающихся сторон

«право иметь и высказывать свое мнение о всяком действии, которое ведет к нарушению этого договора... Державы, участницы Венского договора, имели право требовать неприкосновенности польской конституции, и это было моим мнением, которое я не скрывал от русского правительства. Я *предусмотрительно* сообщил это мнение русскому правительству еще до взятия Варшавы и до того, как стали известны результаты военных действий. Я сообщил его еще раз, когда Варшава пала. Тем не менее русское правительство придерживалось другого взгляда на этот счет». (Палата общин, 9 июля 1833 года.)

Итак, он спокойно предусмотрел падение Польши и ждал этого удобного случая для того, чтобы высказать и развить свое мнение о некоторых статьях Венского договора, будучи убежденным в том, что великодушный царь стремится сокрушить польский народ вооруженной силой лишь для того, чтобы воздать должное той самой конституции, которую он попрал, когда народ еще обладал многими средствами для сопротивления. В то же время благородный лорд обвинял поляков в том, что они «сделали неуместный и, по его мнению, *не имеющий оправдания* шаг, свергнув императора». (Палата общин, 9 июля 1833 года.) .

«Я мог бы также сказать, что поляки были нападающей стороной, ибо они начали борьбу». (Палата общин, 7 августа 1832 года.)

Когда опасения, что Польша будет окончательно уничтожена, переросли в тревогу, он заявил, что

«уничтожение Польши как в *моральном, так и в политическом отношении* настолько невыполнимо, что я считаю всякие опасения насчет попытки подобного рода излишними». (Палата общин, 28 июня 1832 года.)

Впоследствии ему напомнили про эти своеобразные предположения, высказанные им в такой манере, но он стал уверять, что его неправильно поняли, что он употребил эти слова не в политическом, а в житейском смысле, полагая, что русский император не в состоянии

«ни номинально, ни фактически уничтожить многие миллионы людей, проживающие в разделенном на части Царстве Польском». (Палата общин, 20 апреля 1836 года.)

Когда во время кампании в пользу поляков палата сделала попытку к вмешательству, Пальмерстон сослался на свою ответственность как министра. А когда то, чего опасались, совершилось, он холодно заявил, что

«никакое голосование палаты не может хотя бы в малейшей степени побудить Россию отменить свое решение». (Палата общин, 9 июля 1833 года.)

Когда после падения Варшавы были разоблачены жестокости, совершенные русскими, Пальмерстон рекомендовал палате отнестись к русскому императору возможно мягче. Он заявил, что

«никто больше него не сожалеет о некоторых выражениях, употребленных во время дебатов» (палата общин, 28 июня 1832 года), что «нынешний император России — человек возвышенного образа мыслей», что «если имели место случаи, когда русское правительство допускало по отношению к полякам чрезмерную жестокость, то мы можем рассматривать это как доказательство того, что власть русского императора фактически игнорировалась, и можем с уверенностью утверждать, что в этих случаях император скорее поддавался влиянию других, нежели действовал по велению своих непосредственных чувств». (Палата общин, 9 июля 1833 года.)

В момент, когда, с одной стороны, была решена участь Польши, а с другой стороны, в результате мятежа Мухаммеда-Али, Турецкой империи неминуемо угрожал распад, Пальмерстон уверял палату, что «события развиваются в общем весьма удовлетворительно». (Палата общин, 26 января 1832 года.)

По случаю внесенного предложения об оказании помощи польским эмигрантам

«ему было в высшей степени тягостно возражать против выдачи денежных субсидий этим лицам, ибо естественное, стихийное чувство должно побуждать каждого великодушного человека согласиться на это; но предлагать какие-либо денежные субсидии этим несчастным было бы несовместимо с его долгом». (Палата общин, 25 марта 1834 года.)

Как мы вскоре увидим, этот столь мягкосердечный человек принял на счет британского народа значительную часть расходов по подавлению Польши.

Благородный лорд приложил все усилия к тому, чтобы скрыть от парламента все официальные документы о польской катастрофе. Тем не менее в палате общин были сделаны заявления, которые — а он ни разу даже не пытался их опровергнуть — не оставляют никакого сомнения относительно его роли в то роковое время.

После того как вспыхнула польская революция, австрийский консул не покинул Варшавы, а австрийское правительство решилось даже послать в Париж польского агента, г-на Валевского, поручив ему вступить в переговоры с правительствами Англии и Франции о восстановлении Царства Польского. Тюильрийский двор заявил, что он «готов действовать совместно с Англией, если она одобрит этот план». Лорд Пальмерстон отклонил это предложение. В 1831 г. г-н Талейран, французский посол при сент-джемском дворе, предложил план совместного выступления Франции и Англии, но получил достаточно ясный отказ, а также ноту благородного лорда, в которой говорилось, что

«дружеское посредничество в польском вопросе было бы отклонено Россией. Державы недавно отклонили подобное же предложение Франции. Вмешательство обоих дворов, французского и английского, могло бы носить лишь насильственный характер в случае отклонения посредничества со стороны России, но сердечные и доброжелательные отношения, существующие между сент-джемским и санкт-петербургским кабинетами, не позволили бы его величеству королю Великобритании решиться на вмешательство подобного рода. *Еще не* наступило такое время, когда можно было бы, рассчитывая на успех, предпринять подобные действия против воли государя, *права* которого *бесспорны».*

Но это еще не все. 23 февраля 1848 г. г-н Ансти сделал в палате общин следующее заявление:

«Швеция мобилизовала свой флот для того, чтобы предпринять диверсию в пользу Польши и вернуть себе свои прибалтийские провинции, столь несправедливо отторгнутые от нее во время последней войны. Наш посол при стокгольмском дворе получил от благородного лорда инструкции в духе, противоположном этим планам, и Швеция прекратила свои военные приготовления. С аналогичной целью персидский двор послал армию под командованием персидского наследного принца, которая в течение трех дней уже двигалась по направлению к русской границе. Секретарь посольства при тегеранском дворе, сэр Джон Мак-Нейл, выехал вслед за принцем, и, несмотря на то, что находился на расстоянии трехдневного пути от главной квартиры, нагнал его; в соответствии с инструкциями благородного лорда он стал от имени Англии грозить Персии войной, если принц продвинется хотя бы еще на один шаг к русской границе. Подобные же побудительные средства благородный лорд применил и для того, чтобы воспрепятствовать Турции возобновить с своей стороны войну».

Возражая против требования полковника Эванса, чтобы были представлены документы относительно нарушения Пруссией ее мнимого нейтралитета в русско-польской войне, лорд Пальмерстон заявил, что

«министры Великобритании не могут взирать на эту борьбу без глубочайшего сожаления, и они получат величайшее удовлетворение, если увидят ее окончание». (Палата общин, 16 августа 1831 года.)

Разумеется, он хотел увидеть ее окончание как можно скорее, и Пруссия разделяла его чувство.

Позднее по другому поводу г-н Г. Галли Найт в следующих словах резюмировал все поведение благородного лорда по отношению к польскому восстанию:

«Как только дело касается России, в поведении благородного лорда проявляется *любопытная непоследовательность*... В польском вопросе благородный лорд нас все время разочаровывал. Вспомним, что благородный лорд, когда от него настойчиво требовали употребить свое личное влияние в пользу Польши, вполне признавал справедливость ее дела и наших жалоб, но говорил нам: проявите только сдержанность в настоящий момент — вот-вот должен отправиться посол, известный своим либеральным образом мыслей, и вы можете быть уверены, что мы сделаем все как следует; вы только помешаете его переговорам, если рассердите державу, с которой ему придется иметь дело, а потому последуйте моему совету и сохраните сейчас спокойствие; будьте уверены, что этим будет достигнуто многое. Мы поверили этим уверениям; либеральный посол уехал; вел он когда-либо переговоры по этому вопросу или нет, мы так и не узнали. Единственное, что мы получили, это были красивые фразы благородного лорда и больше ничего». (Палата общин, 13 июля 1840 года.)

После того как так называемое Царство Польское исчезло с карты Европы, оставался еще призрачный остаток польской национальной самостоятельности в виде вольного города Кракова. Во время общей анархии, последовавшей за падением Французской империи, царь Александр не то чтобы завоевал герцогство Варшавское, но просто-напросто конфисковал его и, разумеется, стремился удержать его в своих руках вместе с Краковом, который включен был Бонапартом в состав герцогства. Австрия, некогда владевшая Краковом, желала получить его обратно. Царь, видя, что он не может получить Краков, но не желая уступить его Австрии, предложил сделать его вольным городом. Ввиду этого в VI статье Венского договора было постановлено:

«Город Краков с принадлежащей ему территорией объявляется на вечные времена вольным, независимым и совершенно нейтральным городом, под покровительством России, Австрии и Пруссии».

Согласно IX статье Венского договора,

«дворы российский, австрийский и прусский обязуются уважать сами и требовать, чтобы всегда уважался другими нейтралитет вольного города Кракова и принадлежащей ему территории. *Никакая военная сила, никогда, ни под каким предлогом не может быть введена на эту территорию».*

Сразу же после окончания польского восстания 1830— 1831 гг. русские войска неожиданно вступили в Краков, и эта оккупация продолжалась два месяца. Однако она рассматривалась как временная необходимая мера, вызванная войной, и была скоро забыта среди бурных событий того времени.

В 1836 г. Краков снова был оккупирован войсками Австрии, России и Пруссии под предлогом необходимости принудить краковские власти к выдаче лиц, принимавших участие в польской революции, которая произошла пять лет тому назад. Конституция Кракова была упразднена, находившиеся там три консула присвоили себе верховную власть, полиция была вверена австрийским шпионам, сенат был свергнут, суды распущены, университет обречен на бездействие запрещением приезжать студентам из соседних провинций, а торговля вольного города с окружающими странами прекращена*.

Когда 18 марта 1836 г. благородному виконту был сделан запрос по поводу оккупации Кракова, он объявил, что эта оккупация носит лишь временный характер. Толкование, какое он давал действиям своих трех северных союзников, было настолько снисходительным и апологетичным, что он сам почувствовал необходимость остановиться на середине и прервать гладкое течение своей речи для того, чтобы сделать следующее торжественное заявление:

«Я нахожусь здесь не для того, чтобы защищать меры, которые я, напротив, *должен* порицать и осуждать. Я упомянул об этих фактах только потому, что они, если и не оправдывают насильственной оккупации Кракова, то, быть может, являются извиняющими обстоятельствами и т. п.».

Он признал, что Венский договор обязывал упомянутые три державы не предпринимать какого-либо шага без предварительного согласия Англии. Однако

«с полным правом можно сказать, что они *невольно* воздали должное справедливости и откровенности нашей страны, предположив, что мы никогда не одобрим подобного поведения».

* В «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г. и в брошюре «Пальмерстон и Россия», изданной в Лондоне в 1853 г., вместо предложения, начинающегося словами: «Конституция Кракова была упразднена...» напечатано: «Благородный лорд отказался от выступления с каким-либо протестом по этому поводу на том основании, что, как утверждал он в 1836 и 1840 гг., «трудно придать нашим протестам действенную силу». Однако, когда Австрия окончательно конфисковала Краков, простой протест он счел «единственно действенным средством»». *Ред.*

Г-н Патрик Стюарт счел, однако, что для сохранения Кракова существует средство лучшее, чем «воздержание от протестов», и внес 20 апреля 1836 г. предложение, предписывающее правительству направить в вольный город Краков представителя в качестве консула, так как там уже находятся три консула трех северных держав. Одновременное прибытие в Краков французского и английского консулов явилось бы крупным событием*. Когда благородный виконт увидел, что большинство палаты общин одобрительно относится к этому предложению, он побудил Стюарта взять его обратно, торжественно заверив палату, что у правительства есть «намерение послать в Краков агента с консульскими полномочиями». 22 марта 1837 г. лорд Дадли Стюарт напомнил ему о его обещании, но благородный лорд ответил на это, что он «переменил свое намерение и не послал в Краков агента с консульскими полномочиями и что и в настоящий момент у него нет такого намерения». Тогда лорд Дадли Стюарт объявил, что он внесет предложение о представлении документального объяснения по поводу этого странного заявления; однако благородный виконт сорвал принятие этого предложения попросту тем, что не явился в палату и вынудил ее отложить заседание из-за отсутствия кворума**.

В 1840 г. «временная» оккупация все еще продолжалась, ввиду чего население Кракова обратилось к правительствам Франции и Англии с меморандумом, в котором, между прочим, говорилось:

«Бедствия, которые обрушились на вольный город Краков и его население, таковы, что нижеподписавшимся и их согражданам не на что более надеяться, кроме как на могущественную и просвещенную защиту со стороны правительств Франции и Англии. Положение, в котором они находятся, дает им право взывать к вмешательству каждой державы, подписавшей Венский договор».

Когда благородного виконта запросили 13 июля 1840 г. по поводу этой краковской петиции, он заявил:

«Для Австрии и британского правительства вопрос об эвакуации Кракова есть только вопрос времени».

* В «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г. и в отдельной брошюре «Пальмерстон и Россия», изданной в Лондоне в 1853 г., после слов: «крупным событием» напечатано: «и во всяком случае лишили бы благородного лорда возможности заявлять впоследствии, что он и не подозревал об интригах Австрии, России и Пруссии в Кракове». *Ред.*

** В «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г. и в отдельной брошюре «Пальмерстон и Россия», изданной в Лондоне в 1853 г., после слов; «из-за отсутствия кворума» напечатано: «Он так никогда и не дал объяснения, почему или во имя каких соображений он не выполнил своего обещания и сумел воспрепятствовать каждой попытке вырвать у него какой-либо документ по этому делу». *Ред.*

Что касается нарушения Венского договора, то, по его словам,

«не было бы никаких возможностей силой отстоять точку зрения Англии, если бы даже последняя была готова взяться за оружие, ибо очевидно что Краков является местом, где действия со стороны Англии неосуществимы».

Следует обратить внимание на то, что через два дня после этого заявления благородный лорд заключил с Россией, Австрией и Пруссией договор, закрывший для английского военного флота Черное море[311], — может быть, для того, чтобы и в этом районе для Англии стали неосуществимыми какие-либо действия. Это было как раз то время, когда благородный лорд возобновил Священный союз Англии с упомянутыми державами против Франции. Касаясь потерь, понесенных английской торговлей в результате оккупации Кракова, благородный лорд сослался на то, что «общая сумма экспорта *в Германию* не уменьшилась» — аргумент, который, по справедливому замечанию сэра Роберта Пиля, не имел никакого отношения к Кракову. О своих действительных намерениях в этом вопросе, а также по поводу посылки в Краков агента с консульскими полномочиями, Пальмерстон заявил, что

«печальный опыт, который он имел в отношении того способа, каким достопочтенные представители оппозиции использовали его злополучное заявление о намерении назначить в Краков британского консула» (заявление, которое благородный лорд сделал в 1836 г., чтобы избежать осуждения враждебно настроенной к нему палаты), «дает ему право решительно отказываться от всякого ответа на такие вопросы, чтобы снов а не подвергнуться подобным же несправедливым нападкам».

17 августа 1846 г. он заявил, что

«от пребывания в Кракове агента с консульскими полномочиями совершенно не зависит, будет Венский договор соблюдаться и выполняться великими державами Европы или нет».

28 января 1847 г., когда от Пальмерстона снова потребовали представления документов относительно причин *отказа от назначения* британского консула в Краков, он заявил, что

«этот вопрос не стоит *ни в какой необходимой* связи с прениями по вопросу об аннексии Кракова, и он не видит никакой пользы в том, чтобы возобновлять острые дебаты о предмете, имевшем *лишь преходящий интерес».*

Таким образом, он остался верен высказанному им еще 17 марта 1837 г. взгляду относительно представления парламенту государственных документов:

«Если документы относятся к вопросам, которые еще рассматриваются, их представление опасно; если же они относятся к вопросам, отошедшим в прошлое, то они, очевидно, не принесут никакой пользы».

Британское правительство было очень хорошо осведомлено о том, какое значение имеет Краков не только в политическом, но и в торговом отношении. Его собственный консул в Варшаве полковник Дьюпла сообщал ему:

«С тех пор как Краков был возведен в ранг самостоятельных государств, он постоянно служил складочным пунктом для весьма значительного количества английских товаров, которые поступали туда через Черное море, Молдавию и Галицию и даже через Триест, а потом расходились в окружающие страны. С течением времени он окажется связанным железнодорожными линиями с крупными железнодорожными магистралями Богемии, Пруссии, Австрии... Он является также центральным пунктом важного железнодорожного пути между Адриатическим и Балтийским морями. С Варшавой у него будет установлено прямое железнодорожное сообщение... Поскольку можно почти с уверенностью предвидеть, что каждый важный пункт Леванта и даже Индии и Китая будет соединен с Адриатическим морем, то нельзя отрицать, что и для Англии было бы крайне важно в торговом отношении иметь в центре великой железнодорожной сети, соединяющей западный континент с восточным, такой пункт, как Краков».

Лорд Пальмерстон сам был вынужден признать в палате общин, что краковское восстание в 1846 г.[312] было сознательно спровоцировано тремя державами.

«Я полагаю, что первоначальное вступление австрийских войск на территорию Кракова произошло по просьбе краковского правительства. Но потом эти австрийские войска были выведены. *Причины* их ухода до сих пор еще не объяснены. Вместе с ними удалились правительство и власти Кракова, и *непосредственным* или, по крайней мере, ближайшим последствием этого ухода было создание в Кракове временного правительства». (Палата общин, 17 августа 1846 года.)

22 февраля 1846 г. австрийская армия, а за ней русская и прусская заняли Краков. 26-го того же месяца префект Тар-нова выпустил прокламацию, в которой призывал крестьян убивать своих помещиков, обещая им за это «приличное денежное вознаграждение». За этой прокламацией последовали галицийские эксцессы и убийство около двух тысяч помещиков. 12 марта появилась австрийская прокламация к «верноподданным галичанам, которые поднялись на защиту порядка *vs.* закона и уничтожили врагов порядка». В официальной «Gazette»[313] от 28 апреля князь Фридрих фон Шварценберг заявил, что «события, которые имели место, были *санкционированы* австрийским правительством», а оно, несомненно, действовало по общему плану с Россией и лакеем царя — Пруссией. После всех происшедших мерзостей лорд Пальмерстон счел уместным сделать в палате общин следующее заявление:

«Я слишком глубоко верю в то, что правительства Австрии, России и Пруссии должны будут руководствоваться чувством справедливости и уважения к праву, чтобы предположить, что у них появится склонность или намерение поступить с Краковом не так, как он вправе рассчитывать

на основании договорных обязательств». (Палата общин, 17 августа 1846 года.)

У благородного лорда была тогда одна лишь забота: отделаться от парламента, сессия которого как раз приближалась к концу. Он уверял палату общин, что «со стороны британского правительства будет сделано все для того, чтобы обеспечить должное уважение к условиям Венского договора». Но когда г-н Юм выразил сомнение в том, *«намерен* ли лорд Пальмерстон потребовать удаления австрийских и русских войск из Кракова», благородный лорд просил парламент не придавать значения мнению г-на Юма, так как он располагает гораздо лучшей информацией и убежден, что оккупация Кракова является *«временной».* От парламента 1846 г. отделались таким же образом, как впоследствии от парламента 1853 г., но тут появилась австрийская прокламация от 11 ноября 1846 г. о включении Кракова в состав австрийских владений. Когда 19 января 1847 г. парламент снова собрался, он узнал из тронной речи, что Кракова больше не существует, но что вместо него имеется протест доблестного Пальмерстона. Но чтобы лишить этот протест даже тени какого-либо значения, благородный лорд именно в это время умудрился втянуть Англию в спор с Францией из-за испанских браков[314], — спор, который едва не вызвал столкновение между двумя странами. Эта политика была беспощадно раскритикована г-ном Смитом О'Брайеном. Французское правительство обратилось к Пальмерстону с предложением принять участие в совместном протесте против захвата Кракова. На это лорд Норманби, согласно инструкциям благородного виконта, ответил, что правонарушение, которое совершила Австрия, осуществляя аннексию Кракова, не больше того, которое совершила Франция, устроившая бракосочетание герцога Монпансье с испанской инфантой: первый акт является нарушением Венского договора, второй — Утрехтского договора[315]. Но ведь Утрехтский договор, хотя и возобновленный в 1782 г., был окончательно аннулирован антиякобинской войной и потому с 1792 г. потерял всякую силу. Никто в парламенте не знал этого лучше благородного лорда, который сам в связи с дебатами о блокаде Мексики и Буэнос-Айреса[316] сообщил парламенту, что

«условия Утрехтского договора давно уничтожены превратностями войны, за исключением одного только пункта о границах Бразилии и Французской Гвианы, так как этот пункт прямо включен в Венский договор».

Мы еще не исчерпали перечня усилий, сделанных благородным лордом для противодействия посягательствам России на Польшу.

Между Англией, Голландией и Россией существовало любопытное соглашение: так называемый *русско-голландский заем.* Во время антиякобинской войны царь Александр сделал заем у гг. Гопе и К° в Амстердаме. После падения Бонапарта король Нидерландов[*], «желая должным образом вознаградить союзные державы за освобождение его страны», а также за аннексию Бельгии, на которую он не имел ни малейшего права, предложил России — другие державы отказались от своих претензий в ее пользу, ибо она испытывала тогда острую финансовую нужду, — заключить с ней договор, по которому он обязывался оплатить долг России гг. Гопе и К° в 25 миллионов гульденов, выплачивая его по частям. Чтобы компенсировать Голландию за учиненный по отношению к ней грабеж — захват ее колоний у мыса Доброй Надежды, а также Демерары, Эссекибо и Бербиса, Англия присоединилась к этому соглашению и обязалась уплачивать определенную часть назначенной России субсидии. Это соглашение было включено в Венский договор, но вместе с *определенным условием,* что «платежи прекратятся, если до погашения всего долга уния между Голландией и Бельгией будет разорвана». Когда Бельгия, в результате революции, отделилась от Голландии[317], последняя, разумеется, отказалась от дальнейшей выплаты России своей доли[**]. С другой стороны, не оставалось никаких оснований для того, чтобы, как констатировал г-н Херрис, «Россия могла предъявить хотя бы малейшие претензии на продолжение уплаты долга со стороны Англии». (Палата общин, 26 января 1832 года.)

Однако лорд Пальмерстон нашел вполне естественным, что

> «Россия в одном случае получает вознаграждение за то, что поддерживает унию между Бельгией и Голландией, а в другом случае за то, что она поддерживает разделение этих двух стран». (Палата общин, 16 июля 1832 года.)

Трагическим тоном призывал он к честному соблюдению договоров, и прежде всего Венского договора. Он постарался подписать новое соглашение с Россией, от 16 ноября 1831 г., в преамбуле которого прямо говорилось, что оно заключено «на основании общих постановлений Венского конгресса, которые остаются в полной силе».

---

[*] — Вильгельм I. *Ред.*

[**] В «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г. и в отдельной брошюре «Пальмерстон и Россия», изданной в Лондоне в 1853 г., после слов; «своей доли» напечатано: «на том основании, что соглашение о займе предусматривало сохранение бельгийских провинций в безраздельном владении Голландии, а теперь она уже больше не пользуется суверенитетом над ними». *Ред.*

Когда соглашение о русско-голландском займе было включено в Венский договор, герцог Веллингтон воскликнул: «Это — дипломатический шедевр лорда Каслри, ибо теперь денежное обязательство вынуждает Россию соблюдать Венский договор». Когда после этого Россия отказалась соблюдать Венский договор, заняв Краков, г-н Юм предложил прекратить дальнейшие платежи России из британского казначейства. Однако благородный виконт полагал, что если Россия и имела право нарушать Венский договор в отношении Польши, то Англия все-таки должна и дальше считать себя связанной договором в отношении России.

Но не это еще является самым удивительным фактом в поведении благородного лорда. После того. как вспыхнула бельгийская революция и еще до того как парламент утвердил новый русский заем, Пальмерстон уже принял на себя расходы России в войне против Польши под фальшивым предлогом уплаты старого долга, принятого на себя Англией в 1815 году. И он поступил так несмотря на то, что, по авторитетному заявлению самого известного английского юриста, сэра Э. Сагдена, нынешнего лорда Сент-Леонардса, «в этом вопросе не было ни одного спорного пункта и правительство не имело ни малейшего права уплачивать хотя бы один шиллинг». (Палата общин, 26 января 1832 года.) Мы можем также сослаться на авторитет сэра Роберта Пиля, который заявил, что «благородный лорд *не имел законных полномочий* выдавать эти деньги». (Палата общин, 12 июля 1832 года.)

Итак, теперь нам понятно, почему благородный лорд по всякому поводу повторяет, что «для человека достойного образа мыслей нет ничего более тягостного, чем дебаты по поводу Польши»*.

* В «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г. и в отдельной брошюре «Пальмерстон и Россия», изданной в Лондоне в 1853 г., текст этой статьи заканчивался следующей фразой: «Вы можете теперь по достоинству оценить, насколько серьезным будет то противодействие, которое он ныне якобы готов оказать захватническим поползновениям державы, чьи интересы он с таким постоянством защищал». *Ред.*

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ*

Вечную и неисчерпаемую тему для самовозвеличения доставляют благородному виконту те услуги, которые он оказал делу конституционной свободы на всем континенте. Действительно, мир обязан ему изобретением трех «конституционных» королевств: Португалии, Испании и Греции — трех политических фантомов, которые можно сравнить лишь с гомункулом доктора Вагнера из «Фауста». Португалия, находящаяся под гнетом жирной бабы, донны Марии да Глориа, за которой скрывается один из Кобургов**,

«должна рассматриваться как одна из *самостоятельных* держав Европы». (Палата общин, 10 марта 1837 года.)

В то самое время, когда благородный виконт произносил эти слова, в Лиссабонском порту бросили якорь шесть английских линейных кораблей, посланных туда для того, чтобы защитить «самостоятельную» дочь дон Педру от португальского народа и помочь ей аннулировать ту конституцию, которую она поклялась охранять. Испания, отданная другой Марии***,

---

* В «New-York Daily Tribune» от 21 ноября 1853 г. статья начиналась следующими словами: «Многие ожидают, что во время начавшейся ныне войны между Турцией и Россией английское правительство отбросит, наконец, свою систему полумер и бесплодных переговоров и предпримет энергичные и эффективные действия для того, чтобы заставить захватчиков-московитов отказаться от своей добычи и от притязаний на мировое господство, о котором они мечтают. Такие ожидания могут быть в известной мере оправданы с точки зрения абстрактных возможностей и абстрактной политики. Но как мало действительных оснований для них найдет всякий, кто вдумается в приводимые ниже факты, относящиеся к прошлому поведению того самого английского министра, который считается наиболее решительным противником наступления русского деспотизма на Европу. В самом деле, сколько людей в Англии, недовольных политикой правительства в русско-турецком конфликте, глубоко убеждены в том, что дела сложились бы совершенно иначе, если бы их направлял лорд *Пальмерстон.* Пусть же эти люди, обращаясь к биографии благородного виконта, предоставят нам возможность подробнее остановиться на всем богатом событиями периоде 1832—1847 гг., а мы воспользуемся этой возможностью им в назидание». *Ред.*

** — Фердинанд-Август. *Ред.*

*** — Марии-Кристине. *Ред.*

которая хотя и известна как грешница, но никогда не сделается Магдалиной,

«предстает перед нами в виде прекрасной, процветающей и даже грозной державы среди европейских королевств». (Речь лорда Пальмерстона в палате общин 10 марта 1837 года.)

Разумеется, грозная держава для владельцев испанских ценных бумаг. Благородный лорд находит достаточно оснований даже для того, чтобы оправдать передачу родины Перикла и Софокла под номинальную власть баварского мальчишки-идиота.

«Король Оттон происходит из страны, где существует свободная конституция». (Палата общин, 8 августа 1832 года.)

Свободная конституция в Баварии, этой немецкой Бастилии! Это превосходит даже licentia poetica* других пышных риторических фраз, вроде фразы о «законных надеждах», вселяемых Испанией, и о Португалии как «самостоятельной державе». Что касается Бельгии, то все сделанное лордом Пальмерстоном для нее сводится к обременению ее частью голландского долга, отобранию у нее провинции Люксембург и навязыванию ей династии Кобургов. В отношении entente cordiale** с Францией следует сказать, что оно начало сходить на нет уже с того момента, когда Пальмерстон, якобы желая придать этому согласию законченный вид, основал в 1834 г. четверной союз[318]. Мы уже видели, как плодотворно благородный лорд сумел использовать это согласие в польском вопросе, и увидим из дальнейшего, во что оно превратилось в его руках.

Одним из тех фактов, которые едва обращают на себя внимание современников, но образуют четкие вехи исторических эпох, является военная оккупация Константинополя русскими в 1833 году.

Наконец-то исполнилась старинная мечта России. Варвар с берегов хладной Невы держал в своих цепких объятиях пышную Византию и залитые солнцем берега Босфора. Самозванный наследник греческих императоров владел теперь — хотя и временно — восточным Римом.

«Оккупация Константинополя русскими войсками решила судьбу Турции как независимого государства. Самый факт оккупации Россией Константинополя, хотя бы с целью его защиты (?), явился таким же решающим ударом для турецкой независимости, как если бы русский флаг уже развевался над Сералем». (Речь сэра Роберта Пиля в палате общин 17 марта 1834 года.)

* — поэтическую вольность. *Ред.*
** — сердечного согласил. *Ред.*

В результате неудачной войны 1828—1829 гг. Порта потеряла свой престиж в глазах своих собственных подданных. И тогда, — как это обычно бывает в восточных империях, когда верховная власть ослабевает, — вспыхнули успешные восстания пашей. Уже в октябре 1831 г. начался конфликт между султаном[*] и Мухаммедом-Али, египетским пашой, который поддерживал Порту во время греческого восстания. Весной 1832 г. его сын Ибрагим-паша вступил с своей армией в Сирию, завоевал эту провинцию после сражения под Хомсом, переправился через Тавр, уничтожил в сражении при Конье последнюю турецкую армию и двинулся прямо на Стамбул. 2 февраля 1833 г. султан вынужден был обратиться за помощью в С.-Петербург. 17 февраля в Константинополь прибыл французский адмирал Руссен, через два дня он сделал Порте представление и обязался на определенных условиях, в том числе на условии отказа Порты от помощи России, принять меры к тому, чтобы паша отступил. Но так как Руссена никто не поддержал, он, конечно, не был в состоянии справиться с Россией. «Звал меня ты, и я явился»[**]. 20 февраля русская эскадра отплыла из Севастополя, высадила на берегу Босфора большой отряд русских войск и осадила столицу. Россия так жаждала защитить Турцию, что одновременно к трапезундскому и эрзерумскому пашам был послан русский офицер, чтобы сообщить им, что эти обе местности немедленно будут взяты под защиту русской армией в случае, если войска Ибрагима продвинутся к Эрзеруму. В конце мая 1833 г. из С.-Петербурга прибыл граф Орлов и объявил султану, что он привез с собой маленький листок бумаги, который тот должен подписать, не посоветовавшись со своими министрами и без ведома кого-либо из дипломатических представителей, аккредитованных при Порте. Так возник знаменитый Ункяр-Искелесийский договор, заключенный на восемь лет. Согласно его условиям, Порта вступила в оборонительный и наступательный союз с Россией, отказалась от права заключать какие-либо новые договоры с другими державами без согласия России и подтвердила прежние русско-турецкие договоры, в особенности Адрианопольский. В секретной статье, приложенной к договору, Порта обязалась

«в пользу императорского российского двора закрыть Дарданельский пролив, то есть не дозволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

[*] — Махмудом II. *Ред.*

[**] Слова, произносимые статуей командора в опере Моцарта «Дон Жуан». *Ред.*

Кому же царь был обязан тем, что он смог занять своими войсками Константинополь и перенести в силу Ункяр-Искелесийского договора престол Оттоманской империи из Константинополя в С.-Петербург? Не кому иному, как достопочтенному виконту Генри Джону Пальмерстону, барону Темпл, пэру Ирландии, члену высокочтимого Тайного совета его величества, кавалеру Большого креста высокочтимого ордена Бани, члену парламента и первому государственному секретарю его величества по иностранным делам.

Ункяр-Искелесийский договор был заключен 8 июля 1833 года. 11 июля 1833 г. г-н Г. Л. Булвер внес предложение о представлении палате документов, касающихся турецко-сирийских дел. Благородный лорд возражал против этого предложения,

«ибо *дело, к* которому относятся требуемые документы, *еще не завершено,* а характер всего этого дела в целом будет зависеть именно от того, как оно будет завершено. Так как результаты еще не известны, то предложение является преждевременным». (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

Обвиненный г-ном Булвером в том, что он не выступил в защиту султана против Мухаммеда-Али и не помешал тем самым продвижению русской армии, благородный лорд впервые применил, ту своеобразную систему оправданий и признаний, которую он впоследствии развил дальше. Я хочу сейчас собрать воедино membra disjecta* этой системы.

«Я *не могу* отрицать, что во второй половине прошлого года султан обратился к Англии за помощью». (Палата общин, 11 июля 1833 года.) «В августе месяце Порта официально обратилась за помощью». (Палата общин, 24 августа 1833 года.)

Но нет, не в августе.

«Просьба Порты об оказании ей помощи военно-морскими силами имела место в октябре 1832 года». (Палата общин, 28 августа 1833 года.)

Но нет, не в октябре.

«Порта просила о помощи в ноябре 1832 года». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Благородный лорд так же легко меняет дату обращения к нему Порты с мольбой о помощи, как Фальстаф число напавших на него сзади молодчиков, оказывавшихся то в клеенчатых плащах, то в куртках из кендальского сукна**. Правда, он *не может* отрицать того, что предложенная Россией вооруженная помощь была Портой отклонена и что последняя обратилась к нему. Он отказался выполнить просьбы Порты.

* — разбросанные члены, разрозненные части. *Ред.*

** См. Шекспир. «Король Генрих IV, Часть первая», акт II, сцена четвертая. *Ред.*

Тогда Порта снова обратилась к благородному лорду. Она отправила в Лондон сначала г-на Маврогени, а потом Намык-пашу, который умолял о посылке на помощь эскадры военно-морского флота на условиях, что султан будет нести все расходы по содержанию этой эскадры и что он обяжется пожаловать британским подданным в будущем, в виде вознаграждения за эту помощь, новые *торговые* привилегии и преимущества. Россия была настолько уверена в отказе со стороны благородного лорда, что она даже присоединилась к просьбе турецкого уполномоченного, умолявшего светлейшего лорда о помощи. Он сам говорит нам об этом:

«Чувство справедливости заставляет меня констатировать, что Россия была весьма далека от того, чтобы проявлять какую-либо ревнивую подозрительность в отношении оказания этой помощи со стороны английского правительства; русский посол официально обратился ко мне в момент, когда просьба еще только рассматривалась, сообщив, что он узнал об этой просьбе Турции и что Россия, заинтересованная в поддержании и сохранении Турецкой империи, с удовлетворением встретила бы решение министров о выполнении этой просьбы, если бы они были готовы пойти на это». (Палата общин, 28 августа 1833 года.)

Тем не менее, благородный лорд остался неумолим ко всем просьбам Порты, несмотря на то, что последняя нашла себе столь бескорыстного ходатая в лице самой России. Затем, конечно, Порта уразумела, чего от нее ожидают. Она поняла, что ей суждено сделать волка пастухом. Но она еще колебалась и только через три месяца решилась принять помощь России.

«Великобритания», — сказал благородный лорд, — «никогда не выражала недовольства по поводу того, что Россия оказала эту помощь; напротив, она была рада, что Турция получила действительную поддержку откуда бы то ни было». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Но к какой бы дате ни относились обращенные к лорду Пальмерстону просьбы Порты о помощи, он не мог не сделать следующего признания:

«Нет никакого сомнения в том, что если бы Англия *сочла возможным* вмешаться, то этим продвижение вторгнувшейся армии было бы приостановлено, и *русские войска не были бы призваны в страну».* (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

Почему же он не *«счел возможным»* вмешаться и удержать русских?

Прежде всего он ссылается на *недостаток времени.* Но, по его же собственным словам, конфликт между Портой и Мухаммедом-Али начался еще в октябре 1831 г., между тем как решающее сражение при Конье произошло только 21 декабря 1832 года. Неужели у него не было времени в продолже-

ние всего этого периода? Ибрагим-паша выиграл крупное сражение в июле 1832 г.[319], и с июля до декабря у Пальмерстона опять-таки не было времени. Однако в течение всего этого срока он ожидал со стороны Порты *формальной* просьбы, которая, согласно его последней версии, последовала только 3 ноября.

«Но», — спросим вместе с сэром Робертом Пилем, — «разве он был настолько неосведомлен о событиях, происходивших в Леванте, что должен был ожидать формальной просьбы?» (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Да и с ноября, когда уже последовала формальная просьба, до конца февраля — выступление России произошло не раньше 20 февраля — протекло четыре долгих месяца. Почему же он ничего не предпринял за это время?

Но у него в запасе имеются еще лучшие оправдания.

Египетский паша был ведь лишь мятежным подданным, а султан — суверенным монархом.

«Так как это была война подданного против его монарха, и этот монарх является союзником короля Англии, то было бы несовместимым с нормами добропорядочности вступать с пашой в *какие бы то ни было сношения».* (Палата общин, 28 августа 1833 года.)

Итак, задержать армии Ибрагима благородному лорду не позволил *этикет.* Тот же этикет запретил ему дать инструкции своему консулу в Александрии, чтобы тот употребил свое влияние для воздействия на Мухаммеда-Али. Подобно испанскому гранду, благородный лорд дал бы скорее королеве сгореть дотла, нежели позволил бы себе нарушить этикет и дотронуться до ее юбок. Но, увы! Оказывается, что благородный лорд уже в 1832 г. без согласия султана аккредитовывал консулов и дипломатических агентов при «подданном» султана, что он заключал с Мухаммедом-Али договоры, меняющие существующие торговые и таможенные правила и соглашения и устанавливающие на место них новые. И все это он проделывал, не заботясь о предварительном согласии Порты или о ее последующем одобрении. (Палата общин, 23 февраля 1848 года.)

В соответствии с этим граф Грей, тогдашний шеф благородного виконта, сообщает нам, что

«Англия имела в этот момент обширные торговые сношения с Мухаммедом-Али, порывать которые было не в ее интересах». (Палата лордов, 4 февраля 1834 года.)

Как, торговые сношения с «мятежным подданным»! Но ведь флот благородного лорда был тогда занят на Дуэро и на Тахо, он должен был блокировать Шельду и в качестве повивальной бабки облегчать муки родов конституционных

королевств Португалии, Испании и Бельгии. Поэтому благородный лорд не мог тогда послать ни одного корабля. (Палата общин, 11 июля 1833 г. и 17 марта 1834 года.)

А между тем султан все время настаивал именно на оказании помощи военно-морскими силами. Отдавая дань аргументам благородного лорда, предположим, что он действительно не имел в своем распоряжении ни одного корабля. Но крупные авторитеты уверяют нас, что от благородного лорда не требовалось ни одного *корабля,* от него требовалось всего-навсего одно *слово*[*]. К числу этих авторитетов принадлежит и адмирал Кодрингтон, уничтоживший турецкий флот при Наварине.

«В свое время», — констатировал он, — «когда дело шло об очищении Мореи, Мухаммед-Али почувствовал, какой вес имеют наши представления. Он получил тогда от Порты распоряжения сопротивляться всем требованиям об эвакуации Мореи и должен был отвечать за это головой. Он и оказал соответствующее сопротивление, но в конце концов благоразумно уступил и очистил Морею». (Палата общин, 20 апреля 1836 года.)

Далее, согласно заявлению герцога Веллингтона,

«если бы во время сессии 1832 или 1833 г. Мухаммеду-Али было бы ясно сказано, что он не должен вести борьбы в Сирии и Малой Азии, войне был бы этим положен конец, и мы не рисковали бы тем, что русский император получит возможность послать в Константинополь флот и армию». (Палата лордов, 4 февраля 1834 года.)

Но имеется еще более надежный авторитет. Это — сам благородный лорд. Он утверждал:

«Хотя правительство его величества и не удовлетворило просьбу султана об оказании помощи военно-морскими силами, однако Англия оказала ему моральную поддержку. Те заявления, которые британское правительство сделало египетскому паше и Ибрагим-паше, командующему его войсками в Малой Азии, существенно содействовали достижению соглашения» (в Кютахье) «между султаном и пашой, что привело к *окончанию* войны». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Наконец, лорд Дерби, в то время еще лорд Стэнли и коллега Пальмерстона по кабинету, заявил, что он может

«смело утверждать, что дальнейшее продвижение Мухаммеда-Али было остановлено только благодаря недвусмысленному заявлению Англии и Франции, что они не допустят оккупации Константинополя его войсками». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Итак, по словам лорда Дерби и самого лорда Пальмерстона, не русская эскадра и не русские войска в Константинополе,

[*] В «New-York Daily Tribune» от 21 ноября 1853 г. после выражения: «требовалось всего-навсего одно слово» напечатано: «для того, чтобы обуздать честолюбие Мухаммеда-Али и приостановить движение армий Ибрагим-паши. Об этом говорит нам адмирал Махон, который в тот момент, когда он выступил с этим утверждением, как раз занимал пост в министерстве иностранных дел во время правления сэра Роберта Пиля». *Ред.*

а *недвусмысленное заявление* британского консула в Александрии заставило Ибрагима приостановить свое победоносное продвижение к Константинополю и привело к заключению соглашения в Кютахье, по которому Мухаммед-Али получил в придачу к Египту еще и сирийский пашалык, Адану и другие территории. Но благородный лорд счел возможным разрешить своему консулу в Александрии сделать это недвусмысленное заявление лишь после того, как турецкая армия была уничтожена, Константинополь наводнен казаками, а Ункяр-Искелесийский договор подписан султаном и положен царем в карман.

Если недостаток времени и военных кораблей не позволил благородному лорду оказать султану помощь, а чрезмерная приверженность к этикету помешала ему остановить пашу, то предписал ли он, по крайней мере, своему послу в Константинополе противодействовать чрезмерному усилению влияния России и стремиться ограничить это влияние более узкими рамками? О нет, наоборот. Чтобы не помешать свободе действий России, благородный лорд позаботился о том, чтобы вообще не иметь в Константинополе посла в наиболее острый период кризиса.

«Ни в одной стране положение и авторитет посла не могли принести такую пользу и ни в один период это положение и этот авторитет не могли быть использованы с таким успехом, как в Турции в продолжение шести месяцев, кончая 8 июля». (Речь лорда Махона в палате общин 20 апреля 1836 года.)

Лорд Пальмерстон сообщает нам, что британский посол сэр Стратфорд Каннинг покинул Константинополь в сентябре 1832 г., что лорд Понсонби, бывший тогда посланником в Неаполе, был назначен на его место в ноябре, что «во время необходимых для переезда приготовлений возникли трудности», хотя военный корабль и ожидал его, что «неблагоприятная погода помешала ему прибыть в Константинополь раньше конца мая 1833 года». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Поскольку русские еще не прибыли, лорду Понсонби было приказано употребить на переезд из Неаполя в Константинополь семь месяцев*.

Да и зачем было благородному лорду препятствовать русским оккупировать Константинополь?

* В «New-York Daily Tribune» от 21 ноября 1853 г. вместо предложения, начинающегося словами: «Поскольку русские еще не прибыли» напечатано: «Сэр Стратфорд Каннинг был отозван в сентябре, а лорд Понсонби получил назначение в ноябре. Но поскольку Ибрагим-паша еще не переправился через Тавр, поскольку он не дал еще сражения при Конье. а русские не захватили еще Царьграда, лорду Понсонби было приказано употребить на переезд из Неаполя в Константинополь семь месяцев». *Ред.*

«У меня, со своей стороны, было сильное сомнение в том, входило ли *вообще* в политику русского правительства *какое-либо* намерение осуществить раздел Оттоманской империи». (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

О, конечно, нет! Россия не хотела раздела империи, она предпочитала удержать ее за собой целиком. Кроме уверенности, которую лорд Пальмерстон черпал в этом *сомнении,* другую уверенность давало ему *«сомнение* в том, направлена ли политика России уже в *данный момент* к немедленному достижению этой цели», а третью «уверенность» он находил в третьем *«сомнении»,* а именно:

«Сомнительно, подготовлена ли *русская нация»* (подумать только — русская *нация!)* «к такому перемещению своих сил, центров и правительственной власти в южные провинции, которое было бы необходимым последствием завоевания Константинополя Россией». (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

Кроме этих отрицательных аргументов у благородного лорда имелся еще один положительный:

«Если члены правительства его величества спокойно взирали на оккупацию турецкой столицы русскими вооруженными силами, то это происходило потому, что они полностью доверяли честности и добропорядочности России... Предоставляя султану свою помощь, русское правительство ручалось при этом своей честью, и к этому ручательству я питал безграничное доверие»*. (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

Доверие благородного лорда было столь непостижимым и несокрушимым, столь полным, постоянным, непреодолимым, неописуемым, ни с чем несоизмеримым, неисцелимым, столь беспредельным, бесстрашным и беспрецедентным, что еще 17 марта 1834 г., когда Ункяр-Искелесийский договор был уже fait accompli**, он все еще уверял, что «министры не обманулись в своем *доверии».* Действительно, не его вина, если природа развила у него бугор доверчивости до размеров почти сверхъестественных.

* В «New-York Daily Tribune» от 21 ноября 1853 г. после цитаты напечатано следующее: «С таким же доверием к России он полагался на то, что она не упразднит конституцию и национальное существование Польши. Но царь упразднил как то, так и другое, издав органический статут 1832 года. И тем не менее безграничное доверие благородного лорда не было ни на йоту поколеблено». *Ред.*

** — совершившимся фактом. *Ред.*

СТАТЬЯ ПЯТАЯ

Содержание Ункяр-Искелесийского договора было опубликовано в «Morning Herald» от 21 августа 1833 года. 24 августа сэр Роберт Инглис запросил в палате общин лорда Пальмерстона о том,

«действительно ли между Россией и Турцией заключен оборонительно-наступательный договор? Я надеюсь, что благородный лорд будет в состоянии еще до закрытия парламентской сессии представить палате не только текст заключенных договоров, но и всю информацию, относящуюся к заключению этих договоров между Турцией и Россией».

Лорд Пальмерстон ответил, что

«когда британское правительство будет уверено в том, что упоминавшийся договор действительно существует, и когда оно будет располагать текстом этого договора, *тогда* оно должно будет решить, какого политического курса ему надлежит придерживаться... Нельзя порицать его за то, что пресса подчас опережает правительство». (Палата общин, 24 августа 1833 года.)

Спустя семь месяцев он уверял парламент, что для него

«было абсолютно невозможно получить уже в августе официальные сведения об Ункяр-Искелесийском договоре, который подлежал ратификации в Константинополе лишь в сентябре». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Правда, он знал о договоре, но только неофициально.

«Британское правительство было удивлено, узнало том, что русские войска покинули Босфор с этим договором в руках». (Речь лорда Пальмерстона в палате общин, 1 марта 1848 года.)

Больше того, благородный лорд имел у себя договор еще *до* того, как он был подписан:

«Как только Порта получила его» (то есть проект Ункяр-Искелесийского договора), «она передала его текст английскому посольству в Константинополе с просьбой к Англии оказать защиту как от Ибрагим-паши, так и от Николая. Просьба была отклонена, но дело этим не ограничилось. Об этом факте с дьявольским вероломством было сообщено русскому послу.

И на следующий день последний вручил Порте тот самый экземпляр копии договора, который она передала английскому посольству, иронически посоветовав при этом выбирать в следующий раз поверенных понадежнее». (Палата общин, 8 февраля 1848 года.)[320]

Но благородный виконт достиг всего, чего он хотел. Его запросили в палате общин 24 августа 1833 г. по поводу Ункяр-Искелесийского договора, когда в существовании этого договора он еще не был уверен. 29 августа был объявлен перерыв между сессиями парламента, получившего в тронной речи утешительные заверения, что

«военные действия, нарушившие мир в Турции, закончились, и депутаты могут быть уверены в том, что король с величайшим вниманием следит за любым событием, которое могло бы нанести ущерб нынешнему положению Турецкой империи или ее будущей независимости».

Здесь, таким образом, мы имеем ключ к знаменитым июльским договорам России. Они были заключены в июле, а в августе кое-какие сведения о них дошли до публики через печать. Лорда Пальмерстона запрашивают по этому поводу в палате общин; разумеется, оказывается, что он ничего не знает; парламентская сессия закрывается, а когда парламент собирается снова, договор уже стал делом прошлого, или, как и в 1841 г., уже оказался введенным в действие вопреки общественному мнению.

Сессия парламента окончилась 29 августа 1833 г., а 5 февраля 1834 г. парламент собрался вновь. В промежутке между закрытием одной сессии и началом другой произошло два события, теснейшим образом связанных друг с другом. Во-первых, соединенные французская и английская эскадры прибыли в Дарданеллы и, продемонстрировав там трехцветное знамя и знамя Соединенного королевства, отправились в Смирну и оттуда вернулись на Мальту. Во-вторых, 29 января 1834 г. между Россией и Турцией был заключен новый договор — в С.-Петербурге[321]. Едва этот договор был подписан, как соединенные эскадры отплыли обратно.

Этот совместный маневр был предпринят с целью одурачить английский народ и Европу, заставив их поверить, что враждебная демонстрация в турецких водах и у турецких берегов была направлена против Порты в связи с заключением ею Ункяр-Искелесийского договора и что она вынудила Россию подписать новый договор в С.-Петербурге. Этот договор, по-видимому, освободил Порту от некоторых обязательств, навязанных ей Адрианопольским договором, так как он содержал обещание эвакуировать Дунайские княжества и сокращал контрибуцию, уплачиваемую Турцией, до одной трети устано-

вленной суммы. Во всех других пунктах он являлся лишь ратификацией Адрианопольского договора, совершенно не касаясь Ункяр-Искелесийского договора и ни словом не упоминая о проходе через Дарданеллы. Наоборот, облегчения, которые он принес Турции, послужили платой за то, что Ункяр-Искелесийским договором Дарданеллы были закрыты для Европы.

«В тот самый день, когда происходила демонстрация» (британского флота), «благородный лорд заверил русского посла при английском дворе, что это совместное движение эскадр ни в коем случае не было предпринято с враждебными намерениями по отношению к России и не должно рассматриваться как враждебная демонстрация против нее, да и вообще оно в действительности ничего не означает. Я сообщаю это, опираясь на авторитетное свидетельство лорда Понсонби, собственного коллеги благо-родного лорда, посла в Константинополе». (Речь г-на Ансти в палате общин 23 февраля 1848 года.)

После того как был ратифицирован С.-Петербургский договор, благородный лорд выразил свое удовлетворение умеренностью тех условий, на которых настояла Россия.

После того как парламент был снова созван, в «Globe» — органе министерства иностранных дел — появилась заметка, утверждавшая, что С.-Петербургский договор является

«доказательством либо умеренности и разумного образа мыслей России, либо же того влияния, которое оказали на высшие круги С.-Петербурга союз Англии и Франции, а также твердый и согласованный язык, употребленный обеими державами». («Globe», 24 февраля 1834 года.)

Таким образом, общественное мнение должно было быть отвлечено от Ункяр-Искелесийекого договора, и враждебность к России, которую этот договор вызвал в Европе, должна была быть ослаблена*.

Но как ни хитроумна была эта уловка, она не удалась. 17 марта 1834 г. г-н Шил внес предложение, чтобы

«палате были представлены копии всех договоров, заключенных между Россией и Турцией, и всей корреспонденции между английским, турецким и русским правительствами, которая относится к этим договорам».

Благородный лорд отчаянно сопротивлялся этому предложению и сумел его провалить, уверив палату, что «мир может быть обеспечен только в том случае, если палата окажет

* В отдельной брошюре «Пальмерстон и Ункяр-Искелесийский договор», изданной в 1854 г., этот абзац был напечатан в следующем виде: «Таким образом, с одной стороны Адрианопольский договор, опротестованный лордом Абердином и герцогом Веллингтоном, был задним числом признан со стороны Англии лордом Пальмерстоном, официально выразившим свое удовлетворение С.-Петербургской конвенцией, которая была лишь ратификацией этого договора. С другой стороны, общественное мнение должно было быть отвлечено от Ункяр-Искелесийского договора, и враждебность к России, которую этот договор вызвал в Европе, должна была быть ослаблена». *Ред.*

полное доверие правительству» и отклонит внесенное предложение. Но доводы, которыми он обосновывал свой отказ представить документы, были столь нелепыми и неуклюжими, что сэр Роберт Пиль назвал его, выражаясь на своем парламентском языке, «оратором, прибегающим к совершенно нелогичным аргументам», а его собственный приверженец, полковник Эванс, не мог удержаться от восклицания:

«Речь благородного лорда кажется ему самой неудовлетворительной из всех произнесенных им речей, какие ему когда-либо довелось слышать».

Лорд Пальмерстон старался убедить палату в том, что, согласно *уверениям* России, Ункяр-Искелесийский договор следует рассматривать «как договор, основанный на взаимности». Эта взаимность состоит якобы в том, что, в случае войны, Дарданеллы должны быть закрыты не только для Англии, но также и для России. Утверждение это уже само по себе неверно; но если даже предположить, что оно верно, то эта взаимность безусловно была бы подобна взаимности англо-ирландской, то есть предоставляла бы все преимущества одной стороне. Ибо для России проход через Дарданеллы является путем, ведущим не в Черное море, а наоборот, из него.

Не будучи в состоянии опровергнуть утверждение г-на Шила, что «последствия Ункяр-Искелесийского договора окажутся такими же, как если бы Порта уступила России Дарданеллы», лорд Пальмерстон признал, что договор закрыл Дарданеллы для британских военных судов и что «по условиям этого договора фактически может быть закрыт доступ в Черное море даже *торговым судам»* в случае войны между Англией и Россией. Но если правительство будет сохранять «выдержку», если оно «не будет проявлять ненужного недоверия», то есть молчаливо согласится со всеми дальнейшими захватами России, то он

«склонен полагать, что может и не возникнуть случая, когда этот договор должен будет вступить в действие, и что поэтому договор практически останется мертвой буквой». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Кроме того, утверждает он, «уверения и разъяснения», полученные британским правительством от договаривающихся сторон, в значительной степени побудили правительство отказаться от своих возражений против договора. Таким образом, по мнению Пальмерстона, следует принимать во внимание не статьи Ункяр-Искелесийского договора, но уверения, данные по поводу этих статей Россией, не дела России, а ее слова. Но когда в тот же день его внимание обратили на протест француз-

ского поверенного в делах, г-на Лагрене, против Ункяр-Искелесийского договора и на оскорбительные и наглые слова графа Нессельроде, ответившего в «Journal de St.-Petersbourg»[322], что «русский император будет поступать так, как будто заявления, содержащегося в ноте г-на Лагрене, не существовало», тогда благородный лорд отрекся от своих собственных слов и стал развивать противоположную доктрину, заявив, что

«английское правительство при всех обстоятельствах *обязано* прежде всего принимать во внимание дела иностранных держав, а не слова, которые они в отдельных случаях употребляют по тому или другому поводу».

Таким образом, он то призывает обращаться к словам России, невзирая на ее дела, то призывает обращаться к ее делам, невзирая на ее слова.

В 1837 г. он все еще уверял палату, что

«Ункяр-Искелесийский договор является договором между двумя независимыми державами». (Палата общин, 14 декабря 1837 года.)

А десятью годами позже, когда договор давно перестал существовать и благородный лорд только что приготовился играть роль истинно английского министра и «civis romanus sum»[323], он заявил палате напрямик, что

«Ункяр-Искелесийский договор, без сомнения, до известной степени был навязан Турции русским уполномоченным графом Орловым при таких обстоятельствах» (созданных самим же благородным лордом), «которые делали для Турции затруднительным его отклонение... Фактически договор предоставил русскому правительству такую возможность вмешиваться в дела Турции и диктовать ей условия, которая несовместима с независимостью этого государства». (Палата общин, 1 марта 1848 года.)

В продолжение всего хода дебатов об Ункяр-Искелесийском договоре благородный лорд, как шут в комедии, имел наготове всеобъемлющий ответ, который мог удовлетворить любое требование и сойти за ответ на любой вопрос. Этим ответом служили слова: англо-французский союз. Когда его осыпали насмешками по поводу его потворства России, он отвечал совершенно серьезно:

«Если эти насмешки направлены против установившихся ныне отношений между Англией и Францией, то я должен только сказать, что мое участие в достижении этого доброго согласия наполняет меня чувством гордости и удовлетворения». (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

Когда от него потребовали представления документов, относящихся к Ункяр-Искелесийскому договору, он ответил:

«Англия и Франция ныне скрепили между собой дружбу, которая стала еще теснее». (Палата общин, 17 марта 1834 года.)

Сэр Роберт Пиль, выступая, воскликнул:

«Я хочу лишь заметить, что как только благородный лорд попадает в затруднительное положение из-за какого-либо вопроса нашей европейской политики, он тотчас же находит готовое средство выпутаться из него, а именно он поздравляет палату с тесным союзом между Англией и Францией».

Но в то же время благородный лорд давал своим противникам — тори все больший повод подозревать, что «Англия была вынуждена потворствовать нападению на Турцию, которое прямо поощрялось *Францией».*

Выставляемый в тот период напоказ союз с Францией должен был, таким образом, прикрыть тайную зависимость от России, подобно тому как сопровождавшийся таким шумом разрыв с Францией в 1840 г. должен был прикрыть официальный союз с Россией.

В то время как благородный лорд утомлял мир объемистыми фолиантами публикуемых документов о переговорах по поводу дел конституционного королевства Бельгии и многочисленными разъяснениями, устными и документальными, по поводу «самостоятельной державы» Португалии, от него до настоящего времени нельзя было вырвать какой-либо документ, относящийся к первой сирийско-турецкой войне и к Ункяр-Искелесийскому договору. Когда 11 июля 1833 г. от него в первый раз потребовали представления документов по этому вопросу, то выяснилось, что «предложение внесено преждевременно, дело еще не завершено и результаты еще неизвестны». 24 августа 1833 г. он заявил, что «договор еще официально не подписан и он еще не имеет его текста в своем распоряжении». 17 марта 1834 г. он утверждал, что «переговоры все еще ведутся... дискуссии, если можно так выразиться, еще не закончены». Даже в 1848 г., когда г-н Ансти заявил ему, что, требуя документов, он уверен, что в них есть доказательство существования тайного сговора между благородным лордом и царем, рыцарственный министр предпочел убить время пятичасовой речью, нежели убить подозрение документами, которые говорили бы сами за себя. И, несмотря на все это, он еще с циничной наглостью уверял г-на Т. Атвуда 14 декабря 1837 г.*, что «документы, связанные с Ункяр-Искелесийским договором, были предоставлены палате еще три года тому

* В «New-York Daily Tribune» от 21 ноября 1853 г. начало этой фразы дано в следующем виде: «Свою систему лжи, отговорок, нагромождения противоречий, хитросплетений, баснословных утверждений он довел до кульминационного пункта, когда 14 декабря 1837 г. возражал против резолюции г-на Т. Атвуда о представлении документов на том основании, что...». *Ред.*

назад», то есть в 1834 г., в то самое время, когда он заявлял, что «мир может быть обеспечен только в том случае», если документы не будут переданы палате. В тот же день он заявил г-ну Атвуду, что

«этот договор в настоящий момент — дело прошлого; он был заключен только на ограниченный срок, и этот срок уже истек. Достопочтенный член парламента поднял о нем вопрос без всякой на то надобности и совершенно неуместно».

Согласно первоначальному условию, срок действия Ункяр-Искелесийского договора должен был истечь 8 июля 1841 года. 14 декабря 1837 г. лорд Пальмерстон заявил г-ну Атвуду, что этот срок уже истек.

«Какую же хитрость, какую уловку или лазейку придумаешь ты теперь, чтобы прикрыть свой очевидный и явный позор? Ну, Джек, какую же хитрость ты придумаешь?»*

* Шекспир. «Король Генрих IV. Часть первая», акт II, сцена четвертая (слова, обращенные к Фальстафу).

В «New-York Daily Tribune» от 21 ноября 1853 г. статья вместо цитаты из Шекспира заканчивалась следующими словами: «Такова грязная система обмана, составляющая последнее прибежище английского министра, который открыл ворота Константинополя для русской армии и закрыл Дарданеллы для английского флота и который помог царю завладеть Константинополем на несколько месяцев и установить контроль над Турцией на многие годы. Насколько же нелепо предполагать, что он сейчас способен совершить поворот на 180 градусов и выступить против своего друга, которому он так долго и преданно служил». *Ред.*

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ

В русском лексиконе отсутствует слово «честь». Само это понятие считается французской иллюзией. «Что такое honneur? Это — французская chimеre»* — гласит русская поговорка. Открытием русской чести мир обязан исключительно милорду Пальмерстону, который в продолжение целой четверти века в каждый критический момент самым решительным образом ручался за «честь» царя. Он поступил так в 1853 г. при закрытии парламентской сессии, как и при закрытии сессии в 1833 году.

Но случилось так, что благородный лорд как раз в момент своих откровений о том, что он «безгранично доверяет честности и добропорядочности царя», получил документы, которые держались в тайне от остального мира и которые не оставляют никакого сомнения, если бы оно и существовало, относительно характера честности и добропорядочности России. Благородному лорду даже не надо было скоблить московита, чтобы найти в нем татарина. Ему достался этот татарин** во всем его неприкрытом безобразии. Он получил в свое распоряжение признания руководящих русских министров и дипломатов, сбросивших с себя маски, раскрывших свои самые тайные помыслы, совершенно откровенно делившихся своими планами завоевания и покорения, презрительно издевавшихся над глупым легковерием европейских дворов и министров, насмехавшихся над всеми этими Виллелями, Меттернихами, Абердинами, Каннингами и Веллингтонами. С грубым цинизмом варвара, сдобренным жестокой иронией придворного, они совместно придумывали, как сеять недоверие в Париже против Англии, в Лондоне против Австрии, в Вене против Лондона,

---

* «Honneur» — «честь», «chimеre» — «химера»; слова: «что такое» и «это — французская» в оригинале написаны по-русски латинским шрифтом. *Ред.*

** Игра слов: «to catch a Tartar»—в переносном смысле означает: «получить в жены сущую мегеру», «оказаться жертвой того, на кого сам охотишься». *Ред.*

как натравливать всех друг на друга и превращать всех в простое орудие России.

Во время варшавского восстания в руки победоносных поляков попали архивы наместников, хранившиеся во дворце великого князя Константина и содержавшие секретную переписку русских министров и послов с начала столетия до 1830 года. Польские эмигранты привезли эти документы сначала во Францию, а потом граф Замойский, племянник князя Чарторыского, вручил их лорду Пальмерстону, который по-христиански предал их забвению. Имея эти документы в кармане, благородный виконт особенно ревностно возвещал британскому сенату и всему миру о том, что он «безгранично доверяет честности и добропорядочности русского императора».

Не по вине благородного лорда эти сенсационные документы были опубликованы в конце 1835 г. в известном «Portfolio». Каков бы ни был король Вильгельм в других отношениях, он во всяком случае являлся наиболее решительным врагом России. Его личный секретарь, сэр Герберт Тейлор, был близко знаком с Давидом Уркартом и представил этого господина королю. С этого момента его королевское величество состояло в заговоре с обоими друзьями против политики «истинно английского» министра.

«Вильгельм IV приказал благородному лорду выдать вышеупомянутые документы; после их выдачи они были сразу же изучены в Виндзорском замке, и было признано желательным обнародовать их в печатном виде. Несмотря на сильное сопротивление со стороны благородного лорда, король заставил его дать этой публикации санкцию министерства иностранных дел, так что издатель, на которого была возложена подготовка документов к печати, не опубликовал ни одного слова, которое не было бы скреплено подписью или инициалами лорда. Я сам видел инициалы благородного лорда под одним из этих документов, хотя благородный лорд отрицает эти факты. Лорд Пальмерстон вынужден был передать эти документы для опубликования г-ну Уркарту. Последний и был действительным издателем «Portfolio»». (Речь г-на Ансти в палате общин 23 февраля 1848 года.)

После смерти короля лорд Пальмерстон отказался уплатить владельцу типографии за печатание «Portfolio»; он публично и торжественно опроверг какую-либо причастность министерства иностранных дел к этой публикации, заставив — неизвестно каким путем — своего заместителя, г-на Бакхауса, поставить свою фамилию под этим опровержением. В «Times» от 26 января 1839 г. было напечатано следующее:

«Мы не знаем, что чувствует лорд Пальмерстон, но для нас совершенно ясно, что *чувствовал бы всякий другой человек,* считавшийся джентльменом и занимавший пост министра, после того, как во вчерашнем номере «Times» была предана гласности переписка между г-ном Уркартом, которого

лорд Пальмерстон отстранил от должности, и г-ном Бакхаусом, за которым благородный виконт сохранил его должность. Как в этом можно убедиться, эта переписка служит самым лучшим подтверждением того факта, что вся серия официальных документов, содержащихся в известной публикации под названием «Portfolio», была напечатана и распространена с санкции лорда Пальмерстона и что светлейший лорд несет за опубликование этих документов ответственность и как государственный деятель — перед политическими кругами Англии и других стран — и как лицо, нанимающее типографов и издателей, по отношению к которым он имеет денежные обязательства».

В результате истощения турецких финансов во время неудачной войны 1828—1829 гг., а также задолженности России в связи с платежами, установленными по Адрианопольскому договору, Турция вынуждена была еще больше расширить отвратительную систему монополий, в силу которой продажа почти всех товаров разрешалась только тем лицам, которые покупали у правительства лицензии. Благодаря этому нескольким ростовщикам удалось захватить в свои руки почти всю торговлю страны. Г-н Уркарт предложил королю Вильгельму IV заключить с султаном торговый договор, который гарантировал бы большие выгоды британской торговле и одновременно способствовал бы развитию производительных сил Турции, оздоровил бы ее финансы и, таким образом, освободил бы ее от русского ига. Любопытную историю этого договора лучше всего передать словами г-на Ансти.

«Вся борьба между лордом Пальмерстоном и г-ном Уркартом сосредоточилась вокруг этого торгового договора. 3 октября 1835 г. г-н Уркарт получил назначение на пост секретаря посольства в Константинополе; эта должность была предоставлена ему с единственной целью, чтобы он на месте обеспечил принятие Турцией торгового договора. Но он тянул со своим отъездом до июня или даже июля 1836 года. Лорд Пальмерстон торопил его. Но на все многочисленные предложения об отъезде он неизменно отвечал следующее: я поеду лишь тогда, когда торговый договор будет окончательно согласован с министерством торговли и министерством иностранных дел; я лично отвезу его в Турцию и добьюсь его принятия Портой... Наконец, лорд Пальмерстон апробировал договор, и последний был отправлен лорду Понсонби, послу в Константинополе». (В то же время лорд Пальмерстон дал последнему указание совершенно отстранить г-на Уркарта от переговоров и целиком взять их в свои руки, что противоречило договоренности с г-ном Уркартом.) «Но как только Уркарт был удален из Константинополя в результате интриг благородного лорда, договор был тотчас же выброшен за борт. Два года спустя благородный лорд снова вернулся к нему, причем в парламенте он стал расточать г-ну Уркарту комплименты, называя его автором договора и отрицая какие-либо заслуги в этом деле со своей стороны. Но благородный лорд извратил этот договор, фальсифицировал его во всех его частях и превратил в договор, гибельный для торговли. Первоначальный договор г-на Уркарта ставил подданных Великобритании в Турции в равное положение с гражданами наиболее благоприятствуемой нации», то есть с русскими. «Измененный лордом Пальмерстоном договор ставил подданных Великобритании на одну доску

с обремененными налогами и угнетенными турецкими подданными. Договор г-на Уркарта предусматривал отмену всех транзитных пошлин, монополий, налогов и любых других пошлин, кроме тех, которые установлены в самом договоре. Фальсифицированный лордом Пальмерстоном договор содержал особую статью, признававшую за Высокой Портой абсолютное право издавать любые правила или ограничения, касающиеся торговли, какие ей только заблагорассудится. В договоре г-на Уркарта ввозная пошлина оставалась, как и раньше, равной трем процентам; в договоре благородного лорда она была повышена с трех до пяти процентов. Договор г-на Уркарта регулировал пошлину ad valorem* следующим образом: если предметы торговли произведены исключительно в Турции и им обеспечен легкий сбыт в иностранных портах по ценам, обычно назначавшимся при системе монополий, то вывозная пошлина, устанавливаемая двумя уполномоченными, турецким и английским, могла быть достаточно высокой, чтобы, сохраняя прибыль, доставлять доход казначейству; если же товары произведены где-либо вне Турции и цены на них в иностранных портах недостаточно высоки, чтобы можно было покрыть высокую пошлину, то пошлина может быть установлена в более низких размерах. Договор лорда Пальмерстона устанавливал постоянную пошлину ad valorem для всех видов товаров в двенадцать процентов независимо от того, могут они выдержать такую пошлину или нет. Первоначальный текст договора распространял на турецкие корабли и товары преимущества свободы торговли; подтасованный договор не содержал на этот счет вообще никаких условий... Я обвиняю благородного лорда в том, что он совершил эту фальсификацию, я обвиняю его в том, что он скрыл это, и я обвиняю его, наконец, в том, что он обманул палату, утверждая, будто это и есть тот самый договор, который выработал г-н Уркарт». (Речь г-на Ансти в палате общин 23 февраля 1848 года.)

Договор, измененный благородным лордом, оказался столь благоприятным для России и столь вредным для Великобритании, что некоторые английские купцы в странах Леванта решили с этого времени вести торговлю под покровительством русских фирм, а других, как сообщает г-н Уркарт, от этого удержало только своего рода чувство национальной гордости.

О тайных отношениях между благородным лордом и королем Вильгельмом IV г-н Ансти рассказал палате общин следующее:

«Король потребовал, чтобы благородный лорд обратил внимание на вопрос о все усиливающихся посягательствах России на Турцию... Я могу доказать, что благородный лорд вынужден был в этом вопросе принимать указания личного секретаря покойного короля и что его пребывание на своем посту зависело от того, уступит ли он желаниям монарха или нет... Благородный лорд иногда пытался по тому или иному поводу оказывать сопротивление, насколько у него хватало смелости, но за каждой такой попыткой неизменно следовало *унизительное* выражение *раскаяния* и *угодливости.* Не берусь утверждать, действительно ли благородный лорд был однажды отставлен от должности на день или несколько дней, но я могу с уверенностью сказать, что в этом случае благородный лорд подвергался опасности быть прогнанным со своего поста самым бесцеремонным образом. Я имею в виду тот случай, когда покойный король обнаружил, что

* — с объявленной ценности. *Ред.*

благородный лорд при назначении английских послов при санкт-петербургском дворе руководствуется чувствами русского правительства и что сэр Стратфорд Каннинг, первоначально назначенный на этот пост, был отстранен, чтобы уступить место покойному графу Дергему, как послу, более угодному царю». (Палата общин, 23 февраля 1848 года.)

Одним из наиболее удивительных фактов является то, что пока король тщетно боролся с русофильской политикой благородного лорда, последний вместе со своими вигскими коллегами умел поддерживать среди публики подозрение, будто король, — известный как приверженец тори, — парализовал антирусские усилия «истинно английского» министра. Приписываемая монарху торийская склонность к деспотическим принципам русского двора должна была, разумеется, служить объяснением иначе совершенно необъяснимой политики Пальмерстона. Вигские олигархи загадочно улыбались, когда Г. Л. Булвер рассказывал палате, что

«не далее, как в прошлое рождество граф Аппоньи, австрийский посол в Париже, говоря о восточных делах, заявил, что английский двор больше опасается французских принципов, чем русского честолюбия». (Палата общин, 11 июля 1833 года.)

И они вновь улыбались, когда г-н Т. Атвуд запрашивал благородного лорда о том,

«какой прием был оказан графу Орлову при дворе его величества, когда граф прибыл в Англию после заключения Ункяр-Искелесийского договора?» (Палата общин, 28 августа 1833 года.)

Документы, которые умиравший король и его секретарь, покойный сэр Герберт Тейлор, доверили г-ну Уркарту «для того, чтобы при удобном случае реабилитировать память Вильгельма IV», прольют, когда их опубликуют, новый свет на прежнюю деятельность благородного лорда и всей вигской олигархии, — деятельность, о которой публика знает как правило лишь по истории тех претензий, фраз и так называемых принципов, выставлявшихся этой олигархией, словом по ее театральной и обманчивой стороне, по ее маскировке.

Здесь следует воздать должное г-ну Давиду Уркарту, который в течение двадцати лет является неутомимым противником лорда Пальмерстона. Он показал себя как единственный его настоящий противник, который не замолчал, несмотря на запугивание, не дал себя склонить к уступчивости подкупом и не превратился в поклонника, поддавшись чарам. А между тем всех остальных своих врагов Альчина-Пальмерстон ухитрился одурачить с помощью то лести, то соблазна. Мы только что слышали из уст г-на Ансти яростные обвинения против светлейшего лорда, а вот что сообщает Уркарт:

«Весьма знаменательно, что обвиненный министр искал сближения с членом парламента» — г-ном Ансти — «и выразил готовность сотрудничать и поддерживать личную дружбу с ним, не требуя от него никакого формального отказа от своих слов или извинения. Недавнее официальное назначение г-на Ансти теперешним правительством говорит само за себя». (Д. Уркарт. «Продвижение России»[324].)

А 8 февраля 1848 г. тот же г-н Ансти сравнивал благородного виконта

«с *бесчестным* маркизом Кармартеном, тем самым министром Вильгельма III, которого царю Петру I, при его посещении английского двора, удалось подкупить в свою пользу с помощью золота британских купцов». (Палата общин, 8 февраля 1848 года.)

Кто защищал в этом случае лорда Пальмерстона от обвинений г-на Ансти? Г-н Шил, тот самый г-н Шил, который в 1833 г. при заключении Ункяр-Искелесийского договора играл ту же роль обвинителя по отношению к светлейшему лорду, какую в 1848 г. играл г-н Ансти. Г-н Робак, бывший когда-то ярым противником лорда, в 1850 г. добился для него вотума доверия палаты. Сэр Стратфорд Каннинг, обличавший в продолжение целого десятилетия благородного лорда за его потворство царю, был доволен, когда от него отделались, отправив его послом в Константинополь. Даже сам Дадли Стюарт, столь любезный сердцу благородного лорда, в результате интриг последнего в течение нескольких лет не допускался в парламент за то, что осмелился быть в оппозиции к благородному лорду. Когда же он снова вернулся в парламент, он стал ame damnée* «истинно английского министра». Кошут, который из Синих книг мог бы знать, что Венгрия была предана благородным виконтом, по прибытии в Саутгемптон назвал его «своим дорогим, сердечным другом».

* — верным соратником. *Ред.*

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ [325]

Бросив беглый взгляд на карту Европы, мы на западном побережье Черного моря увидим устье Дуная, единственной реки, которая, начинаясь в самом сердце Европы, образует, можно сказать, естественный путь в Азию. Как раз напротив, на восточном побережье Черного моря, к югу от реки Кубани начинается Кавказский хребет, который тянется на протяжении около 700 миль в юго-восточном направлении от Черного моря к Каспийскому, отделяя Европу от Азии.

Тот, кто держит в своих руках устье Дуная, господствует и над самим Дунаем — этим путем в Азию, — а вместе с тем в значительной мере и над торговлей Швейцарии, Германии, Венгрии, Турции и главным образом Молдавии и Валахии. Если эта держава владеет к тому же еще и Кавказом, тогда ей принадлежит Черное море, и ей не хватает только Дарданелл и Константинополя, чтобы закрыть вход в это море. Обладание Кавказскими горами непосредственно обеспечивает ей господство над Трапезундом, а благодаря ее господствующему положению в Каспийском море — и над северным морским побережьем Персии.

Россия устремила свои жадные взоры и на устье Дуная, и на Кавказский хребет. В одном месте ей предстояло еще установить свое владычество, в другом — удержать его. Кавказские горы отделяют Южную Россию от богатейших провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отвоеванных московитами у мусульман. Таким образом ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису, проходя через теснины Дарьяльского ущелья; она защищена непрерывной цепью укреплений, но подвергается с обеих сторон беспрестанным нападениям кавказских племен. Если бы все эти кавказские племена объединились под властью одного военного вождя, они могли бы даже представить опасность для со-

седних казачьих областей. «Становится страшно при мысли об ужасных последствиях, которые имело бы для юга России объединение враждебных черкесов под властью одного вождя», — восклицает немец г-н Купфер, возглавлявший комиссию ученых, которая сопровождала в 1829 г. экспедицию генерала Эммануэля к Эльбрусу[326].

В данный момент наше внимание одинаково приковано и к берегам Дуная, где Россия овладела двумя житницами Европы, и к Кавказу, где России угрожает потеря Грузии. Захват Молдавии и Валахии Россией был подготовлен Адрианопольским договором; по этому же договору были признаны ее притязания на Кавказ.

Статья IV этого договора устанавливает, что:

«Все земли, расположенные к северу и востоку от демаркационной линии между обеими империями» (Россией и Турцией) «по направлению к Грузии, Имеретии и Гурии, а равно и все побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно — пребудут во владении России».

Относительно Дуная договор содержит следующее постановление:

«Пограничная линия будет проходить по течению Дуная до устья рукава св. Георгия, так что все острова, образованные различными рукавами реки, будут принадлежать России. Правый берег останется по-прежнему во владении Порты. Однако постановлено, что этот правый берег, начиная с того места, где рукав св. Георгия отделяется от Сулинского рукава, должен на расстоянии двух часов пути» (шести миль) «от реки оставаться незаселенным, и там не должны быть возводимы постройки какого бы то ни было рода. То же самое относится к островам, которые остаются во владении российского двора. Не считая карантинных станций, которые там будут возведены, на них не разрешается устраивать никаких заведений или укреплений».

Оба эти параграфа, поскольку они обеспечивают России «расширение территории и исключительные торговые привилегии», открыто нарушают подписанный герцогом Веллингтоном в С.-Петербурге протокол от 4 апреля 1826 г. и договор от 6 июля 1827 г., заключенный в Лондоне между Россией и другими великими державами[327]. Поэтому английское правительство отказалось признать Адрианопольский договор. Герцог Веллингтон заявил против него протест. (Речь лорда Дадли Стюарта в палате общин 17 марта 1837 года.)

Лорд Абердин также протестовал против него, как сообщает лорд Махон:

«В депеше к лорду Хейтсбёри от 31 октября 1829 г. он высказался с немалым недовольством по поводу многих разделов Адрианопольского договора, обратив особое внимание на условия, касающиеся островов на

Дунае. Он отрицает, что этот мир» (Адрианопольский) «основан на уважении к суверенным территориальным правам Порты, а также к положению и интересам всех морских держав на Средиземном море». (Речь лорда Махона в палате общин 20 апреля 1836 года.)

Лорд Абердин, по утверждению графа Грея, заявил, что

«независимость Порты будет принесена в жертву и миру Европы будет угрожать опасность, если этот договор будет санкционирован». (Речь графа Грея в палате лордов 4 февраля 1834 года.)

Сам лорд Пальмерстон сообщает нам о следующем:

«Что касается расширения русских границ в районе устья Дуная, на Южном Кавказе и на побережье Черного моря, то оно безусловно не согласуется с торжественным заявлением, сделанным Россией перед лицом всей Европы до начала турецкой войны». (Палата общин, 17 марта 1837 года.)

Россия могла надеяться реализовать свои пока еще номинальные притязания на северо-западные области Кавказа лишь в том случае, если бы ей удалось блокировать восточное побережье Черного моря и отрезать подвоз оружия и боевых припасов к этим областям. Но побережье Черного моря, как и устье Дуная, уже во всяком случае не является тем местом, где «действия со стороны Англии неосуществимы», как жаловался благородный лорд, когда речь шла о Кракове. При помощи каких же таинственных ухищрений, в таком случае, московитам удалось блокировать Дунай и побережье Черного моря и заставить Великобританию согласиться не только с Адрианопольским договором, но и с нарушениями того же договора самой Россией?

Эти вопросы были поставлены благородному лорду в палате общин 20 апреля 1836 г., после того как она была засыпана многочисленными петициями от купцов Лондона, Глазго и других торговых городов с протестами против фискальных мероприятий России на Черном море, а также вводимых ею правил и ограничений, целью которых является создание препятствий для английской торговли на Дунае. 7 февраля 1836 г. появился русский указ о сооружении — в согласии с Адрианопольским договором — карантинной станции на одном из островов в устье Дуная. Для того чтобы осуществлять здесь карантинные правила, Россия требовала для себя права посещать и осматривать суда, направляющиеся вверх по Дунаю, а также принуждать уплачивать сборы, задерживать и отправлять в Одессу те из них, которые проявят неповиновение. Еще до того как была сооружена карантинная станция или, точнее говоря, до того, как под ложным предлогом сооружения

этой станции были построены таможня и форт, русское правительство попыталось позондировать почву для того, чтобы определить, как далеко можно заходить в своем вызывающем обращении с английским правительством. Лорд Дергем, действовавший по инструкциям, полученным из Англии, заявил русскому правительству протест по поводу препятствий, которые ставились английской торговле.

«Его направили к графу Нессельроде. Граф Нессельроде адресовал его к губернатору Новороссии, губернатор Новороссии, в свою очередь, предложил ему обратиться к консулу в Галаце; последний вошел в сношения с британским консулом в Браилове, предложив ему направить капитанов, с которых взыскали сбор, к устью Дуная, то есть к месту, где по отношению к ним была учинена несправедливость для того, чтобы расследовать дело; но при этом, конечно, было хорошо известно, что упомянутые капитаны уже находятся в Англии». (Палата общин, 20 апреля 1836 года.)[328]

Официальный указ от 7 февраля 1836 г. привлек всеобщее внимание британских торговых кругов.

«Уже вышел в море или готовится к отплытию целый ряд судов, капитаны которых получили строгие приказы не признавать права посещения и осмотра судов, которого домогается Россия. Легко предвидеть, какова будет судьба этих кораблей, если палата не решится определенно выразить свое мнение. Если это не будет сделано, то британские суда общим водоизмещением не менее, чем в 5000 тонн, будут задержаны и отправлены в Одессу и будут находиться там до тех пор, пока не подчинятся дерзким требованиям России». (Речь г-на Патрика Стюарта в палате общин 20 апреля 1836 года.)

Россия предъявляла требования на болотистые острова в устье Дуная на основании одной из статей Адрианопольского договора, которая сама по себе являлась нарушением договора, заключенного между Россией, Англией и другими державами в 1827 году. Но возведение укреплений у входа в Дунай и вооружение их артиллерией являлось нарушением уже самого Адрианопольского договора, прямо запрещавшего сооружение каких бы то ни было укреплений на расстоянии шести миль от реки. Взимание сборов и создание препятствий судоходству по Дунаю было нарушением Венского договора, провозгласившего, что судоходство по рекам, на всем их протяжении, начиная с того места, где река становится судоходной, и кончая устьем, должно быть совершенно свободным, что «размер пошлин ни в коем случае не должен превышать размера существующих ныне», то есть в 1815 г., и что «никакое повышение не должно иметь места без общего согласия государств, владеющих берегами реки». Таким образом, единственный аргумент, который Россия могла бы-привести в свое оправдание, состоит

в том, что договор 1827 г. был нарушен Адрианопольским договором, который, в свою очередь, был нарушен самой Россией, и все это вместе опиралось на нарушение Венского договора.

Вырвать у лорда Пальмерстона какое бы то ни было заявление о том, признает ли он Адрианопольский договор или нет, оказалось совершенно невозможным. Что касается нарушения Венского договора, то благородный лорд

«не получил никакой официальной информации о том, что произошло что-либо, противоречащее этому договору. Но если бы участвующие в договоре стороны стали утверждать что-либо подобное, то следовало бы действовать так, как сочли бы это необходимым юридические советники короны с точки зрения прав английских подданных». (Речь лорда Пальмерстона в палате общин 20 апреля 1836 года.)

Статьей V Адрианопольского договора Россия гарантирует Дунайским княжествам «благоденствие» и полную «свободу торговли». И вот г-н Стюарт стал доказывать, что княжества Молдавия и Валахия являлись объектом страшной зависти со стороны России, ибо с 1834 г. их торговля столь быстро расцвела, что они начали конкурировать с самой Россией в области исконных отраслей ее производства, а Галац превратился в крупнейший складочный пункт всей торговли хлебом на Дунае, вытесняя Одессу из этой отрасли торговли. Благородный лорд ответил на это следующими словами:

«Если бы мой досточтимый друг мог доказать, что несколько лет тому назад мы вели крупную и имевшую важное значение торговлю с Турцией, а затем она сократилась до небольших размеров вследствие агрессии со стороны других стран или беззаботного отношения к ней нашего правительства, то он действительно имел бы основание апеллировать к парламенту». Но вместо этого «мой досточтимый друг доказал лишь, что за последние несколько лет наша торговля с Турцией развилась до весьма значительных размеров, тогда как раньше она почти отсутствовала».

Россия препятствует судоходству по Дунаю, потому что торговля Дунайских княжеств становится все значительнее, — говорит г-н Стюарт. Но, — возражает лорд Пальмерстон, — она не делала этого, когда эта торговля почти отсутствовала. Вы ничего не предпринимаете для отпора последним посягательствам России на Дунае, — говорит г-н Стюарт. Но, — отвечает лорд Пальмерстон, — мы ничего не предпринимали и тогда, когда Россия не позволяла себе эти посягательства. О каких же «обстоятельствах», *собственно,* может идти речь, «в отношении которых правительство будто бы не приняло бы мер предосторожности, если бы его к этому не принудило прямое вмешательство палаты»? Пальмерстону удалось помешать палате общин принять резолюцию, уверив ее, что

«правительство его величества нисколько не склонно мириться с агрессивными действиями любой державы, какой бы она ни была и какова бы ни была ее сила».

При этом он предупреждал палату о необходимости

«не делать осторожности ради ничего такого, что могло бы быть истолковано другими державами или дало бы им *основание* истолковывать как намеренную провокацию с нашей стороны».

Спустя неделю после этих дебатов в палате общин один британский купец отправил письмо в министерство иностранных дел относительно упомянутого русского указа. Заместитель министра дал ему следующий ответ:

«По поручению виконта Пальмерстона сообщаю Вам, что его светлость обратился к юридическому советнику короны с просьбой сообщить свое мнение по поводу правил, объявленных в русском указе от 7 февраля 1836 года. В то же время лорд Пальмерстон поручает мне сообщить Вам в ответ на последнюю часть Вашего письма, что, по мнению правительства его величества, русские власти не имеют права взимать какой бы то ни было сбор в устье Дуная и что Вы поступили правильно, предписав своим агентам *отказываться* от всякой уплаты подобного сбора».

Купец поступил в соответствии с этими указаниями. Но благородный лорд выдал его России с головой: как сообщает г-н Уркарт, русские консулы в Лондоне и Ливерпуле взимают теперь сбор с каждого английского судна, отправляющегося в турецкие порты на Дунае, а «на острове Лети все еще находится карантинная станция».

Свое вторжение на Дунай Россия не ограничила постройкой карантинных станций, сооружением укреплений и взиманием сборов. По Адрианопольскому договору к России отошел Сулинский рукав, единственный еще судоходный рукав устья Дуная. Когда им владели турки, глубина его русла составляла 14—16 футов и поддерживалась на этом уровне. С тех пор как рукав перешел к России, глубина русла уменьшилась до 8 футов, то есть до уровня, совершенно недостаточного для прохождения судов, груженых хлебом. А ведь Россия была участницей Венского договора, статья 113 которого устанавливает, что

«каждое государство обязано за свой счет содержать в хорошем состоянии бечевники и проводить необходимые работы для того, чтобы судоходство не испытывало никаких затруднений».

Россия нашла, что лучшим средством для поддержания судоходности Сулинского рукава является постепенное понижение уровня воды в нем путем нагромождения на его дне обломков судов и превращения его отмелей в сплошные заносы

из песка и ила. К этому систематическому и длительному нарушению Венского договора Россия прибавила еще нарушение Адрианопольского договора, запрещающего сооружение на Сулинском рукаве каких бы то ни было строений, кроме карантинных зданий и маяков. А между тем по ее предписанию там вырос маленький русский форт, существующий за счет вымогательских сборов с судов, поводом для чего служат вынужденные задержки и затраты на выгрузку и погрузку посредством лихтеров, ставшие неизбежными в результате засорения русла.

«Cum principia negante non est disputandum*. Какая польза настаивать на абстрактных принципах перед деспотическими правительствами, которые, как известно, право измеряют силой и в своем поведении руководствуются выгодой, а не справедливостью?» (Речь лорда Пальмерстона 30 апреля 1823 года.)

И вот, в полном соответствии со своей собственной доктриной, благородный виконт довольствуется тем, что настаивает на абстрактных принципах перед деспотическим правительством России. Но он идет еще дальше. В то время как 6 июля 1840 г. он уверял палату, что свобода судоходства по Дунаю «обеспечивается Венским договором», в то время как 13 июля 1840 г. он сетовал на то, что, хотя оккупация Кракова и является нарушением Венского договора, но «не было никакой возможности силой отстоять точку зрения Англии, ибо очевидно, что Краков является местом, где действия со стороны Англии неосуществимы», через два дня после этого он заключил с Россией договор, закрывший Дарданеллы для Англии** «на время мира с Турцией». Таким образом Англия лишилась единственной возможности «силой отстоять» Венский договор, и Понт Эвксинский*** действительно превратился в место, где действия со стороны Англии неосуществимы.

Когда это было достигнуто, благородный лорд ухитрился сделать показную уступку общественному мнению и выпалил целый залп бумажных заявлений, напоминая в них в нравоучительных и сентиментальных выражениях «деспотическому правительству, которое право измеряет силой и в своем поведении руководствуется выгодой, а не справедливостью», что

«Россия, принудив Турцию уступить ей устье великой европейской реки, представляющей собой главный путь для взаимного торгового обмена многих наций, вместе с тем приняла на себя по отношению к другим го-

* — С людьми, отрицающими принципы, не спорят. *Ред.*

** В «New-York Daily Tribune» от 11 января 1854 г. вместо слов «для Англии» напечатано: «для английских военных кораблей». *Ред.*

*** — древнее название Черного моря. *Ред.*

сударствам ответственность и обязанности, соблюдение которых она должна считать делом своей чести».

Ответом графа Нессельроде на это настойчивое подчеркивание абстрактных принципов было неизменное: «вопрос будет тщательно расследован». Кроме того, он время от времени выражал «чувство сожаления императорского правительства по поводу того, что к его намерениям относятся с таким недоверием».

Таким образом, заботами благородного лорда дело доведено до того, что в 1853 г. судоходство по Дунаю было объявлено невозможным, и хлеб гнил в Сулинском рукаве, в то время как Франции, Англии и Южной Европе угрожал голод. А Россия, по словам «Times», «в дополнение к своим прочим важным владениям завладела еще железными воротами между Дунаем и Понтом Эвксинским». Россия приобрела ключ к Дунаю, своего рода отмычку к хлебным амбарам, которой она может воспользоваться всякий раз, когда политика Западной Европы станет достойной наказания*.

* В «New-York Daily Tribune» от 11 января 1854 г. статья заканчивалась следующими словами: «Тем не менее тайный сговор Пальмерстона с Россией, касающийся ее планов в отношении Дуная, был раскрыт не ранее, как в ходе дебатов о Чер-кесии. Тогда-то г-ном Ансти и было показано 23 февраля 1848 г., что «первым актом благородного виконта при его вступлении на пост» (министра иностранных дел) «было признание Адрианопольского договора» — того самого договора, против которого протестовали герцог Веллингтон и лорд Абердин.

Как это было сделано и как Черкесия была выдана лордом Пальмерстоном России — в той мере, в какой это от него зависело, — все это будет, возможно, предметом особой статьи»[329]. *Ред.*

СТАТЬЯ ВОСЬМАЯ

Петиции, представленные в палату общин 20 апреля 1836 г., и внесенная в связи с ними резолюция г-на Патрика Стюарта относились не только к Дунаю, но также и к Черкесии, ибо в торговых кругах распространился слух, что русское правительство под предлогом блокады черкесского побережья намерено не допускать, чтобы английские суда выгружали грузы и товары в ряде портов восточного побережья Черного моря. Лорд Пальмерстон торжественно заявил по этому поводу:

«Если парламент окажет нам доверие, если он оставит за нами руководство внешними сношениями страны, то мы сможем защищать интересы страны и поддерживать ее честь, избегая при этом необходимости начать войну». (Палата общин, 20 апреля 1836 года.)

Несколькими месяцами позже, 29 октября 1836 г., из Лондона в Черкесию отплыл «Виксен», торговое судно, принадлежавшее г-ну Джорджу Беллу и груженое солью. 25 ноября судно было захвачено русским военным кораблем в черкесской бухте Суджук-Кале ввиду того, что «оно использовалось для связи с побережьем, подвергнутым блокаде». (Письмо русского адмирала Лазарева английскому капитану Чайлдсу от 24 декабря 1836 года.) Судно, его груз и экипаж были отправлены в Севастопольский порт, где 27 января 1837 г. русские вынесли обвинительный приговор. Здесь уже речь шла не о «блокаде», судно «Виксен» было просто объявлено законным призом ввиду того, что «оно было виновно в контрабанде», так как ввоз соли воспрещен, а в бухте Суджук-Кале, то есть в русской гавани, нет таможни. Приговор был приведен в исполнение в подчеркнуто унизительной и оскорбительной форме. Русским, захватившим судно, были публично вручены награды. Британский флаг был сначала поднят, а затем спущен, и на его место был поднят русский. Капитан и экипаж судна были переведены, в качестве пленных, на борт «Аякса», захватившего их судно,

затем отправлены из Севастополя в Одессу, а из Одессы в Константинополь, откуда им позволено было вернуться в Англию. О самом судне немецкий путешественник, посетивший через несколько лет после этого события Севастополь, писал в «Augsburger Zeitung» следующее:

«После всех русских линейных кораблей, которые я посетил, наибольшее любопытство возбудил во мне «Суджук-Кале», прежний «Виксен», плавающий теперь под русским флагом. Внешний вид этого судна совершенно изменился. Этот маленький корабль является теперь лучшим парусным судном во всем русском флоте и используется главным образом для транспортных целей между Севастополем и черкесским побережьем».

Захват судна «Виксен» бесспорно давал лорду Пальмерстону прекрасный повод для выполнения его обещания «защищать интересы страны и поддерживать ее честь». Но, кроме чести британского флага и интересов британской торговли, дело шло еще кое о чем — о *независимости Черкесии.* Сначала Россия оправдывала арест судна «Виксен» нарушением с его стороны объявленной Россией блокады, но обвинительный приговор судну был вынесен под совершенно иным предлогом, а именно под предлогом нарушения им русских таможенных правил. Объявляя блокаду, Россия тем самым объявляла Черкесию враждебной иноземной страной, и вопрос тогда сводился к тому — признавало ли когда-либо британское правительство эту блокаду. Наоборот, распространяя на Черкесию русские таможенные правила, Россия тем самым рассматривала ее как свое вассальное владение, и тогда вопрос заключался в следующем: признавало ли когда-либо британское правительство притязания России на Черкесию?

Прежде чем перейти к дальнейшему, хотелось бы напомнить, что в то время Россия еще далеко не успела закончить свои работы по укреплению Севастополя.

Любое притязание России на обладание Черкесией могло основываться только на Адрианопольском договоре, как мы уже указывали в предыдущей статье. Но договор от 6 июля 1827 г. обязывал Россию не делать никаких попыток к территориальному расширению и не добиваться каких-либо исключительных торговых привилегий в войне с Турцией. Всякое расширение русских границ на основании Адрианопольского договора являлось поэтому открытым нарушением договора 1827 г. и, как показывает протест Веллингтона и Абердина, не должно было признаваться со стороны Великобритании. Таким образом, Россия не имела права на передачу ей Черкесии Турцией. С другой стороны, и Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была настолько

независима от Порты, что даже в те времена, когда в Анапе еще находился турецкий паша, Россия заключила несколько соглашений с черкесскими вождями о прибрежной торговле, так как турецкая торговля официально ограничивалась исключительно Анапским портом. А раз Черкесия была независимой страной, то законы о местном управлении, санитарные правила и таможенные предписания, которыми московиты сочли себя вправе снабдить ее, были для нее столь же обязательны, как русские законы для Тампико.

С другой стороны, если Черкесия была иноземной страной, находящейся во враждебных отношениях с Россией, то последняя имела право объявить ей блокаду лишь в том случае, если она была в состоянии осуществить эту блокаду на деле, а не только на бумаге, то есть если Россия располагала бы военно-морской эскадрой, способной обеспечить принудительное проведение блокады, и действительно господствовала бы над побережьем. Но на побережье протяжением в двести миль Россия владела только тремя изолированными фортами, вся остальная территория Черкесии была в руках черкесских племен. В бухте Суджук-Кале не было никакого русского форта. Блокады фактически не было, так как не имелось морских сил. для ее осуществления. Команды двух английских судов — самого «Виксена» и еще одного судна, побывавшего в 1834 г. в этой бухте, — готовы были определенным образом засвидетельствовать, что побережье ни в какой мере не оккупировано русскими, и это позднее подтвердили в публичных заявлениях также два английских путешественника, посетившие гавань в 1837 и 1838 годах. («Portfolio», VIII, 1 марта 1844 года.)

Когда «Виксен» входил в гавань Суджук-Кале,

«ни с судна, ни с берега не было видно никаких русских военных кораблей... Только по истечении тридцати шести часов после того, как «Виксен» бросил якорь, в тот момент, когда владелец его и несколько офицеров, высадившиеся на берег, вели переговоры с черкесскими властями относительно размеров требуемой последними пошлины со стоимости груза, в гавань вошел русский военный корабль... Этот корабль шел не вдоль берега, а прибыл из открытого моря». (Речь г-на Ансти в палате общин 23 февраля 1848 года.)

Следует ли приводить дальнейшие доказательства, поскольку сам с.-петербургский кабинет, приказавший арестовать судно «Виксен» под предлогом нарушения блокады, конфисковал его под предлогом нарушения таможенных правил?

Этот случай казался тем более благоприятным для черкесов, что вопрос об их независимости совпал с вопросом о свободе судоходства по Черному морю, с вопросом об охране британ-

ской торговли и о дерзком пиратском акте, совершенном Россией по отношению к британскому торговому судну. Их шансы на покровительство со стороны владычицы морей казались тем более несомненными, что

«незадолго до того, после зрелого размышления и переписки с различными правительственными ведомствами, длившейся в течение многих недель, в периодическом издании, имеющем отношение к министерству иностранных дел» («Portfolio»), «была опубликована декларация о независимости Черкесии и на карте, просмотренной самим лордом Пальмерстоном, Черкесия была обозначена как независимая страна». (Речь лорда Стэнли в палате общин 21 июня 1838 года.)

Кто бы мог подумать, что благородный и рыцарственный виконт сумеет так искусно воспользоваться этим делом, чтобы именно этот пиратский акт России, направленный против английской собственности, превратить в долгожданный повод для официального признания Адрианопольского договора и для нанесения смертельного удара независимости Черкесии?

17 марта 1837 г. г-н Робак внес, в связи с вопросом о конфискации «Виксена», предложение о представлении палате

«копий всей переписки между правительством Англии и правительствами России и Турции, относящейся к Адрианопольскому договору, а также отчетов о всех сделках и переговорах, связанных с оккупацией Россией гаваней и территорий на берегах Черного моря, которая имела место после подписания Адрианопольского договора».

Опасаясь, как бы его не заподозрили в гуманных стремлениях, а также в том, что он защищает Черкесию, исходя из абстрактных принципов, г-н Робак откровенно заявил:

«Россия может пытаться завладеть всем миром, и я взираю на эти попытки равнодушно; но в тот момент, когда она покушается на нашу торговлю, я призываю правительство нашей страны» (очевидно, эта страна лежит где-то вне «всего мира»!) «покарать захватчика».

Поэтому он желает узнать, «признало ли британское правительство Адрианопольский договор».

Благородный лорд, хотя и сильно прижатый к стенке, все же сохранил достаточно присутствия духа для того, чтобы произнести длинную речь и, по словам г-на Юма,

«вернуться на свое место, так и не сказав палате, кто же в данный момент фактически владеет черкесским побережьем, действительно ли оно принадлежит России, захватила ли Россия «Виксен» вследствие нарушения правил, установленных фиском, или потому, что действительно существует блокада, и признает ли он Адрианопольский договор». (Речь г-на Юма в палате общин 17 марта 1837 года.)

Г-н Робак заявил, что г-н Белл, перед тем как дать разрешение на отправку судна «Виксен» в Черкесию, обратился к благородному лорду для того, чтобы выяснить, сопряжена

ли с опасностью или с какими-либо неудобствами посылка судна с товарами в один из пунктов Черкесии, на что он получил отрицательный ответ от министерства иностранных дел. Таким образом, лорд Пальмерстон был вынужден зачитать в палате свою переписку с г-ном Беллом. Слушая чтение этих писем, можно было подумать, что он читает испанскую комедию «плаща и шпаги», а не официальную переписку между министром и купцом. Выслушав содержание зачитанной благородным лордом переписки, касающейся захвата судна «Виксен», Даниел О'Коннел воскликнул: «Я не могу не вспомнить изречения Талейрана, что язык существует для того, чтобы скрывать мысли!»

Так, например, г-н Белл спрашивает: «существуют ли какие-либо признанные правительством его величества ограничения торговли в указанных водах. Если нет, то он желал бы отправить туда судно, груженое солью». Лорд Пальмерстон отвечает: «Вы спрашиваете меня, принесет ли Вам выгоду спекуляция солью», и уведомляет его, что «торговые фирмы должны сами знать, стоит или не стоит им пускаться в ту или иную спекуляцию». Г-н Белл отвечает: «Я никоим образом Вас об этом не спрашиваю; все, что я хочу узнать, это —признает или нет правительство его величества русскую блокаду Черного моря к югу от реки Кубани». Благородный лорд возражает: «Вам надо посмотреть «London Gazette»[330], — там печатаются все сообщения подобного рода». Для английского купца, желавшего получить упомянутые сведения, «London Gazette», разумеется, более подходящий источник, чем указы русского императора. И так как г-н Белл не нашел в «London Gazette» никаких сообщений о признании этой блокады или каких-либо других ограничений торговли, то он и отправил свое судно. Следствием было то, что спустя короткое время он сам попал в «London Gazette».

«Я отослал г-на Белла к «Gazette»», — сказал лорд Пальмерстон, — «чтобы он, просмотрев ее, убедился, что русское правительство ничего не сообщало и не заявляло нашей стране о блокаде. Следовательно, не могло быть и речи о признании».

Отсылая г-на Белла к «Gazette», лорд Пальмерстон этим не только отрицал признание русской блокады Великобританией, но одновременно подтверждал также, что, по его мнению, черкесское побережье *не составляет части* русской территории, так как «Gazette» *не публикует* извещений о блокаде иностранными государствами части своей собственной территории, в случае, например, борьбы против своих восставших подданных. Так как Черкесия не составляет части территории России, то

на нее и не могли быть распространены русские таможенные правила. Таким образом, согласно собственному признанию лорда Пальмерстона, он в своих письмах к г-ну Беллу отрицал за Россией право блокировать черкесское побережье или подвергать его каким-либо торговым ограничениям. Правда, вся его речь была проникнута желанием навязать палате вывод что Россия владела Черкесией. Но, с другой стороны, он открыто заявил:

«Что касается расширения русских границ в районе устья Дуная, на Южном Кавказе и на побережье Черного моря, то оно безусловно не согласуется с торжественным заявлением, сделанным Россией перед лицом всей Европы до начала турецкой войны».

Когда он, заканчивая свою речь перед тем как сесть на место, торжественно обязался неизменно «защищать интересы страны и поддерживать ее честь», казалось, что он скорее изнемогает под бременем накопившихся несчастий, вызванных его прошлой политикой, нежели замышляет какие-либо предательские планы на будущее. В этот день он вынужден был выслушать следующий суровый упрек:

«Недостаток энергии и рвения в защите чести страны, обнаруженный благородным лордом, заслуживает самого большого порицания. Ни один из прежних министров не вел себя столь непоследовательно, опасливо, неуверенно, трусливо в момент, когда британским подданным было нанесено оскорбление. Как долго благородный лорд будет позволять России оскорблять Великобританию и наносить ущерб британской торговле? Благородный лорд *унизил* Англию, выставив ее в роли хвастливого задиры, надменного и жестокого по отношению к слабому, покорного и подобострастного по отношению к сильному».

Кто же это столь беспощадно заклеймил «истинно английского» министра? Не кто иной, как лорд Дадли Стюарт.

«Виксен» был захвачен 25 ноября 1836 года. Бурные дебаты в палате общин, которые мы только что цитировали, происходили 17 марта 1837 года. Но только 19 апреля 1837 г. благородный лорд запросил русское правительство, предлагая ему

«указать мотивы, на основании которых оно сочло себя вправе в мирное время наложить арест на торговое судно, принадлежащее британскому подданному».

17 мая 1837 г. благородный лорд получил следующую депешу от графа Дергема, британского посла в С.-Петербурге:

«Милорд! Что касается военной de facto* оккупации Суджук-Кале, то я должен сообщить Вашей светлости, что в бухте имеется форт, носящий имя императрицы (Александровский) и занятый постоянным русским гарнизоном.

Остаюсь и пр.

Дергем».

* — фактической. *Ред.*

Вряд ли надо указывать, что форт Александровский не обладает даже той реальностью, какой обладали картонные селения, которые Потемкин показывал императрице Екатерине II во время ее поездки в Крым. Через пять дней после получения этой депеши лорд Пальмерстон послал в С.-Петербург следующий ответ:

«Принимая во внимание, что Суджук-Кале, признанный Россией владением Турции по договору 1783 г., в настоящее время, как утверждает граф Нессельроде, в силу Адрианопольского договора принадлежит России, правительство его величества не находит достаточных оснований оспаривать право России на арест и конфискацию судна «Виксен»».

Эти переговоры связаны с некоторыми весьма любопытными обстоятельствами. Лорду Пальмерстону потребовалось целых шесть месяцев для подготовки к открытию переговоров и лишь месяц с небольшим для их окончания. Его последней депешей от 23 мая 1837 г. переговоры внезапно и круто обрываются. Дата Кючук-Кайнарджийского договора приводится в ней не по григорианскому, а по юлианскому календарю.

Как отмечал сэр Роберт Пиль,

«за время с 19 апреля до 23 мая произошла удивительная перемена: начали с официального протеста, а кончили выражением удовлетворения. По-видимому, правительство убедили *уверения* графа Нессельроде, что Турция уступила России побережье, о котором идет речь, по Адрианопольскому договору. Почему же оно не протестовало против этого указа?» (Палата общин, 21 июня 1838 года.)

Почему все это произошло? Причина очень простая. Король Вильгельм IV тайно побудил г-на Белла послать «Виксен» к черкесскому побережью. Когда благородный лорд оттягивал начало переговоров по поводу этого инцидента, король был еще в полном здравии. Когда же он так круто оборвал их, король находился при смерти, и благородный лорд распоряжался министерством иностранных дел так самовластно, как если бы он был самодержцем Великобритании. Разве это не остроумный ход со стороны столь склонного к шуткам светлейшего лорда — одним росчерком пера официально признать Адрианопольский договор, право России на обладание Черкесией и на конфискацию судна «Виксен» от имени умирающего короля, который сам послал дерзкий «Виксен» с определенным намерением уязвить царя, продемонстрировать нежелание считаться с Адрианопольским договором и подтвердить независимость Черкесии.

Г-н Белл, как мы уже сказали, попал в «Gazette», а г-н Уркарт, бывший тогда первым секретарем посольства в Константинополе, был отозван за то, «что уговорил г-на Белла осуществить экспедицию судна «Виксен».

Пока король Вильгельм IV был жив, лорд Пальмерстон не осмеливался открыто противодействовать этой экспедиции. На это указывает опубликование декларации о независимости Черкесии в «Portfolio», затем карта Черкесии, просмотренная светлейшим лордом, далее, его двусмысленная переписка с г-ном Беллом, туманные заявления, сделанные им в палате, наконец, то обстоятельство, что брат г-на Белла, ведавший грузом на судне «Виксен», при отплытии получил от министерства иностранных дел депеши для передачи посольству в Константинополе, а лорд Понсонби, британский посол при Высокой Порте, прямо поощрял его в его предприятии.

К началу царствования королевы Виктории преобладание вигов, казалось, было обеспечено более чем когда бы то ни было, и соответственно с этим внезапно изменился тон рыцарственного виконта. Место почтительности и лести сразу же заняли высокомерие и презрительный тон. Когда г-н Т. Атвуд запросил его 14 декабря 1837 г. о судне «Виксен» и Черкесии, благородный лорд ответил:

«Что касается судна «Виксен», то Россия дала по поводу своего поведения такие объяснения, которыми правительство Англии может удовлетвориться. Судно было арестовано не из-за нарушения блокады. Оно было захвачено потому, что лица, распоряжавшиеся им, нарушили русские законы о местном управлении и таможенные правила».

Относительно опасений г-на Атвуда по поводу русских посягательств благородный лорд заявил:

«Я думаю, что Россия предоставляет человечеству такие же гарантии сохранения мира, как и Англия». (Речь лорда Пальмерстона в палате общин 14 декабря 1837 года.)

К концу, парламентской сессии благородный лорд представил палате общин переписку с русским правительством, из которой мы уже процитировали два наиболее важных документа.

В 1838 г. положение партий вновь изменилось, и тори опять приобрели влияние. 21 июня они внезапно атаковали лорда Пальмерстона. Сэр Стратфорд Каннинг, теперешний посол в Константинополе, предложил, чтобы специальная комиссия рассмотрела обвинения, выдвигаемые против благородного лорда г-ном Джорджем Беллом, а также требование последнего о возмещении убытков. Сначала светлейший лорд выразил свое величайшее изумление по поводу «столь мелочного характера» предложения сэра Стратфорда Каннинга.

«Вы первый английский министр», — воскликнул по этому поводу сэр Роберт Пиль, — «который осмеливается назвать мелочью защиту британской собственности и торговли».

Тогда лорд Пальмерстон заявил следующее:

«Ни один купец не имеет права требовать от правительства ее величества, чтобы оно высказалось по таким вопросам, как право России на верховную власть над Черкесией или на введение таких таможенных и санитарных правил, соблюдать которые она принуждает других силой оружия».

Г-н Юм спросил:

«Зачем нам тогда министерство иностранных дел, если подобные вещи не входят в круг его обязанностей?»

Благородный лорд продолжал:

«Говорят, что г-н Белл, этот невинный г-н Белл, из-за ответов, которые я ему дал, попал в поставленную мной западню. Если уж говорить о западне, то она была поставлена не г-ну Беллу, а самим г-ном Беллом».

Речь идет о тех вопросах, с которыми г-н Белл обратился к «невинному» лорду Пальмерстону.

В ходе этих дебатов (21 июня 1838 г.) великая тайна выплыла, наконец, наружу. Если бы благородный лорд даже и захотел в 1836 г. противиться притязаниям России; то он этого не мог бы сделать по той простой причине, что уже в 1831 г., едва вступив на пост, он прежде всего признал захват Кавказа Россией, а тем самым исподтишка и Адрианопольский договор. 8 августа 1831 г., — как указывал лорд Стэнли (ныне лорд Дерби), — русский кабинет сообщил своему представителю в Константинополе о своем намерении

«установить правила санитарного надзора в отношении свободно существующих сношений между жителями Кавказа и соседних турецких провинций» и о том, что он должен «уведомить об упомянутых выше правилах иностранные миссии в Константинополе, а также оттоманское правительство».

Позволить России вводить на черкесском побережье так называемые санитарные и таможенные правила, нигде не существовавшие, кроме как в вышеназванном документе, это значило признать притязания России на Кавказ, а тем самым и санкционировать Адрианопольский договор, на котором основывались эти притязания.

«Эти инструкции», — говорил лорд Стэнли, — «были самым официальным путем вручены в Константинополе г-ну Мандевилю» (секретарю посольства) «специально для информации британских купцов и были переданы благородному лорду Пальмерстону».

Он же «вопреки обычаю прежних правительств» не дал, и не осмелился дать знать «Комитету Ллойда[331] о том, что подобное

уведомление было сделано». Благородный лорд виновен «в шестилетнем укрывательстве», — воскликнул сэр Роберт Пиль.

В тот день столь склонный к шуткам светлейший лорд избежал осуждения только благодаря большинству в 16 голосов: 184 голоса было подано против, 200 — за него. Эти 16 голосов не заглушат, однако, голоса истории и не заставят смолкнуть кавказских горцев, звон оружия которых доказывает миру, что Кавказ не «принадлежит России, как утверждает граф Нессельроде» и как вторит ему лорд Пальмерстон!

К. МАРКС

ВОПРОС О ВОЙНЕ. — ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛА. — ЗАБАСТОВКИ [332]

Лондон, пятница, 7 октября 1853 г.

В прошлую пятницу газета «Morning Chronicle» в своем четвертом выпуске поместила телеграфное сообщение, согласно которому султан* объявил России войну. Парижская «Patrie» вчера вечером сообщила в полуофициальной заметке, что полученные с Востока сведения не подтверждают сообщения «Morning Chronicle». Согласно другой правительственной газете, «Constitutionnel», в результате неоднократных представлений г-на де Брука, австрийского интернунция, 25 сентября собрался Диван для обсуждения Венской ноты, после чего было заявлено, что Турция будет твердо придерживаться последней ноты Решид-паши[333]. На следующий день был созван Большой совет. Этот Совет, состоящий из 120 главных сановников: министров, советников, пашей и представителей высшего духовенства, решил, что

> «было бы недостойно и пагубно для суверенной власти султана подписывать Венскую ноту без предложенных Диваном изменений; поскольку же царь заявил о полной неприемлемости этих изменений и отказался взять назад свое требование, чтобы Оттоманская империя приняла на себя обязательства, наносящие ущерб ее независимости, Совету осталось только рекомендовать султану немедленно принять меры, необходимые для сохранения его империи, и освободить свои владения от находящихся там захватчиков».

Что касается *официального* объявления войны, то это пока еще не подтвердилось ни одним достоверным сообщением. На этот раз Порта, наконец, провела западных дипломатов. Английское и французское правительства, не решаясь отозвать

* — Абдул-Меджид. *Ред.*

свои эскадры назад, но в то же время не считая возможным продолжать занимать свою смехотворную позицию в Безикской бухте и не желая пройти через проливы, что означало бы открытый вызов царю, потребовали, чтобы Порта запросила корабли из Безикской бухты под тем предлогом, что христианам Константинополя грозит опасность во время празднования байрама. Порта отклонила это предложение, указав, что такой опасности нет и что если бы таковая и была, то она сумела бы защитить христиан без иностранной помощи; она заявила, что не вызовет корабли до окончания праздника. Но едва авангард соединенных эскадр прошел через проливы, как Порта, поставив теперь своих колеблющихся и вероломных союзников в затруднительное положение, высказалась за войну. Что касается самой войны, то она фактически началась три месяца тому назад с переходом русских вооруженных сил через Прут. Первая кампания была по существу завершена, когда русские легионы достигли берегов Дуная. Единственная перемена, которая может теперь произойти, заключается в том, что война перестанет быть односторонней.

Не только тунисский бей[*], но и персидский шах[**], несмотря на интриги России, предоставили в распоряжение султана 60000 человек из своих лучших войск. Таким образом, с достоверностью можно утверждать, что турецкая армия включает в себя все наличные военные силы мусульман в Европе, Африке и Западной Азии. Воинства обеих религий, давно борющихся за гегемонию на Востоке, — православия и мусульманства, — стоят теперь друг против друга: одно, движимое деспотической волей одного человека, другое — фатальной силой обстоятельств, что соответствует тому и другому вероучению, поскольку православная церковь отвергает догмат о предопределении, тогда как стержень мусульманства составляет фатализм.

Сегодня в Лондоне должны состояться два собрания: одно на Даунинг-стрит, другое в «Лондон-таверн»; на одном будут заседать министры, другое будет направлено против них; одно созывается в пользу царя, другое — в пользу султана.

Если еще и могли быть какие-либо сомнения относительно намерений коалиции, то из передовиц «Times» и «Morning Chronicle» становится очевидным, что она до последней возможности будет стремиться предотвратить войну, возобновить переговоры, убить время, парализовать армию султана и поддержать царя в Дунайских княжествах.

[*] — Ахмед. *Ред.*
[**] — Паср-эд-дин. *Ред.*

«Царь высказался за мир», — радостно сообщает «Times» на основании достоверных источников. Царь выражал в Ольмюце[334] «миролюбивые чувства *своими собственными устами».* Правда, он не примет тех изменений, которые предложены Портой, и будет настаивать на первоначальном тексте Венской ноты, но он позволит совещанию в Вене толковать ноту в *совершенно несвойственном ей смысле,* противоположном толкованию его собственного министра Нессельроде. Он позволит западным державам заниматься совещаниями, если они позволят ему тем временем продолжать оккупировать Дунайские княжества.

«Times» в своем припадке миролюбия прибегает к сравнению императоров России и Австрии с вождями дикарей внутренней Африки для того, чтобы в конечном счете прийти к такому заключению:

«В конце концов какое дело миру до того, что русский император должен начать войну из-за своих политических промахов?»

Банки Турина, Парижа, Берлина и Варшавы повысили свой учетный процент. Согласно банковскому отчету за прошлую неделю, золотой запас Английского банка снова уменьшился на 189615 ф. ст. и составляет в настоящее время всего лишь 15680783 фунта стерлингов. Сумма банкнот, находящихся в активном обращении, понизилась примерно на 500000 ф. ст., в то время как учет векселей повысился на 400000 ф. ст., — совпадение, которое подтверждает высказанное мной в моей статье по поводу акта Пиля мнение, что сумма находящихся в обращении банкнот не повышается и не понижается пропорционально размеру совершаемых банковских операций*.

Г-н Дорнбек заканчивает свой ежемесячный торговый бюллетень следующим образом:

«Политические события последней недели значительно способствовали усилению ажиотажа в области хлебной торговли, вызванному участившимися сообщениями о неурожае пшеницы, о распространении картофельной болезни и о недостатке судового тоннажа. Цена на муку поднялась в городах до 70 шилл. за 280 фунтов, пшеница нового урожая — до 80 шилл., при повышающейся учетной ставке, которая приближается уже к 5%. В хлебной торговле господствует сейчас сильнейшее возбуждение. Вероятность войны на Востоке, запрещение вывоза зерна из Египта, хронический неурожай пшеницы в Англии, распространение картофельной болезни, сокращение ввоза из-за границы (в особенности из Южной Европы), продолжающийся рост спроса во Франции, Бельгии и Голландии, —вот главные причины, которые снова взвинтили цены на пшеницу, поднявшиеся на прошлой неделе от одного до шести шиллингов за квартер на главных провинциальных рынках... Обычно сразу же после уборки уро-

* См. настоящий том, стр. 307—313. *Ред.*

жая и вплоть до рождества наблюдается тенденция к понижению цен, в этом же году движение идет в противоположном направлении... Цены за последние месяцы повышаются. В настоящее время нет еще действительного недостатка в хлебе ни в одной местности нашей части земного шара. Многие зернохранилища, амбары и овины переполнены, и в некоторых морских портах не хватает складочных помещений. Поэтому рост цен за последнее время вызван был не недостатком хлеба в данный момент, а предполагаемым недостатком его в будущем вследствие плохого, как считают, урожая, причем ожидается, что последствия его начнут сказываться, когда придет время. Наступающая зима, по всей вероятности, окажется одной из тех, которые отличаются суровыми лишениями и нуждой... Преобладающее мнение все еще таково, что цены будут продолжать расти, и, поскольку основная масса спекулянтов продолжает «покупать и делать запасы», до будущей весны сохранится, по-видимому, тенденция к повышению... Предполагаемый высокий уровень цен, который, по-видимому, будет держаться в течение нынешней зимы, послужит, по всей вероятности, будущей весной большим соблазном для усиленного ввоза хлеба из отдаленных стран, которые в обычные времена остаются вне досягаемости вследствие дальности расстояния и дороговизны перевозок. Будущей весной можно ожидать увеличения ввоза из всех частей света, к каким только существует доступ, и та же самая причина, которая теперь способствует росту цен вследствие воздержания от продажи запасов, станет, с момента, когда начнется изменение цен в сторону понижения, влиять на падение стоимости хлеба соразмерно будущему стремлению владельцев избавиться от своих запасов. Теперешним правилом является: покупать, будущим лозунгом будет: продавать. *Будущий год может оказаться таким же опасным и бедственным, как и 1847 год»*.

На манчестерском рынке продолжается общая депрессия. По мере того, как сообщения из Австралии и Китая, а также известия относительно восточных осложнений, приобретают все более зловещий характер, растет беспокойство среди владельцев хлопкопрядилен, фабрикантов и торговцев. Падение цен на обыкновенную по своему качеству и размеру пряжу в настоящее время колеблется от $^7/_8$ до 1 пенни на фунт по сравнению с наивысшими ценами, существовавшими два месяца тому назад, что, примерно, в два раза превосходит падение цен на хлопок соответствующего качества, которые понизились не более чем на $^1/_2$ или $^5/_8$ пенса. Но даже при наибольшей скидке в 1 пенни продажа считается весьма затруднительной, и запасы—жупел пашей чувствительной школы экономистов — продолжают расти. Само собой разумеется, нельзя ожидать, чтобы это накопление товарных запасов возрастало очень быстро. В настоящее время как торговцы, так и фабриканты, несмотря на то, что многие рынки переполнены, все же имеют еще возможность для сбыта путем посылки своих товаров на консигнацию для продажи их на других рынках, и этой возможностью они *как раз теперь и пользуются в самых широких размерах.* Но бросить всю пригодную для экспорта продукцию британской промышленности, — объем которой

таков, что ею можно через периодические промежутки времени наводнять весь мир, — на несколько более или менее ограниченных по своей емкости рынков — это значит неизбежно вызвать такое же переполнение и обусловленные им потрясения на тех рынках, которые пока еще считались здоровыми. Так, сообщения об известном улучшении положения в Индии, — которые все же еще не говорят о возможности прибыльного ввоза в эту страну, а лишь дают основание надеяться на уменьшение убытка при дальнейшем экспорте, — вызвали довольно значительный рост операций по экспорту в эту страну, осуществляемых частично фирмами, обычно ведущими торговлю с Индией, частично непосредственно владельцами манчестерских хлопкопрядилен и фабрик. Последние предпочли ухватиться даже за ничтожный шанс более благоприятного сбыта в результате спекулятивного экспорта в Индию, чем согласиться на убытки, связанные с продажей на сужающемся рынке. Здесь можно добавить, что начиная с 1847 г. манчестерские владельцы хлопкопрядилен и фабрик постоянно отправляют за свой счет большие партии товаров в Индию и другие страны, а на вырученные деньги закупают там колониальные товары, которые также за свой счет продают либо в британских владениях в Северной Америке, либо в европейских портах. Подобные спекуляции, конечно, не относятся к узаконенной сфере предпринимательской деятельности фабрикантов, которые, естественно, даже наполовину так не осведомлены о состоянии рынков, как портовые купцы, но они нравятся владельцам британских хлопкопрядилен, которые, предпринимая такие операции в далеких странах, воображают, что осуществляются их заветные мечты о том, чтобы стать как бы верховными руководителями и распорядителями промышленными и торговыми судьбами мира. И если бы подобная спекуляция не отвлекала на срок от года до восемнадцати месяцев значительную долю свободного промышленного капитала, то не подлежит сомнению, что рост числа фабрик в Англии за последние пять лет происходил бы гораздо более быстрым темпом.

На рынке текстильных товаров отечественные изделия более других страдают от депрессии. Запасы продолжают расти, хотя значительное число ткацких станков остановлено. Правда, нельзя сказать, чтобы с другими товарами дело обстояло лучше.

Подобный же застой наблюдается в Лидсе и Брадфорде, Лестере и Ноттингеме. В последнем городе рабочее время было сокращено до десяти часов и даже до восьми часов в кружевном производстве. Производство трикотажных изделий испытало деп-

рессию еще в июне прошлого года, когда в Ноттингеме выработка сразу сократилась на одну треть. Единственная отрасль, которая, по-видимому, переживает непрерывное процветание, это — производство металлических изделий в Бирмингеме и его окрестностях.

В Лондоне начинают становиться распространенными случаи банкротства среди мелких лавочников.

В своей статье от 12 августа я указывал, что владельцы прядильных мастерских и фабриканты основали «Ассоциацию содействия промышленности в деле прекращения волнений среди рабочих в манчестерском промышленном округе», что эта Ассоциация должна была состоять из местных ассоциаций, возглавляемых центральным комитетом, и что она намерена «сопротивляться всем требованиям со стороны *объединенных групп* фабричных рабочих, укрепить монополию капитала посредством монопольного права на объединение и диктовать свои условия как объединенная группа»[*].

Не представляется ли, однако, весьма любопытным тот факт, что об этом проекте, о котором я уведомил вас около двух месяцев тому назад, до сих пор ни разу не упоминалось в лондонских газетах, хотя он за это время втихомолку был осуществлен и в настоящее время уже применяется на практике в Престоле, Болтоне и Манчестере? По-видимому, лондонская пресса старательно скрывала от всех, что фабричные магнаты систематически готовят свой класс к войне против рабочего класса и что последовательно принимаемые ими меры являются не стихийным следствием случайных обстоятельств, а заранее тщательно намечены в качестве целей тайного заговора организованной антирабочей лиги. Английская капиталистическая лига XIX столетия должна еще найти своего историка, подобно тому как французская Католическая лига нашла своих историков в лице авторов «Менипповой сатиры» конца XVI века[335].

Добиваясь удовлетворения своих требований, рабочие должны, естественно, устраивать так, чтобы, когда одна часть их бастует, другая работала до тех пор, пока первые не одержат победы. В тех местах, где рабочие прибегают к подобному способу действий, фабриканты по взаимному соглашению договорились закрыть *все* свои предприятия и довести таким образом своих рабочих до крайней нищеты. Положить этому начало должны были, как вам известно, престонские фабриканты[**]. Тринадцать фабрик уже закрыты, а к концу следующей недели

[*] См. настоящий том, стр. 260—261. *Ред.*
[**] См. настоящий том; стр. 330. *Ред.*

должны быть приостановлены все фабрики, так что свыше 24000 человек окажутся выброшенными на улицу. Ткачи обратились к хозяевам с петицией, ходатайствуя о переговорах или о перенесении спора в третейский суд, но их предложение было отвергнуто. Так как престонским ткачам была оказана поддержка за счет сборов в один пенни среди рабочих окрестных округов — Стейлибриджа, Олдема, Стокпорта, Бери, Уитнелла, Блэкберна, Черч-Париша, Актона, Эруэлл-Вейла, Энфилда, Бёрнли, Колна, Бейкепа и др., — рабочие убедились, что единственным средством противостоять непомерной власти капитала является объединение их собственных рядов. Престонские фабричные магнаты, с своей стороны, разослали тайных эмиссаров с поручением сорвать оказание помощи бастующим и побудить фабрикантов Бёрнли, Колна, Бейкепа и т. д. закрыть свои предприятия и вызвать таким образом общее прекращение работы. В некоторых местах, как, например, в Энфилде, надсмотрщикам было предписано сообщить хозяевам, кто был инициатором движения взаимопомощи и в результате многие сборщики пенсов были уволены. В то время как окрестное рабочее население призывает престонских рабочих сохранять твердость и единство, престонских хозяев встречают громом аплодисментов другие фабриканты, восхваляющие их как истинных героев века.

В Бери дела приняли такой же оборот, как и в Престоне. В Болтоне рабочие, занятые выделкой стеганых одеял, бросили жребий, чтобы решить, кто из них начнет забастовку. Узнав об этом, все хозяева этой отрасли немедленно закрыли свои предприятия.

Наряду с одновременным закрытием фабрик фабрикантами применяются и другие совместные меры. В Китли, например, забастовали работавшие у г-на Ланда ткачи, потребовавшие повышения заработной платы; главной причиной, побудившей их бросить работу, было то, что фабрикант платил им меньше, чем получали ткачи у г-на Андертона в Бингли. Депутация ткачей просила г-на Ланда принять се, но когда депутаты пришли к нему на дом, перед ними вежливо захлопнули двери. А через неделю рабочие г-на Андертона были оповещены объявлением, что заработная плата им будет понижена — для ткачей на 3 пенса с куска, а для чесальщиков шерсти — на 1 фартинг с фунта. Г-н Ланд и г-н Андертон тем временем заключили оборонительно-наступательный союз с целью разделаться с ткачами, работающими у одного из них, путем снижения заработной платы ткачам, работающим у другого. Таким образом, предполагается, что либо ткачи г-на Ланда будут вынуждены

сдаться, либо ткачи г-на Андертона — забастовать, а дополни-тельное бремя второй забастовки лишит забастовщиков всяких шансов на поддержку, и таким образом те и другие рабочие будут вынуждены принять общее снижение заработной платы.

В других случаях хозяева стараются завербовать лавочников против рабочих. Так, г-н Хорсфолл, угольный король, владеющий главной шахтой в Дерби, когда его рабочие забастовали вследствие понижения их заработной платы, отправился ко всем окрестным мясникам, булочникам и бакалейщикам, у которых углекопы покупали продукты, и убеждал их ничего не отпускать в кредит его рабочим.

Во всех местностях, где существует ассоциация для «прекращения волнений среди рабочих», хозяева, вступившие в объединение, установили высокие штрафы, налагаемые на отдельных членов их объединения в случае, если они нарушат устав их лиги или уступят требованиям «рабочих рук». Так, в Манчестере эти штрафы доходят до 5000, в Престоне — до 3000, в Болтоне до 2000 фунтов стерлингов и т. д.

В нынешнем конфликте есть одна черта, которая в первую очередь отличает его от прежних конфликтов. В предшествующие периоды, как, например, в 1832, 1839, 1840 и 1842 гг., идея так называемого *всеобщего праздника [general holiday],* то есть всеобщего и одновременного прекращения работы во всем королевстве, была излюбленной идеей рабочих и той великой целью, к которой они стремились. В настоящее же время именно капитал грозит всеобщим увольнением. Теперь именно хозяева пытаются добиться всеобщего закрытия фабрик. Не думаете ли вы, что в случае успеха это может оказаться очень опасным экспериментом? Уж не намерены ли они толкнуть английский народ на июньское восстание[336], чтобы сломить нарастающий в нем дух возмущения и лишить его сил на многие годы?

При всем этом мы лишены возможности более тщательно следить за симптомами назревающей в Англии гражданской войны, особенно в силу того, что лондонская пресса умышленно закрывает глаза на эти крупнейшие факты, отвлекая в то же время внимание своих читателей описаниями таких пустяков, как банкет, данный г-ном Тайтесом Солтом, одним из фабричных князей Йоркшира, по случаю открытия его дворца-фабрики, на котором по-королевски угощались не только местные аристократы, но и его рабочие. «Благоденствие, здоровье и счастье рабочего класса» — вот тост, который он предложил, как об этом рассказывает своим читателям столичная пресса. Но она не рассказывает о том, что несколькими днями позднее его ткачи,

вырабатывающие полушерстяные ткани, получили извещение о *новом снижении* их заработной платы с 2 шилл. 3 пенсов до 2 шилл. 1 пенни. «Если это означает здоровье или благоденствие для ткачей», — пишет одна из его жертв в «People's Paper», — «то, по крайней мере, я лично не желаю их».

Вы, может быть, читали в «Times», что некая г-жа Мак-Доннел из Нойдарта в Гленгарри, по примеру герцогини Сатерленд, предприняла «очистку» своих имений, чтобы заменить людей овцами. Газета «People's Paper», уведомленная об этом местным корреспондентом, дает следующее красочное описание этой мальтузианской операции:

«Во владениях этой леди жило известное число бедняков-арендаторов; многие из них не были в состоянии платить арендную плату, за некоторыми, *как нам говорили,* числились значительные недоимки. Поэтому леди приказала им всем убираться вон, и им пришлось искать убежище в пещерах и лесах, где они с тех пор обитают или, вернее, умирают, в то время как лошади г-жи Мак-Доннел нежатся в теплых удобных помещениях. Она в то же время предложила изгнанным арендаторам оплатить их проезд в Канаду, — стоимость проезда ниже благотворительных взносов на бедных, — и разрешила им продать их «небольшое имущество», хотя у них нет никакого имущества для продажи, кроме одежды, которую они носят, сломанных столов да ревматических кошек. Наконец, она простила им старые недоимки, которые она все равно не могла получить. Это называется *«благородная щедрость»».*

Подобные выселения, по-видимому, опять начинают практиковаться в горной Шотландии. Так, по крайней мере, сообщает нам сэр Чарлз Форбс, шотландский землевладелец, писавший в «Times», что

«овцеводство становится в настоящее время настолько доходным, что наши английские овцеводы во всякое время найдут выгодным разводить овец и оплачивать выселение тех, кто стоит им поперек пути».

Написано К. Марксом 7 октября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3904, 21 октября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ТУРЕЦКИЙ МАНИФЕСТ. — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ [337]

Лондон, вторник, 18 октября 1853 г.

Турецкий манифест, который был 1 октября направлен четырем великим державам в качестве документа, оправдывающего объявление султаном войны царю, стоит во всех отношениях выше той огромной массы официальных документов, которыми Европа наводнена с мая 1853 года.

В нем говорится, что султан не давал никакого повода для распри. Для нее не оставалось и предлога после того, как был разрешен вопрос о святых местах. Со стороны России имело место нарушение всех договоров, Турция же, со своей стороны, исчерпала все средства примирения. По мнению самих держав, султан не должен был подписываться под нотой князя Меншикова. Как же можно было после этого ожидать, что он одобрит Венскую ноту, которая в общем почти не отличается от ноты Меншикова? Пояснительное послание венского совещания ничего не могло изменить в положении дел. Если Россия неправильно истолковала даже *ясные и определенные* параграфы Кайнарджийского договора, то можно ли идти на риск и «дать ей в руки параграфы *двусмысленные и туманные,* предоставляющие ей серьезный предлог для претензий на религиозный протекторат?» Кроме того, предложенные султаном изменения вполне оправдываются опубликованными позже пояснениями Нессельроде. Оккупация Дунайских княжеств сама по себе создавала casus belli*, и Порта решила теперь признать ее за casus belli. От князя Горчакова потребовали поэтому эвакуации Дунайских провинций. В случае, если по истечении пятнадцати

* — повод к войне. *Ред.*

дней после получения упомянутого предупреждения он даст отрицательный ответ, Омер-паша должен будет начать военные действия, русские представители должны будут оставить пределы Оттоманской империи, и торговые отношения между обеими странами должны прекратиться. Однако русские торговые суда не будут задержаны, а лишь получат приказ покинуть турецкие гавани. Проливы останутся открытыми для прохода торговых судов дружественных держав.

Такова суть манифеста султана.

Турецкий ультиматум был сообщен князю Горчакову 9-го этого месяца. Срок для эвакуации княжеств истекает, таким образом, 25-го. Угрозу начать военные действия все же нельзя понимать в буквальном смысле слова, так как Омер-паша, конечно, не оставит своих сильных позиций, чтобы напасть на русских.

Во вчерашнем номере газеты «Morning Herald» подтверждаются мои высказывания относительно движения русской армии в западном направлении и тайного соглашения с Австрией, о котором это движение свидетельствует*.

Верная старой азиатской системе обмана и мелких уловок, Россия снова пользуется легковерием западного мира и распространяет слух, будто царь *«уже* было послал в *самом срочном* порядке в Вену курьера с заявлением, что он охотно и полностью принимает все условия, предложенные державами-посредниками», как вдруг, к несчастью, «узнал об объявлении войны со стороны Порты». Тогда, естественно, божественный владыка русских взял назад *все уступки,* которые он когда-либо раньше сделал, и воскликнул: «Теперь ничего не остается, кроме войны не на жизнь, а на смерть» (guerre a l'outrance). Таким образом, выходит, что царя вынудил вступить в войну султан.

Австрийский интернунций г-н фон Брук запросил будто бы Порту, думает ли она предложить политическим эмигрантам образовать иностранный легион. Решид-паша ответил, что, несмотря на предложения, которые непрестанно делаются Порте, он не принял еще никакого решения, но в случае, если Турция будет покинута ее союзниками, она сочтет себя вполне вправе применить для своей защиты все средства и привлечь на службу политических эмигрантов, которые рассеяны по разным странам Европы.

В «Constitutionnel» мы читаем:

«Мы имеем основание полагать, что в настоящий момент в Париже и Лондоне уже получены официальные обращения Высокой Порты о помощи со стороны Франции и Англии».

---

* См. настоящий том, стр. 354—355. *Ред.*

В газетах сообщается, что австрийский император* сократил свою армию почти на 100000 человек. Однако истине соответствует только то, что такое количество людей уволено в отпуск, но в любой момент они могут быть снова вызваны в армию. На этот шаг толкнули венский кабинет, с одной стороны, финансовые затруднения, а с другой — надежда таким образом заполучить кредиторов.

Нижеследующая выдержка из лондонского коммерческого бюллетеня относительно хлебной торговли Франции представляется нам интересной для читателей:

«На основании того, что можно было извлечь из весьма обширной корреспонденции для установления действительного положения вещей, мы полагаем, что средний урожай пшеницы во Франции будет на одну треть ниже, причем он будет различным в разных местностях и наиболее неудовлетворительным на юге страны. Правда, газеты, находящиеся под влиянием правительства, пытаются убедить публику, что дело обстоит иначе, но проводимые самим правительством мероприятия достаточно противоречат подобным заверениям печати. Правительство сначала смягчило в пользу Англии действие навигационных актов, а потом окончательно их отменило. Далее, правительство предусмотрело снижение пошлин, размер которых регулировался скользящей шкалой; теперь оно установило минимальные ставки (независимо от деления на районы с различными таможенными ставками, существующего во Франции) и открыло порты для иностранных судов, освободив эти суда от уплаты тоннажного сбора. После этого оно предоставило свободу плавания по всем рекам и каналам иностранным судам с хлебными грузами и рекомендовало железнодорожным компаниям перевозить продовольственные грузы по пониженным тарифам. Оно открыло свободный доступ в Алжир и разрешило алжирским судам любого тоннажа плавание в пределы Франции; оно запретило экспорт картофеля и овощей и не остановилось перед произвольным вмешательством в отношения между продавцами и покупателями на многих рынках. Все это очевидно говорит за то, что либо урожай неудовлетворителен, либо принимаемые меры предосторожности совершенно излишни. Французская торговля в последнее время переживает состояние беспокойства. Дело не в том, что торговцы во всей империи испытывают сомнения в отношении результатов сбора урожая, а в том, что ошибочный шаг, предпринятый правительством, установившим твердые цены на хлеб, внес такое смятение в их среду, что они опасаются заключать сделки. Известно, что как только появился соответствующий декрет, во все стороны полетели телеграммы об аннулировании сделок на хлеб. Невозможно предсказать, какое влияние в конечном счете окажет это мероприятие правительства на цены. Средний валовой сбор пшеницы во Франции, по предварительной оценке, составит 80 млн. гектолитров (около 28 млн. квартеров). Самый высокий валовой сбор за последние 25 лет был в 1847 г. и равнялся 97 млн. гектолитров, а наименьший — в 1830 г. и равнялся 52 млн. гектолитров. Производство пшеницы особенно выросло за последние годы и по своему росту значительно превзошло рост населения, и все же запасы зерна в настоящее время целиком израсходованы, а это является доказательством того, что население питается значительно лучше и живет в лучших условиях, чем оно жило раньше.

* — Франц-Иосиф I. *Ред.*

Следующая таблица показывает прирост населения и увеличение производства пшеницы за последние 25 лет.

Годы	Население	Средний годовой сбор пшеницы за пятилетие (в гектолитрах)			
1831	32 569 223	с 1827	по	1831	57 821 336
1836	33 540 910	» 1832	»	1836	68 684 919
1841	34 240 078	» 1837	»	1841	71 512 259
1846	35 400 436	» 1842	»	1846	72 015 564
1851	35 781 821	» 1847	»	1851	86 124 123

Увеличение потребления в соответствии с ростом населения сделает последствия плохого урожая еще более тяжелыми, так как на складах отсутствуют старые запасы зерна, которые можно было бы использовать, и, разумеется, отсутствуют также и запасы импортного зерна».

О зловещих намерениях правящих классов Англии в отношении Турции можно заключить из проповедей гг. Брайта и Кобдена в Эдинбурге, из речей Гладстона в Манчестере и из намеков, сделанных несколькими газетами о том, что в случае русско-турецкой войны лорд Абердин будет замещен лордом Пальмерстоном, этим рыцарственным противником России.

Сообщения о расследованиях положения в тюрьмах не сходят в настоящее время со страниц прессы. Из того, что уже раскрыто, явствует, что существующий тюремный режим в Бирмингеме предусматривает применение ошейников и пытки приковыванием к стене, в Лестершире — железных скоб, а в Гэмпшире — менее утонченной пытки голодом. И «это называется страна свободы!»

В одной из предыдущих статей я сообщал, что так называемый мир, заключенный с Бирмой, представляет собой лишь перемирие и что новые приобретения явятся неисчерпаемым источником новых осложнений для британских завоевателей*. Последняя сухопутная почта действительно сообщает, что военная партия в Бирме усилилась, что новые территории буквально наводнены многочисленными отрядами разбойников, подстрекаемых правительством Авы и требующих значительного увеличения вооруженных сил в Проме, и что «среди британских войск распространены болезни и сильное недовольство, здоровые же в санитарном отношении участки для бараков еще не найдены».

Позорная беззаботность британских правителей Индии в отношении всего, что касается ирригационных работ, снова вызвала в районе Патны обычную для этой области вспышку холеры и голода, явившуюся следствием длительной засухи.

---

* См. настоящий том, стр. 208—209. *Ред.*

Из только что появившегося в печати отчета я привожу следующие данные о кораблекрушениях, имевших место с британскими и иностранными судами у берегов Соединенного королевства.

Год	Потерпело кораблекрушение	Затонуло из-за течи или столкновений	Выброшено на берег	Потери в людях	Общее число кораблекрушений
1850	277	84	304	784	681
1851	358	—	343	750	701
1852	—	—	—	около 900	1100
Общее число кораблекрушений за 3 года ………….					2482
Потери в людях ……………………………………..				2434	

Написано К. Марксом 18 октября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3912, 31 октября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

К. МАРКС

* АРЕСТ ДЕЛЕКЛЮЗА. — ДАНИЯ. — АВСТРИЯ. — «TIMES» О ПЕРСПЕКТИВАХ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ

Лондон, пятница, 21 октября 1853 г.

Из арестов, произведенных за последнее время в Париже, наиболее важным является арест г-на Делеклюза, личного секретаря г-на Ледрю-Роллена. Он был направлен в Париж с секретной миссией, и, как сообщается, у него были найдены компрометирующие документы. Нельзя понять, как г-н Ледрю-Роллен мог доверять человеку, до сих пор не снявшему с себя подозрения в том, что он в 1848 г. предал бельгийский легион в нашумевшем деле Рискон-Ту[338].

В Копенгагене, по-видимому, неизбежен завершающий акт coup d'etat[*], так как совет министров не идет на уступки, а фолькетинг высказался против отмены существующей конституции до тех пор, пока правительство не представит ему свой собственный проект конституции для всего Датского королевства. Появились два отдельных проекта для герцогств Шлезвига и Гольштейна. Они представляют собой плохое подражание организации старых прусских провинциальных ландтагов: представительство распределяется между несколькими «сословиями», избирательное право ставится в зависимость от владения земельной собственностью и пользование им ограничивается условием «постоянного местожительства» в соответствующем избирательном округе. Самыми примечательными в проектах этих конституций являются два параграфа: согласно одному из них, суды лишаются их старинного права отменять административные постановления, а согласно другому— права голоса лишаются все лица, скомпрометировавшие себя

[*] — государственного переворота. *Ред.*

участием в революционной борьбе 1848—1850 гг., независимо от того, были они впоследствии амнистированы или нет.

Я уже сообщал в своей последней статье, что австрийский указ о сокращении численности армии был задуман лишь в качестве приманки для кредиторов; теперь же, когда всякая надежда получить заем исчезла, когда правительство заявляет, что оно и не намеревалось заключать какой-либо заем, когда оно прибегло к новой эмиссии бумажных денег, теперь нам сообщают, что

«для выполнения императорского указа о сокращении армии не предпринимается никаких мер и, наоборот, все без исключения генералы, командующие войсками в Ломбардии, Венгрии и Хорватии, потребовали дополнительных контингентов вследствие определенного состояния умов в этих странах»,

Парижский корреспондент газеты «Morning Post» сообщает относительно действий русского императора во время его последних визитов в Ольмюц и Берлин следующее:

«Основной целью царя было заключение нового союза между северными державами... Чтобы преодолеть сопротивление Пруссии, он прибегал к любым аргументам, я бы сказал, к предложению любой взятки, ибо он выразил готовность в случае, если ему будет позволено вступить на турецкую территорию и удержать ее за собой, отказаться в пользу Пруссии от оккупации Варшавы и военного господства над Польшей».

Что касается сведений о победах русских над Шамилем, то из полученных в Париже сообщений следует, что эти сведения не более, как плод измышлений, так как на Кавказе не было сколько-нибудь серьезных боев начиная с мая месяца, когда Шамиль одержал победу при Мендохе и русские, предпринимавшие попытки наступления на реке Малке, были отброшены.

«Мы вполне понимаем, насколько популярной будет война против России в интересах поляков или венгров, даже если бы для нашего вмешательства не было иных причин, кроме политических симпатий... Мы, однако, не понимаем войны в интересах турок».

Так писал «Times» 12 октября. Через неделю, в той же газете мы читаем следующее:

«Первое же столкновение между британской и русской армиями послужило бы сигналом для революции на всем континенте, и мы ни в коем случае не считаем невозможным, как, впрочем, не считаем и предосудительным, что подобное соображение могло порой прийти в голову нашим аристократическим, плутократическим, деспотическим и каким угодно, но отнюдь не демократическим руководителям... Мы должны тщательно все обдумать, прежде чем вступать в войну с Россией в защиту *номинального* суверенитета Турции над некоторыми фактически независимыми провинциями, потому что, поступая так, мы вызовем восстание в Австрийской империи».

Итак, то Англии не следует вступать в войну с Россией потому, что, поступая так, она стала бы защищать турок, вместо того чтобы защищать поляков и венгров, то ей не следует этого делать потому, что любая война в интересах Турции была бы одновременно войной в интересах поляков и венгров!

Венская «Presse» сообщает, что султан обратился к Абд-эль-Кадиру с предложением принять командный пост в турецкой армии в случае войны с Россией. Переговоры велись через шейх-уль-ислама, и эмир заявил о своем согласии поступить на службу к Турции, если предварительно на это будет получена санкция Бонапарта. Ему предполагается предоставить пост командира турецкой армии в Азии.

Написано К. Марксом 21 октября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3917, 5 ноября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ АРМИЙ В ТУРЦИИ

За последнее время на театре военных действий в Турции имели место несколько важных передвижений войск, которые дают возможность с большей ясностью судить о позициях и плавах обеих сторон. Русские, — мы говорим о них в первую очередь потому, что они являются наступающей стороной и, следовательно, нужно считать, что инициатива принадлежит им, — продолжают растягивать свою операционную линию к западу. Бригада за бригадой посылались в направлении Видина, на верхний Дунай; и сейчас можно сказать, что линия фронта русской армии проходит от Калафата — напротив Видина, до Ораша — напротив Гирсовы, так что она в равной мере угрожает дороге на Константинополь и дороге в Сербию и Македонию. Уже после первого движения к Калафату было достаточно ясно, что русские несомненно предпримут вторжение к центрам славянского и греческого населения в Турции. В то же время это передвижение позволило предположить, что план кампании предусматривает оборонительные действия и простые демонстрации на прямом пути к Константинополю и энергичные наступательные действия на дороге, ведущей в Софию, а также в Сербии и Македонии. Однако когда осуществлялись эти передвижения, турки еще не объявили войны. Это произошло позднее, и царь, по-видимому, был этим настолько выведен из себя, что он, вероятно, навяжет своим войскам гораздо более энергичный образ действий, нежели тот, какого следовало ожидать раньше. Мало того, что во главе русских сил поставлен князь Паскевич, говорят еще, что он должен привести с собой 40000 солдат из армии, расположенной

в Польше, которая считается в России лучшей после гвардии и гренадерских частей. Такое подкрепление обеспечило бы русским силам превосходство, которое могло бы оправдать наступательные действия как на верхнем, так и на нижнем Дунае, и в то же время его можно рассматривать как противовес французским и английским войскам, которые, по слухам, возможно будут посланы в помощь Турции. Но эти русские подкрепления при любых обстоятельствах не могут прибыть на Дунай так быстро, чтобы еще в этом году принять участие в операциях. Расстояние от Варшавы до Бухареста через Дубно, Хотин и Яссы составляет восемьсот миль по местности, где дневной переход войск не может превышать восьми — десяти миль. Таким образом, эти свежие войска смогут занять свои позиции не раньше чем через три месяца, то есть в начале января; а если принять во внимание время года, то весьма вероятно, что они пробудут на марше еще дольше. Следовательно, вплоть до начала весенней кампании эти войска будут, по-видимому, находиться еще целиком вне сферы военных действий.

Русские силы, расположенные в настоящее время в Дунайских княжествах, исчисляются в 130—150 тысяч человек. Если предположить, что 20—30 тысяч солдат выбыло из строя в результате болезней и дезертирства, то они все же численно превосходят противостоящие им силы турок. Ибо, если о действительной численности русских войск мы можем судить только лишь по количеству направленных в Турцию дивизий и бригад и по численному составу этих соединений согласно их штатному расписанию, то численность турецких войск на Дунае очень хорошо известна из сообщений английских, французских и пьемонтских офицеров, посланных туда их правительствами. И все эти сообщения сходятся на том, что даже после прибытия египетских войск турецкая действующая армия под командованием Омер-паши насчитывала не более 110000 бойцов, из которых только 80000 приходится на регулярные войска. В тылу у нее, в Адрианополе, формировалась резервная армия, которая должна состоять из 80000 солдат редифа (вновь призванных старых солдат), но достоверных сведений о состоянии этого резерва мы не имеем. Таким образом, остается фактом, что в день, когда прозвучит первый выстрел, Омер-паша будет командовать армией, численно уступающей армии его противника, и что кроме серьезных промахов этого противника или безупречного военного руководства с его собственной стороны ничто не сможет спасти его от поражения.

У нас имеются столь же точные сведения о расположении и оборонительных приготовлениях турок. Они создали три линии

укреплений: первую — на Дунае, чтобы помешать противнику форсировать его; вторую — от Варны до Шумлы; третью — в тылу предыдущей, на расстоянии нескольких миль от нее, на реке Камчик — там, где расположена крепость, охраняющая перевалы через Балканы. По описаниям иностранных офицеров укрепления эти столь внушительны, что любые попытки противника овладеть ими вероятно обречены на неудачу. При всем нашем уважении к важному искусству полевой фортификации и к суждению офицеров, составивших это описание, мы позволим себе заметить, что такого рода мнения нужно принимать с большой осторожностью. Столько полевых укреплений, считавшихся неприступными, были, после нескольких залпов картечью, взяты при первом же штурме! И кто не знает, что самые знаменитые из когда-либо возведенных полевых укреплений, — линии Торрес-Ведрас[339], — были сильны не тем, что давали возможность для пассивного сопротивления, а тем, что у Веллингтона было 100000 человек для их защиты, в то время как Массена располагал для их атаки только 30000! Отдельные, изолированные полевые укрепления, например на горных перевалах, часто оказывались чрезвычайно полезными; но в современных условиях не было случая, чтобы превосходящая по силам армия под командованием умелого полководца была разбита в генеральном сражении вследствие пассивного сопротивления, оказываемого полевыми укреплениями. Кроме того, почти все зависит от способа обороны полевых укреплений; недостаточно дисциплинированные или совершенно недисциплинированные войска оказываются весьма мало полезными за бруствером укреплений, если на них обрушивается мощный град картечи.

Однако рассмотрим три оборонительные линии, укрепленные турками. Первая из них идет по Дунаю. Весь смысл создания фортификационной линии по Дунаю сводится к тому, чтобы соорудить такие укрепления, которые помешали бы русским форсировать эту реку. Протяженность Дуная от Гирсовы до моря составляет почти 600 миль; для создания эффективных укреплений на таком широком фронте и для обеспечения их гарнизонами потребовалось бы войск в шесть раз больше тех сил, которыми располагает турецкий командующий, и даже если бы он их имел, он совершил бы величайшую ошибку, используя их подобным образом. Из этого можно заключить, что первая линия укреплений — это всего лишь несколько оборонительных сооружений между Рущуком и Гирсовой, которые могут затруднить форсирование Дуная, но не в состоянии действительно помешать его осуществить.

Вторая позиция — от Шумлы до Варны — та же самая, на которой турки были разбиты в 1829 г. и где они, несомненно, будут уничтожены вновь, если примут здесь решающее сражение. Эта позиция, по-видимому, обладает исключительными преимуществами для обороны и легко может быть значительно усилена искусственным путем. Позиция на реке Камчик, в тылу Варны и Шумлы, вероятно, еще сильнее, и к тому же имеет то преимущество, что противник должен будет оставить в тылу часть своих войск для блокирования вышеупомянутых крепостей. Но у обеих позиций есть серьезный недостаток: у них в тылу имеется лишь один узкий перевал — единственный путь для отступления. Этот недостаток для уступающей по численности армии перевешивает все преимущества. Поэтому решение принять здесь сражение было бы вопиющей ошибкой, если только численно более слабая армия не будет так же уверена, как англичане при Ватерлоо, что в решительный момент во фланг атакующего противника ударит армия союзника[340].

Мы не в состоянии судить о том, как именно Омер-паша намерен использовать эти укрепления. Он, несомненно, очень хорошо понимает, что его роль в войне будет в основном оборонительной, и потому он поступает совершенно правильно, усиливая свои оборонительные позиции всеми средствами, какие предоставляет в его распоряжение фортификационное искусство. Мы не знаем, намерен ли он устрашить русских этими укреплениями и заставить их отказаться от переправы через Дунай в тех пунктах, откуда можно наиболее непосредственно угрожать Константинополю, или же он предполагает принять здесь решающее сражение. Говорят, что он расположил свою армию таким образом, чтобы, в каком бы пункте по направлению к Шумле русские ни переправились через реку, быть всегда готовым обрушиться на передовые части их главной колонны и разбить их прежде, чем смогут прибыть подкрепления. В этом случае вторая линия укреплений обеспечила бы туркам безопасное отступление, если бы операция оказалась неудачной. Но, по правде сказать, большое оборонительное сражение на любой из этих трех позиций было бы ошибкой, так как русские либо сосредоточат для наступления все свои силы, и тогда у Омер-паши будут лишь весьма скудные шансы на успех, либо они разделятся на части, и тогда он будет вынужден покинуть свои укрепленные линии, чтобы напасть на одну из их колонн. Лучший для него способ использования этих укреплений — единственный способ, отвечающий современной системе ведения войны, — это сделать их временной базой для на-

ступательных действий против отдельных русских колонн при переправе их через Дунай, задерживать продвижение русских более или менее упорной обороной каждой линии и с помощью третьей линии удерживать главнейшие перевалы через Балканы до тех пор, пока это можно будет делать, не принимая генерального сражения. В то же время нельзя отрицать, что любые войска, в особенности же турецкие, были бы крайне деморализованы, если бы им пришлось оставить эти укрепления без боя. Ибо если они не в состоянии удержаться за валами и рвами, то как же им разбить русских в открытом поле? Именно так всегда рассуждает рядовой солдат, в особенности, когда он еще недостаточно приучен к дисциплине. Поэтому, если укрепления, о которых идет речь, действительно имеют то значение, которое им приписывают, то мы не можем не считать их более опасными для самих турок, чем для русских.

Но ведь русские тоже укрепились в Валахии? Конечно, но здесь речь идет о другом. Русские являются наступающей стороной; их укрепления служат лишь для того, чтобы в случае неудачи прикрыть отход и задержать преследующие войска; а пути их отхода пересекают одна за другой четыре реки, составляющие соответственно четыре оборонительных линии. Эти линии — Дунай, Арджеш, Бузэу и Серет. Здесь прекрасные условия для создания промежуточных укреплений. Вот те естественные оборонительные линии, которые не являются для европейской армии препятствием при отходе, тогда как при незначительном искусственном усовершенствовании они могут стать серьезным препятствием для преследующих войск. А главное — русские не имеют намерения принять здесь генеральное сражение при наличии у себя в тылу одной лишь линии отхода. Насколько мы можем судить, русские укрепления несомненно соответствуют европейской системе ведения войны, в то время как турецкие укрепления носят еще по преимуществу азиатский характер. Такая же непродуманность составляет главную особенность и общего расположения турецких войск. Для обороны Константинополя турки сосредоточили свои силы вокруг дороги, ведущей к нему ближайшим путем, в то время как русские, по-видимому, намерены направить свой первый удар не на этот город, а на центральную часть полуострова, где турецкое владычество наиболее уязвимо и где для русской армии лежит кратчайший, в конечном счете, путь к столице Турции.

Существует, впрочем, одно обстоятельство, о котором не следует забывать. Русская армия является и всегда была медлительной и осторожной в своих передвижениях. В течение

зимы она, по всей вероятности, действовать не будет. Возможен ряд стычек, вызванных стремлением одной из сторон захватить у другой тот или иной остров на Дунае. Но если только царь не прикажет действовать чрезвычайно активно, — а такой приказ был бы, по всей вероятности, сорван пассивностью и педантизмом его генералов, — мало вероятно, чтобы решающие маневры были предприняты до весны. Форсирование Дуная, правда, возможно, но Балканы преодолеть не удастся, а позиции русской армии между этой рекой и горным хребтом были бы в высшей степени опасными.

Тем временем турки направили в Варну свой флот. Адмирал Слейд, англичанин, который командует им, видимо, настроен весьма радужно. Но это также весьма рискованный шаг. Правда, русский флот, по всей вероятности, уступает турецкому во всем, кроме численности; но до тех пор, пока у русских будет вдвое больше орудий и линейных кораблей, чем у турок, последние не смогут решиться на сражения вне зоны досягаемости своих береговых батарей. А если это так, то их флот занимал бы лучшую и более безопасную позицию, находясь в Босфоре, где русские едва ли попытаются его блокировать. В Варне турецкий флот рискует оказаться полностью парализованным, тогда как в Босфоре он сохранил бы за собой свободу действий и мог бы быть использован для экспедиций к Трапезунду, к берегам Кавказа и против отдельных баз русского флота.

Следовательно, мы волей-неволей вынуждены признать, что во всех отношениях русские превосходят турок. Удастся ли Омер-паше, этому бесспорно способному военачальнику, изменить соотношение сил благодаря своим личным качествам, покажет будущее. Однако старик Паскевич — генерал, хотя и медлительный, но опытный, и провести его будет не так-то легко.

Написано Ф. Энгельсом около 21 октября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3919, 8 ноября 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

На Дунае началась, наконец, война — война религиозного фанатизма с обеих сторон, война за осуществление традиционных честолюбивых целей — со стороны русских, война не на жизнь, а на смерть — со стороны турок. Как и следовало ожидать, Омер-паша первый начал настоящие военные действия. Ему по долгу надлежало произвести ту или иную демонстрацию готовности изгнать вторгшегося неприятеля силой оружия из пределов Оттоманской империи. Ни в коем случае, однако, нельзя считать достоверным, что он перебросил через Дунай от 30000 до 50000 человек, как об этом распространяют слухи из Вены; если же он это действительно сделал, то есть основания опасаться, что он допустил роковую ошибку. Берег, который он покидает, обеспечивает ему хорошую позицию и богатые средства обороны; на берегу, который он стремится занять, он будет располагать меньшими, чем у противника, силами для наступления и будет лишен путей отхода в случае поражения. Поэтому сообщение о переходе его через Дунай с такими силами следует взять под сомнение до получения более точных известий.

Если в Европе война началась для турок при неблагоприятных обстоятельствах, то иначе обстоит дело в Азии. Здесь территория у границы между Турцией и Россией разделяется с военной точки зрения на два совершенно обособленных театра военных действий. Горный хребет, или, вернее, ряд хребтов, связывает Кавказ с плоскогорьем центральной Армении и образует водораздел между реками, впадающими в Черное море, и Араксом, несущим свои воды в Каспийское море, а также Евфратом,

впадающим в Персидский залив. Этот хребет, который раньше отделял Армению от Понта, разделяет теперь две обособленных области, в которых должна будет вестись война. Представляя собой цепь круто обрывающихся и почти голых скал, он пересекается очень немногими дорогами, из которых наиболее важны две, идущие от Трапезунда и Батума на Эрзерум. Таким образом, эти вершины можно считать почти непреодолимыми для каких-либо военных целей, что вынуждает обоих противников иметь по обе стороны их особые воинские соединения, которые будут действовать более или менее независимо друг от друга.

Местность на побережье Черного моря прорезывается множеством рек и горных потоков, которые образуют столько же военных оборонительных позиций. Как русские, так и турки имеют укрепленные посты в важнейших пунктах. В этой и о преимуществу пересеченной местности (только долина реки Рион образует своего рода равнину) оборонительная война могла бы с большим успехом вестись против обладающей численным превосходством армии (так как благодаря горам лишь немногие) позиции могут быть обойдены со стороны суши), если только эта армия не будет взаимодействовать с соответствующими соединениями флота. Приближаясь к побережью и высаживая, в случае необходимости, десанты на фланге противника, в то время как армия ведет боевые действия с фронта, флот мог бы обойти все эти сильные позиции одну за другой и нейтрализовать, а то и уничтожить укрепления, которые ни на той, ни на этой стороне от границы не являются сколько-нибудь внушительными. Таким образом, побережье Черного моря принадлежит тому, кто господствует на море; или, другими словами, если союзные флоты не станут активно взаимодействовать с турками, то это побережье будет, по всей вероятности, принадлежать русским.

Удаленная от моря местность, на противоположных склонах гор, представляет собой область, в которой берут начало Евфрат, Аракс и Кура. Турецкая провинция Армения находится по одну сторону границы, русская провинция Грузия — по другую. Эта местность также чрезвычайно гориста и для армий, в общем, непроходима. Эрзерум с турецкой стороны, Тифлис — с русской, можно считать двумя непосредственными операционными базами, потеря которых привела бы неизбежно к потере всей прилегающей области. Поэтому успешный штурм Эрзерума русскими решил исход кампании в Азии в 1829 году[341].

По то, что для одной стороны является непосредственной операционной *базой,* для другой будет служить непосредственным *объектом* операций. Поэтому дороги, которые связывают

Тифлис и Эрзерум, станут операционными линиями для обоих противников. Существуют три дороги: одна идет вдоль верхней Куры через Ахалцих, другая — вдоль верхнего Аракса через Эривань, третья — между двумя первыми через горы на Карс. Все эти дороги охраняются с обеих сторон укрепленными городами и постами, и трудно решить, какая наиболее удобна для турок и какая для русских. Достаточно сказать, что ахалцихская дорога явилась бы для турецких войск наиболее прямым путем в восставшие области Кавказа, но русские войска, которые двинулись бы из района Батума через долину Чороха, от Олт на Эрзерум, могли бы обойти продвинувшихся вперед турок. Дорога из Батума соединяется с дорогой из Тифлиса всего лишь в пятнадцати милях от Эрзерума, так что русские войска, которые выступили бы в указанном направлении, получили бы возможность перерезать коммуникации турок и, будучи достаточно сильными, могли бы даже овладеть Эрзерумом, укрепления которого являются чисто азиатскими по своему характеру и не могут служить серьезным препятствием.

Ключевой позицией на театре военных действий в Азии по обе стороны горной цепи является, следовательно, Батум, и, имея в виду это обстоятельство, а также учитывая значение Батума для торговли, не приходится удивляться, почему царь всегда старался его захватить. Более того, Батум является ключом к театру военных действий во всей Азиатской Турции, потому что он господствует над единственной проходимой дорогой, идущей от побережья внутрь страны, — дорогой, которая ведет в обход всех турецких позиций перед Эрзерумом. И тот из двух флотов в Черном море, который заставит своего противника уйти обратно в его гавани, будет господствовать над Батумом.

Русские прекрасно понимают важность этого пункта. Морем и по суше они перебрасывали подкрепления на побережье Закавказья. Еще недавно можно было верить тому, что турки, будучи более слабыми в Европе, пользуются значительным превосходством в Азии. Сообщалось, что командующий турецкой армией в Азии Абди-паша располагает 60000 или 80000, а то и 120000 человек и что ежедневно под его знамена тысячами стекаются бедуины, курды и другие воинственные нерегулярные войска. Говорили, что для кавказских, повстанцев имеются запасы оружия и снаряжения и что как только война будет объявлена, турецкие войска должны двинуться в самый центр этого очага сопротивления России. По этому поводу надо заметить, что Абди-паша едва ли может иметь более 30000 регулярных войск и что прежде, чем достичь Кавказа, ему придется с этими силами — и только с этими силами — встретиться

с упорным сопротивлением русских батальонов. Его конные бедуины и курды могут быть превосходно использованы для военных действий в горах, для того чтобы принуждать русских значительно распылять свои войска и тем самым ослаблять свои главные силы; они могут причинить много вреда деревням грузин и русских колонистов на русской территории и даже установить нечто вроде тайной связи с горцами Кавказа. Но успех нерегулярных войск останется преходящим, если регулярные войска Абди-паши окажутся не в состоянии блокировать дорогу из Батума на Эрзерум и разбить ядро той действующей армии, которую смогут сосредоточить русские. Поддержка со стороны регулярной армии в наше время необходима для успешного ведения любых повстанческих или иррегулярных военных действий против сильной регулярной армии. Положение турок на этой границе сходно с положением Веллингтона в Испании, и мы увидим, сумеет ли Абди-паша распорядиться своими силами так, как это сумел сделать британский генерал против врага, который значительно превосходил его в ведении регулярной войны и имел значительно больше необходимых для этого средств. В 1829 г. русские войска в Азии, сосредоточенные перед Эрзерумом, насчитывали всего 18000 человек; принимая во внимание преобразования, которые были проведены с тех пор в турецкой армии (хотя на той части армии, которая расположена в Азии, они отразились менее всего), мы считаем, что русские будут иметь большие шансы на успех, если они смогут сейчас сосредоточить в этом же месте в один кулак 30000 человек.

Кто в настоящий момент может предсказать, удастся им это или нет, когда о русской армии в Азии имеется еще меньше достоверных данных и распространено еще больше слухов, чем о русской армии в Европе? Официально кавказская армия в полном составе насчитывает 200000 человек; 21000 черноморских казаков была отправлена к турецкой границе; несколько дивизий, как утверждают, было послано на кораблях из Одессы в Редут-Кале, в южную часть кавказского побережья. Но каждому известно, что кавказская армия не насчитывает и половины своего официального списочного состава и что подкрепления, которые были посланы по ту сторону Кавказского хребта, не могут, по понятным причинам, иметь той численности, о которой сообщают русские газеты. На основании же получаемых нами противоречивых сведений мы совершенно не в состоянии составить хотя бы приблизительное представление о численности русских войск на азиатской границе. Мы можем, однако, сказать, что, по всей вероятности, силы обеих

сторон почти уравновешивают друг друга (немедленное всеобщее восстание кавказцев исключено), что турки, может быть, обладают несколько большей численностью, чем русские, и поэтому имеют все основания предпринять на этом театре военных действий *наступательные* действия.

В Азии турки имеют действительно более обнадеживающие шансы, чем в Европе. Они должны здесь удерживать лишь один важный пункт — Батум. А продвижение вперед в сторону Кавказского хребта — будь то из Батума или из Эрзерума — в случае успеха обеспечит им прямую связь с их союзниками, горцами, и позволит сразу же отрезать от России, по крайней мере с суши, русскую армию, находящуюся на Южном Кавказе, что может привести к полному уничтожению этой армии. С другой стороны, турки, в случае своего поражения, рискуют лишь потерять Батум, Трапезунд и Эрзерум; но если бы даже это случилось, русские все же не будут располагать достаточными силами, чтобы двинуться дальше. Выгоды намного перевешивают те потери, которые могут быть понесены в случае поражения, а потому, исходя из этих разумных и здравых соображений, турки, по-видимому, решились вести в этом районе наступательную войну.

Написано Ф. Энгельсом, около 27 октября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3925, 15 ноября 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВОЙНА. — ЗАБАСТОВКИ. — ДОРОГОВИЗНА ЖИЗНИ

Лондон, вторник, 1 ноября 1853 г.

Едва до Лондона успели дойти известия о канонаде под Исакчей[342], как уже из Вены в Париж и Лондон было сообщено по телеграфу, что Порта, по требованию представителей четырех держав, отдала приказ об отсрочке военных действий, если они еще не начались, до 1 ноября. Следует ли рассматривать обмен орудийными залпами под Исакчей как начало военных действий? Вот вопрос, который волнует фондовую биржу и прессу. По моему мнению, все это не имеет никакого значения, так как при всех обстоятельствах срок *перемирия* сегодня должен истечь.

По слухам, турецкая армия перешла Дунай у Видина и Мэчина, то есть на юго-восточной и северо-западной границах Болгарии. Достоверность этого сообщения представляется весьма сомнительной. Согласно парижской «Presse» за сегодняшнее число, на военном совете, происходившем 15 или 16 октября в сераскирате[343], было решено, что лишь только станет известен официальный отказ князя Горчакова очистить Дунайские княжества, — военные действия будут начаты в двух различных пунктах в Азии: против крепости Поти на Черном море и на границе Грузии. Та же газета сообщает, что генерал Бараге д'Илье, только что назначенный французским послом в Константинополе, отправился в Турцию в сопровождении штаба, состоящего из офицеров инженерных войск и артиллерии. Г-н Бараге известен как плохой генерал и хороший интриган. Напомню вам о его подвигах в знаменитом клубе на улице Пуатье[344].

В то время как в войне русских против Европы прогремели первые пушечные выстрелы, в войне капитала против труда,

которая теперь бушует в промышленных округах, пролилась первая кровь. В пятницу вечером в Уигане произошли волнения, причиной которых послужил конфликт между углекопами и угольными королями. В субботу, как сообщали, в городе царило полное спокойствие, но сегодня телеграф доставил нам известие, что на шахте лорда Кроφорда, или графа Балкарреса, углекопы произвели нападение, что были вызваны войска, что солдаты стреляли и один из рабочих убит. Так как я должен получить частную информацию с места происшествия, я откладываю свой отчет об этом событии и хочу лишь предостеречь ваших читателей против отчетов «Daily News» и «Times», потому что первая из этих газет непосредственно оплачивается манчестерской школой, а последняя, как справедливо замечает «Morning Herald», является «заядлым, непримиримым и беспощадным врагом рабочего класса».

В 1842 г., когда манчестерская школа, выступая под знаменем свободы торговли, вовлекла промышленный пролетариат в инсуррекционное движение и предательски покинула его в момент опасности[345], как об этом открыто заявил в палате общин господам Кобденам сэр Роберт Пиль, — в этот период лозунгом манчестерцев было: *«дешевые продукты питания и высокая заработная плата».* Но едва были отменены хлебные законы и осуществлена свобода торговли в том смысле, как ее понимают манчестерцы, — их боевой клич стал иным: *«низкая заработная плата и дорогие продукты питания».* С принятием правительством манчестерской торговой системы промышленные магнаты взяли на свои плечи задачу, разрешение которой невозможно при режиме их господства, — задачу обеспечения непрекращающегося промышленного оживления и торгового процветания. Этим она отрезала себе всякий путь к отступлению на случай бедствия. Теперь уже нельзя было, как в 1831 г., морочить массы парламентской реформой; влияние на законодательство, завоеванное для буржуазии движением за эту реформу, было целиком использовано ею против рабочего класса; тем временем последний создал свое собственное политическое движение — чартизм. Теперь уже нельзя возлагать на аристократов-протекционистов ответственность за все аномалии промышленной системы и за те грозные конфликты, которые сама эта система порождает в своих недрах, ибо уже прошло почти восемь лет как существует свобода торговли, введенная при необычайно благоприятных обстоятельствах, при наличии Калифорнии и Австралии — этих двух золотоносных миров, как бы экспромтом созданных силой вдохновения современного *демиурга.* Так постепенно, шаг за шагом,

промышленная буржуазия своими собственными руками разрушала все заботливо выращенные иллюзии, которые она могла бы использовать в час опасности, для того чтобы отвлечь возмущенный рабочий класс от его подлинного врага и направить его возмущение против врага самих промышленных магнатов — против земельной аристократии. В 1853 г. было покончено с лицемерным обманом, к которому прибегали хозяева, и с наивными иллюзиями, которые питали рабочие. Война между обоими этими классами приобрела острые формы, стала открытой, официально признанной и для всех очевидной. «Дело идет, — восклицают хозяева в одном из своих последних манифестов, — уже не о *заработной плате,* а о том, *кто должен господствовать».* Манчестерские либералы наконец сбросили с себя львиную шкуру. Они добиваются лишь одного — господства для капитала и рабства для труда.

Локауты против *стачек* —вот великая тяжба, происходящая сейчас в промышленных округах, и приговор по этому делу, вероятно, будет вынесен штыками. Целая промышленная армия, более чем 70000 рабочих, расформирована и выброшена на улицу. К закрытым в Престоне и Уигане фабрикам прибавились фабрики Бейкепского округа, в который входят такие районы, как Бейкеп, Ньючерч, Ротенсталл, Шарнфорд и Станфорд. В Бёрнли фабрики прекратили работу в прошлую пятницу, в Падихеме—в субботу; в Акрингтоне хозяева замышляют объявить локаут; в Бери, где не работает уже 1000 человек, хозяева сделали предупреждение своим рабочим о том, что они «объявят локаут, в случае если не будут прекращены сборы в пользу бастующих в этом городе, а также в Престоне»; в Киндли после полудня в субботу были закрыты три крупных фабрики и таким образом еще более тысячи человек осталось без работы.

В то время как в Эдинбурге лицемерная, прикрывающаяся фразами злобная клика манчестерских обманщиков твердила о мире с царем[346], в Манчестере она вела войну против своих собственных соотечественников. Проповедуя *арбитраж* между Россией и Европой, она высокомерно отклоняла все предложения об арбитраже, исходившие от ее собственных сограждан. Рабочие Престона на одном митинге под открытым небом приняли резолюцию о том, «что делегаты фабричных рабочих рекомендуют мэру созвать открытое собрание фабрикантов и рабочих для мирного разрешения существующего спора». Но хозяева не желают *арбитража.* Они добиваются лишь *диктата.* В тот самый момент, когда разгорается европейская война, эти прорусские пропагандисты кричат о сокращении армии и в то же время увеличивают армию для

гражданской войны — полицейские силы в Ланкашире и Йоркшире. Обращаясь к рабочим, мы можем только присоединиться к словам «People's Paper»:

«Если они закроют все фабрики в Ланкашире, посылайте делегатов в Йоркшир, ищите поддержки у доблестных рабочих Уэст-Райдинга. Если закроются фабрики и в Уэст-Райдинге, обращайтесь к Ноттингему и Дерби, Бирмингему и Лестеру, Бристолю и Нориджу, Глазго и Киддерминстеру, Эдинбургу и Ипсвичу! Все громче и громче, все шире и шире пусть раздается ваш призыв! Объединяйте ваш класс в каждом городе, в каждой отрасли труда? Если предприниматели намерены выставить против вас все силы своего сословия, призовите в боевые ряды против них весь вага класс. Если они хотят великой классовой борьбы, *пусть получат ее,* посмотрим, каков будет исход этой грандиозной схватки»[347].

В то время как, с одной стороны, идет борьба между хозяевами и рабочими, с другой стороны, идет борьба торговли с переполнением рынка товарами, а также борьба человеческого трудолюбия с бедствиями, вызываемыми самой природой.

В самый начальный период китайской революции я обратил внимание ваших читателей на разрушительное влияние, которое она, вероятно, окажет на социальное положение Великобритании*.

«Восстание в Китае», — сообщает ныне «Examiner», — «безудержно распространяется в чайных районах; в результате — *цены* на чаи *повышаются* на лондонском рынке, а *цены* на миткаль *падают* на шанхайском».

В бюллетене ливерпульской фирмы гг. Башби и К° мы читаем:

«В Шанхае к открытию чайного рынка цены были на 40—50 процентов выше, чем в прошлом сезоне. Запасы были незначительны, а новые партии чая прибывают медленно».

По последним сведениям из Кантона,

«повстанческое движение постепенно распространяется по всей стране, *угрожая совершенно разорить торговлю;* промышленные изделия, почти без исключения, упали в цене; в некоторых случаях падение цен весьма значительно. Запасы велики и быстро растут, и мы опасаемся, что перспективы на улучшение весьма шатки. В Амое торговля импортными товарами, если не считать нескольких ящиков опиума, в настоящее время видимо прекратилась».

О положении на шанхайских рынках пишут следующее:

«Как черный чай, так и шелк-сырец свободно предлагались для продажи, но владельцы выдвигали такие условия, которые сильно ограничивали операции; *не проявлялось никакого желания брать в обмен промышленные товары,* и сделки заключались главным образом с помощью опиума — шедшего по очень низким ценам — и серебряных слитков, привезенных из Кантона. Оттуда вывезено огромное количество ценностей, но запасы их быстро приходят к концу, и нам приходится искать в других

* См. настоящий том, стр. 98—105. *Ред.*

местах серебряные слитки и монеты, без которых мы скоро не сможем закупать продукцию, если только в торговле импортными товарами не наступит значительное улучшение. Операции в этой области весьма ограничены и сводятся главным образом к продаже бракованных товаров с аукциона».

В торговом бюллетене манчестерской фирмы гг. Гибсон и К° от 21 октября отмечается, что главнейшая причина нынешней депрессии состоит в том, что

«не только в настоящее время прибывают плохие известия с нашего великого китайского рынка, но и существует перспектива дальнейшего получения подобных известий в силу недоверия к денежным сделкам, что неизбежно будет в течение длительного времени являться следствием всеобщих и коренных перемен, которые, по-видимому, будут произведены в управлении и учреждениях этой огромной империи».

Что касается австралийских рынков, то «Melbourne Commercial Circular» сообщает:

«Если товары, закупленные всего около месяца тому назад и тогда же доставленные по назначению, были проданы с прибылью, составившей не менее 100—150 процентов, то в настоящее время выручки не хватило бы для покрытия расходов».

Полученные на прошлой неделе частные письма из Порт-Филиппа также доставили крайне неблагоприятные сведения о положении на рынках. Поток товаров продолжает идти со всех концов мира, но цены, по которым их можно было бы продать, настолько низки, что во избежание немедленных убытков значительное число судов приобретается для использования вместо складов.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что торговые бюллетени продолжают отмечать застой и падение цен на рынках промышленных округов. Так, в бюллетене манчестерской фирмы гг. Фрейзер, сын и К° от 21 октября мы читаем:

«Размеры операций как во внутренней, так и во внешней торговле были крайне ограничены, и цены повсеместно в большей или меньшей степени упали. Можно констатировать, что продолжали понижаться в цене: набивной ситец размером 7 на 8 и мадеполам на $1^1/_2$—3 пенса за кусок; материал для рубашек длиной в 50—66 ридов* и шириной в 34—36 дюймов на $4^1/_2$—6 пенсов за кусок; 36—72-ридовый материал для рубашек на 3 пенса за кусок; 39-дюймовый материал для рубашек низкого сорта весом от $5^1/_4$ до 6 фунтов приблизительно на $4^1/_2$ пенса за кусок; материал для рубашек шириной в 39 дюймов и длиной в 60—64 рида на 3 пенса за кусок; 45—54-дюймовый материал для рубашек на $4^1/_2$—$7^1/_2$ пенсов за кусок; жаконет низкого сорта номера 5—8 на $1^1/_2$ пенса, а клетчатый жаконет номера 14—16 на 3 пенса за кусок; ткани «Т» на $1^1/_2$ пенса, длинные ткани на 3 пенса за кусок, а домотканный материал разных сортов приблизительно на 1—16 пенсов за ярд. Из пряжи упали в цене муаровые нитки,

* Рид — около 3 метров. *Ред.*

главным образом низких и средних сортов: они стоят, по-видимому, ниже на $^1/_4$— $^1/_2$ пенни по сравнению с расценками прошлого месяца. Из тонкой пряжи особенно пострадал номер 40, который продавался со скидкой в целый пенни на фунт по сравнению с наивысшей ценой текущего года. Другие виды пряжи стоимостью от 20 шилл. и дороже, до 60 шилл., также испытали падение цен».

Относительно положения на продовольственном рынке лондонская газета «Weekly Dispatch»[348] сообщает:

«Что касается пшеницы, то, по мнению фермеров, приступающих к молотьбе и подсчету своей продукции, урожай будет еще меньшим, чем они предполагали. Они даже называют его *половинным урожаем».*

К тому же вот уж около двух недель стоит весьма неблагоприятная для сева пшеницы и уже сделанных посевов ненастная погода, внушающая серьезные опасения насчет урожая 1854 года.

Из Оксфордшира сообщают следующее:

«Что касается урожая пшеницы, то в целом он на редкость скудный; фермы, обычно производящие от 40 до 44 бушелей с акра, в этом году дали лишь 15—20 бушелей, а некоторые хорошо возделанные пшеничные и бобовые поля дают всего лишь 8—10 бушелей с акра. Урожай картофеля, сильно пострадавшего от картофельной болезни, незначителен».

Из Йоркшира сообщают:

«Из-за дождей совершенно прекращены всякие полевые работы, а остатки нынешнего урожая — к сожалению, это относится ко всем бобовым, большей части яровой пшеницы и отчасти к овсу, — ввиду того, что их не уберегли от действия дурной погоды, настолько отсырели, что не приходится надеяться даже на то, чтобы их можно было обмолотить после сухих весенних ветров. К тому же зерно сильно проросло, и несомненно, что значительная часть этих последних ресурсов неизбежно будет потеряна. Из нижеследующего можно получить некоторое представление о размерах потерь, о которых здесь идет речь. Начиная от Тиса и оттуда до Каттерика, в Стоксли, затем во всей низменной части Кливленда, далее к востоку от Терека до моря, к западу от Харрогета и от Хамбера до моря огромное количество злаков находится под дождем и портится от сырости; не менее 50 процентов картофеля безнадежно повреждено болезнями; кроме того, снова появился спрос на семена, а запасы старого зерна невелики. *Совершенно очевидно, что все производящие пшеницу районы страны испытали недород и потери урожая, каких еще никогда не было на нашей памяти».*

Из Хартфордшира пишут:

«Является чем-то совершенно необычным то обстоятельство, что в это время года *в нашей местности еще не закончена уборка урожая.* Тем не менее, это — факт; со многих полей еще не свезен овес, не свезена значительная часть урожая яровых бобовых растений, а кое-где даже ячмень; есть даже поля, на которых еще не сжаты ранние яровые хлеба».

В «Economist» за прошлую субботу помещена следующая таблица, показывающая количество пшеницы и других видов зерна, а также муки грубого и тонкого помола всех видов, ввезенных в Соединенное королевство в промежуток времени от 5 января до 10 октября 1853 года.

Экспортирующие страны	Пшеница (в квартерах)	Пшеничная мука, или крупчатка (в центнерах)	Всего зерна всех видов (в квартерах)	Всего муки грубого и тонкого помола всех видов (в центнерах)
Россия через северные порты	69 101	64	307 976	65
» через черноморские порты ....……………	704 406	—	1 029 168	—
Швеция ....…...	3 386	13	8 809	13
Норвегия ....……	—	1	561	1
Дания ……………………………	220 728	5 291	733 801	5 291
Пруссия …………………………	872 170	3 521	899 900	3 521
Мекленбург-Шверин ....………..	114 200	—	123 022	—
Ганновер ....……….........	19 187	—	146 601	—
Ольденбург ....…………………...	2 056	—	19 461	—
Ганзейские города …...................	176 614	53 037	231 287	53 066
Голландия .....…...........................	58 034	306	132 255	308
Бельгия ......…...............................	15 155	353	20 829	353
Нормандские острова (заграничная продукция) ...…………..........	526	4 034	629	4 034
Франция …...................................	96 652	857 916	470 281	858 053
Португалия ………..........................	4 217	4	21 657	4
Азорские острова ………………	630	—	14 053	1
Испания..........….........................	13 939	177 963	48 763	177 985
Гибралтар ....……......................	—	9	4 368	9
Италия: Сардинские владения .....……………………..	7 155	2 263	8 355	2 263
Тоскана ....……........................	48 174	67 598	45 597	67 598
Папская область ..………...............	39 988	—	41 488	—
Неаполь и Сицилия ……………..	8 618	2	11 977	2
Австрийские владения …............	44 164	370	106 796	370
Мальта ……………………………	28 569	—	56 281	—
Ионические острова …................	82	—	16 220	—
Греция ……………….................	1 417	—	10 221	—
Валахия и Молдавия ……............	209 048	—	601 481	—
Сирия ……...................................	21 043	—	24 686	—
Египет ………..............................	297 980	—	543 934	—

Продолжение

Экспортирующие страны	Пшеница (в квартерах)	Пшеничная мука, или крупчатка (в центнерах)	Всего зерна всех видов (в квартерах)	Всего муки грубого и тонкого помола всех видов (в центнерах)
Другие турецкие владения…………..	218 407	7 370	689 703	7 370
Алжир ………………………….....	—	—	21 661	—
Марокко ……………………………..	3	3	13 451	—
Британская Ост-Индия .....……….....	—	205	—	205
Британская Северная Америка ……..	45 587	232 216	62 626	232 493
Соединенные Штаты Америки …….	434 684	2 388 056	630 324	2 389 283
Бразилия ....………………..........	—	3	237	320
Другие страны ………....................	1	148	8	148
Итого ………..................................	3 770 921	3 800 746	7 093 458	3 802 743
Эквивалент 3 800 746 центнеров пшеничной муки ……………………	1 085 927			
Всего пшеницы (зерна и муки) ………....................	4 856 848			
Эквивалент 3 802 743 центнеров муки грубого и тонкого помола……….			1 086 522	
Итого зерна и муки тонкого и грубого помола............……………….....			8 179 980	

Чтобы рассеять опасения торговцев из Сити, «Economist» делает из вышеприведенной таблицы следующие выводы:

«В 1847 г., невзирая на такой исключительный стимул, как высокие цены, мы ввезли за весь год пшеницы зерном и мукой лишь 4464000 квартеров. За девять месяцев текущего года мы, не имея такого стимула, если не считать последних двух месяцев, ввезли 4856848 квартеров. Поэтому по поводу влияния столь обширного импорта на наше внутреннее снабжение *можно утверждать одно из двух:* либо эта импортированная пшеница в значительной степени пошла на потребление и тем самым в такой же мере сберегла нам собственную продукцию, либо она *хранится в амбарах* и пригодится впоследствии».

Однако этой дилеммы не существует. Вследствие уже состоявшихся иди ожидаемых запрещений вывоза хлеба из континентальных стран хлебные торговцы сочли целесообразным пока

ссыпать свои запасы в амбары в Англии, где они могут впоследствии пригодиться, в случае если цены на хлеб в Англии поднимутся выше, чем на континенте. Кроме того, в противоположность 1847 г., запасы в странах, могущих испытать на себе последствия русско-турецкой войны, достигают 2438139 квартеров зерна и 43727 центнеров муки. Вывоз из Египта также будет запрещен после 30 ноября. Наконец, Англия может в этом году рассчитывать только на обычный *ежегодный* излишек в других странах, тогда как перед отменой хлебных законов она имела в своем распоряжении в периоды недостатка хлеба запасы иностранных государств, накапливавшиеся там в периоды обильных урожаев.

«Weekly Times», со своей точки зрения, так оценивает положение :

«Четырехфунтовый каравай стоит шиллинг, установилась такая скверная погода, какой в это время не было ни разу в течение полустолетия, рабочий класс охватила стачечная горячка, среди нас снова свирепствует азиатская холера и мы одержимы манией войны. Нам не хватает только военных налогов и голода, чтобы список бедствий Англии оказался полным».

Написано К. Марксом, 1 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3925, 15 ноября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

*ПЕРСИДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АФГАНИСТАН И РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ. — ДАНИЯ.— ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ДУНАЕ И В АЗИИ. — УИГАНСКИЕ УГЛЕКОПЫ [349]

Лондон, пятница, 4 ноября 1853 г.

Персидский посол при Сент-Джемском дворе Шафи-хан неожиданно отозван шахом из Англии. Это отозвание удивительным образом совпадает с операциями Персии в Афганистане[350], где она, как говорят, заняла Герат, а также с русской экспедицией в Хиву[351], столицу Хивинского ханства. Персидскую и русскую экспедиции можно рассматривать, как два похода, направленных, один с запада, другой с севера, на Пенджаб — северный аванпост английских владений на Востоке. Русской экспедицией командует генерал Перовский, тот самый, экспедиция которого в Хиву в 1839—1840 гг. оказалась неудачной. За последние годы русские создали флотилию на Аральском море и могут теперь подняться вверх по Аму-Дарье.

Большая русская эскадра крейсирует в Балтийском море, где она недавно имела возможность разведать укрепления Слите и гавань шведского острова Готланда, которым Россия жаждет завладеть так же, как она завладела Аландскими островами, расположенными вблизи побережья Швеции и сильно укрепленными Россией в 1836 году. От Готланда русский флот проследовал в Каттегат и Зунд с целью поддержать coup d'etat*, намечаемый датским королем на тот весьма вероятный случай, если сейм в Копенгагене откажется покорно принять так называемую конституцию для всего государства (Gesammt-Staats-Verfassung), октроированную великодушным царем. Положение в Копенгагене таково: датскому правительству удалось добиться отмены Lex Regia и введения нового закона о

* — государственный переворот. *Ред.*

престолонаследии благодаря поддержке со стороны членов крестьянского союза. Эта партия, возглавляемая полковником Чернингом, стремится главным образом к превращению Feste Gut — разновидности феодального крестьянского держания — в свободную собственность и изданию муниципальных законов, благоприятствующих интересам крестьянства и улучшению его положения. Национально-либеральная партия в собственном смысле слова— партия эйдердатчан, которая образовала в 1848 г. министерство «Казино»[352], навязала королю конституцию 1849 г. и вела войну против Шлезвиг-Гольштейна, — состоит по преимуществу из лиц интеллигентных профессий и подобно всем другим либеральным партиям на континенте пренебрегает необходимостью учитывать интересы основной массы парода, которую в Дании составляют крестьяне. Таким образом, она лишилась своего влияния на народ, и правительству удалось почти совершенно не допустить ее в состав нынешнего фолькетинга, где сейчас едва ли насчитывается более десяти ее представителей. Однако правящие круги, избавившись с помощью членов крестьянского союза от ненавистной им оппозиции эйдердатчан, сбросили маску, назначили премьер-министром г-на Эрстеда, фигуру, одинаково одиозную для обеих партий, и не только перестали заискивать перед крестьянской партией, но и запретили посредством королевского вето опубликование нового муниципального закона, внесенного в свое время самим же правительством в качестве приманки для крестьян. Члены крестьянского союза, обманутые и оскорбленные правительством, вошли в коалицию с партией эйдердатчан и назначили Монрада — священника и одного из лидеров партии эйдердатчан — вице-председателем конституционного комитета. С образованием этой коалиции отпала всякая надежда на отмену конституции конституционным путем, и вот — поскольку весь план был разработан московитами и в их интересах — в критический момент в датских водах появляется русская эскадра.

Все венские и берлинские газеты подтверждают известие о форсировании Дуная крупными силами турецкой армии. По сообщению «Oesterreichische Correspondenz», русские отбросили турок в Малой Валахии. В одной из телеграмм сообщается, что 21 октября между двумя армиями произошло серьезное сражение в Азии. До получения более подробных и достоверных сведений мы воздержимся от высказывания своего суждения по поводу обстоятельств, которые могли побудить турецкого главнокомандующего перейти Дунай у Видина; на первый взгляд этот маневр кажется грубой ошибкой. «Kolnische Zeitung» сообщает, что князь Горчаков наложил в Валахии

арест на все денежные фонды (не указывается, какие именно — казенные или другие); а согласно другой немецкой газете, этот же генерал приказал вывезти в глубь страны все запасы зерна, сосредоточенные на Дунае и предназначенные для экспорта за границу.

Сегодняшние французские газеты подтверждают известия об успехах, которых добился Шамиль в боях с войсками князя Воронцова. В «Agram Gazette» сообщается, что князь Данило получил из России важное письмо, по ознакомлении с которым он приказал свезти в Жабляк весь собранный на территории Черногории хлеб. В Черногории заготовляются патроны и отливаются пули. Утверждают, будто Россия сообщила черногорскому владыке, что столкновение между турками и русскими неизбежно, что война будет носить патриотический, священный характер и что черногорцы обязаны тщательно охранять свои границы, чтобы соседние провинции не могли оказывать помощи Порте.

Венская газета «Wanderer» от 27 октября пишет, что, согласно полученному из С.-Петербурга письму, император Николай издал приказ о создании резервной армии, штаб-квартира которой будет находиться на Волыни.

В минувший вторник в Блэкберне произошли волнения в связи с выборами членов попечительского совета церкви св. Петра; при этом прибегли к вмешательству солдат.

Относительно волнений, имевших место в Уигане, лидер престонских рабочих г-н Кауэлл заявил на публичном митинге:

«Он весьма сожалеет о случившемся в Уигане. Ему жаль, что у рабочих Уигана не хватило сознания искать выхода не в уравнительной системе. Рабочим не было никакого смысла собираться вместе и уничтожать созданную ими же собственность. Сама по себе собственность никогда не причиняет им вреда; люди, владеющие этой собственностью, — вот кто тираны. Пусть же рабочие уважают собственность и человеческую жизнь. Действуя миролюбиво, соблюдая порядок и спокойствие, они могут быть уверены в благоприятном для них исходе борьбы».

Я далек от того, чтобы оправдывать бесцельные акты насилия, совершенные уиганскими углекопами, которые поплатились за это кровью семи человек. Но, с другой стороны, для меня ясно, насколько трудно — особенно низшим слоям рабочего класса, к которым, несомненно, принадлежат углекопы, — действовать «миролюбиво, соблюдать порядок и спокойствие», когда их вынуждают на акты отчаяния крайняя нужда и невозмутимая наглость хозяев. Последние специально провоцируют волнения, чтобы иметь возможность вызвать вооруженную силу и разогнать все собрания рабочих по предписанию местных властей, как это и было сделано ими в Уигане. Повод для волнений,

которые произошли в пятницу днем в городе Уигане, был дан угольными королями, собравшимися в большом числе на свое окружное собрание в Уайтсайдс Роял-отеле, чтобы обсудить требования углекопов, и принявшие решение отклонить любой компромисс с рабочими. Имевшее место в понедельник нападение на лесопильные заводы в Хейге, близ Уигана, было направлено против углекопов-переселенцев, привезенных из Уэльса агентом графа Балкарреса, г-ном Писом, для замены бастующих рабочих угольных копей.

Углекопы поступили, конечно, неправильно, применив по отношению к своим товарищам-рабочим насилие, чтобы помешать им делать ту работу, которую они прекратили. Но когда мы видим, как хозяева взаимно обязуются штрафовать друг друга на большие суммы, чтобы заставить всех присоединиться к *локауту,* вряд ли приходится удивляться тому, что рабочие более грубо, но менее лицемерно применяют силу для проведения своей *стачки!* Сам г-н Джозеф Юм заявляет в письме, адресованном престонским рабочим:

«Среди сторонников урегулирования конфликтов между нациями посредством арбитража, а не войны, я вижу многих хозяев-фабрикантов, воюющих в настоящее время со своими рабочими».

Престонская ассоциация предпринимателей опубликовала манифест в целях оправдания всеобщего локаута. Об искренности его авторов можно судить по тому факту, что о тайной лиге фабрикантов, с программой которой я ознакомил ваших читателей месяца два тому назад[*], в манифесте не упомянуто ни единым словом, вследствие чего предумышленному результату заговора придается видимость необходимости, которую хозяева якобы не могли избежать. Они упрекают рабочих в том, что последние требуют только десятипроцентной прибавки, не соглашаясь на меньшее. Но они не сообщают при этом публике о том, что, урезав заработную плату в 1847 г. на 10 процентов, хозяева обещали восстановить ее в прежнем размере, как только в делах наступит оживление; они умалчивают и о том, что рабочие не раз узнавали о деловом оживлении из тех радужных картин, которые рисовали гг. Брайт, Кобден и К°, из декламации всей буржуазной прессы и из тронной речи при открытии парламента. Хозяева не сообщают о том, что с тех пор хлеб вздорожал более чем на 40 процентов, уголь — на 15—20 процентов, мясо, свечи, картофель и все прочие предметы, широко потребляемые рабочим классом, приблизительно на 20 процентов, а также, что фабриканты одержали победу

[*] См. настоящий том, стр. 260—261. *Ред.*

над своими противниками под лозунгом: *«дешевый хлеб и высокая заработная плата»!* Предприниматели обвиняют рабочих в том, что они продолжают настаивать на уравнении заработной платы на однородных предприятиях одного и того же города. А разве вся доктрина их хозяев, доктрина Рикардо и Мальтуса не исходит из предположения, что подобное уравнение существует по всей стране? Предприниматели утверждают, что рабочие действуют по приказам какого-то комитета. Их якобы подстрекают «чужеземцы», «самозванцы», «люди, превратившие агитацию в профессию». То же самое утверждали во времена Лиги против хлебных законов[353] протекционисты: они упрекали тогда этих же фабрикантов в том, что те подчиняются руководству гг. Брайта и Кобдена, «двух человек, превративших агитацию в профессию», что они слепо действуют по приказам манчестерского революционного комитета, взимающего взносы, распоряжающегося армией лекторов и миссионеров, наводняющего страну как небольшими, так и солидными печатными изданиями и образующего государство в государстве. Любопытнее всего, что обвиняя рабочих в том, что они «действуют по приказам какого-то комитета», сами хозяева именуют себя «Объединенной ассоциацией фабрикантов», издают свой манифест от имени *комитета* и вступают в тайный сговор с «чужеземцами» из Манчестера, Болтона, Бери и т. д. Ведь «чужеземцы», о которых говорится в манифесте хозяев, — это всего лишь рабочие из соседних промышленных районов.

Вместе с тем я далек от мысли, что рабочие достигнут непосредственной цели своих забастовок. Напротив, в одной из своих предыдущих статей я указывал, что в недалеком будущем рабочим придется бастовать не ради *повышения* заработной платы, а против ее *снижения*[*]. Уже сейчас случаи снижения заработной платы учащаются и влекут за собой соответствующее число забастовок. Истинным результатом всего этого движения явится то, что, как я уже указывал ранее, «деятельность рабочего класса быстро перейдет в область политики, и новая организация — тред-юнионы, завоеванная в период забастовок, приобретет для них огромное значение». Эрнест Джонс и другие лидеры чартистов снова развернули борьбу; на большом митинге, состоявшемся в минувшее воскресенье в Манчестере, была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание объединенные выступления класса предпринимателей против рабочих различных профессий нашей страны, их сопротивление принципу справедливой заработной платы за справедливый рабочий

[*] См. настоящий том, стр. 348. *Ред.*

день, собрание считает, что нынешняя борьба рабочих может увенчаться успехом только в том случае, если монополия класса предпринимателей будет уничтожена и класс трудящихся завоюет представительство в палате общин парламента посредством введения Народной хартии. Только тогда этот класс сможет издавать законы в собственных интересах, только тогда он сможет отменить несправедливые законы, овладеть средствами труда, добиться высокой заработной платы, дешевых цен на предметы продовольствия, устойчивой торговли и свободного распоряжения своим трудом».

Написано К. Марксом, 4 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3928, 18 ноября 1853 г.

Надпись: Карл Маркс

Печатается на тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Сейчас уже не осталось никаких сомнений в том, что военные действия на Дунае начались. Омер-паша перешел эту реку у Видина, занял Калафат — местечко на противоположном берегу — и направил свой авангард на Крайову; в другом месте турки наступают из Рущука на город Журжево, расположенный на противоположном берегу. Говорят также, что наступление ведется ими в третьем и четвертом направлениях в сторону Браилова и Турно. В то же время произошло сражение у Олтеницы, в котором наступающей стороной были русские. Судя по одному из полученных нами сообщений, это сражение длилось три часа и в конечном счете русские были отбиты; в другом сообщении, полученном вечером 8 ноября из Вены, утверждается, что сражение длилось двадцать восемь часов и что даже после этого исход его был неопределенным. Первое из этих сообщений, по-видимому, ближе к истине.

Сведения о результатах остальных боев также разноречивы. Бои у Журжево, судя по воем сообщениям, оказались безрезультатными; об исходе боев у Браилова и Турно нам ничего неизвестно; что же касается наступления из Калафата, то в одних телеграммах говорится, что турки добились некоторых успехов и потеснили русских, в других — что турки были остановлены в самом начале наступления и отброшены *к* Калафату. Более вероятной является первая из этих версий.

Достоверно, в сущности, лишь одно: по причинам, рассматриваемым нами ниже, Омер-паша отказался от тактики, которую мы в свое время назвали естественной для Турции на

этой границе, — а именно, от оборонительной тактики*. Он предпринял наступательные действия и, воспользовавшись отходом русских из Малой Валахии, 28 октября перешел Дунай на крайнем левом фланге своей позиции, у Видина, но с какими силами — об этом мы совершенно не в состоянии судить. Однако, поскольку с тех пор в других пунктах турки, насколько нам известно, производили только ложные или частные атаки и поскольку переправа через такую реку как Дунай с незначительными силами на виду у могущественного противника была бы чистейшим безумием, мы можем считать само собой разумеющимся, что Омер-паша ведет за собой большую часть боевого состава действующей армии. Ибо только абсолютно надежные сведения могут заставить нас поверить тому, что он, как утверждается в некоторых сообщениях, рискнул перейти Дунай с 7000 человек, не имея других подкреплений и резервов, кроме 8000 человек, находящихся в Софии, на расстоянии не ближе чем в 150 миль. Однако, поскольку еще совсем недавно главные силы турецкой армии были сосредоточены в Варне, Шумле и Рущуке, мы также затрудняемся объяснить, каким образом Омер-паша сумел столь внезапно сосредоточить основную массу своей армии в районе Видина, отдаленном от вышеназванных пунктов в среднем на 250 миль.

Наиболее вероятным ответом на этот вопрос является то, что Омер-паша, учтя продвижение русских в направлении на Видин, изменил позиции своей армии, расположив ее немного левее. Предоставив гарнизонам Рущука, Силистрии, Варны и Шумлы оборонять прямой путь, ведущий в Константинополь, он избрал Рущук в качестве опорного пункта для своего правого фланга, Видин — для поддержки левого, а Никопол сделал пунктом сбора своего центра. На этой позиции, растянувшейся от Рущука до Видина примерно на 200 миль, он собрал на левом фланге все войска, какие мог, и с ними перешел Дунай, очевидно обойдя таким образом правое крыло русских. Он рассчитывал напасть на их передовые части и оттеснить их за реку Шил; эту реку он мог бы преодолеть либо форсировав ее с фронта, либо послав в обход ее другой отряд, который перешел бы Дунай у Расовы. Реку Алюту, второй приток Дуная, пересекающий дорогу от Видина на Бухарест, можно было бы преодолеть таким же образом, перебросив другую часть центра турецкой армии через Дунай у Никопола и Турно, ниже устья Алюты. Наконец, ложные атаки ниже по Дунаю, у Журжево

* См. настоящий том, стр. 350 и 446. *Ред.*

и Браилова, могли бы ввести русских в заблуждение относительно пунктов действительного наступления турок.

Если отбросить на время политические соображения, можно почти не сомневаться, что план Омер-паши был именно таков. Лондонский «Times» пишет о *«совершившейся переправе»* турок у Журжево, но это — очевидная ложь. Перейти величайшую в Европе реку, да еще в самом широком и трудном для переправы месте, с двумя группами войск, в двух пунктах, отстоящих друг от друга на 250 миль, на виду у сильного и сосредоточившего свои войска противника — такой ошибки не допустил бы даже прапорщик любой сколько-нибудь дисциплинированной армии.

Что же, в таком случае, означает маневр Омер-паши? Он является попыткой обойти противника с фланга и одновременными атаками с фланга и с фронта смять все его боевые порядки. Такой маневр является вполне оправданным, когда вы можете внезапно ударить своими главными силами во фланг противнику, когда вам не грозит атака с фронта, когда вам в случае неудачи обеспечена возможность отступления и когда вы, смяв противника на всех его позициях от одного фланга до другого, можете перерезать коммуникации, связывающие эти позиции с его операционной базой. В данном случае последнее неосуществимо. В то время как Омер-паше при отступлении грозит обход правого фланга его сил в Валахии, в результате чего он оказался бы отрезанным от Калафата (в этом случае он смог бы отступать только в Австрию), наступление из Калафата на Бухарест, наоборот, никоим образом не угрожает пути отхода русских. Как читатели, вероятно, помнят, мы на этом основании некоторое время тому назад утверждали, что единственным целесообразным направлением наступления для турок является направление от Дуная к Серету по узкой полосе земли, отделяющей Бессарабию от австрийской границы*. Вместо того, чтобы предпринять маневр, в результате которого коммуникационные линии русских были бы сразу поставлены под угрозу, а может быть и перерезаны, турки наступают на противоположном конце, где они, даже в случае победы, не могут рассчитывать на решающий успех. Вполне возможно, что туркам не угрожает атака с фронта, поскольку основные боевые действия происходят в районе между Видином и Крайовой или Слатиной, и потому русские едва ли перейдут Дунай ниже по течению, — разве что их стратегия окажется более смелой, чем мы думаем. Но в то же время на участке

* См. настоящий том, стр. 351. *Ред.*

фронта от Видина до Рущука действия турок равным образом скованы широкой рекой, отделяющей их от противника, так что в этом районе должна иметь место относительная пассивность.

Как бы то ни было, в данном случае невыполнимым является главное условие этой операций.

Прекрасным историческим примером подобного маневра может служить сражение при Йене[354]. Наполеону удалось внезапно обрушить основную массу своих сил на левый фланг пруссаков и в течение восьми часов внести такое расстройство в их ряды, что прусская армия оказалась отрезанной от своих путей отхода, была уничтожена и с этого момента исчезла как таковая с лица земли. Но это произошло на участке площадью в двадцать квадратных миль и в течение двадцати часов, Здесь же мы имеем территорию длиною в двести миль и шириною в пятьдесят, на которой нет дорог, и поэтому каждое передвижение войск требует соответственна большего времени. Наступление, внезапность, сила и стремительность которого обеспечили Наполеону полный успех при Йене, здесь, после нескольких усилий, с неизбежностью должно буквально захлебнуться. Все это станет еще яснее, если взглянуть на карту, От Калафата туркам нужно идти на Крайову. Здесь их путь преграждает первая из рек, которые, стекая с Трансильванских Альп к Дунаю, пересекают Валахию с севера на тог и образуют столько же оборонительных рубежей, подлежащих форсированию наступающей армией. В этом отношении местность в точности напоминает Ломбардию, и две реки, о которых здесь идет речь, — Шил и Алюта — можно сравнить с Минчо и Адидже, на военное значение которых так часто обращалось внимание.

Если предположить, что турки форсируют Шил, что, возможно, им и удалось уже сделать, то первое серьезное сопротивление они встретят на Алюте, у Слатины. Алюта по своей ширине и глубине представляет собой куда более внушительное препятствие; кроме того, русские, проявив некоторую подвижность, могут сосредоточить там армию, способную не только отразить все атаки турок, но и немедленно развить успех. И действительно, у Крайовы победа русских, — если только это не оченъ крупная победа, — не имела бы большого значения, потому что турки в результате трех переходов форсированным маршем смогли бы достичь Калафата и Дуная и таким образом избежать преследования. У Слатины же поражение турок не только оказалось бы более решительным, поскольку туда стянуто больше русских войск, но и к тому же

у русских после него было бы пять—шесть дней для преследования; а всякий знает, что плоды победы пожинаются не на поле сражения, а во время преследования, которое может довести потерпевшую поражение армию до состояния полного развала. Поэтому если Горчаков пожелает оказать сопротивление на Алюте, Омер-паше едва ли удастся когда-либо перейти эту реку: даже при наиболее благоприятных для турок шансах Омер-наша не в состоянии стянуть к ее берегам более 25000 человек, в то время как Горчаков без труда может своевременно сосредоточить там 35000. Что же касается фланговых атак турок с южного берега Дуная, то они должны носить довольно безобидный характер, если только наступающие не располагают огромным количеством понтонов и других материалов, которые редко можно встретить у турок. Но даже если предположить, что турки форсируют Алюту и даже перейдут Арджеш,— другую крупную реку, протекающую еще восточное, — кому может прийти в голову, что Омер-паша окажется в состоянии взять русские укрепления у Бухареста и после решительного сражения обратить в бегство армию, которая несомненно будет превосходить почти на одну треть те силы, какие он сможет ей противопоставитъ?

Итак, если в этой войне русские будут хоть в какой-то мере придерживаться военных правил, поражение Омер-паши представляется несомненным; однако если война будет вестись не по военным, а по *дипломатическим* правилам, результат может оказаться иным.

Добровольный отход русских с важной в военном отношении позиции у Калафата после того как туда было послано столько войск, чтобы создать угрозу Сербии; беспрепятственный переход Омер-паши через Дунай; сравнительная свобода и большая медлительность его передвижений в Малой Валахии (область к западу от Алюты); пустячный, поскольку мы в состоянии об этом судить, характер атак, произведенных турками во всех других пунктах; наконец, стратегическая порочность наступления от Видина, которую Омер-паша, по всеобщему твердому убеждению, не мог не видеть, — все эти факты как будто дают известное основание для вывода, к которому пришли некоторые компетентные лица, но который нам кажется довольно далеким от истины. Сводится он к тому, что между командующими враждебных сторон имеется якобы секретное соглашение, в силу которого русские должны уступить Малую Валахию туркам. По словам сторонников этой версии, Алюта является очень удобным естественным барьером, через который обе армии могут созерцать друг друга в течение всей долгой

зимы, пока дипломаты будут снова заниматься поисками выхода из создавшегося положения. Пойдя на такую уступку, русские дескать не только продемонстрировали бы свое великодушие и миролюбие, но приобрели бы своего рода правовое основание для занятия узурпированной территории, поскольку *совместная оккупация* Дунайских княжеств русскими и турками вполне отвечает духу существующих договоров. Проявив такую видимость великодушия в Европе, русские избежали бы действительных опасностей в Азии, где их положение, по-видимому, сейчас хуже, чем когда-либо, а главное — они были бы достаточно сильны, чтобы в любую минуту прогнать турок с предоставленной им на левом берегу Дуная полосы земли. Любопытный, но отнюдь не исчерпывающий аргумент в пользу этой теории можно усмотреть в том факте, что ее открыто излагают венские газеты, пользующиеся доверием двора. Ближайшие дни покажут, правилен ли этот взгляд или же следует ожидать настоящей серьезной войны. Мы оказались бы обманутыми в своих ожиданиях, если бы дело приняло иной оборот.

В Азии, как начинает выясняться, обе стороны намного слабее, чем предполагалось. По сообщениям «Journal de Constantinople» у турок на 9 октября был в Эрзеруме десятитысячный резерв; в Батуме — 4000 регулярных и 20000 иррегулярных войск, по-видимому, предназначенных для образования действующей армии; в Баязете на персидской границе — 3000 человек; в Карсе и Ардагане — двух важнейших (после Батума) пунктах на русской границе — авангарды, насчитывающие в общей сложности 16000 человек. Эти силы должны были быть пополнены в течение нескольких дней свежими войсками из Сирии в количестве 10—12 тысяч. Все эти цифры значительно скромнее тех, что сообщались нам раньше: 65000 вместо 100000! Но с другой стороны, если верить сообщениям, полученным через Константинополь, главный перевал через Кавказский хребет, соединяющий Тифлис и Грузию с Россией, находится в руках горцев; под натиском Шамиля русские отошли и оказались почти в девяти милях от Тифлиса, а генерал Воронцов, командующий войсками в Грузии, заявил, что в случае войны с Турцией он не сможет удержать эту область, если не получит подкрепления в 50000 человек. О достоверности этих сообщений мы судить не можем, но поспешная отправка морем подкреплений в Джеркум-Кале, Редут-Кале и другие пункты на черноморском побережье Закавказья показывает, что звезда русских здесь светит не очень ярко. Сведения о численности этих пополнений разноречивы; сначала утверждали, что послано 24000 человек, но где русские взяли суда для пере-

возки такой армии? Теперь выясняется, что туда послана 13-я дивизия — первая дивизия из 5-го корпуса (генерала Лидерса); это составляет 14000 человек, что более чем вероятно. Что же касается версии, будто черноморские казаки в количестве 24000 (это, по-видимому, излюбленное число у русских) обошли по суше западную оконечность Кавказа и успешно добрались до Редут-Кале, не встретив сопротивления на этой скалистой и узкой полоске берега, то чем больше мы в нее вдумываемся, тем менее правдоподобной она нам представляется. У черноморских казаков по горло дел с охраной линии Кубани и Терека, а чтобы такое количество конницы, не имея никакой поддержки и не подвергаясь никакому нападению, прошло среди враждебного населения дефиле в сто пятьдесят миль, где горсти людей было бы достаточно, чтобы остановить колонну или рассечь ее на две части, — о таких вещах можно услышать только в России, где по сей день утверждают, будто Массена был разбит Суворовым при Цюрихе[355].

Вот где, следовательно, наиболее благоприятный район для действия турок. Стремительные атаки сосредоточенными силами регулярных войск на единственной магистрали, ведущей в Тифлис,— вдоль побережья, если турки в состоянии выдержать морской бой, а если они на это не способны, то во внутренних областях, в районе Карса или Ардагана,— и одновременно неустанные, энергичные, внезапные действия иррегулярных частей, сообразно присущему им способу ведения войны,— все это очень скоро поставило бы Воронцова в безвыходное положение, позволило бы установить связь с Шамилем и обеспечило бы всеобщее восстание всего Кавказа. Но здесь, еще более чем на Дунае, нужны смелость, быстрота и согласованность действий. Будущее покажет, обладает ли турецкое командование в этом районе всеми этими качествами.

Написано Ф. Энгельсом около 8 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3934, 25 ноября 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОРАЖЕНИЯ РУССКИХ [356]

Мы тщательно изучили доставленные «Канадой» европейские газеты, с тем чтобы собрать какие только возможно сведения о военных действиях, имевших место между турками и русскими в Валахии, и теперь можем добавить некоторые важные факты к тем, которые были доставлены «Вашингтоном» и прокомментированы нами в прошлую пятницу*. Нам было известно, что произошло несколько сражений, но и теперь мы знаем очень мало подробностей о них. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения по-прежнему отрывочны, противоречивы и скудны, и так, вероятно, будет продолжаться, пока мы не получим официальные донесения турецких генералов. Однако нам ясно, по крайней мере, следующее: действиями турецких войск руководили в достаточной мере умело, и они сражались с неизменным воодушевлением, оправдывающим похвалы их горячих почитателей, — похвалы, которые более спокойные и объективные наблюдатели в своей массе считали следствием преувеличений. Отсюда и всеобщее удивление. Все были готовы получить блестящее подтверждение способностей Омер-паши как полководца, но достоинства его армии недооцениваются западными журналистами и государственными деятелями. Она, правда, укомплектована турками, но это уже совсем не те солдаты, которых Дибич обратил в бегство в 1829 году. Они наносили поражения русским, несмотря на неблагоприятные условия и значительный численный перевес последних.

* См. настоящий том, стр. 469—475. *Ред.*

Можно ожидать, что это явится лишь предзнаменованием и началом гораздо более решительных побед.

Сейчас мы впервые узнали, что Военный совет в Константинополе сосредоточил в Софии армию примерно в 25000 человек, которая должна была, в случае необходимости, действовать в Сербии. Как это ни странно, но об этих войсках и их назначении никакие сведения раньше как будто бы не доходили до Западной Европы, ясно лишь, что Омер-паша использовал их наилучшим образом. Сосредоточение этих войск в Софии было ошибкой, поскольку в случае если сербы не поднимут восстания и не присоединятся к русским, — а они вряд ли поднимут восстание при ныне правящем князе*, — нет никаких оснований держать армию в этом районе; в случае же восстания сербов турки должны либо двинуться в эту страну и подавить его, для чего — при наличии русских в Валахии — армии в 25000 человек было бы недостаточно, либо же занять пограничные перевалы и запереть сербов в их собственной стране, для чего вполне хватило бы и четверти этих сил. Омер-паша очевидно придерживался именно такой точки зрения на этот счет, ибо он перебросил эти войска прямо в район Видина и присоединил их к уже имевшимся там силам. Эти подкрепления, несомненно, внесли существенный вклад в ту победу, которую он только что одержал над правым крылом русских под командованием генерала Данненберга, — победу, о которой мы не знаем никаких подробностей за исключением количества убитых и взятых в плен русских офицеров, но которая, должно быть, была достаточно полной и в моральном отношении принесет туркам, вероятно, даже большую пользу, чем она принесла им в материальном отношении.

Сейчас мы узнали также, что турецким отрядом, который переправился из Туртукая (пункта между Рущуком и Силистрией) и занял Олтеницу, командовал *Исмаил-паша,* он же генерал Гайон (он не отрекся от христианства, хотя и занимает высокий пост в армии султана), чья доблесть во время венгерской войны обеспечила ему репутацию храброго, энергичного и расторопного командира. Он не обладает выдающимися стратегическими способностями, но немногие умеют столь успешно выполнять приказы, как он это показал в данном случае, отбив атаку наступающих штыковым ударом. Поражение, которое потерпел генерал Павлов у Олтеницы, должно значительно облегчить для турок доступ в области, расположенные за Алютой, и открыть им путь на Бухарест, поскольку

* — Александре Карагеоргиевиче. *Ред.*

имеются данные, что князь Горчаков не продвинулся к Слатине, как об этом сообщалось, и поныне находится в столицо Дунайских княжеств, благоразумно предпочитая не дробить свои силы; а это опять-таки свидетельствует о том, что он не считает себя в полной безопасности. В этом районе наверное вскоре после этого произошло решительное сражение. Если Горчаков не простой бахвал и если он может сосредоточить здесь 70—80 тысяч человек — число войск, которым, при всех обоснованных вычетах из официально объявленной численности русской армии, он все же располагает, — то превосходство безусловно на его стороне. Но принимая во внимание, насколько ложными и раздутыми бывают цифровые данные, исходящие из русских отчетов, принимая во внимание, что армия Омер-паши оказалась намного сильнее и боеспособнее, чем предполагали, следует считать, что условия кампании являются более равными для обеих сторон, чем это казалось, и поражение Горчакова вполне вероятно. Конечно, если турецкий главнокомандующий в состоянии сосредоточить для решающего сражения войско в 50—60 тысяч человек, воодушевленных уже одержанной победой, — а мы не видим, что может этому помешать, — то у него, безусловно, большие шансы на успех. Утверждая это, мы стремимся проявить сдержанность в своих суждениях, ибо если наши симпатии и на стороне турок, это все же не дает нам основания представлять их в более выгодном свете, чем это есть в действительности.

Изучая географическое положение Валахии, особенно с военной точки зрения, нельзя не вспомнить о Ломбардии. В первой из этих стран Дунай, а во второй По с их притоками образуют южную и западную границы. К тому же турки приняли план военных действий, сходный с тем, которого придерживались пьемонтцы во время кампании 1849 г., завершившейся гибельным для них сражением при Новаре[357]. Если окажется, что турки одержат победу, то с тем большим основанием они могут претендовать на наше восхищение и тем очевидное будет полная несостоятельность московитов. Во всяком случае, Горчаков это не Радецкий, а Омер-паша не Раморино.

Написано Ф. Энгельсом около 11 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3936, 28 ноября 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Лондон, пятница, 11 ноября 1853 г.

«Золотые возможности и как они были использованы» — под таким заглавием солидный и глубокомысленный журнал «Economist» дал выход одному из своих наиболее трагикомических словоизлияний[358]. «Золотые возможности» были, разумеется, созданы свободой торговли, а «использование» их или, вернее, «злоупотребление»* ими — это, конечно, касается рабочего класса.

«Рабочий класс впервые держал свои будущие судьбы в своих собственных руках! Население Соединенного королевства действительно стало *уменьшаться,* эмиграция превысила его естественный прирост. Как же рабочие использовали свои возможности? Что они делали? То же самое, что они обычно делали раньше при каждом временном улучшении положения: они вступали в брак и размножались так быстро, как это только возможно. При такой норме прироста населения эмиграция будет вскоре совершенно уравновешена, а золотая возможность будет упущена».

Золотая возможность *не* вступать в брак и *не* размножаться, кроме как в соответствии с ортодоксальной нормой, установленной Мальтусом и его учениками! Вот она — золотая мораль! Однако и до сих пор, согласно самому «Economist», население уменьшается и эмиграция все еще не уравновешена. Следовательно, не перенаселение является причиной нынешних бедствий.

«Следующая польза, которую трудящиеся классы должны были извлечь из представившегося им редкого случая, заключалась в том, чтобы накоплять сбережения и становиться капиталистами. Однако вряд ли имел

* Игра слов: «use»—«использование», «употребление»; «abuse»—«злоупотребление». *Ред.*

место хотя бы один случай, когда кто-нибудь из них поднялся или начал подниматься в ряды капиталистов. Они упустили представлявшуюся им возможность».

Возможность стать капиталистами! Одновременно с этим «Economist» указывает рабочим, что если даже они в конечном счете и добьются десятипроцентной прибавки к своему прежнему заработку, то будут получать всего 16 шилл. 6 пенсов в неделю вместо 15 шиллингов. При этом, исчисляя среднюю заработную плату в 15 шилл. в неделю, он ее значительно завышает. Но не в этом дело. Как же сделаться капиталистом, получая 15 шилл. в неделю? Это — проблема, заслуживающая изучения. Рабочие-де неправильно полагали, что для того, чтобы улучшить свое положение, они должны пытаться увеличить свои доходы. «Они бастовали, — пишет «Economist», — добиваясь большего, чем могла дать им любая работа». Зарабатывая 15 шиллингов в неделю, они имели реальную возможность стать *капиталистами,* зато при заработке в 16 шиллингов 6 пенсов такая возможность исчезла бы! С одной стороны, рабочие должны стремиться к тому, чтобы рабочих рук было мало, а капитала как можно больше, дабы иметь возможность заставить капиталистов повысить заработную плату. Но если капитала становится чересчур много, а рабочих рук мало, то рабочие ни в коем случае не должны воспользоваться той возможностью, ради которой они должны были отказываться от вступления в брак и размножения! «Они позволили себе более роскошную жизнь». Во времена хлебных законов, как нам сообщает сам же «Economist», они жили впроголодь, не имели необходимой одежды и едва не умирали от истощения. Если они вообще хотели жить, то как могли они себе позволить менее «роскошную» жизнь, чем та, которая была у них тогда! «Economist» то и дело помещал на своих столбцах таблицы с данными об импорте, дабы показать растущее благоденствие народа и процветающее состояние дел. То, что тогда объявлялось показателем неслыханных благ, принесенных с собой свободой торговли, ныне осуждается как проявление неразумной расточительности рабочего класса. Мы, однако, попрежнему отказываемся понимать, как может продолжаться увеличение импорта при уменьшении населения и сокращении потребления, как может продолжаться увеличение экспорта при уменьшении импорта и каким образом возможно расширение промышленности и торговли при сокращении импорта и экспорта?

«В-третьих, золотую возможность рабочим нужно было использовать для того, чтобы самим получить и дать своим детям лучшее образование, какое только было доступно, и тем самым сделать себя более достойными

улучшения, происшедшего в их материальном положении, и научиться извлекать наибольшую выгоду из этого улучшения. К несчастью, мы вынуждены констатировать, что школы на редкость плохо посещались и на редкость плохо вносилась плата за обучение».

Что же тут удивительного? Оживлению торговли сопутствовали расширение предприятий, рост применения машин, все большая замена взрослых рабочих женщинами и детьми и удлинение рабочего дня. Чем больше матери и дети были заняты на фабриках, тем меньшей была посещаемость школ. И, наконец, возможность получать какого рода образование вы предоставляете родителям и их детям? Возможность научиться удерживать рост населения на уровне, предписанном Мальтусом, — отвечает «Economist». Образование, говорит г-н Кобден, показало бы рабочим, что грязные, плохо проветриваемые, перенаселенные жилища не служат наилучшим средством сохранения здоровья и сил. Но с таким же успехом вы могли бы спасти человека от голодной смерти путем разъяснения ему, что законы природы требуют, чтобы человеческий организм постоянно поддерживался питанием. Образование, заявляет «Daily News», научило бы наш рабочий класс, как извлекать питательные вещества из сухих костей, как выпекать булочки к чаю из крахмала и как варить суп из отбросов.

Итак, резюмируем: золотые возможности, упущенные рабочим классом, заключаются в золотой возможности *не* вступать в брак, в возможности жить *менее* роскошно, не требовать повышения заработной платы, становиться капиталистами, зарабатывая 15 шиллингов в неделю, научиться поддерживать тело более грубой пищей и калечить душу вредоносными теориями Мальтуса.

В прошлую пятницу Эрнест Джонс посетил город Престон, чтобы выступить перед подвергнутыми локауту фабричными рабочими с речью по рабочему вопросу. К назначенному времени под открытым небом собралось не менее 15000 человек («Preston Pilot»[359] сообщает цифру в 12000), и прибывшему на митинг г-ну Джонсу был оказан восторженный прием. Я привожу некоторые места из его речи.

«Почему велась эта борьба? Почему она ведется сейчас? Почему она возобновится в будущем? Потому, что источники вашей жизни закрыты рукой капитала, который осушает свой золотой кубок до дна, оставляя вам лишь осадок. Почему локаут, объявленный вам на фабрике, равносилен угрозе для вашей жизни? Потому, что у вас нет других фабрик, куда вы могли бы идти работать, нет других способов заработать себе на хлеб. Что дает капиталисту эту огромную силу? То, что он владеет всеми средствами найма труда... Средства труда являются, следовательно, тем краеугольным камнем, на котором основывается будущее народа... Только массовое движение рабочих всех профессий, общенациональное движение

всего рабочего класса может привести к победоносному исходу... Если вы будете бороться, распылив свои силы по профессиям и по отдельным местностям, вы можете потерпеть поражение; если же вы поведете борьбу в общенациональном масштабе, вы безусловно победите»[360].

Затем г-н Джордж Кауэлл внес обоснованное им в весьма лестных выражениях и поддержанное г-ном Джоном Матьюсом предложение выразить Эрнесту Джонсу благодарность за посещение им Престона и за услуги, которые он оказывает делу рабочего класса.

Фабриканты прилагали огромные усилия, чтобы помешать Эрнесту Джонсу посетить Престон; для митинга с его участием нельзя было достать помещения и поэтому пришлось напечатать в Манчестере афиши, уведомляющие о созыве митинга под открытым небом. Кое-кто из заинтересованных лиц усердно распространял слухи о том, что г-н Джонс собирается выступить против забастовки и посеять рознь среди рабочих; кроме того, были разосланы письма, в которых указывалось, что поездка в Престон для него лично может оказаться небезопасной.

Написано К. Марксом 11 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3936, 28 ноября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРОЦВЕТАНИЕ. — РАБОЧИЙ ВОПРОС

Лондон, вторник, 15 ноября 1853 г.

«Торговые отчеты и денежный рынок» — под таким заглавием в «Economist» опубликована статья, стремящаяся доказать наличие общего процветания и благоприятных перспектив для развития торговли[361], хотя в том же номере сообщается, что «запасы продовольствия велики, а цены на него все еще растут», что «цена квартера пшеницы дойдет скоро до 80 шилл.» и что «положение в торговле хлопком отнюдь не таково, чтобы внушить фабрикантам какое-либо желание возобновить работу». Касаясь таблиц с данными об импорте, «Economist» пишет:

«В этих длинных столбцах с цифрами много поучительного, много такого, что подтверждает великие принципы, являющиеся предметом ожесточенной политической борьбы, много такого, что объясняет недавние события на денежном рынке и проливает свет на будущее, много такого, что является весьма поучительным для государственного деятеля, финансиста, банкира и торговца, получающих возможность точно уяснить положение вещей в данный момент и правильно судить о своем положении в будущем. Поэтому нам кажется, что лучшая услуга, которую мы можем оказать, состоит в том, чтобы обратить внимание на некоторые из основных фактов, вытекающих из этих отчетов, и проследить их связь с другими важнейшими особенностями текущего момента».

Давайте же усядемся у ног этого пророка и будем внимать его весьма многословным прорицаниям. На этот раз таблицы с данными об импорте приведены с целью доказать не расточительность рабочего класса, а те неслыханные блага, которые получает именно этот класс от свободы торговли. Приведем эти таблицы.

ТАБЛИЦА I

Потребление с 5 января по 10 октября

	1852 г.	1853 г.
Какао	2 668 822 фунта	3 162 233 фунта
Кофе	25 123 946 фунтов	28 607 613 фунтов
Чай	42 746 198 »	45496957 »
Сахар	5 358 967 центнеров	5 683 228 центнеров
Табак	21 312 459 фунтов	22 296 398 фунтов
Вино	4 986 242 галлона	5 569 560 галлонов

Достаточно взглянуть на эту таблицу, чтобы сразу увидеть ложный характер утверждений «Economist». Все что нам известно о перечисленных товарах, это не то, что они *потреблены,* как указано в таблице, а то, что они *поступили в продажу* для потребления. А это совсем другое дело. Наверное, не найдется такого лавочника, который был бы настолько невежественным, чтобы не понять разницы между запасом товаров, которые поступили в его лавку, и тем количеством товаров, которое было действительно продано населению и потреблено им.

«Этот перечень», — пишет «Economist», — «можно рассматривать как список главных предметов роскоши, потребляемых рабочим классом».

Ниже «Economist» также относит рост импорта этих предметов на счет рабочего класса. Между тем такой предмет, как кофе, лишь в самых небольших размерах потребляется английскими рабочими, а вина они не. потребляют вообще. Или, может быть, «Economist» полагает, что положение рабочего класса улучшилось вследствие того, что его хозяева стали потреблять в 1853 г. больше вина и кофе, чем в 1852 году? Относительно чая общеизвестно, что вследствие китайской революции и связанного с ней расстройства торговли возник спекулятивный спрос, порожденный опасениями за будущее, а не текущими потребностями настоящего момента. Что касается сахара, то вся разница между импортом к октябрю 1852 и импортом к октябрю 1853 г. составляет всего лишь 324 261 центнер; при атом я не берусь соревноваться в знаниях со всеведающим журналом «Economist», которому, разумеется, известно, что из этих 324 261 центнера ни один центнер не застрял в подвалах лавочников и не израсходован на кондитерские изделия для высших классов и что весь этот сахар непременно попал в чай рабочего. Поскольку хлеб дорог, рабочие, конечно, кормили своих детей сахаром, — рекомендовала же Мария-Антуанетта

французскому народу во время голода 1788 г. питаться миндальными пирожными. Что же касается увеличения импорта табака, то спрос на табак со стороны рабочих действительно регулярно возрастает по мере того, как их лишают работы и нарушается их нормальная жизнь.

Помимо всего мы не должны забывать, что количество ввезенных в октябре 1853 г. товаров определялось не фактическим спросом в этом месяце, а спросом предположительным, исчисленным на основании совершенно иного положения на внутреннем рынке. Так обстоит дело с первой таблицей и ее «связью с другими, важнейшими особенностями текущего момента».

ТАБЛИЦА II

Ввезено с 5 января по 10 октября

	1852 г.	1853 г.
Бекон	62 506 центнеров	173 729 центнеров
Солонина	101 531 »	160 371 »
Свинина соленая	77 788 »	130 142 »
Ветчина	6 766 »	14 123 »
Сало	14511 »	102612 »
Итого	263 102 центнера	580 977 центнеров
Рис	633 814 центнеров	1 027 910 центнеров
Картофель	238 739 »	820 524 центнера
Зерно и мука	5 583 082 квартера	8 179 956 квартеров
Сыр	218846 центнеров	294 053 центнера
Масло	205 209 »	296 342 »
Яйца	89 433 728 штук	103 074 129 штук

Журналу «Economist», несомненно, принадлежит великолепное открытие, согласно которому относительное увеличение ввоза продуктов питания в годы засухи и неизбежного голода, по сравнению с обычными годами, скорее служит доказательством внезапного роста потребления, чем необычного падения производства этих продуктов. Неожиданный рост цен на тот или иной предмет, несомненно, представляет собой импортную премию. Но разве кто-нибудь когда-либо утверждал, что чем дороже предмет потребления, тем больше найдет он ревностных потребителей? Перейдем теперь к третьей категории импортируемых товаров, — к *сырью* для фабрик:

ТАБЛИЦА III

Ввезено с 5 января по 10 октября

	1852 г.	1853 г.
Лен	971 738 центнеров	1 245 384 центнера
Пенька	798057 »	788 911 центнеров
Шелк-сырец	3 797 757 фунтов	4 355 865 фунтов
Шелк крученый	267 884 фунта	577 884 фунта
Хлопок	6 486 873 центнера	7 091 999 центнеров
Шерсть	63 390 956 фунтов	83 863 475 фунтов

Так как производство 1853 г. значительно превысило производство 1852 г., то и сырья потребовалось больше и его больше было ввезено и переработано.

«Economist», однако, не утверждает, что излишек выработанных в 1853 г. промышленных изделий пошел на внутреннее потребление. Он относит его *к экспорту:*

«Важнейшим фактом является огромный рост нашего экспорта. Увеличение стоимости экспорта всего лишь за один месяц, кончая 10 октября, составляет не менее 1446708 ф. ст., в целом же увеличение этой стоимости за девять месяцев достигает 12596291 ф. ст.; общая стоимость экспорта составляет 66987729 ф. ст. в текущем году, против 54391438 ф. ст. за соответствующие месяцы 1852 года... Если взять только экспорт товаров британского производства, мы получим увеличение за этот год не менее, чем на 23 процента».

Но как обстоит дело с этими дополнительно экспортированными товарами на сумму в 12596291 фунт стерлингов? «Значительная часть этих экспортируемых товаров еще только находится на пути к своим рынкам», а прибудут они туда как раз в такой момент, когда их появление довершит расстройство этих рынков. «Значительная часть этих дополнительно экспортируемых товаров идет в Австралию», и без того перенасыщенную товарами, «в Соединенные Штаты», где имеется избыток товаров, «в Индию», переживающую депрессию, «в Южную Америку», которая вообще не в состоянии поглотить какие-либо дополнительно ввозимые товары, не нашедшие сбыта на Других рынках.

«Огромное количество дополнительных товаров, которые были ввезены и потреблены», — пишет «Economist», — «уже оплачены Англией или же будут оплачены в ближайшем будущем по выданным на них векселям, срок которых истекает... А *когда же* нам уплатят за вывезенные товары? Через 6 месяцев, через 9 месяцев, через 12 месяцев, а за некоторые товары через полтора или два года».

Это «лишь *вопрос* времени», — заявляет «Economist». Какое заблуждение!

Если вы выбрасываете этот огромный излишек промышленных товаров на рынки, уже наводненные вашими экспортными товарами, то время, которого вы ожидаете, может *никогда* не наступить. То, что в ваших таблицах выглядит как огромный перечень воображаемых богатств, может оказаться огромным перечнем действительных потерь, перечнем банкротств в мировом масштабе. Что же доказывает таблица III и данные об экспорте, ставшие предметом такого хвастовства? То, что каждый из нас уже давно сознавал, а именно, что промышленная продукция Великобритании чрезвычайно возросла в 1853 г., что ее рост превысил норму и что ее тенденция к расширению усиливается в тот самый момент, когда происходит сужение рынков.

«Economist» приходит, конечно, к противоположному выводу.

«Затруднения на денежном рынке и повышение процентной ставки», — говорит он нам, — «являются лишь преходящим последствием того обстоятельства, что крупные партии импортируемых товаров оплачиваются немедленно, тогда как огромный излишек экспортируемых товаров отпускается в кредит».

В представлении «Economist» напряженное состояние денежного рынка является лишь результатом добавочного экспорта товаров. Между тем мы с таким же правом можем сказать, что в эти последние месяцы рост экспорта был лишь неизбежным результатом затруднений на денежном рынке. Эти затруднения сопровождались притоком золота и неблагоприятным валютным курсом; но разве неблагоприятный курс не является премией на векселя, выписанные на другие страны, или, другими словами, экспортной премией? Именно в силу этого закона Англия в периоды затруднений на своем денежном рынке расстраивает все прочие рынки мира и периодически разрушает промышленность других стран, бомбардируя их английскими промышленными товарами, продаваемыми по пониженным ценам.

«Economist» наконец-то нашел те «два пункта», в которых рабочие решительно неправы, решительно заслуживают осуждения и решительно проявляют глупость.

«Во-первых, они вступают в спор в большинстве случаев лишь из-за жалких грошей».

Почему же они так поступают? Дадим самому «Economist» ответить на этот вопрос:

«Характер спора изменился: из вопроса о договоре спор превратился в борьбу за власть...

Во-вторых, рабочие не сами вели свои дела, а действовали по указке безответственных, а возможно и вообще самозванных лидеров... Они действовали объединение, посредством организованных дерзких клубов... У нас не вызывают опасений политические убеждения самого рабочего класса; но у нас действительно вызывают опасения и чувство протеста убеждения тех людей, которым рабочий класс позволил поймать себя в ловушку и выступать от своего имели».

Рабочие ответили на создание классовой организации их хозяев созданием своей собственной классовой организации. А «Economist» говорит им, что он перестанет «опасаться» их, если они дадут отставку своим генералам и офицерам и примут решение бороться в одиночку. Точно так же в период первых битв французской революции глашатаи объединенных деспотов Севера то и дело уверяли весь мир, что они «опасаются» не французского народа самого по себе, а лишь политических убеждений и политических действий свирепого Comite du Salut Public*, дерзких клубов и беспокойных генералов.

В своей предыдущей статье я указывал журналу «Economist», что нет ничего удивительного, если рабочий класс не воспользовался периодом процветания для того, чтобы получить образование и дать его своим детям. Теперь я могу передать вам следующие факты, о которых мне было сообщено со всеми именами и подробностями и которые вскоре будут представлены парламенту. В последнюю неделю сентября 1852 г. в городе.., расположенном в 4 милях от .., на предприятии, производящем отбелку и окончательную отделку тканей, именуемом ... и принадлежащем эсквайру.., упомянутые нами лица проработали *60 часов* подряд, с *отдыхом* в течение всего лишь *трех часов!*

Девушки и девочки	Возраст
М. С.	22 года
Э. Б.	20 лет
М. Б.	20 »
Э. Г.	18 »
К. Н.	18 »
Б. С.	16 »
Т. Т.	16 »
Э. Т.	15 »
М. Г.	15 »
Г. О.	15 »
М. Л.	13 »
Б. Б.	13 »
М. О.	13 »

* — Комитета общественного спасения[362]. *Ред.*

Девушки и девочка	Возраст
Э. Т.	12 лет
К. О.	12 »
С. Б.	10! »
Энн Б.	9! »
Мальчики	
У. Г.	9 лет
Дж. К.	10 »

Девяти- и десятилетние дети работают 60 часов подряд всего лишь с трехчасовым отдыхом! Пусть хозяева уж помалкивают о пренебрежении рабочих к образованию! Одна из упомянутых, Энн Б., девочка всего 9 лет отроду, во время 60-часовой работы упала от изнурения на пол и заснула; *когда ее разбудили, она заплакала, но ее все же заставили возобновить работу!!*

Фабричные рабочие по-видимому решились вырвать движение за образование из рук манчестерских обманщиков. Как сообщают, на состоявшемся в городском саду митинге безработных Престона имело место следующее:

«Г-жа Маргарет Флетчер обратила внимание собравшихся на неправильность того, что замужние женщины работают на фабриках, оставляя без присмотра своих детей и запуская домашние дела. Каждый рабочий имеет право на справедливую заработную плату за справедливый рабочий день, а это, по ее мнению, означает, что рабочий должен получать за свой труд такое вознаграждение, которое дало бы ему возможность содержать самого себя и свою семью в хороших условиях, оставлять жену дома для выполнения обязанностей домашней хозяйки и давать детям образование (аплодисменты). Выступавшая закончила свою речь, предложив принять следующую резолюцию:

Собрание постановляет: все замужние женщины города намерены не выходить на работу до тех пор, пока их мужья не будут получать справедливого и полного вознаграждения за свой труд.

Г-жа Энн Флетчер (сестра предыдущего оратора) поддержала резолюцию, и последняя была принята единогласно.

Председатель митинга заявил, что после разрешения вопроса о десятипроцентной прибавке развернется такая агитация в отношении применения труда замужних женщин на фабриках, которую вряд ли ожидают фабриканты страны».

Эрнест Джонс, совершающий поездку по промышленным округам, ведет агитацию за «Рабочий парламент»[363]. Он выдвигает предложение о том, чтобы

«делегаты от рабочих всех профессий собрались в центре движения, в Ланкашире, в Манчестере, и заседали там до тех пор, пока не будет одержана победа. Это явилось бы столь авторитетным и столь доступным выражением точки зрения рабочего класса, что его услышал бы весь мир, а собранию, заседающему у св. Стефана[364], пришлось бы разделить с этим

парламентом газетные столбцы... В период кризиса, подобного нынешнему, весь мир станет более внимательно прислушиваться к словам скромнейшего из этих делегатов, нежели к словам титулованных сенаторов самой надменной из палат».

Орган лорда Пальмерстона придерживается совершенно иного мнения:

«Между нами говоря», — восклицает «Morning Post», — «*развитие* движения, которым так хвастались, было на деле приостановлено, и после жалкого провала 10 апреля уже не предпринималось дальнейших попыток превратить рабочих в законодателей или портных в народных трибунов».

Написано К. Марксом 15 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3938, 30 ноября 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Известия с театра военных действий, доставленные пароходом «Гумбольдт», подтверждают ранее полученное с «Европой» сообщение, что турки, долго удерживавшие свою позицию у Олтеницы против превосходившего их по численности противника, с которым им пришлось вести тяжелые бои, в конце концов отступили около 14 ноября за реку и заняли свои прежние укрепленные позиции у Туртукая. Мы полагаем, что прибытие газет и писем прольет свет на это событие, пока же смысл этого маневра нам еще не вполне ясен. В официальном сообщении говорится, что он был произведен беспрепятственно, следовательно, предположение, будто он был вызван какими-то решительными успехами, достигнутыми князем Горчаковым, отпадает, если, впрочем, не будет доказано, что русскому командующему удалось собрать для вторичной атаки этого пункта вдвое больше войск, чем им было брошено против него в первый раз. Но тщательный анализ всех известных нам фактов показывает, что в действительности он не располагал для этой цели такой группировкой в 45000 человек. Утверждают также, что турки вновь отошли к Туртукаю, чтобы не подвергать себя опасности внезапного нападения у Олтеницы в зимнее время, когда отступление через реку было бы сопряжено с большими трудностями, но это утверждение противоречит тому факту, что до сих пор они вели наступательные действия без поражений и имели на своей стороне безусловный численный перевес. Кроме того, их левый фланг по-прежнему находится у Видина, на валашском берегу Дуная и даже получает подкрепления, что свидетельствует о чем угодно, только не об общем отступательном движении с их стороны. Если же принять во внимание их предполагаемое намерение перейти с большими силами Дунай у Браилова или Галаца — предположение, которое,

по-видимому, соответствует истине, — то все равно остается неясным, нужно ли было *Омер-паше* отводить свои войска с сильной позиции у Олтеницы только из-за того, что он собирался предпринять решительный маневр против левого фланга русских с другой группой войск. Однако все вызывающие недоумение обстоятельства станут понятнее, если мы проследим события настоящей кампании с самого ее начала.

Прежде всего известно, что туркам дали возможность перейти реку и у Видина и у Туртукая, не оказав им серьезного сопротивления. В этом не было ничего удивительного, поскольку, как показывает опыт войн, помешать активному противнику перейти реку, даже очень широкую, невозможно; кроме того, всегда выгоднее атаковать его, когда он уже переправил часть своих войск, то есть напасть на него с превосходящими силами и в момент, когда у него имеется всего один, основательно перегруженный путь отхода. Но то обстоятельство, что турки закрепились на левом берегу Дуная, что во всех имевших место стычках они одержали верх, что в течение десяти дней они удерживали Олтенипу, отстоящую не более чем на сорок миль от Бухареста, и русские не смогли выбить их с этой важной позиции, что они оставили ее в конечном счете беспрепятственно и по собственной инициативе, — все это показывает, что в определении соотношения русских и турецких сил, противостоящих друг другу в этом районе, был допущен серьезный просчет.

Мы знали довольно точно, какими силами располагали турки; в отношении же численности русских войск мы всегда были вынуждены блуждать в потемках. Сообщалось, что два армейских корпуса перешли Прут и что вскоре за ними последовала часть войск еще одного корпуса. Если это так, у русских должно было быть в Дунайских княжествах не менее 150000 человек. Однако сейчас, когда и события показали, что в Валахии русские не имеют такого количества войск, — сейчас мы, наконец, получили из Вены достоверные сведения о том, чем они там действительно располагают. В от перечень их сил:

1. 4-й армейский корпус под командой генерала Данненберга, состоящий из следующих трех пехотных дивизий:

а) 10-й дивизии (генерала Соймонова)	16 000 человек
в) 11-й дивизии (генерала Павлова)	16 000 »
с) 12-й дивизии (генерала Липранди)	16 000 »
d) и одного батальона стрелков	1 000 »
2. Одна бригада под командой генерала Энгельгардта, принадлежащая к 14-й дивизии 5-го армейского корпуса	8 000 »
Всего пехоты	57 000 человек

3. Две дивизии легкой кавалерии под командой генерала Нирода и генерала Фишбаха, насчитывающие в общей сложности 8000 человек, и 10 полков казаков, насчитывающие 6000 человек, всего .... 14 000 человек

4. Одна артиллерийская дивизия, имеющая в своем составе примерно по 1 батарее (12 орудий) на каждый пехотный полк, то есть в общей сложности .... 170 или 180 орудий.

Выясняется также, что 5-й армейский корпус, которым командует генерал Лидерс, еще даже не сосредоточен в Одессе, а находится частью в Севастополе, частью на Кавказе; что 3-й армейский корпус под командой генерала Остен-Сакена все еще стоит на Волыни или, в лучшем случае, только что перешел Прут и может достигнуть театра военных действий не раньше, чем через три-четыре недели и что кавалерийские резервы русских — по большей части тяжелая кавалерия — находятся за Днепром, и потребуется пять-шесть недель, чтобы доставить их туда, где они необходимы. Эти сведения безусловно правильны, и если бы мы располагали ими шесть недель тому назад, то мы стали бы утверждать, что Омер-паше следует переправиться через Дунай, неважно где и каким образом, но чем скорее, тем лучше.

И действительно, невозможно найти разумного объяснения для проявленного русскими безрассудного риска. Завести около 80000 войск в такой cul de sac*, как Валахия, пробыть там несколько месяцев, имея, как признаются сами русские, 15000 больных солдат в лазаретах, и надеяться, за неимением пополнений, только на счастливый случай, — это небывалый доселе образ действий, и раньше никто не имел оснований подозревать, что такие люди, как русские, которым обычно весьма свойственна осмотрительность и стремление всегда избегать риска, окажутся способны на него. Ведь все их пригодные к службе войска в Валахии, за вычетом отдельно действующих отрядов, насчитывают каких-нибудь 46000 человек, которые, к тому же, могут понадобиться в самых различных пунктах!

Однако положение именно таково, и мы можем объяснить его лишь абсолютной уверенностью русских в успехе дипломатических интриг их друзей в английском правительстве, их необоснованным пренебрежением к своему противнику и теми затруднениями, какие они, очевидно, испытывают при попытке

* — тупик. *Ред.*

сосредоточить крупные войсковые группы и большое количество припасов в крае, столь отдаленном от центра их империи.

С другой стороны, турки имеют у Калафата, в Малой Валахии, 25000 человек и продолжают посылать туда подкрепления. О последних передвижениях этих войск мы мало осведомлены. Они, по-видимому, не продвинулись даже до Крайовы, и до сих пор все их действия сводились к занятию близлежащих деревень. Причины этого тоже неясны, и мы можем только предположить, что Омер-паша до некоторой степени стеснен в своих действиях Военным советом в Константинополе, который вначале сосредоточил эти 25000 человек в Софии. Как бы там ни было, насколько можно судить с такого далекого расстояния, эти войска, пока они находятся у Калафата, совершенно бесполезны, и их пребывание там является ошибкой, ибо, как мы уже имели случай указать, даже для предполагаемого и маловероятного использования их против Сербии их там или слишком много или слишком мало*. Нам думается, что было бы гораздо целесообразнее передвинуть их ниже по Дунаю: они переправились через реку 28 октября и до 15 ноября очень мало продвинулись вперед и вообще не вели никаких активных действий. Эти пятнадцать дней можно было бы использовать много лучше, перебросив их на 150 миль ниже по Дунаю, в Систов, где они установили бы непосредственную связь с левым флангом главных сил турецкой армии и в несколько переходов могли бы оттуда достигнуть Рущука, в районе расположения штаба левого фланга турок. Что эти 24000 человек, если бы их присоединили к главным силам, имели бы вдвое большую ценность, чем находясь у Калафата, — в этом можно не сомневаться. И самые события подтверждают такое мнение: как уже было сказано, нам неизвестно, чтобы за девятнадцать дней, истекших после их переправы через Дунай, они оказали Омер-паше какую-либо активную поддержку.

Атаки, произведенные турками у Никопола и Рущука, были простыми демонстрациями. По-видимому, они были неплохо проведены, со строго необходимым для этой цели количеством войск, и в то же время с той энергией, которая может ввести неприятеля в заблуждение относительно истинных намерений нападающей стороны. Главная атака имела место у Олтеницы. Какие силы были туда стянуты, неизвестно до сих пор. Согласно некоторым сообщениям, у турок еще 11-го было под Олтеницей 24000 человек, а у противостоящих им русских — 35000. Но это явно не соответствует действитель-

* См. настоящий том, стр. 477. *Ред.*

ности. Будь у русских на одну треть больше войск, чем у турок, они тотчас же оттеснили бы последних обратно за Дунай, тогда как в действительности 11-е явилось для русских днем поражения.

Сейчас более чем когда-либо кажется вероятным, что лишь исключительно плохое военное руководство может помешать туркам вытеснить Горчакова из Валахии. Впрочем, как той, так и другой стороной были продемонстрированы довольно своеобразные образцы военного руководства. 2 ноября турки форсировали Дунай у Олтеницы, очевидно, являющейся их главным пунктом переправы. 3-го, 4-го и 5-го они успешно отбили атаки русских и тем самым закрепили свой перевес на левом берегу Дуная. В течение этих трех дней должны были прибыть их подкрепления, что создавало для них возможность немедленно двинуться на Бухарест. Именно таким образом поступал Наполеон, и с тех пор каждому военачальнику известно, что быстрота движения может компенсировать недостаток войск, поскольку она делает возможным нападение на противника прежде, чем он успеет сосредоточить свои силы. Подобно тому, как в торговле говорят: «Время — это деньги», так и на войне говорят: «Время — это войска». Но в Валахии этой истиной пренебрегают. Турки спокойно удерживают Олтеницу в течение девяти дней, с 6-го по 15-е, и ничего не предпринимают, если не считать мелких стычек, так что у русских остается достаточно времени, чтобы сосредоточить свои силы, расположить их, продумав все с максимальной тщательностью, и, в случае возникновения угрозы для их путей отхода, принять меры для ликвидации угрозы и обеспечения этих путей. Но может быть мы должны предположить, что Омер-паша хотел просто удержать русских у Олтеницы, до тех пор пока его главные силы не переправятся через Дунай ниже по течению и полностью не перережут пути отхода русских? Возможно, что это так, хотя подобная операция заставляет предполагать помимо 24000 человек у Калафата и 24000 у Олтеницы наличие еще около 50000 человек, расположенных ниже по Дунаю, в районе Гирсовы. Но если у него там имелось такое количество войск, что вполне вероятно, они могли бы использовать время с большей пользой, а не тратить его на все эти искусственные и хитроумные маневры. Почему бы в этом случае не перебросить через Дунай у Браилова сразу 70—80 тысяч человек и одним ударом не перерезать коммуникации русских в Валахии? Как уже было сказано, этот маневр, по-видимому, намечен к осуществлению в настоящее время, но неясно, зачем было так долго его оттягивать и предпосылать ему такую сложную

подготовку? В условиях такого превосходства сил, находящихся в полной готовности на операционной линии, едва ли имело смысл вводить князя Горчакова в заблуждение. Следовало бы сразу отрезать ему путь к отступлению и уничтожить его армию.

Что касается турецких солдат, то в тех немногих стычках, в которых они до сих пор участвовали, они показали себя с превосходной стороны. Артиллерия повсюду доказала, что император Николай не преувеличивал, когда ставил ее на одно из первых мест в Европе. Батальон стрелков, сформированный всего за десять недель до начала военных действий и вооруженный винтовками Минье, только что полученными из Франции, за этот короткий срок достиг высокого совершенства в стрельбе в рассыпном строю и воспитал первоклассных стрелков, умело владеющих этим грозным оружием; в Олтенице они получили возможность продемонстрировать это на деле, перестреляв у русских почти всех старших офицеров. Турецкая пехота в целом, по-видимому, хорошо освоила обычные движения линиями и колоннами, а кроме того проявила в атаках у Олтеницы большую стойкость и храбрость; ведь по крайней мере в течение двух дней из трех исход боя решала атака турецкой пехоты, к тому же в рукопашных схватках; а когда в ход идет штык, русская пехота, как хорошо известно, является противником, которого не приходится недооценивать.

В Азии, судя по последним сообщениям, дело принимает для турок еще более благоприятный оборот, чем в Европе. Имеются сведения, что черкесские племена охвачены всеобщим восстанием против русских и действуют объединенными силами, что в их руках находятся ворота Кавказа и коммуникации в тылу у графа Воронцова перерезаны, в то время как с фронта на него наседают турецкие войска. Итак, с самого начала война повсюду принесла поражения царю. Будем надеяться, что так оно продолжится до конца и что война научит русских и их правительство умерять свое честолюбие и высокомерие и побудит их отныне заниматься лишь своими собственными делами.

Написано Ф. Энгельсом около 18 ноября

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3944, 7 декабря 1853 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

РЫЦАРЬ БЛАГОРОДНОГО СОЗНАНИЯ [365]

Написано К. Марксом около 21— 28 ноября 1853 г.

Напечатано отдельной брошюрой в январе 1854 г. в Нью-Йорке

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

vom

edelmüthigen Bewußtsein,

von

Karl Marx.

Титульный лист первого издания памфлета К. Маркса
«Рыцарь благородного сознания»

Герой малой войны (см. Деккер. *«Теория малой войны*[366]) может быть лишен благородства, но он должен обладать хотя бы *благородным* сознанием. По Гегелю, благородное сознание неизбежно превращается в *низменное* сознание[367]. Это превращение я проиллюстрирую на примере излияний г-на Виллиха, совмещающего в одном лице Петра Пустынника и Вальтера Голяка. Я ограничусь cavaliere della ventura*; стоящих же за ним его cavalieri del dente** я предоставлю их собственной участи.

Дабы с самого начала дать почувствовать, что благородному сознанию свойственно выражать истину в «высшем» смысле с помощью лжи в «обычном» смысле, г-н Виллих начинает свой ответ на мои «Разоблачения»[368] следующими словами:

«Д-р Карл Маркс поместил в «Neu-England-Zeitung» и в «Criminal-Zeitung» отчет о кёльнском процессе коммунистов».

Я никогда не помещал в «Criminal-Zeitung» отчета о кёльнском процессе коммунистов. Известно, что я поместил в «Neu-England-Zeitung»[369] «Разоблачения», а г-н Виллих в «Criminal-Zeitung» поместил добровольные признания Гирша***.

На стр. 11 «Разоблачений» говорится следующее: «Из перечня украденных у партии Виллиха — Шаппера документов и из дат этих документов следует, что эта партия, хотя и была предупреждена кражей со взломом, совершенной Рёйтером, умудрилась и впредь позволять выкрадывать у нее документы

* — рыцарем—искателем приключений, предводителем наемного отряда. *Ред.*
** — рыцарей, орудующих челюстями, прихлебателей. *Ред.*
*** Об этом см. настоящий том, стр. 40—43. *Ред.*

и допускать их передачу в руки прусской полиции». На стр. 64 место это вкратце повторяется[370].

«Г-н Маркс», — отвечает г-н Виллих, — «знает очень хорошо, что сами эти документы большей частью фальсифицированы, а отчасти сочинены».

Большей частью фальсифицированы — значит, *не целиком* фальсифицированы. *Отчасти* сочинены — значит, *не все* сочинены. Таким образом, г-н Виллих сознается, что после кражи, совершенной Рёйтером, как и до нее, документы, принадлежащие его фракции, попадали каким-то путем в руки полиции, Но именно это я и утверждаю.

Итак, благородство г-на Виллиха заключается в том, чтобы за *верными фактами* вынюхивать *ложное сознание.* «Г-н Маркс *знает».* Откуда знает г-н Виллих, что знает г-н Маркс? О некоторых из упомянутых документов я знаю, что они подлинные. Но ни об одном из них я не знаю, чтобы во время судебного процесса он был признан фальсифицированным или сочиненным. Но я *должен был бы* знать «больше», так как «некий Блюм из ближайшего окружения Виллиха» был-де «информатором Маркса». Итак, Блюм процветал* в ближайшем окружении Виллиха. Но тем дальше был он от меня. О Блюме, — с которым я никогда не говорил, даже намека на это не было**, — я знаю только то, что он русский по происхождению и сапожник по профессии, что он фигурирует также в качестве Морисона, божится морисоновскими пилюлями Виллиха и теперь находится, вероятно, в Австралии[371]. О деятельности виллихо-кинкелевских миссионеров я был информирован из Магдебурга, а не в Лондоне. Поэтому благородное сознание могло бы избавить себя от такой весьма болезненной операции, как публичное посрамление одного из своих духовных сыновей на основании простого подозрения.

Сперва благородное сознание лживо утверждает, что у меня был какой-то, в действительности не существующий, информатор; затем оно так же лживо отрицает приводимое мной реальное письмо. Оно цитирует отдельные места *«из мнимого* письма Беккера, стр. 69 «Разоблачений», примечание А»[372].

Г-н Виллих слишком благороден, чтобы допустить, что «человек столь возвышенного духа и характера», как Беккер, может не распознать возвышенный дух и характер в таком человеке, как Виллих. Поэтому он превращает письмо Беккера в мистификацию, а меня в фальшивомонетчика. Из благородства, ра-

* Игра слов: Blum—фамилия; «Blume»— «цветок». *Ред.*

** В оригинале непереводимая игра слов; «durch die Blume sprechen» — говорить намеками, иносказательно. *Ред.*

зумеется. Но мнимое письмо все еще находится в руках адвоката Шнейдера II. Во время процесса я послал его защите в Кёльн, ибо оно опровергало версию о какой-либо причастности Беккера к глупым затеям Виллиха. Помимо того что письмо написано рукой Беккера, штемпеля кёльнской и лондонской почты указывают даты его отправления и получения.

«Но перед этим г-жа Кинкель написала мне» (Виллиху) «подробное, уточняющее все обстоятельства письмо; Беккер в Кёльне взялся переслать его. Он сообщил ей, что письмо переслано, но я никогда не видел его. Кто *припрятал* его: *г-н Маркс,* Беккер или почта?»

Почта ни причем, доказывает Виллих. Может быть, Беккер? Но пока последний был на свободе, Виллих и не думал обращаться к нему за разъяснениями. Следовательно, остается «г-н Маркс». Г-н Виллих, со свойственной ему манерой действовать исподтишка, представляет дело так, что я опубликовываю письма, которых Беккер мне *не* писал, и утаиваю те, которые он доверил мне для пересылки. Но, к сожалению, Беккер был настолько любезен, что *никогда* не утруждал меня поручениями по пересылке писем, будь то письма г-жи Иоганны или г-на Иоганна Готфрида[*]. Ни тюремное начальство, ни черный кабинет[373] не помешают запросить у Беккера разъяснений по такому невинному вопросу. Г-н Виллих запутывается во лжи, сочиняя эту грязную инсинуацию из чистого побуждения поощрить добродетель и показать, что сродство душ между добрыми, между Кинкелями и Виллихами, одерживает верх над любым искусством злых сеять вражду.

«... отношения между партиями внутри пролетариата, между партией Маркса и партией Виллиха — Шаппера, согласно названию, данному *г-ном Марксом, а не мной».*

Благородное сознание должно доказать собственную скромность посредством чужого зазнайства. Поэтому оно превращает *«название, данное кёльнским обвинительным актом»* (см. стр. 6 «Разоблачений»[374]), в *«название, данное г-ном Марксом».* Из той же скромности оно превращает отношения между партиями внутри определенного тайного немецкого общества[375], о котором я говорю (см. 1. с.[**]), в «отношения между партиями внутри *самого* пролетариата».

«Когда осенью 1850 г. Техов приехал в Лондон, Маркс *поручил* Дронке написать ему, Марксу, будто Техов отозвался обо мне *крайне презрительно;* письмо это было оглашено. Техов приехал; мы откровенно поговорили друг с другом, как мужчины; сделанные в письме сообщения оказались вымышленными!!»

---

[*] Иронический намек на Готфрида Кинкеля и его жену Иоганну Кинкель. *Ред.*
[**] —loco citato—цитируемое место. *Ред.*

Когда Техов приехал в Лондон, я *поручил* Дронке написать мне, получил письмо, огласил его, а *затем* приехал Техов. В нарушении consecutio temporum* отражается растерянность благородного сознания, пытающегося установить ложную причинную связь между мной, письмом Дронке и приездом Техова. В письме Дронке, которое, между прочим, адресовано Энгельсу, а не мне, инкриминируемое место звучит буквально так:

«Сегодня мне удалось несколько переубедить Техова, хотя при этом я впервые вступил в резкий спор с ним и с Шили», — *Шили находится в данный момент в Лондоне,* — «и Техов несколько раз заявлял, что нападки на Зигеля являются личной причудой Виллиха, у которого, между прочим, он отрицает *какой бы то ни было* военный талант».

Таким образом, Дронке говорит не о крайне презрительных отзывах Техова вообще, но о крайне презрительных отзывах его по поводу военного таланта г-на Виллиха. Поэтому если Техов и объявил что-либо *вымышленным,* то это никак не относится к сделанным в письме Дронке сообщениям, а относится к тому, что благородное сознание сообщает о сообщениях Дронке. В Лондоне Техов не изменил своего высказанного в Швейцарии мнения о военном таланте г-на Виллиха, хотя, возможно, и изменил другие имевшиеся у него представления об этом лжеаскете. Таким образом, моя причастность к письму Дронке и приезду Техова ограничивается лишь тем, что я огласил письмо Дронке; в качестве председателя Центрального комитета я должен был оглашать все письма. Так, между прочим, было прочитано письмо Карла Бруна, в котором этот последний тоже потешался, над военным талантом Виллиха. Г-н Виллих был тогда убежден, что я *поручил* Бруну написать это письмо. Но так как Брун, в отличие от Техова, еще не уехал в Австралию, то г-н Виллих предусмотрительно замалчивает «этот образец моей тактики». Так, мне пришлось огласить письмо Ротаккера, в котором тот пишет:

«Я готов принадлежать к любой другой общине, но к *этой»* (то есть к виллиховской) — *«никогда».*

Он рассказывает, к каким роковым для него последствиям привела простая оппозиция взглядам Виллиха на «бросающиеся в глаза вооружения Пруссии», а именно, один из подручных Виллиха

«потребовал его немедленного исключения из Союза, а другой настаивал на образовании комиссии для расследования того, как этот Ротаккер попал в Союз, ибо это-де *подозрительно».*

Г-н Виллих был убежден, что я *поручил* Ротаккеру написать это письмо. Но так как Ротаккер, вместо того чтобы

* — согласования времен. *Ред.*

разыскивать золото около Мельбурна, издает газету в Цинциннати, то г-н Виллих нашел опять-таки уместным утаить от всего света этот другой «образец моей тактики».

Благородное сознание по своей природе всегда должно быть довольно собой и повсюду считать себя всеми признанным. Поэтому, если оно наталкивается на несогласие с его благосклонным мнением о самом себе, если Техов отрицает у него военный талант, а Ротаккер — политические способности, или если Беккер называет его просто *«глупым»,* то подобные противоестественные факты приходится прагматически объяснять тактическим противоречием между Ариманом — Марксом и Энгельсом и Ормуздом — Виллихом, и в соответствии с этим благородное сознание предается низменнейшему занятию, пытаясь высидеть, вывести, выдумать тайны этой мнимой тактики. Мы видим, говорит Гегель, как это сознание вместо того, чтобы заниматься возвышенным, занимается низменнейшим, именно самим собой.

«Таковы некоторые образцы тактики г-на Маркса»,—торжествующе восклицает г-н Виллих.

«Первое противоречие между Марксом, Энгельсом и мной обнаружилось, когда находившиеся в Лондоне деятели революции, сыгравшие в свое время более или менее значительную роль, направили нам приглашение на собрание. Я хотел пойти на него; я требовал, чтобы наша партийная позиция и организация были ограждены, но чтобы eclat* о *внутренних распрях в эмигрантской среде* не выходил *за пределы этой среды.* Я остался в меньшинстве; приглашение было отклонено, *и с этого дня ведут свое начало отвратительные распри в лондонской эмиграции,* последствия которых и сейчас еще *налицо,* хотя теперь они потеряли, очевидно, всякое значение в глазах общественного мнения».

Г-н Виллих, как «партизан» во время войны, полагает, что и в мирное время его миссией является переходить от одной партии к другой**. Вполне соответствует истине, что он со своими благородными коалиционными вожделениями остался в меньшинстве. Но это признание звучит тем более наивно, что впоследствии г-н Виллих старался распространить слух, будто эмиграция исключила нас из своей цеховой корпорации. Здесь же он признает, что мы исключили из своей среды этот цех эмигрантов. Таковы факты. А вот и их *преображение.* Благородному сознанию нужно доказать, что только Ариман помешал ему совершить благородное дело и предохранить эмиграцию от всех обрушившихся на нее напастей. Для этой цели оно должно снова прибегнуть ко лжи, чисто евангелистски искажая

* — слух. *Ред.*

** Игра слов: «Parteiganger» — «партизан», а также «приверженец той или иной партии». *Ред.*

при этом мирскую хронологию (см. Бруно Бауэр. «Синоптики»[376]). Ариман — Маркс и Энгельс — заявил о своем выходе из Общества рабочих на Грейт-Уиндмилл-стрит и о своем разрыве с Виллихом на заседании Центрального комитета 15 сентября 1850 года[377]. С этого дня они отстранились от участия в каких-либо публичных организациях, демонстрациях и манифестациях. Итак, с 15 сентября 1850 года. 14 июля 1851 г. «именитые деятели всех фракций» были приглашены на собрание к гражданину Фиклеру, 20 июля 1851 г. был основан «Агитационный союз», а 27 июля 1851 г. — «Немецкий эмигрантский клуб». Именно с *этого* дня, когда исполнились тайные желания благородного сознания, и ведут свое начало отвратительные распри в «лондонской эмиграции», именно с этого дня началась борьба между «Эмиграцией» и «Агитацией», которая велась по обеим сторонам океана — великая война мышей и лягушек[378].

Кто даст звучанье этой скромной лире,
Где вдохновенных слов поток мне взять,
Чтобы борьбу, невиданную в мире,
Я в ярких красках мог бы описать?

Все прежние бои — цветы на пире
В сравненьи с тем, что петь судил мне рок:
Ведь все, в ком жив чудесный дух отваги,
Скрестили в этой славной битве шпаги.
(По Боярдо, Orlando innamorato, canto 27*)

Эти «отвратительные распри» никогда не имели «значения в глазах общественного мнения», они имели значение только в собственном мнении мышей и лягушек. Но «последствия распрей и сейчас еще *налицо»*. Само пребывание г-на Виллиха в Америке является одним из таких последствий. Перекочевавшие из Америки в Европу в виде займа[379] деньги вернулись обратно из Европы в Америку в виде Виллиха. Одним из его первых деяний там было образование некоего тайного комитета в ..., чтобы обеспечить Готфриду Бульонскому и Петру Пустыннику** святой Грааль[380], демократическое золото, и уберечь его от Арнольда Винкельрида-Руге[381] и Меланхтона-Ронге.

Хотя «благородные мужи» были предоставлены самим себе и, по выражению Эдуарда Мейена, *все,* «вплоть до Бухера», составляли единое объединение, процесс распада не только в главном войске, но и внутри каждого лагеря, пошел так быстро, что Агитационный союз вскоре свелся к неполному семизвездию, а Эмигрантский клуб, несмотря на объедини-

* — Влюбленный Роланд, песнь 27. *Ред.*
** Иронический намек на Готфрида Кинкеля и Августа Виллиха. *Ред.*

тельную силу благородного сознания, превратился в триединство Виллиха, Кинкеля и трактирщика Шертнера. Даже триединое регентство над займом — такой притягательной силой обладало благородное сознание — свелось к чему-то такому, что нельзя даже назвать дуализмом, именно к Кинкелю — Виллиху. Г-н Рейхенбах был слишком почтенным человеком, чтобы оставаться дольше третьим в подобном союзе. Он имел возможность на практике познакомиться с «личным характером» благородного сознания.

К образцам «тактики Маркса», которые приводит благородное сознание, относятся и переживания последнего, связанные с Энгельсом. Привожу здесь одно письмо самого Энгельса.

«Манчестер, 23 ноября 1853 года. В романе, опубликованном г-ном Августом Виллихом в «New-Yorker Criminal-Zeitung» (в номерах от 28 октября и 4 ноября) в целях самооправдания, имею честь фигурировать и я. В связи с этим я вынужден официально сказать несколько слов по этому делу, поскольку оно касается меня.

Тот факт, что друг Виллих, который смешивает чистое безделье с *чистой* деятельностью и потому поглощен исключительно другом Виллихом, обладает великолепной памятью на все, касающееся его особы, что он вел своего рода каталог всех высказываний относительно себя, даже если они были произнесены за кружкой пива, — этот факт давно не был тайной ни для кого, кто имел удовольствие быть с ним знакомым. Но друг Виллих всегда умел находить наилучшее применение своей памяти и своему каталогу. Какое-нибудь маленькое искажение, какие-нибудь на вид неумышленные пропуски всякий раз превращали его — когда снова заходила речь о подобных безделицах — в героя драматического происшествия, в центральную фигуру какой-нибудь группы, какой-нибудь живой картины. В виллиховском романе, как в частностях, так и в целом, борьба всегда и везде ведется вокруг незапятнанного, а потому преследуемого Виллиха. В каждом отдельном эпизоде мы видим в заключение, как бравый Виллих произносит речь, а нечестивые противники его сокрушены, сломлены, повержены, подавлены сознанием собственного ничтожества. Et cependant on vous connait, o chevaliers sans peur et sans reproche![*]

Таким образом, в виллиховском романе эпоха страданий, во время которой благородный муж столько натерпелся от Маркса, Энгельса и прочих безбожников, является в то же время эпохой триумфа, когда он каждый раз победоносно

[*] — и тем не менее мы видим вас насквозь, о рыцари без страха и упрека! *Ред.*

расправляется со своими противниками, причем каждый новый триумф превосходит все предыдущие. Друг Виллих изображает себя, с одной стороны, в виде страждущего Христа, который принял на себя грехи Маркса, Энгельса и К°, а с другой — в виде Христа, который пришел сюда, чтобы судить живых и мертвых. Другу Виллиху было дано совместить *одновременно* в одном лице две столь противоречивые роли. Кто способен одновременно представлять обе эти стадии, тому, поистине, следует верить.

Нам, давно уже отлично знавшим эти самодовольные фантазии, которыми пожилой холостяк заполнял свои бессонные ночи, нам кажется странным лишь то, что все эти идиосинкразии всплывают наружу и ныне в такой же неизменной форме, как и в 1850 году. Но перейдем к частностям.

Друг Виллих, который превращает господ Штибера и К° в агентов какой-то немецкой «центральной союзной полиции», не существующей уже с древних времен преследования демагогов[382], и который рассказывает кучу других столь же чудесных «фактов», утверждает сверх того с обычной своей точностью, что я написал «брошюру» о баденской кампании 1849 года. Друг Виллих, изучивший с редкой основательностью ту часть моей работы, где говорится о нем, отлично знает, что я никогда не выпускал подобной «брошюры». В действительности я опубликовал в журнале «Neue Rheinische Zeitung, Hamburg und New-York, 1850» ряд статей о кампании за имперскую конституцию и в одной из них поделился наблюдениями, почерпнутыми из личного опыта во время пфальцско-баденской кампании[383]. В этой статье фигурирует, конечно, и друг Виллих, и, как он говорит, в ней дана ему «весьма лестная оценка», что, однако, привело его тотчас же в конфликт с присущей ему обычно скромностью, ибо статья эта превратила его как бы в «конкурента других, столь многочисленных великих государственных деятелей, диктаторов и полководцев».

В чем же заключается эта высокая «оценка» с моей стороны, которая так радует теперь благородное сердце Виллиха? В том, что я «оценил» г-на Виллиха как очень неплохого, при сложившихся обстоятельствах, батальонного командира, который за двадцать лет службы прусским лейтенантом усвоил необходимые для этого сведения, который не был лишен способностей для ведения малой и, в частности, партизанской войны и который, наконец, обладал тем преимуществом, что в качестве начальника добровольческого отряда из 600—700 человек был вполне на месте, между тем как большинство старших офицеров в ту кампанию состояло из субъектов, не обладавших

вообще никаким военным образованием или же обладавших им в такой степени, которая совершенно не соответствовала занимаемым ими постам. Сказать, что г-н Виллих мог лучше командовать семью сотнями человек, чем первый встречный студент, унтер-офицер, школьный учитель или сапожник, это является, конечно, «весьма лестной оценкой» для прусского лейтенанта, имевшего для этого 20 лет подготовки! Dans le royaume des aveugles le borgne est roi*. Само собой разумеется, что, занимая подчиненное место, он нес меньше ответственности и, следовательно, мог сделать меньше промахов, чем «его конкуренты», которые командовали дивизиями или занимали высшие генеральские посты. Кто знает, не оказался ли бы и Зигель, бывший совсем не на месте в качестве «главнокомандующего», неплохим батальонным командиром?

А эта горестная жалоба скромного Виллиха — который некоторыми американскими газетами за выслугу лет произведен в «генералы», вероятно, по моей вине — эта его жалоба, будто моя «оценка» грозит ему опасностью стать также генералом in partibus**, да что генералом, — полководцем, *государственным деятелем,* даже *диктатором!* Друг Виллих составил себе, должно быть, очень своеобразные представления о тех блестящих наградах, которые хранит in petto*** коммунистическая партия для примкнувшего к ней довольно сносного батальонного командира и начальника добровольческого отряда.

В упомянутой статье я говорил о Виллихе только как о военном, ибо только как таковой он мог интересовать публику, поскольку *«государственным деятелем»* он стал лишь после того. Если бы я имел злобу против него — ту злобу, которой, по его мнению, охвачены я и мои друзья, — если бы для меня представляло интерес дать ему личную характеристику, то какие можно было бы рассказать эпизоды! Ограничься я даже одной лишь комической стороной дела, разве мог бы я опустить историю про яблоню, под которой он и его безансонцы[384] собрались скорее умереть с пением песен, чем еще раз покинуть немецкую землю, дав в этом торжественную клятву. Разве мог бы я не рассказать о комедии, разыгравшейся на границе, когда друг Виллих сделал вид, что он и впрямь готов осуществить это намерение; когда ко мне подошло

* — В стране слепых и кривой — король. *Ред.*

** — in partibus infidelium—вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

*** — в тайне, в душе. *Ред.*

несколько простодушных людей, вполне серьезно убеждая меня отговорить бравого Виллиха от его решения; когда, наконец, Виллих, собрав отряд, обратился ко всем с вопросом, не предпочитают ли они скорее умереть на немецкой земле, чем отправиться в изгнание, и когда после долгого общего молчания один-единственный, презирающий смерть, безансонец воскликнул: «Остаться здесь!», после чего вся компания ко всеобщему великому удовольствию со всем оружием и обозом перешла в конце концов на территорию Швейцарии. Какой занятный эпизод представила бы позднейшая история с самим обозом, которая не лишена интереса в данный момент, когда сам Виллих призывает полмира высказаться по поводу его «характера». Впрочем, тем, кто желает узнать подробности об этом и о Других приключениях, стоит только обратиться к кому-нибудь из его 300 спартанцев, так и не сумевших найти тогда для себя Фермопил[385]. Они всегда проявляли готовность рассказывать за спиной характерной личности о самых скандальных происшествиях. У меня тому масса свидетелей.

Об истории с моей «храбростью» я не скажу ни слова. К своему удивлению, я обнаружил тогда в Бадене, что храбрость — это одно из самых обыденных качеств, не заслуживающих того, чтобы о нем распространяться, но что одна лишь простая храбрость стоит не больше, чем простая *добрая воля,* и поэтому довольно часто случается, что каждый в отдельности — герой и храбрец, а весь батальон в целом удирает, как один человек. Примером этого является поход виллиховского отряда в Карлсдорф, подробно изложенный в моем рассказе о кампании за имперскую конституцию[386].

Виллих утверждает, что в связи с этим он якобы прочел мне неотразимую моральную проповедь, и именно в новогоднюю ночь 1850 года. Не имея обыкновения вести дневник с заметками о том, как я перехожу из одного года в другой, я не могу поручиться за эту дату. Во всяком случае Виллих никогда не произносил этой проповеди в таком виде, в каком он излагает ее в печати.

Виллих уверяет, что в Эмигрантском комитете[387] я вместе с некоторыми другими лицами будто бы вел себя «недостойно» по отношению к великому человеку. Shocking![*] Но где же были эти неотразимые моральные аргументы в тот момент, когда Виллих, эта гроза нечестивых, вдруг оказался бессильным против простого «недостойного поведения»? Едва ли требуется, чтобы я серьезно останавливался на подобных нелепостях.

[*] — Ужасно! *Ред.*

На заседании Центрального комитета, где между Шраммом и Виллихом дело дошло до вызова на дуэль[388], я будто бы совершил преступление, «покинув комнату» вместе с Шраммом незадолго до этой сцены и, следовательно, подготовив всю сцену.

Прежде Шрамма «натравливал» якобы Маркс, теперь же, для разнообразия, в этой роли выступаю я. Дуэль между старым, опытным в обращении с пистолетом, прусским лейтенантом и коммерсантом, который, может быть, никогда не держал пистолета в руке, была поистине великолепным средством, чтобы «убрать с дороги» лейтенанта. Несмотря на это, друг Виллих повсюду рассказывал, — устно и письменно, — будто мы хотели, чтобы его застрелили.

Весьма возможно — я не веду дневника тех случаев, когда известная нужда заставляет меня покидать комнату, — что я одновременно с Шраммом оставил комнату; но едва ли это вероятно, так как из хранящихся у меня протоколов заседаний тогдашнего Центрального комитета я вижу, что в тот вечер Шрамм и я по очереди вели протокол. Шрамм просто был взбешен наглым поведением Виллиха и, к величайшему изумлению всех нас, вызвал его на дуэль. За несколько минут до того сам Шрамм, вероятно, не подозревал, что дело примет такой оборот. Трудно представить себе более непроизвольный поступок. Виллих и здесь рассказывает, будто он заявил: «Ты, Шрамм, покинешь комнату!» В действительности Виллих обратился к Центральному комитету с требованием удалить Шрамма. Центральный комитет не счел нужным удовлетворить его желание, и Шрамм удалился только по личной просьбе Маркса, желавшего избежать дальнейшего скандала. На моей стороне — протоколы, на стороне г-на Виллиха — его личный характер.

Фридрих Энгельс»

Г-н Виллих сообщает далее, как он рассказал в Просветительном обществе рабочих о «недостойном поведении» Эмигрантского комитета и внес по этому поводу предложение.

«Когда», — повествует благородное сознание, — «когда негодование против Маркса и его клики достигло высшей степени, я *голосовал* за рассмотрение вопроса в *Центральном комитете. Это* и имело место».

Что имело место? Голосование Виллиха или же рассмотрение вопроса в Центральном комитете? Но какое великодушие! Его повелительный голос спасает его врагов от достигшего высшей степени негодования народа. Г-н Виллих забывает только то обстоятельство, что Центральный комитет был

тайным комитетом *тайного* общества, а Общество рабочих было *открытым,* общедоступным обществом. Он забывает, что вопрос о рассмотрении дела в Центральном комитете не мог поэтому ставиться на голосование в Обществе рабочих и что сцена милосердного самаритянина, в качестве героя которой он фигурирует, не могла иметь места. Друг Шаппер поможет ему освежить свою память.

Из открытого Общества рабочих г-н Виллих ведет нас в тайный Центральный комитет, а из Центрального комитета — в Антверпен, на дуэль, на свою дуэль с Шраммом:

«Шрамм приехал в Остенде в сопровождении одного *бывшего русского офицера,* который во время венгерской революции перешел, *по его словам,* на сторону венгров и по окончании дуэли *бесследно исчез».*

Этот «бывший русский офицер» не кто иной, как *Генрик Людвик Мисковский.*

«This is», — читаем мы в свидетельстве, выданном *бывшему русскому офицеру,* — «this is to testify, that the bearer Henri Lewis Miskowsky, a *Polish* gentleman, has served *during the late Hungarian war* 1848—1849 as officer in the 46th. bataillon of the Hungarian *Honveds,* and that he behaved as *such praiseworthy and gallantly.*

London, Nov. 12, 1853. *L. Kossuth,* late governor of Hungary»*.

Изолгавшееся благородное сознание! Но цель *благородна.* Противоположность между добром и злом должна быть изображена в разительном контрасте, как живая картина. Что за живописная группа! На одной стороне наш благородный муж, окруженный

«Теховым, находящимся теперь в Австралии, Видилем, французским гусарским ротмистром, который находился тогда в изгнании, а теперь сидит в тюрьме в Алжире, и Бартелеми, известным по французским газетам как один из решительнейших революционеров».

Короче говоря, на одной стороне Виллих собственной персоной, окруженный цветом двух революций; на другой стороне — Шрамм, этот воплощенный порок, покинутый всеми, кроме одного «бывшего русского офицера», который участвовал в венгерской революции не в действительности, а только «по его словам» и который сразу же после дуэли «бесследно исчезает», то есть в конце концов оказывается самим дьяволом. Далее следует художественное изображение того, как добродетель остановилась в «первом отеле» Остенде, где проживал один «прусский принц», между тем как порок вместе с русским

* — «Сим удостоверяется, что предъявитель сего, Генрих Людвиг Мисковский, польский дворянин, служил во *время последней венгерской войны* 1848—1849 гг. в качестве офицера в 46-м батальоне венгерских *гонведов* и что он вел себя *достойно* и *храбро.*

Лондон, 12 *ноября* 1853 года. *Л. Кошут,* бывший правитель Венгрии». *Ред.*

офицером «поселился в частном доме». Впрочем, русский офицер, по-видимому, не совсем «исчез по окончании дуэли», так как, по дальнейшему рассказу г-на Виллиха, «Шрамм с русским офицером остался у ручья». Но русский офицер не исчез также и с лица земли, как надеется наш благородный рыцарь. Это явствует из нижеследующего заявления:

«Лондон, 24 ноября 1853 г.

В «Criminal-Zeitung» от 28 октября помещена статья г-на Виллиха, в которой он, в частности, описывает свою дуэль с Шраммом в Антверпене в 1850 году. К сожалению, описание это не во всех пунктах правдиво информирует публику. Там сказано: «Условились о дуэли и т. д., Шрамм приехал в сопровождении одного бывшего русского офицера и т. д., который и т. д. исчез». Это неправда. Я никогда не служил России; с таким же основанием, как меня, можно было бы назвать *русскими* всех других *польских* офицеров, участвовавших в освободительной войне Венгрии. Я служил в Венгрии с начала войны 1848 г. до самого ее исхода при Вилагоше в 1849 году. Я также не исчезал бесследно. После того как Шрамм, который выстрелил в Виллиха, выдвинувшись всего на полшага от исходной позиции, промахнулся, а Виллих выстрелил со своего места в Шрамма и его пуля слегка оцарапала голову Шрамма, я остался при последнем, *ибо у нас не было доктора»* (дуэль организовывал г-н Виллих); «я промыл Шрамму рану и перевязал ее, не обращая внимания на семь человек, которые недалеко от нас убирали сено, наблюдая за дуэлью, и могли оказаться опасными для меня. Виллих и его спутники удалились самым поспешным образом, Шрамм же и я спокойно оставались на месте, смотря им вслед. Вскоре они скрылись с наших глаз. Я должен еще заметить, что Виллих и его спутники были уже на месте дуэли, когда мы туда прибыли, и что они отмеряли расстояние для поединка, причем Виллих выбрал для себя такую позицию, чтобы оставаться в тени. Я обратил на это внимание Шрамма, но он сказал: «пусть будет так». Шрамм держался мужественно, бесстрашно, с полным хладнокровием. Тот факт, что я *вынужден* был остаться в Бельгии, не остался неизвестным лицам, причастным к этому происшествию. Вдаваться в дальнейшие подробности этой столь своеобразной по своей форме дуэли я не хочу.

Генрик Людвик Мисковский»

Механизм благородного сознания заведен. Изобретя какого-то русского офицера, оно заставляет его тут же бесследно исчезнуть. Вместо этого офицера на поле боя непременно должен теперь, подобно Самиелю, появиться я, хотя бы в бестелесном виде.

«На следующий день, рано утром» (после прибытия г-на Виллиха в Остенде), «он» (один близко знакомый французский гражданин), «показал нам брюссельский «Precurseur», в котором была помещена частная корреспонденция, содержащая следующее место: *«В Брайтон прибыло много немецких эмигрантов.* Нам пишут из этого города: Ледрю-Роллен и французские эмигранты Лондона собираются на днях устроить конгресс в Остенде вместе с бельгийскими демократами». Кто может претендовать на честь назвать эту идею своей идеей? От *француза* она не исходила, для

этого она была слишком a propos*. Эта честь принадлежит безраздельно г-ну Марксу, *ибо если* один из его друзей и *мог* таковое исполнить, то все же голова, а не рука создает идею».

«Один близко знакомый французский гражданин» показывает г-ну Виллиху и К° брюссельский «Précurseur». *Он показывает* им то, чего не существует. В действительности существует антверпенский «Précurseur»[389]. Систематические искажения и измышления в области топографии и хронологии составляют существенную функцию благородного сознания. Для его идеальных произведений подходят только такие рамки, как идеальное время и идеальное пространство.

Чтобы доказать, что эта идея, а именно статья в брюссельском «Precurseur» «исходила от» Маркса, г-н Виллих уверяет: «от француза она не исходила». Эта идея вообще не *исходила от* кого-либо! «Для этого она была слишком a propos». Mon dieu**, почему бы идее, которую сам г-н Виллих может выразить лишь по-французски, не исходить от француза? Но каким образом здесь вообще вдруг очутился француз, о благородное сознание? Что за дело французу до Виллиха, Шрамма, бывшего русского офицера и брюссельского «Précurseur»?

Рупор мыслей благородного сознания начинает не вовремя говорить громко и выдает, что оно a propos сочло нужным выбросить одно необходимое промежуточное звено. Вставим его обратно.

Еще до того, как Шрамм вызвал на дуэль г-на Виллиха, француз Бартелеми условился о дуэли с французом Сонжоном; последняя должна была состояться в Бельгии. Бартелеми выбрал себе в качестве секундантов Виллиха и Видиля. Сонжон выехал в Бельгию. Тем временем произошел инцидент с Шраммом. И вот обе дуэли должны были состояться в один день. Сонжон *не* явился на место поединка. Бартелеми, по возвращении в Лондон, *публично* утверждал, что статья в антверпенском «Précurseur» — дело рук Сонжона.

Благородное сознание долго колебалось, прежде чем оно перенесло идею с Бартелеми на себя, а с Сонжона на меня. Первоначально, как рассказывал мне и Энгельсу сам Техов после своего возвращения в Лондон, оно было твердо убеждено, что я намеревался через посредство Шрамма отправить благородного мужа на тот свет, и письменно распространило эту идею по всему миру. Но, по более зрелом размышлении, оно решило, что мне с моей дьявольской тактикой не могло прийти

* — кстати. *Ред.*
** — Боже мой. *Ред.*

в голову убрать г-на Виллиха при помощи дуэли с Шраммом. Поэтому оно ухватилось за идею, которая «не исходила от француза».

Тезис: «Эта честь принадлежит безраздельно г-ну Марксу». *Доказательство: «Ибо если* один из его друзей и *мог* таковое» (идея, разумеется, у нашего непорочного рыцаря среднего рода, а не *женского)* «исполнить» *(исполнить* идею!), «то все же голова, а не рука создает идею». *Ибо если!* Великое *ибо если!* Чтобы доказать, что Маркс *выдумал* «таковое», г-н Виллих допускает, что один друг Маркса *исполнил* или, вернее, *мог* «таковое» исполнить. Quod erat demonstrandum*.

«Если», — говорит благородное сознание, — «если установлено, что Семере, друг Маркса, предал венгерскую корону австрийскому правительству, то это *было бы* верным доказательством и т. д.».

Установлено, положим, как раз обратное. Но это не относится к делу. *Если* бы Семере совершил предательство, то это *было бы* для г-на Виллиха «верным» доказательством того, что автором статьи в брюссельском «Précurseur» является Маркс. Но *если* даже посылка *не* установлена, то все же твердо установлено заключение, иначе говоря твердо установлено, что если Семере предал корону святого Стефана, то Маркс предал самого святого Стефана.

После того как русский офицер бесследно исчезает, г-н Виллих снова всплывает и притом в лондонском «Обществе рабочих», где

«рабочие единодушно осудили г-на Маркса», которого «на следующий день после выхода из Общества на общем собрании Лондонского округа исключили единодушно из Союза».

Но еще до этого

«Маркс вместе с большинством Центрального комитета принял решение перенести Центральный комитет из Лондона»

и, несмотря на благожелательные предостережения Шаппера, образовал свой особый округ. По уставу тайного общества, большинство имело право перенести Центральный комитет в Кёльн и временно исключить весь виллиховский округ, который *не был полномочен принимать* решения относительно Центрального комитета. Бросается в глаза то, что благородное сознание с его пристрастием к маленьким драматическим сценам, в которых г-н Виллих играет большую риторическую роль, на этот раз оставило неиспользованной самоё катастрофу, сцену разрыва. Искушение было велико, но, к сожалению, существует сухой протокол, показывающий, что

* — что и требовалось доказать. *Ред.*

торжествующий Христос в течение нескольких часов сидел в замешательстве, молча выслушивая обвинения злых духов, затем вдруг удрал, бросив друга Шаппера на произвол судьбы, и обрел снова дар речи лишь в «округе» правоверных. En passant*, в то время как г-н В. вещает в Америке о великолепии «связанного с ним уважением и доверием Общества рабочих», даже г-н Шаппер счел необходимым пока что выйти из Общества г-на Виллиха.

Благородное сознание на мгновение поднимается из области столь свойственного ему «тактического» действия в область теории. Но это только одна видимость. В действительности же оно продолжает преподносить «образцы тактики г-на Маркса». На стр. 8 *«Разоблачений»* читаем: «Партия Шаппера — Виллиха» (г-н Виллих цитирует: Виллиха — Шаппера) «никогда не претендовала на честь иметь собственные идеи. Ей свойственно лишь своеобразное непонимание чужих идей»[390]. Чтобы раскрыть перед публикой свой запас *собственных* идей, г-н В., в качестве своего новейшего открытия и в качестве опровержения взглядов Энгельса и моих, сообщает, «какие *учреждения»* «создала» бы мелкая буржуазия, если бы она пришла к власти. В одном, написанном Энгельсом и мной и захваченном саксонской полицией у Бюргерса циркулярном обращении[391], которое было напечатано в самых распространенных немецких газетах и составляет основу кёльнского обвинительного акта, имеется довольно подробное изложение благих пожеланий немецкой мелкой буржуазии. Отсюда взят текст проповеди Виллиха. Пусть читатель сравнит оригинал и копию. Как гуманно со стороны добродетели, что она занимается списыванием у порока, хотя и со «своеобразным непониманием». Ухудшение стиля компенсируется за счет улучшения намерений.

На стр. 64 *«Разоблачений»* сказано, что Союз коммунистов, по моему мнению, «ставит своей целью образование не *правительственной,* а *оппозиционной партии будущего»*[392]. Г-н Виллих в силу своего благородства отбрасывает одну часть фразы: «не *правительственной»,* цепляясь за вторую: «оппозиционной партии будущего». Разорвав таким остроумным образом пополам это предложение, он доказывает, что истинная партия революции, это — партия *людей, гоняющихся за местами.*

Другая «собственная» идея, произведенная на свет г-ном Виллихом, заключается в том, что практическое противоречие между благородным сознанием и его противниками может быть выражено и *теоретически,* как «разделение человечества на две породы», Виллихов и Анти-Виллихов, на породу благородных

* — Между прочим. *Ред.*

и породу неблагородных. О породе благородных мы узнаем, что их главный отличительный признак состоит в том, *«что они ценят друг друга».* Быть скучным — такова привилегия благородного сознания, когда оно перестает развлекать нас своими образцами тактики.

Мы видели, как благородное сознание извращает или подтасовывает факты или же выдает смехотворные гипотезы за серьезные тезисы — и все это для того, чтобы объявить *фактически* чем-то неблагородным, низким все то, что противоречит ему. Мы видели, поэтому, как вся его деятельность сводится исключительно к изобретению низостей. Оборотной стороной этой деятельности является то, что благородное сознание превращает те фактические недоразумения, которые возникают между ним и остальным миром, — как бы они ни казались компрометирующими, — в фактические доказательства своего благородства. Для чистого все чисто, и противник, судящий о благородном сознании по его делам, доказывает этим лишь то, что сам он нечистый. Поэтому благородному сознанию нечего *оправдываться,* ему остается только выражать свое моральное негодование и удивление относительно противника, который принуждает его оправдываться. Поэтому тот эпизод, в котором г-н Виллих якобы *оправдывается,* с таким же успехом мог бы не иметь места, как в этом убедится каждый, кто сравнит мои «Разоблачения», добровольные признания Гирша и ответ г-на Виллиха. Я поэтому покажу лишь на некоторых примерах, что собой представляют *мужи* благородного сознания.

В большей степени, чем моими «Разоблачениями» г-н Виллих был скомпрометирован добровольными признаниями Гирша, хотя первоначальной целью их было прославить его как избавителя от собственных врагов. Он поэтому тщательно избегает касаться добровольных признаний Гирша. Он избегает даже упоминания их. Гирш, как известно, — орудие прусской полиции против партии, к которой я принадлежу. Этому факту г-н Виллих противопоставляет предположение, что Гирш *собственно* предназначался мной для того, чтобы «взорвать» партию Виллиха.

«Очень скоро он» (Гирш) «стал интриговать вместе с некоторыми сторонниками Маркса, особенно с неким Лохнером, чтобы взорвать Общество. *Вследствие этого* за ним стали наблюдать. Он был уличен и т. д. По моему предложению его исключили; Лохнер вступился за него и был тоже исключен... Гирш стал интриговать *теперь* против О. Дица... Интрига была немедленно вновь раскрыта».

О том, что Гирш, по предложению г-на Виллиха, был, как шпион, изгнан из Общества рабочих на Грейт-Уиндмилл-стрит,

я сам говорю в «Разоблачениях», стр. 67[393]. Это изгнание не имело никакого значения в моих глазах, так как я узнал, что — как это подтверждает теперь и сам г-н Виллих — причиной его послужили не доказанные факты, а подозрения о каких-то воображаемых интригах Гирша со мной. Я знал, что в этом преступлении Гирш неповинен. Что касается Лохнера, то он требовал доказательств вины Гирша. Г-н Виллих ответил, что неизвестно, на какие средства живет Гирш. А на какие средства живет г-н Виллих? — спросил Лохнер. За это «недостойное» замечание Лохнер был привлечен к *суду чести* и, так как, несмотря на все увещевания, он не хотел покаяться в этом грехе, то был «исключен». После того как Гирш был исключен, а за ним последовал Лохнер, Гирш стал интриговать

«*теперь* главным образом против О. Дица вместе с одним очень подозрительным бывшим саксонским полицейским агентом, который выдвинул обвинение против Дица».

Штехан, совершив побег из одной ганноверской тюрьмы, прибыл в Лондон, вступил в виллиховское Общество рабочих и выдвинул против О. Дица обвинение. Штехан не был ни «подозрительным», ни «бывшим саксонским полицейским агентом». Выступить с обвинениями против О. Дица Штехана побудило то обстоятельство, что судебный следователь показал ему в Ганновере ряд его собственных писем, адресованных им в Лондон Дицу, секретарю виллиховского Комитета[394]. Почти одновременно с Штеханом появились Лохнер, Эккариус II, только что выпущенный из ганноверской тюрьмы и высланный, Гимпель, которого разыскивали на основании приказа об аресте по делу об участии в шлезвиг-гольштейнских событиях, и Гирш, который в 1848 г. сидел в Гамбурге из-за одного революционного стихотворения и выдавал себя за человека, снова преследуемого полицией. Вместе с Штеханом они составили своего рода оппозицию и совершили грех против святого духа, выступив против вероучения г-на Виллиха на публичных дискуссиях Общества. Все они выражали удивление по поводу того, что ответом на обвинение Штеханом Дица явилось исключение Гирша Виллихом. Вскоре все они вышли из Общества рабочих и образовали вместе с Штеханом отдельное общество, просуществовавшее некоторое время. Со мной они установили связь лишь *после* своего выхода из общества г-на Виллиха. Благородное сознание выдает свою лживость тем, что извращает хронологию и совершенно игнорирует Штехана, это необходимое, но неудобное промежуточное звено.

Я говорю на стр. 66 *«Разоблачений»:* «Незадолго до открытия заседаний кёльнского суда присяжных Кинкель и Виллих послали одного портновского подмастерья[*] в качестве эмиссара в Германию»[395] и т. д.

«Почему», — восклицает с негодованием благородное сознание, — «почему г-н Маркс делает упор на том, что это был *портновский подмастерье?»*

Я вовсе не «делаю упора» на том, что это был портновский подмастерье, как, например, благородный муж делает упор на том, что Пипер — «домашний учитель у Ротшильда», хотя Пипер в результате кёльнского процесса коммунистов потерял свое место у Ротшильда, став вместо этого членом редакции органа английских чартистов[**]. Я просто называю портновского подмастерья портновским подмастерьем. Почему? Ибо я должен был умолчать о его имени и в то же время показать гг. Кинкелю и Виллиху, что я вполне осведомлен о личности их эмиссара. Благородное сознание обвиняет меня поэтому в государственной измене по отношению ко всем портновским подмастерьям и старается заполучить их голоса пиндаровой одой в честь портновских подмастерьев. Щадя добрую славу портновских подмастерьев, благородное сознание великодушно умалчивает о том, что Эккариус — на которого оно указывает как на одного из изгнанных козлищ — является портновским подмастерьем, что нисколько не помешало до сих пор Эккариусу быть одним из крупнейших мыслителей немецкого пролетариата и завоевать себе своими английскими статьями в «Red Republican», «Notes to the People»[396] и в «People's Paper» авторитет даже среди чартистов. Вот каким способом г-н Виллих *опровергает* мои разоблачения относительно деятельности посланного им и Кинкелем в Германию портновского подмастерья.

Теперь перейдем к случаю с *Хенце.* Благородное сознание пытается выпадом против меня прикрыть свою собственную позицию.

«Между прочим он» (Хенце) *«ссудил Марксу* 300 талеров».

В мае 1849 г. я сообщил г-ну Ремпелю о финансовых затруднениях «Neue Rheinische Zeitung», возраставших вместе с ростом числа подписчиков, ибо расходы приходилось покрывать наличными деньгами, а взносы поступали лишь с опозданием; кроме того, значительный дефицит создался из-за дезертирства почти всех акционеров, вызванного статьями в защиту парижских июньских инсургентов, а также статьями против франк-

[*] — А. Геберта. *Ред.*
[**] — «People's Paper». *Ред.*

фуртских парламентариев, берлинских соглашателей и членов мартовских союзов[397]. Г-н Ремпель направил меня к Хенце, который ссудил «Neue Rheinische Zeitung» под мое письменное поручительство 300 талеров. Хенце, которого самого тогда преследовала полиция, счел необходимым покинуть Хамм и отправился со мной в Кёльн, где меня ожидало известие о том, что я подлежу высылке из пределов Пруссии. 300 талеров, занятые мной у Хенце, 1500 талеров, внесенных подписчиками, которые я получил через прусскую почту, принадлежавшая мне скоропечатная машина и пр. — все это пошло на погашение долгов «Neue Rheinische Zeitung» наборщикам, печатникам, бумагопродавцам, конторщикам, корреспондентам, персоналу редакции и т. д. Никто не знает этого лучше, чем г-н Хенце, так как он сам одолжил моей жене дорожную сумку для упаковки ее серебра и отправки его в ломбард во Франкфурт, чтобы мы могли раздобыть таким образом средства для наших личных нужд. Бухгалтерские книги «Neue Rheinische Zeitung» хранятся в Кёльне у купца Стефана Наута, и я уполномочиваю благородное сознание получить там официально заверенную выписку из этих книг.

После этого отступления вернемся к делу.

«Разоблачения» не видят ничего загадочного в том, что г-н Виллих был другом Хенце и получал от него денежную помощь. Они находят загадочным (стр. 65[398]), что Хенце, у которого ведь был произведен домашний обыск и были захвачены бумаги, который был уличен в том, что дал в Берлине пристанище Шиммельпфеннигу во время выполнения последним одной тайной миссии, и который «признался» в своем соучастии в деятельности Союза, — что этот самый Хенце в момент, когда кёльнский процесс близился к концу, когда бдительность прусской полиции была доведена до крайнего предела и за каждым сколько-нибудь подозрительным немцем в Германии и Англии следили строжайшим образом, получил разрешение властей поехать в Лондон и там беспрепятственно встречаться с Виллихом, а потом вернулся в Кёльн, чтобы дать «ложное показание» против Беккера. Определенный период времени придает взаимоотношениям гг. Хенце и Виллиха определенный характер, и упомянутые обстоятельства должны были казаться странными самому г-ну Виллиху, хотя он и не знал, что Хенце сносился по телеграфу из Лондона с прусской полицией. Дело идет об определенном периоде времени. Г-н Виллих правильно чувствует это и заявляет поэтому на свой благородный манер:

«Он» (Хенце) «приехал до процесса в Лондон» (это утверждаю и я) «не ко мне, а на *промышленную выставку*».

У благородного сознания своя собственная промышленная выставка, как и свой собственный брюссельский «Precurseur». Настоящая лондонская промышленная выставка была закрыта в октябре 1851 г., а у г-на Виллиха Хенце едет «на *нее»* в августе *1852* года. Это обстоятельство могут подтвердить Шили, Хейзе и прочие поручители кинкель-виллиховского займа, к каждому из которых г-н Хенце приходил на поклон, чтобы заручиться их голосами для перевода американских денег из Лондона в Берлин.

Еще задолго до того как г-н Хенце поселился у г-на Виллиха, он получил вызов на кёльнский процесс в качестве свидетеля, но не со стороны защиты, а со стороны обвинения. Как только мы узнали, что г-н Виллих инструктировал Хенце относительно показаний последнего на кёльнском суде присяжных *против* Беккера (стр. 68 «Разоблачений»[399]), «человека столь возвышенного духа и характера», нами тотчас же была послана соответствующая информация адвокату Шнейдеру II, защитнику Беккера; письмо прибыло как раз в день допроса Хенце в качестве свидетеля. Характер его показаний соответствовал тому, что мы *предсказывали.* Беккер и Шнейдер *поэтому* запросили его публично о его отношениях с г-ном Виллихом. Письмо находится среди документов защиты в Кёльне, отчет о допросе Хенце опубликован в «Kolnische Zeitung».

Я не рассуждаю таким образом: *если* установлено, что г-н Хенце сделал то-то и то-то, то это *было бы* убедительным подтверждением деятельности г-на Виллиха; *ибо если* друг Хенце и мог таковое исполнить, то все же голова, а не рука создает идею. Такого сорта диалектику я предоставляю благородному сознанию.

Но вернемся к подлинной теме г-на Виллиха:

«Для того, чтобы полностью оценить эту» (принятую Марксом) *«тактику, вот еще несколько образцов».*

Во время пассивного сопротивления в Гессене, набора ландвера в Пруссии и показного конфликта между Пруссией и Австрией[400] благородное сознание как раз готовилось поднять военный бунт в Германии, а именно: путем посылки «некоторым лицам в Пруссии краткого проекта образования комитетов ландвера» и путем *готовности,* г-на Виллиха ***«самому*** отправиться в Пруссию».

«Именно г-н Маркс, узнав об этом от одного из своих людей, сообщил другим лицам о моем *намерении уехать* и впоследствии хвалился тем, что мистифицировал меня *подложными письмами из Германии».*

Indeed![*] Беккер прислал мне с забавными комментариями сумасбродные письма Виллиха, которые Беккер публично предал гласности в Кёльне. Я не был настолько жесток, чтобы лишить своих друзей удовольствия прочитать эти письма. Шрамм и Пипер забавлялись тем, что мистифицировали г-на Виллиха ответами, но не *«из Германии»,* а через посредство *лондонской городской почты.* Наш благородный муж поостережется показать почтовые штемпеля. Он утверждает, что «получил *одно* письмо, написанное поддельным почерком, и признал его фальшивым». Этого не может быть. Все эти письма были написаны одной и той же рукой. Г-н Виллих, «хвалясь» тем, что он открыл несуществующий поддельный почерк и из всех писем, каждое из которых было столь же подлинным, как и все остальные, признал *одно* фальшивым, в то же время был чересчур благороден, чтобы признать мистификацией восхваление его собственной особы в азиатско-гиперболическом стиле, грубо комическое одобрение его навязчивых идей и романтическое преувеличение его собственных притязаний. Даже если поездка г-на Виллиха была задумана всерьез, то помешало ей не мое «сообщение третьим лицам», а сообщение, сделанное самому г-ну Виллиху. Дело в том, что последнее письмо, которое он получил, сорвало и без того прозрачный покров. Побуждаемый своим тщеславием, он и до сих пор признает разочаровавшее его письмо *фальшивым,* а *дурачившие* его письма — подлинными. Не воображает ли благородное сознание, что так как оно добродетельно, то на свете могут еще, пожалуй, существовать sect and cakes[**], но не должно быть юмора? Со стороны нашего благородного рыцаря было неблагородно не дать публике насладиться чтением этих писем.

«Что касается упоминаемой Марксом переписки с Беккером то все сказанное насчет этого *ложь»*.

Что касается этой фальсифицированной переписки, *намерения* г-на Виллиха отправиться собственной персоной в Пруссию и моего сообщения об этом третьим лицам, то я счел целесообразным послать экземпляр «Criminal-Zeitung» бывшему лейтенанту Штеффену. Штеффен был со стороны защиты свидетелем Беккера, передавшего ему на хранение все свои бумаги. Полиция заставила Штеффена уехать из Кёльна, и он живет теперь в Честере, занимаясь там преподаванием, так как принадлежит к неблагородной породе людей, вынужденных даже в эмиграции *зарабатывать* себе на жизнь. Благородное сознание, в соот-

[*] — В самом деле! *Ред.*
[**] — любовь и чревоугодие. *Ред.*

ветствии со своим эфирным существом, живет не на капитал, которого оно не имеет, и не за счет работы, ибо оно не работает, оно живет манной общественного мнения, живет за счет *уважения* других людей. Поэтому оно и сражается за него, как за свой единственный капитал. Штеффен пишет мне:

«*Честер, 22 ноября* 1853 г.

Виллих очень зол, что Вы привели отрывки из одного письма Беккера. Он называет письмо, а следовательно, и приведенные из него места вымышленными. Этому вздорному утверждению я противопоставляю факты, чтобы документально подтвердить мнение Беккера о Виллихе. Однажды вечером Беккер, смеясь от души, передал мне два письма и предложил мне прочесть их, когда я буду в дурном настроении; он сказал, что содержание их должно меня тем более позабавить, что я благодаря своему прежнему положению могу судить о них с военной точки зрения. Действительно, перечитывая эти письма, написанные Августом Виллихом Беккеру, я нашел весьма комичные и курьезные торжественные приказы (употребляя соответствующее королевско-прусское выражение), в которых великий фельдмаршал и социальный мессия отдавал из Англии распоряжение занять Кёльн, конфисковать частную собственность, установить искусно организованную военную диктатуру, ввести военно-социальный кодекс, запретить все газеты, кроме одной, которая должна была ежедневно публиковать распоряжения о надлежащем образе мыслей и действий, и множество других подробностей. Виллих был настолько милостив, что обещал, если в Кёльне и прусской Рейнской провинции будет выполнена эта часть работы, приехать лично, чтобы отделить овец от козлищ и судить живых и мертвых. Виллих утверждает, что его «краткий проект был бы легко осуществлен, если бы некоторые лица проявили инициативу», и «что он имел бы серьезнейшие последствия» (для кого?). Для расширения собственного кругозора я хотел бы, пожалуй, знать, какие глубокомысленные «офицеры ландвера» «заявили впоследствии» об этом г-ну Виллиху, а также. где находились во время сбора прусского ландвера эти господа, якобы верившие в «серьезнейшие последствия краткого проекта», в Англии или же в Пруссии, где дитя должно было быть произведено на свет. Со стороны Виллиха было очень мило, что он послал «некоторым» лицам сообщение о рождении младенца и дал его описание; но, кажется, ни одно из этих лиц так и не выразило охоты быть крестным отцом, кроме Беккера, «человека возвышенного ума и характера». Однажды Виллих прислал сюда одного адъютанта по имени ...* Последний оказал мне честь, пригласив меня к себе, и был твердо убежден, что наверняка может единым взглядом лучше оценить всю ситуацию, чем кто-либо другой, кто изо дня в день непосредственно следит за фактами. Поэтому у него сложилось весьма невысокое мнение обо мне, когда я ему сообщил, что офицеры прусской армии отнюдь не сочтут за счастье сражаться под его и Виллиха знаменем и вовсе не склонны citissime** провозглашать виллиховскую республику. Еще больше он рассердился, когда не нашлось ни одного человека, столь неразумного, чтобы согласиться размножить привезенное им с собой воззвание к офицерам, которое призывало их тотчас же открыто высказаться за «то», что он называл демократией. В бешенстве покинул он «порабощен-

* В памфлете «Господин Фогт» в цитате из данного письма вместо многоточия назван Шиммельпфенниг. *Ред.*

** — самым поспешным образом. *Ред.*

ный Марксом Кёльн» (как он мне писал), «однако, добился размножения этой дребедени в каком-то другом месте и разослал ее многим офицерам, в результате чего «Обозреватель» из «Kreuz-Zeitung» получил возможность проституировать целомудренную тайну этого хитроумного способа превращать прусских офицеров в республиканцев.

Виллих заявляет, что он абсолютно не верит, будто люди, наделенные «беккеровским возвышенным характером и духом», могли смеяться над его проектом. Он поэтому называет заявление об этом факте вздорной выдумкой. Если бы он читал отчеты о кёльнском процессе, — а основания для этого у него, конечно, были, — то он нашел бы, что Беккер так же как и я *публично* высказали о его проектах то суждение, которое содержится в опубликованном Вами письме. Если Виллиху желательно получить правильное изображение *с военной точки зрения* тогдашней обстановки, которую он рисовал себе по наитию фантазии, то я могу ему в этом быть полезным.

Должен с сожалением отметить, что из прежних товарищей Виллиха не одни только Вейдемейер и Техов отказываются платить потребную ему дань восхищения его военным гением и практическим пониманием дел.

В. Штеффен»

А теперь, в заключение — «образец тактики Маркса». Г-н Виллих приводит фантастическое описание одного происходившего в феврале 1851 г. банкета, устроенного Луи Бланом в виде контрдемонстрации против банкета Ледрю-Роллена, а также для противодействия влиянию Бланки. «Г-н Маркс, разумеется, не был приглашен».

Разумеется, нет. За два шиллинга каждый мог получить «приглашение», и Луи Блан несколько дней спустя весьма настойчиво спрашивал у Маркса, почему он не пришел.

«Вслед за тем» (за чем, за банкетом?) «в Германии среди рабочих была распространена листовка, где приводился *непроизнесенный тост Бланки* вместе с осмеивающим празднество введением, в котором Шаппер и Виллих были названы обманщиками народа».

«Непроизнесенный тост Бланки»[401] составляет существенную часть истории благородного сознания, которое, преисполненное веры в *высший* смысл своих слов, обычно решительно заявляет: *«Я никогда не лгу!»*

Несколько дней спустя после банкета парижская газета «Patrie» напечатала текст тоста, который Бланки по просьбе устроителей торжества прислал из тюрьмы Бель-Иль. В нем Бланки в свойственной ему чеканной форме заклеймил всех членов временного правительства 1848 г. и, в особенности, отца банкета, г-на Луи Блана. «Patrie» с притворным удивлением спрашивала, почему этот тост не был оглашен на банкете. Луи Блан немедленно заявил в лондонском «Times», что Бланки — гнусный интриган и что подобного тоста комитету по организации празднования он никогда не присылал. Гг. Луи Блан, Ландольф, Бартелеми, Видиль, Шаппер и *сам Виллих*

направили в «Patrie» от имени комитета по организации празднования заявление о том, что они *никогда* не получали указанного тоста. Но «Patrie», прежде чем опубликовать это заявление, обратилась к г-ну Антуану, зятю Бланки, передавшему ей для напечатания текст тоста. *Под* текстом заявления вышеназванных господ она напечатала ответ Антуана, в котором говорилось, что он действительно послал тост Бартелеми и получил от него уведомление о получении тоста. Г-н Бартелеми заявил «вслед за тем», что хотя он и получил тост, но, найдя его неподходящим, отложил его, не сообщив об этом комитету. К несчастью, однако, еще до этого один из подписавших заявление, экс-капитан Видиль, написал в «Patrie», что чувство воинской чести и стремление к истине вынуждают его сознаться, что как он, так и Луи Блан, Виллих и все прочие солгали, подписывая первое заявление комитета. Комитет состоял не из названных шести, а из тринадцати членов. Все они видели тост Бланки, все его обсуждали и после долгих дебатов большинством в семь голосов против шести решено было не оглашать его. Он, Видиль, был одним из шести членов, голосовавших *за* его оглашение.

Легко представить себе торжество «Patrie», когда она, после письма Видиля, получила заявление г-на Бартелеми. Она напечатала его со следующим «предисловием»:

«Мы часто задавали себе вопрос, — а на него ответить нелегко — что у демагогов развито сильнее: бахвальство или глупость? Полученное нами четвертое письмо из Лондона делает ответ для нас еще более затруднительным. Сколько же там этих несчастных созданий, до такой степени снедаемых жаждой писать и видеть свое имя напечатанным в *реакционных* газетах, что их не останавливает даже бесконечный позор и самоунижение! Какое им дело до насмешек и негодования публики, ведь «Journal des Debats», «Assemblee nationale», «Patrie» напечатают их стилистические упражнения. Для достижения такого счастья никакая цена не покажется слишком высокой этой космополитической демократии... Во имя литературного сострадания мы помещаем поэтому нижеследующее письмо гражданина Бартелеми, — оно является новым и, мы надеемся, последним доказательством подлинности отныне знаменитого тоста Бланки, существование которого они сначала все отрицали, а теперь готовы вцепиться друг другу в волосы из-за того, кто его удостоверит».

Такова история тоста Бланки. Societe des proscrits democrates et socialistes* порвало, в связи с «непроизнесенным тостом Бланки», свое соглашение с организацией г-на Виллиха.

В Societe des proscrits democrates et socialistes, одновременно с расколом в немецком Обществе рабочих и в немецком Союзе коммунистов, также произошло размежевание. Часть членов его, проявлявших подозрительное тяготение к *буржуазной*

* — Общество демократических и социалистических эмигрантов. *Ред.*

демократии, к *ледрю-ролленизму,* заявила о своем выходе и была после этого задним числом исключена. Может быть, благородное сознание заявило *этому* обществу то же, что оно теперь заявляет буржуазным демократам, а именно, что Энгельс и Маркс помешали членам этого общества броситься в объятия буржуазной демократии и остаться «вместе со *всеми* участниками революции, объединенными узами симпатии»? Может быть, оно сказало им, что «различия взглядов на развитие революции не играли *никакой* роли при расколе»? Нет, благородное сознание заявило *обратное,* а именно, что размежевание произошло в обоих обществах в силу *одних и тех же* принципиальных разногласий, что Энгельс, Маркс и другие представляли *буржуазный элемент* в упомянутом немецком обществе, так же как Мадье и К° — во французском. Наш благородный муж боялся даже, что одно соприкосновение с этими буржуазными элементами может повредить «истинному вероучению» и поэтому внес, в молчаливом величии, предложение о запрещении буржуазному элементу показываться в обществе proscrits «даже в качестве *посетителей».*

Выдумка! Ложь! — выкрикивает благородное сознание свои преисполненные нравственного величия односложные восклицания. Все это—мои *«образцы тактики»!* Voyons![*]

«Presidence du citoyen Adam. Seance de 30 sept. 1850.

Trois delegues de la societe democratique allemande de Windmill-Street sont introduits. Ils donnent connaissance de leur mission qui consiste dans la communication d'une lettre dont il est fait lecture»[**] (в этом письме, по-видимому, излагались причины раскола). «Le citoyen Adam fait remarquer l'analogie qui existe entre les evenements qui viennent de s'accomplir dans les deux societes: de chaque cote l'element bourgeois et le parti proletaire ont fait scission dans les circonstances identiques etc. etc. Le citoyen Willich demande que les membres demissionnaires de la societe allemande»[***] (он затем, как указывает протокол, поправляется и говорит: «expulses»[****]) «ne puissent etre recus meme comme visiteurs dans la societe francaiso». (Extraits conformes au texte original des proces verbaux.)

L'archiviste de la societe des proscrits democrates et socialistes

J. Cledat»[*****]

---

[*] — Посмотрим! *Ред.*

[**] — «*Председательство гражданина Адана. Заседание 30 сентября 1850 года.*

Три делегата немецкого демократического общества на Уиндмилл-стрит вводятся на заседание. Они сообщают, что имеют поручение передать письмо, которое оглашается». *Ред.*

[***] — «*Гражданин Адан* указывает на аналогию, которая существует между событиями, только что разыгравшимися в обоих обществах: и там и тут при *одинаковых обстоятельствах* произошел раскол между *буржуазными элементами* и *партией пролетариата* и т. д. *Гражданин Виллих* требует, чтобы выбывшие из немецкого общества члены». *Ред.*

[****] — «исключенные». *Ред.*

[*****] — «не допускались во французское общество даже в качестве *посетителей».* (Выписка, соответствующая оригинальному тексту протоколов.)

Хранитель архива Общества демократических и социалистических эмигрантов

Ж. Кледа». Ред.

Этим заканчивается сладкозвучная, чудесная, велеречивая, неслыханная, подлинная и полная приключений повесть о всемирно известном *рыцаре благородного сознания.*

An honest mind and plain, — he must speak truth,
And they will take it, so; if not, he's plain.
These kind of knaves I know*.

Лондон, 28 ноября 1853 г.

Карл Маркс

* — Кто прям и честен, тот всегда правдив;
Поверят, хорошо; а нет, — все ж прям он.
Таких плутов я знаю.
(Шекспир. «Король Лир», акт II, сцена вторая.) *Ред.*

К. МАРКС

* РЕЧЬ МАНТЁЙФЕЛЯ.—РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРУССИИ. — ВОЗЗВАНИЕ МАДЗИНИ. — ЛОНДОНСКИЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ. — РЕФОРМЫ РАССЕЛА. — РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ

Лондон, вторник, 29 ноября 1853 г.

Вчера утром речью министра-президента г-на Мантёйфеля открылись заседания прусских палат. То место в речи, которое относится к восточным осложнениям, судя по телеграфному сообщению, было изложено в выражениях, явным образом предназначенных для того, чтобы рассеять подозрения о существовании заговора между санкт-петербургским, берлинским и венским дворами. Это тем более примечательно, что, как всем известно, Фридрих-Вильгельм IV соизволил по различным поводам устами того же Мантёйфеля торжественно заявить своему верному народу, что палаты не призваны вмешиваться в вопросы внешней политики, так как отношения государства с другими странами находятся в таком же исключительном ведении короны, как и собственные имения короля. Вышеупомянутое место в речи, которое в какой-то мере содержит нечто вроде призыва к народу, показывает, в каком крайне затруднительном положении находится прусское правительство; ему угрожают с одной стороны Россия и Франция, а с другой — его собственные подданные, как раз в то самое время, когда оно обеспокоено высокими ценами на предметы продовольствия, глубоким застоем в торговле и, кроме того, воспоминаниями об ужасном клятвопреступлении, еще ожидающем возмездия[402]. Но прусское правительство само лишило себя возможности искать прибежища в апелляции к общественному мнению через палаты, которые были намеренно учреждены королем как простая бутафория, с которыми министры сознательно обращались как с простой бутафорией и к которым народ совершенно определенно отнесся как к

простой бутафории. И теперь его невозможно убедить, что эти шутовские учреждения следует вдруг рассматривать как оплот «отечества».

«Нельзя сказать», — пишет в сегодняшнем номере «Times», — «что пруссаки обнаружили здравомыслие и проницательность — качества, внушавшие некогда уважение к ним, — допустив, чтобы избранные на основе теперешней конституции палаты, к которым они отнеслись с незаслуженным презрением, пришли в упадок».

Напротив, пруссаки дали убедительное доказательство своего здравомыслия, отказав признать даже *видимость* влияния за людьми, предавшими революцию в надежде пожать ее плоды, дав понять правительству, что они не поддадутся на его мошеннические маневры и что они считают палаты, если то вообще что-либо собой представляют, не чем иным, как новым бюрократическим учреждением, добавленным к прежним бюрократическим учреждениям страны.

Всякого, кто недостаточно хорошо знаком с прошлой историей Германии, могут поставить в тупик религиозные споры, которые вновь и вновь вызывают волнение на спокойной в других отношениях поверхности общественной жизни Германии. То это остатки так называемой немецкой церкви[403], преследуемые нынешними правительствами так же яростно, как и в 1847 году. То это вопрос о браках между католиками и протестантами, из-за которых католическое духовенство ссорится с прусским правительством так же, как в 1847 году. То в качестве наиболее важного события разгорается ожесточенная борьба между архиепископом Фрейбургским, который отлучает от церкви баденское правительство и распоряжается огласить письмо об отлучении с церковных кафедр, и великим герцогом Баденским, который приказывает закрыть непокорные церкви и арестовать приходских священников, в результате чего крестьяне собираются и вооружаются, чтобы защитить своих священников и прогнать жандармов, как это было в Бишофсгейме, Кёнигсгофене, Грюнсфельде, Герлахсгейме, где сельский староста должен был бежать, а также во многих других селах. Было бы ошибкой рассматривать религиозный конфликт в Бадене, как конфликт, имеющий чисто местное значение. Баден является лишь ареной борьбы, намеренно избранной католической церковью для нападения на государей-протестантов. Архиепископ Фрейбургский в этом конфликте так же представляет все католическое духовенство Германии, как великий герцог Баденский представляет всех больших и малых монархов протестантского вероисповедания. Но что можно подумать о стране, которая, с одной стороны, славится своей основательной,

смелой и беспримерной критикой всех религиозных традиций, а с другой стороны — периодически изумляет всю Европу возобновлением религиозных распрей XVII столетия? Секрет заключается попросту в том, что правительство вынуждает всякую возникающую, но пока еще действующую подспудно народную оппозицию принимать сначала мистическую и почти не поддающуюся никакому надзору форму религиозных движений. Духовенство, со своей стороны, дает обмануть себя этой видимостью и, в то время как оно воображает, что направляет народные страсти исключительно к выгоде своей корпорации против правительства, на самом деле бессознательно и против своей воли само играет роль орудия революции.

Ежедневная лондонская пресса усиленно выставляет напоказ весь свой ужас и моральное негодование по поводу воззвания, составленного Мадзини и найденного у Феличе Орсини, руководителя национального отряда № 2, предназначенного для поднятия восстания в Луиджиане — области, включающей часть территории Модены, Пармы и Пьемонтского королевства. В этом воззвании народ призывается «действовать *внезапно,* как это пытались и попытаются снова сделать миланцы». Далее в воззвании сказано: *«Кинжал,* если он поражает внезапно, может сослужить хорошую службу и заменить ружье». Лондонская пресса изображает это как открытый призыв «к *тайному, трусливому убийству».* Хотел бы я только знать, каким образом в стране, подобной Италии, где не существует никаких средств для открытого сопротивления и вся страна наводнена полицейскими шпионами, революционное движение могло бы рассчитывать на какой-либо успех без использования *внезапности?* Хотел бы я знать, каким оружием может еще сражаться итальянский народ против австрийских войск, если дело вообще дойдет до сражения, кроме *кинжала*—единственного оставшегося у него оружия, которое Австрия не сумела у него еще отобрать? Мадзини далек от того, чтобы рекомендовать итальянцам применять кинжал для трусливого убийства *безоружного* врага, — он призывает их действовать кинжалом, правда, «внезапно», но в открытую, по примеру *Милана,* где горстка патриотов, имевших только ножи, напала на караульные помещения вооруженного австрийского гарнизона.

«Но», — пишет «Times», — «конституционный Пьемонт постигнет та же участь, что Рим, Неаполь, Ломбардию!»

Почему бы и нет? Разве итальянская революция в 1848 и 1849 годах была предана не сардинским королем* и разве

* — Карлом-Альбертом. *Ред.*

король Пьемонта является меньшим препятствием для превращения Италии в республику, чем король Пруссии для превращения в республику Германии? Так обстоит дело с моральной стороной воззвания Мадзини. Что касается его политической ценности, то это совершенно другой вопрос. По моему мнению, Мадзини допускает ошибку как в своих суждениях о пьемонтском пароде, так и в своих мечтах об итальянской революции, которая, как он полагает, осуществится не вследствие благоприятной обстановки, созданной европейскими осложнениями, а в результате обособленного выступления действующих внезапно итальянских заговорщиков.

Из лондонских газет вы уже знаете, что английское правительство назначило комиссию для расследования случаев коррупции в почтеннейшем учреждении, известном под именем лондонского муниципалитета, а также для рассмотрения всей организации этого органа. Вот несколько фактов, приводимых в отчетах комиссии, работа которой еще далеко не закончена.

Доход лондонского муниципалитета исчисляется, даже без учета некоторых статей, в 400000 ф. ст., общий же размер выплачиваемого жалованья чиновникам достигает весьма значительной суммы—107000 ф. ст., то есть составляет свыше 25 процентов всего дохода. Расходы на жалованье судейским чиновникам установлены в размере 14700 ф. ст., из которых 3000 ф. ст. получает главный городской судья, 1500 ф. ст. — судебный советник, 1200 ф. ст. —судья шерифского суда. Управляющий делами получает 1892 ф. ст., секретарь — 1249, чиновник, представляющий лондонский муниципалитет в парламентских комитетах,— 1765 фунтов стерлингов. Высшие чины резиденции лорд-мэра и городской ратуши получают по 1250 ф. ст. в год. Жезлоносец получает 550 ф. ст., меченосец — 550; старший церемониймейстер — 450 или 500 ф. ст., младший церемониймейстер — 200 или 300 фунтов стерлингов. Вдобавок эти важные персоны получают 70 ф. ст. на мундиры, 14 ф. ст. на сапоги и 20 ф. ст. на треугольные шляпы. Г-н Беннок в своих показаниях заявил, что

> «общая сумма расходов на заведения, входящие в лондонский муниципалитет, значительно превышает общую сумму расходов федерального правительства Соединенных Штатов или, что, возможно, является еще более разительным фактом, расходы лондонского муниципалитета на свое, содержание и на управление своими финансами превышают общую сумму доходов, получаемых им от аренды, пошлин и взносов, уплачиваемых маклерами».

Наконец-то раскрылась великая тайна тех реформаторских пилюль, которые лорд Джон Рассел намеревается прописать

англичанам. Он предлагает: 1) отмену имущественного ценза для членов парламента — ценза, который уже давно является чисто номинальным; 2) перераспределение избирательных округов путем ликвидации некоторых мелких городских округов и дополнительного образования более крупных; 3) понижение ценза в сельских избирательных округах с 20 ф. ст. до 10 ф. ст., то есть до ценза, существующего в городских избирательных округах. От четвертого предложения относительно понижения избирательного ценза до 5 ф. ст. он отказался, так как, по словам «Times», в результате этого

«теперешние избиратели были бы фактически лишены права голоса, ибо тот класс, который должен был бы быть допущенным к голосованию, количественно значительно превосходит все прочие, вместе взятые, и ему достаточно было бы лишь достигнуть единодушия, чтобы одержать верх».

Другими словами, предоставление избирательного права даже большинству класса мелких предпринимателей и торговцев лишило бы этого права меньшинство. Остроумный аргумент, что и говорить. Однако самой важной чертой сейчас еще только смутно вырисовывающегося нового билля о реформе является по этот пункт и даже не все его пункты, вместе взятые. Важнее всего то всеобщее и полное безразличие, с которым встречено сообщение об этом билле. Каждый полицейский отчет привлекает гораздо большее внимание публики, нежели это *«великое мероприятие»,* этот новый билль о реформе, коллективное творение «министерства всех талантов».

Эрнест Джонс был совершенно прав, предсказывая, что как только прозвучит первое слово, возвещающее о массовом народном движении и создании национальной организации во главе с Рабочим парламентом, оно вызовет тревогу среди имущих классов и заставит лондонские буржуазные газеты обратить на него внимание. «Times» тотчас же понял важность этого нового движения и впервые поместил отчет о чартистском митинге, состоявшемся в помещении манчестерского Народного института. Все другие собратья «Times» стали непрерывно помещать передовые статьи о рабочем движении и Рабочем парламенте, предлагаемом чартистами, которых уже давно считали погибшими от упадка сил. «Economist» посвятил этому вопросу не менее четырех статей. Однако, газетные отчеты о манчестерском митинге, имевшем в высшей степени важное значение, отнюдь не дают сколько-нибудь правильного представления о его характере или об обсуждавшихся на нем делах. Поэтому я считаю уместным дать свой собственный

отчет. На митинге были предложены и приняты следующие резолюции:

«1) Настоящее собрание, убедившись в бесполезности разобщенной борьбы обособленных групп рабочих за сохранение справедливого уровня заработной платы и освобождение труда, считает, что наступило время, когда только объединенное и массовое движение рабочего класса, опирающееся на национальную организацию и возглавляемое единым руководящим органом, способно обеспечить надлежащую помощь тем рабочим, которые в настоящее время подвергаются локауту или бастуют, и дать возможность рабочим достигнуть в будущем освобождения труда от ига капитала. Массовое движение народа и создание национальной организации не предполагает и не должно предполагать вмешательство в дела существующих тред-юнионов и объединений рабочих; деятельность этой организации должна быть направлена на централизацию, концентрацию и объединение всех сил рабочего класса, всей его массы в целом.

2) Для проведения в жизнь предыдущей резолюции крайне необходимо созвать возможно скорее Рабочий парламент; этот парламент должен состоять из делегатов, избранных рабочими каждого города на специально созванных открытых собраниях, В круг обязанностей этого парламента должно войти следующее: организация аппарата для оказания помощи бастующим в настоящее время или подвергнутым фабрикантами локауту рабочим путем проведения самой широкой подписки по всей стране; выработка специального плана действий по осуществлению руководства рабочим классом в его борьбе с предпринимателями; выдвижение мероприятий, с помощью которых рабочие могут быть освобождены от непомерной власти капитала, стать независимыми, свободно распоряжаться своим трудом и получать за него должное вознаграждение без необходимости прибегать к забастовкам.

3) Настоящее собрание избирает комитет, который должен с указанной выше целью связаться с разными городами и округами, принять все необходимые меры для созыва Рабочего парламента, подготовить и опубликовать нужные для заседаний делегатов материалы, а также наметить перечень вопросов, которые будут представлены на их обсуждение».

Из произнесенных речей самой замечательной была речь г-на Джонса. Я привожу из нее несколько выдержек:

«Предприниматель заявляет устами лондонского «Times», что вам нет дела до его прибылей. Вы, мол, должны только считать свои собственные головы, а не его прибыли. Если голов много, то если даже вы и пожелаете получить больше, вы получите меньше. И это он называет законом предложения и спроса. Только это, заявляет он, может регулировать вашу заработную плату. Но так ли это? Нет! Если вы не должны требовать повышения заработной платы, когда его прибыли высоки, то и он не должен снижать вашу заработную плату, когда его прибыли понижаются. Между тем он станет говорить вам, если даже количество рабочих не сократилось ни на одного человека: «Дела идут плохо, времена тяжелые, мои прибыли уменьшились, я не в состоянии платить вам ту же заработную плату». Но в таком случае ваш труд регулируется не законом предложения и спроса, а законом высоких цен на хлопок и низких прибылей. Закон предложения может быть верен, но закон жизни вернее. Закон спроса силен, но закон голода окажется еще более сильным! Мы говорим, если один вид капитала — деньги — имеет право на прибыль, то и другой вид капитала — труд — также имеет на нее право; и труд имеет большее

право, ибо труд создает деньги, а не наоборот. Что такое прибыль? Это— капитал, остающийся после вычета всех издержек производства. Заработная плата, которую вы получали до настоящего времени, составляет лишь часть издержек производства. Эта заработная плата, которая позволяет едва поддерживать душу в теле, — вовсе не вознаграждение за труд. Она представляет собой всего лишь необходимые издержки по содержанию человеческой машины в пригодном для работы состоянии. У вас же должен быть излишек сверх издержек на машину, которая состоит из плоти и крови. Вам нужна пища для души и мозга, так же, как и для рта и желудка. Предприниматель боится, как бы вы не получили более высокую заработную плату; боится не потому, что он не в состоянии выплачивать ее, ибо капитал за последние семь лет увеличился больше чем на 100%, тогда как вы требовали лишь покрытия десятипроцентной прибавки к вашей заработной плате из его 100 процентов, добытых вашим трудом. Он боится этого потому, что более высокая заработная плата открыла бы вам путь к независимости; он боится этого потому, что более высокая заработная плата открыла бы вам путь к образованию; он боится этого потому, что просвещенный народ не будет рабом; он боится этого, зная, что вы не согласились бы тогда работать так много часов; он боится этого потому, что вы больше не позволили бы тогда своим женам нести бремя рабского труда в фабричном аду; он боится этого потому, что вы стали бы тогда посылать своих детей в школу, а не на фабрику; он боится этого, зная, что если бы жены находились у домашнего очага, а дети в школе и лишь короткое время на фабрике, то избыточные рабочие руки, понижающие ныне уровень заработной платы, освободились бы от его контроля, и труд стал бы бесценной жемчужиной, украшающей диадему человеческой свободы. Однако вопрос сейчас снова ставится иначе. Речь идет уже не только о получении доли в прибылях предпринимателя или о прибавке в 10 процентов, речь идет о том, чтобы не допустить снижения заработной платы на 20 процентов. Хорошо идут дела или плохо — от этого положение мало меняется: в первом случае предприниматели грабят народ за границей, во втором — они грабят народ в своей собственной стране. Вопрос быстро приобретает для вас другое значение: речь идет не о низкой или высокой заработной плате, а о голодной смерти или жизни, о жизни в фабричном аду или смерти у фабричных ворот. Капиталисты, эти казаки Запада, первые пересекли дунайскую границу рабочих прав; они ввели законы военного времени, продиктованные золотом, они сеют в наших рядах голодную смерть из своих батарей, именуемых монополиями. Один город за другим объявляется на осадном положении. Безработица прокладывает траншеи , а голод приставляет штурмовые лестницы к цитадели труда, артиллерия нужды обстреливает его боевые линии. С каждым днем ширится большое объединение капиталистов, с каждым днем их движение все больше приобретает национальные масштабы. Готовы ли вы ему противостоять? В вашем движении царит хаос и сумятица. Поскольку локауты все более распространяются, а вы продолжаете действовать порознь, то скоро окажется, что вы начнете вторгаться в заповедную область друг друга: сборщики одной местности столкнутся со сборщиками другой в одном и том же пункте; вы станете встречаться как враги там, где должны были бы обмениваться рукопожатиями как союзники; вы будете взаимно ослаблять помощь, предназначенную для того или другого, тогда как вы должны помогать друг другу преодолеть свою слабость. Уиганские углекопы находились неподалеку от Престона, Стокпорта, Манчестера, Олдема, но они потерпели поражение, не получая никакой поддержки. Уиганские фабричные рабочие также бастуют. Каково же их мнение о поражении их братьев, рабочих угольных копей? Они считают, что те счастливо отделались. Нельзя ничего сделать,

если стоишь друг другу поперек дороги. Но почему это так? Потому, что вы ограничиваете свое движение тесными рамками одной профессии, одного округа и какого-нибудь одного интереса. Движение ваших нанимателей становится общенациональным, таким же общенациональным должно быть и ваше сопротивление. При том положении, которое существует теперь, вас ждет анархия и гибель. И не подумайте, что я оспариваю разумность тред-юнионов и нападаю на их поведение и неприкосновенность.

Но помочи, на которых водят детей, становятся путами для взрослого. Обособленность, сослужившая свою службу в период младенчества рабочего движения, становится губительной в период его зрелости. Пусть же будут представлены все профессии, в помощи которых мы нуждаемся. Вверяйте дело рабочего класса не одной фабрике, не одному городу и даже не одному округу, — вверяйте его парламенту рабочих»[404].

Написано К. Марксом 29 ноября 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3948, 12 декабря 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА НА ДУНАЕ

Как мы уже отмечали, отступление турок от Олтеницы, по-видимому, означает завершение первого периода русско-турецкой войны[405]. Этим отступлением по крайней мере заканчивается, по-видимому, первая, отчетливо выраженная серия операций, начало которой было положено переправой у Калафата; на смену ей должно прийти либо спокойное пребывание на зимних квартирах, либо осуществление новых, еще не разработанных планов. Поэтому наступил как будто бы подходящий момент для обзора кампании, которая была проведена до настоящего времени, тем более, что только что получены официальные и неофициальные отчеты о единственном значительном сражении на Дунае — предпринятой русскими атаке турецкого tete-de-pont* у Олтеницы.

28 октября турки, расположенные в Видине, переправились через реку и заняли Калафат. При овладении этим пунктом они вряд ли встретили какое-либо противодействие, если не считать стычек с небольшими разведывательными отрядами; ибо, когда русские собрались было сосредоточить значительные силы у Крайовы для наступления на Калафат, до них дошли тревожные известия о втором и еще более опасном продвижении турок, которые 2 ноября форсировали Дунай у Олтеницы, откуда они серьезно угрожали русским коммуникациям. Одновременно турки предприняли ряд ложных и второстепенных атак вдоль всего Дуная от Видина до Олтеницы, но эти атаки либо застали русских наготове, либо были предприняты слишком

* — предмостного укрепления. *Ред.*

недостаточными силами, чтобы ввести в заблуждение противника и спровоцировать его на какое-либо серьезное ошибочное действие.

Поэтому войска, находящиеся у Калафата, никто не тревожил и они постепенно пополнялись подкреплениями, благодаря которым, как сообщают, их численность увеличилась приблизительно до 24000 человек. Так как эти войска не продвигались вперед и не подвергались нападению, то мы можем на время не принимать их во внимание.

Переправа у Олтепицы происходила, согласно отчету Омер-паши, следующим образом. Олтеница — деревня, расположенная близ слияния реки Арджеш с Дунаем. Против устья Арджеша на Дунае имеется остров; на южном берегу этой реки, круто поднимающемся почти на 600—700 футов, находится деревня и крепость Туртукай, воздвигнутая на самой вершине этого высокого берега. Орудия Туртукая могут поэтому оказать самую действенную поддержку любым силам, форсирующим реку в этом пункте. 1 ноября турки переправились на остров и соорудили там за ночь солидные окопы. 2 ноября с этого острова они переправились на валашский берег, восточнее Арджеша. На валашскую сторону на лодках было переброшено два батальона с сотней кавалеристов и двумя пушками; несколько залпов из орудий Туртукая заставили русские передовые посты покинуть здание лазарета, находящееся недалеко от берега реки, и турки тотчас же овладели этим зданием, которое принесло им большую пользу. Это массивное сооружение со сводчатыми стенами обладало, почти не требуя при этом каких-либо дополнительных работ, всеми выгодными качествами редюита — наиболее излюбленного укрепления в полевой фортификации. Турки тотчас же начали рыть окопы от Арджеша до Дуная; на этих работах было непрерывно занято до четырехсот человек; фашины и корзины были приготовлены заранее. Из всех сообщений, получаемых нами, мы можем лишь заключить, что эти окопы образовывали непрерывную линию, целиком преградившую русским всякий доступ от их позиций к месту высадки турок. Укрепления, представляющие собой непрерывные линии окопов, давно уже всеми отвергнуты и признаны неэффективными; но особое назначение этих окопов как предмостного укрепления, тот факт, что в готовом виде был найден солидный редюит и что у турок не хватало саперов, а также другие обстоятельства, связанные с особенностями турецкой армии, — возможно, все-таки сделали целесообразным применение этой устаревшей системы. На Арджеше турки нашли некоторое количество

лодок, которые вместе с имевшимися у них ранее они тотчас же использовали для наведения моста через Дунай. Все эти работы были почти закончены к утру 4 ноября.

В Олтенице, таким образом, турки имели лишь предмостное укрепление на левом берегу Дуная. Турецкая армия не переправилась через реку и не сделала этого до сих пор. Однако она имела на левом берегу падежный плацдарм, который мог быть использован как только были бы сосредоточены достаточные силы в Туртукае. Кроме того, турки имели возможность занять правый или левый берег Арджеша, и, наконец, все их операции вблизи реки прикрывались десятком тяжелых крепостных орудий, расположенных на высотах Туртукая, сфера действия которых благодаря возвышенной позиции и узости реки в этом месте простиралась, по крайней мере, на полмили за предмостное укрепление.

Предмостное укрепление было занято тремя линейными батальонами (2400 человек), двумя ротами гвардии (160 человек). двумя ротами стрелков (200 человек), сотней кавалеристов и некоторым числом артиллеристов, обслуживавших двенадцать тяжелых орудий, которые были размещены в здании лазарета. Правое крыло окопов прикрывалось продольным и фланговым огнем орудий Туртукая, которые, кроме того, могли обстреливать всю равнину перед центром предмостного укрепления. Левое крыло, упиравшееся в реку Арджеш, прикрывалось с фланга батареей, которая была расположена на острове; однако часть этой местности была густо покрыта зарослями кустарника, которые могли служить серьезным укрытием для русских во время их продвижения.

Когда 4 ноября русские атаковали турецкие линии, они имели, по данным Омер-паши, 20 батальонов, 4 кавалерийских полка, 32 орудия — всего около 24000 человек. Русские силы, по-видимому, были расположены следующим образом: 12 батальонов и 14 орудий — против центра предмостного укрепления; 2 батальона и 2 орудия — в лесу слева (для русских — справа) от реки Арджеш; 6 батальонов en echelon* и 4 орудия — против турецкого правого фланга; в направлении к Дунаю их линия была удлинена и поддерживалась с фланга кавалерией. После продолжавшегося в течение некоторого времени обстрела из русских орудий штурмовая колонна была образована сначала в центре, а за ним последовали оба фланга; затем артиллерия, которая сначала вела огонь с позиций, отстоявших от бруствера турецких укреплений

* — расположенных эшелонами. *Ред.*

почти на 1200 ярдов, передвинулась на расстояние действительного картечного огня (от 600 до 700 ярдов), и штурмовые колонны устремились вперед. Как и можно было предвидеть, колонна русского левого фланга (ближайшая к Дунаю) была рассеяна огнем орудий Туртукая; колонну, действующую в центре, вскоре постигла та же участь; правая колонна (на Арджеше) была уничтожена огнем с острова и, по-видимому, вообще была чересчур слабой, чтобы добиться какого-либо успеха. Атака повторялась два или три раза, но уже без того единодушного порыва, которым отличался первый штурм, после чего русские прекратили свои попытки. Они мужественно шли до самого края окопов (разумеется, это не следует понимать слишком буквально), по огонь турок оказался настолько сокрушительным, что не позволил им перейти в рукопашную схватку.

Во время боя Омер-паша послал один батальон регулярных войск через реку для того, чтобы он служил резервом. Можно поэтому считать, что со стороны турок в бою участвовало 3600 пехотинцев с 44 тяжелыми орудиями.

Труднее определить силы русских. В то время как Омер-паша говорит о 20 батальонах, два английских офицера, находившиеся при его армии, сходятся в мнении, что силы, которые действительно участвовали в бою, насчитывали только 8000 человек. Однако оба эти утверждения не совсем противоречат друг другу. Русские могли иметь на поле боя 20 батальонов, и все же действительная сила штурмовых колонн — из-за характера местности или из-за того, что русские пренебрежительно отнеслись к своему противнику, — могла не превышать в каждый отдельный момент 8 батальонов. Одно обстоятельство, о котором не упоминают английские офицеры, но о котором сообщает Омер-паша, показывает, что русские имели большие резервы. Дело в том, что во время каждой новой атаки впереди шел свежий батальон, который для этой цели брали из резерва. Кроме того, каждая строчка в сообщениях обоих «офицеров гвардии ее величества» носит печать того невежества и той необоснованной самоуверенности, которые во всех армиях свойственны младшим офицерам этого привилегированного корпуса.

В целом мы считаем поэтому сообщение Омер-паши заслуживающим доверия. В течение всей операции на месте могло находиться 18 или 20 русских батальонов, из которых 10 или 12, возможно, один за другим, были введены в бой, так что численность тех войск, которые во время каждой атаки одновременно двигались на турецкие окопы, не достигнув успеха,

могла равняться 6000—8000. Потери русских, которые, должно быть, составляли по меньшей мере 1500—2000 человек, показывают также, какие силы они, вероятно, ввели в действие. Они были в конечном счете отбиты, оставив в руках турок 500 ружей, большое количество боеприпасов и значительное военное имущество, а также 800 человек убитыми и ранеными, и отступление их частично носило беспорядочный характер.

Если мы рассмотрим тактику обеих сторон в этом бою, то увидим, к нашему изумлению, что русские совершили грубую ошибку, которую им заслуженно пришлось искупить ценой серьезного поражения. Они проявили такое пренебрежение к своему противнику, которое редко когда можно встретить. Им предстояло атаковать довольно сильные позиции с солидным редюитом, который поддерживался с фланга 10 тяжелыми орудиями на острове и находился в сфере действия 22 орудий Туртукая, господствовавших и над полем перед позициями; всего у турок было 44 или, по крайней мере, 38 орудий, из которых все или почти все принадлежали к тяжелой артиллерии. Каждый офицер в наше время знает, что при наступлении на полевые укрепления надо прежде всего подавить своей артиллерией орудия и батареи противника, которые могут поддерживать укрепления, затем следует, насколько это возможно, разрушить насыпи, частоколы и другие заграждения, затем, подтянув свои батареи еще ближе к атакуемым укреплениям, обрушить на брустверы непрерывный град картечи, и только тогда, наконец, можно решиться бросить свои штурмовые колонны на полуразрушенные укрепления и их деморализованных защитников. Чтобы все это осуществить, надо располагать решающим превосходством в отношении числа и калибра орудий. Но что, как мы видим, пытаются сделать русские? Они штурмуют предмостное укрепление, которое защищается артиллерией, превосходящей их собственную числом и калибром и значительно превосходящей ее своей выучкой, после непродолжительного обстрела из 12 двенадцатифунтовых и 20 шестифунтовых орудий! Этот обстрел, произведенный русскими, можно считать простой формальностью, своего рода долгом вежливости по отношению к туркам, ибо он не мог иметь никакой серьезной цели; и если русские батареи действительно приблизились к предмостному укреплению на расстояние в 650 ярдов, как единодушно сообщают все отчеты, то надо удивляться, что ничего не говорится об известном числе подбитых орудий. В то же время мы должны признать доблесть русских войск, которые, хотя и были под огнем, вероятно, в первый раз

и в столь неблагоприятных условиях, все же сумели приблизиться к турецким линиям на расстояние в 50 ярдов, прежде чем они были сокрушены шквалом превосходящего огня противника.

Что касается турок, то мы также не можем с особой похвалой отозваться об их тактике. Очень хорошо, что Омер-паша во время штурма сосредоточил в предмостном укреплении не больше войск, чем это было необходимо для его защиты. Но почему же он не расположил никакого резерва, в особенности кавалерийского, на том конце моста, где находится Туртукай, а также на острове? Почему он не бросил свою кавалерию на разбитого противника, как только поражение русских стало очевидным? Почему, наконец, он удовольствовался моральным результатом победы и пренебрег возможностью пожать все ее плоды и тем самым решить исход всей кампании? Мы можем найти лишь два оправдания. Во-первых, система непрерывных линий в полевой фортификации не позволяет легко осуществить энергичные наступательные действия после отражения атаки противника, так как непрерывные линии не оставляют сколько-нибудь значительного пространства для внезапной и стремительной вылазки больших масс войск. Во-вторых, Омер-паша либо не верил в способность своих войск сражаться в открытом поле, либо не имел под рукой достаточно войск, чтобы развить успех.

Это приводит нас к стратегическим вопросам, связанным с этой операцией. Если бы Омер-паша имел у Олтеницы те войска, которые без дела стояли у Калафата, то не стал ли бы он действовать с большей решительностью? Как случилось, что отряд в 12000 человек вместе с резервом такой же численности был направлен против Калафата, чтобы угрожать как раз тому пункту русских позиций, где с точки зрения русских им должно было быть желательнее всего встретить атаку противника? Как произошло, что эти 24000 человек отсутствовали в пункте, где турки могли добиться решительных преимуществ?

Но это лишь одна сторона дела. Как теперь не подлежит никакому сомнению, русские не могли к концу октября собрать в Валахии более 50000—55000 бойцов. Если принять во внимание бездорожье и пересеченный характер местности, что делает неизбежным рассредоточение сил, если, далее, учесть урон, который обычно несет каждая действующая армия, то русские ни в одном пункте безусловно не могли сразу сконцентрировать более 30000 человек. 40000 турок, которые были бы сосредоточены в каком-нибудь пункте Валахии, несомненно, разбили

бы их; и можно определенно сказать, что если бы турки хотели этого и в надлежащее время приняли необходимые меры, то они сравнительно легко сосредоточили бы такое же или даже двойное число солдат. Однако вмешательство европейской дипломатии, нерешительность Дивана, колебания в турецкой политике по отношению к Сербии и другие обстоятельства подобного рода привели, по-видимому, к ряду полумер, которые поставили Омер-пашу к началу военных действий в весьма своеобразное положение. Он знал о слабости русских и сам располагал армией, которая имела значительное численное превосходство и рвалась в бой. Но его армия была разбросана на пространстве в 350 миль длиной и от 50 до 100 миль шириной. Естественным следствием этого была та скованность, которой отличались его операции в начале ноября. Переправа у Кала-фата, которая при других условиях была бы ошибкой, сделалась, таким образом, своего рода необходимостью, ибо Видин был естественным пунктом сосредоточения приблизительно 20000 человек, которые без этой переправы остались бы в полном бездействии, так как были слишком удалены от основных сил армии. Эта переправа дала туркам, по крайней мере, возможность сковать часть русских сил и добиться благоприятного для турецкой армии морального эффекта.

Переправа у Олтеницы, задуманная, очевидно, как основной удар, посредством которого должен был быть взят Бухарест и отрезан путь отхода русским, отвлеченным на запад операцией у Калафата, не имела никакого результата, так как, по-видимому, не были собраны силы, необходимые для движения на Бухарест. Моральный эффект, вызванный сражением при Олтенице, был, конечно, большим плюсом; но иную роль сыграло бездействие после победы, продолжавшееся *девять дней* и завершившееся, ввиду начала дождливой погоды, добровольным отступлением турок за Дунай. Это бездействие и это отступление может быть и не ослабят ободряющего влияния победы на настроение турецкого солдата, но они подорвут престиж турецкого генерала, и, вероятно, в большей мере, чем он того заслуживает. Однако, если первым виновником этого является Диван, то кое в чем следует все-таки признать виновным и Омер-пашу. Провести двенадцать дней на левом берегу Дуная, обладать мостом и предмостным укреплением, достаточно сильным, чтобы отразить сосредоточенные силы русских, иметь за собой многочисленную, рвущуюся в бой армию и не найти способа перебросить 30—40 тысяч человек, — поистине все это не могло иметь места без определенной оплошности со стороны генерала. Русские могут быть благодарны

за свое избавление. Никогда русская армия не выходила даже из наполовину менее тяжелого положения с таким незначительным материальным ущербом. Русские могли быть полностью истреблены, и все же они оказались целы и невредимы. Весьма сомнительно, допустят ли они когда-либо повторение столь неблагоприятного для них положения.

Написано Ф. Энгельсом около 2 декабря 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Dally Tribune»
№ 3952, 16 декабря 1853 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. — ПРОМЫШЛЕННОЕ БЕДСТВИЕ

Лондон, пятница, 2 декабря 1853 г.

Со времени моей последней статьи в Турции больше не происходило сколько-нибудь значительных военных действий, но русская дипломатия, которая опаснее русского военного искусства, снова принялась за работу, и через правительственные газеты по обе стороны Ла-Манша уже более или менее ясно возвещено о предстоящем возрождении знаменитых Лондонских конференций 1840 и 1841 гг., которые закончились санкционированием Ункяр-Искелесийского договора в слегка измененной форме. «Times» намекает даже на *«решительные меры по умиротворению»,* другими словами, на своего рода *умиротворение вооруженной рукой,* обращенной *против* Турции ее самозванными защитниками. Налицо и крупный дипломатический акт, смысл которого невозможно истолковать неправильно, а именно посылка английским кабинетом в Константинополь последней ноты, которую английский посол вручил Порте, а Диван 14 ноября отверг как неприемлемую, и которая оказалась попросту вторым изданием ответа Решид-паши на майский ультиматум князя Меншикова. Вот каким способом Пальмерстоны и Абердины дают понять султану, что, какие бы другие изменения ни произошли в положении дел, в отношениях между Турцией и Россией с их точки зрения ничего не изменилось, и с мая месяца Турция ничего не выиграла, а Россия ничего не проиграла в глазах западной дипломатии.

Поскольку сербский князь Александр запрещает турецким войскам проходить через его территорию, требует возвращения русского генерального консула и в своем заявлении султану говорит о Турции и о России как о двух державах-покровитель-

ницах, имеющих равные права по отношению к княжеству, можно опасаться серьезных конфликтов с Сербией, которые в любое другое время могли бы быть смертельно опасными для Турции, но в настоящий момент, может быть, являются единственным средством спасения ее от когтей западной дипломатии. Каждый новый инцидент, обостряющий нынешние осложнения, вынуждающий обанкротившуюся Австрию отказываться от ее опасного нейтралитета, увеличивающий возможность европейской войны и заставляющий Турцию идти на союз с революционной партией, обязательно окажется выгодным для Турции, по крайней мере в ее конфликте с Россией. При этом внутренние причины ее упадка будут, разумеется, продолжать действовать и дальше, если им не будет противопоставлено коренное изменение турецкого режима в Европе.

От войны между русскими и турками, ведущейся в Дунайских княжествах, возвратимся на минуту к войне между хозяевами и рабочими, бушующей в промышленных округах Англии. Вы помните то время, когда хозяева яростно выступали против движения рабочих за сокращение рабочего времени и всячески поносили это движение. Теперь картина изменилась: как я уже в свое время предсказывал, система сокращенного рабочего времени *навязывается* рабочим самими хозяевами[*]. Обнаруживается подлинный смысл локаута как *финансового мероприятия* со стороны хозяев, как своего рода противоядия промышленному перепроизводству, подобного которому не знала еще «история цен»[406]. С минувшего понедельника возобновили работу, но лишь на четыре дня в неделю, фабрики в Рочдейлском округе (Бёрнли, Бейкеп, Ньючерч), в Бери, в Аштонском округе (Аштон, Стейлибридж, Глоссоп, Хайд, Ньютон). Болтон вскоре должен будет встать на этот же путь. В Манчестере обсуждается вопрос не о том, *пойти ли* на это, а о том, *когда* это сделать. Через две—три педели система сокращенного рабочего времени будет введена повсеместно, за исключением лишь немногих отраслей промышленности, находящихся в благоприятном положении. За этим, разумеется, последует прекращение оказания помощи продолжающим сопротивление престонским рабочим. Однако даже при четырехдневной рабочей неделе производство товаров все еще превысит спрос. Стоит только вспомнить, что три недели тому назад престонские предприниматели уже имели запас, равный двадцатинедельной продукции, и этот запас почти невозможно было сбыть. Промышленному кризису собственно уже нечего начинаться — он и так уже налицо.

[*] — См. настоящий том, стр. 430—432. *Ред.*

«Сокращение рабочего времени», — пишет «Times», — «сопровождается снижением заработной платы до уровня, существовавшего перед тем, как рабочие получили недавнюю прибавку».

А «Economist» в порыве откровенности заявляет:

«Нищий не может диктовать условий — он должен принимать то, что ему предлагают».

Как я неоднократно указывал, стачки рабочих, начавшиеся слишком поздно, когда благоприятные возможности, созданные небывалым процветанием, уже исчезали, не смогли оказаться'успешными с экономической точки зрения или сточки зрения достижения их непосредственной цели. Но они сделали свое дело. Они революционизировали промышленный пролетариат и вместе с такими возбудителями, как высокие цены на продовольствие и низкая оплата труда, приведут к серьезным политическим последствиям, которые в надлежащее время дадут о себе знать. Уже сейчас идея Рабочего парламента, фактически означающая не что иное, как призыв к объединению всех рабочих под знаменами чартизма, внушает страх буржуазной прессе.

«Редактор газеты «People's Paper», г-н Эрнест Джонс», — заявляет «Economist», — «считается преемником г-на Фергюса О'Коннора, так же как г-н О'Коннор был преемником г-на Ханта... Следуя за Хантом и О'Коннором, рабочие ничего не добились, кроме жестоких поражений и больших потерь; тем не менее они питают такое же доверие к преемнику этих великих королей и видят сейчас в Джонсе своего избавителя».

Из приводимых ниже цитат вы увидите, что газеты английских господствующих классов, побуждаемые партийными мотивами, как «Morning Herald», или наставляемые, как «Morning Post», Пальмерстоном — этим циничным, но проницательным наблюдателем, умеют правильно судить о нынешнем положении вещей и соответствующим образом относиться к вульгарной банальности Робинсона Просперити[407].

«Если послушать теперь фабрикантов, то можно подумать, что они наделены прямо-таки божественным авторитетом, и что безопасность империи зависит от того, позволят ли им пользоваться властью, немногим уступающей власти французского императора... Около 60000 ланкаширских рабочих питаются в настоящее время так, что у них едва держится душа в теле, причем у них и мысли не появляется о грабеже или насилии, хотя они живут в городах, оставленных экономными промышленниками безо всякой полицейской охраны. Правы они или нет, но эти люди мужественно отстаивали свою точку зрения и были верны своим руководителям, и нелегко было бы найти другой пример движения, которое носило бы столь мирный и вместе с тем столь действенный характер».

Так пишет «Morning Herald».

«Наши экономисты хвастливо заявляли об огромных, никогда не грезившихся нам благах, которые принесет с собой свобода торговли; но вот наступает зима и предстоит эпидемия, которая ждет только возвращения весны, а как раз теперь, когда наша беднота больше всего нуждается в лучшем, чем обычно, питании и более теплой одежде, чтобы поддержать свой организм и сделать его более способным к сопротивлению болезням, как раз в это время ее буквально душат небывало высокие цены на все предметы первой необходимости. Нет и в помине тех молочных рек и кисельных берегов, которыми должны были облагодетельствовать страну, и похоже на то, что все предсказания о неизменной дешевизне и изобилии правильно было бы отнести к тысячам других распространяемых в народе иллюзий, с помощью которых общество вводилось в заблуждение... Английское общество — развращенное, вредоносное, безнравственное, невежественное, жестокое, полное заблуждений, недовольное и живущее в необычайно тяжелых условиях общество».

Вот каким языком говорит «Morning Post», салонная газета и официальный орган милорда Пальмерстона.

Написано К. Марксом 2 декабря 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» №3952, 16 декабря 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЧЕТВЕРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ. — АНГЛИЯ И ВОЙНА

Лондон, пятница, 9 декабря 1853 г.

Ваши читатели следили шаг за шагом за дипломатическими маневрами коалиционного кабинета и их не удивит любая новая попытка Пальмерстонов и Абердинов поддержать царя под предлогом защиты Турции и обеспечения мира в Европе. Их совершенно не застанет врасплох даже воскрешение совещания в Вене или Лондонской конференции. В минувшую пятницу столичная фондовая биржа узнала прежде всего из «Morning Chronicle», что Англии удалось побудить Австрию и Пруссию поддержать западные державы в их новой попытке посредничества между воюющими сторонами. Затем вышла «Morning Post» с новостью об «этой попытке» и с утешительным заявлением, что

«при этой попытке стремились заручиться и заручились сотрудничеством Пруссии и Австрии, четыре державы подписали протокол, по которому они безоговорочно обязались защищать *нынешнее территориальное деление Европы,* а воюющие державы приглашались полюбовно уладить свои споры путем созыва европейской конференции. Первый шаг, который предпримут в соответствии с этим соглашением четырех держав, будет уточнение точки зрения Турции по поводу основных условий, на которых она согласится вести переговоры об урегулировании восточного конфликта. После точного установления позиции Турции четыре державы пригласят Россию высказать свое мнение об основных условиях предлагаемого урегулирования, а затем обеим державам будет предложено направить уполномоченных на конференцию великих держав, срок и место которой будут установлены впоследствии... *Достоинство царя* было бы соблюдено, и одновременно были бы целиком обеспечены интересы Турции, во-первых, *путем заключения договора между Турцией и Россией о дружбе, мире и •торговле,* предусматривающего надлежащую защиту подданных каждого из обоих государств на территории другого, и во-вторых, путем заключения договора между султаном и пятью державами — *договора, подобного со-*

глашению 1841 г. о Дарданеллах, по которому султан обязался бы соблюдать *существующие конституции и привилегии Дунайских княжеств и Сербии,* а также взял бы на себя особое обязательство, *как это имело место в Кючук-Кайнарджийском договоре,* — но на этот раз перед Европой, а не перед Россией, — охранять христианскую религию в своих владениях».

Наконец, выступил громовержец с Принтинг-хаус-сквер*, объявивший в своем первом выпуске, что между четырьмя державами окончательно заключен союз и что они уже наметили условия, которые, в случае необходимости, *«принудят* принять» Россию и Порту. Ценные бумаги тотчас же поднялись. Однако удовлетворенное состояние биржевых спекулянтов оказалось кратковременным, так как тот же «Times» в своем втором выпуске сообщил, что, хотя четыре державы и составили протокол и выработали проект коллективной поты, но они не взяли на себя никаких обязательств *принуждать* кого-либо эту ноту принять. Ценные бумаги снова упали. В конце концов «поразительная новость» свелась к старой истории о воскрешении тела покойного венского совещания — было бы нелепо говорить о его духе, — и одна из телеграмм подтвердила сообщение о том, что

«совещание четырех держав в Вене 6 декабря направило в Константинополь другое, основанное на новом проекте предложение об урегулировании неразрешенных споров; переговоры о мире будут продолжаться даже в том случае, если военные действия не будут приостановлены».

В самый канун войны венское совещание — эта прорицающая задним числом пифия[408] — как раз предложило Турции принять ультиматум князя Меншикова. После первого поражения, понесенного Россией, Англия и Франция возвратились к ответу Решид-паши на ультиматум князя Меншикова. До какой фазы прежних переговоров они дойдут теперь в своем попятном движении — невозможно предсказать. «Augsburger Zeitung» заявляет, что *новые* предложения совещания отражают стремление четырех держав «предотвратить войну». Поразительная новость, что и говорить!

Какой бы пустой ни казалась вся эта дипломатическая болтовня в момент, когда status quo** переросло́й status belli***, не следует забывать, что сквозь эти фантастические проекты совещаний и конгрессов проглядывают скрытые намерения английского правительства, что связанные с министерством газеты зондируют почву, чтобы выяснить, как далеко может

* — «Times». *Ред.*
** — существующее состояние, существующее положение. *Ред.*
*** — состояние войны. *Ред.*

зайти министерство, и что необоснованные слухи, распространяющиеся сегодня, уже неоднократно предвосхищали события, которые происходили назавтра. Несомненно одно, что четверной союз *был* предложен Англией с целью навязать Турции решения, к которым придут четыре державы, даже если бы Австрия и отказалась присоединиться к союзу. Если союз и не был заключен, то четыре державы, по крайней мере, подписали «протокол», которым установлены принципы для ведения переговоров. Не менее очевидно, что венское совещание, помешавшее Турции выступить, пока русская армия не заняла Дунайские княжества и не достигла границ Болгарии, возобновило свою работу и уже отправило султану новую ноту, Что от венского совещания до европейского конгресса в Лондоне один лишь шаг, было доказано уже в 1839 г., в период восстания Мухаммеда-Али. Конгресс, который занимался бы «умиротворением» в то время, как Россия продолжала бы войну против Турции, был бы лишь повторением Лондонской конференции 1827—1829 гг., плодом которой было уничтожение турецкого флота при Наварине и утрата Турцией независимости в результате заключения Адрианопольского договора. Газеты, связанные с министерством, ясно указывают, каковы предложенные английским кабинетом и принятые другими державами основы для ведения переговоров. Предлагается сохранить «нынешнее территориальное деление Европы». Было бы большой ошибкой рассматривать это предложение как простое возвращение к условиям Венского мира. Исчезновение Царства Польского, переход устья Дуная к России, включение Кракова в состав Австрии и превращение Венгрии в австрийскую провинцию — все эти «территориальные урегулирования» никогда не были санкционированы ни одним европейским конгрессом. Поэтому санкционирование нынешнего «территориального деления Европы» означало бы не простое допущение Турции к участию в Венском договоре, как пытаются это представить, а скорее санкционирование всех нарушений итого договора со стороны России и Австрии, начиная с 1830 года. «Договор между Россией и Турцией о дружбе, мире и торговле» — такие же точно выражения мы находим в преамбулах Кючук-Кайнарджийского, Адрианопольского и Ункяр-Искелесийского договоров. «Договор, подобный соглашению 1841 г. о Дарданеллах», — провозглашает пальмерстоновская газета*. Именно так. Договор, подобный соглашению, которое закрыло Дарданеллы для Европы и превратило Черное море

* — «Morning Post», *Ред.*

в русское озеро. Однако, заявляет «Times», почему нам не выговорить в качестве условия свободный доступ в Дарданеллы для военных судов и свободу плавания по Дунаю? Но прочитайте письмо, отправленное лордом Пальмерстоном в сентябре 1839 г. тогдашнему послу в Париже, г-ну Булверу, и вы увидите, что и в то время питали подобные надежды.

«Султан обязуется соблюдать существующие конституции княжеств и Сербии». Но ведь по существующим конституциям верховная власть над этими провинциями разделена между царем и султаном, и они до настоящего времени никогда не были признаны ни одним европейским конгрессом. Стало быть, новый конгресс дал бы фактическому протекторату России над турецкими провинциями санкцию Европы. Султан в таком случае был бы обязан не перед царем, а перед Европой охранять «христианскую религию в своих владениях». Это значит, что право вмешательства иностранных держав во взаимоотношения между султаном и его христианскими подданными стало бы частью европейского международного права и, в случае возникновения каких-либо новых конфликтов, Европа в силу договора была бы обязана поддерживать претензии России, которая в качестве участницы договора получила бы право по-своему истолковывать просьбы живущих во владениях султана христиан о защите. Таким образом, новый договор в том виде, в каком он проектируется коалиционным кабинетом и излагается его органами, представляет собой наиболее обширный план капитуляции Европы перед Россией и санкционирование оптом всех изменений, произведенных контрреволюциями после 1830 года. Поэтому нет никаких оснований ликовать и выражать изумление по поводу перемены в политике Австрии, перемены, о которой «Morning Post» притворно заявляет, что она «произошла неожиданно в последние 10 дней». Что касается Бонапарта, то каковы бы ни были его скрытые намерения, в настоящий момент императора-выскочку вполне устраивает приобщение к сонму старых легитимных монархий путем использования Турции в качестве лестницы для проникновения в эту среду.

Точка зрения коалиционного кабинета ясно выражена в одном из органов министерства, еженедельной газете «Guardian»[409]:

«Относиться к России как к побежденному противнику и воображать, что мы держим ее за горло на том основании, что русские войска были отбиты у олтеницких окопов, а на Черном море было захвачено несколько фортов, — просто смешно. Эти незначительные потери сами по себе могут лишь задеть ее гордость и удержать ее от переговоров до тех пор, пока она не сможет вести их на лучших условиях. Однако монархами, как и прочими людьми, руководят разного рода побуждения. Царь — гордый,

страстный, но также и осторожный человек. Он вовлечен в спор, в котором он может проиграть, но ничего не может выиграть. Его политика — это политика его предшественников, которые повсюду извлекали бóльшую выгоду, угрожая войной, нежели ведя войну, и у которых твердо и неуклонно проводимая система захватов отличалась в то же время гибкостью и способностью приспосабливаться, что давало им возможность избегать крупных поражений и даже *из мелких неудач извлекать прямую выгоду.* Предварительное решение четырех держав о том, что в территориальном устройстве Европы не должно быть сделано или допущено никаких изменений, по-видимому, основано на *этом разумном* взгляде на позицию царя и особенности его политики. Тот, кто воображает, что царь уже находится под пятой у Англии или кто позволяет вводить себя в заблуждение фантастическим вздором *протекционистских* газет, будет этим разочарован. Но дело в данном случае идет *не об унижении России,* а об умиротворении Европы» (разумеется, в русском смысле), «об утверждении, насколько это возможно, того длительного мира, заботиться о котором французский солдат-посол* клянется султану честью своего господина. *Предстоящий же договор* — в этом можно быть уверенным — будет не простым восстановлением status quo, а попыткой, по меньшей мере, урегулировать на некоем постоянном основании отношения Турции с Европой и турецкого правительства с его христианскими подданными. Это будет лишь попыткой, ибо, несмотря на свою прочность, *всякое соглашение, сохраняющее Турецкую империю в Европе,* в основе своей *всегда будет временным.* Однако такое *временное* соглашение теперь осуществимо и необходимо».

Итак, конечная цель, преследуемая державами, заключается в том, чтобы помочь царю «из мелких неудач извлечь прямую выгоду» и не допустить «сохранения Турецкой империи в Европе». Разумеется, временное соглашение поможет осуществить эту конечную цель, насколько, она вообще «теперь осуществима».

Однако кое-какие обстоятельства неожиданным образом спутали расчеты коалиционных политиков. Получено сообщение о новых победах, одержанных Турцией на берегах Черного моря и у границ Грузии. С другой стороны, упорно утверждают, что вся армия, расположенная в Польше, получила приказ о переброске к Пруту, тогда как, по сообщениям с польских границ, «в ночь с 23-го на 24-е предыдущего месяца была объявлена «бранка», то есть набор в армию, и там, где раньше забирали одного или двух, теперь взято восемь—десять человек». Это, по крайней мере, доказывает, что царь мало верит в миротворческий гений четырех держав. Официальное заявление Австрии о том, что «между четырьмя дворами не было заключено никакого союза», доказывает, что со своей стороны, при всем желании навязать Турции условия, она не осмеливается даже на видимость попытки принудить царя подчиниться условиям, выработанным в его собственных интересах. Наконец,

* — Бараге д'Илье. *Ред.*

ответ султана французскому послу, гласящий, что «в настоящее время дружественное соглашение совершенно невозможно без полного отказа России от выдвинутых ею притязаний и без немедленной эвакуации Дунайских княжеств», словно удар грома поразил промышляющих конгрессами политиков, а орган хитрого и умудренного опытом Пальмерстона ныне откровенно сообщает остальной братии следующую крупицу правды:

«Россия не может дать согласия на немедленную эвакуацию княжеств и на полный отказ от всех своих притязаний без ущерба для своего достоинства и влияния, и глупо предполагать, что столь огромная держава подчинится этому без отчаянной борьбы. Поэтому мы можем лишь, к сожалению, предсказывать неудачу нынешней попытки завязать переговоры».

Потерпевшая поражение Россия вообще не может принять предложения о переговорах. Дело заключается, следовательно, в том, чтобы склонить чашу весов войны в другую сторону. Но как это осуществить, если не дать России выиграть время? Единственное, что нужно России, это — оттяжка, время, достаточное для того, чтобы набрать новые войска, разместить их по всей империи, сосредоточить их и, приостановив военные действия с Турцией, покончить сначала с кавказскими горцами. В этом случае шансы России могут возрасти, и попытка завязать переговоры «может увенчаться успехом, если Россия окажется победительницей, а не побежденной». Поэтому Англия, по сообщениям венской «Ost-Deutsche Post»[410] и органа министерства «Morning Chronicle», настойчиво указывала Турции на то, что было бы уместным согласиться на трехмесячное перемирие. Лорд Редклифф имел пятичасовую беседу с султаном с целью получить согласие его величества на предложенное перемирие, которое отвергли министры султана, и в результате было созвано чрезвычайное совещание министров для рассмотрения этого вопроса. Порта окончательно отказалась согласиться на предложенное перемирие, да и не могла дать своего согласия, не изменив открыто турецкому народу.

«При нынешнем настроении», — замечает сегодняшний «Times», — «нелегко будет поставить притязания Порты в рамки умеренности».

Порта-де чересчур неумеренна, чтобы понять, что поражение царя совершенно несовместимо с его достоинством и что она должна поэтому предоставить ему трехмесячное перемирие, дабы свести на нет свои собственные успехи и помочь ему снова стать победоносным и «великодушным». Однако надежда на заключение трехмесячного перемирия еще не совсем оставлена.

«Возможно», — пишет «Times», — «что если бы предложение о перемирии было сделано четырьмя державами, оно оказалось бы более успешным».

Благодушная газета «Morning Advertiser» уверяет, что «трудно допустить, чтобы сообщения о подобных предложениях были точны», ибо «до более явной попытки выдать дело Турции царю или до попытки, более соответствующей этой цели, не дошел бы самый изобретательный ум».

Вера радикальной газеты «Morning Advertiser» в «честность и добропорядочность» Пальмерстона и ее невежество в области истории английской дипломатии, по-видимому, одинаково безмерны. А так как эта газета является собственностью ассоциации трактирщиков, имеющих право на продажу спиртных напитков, то я подозреваю, что сами же трактирщики время от времени пишут в ней передовые статьи.

Пока Англия таким образом играет в Константинополе и Вене роль аванпоста России, посмотрим, как русские, со своей стороны, устраивают свои дела в Англии.

В одной из своих предыдущих статей я уже сообщал вашим читателям, что в то самое время, когда коалиционное правительство делает вид, будто оно угрожает России на Черном море, в портсмутских королевских верфях снабжаются всем необходимым русские военные суда, два фрегата — «Аврора» и «Наварин». В минувшую субботу мы узнали из «Morning Herald» и «Daily News», что с русского фрегата «Аврора» бежало шесть матросов, и они уже добрались было до Гилдфорда, но были задержаны офицером русского фрегата «Аврора» и английским полицейским инспектором, возвращены в Портсмут и доставлены на борт «Викторьёз» — английского судна, на котором размещалась команда «Авроры» во время снаряжения последней. Здесь они были подвергнуты жестокому телесному наказанию и закованы в кандалы. Когда об этом стало известно в Лондоне, кое-какие господа при посредстве адвоката г-на Ч. Рональдса достали предписание о выдаче арестованных, адресованное контр-адмиралу Мартину и некоторым другим английским морским офицерам, а также русскому капитану, командиру фрегата «Аврора». Согласно этому предписанию, последним предлагалось препроводить шестерых матросов к лорду-главному судье Англии. Английские портовые власти отказались выполнить предписание, причем английский капитан обратился к вице-адмиралу, вице-адмирал к адмиралу, а адмирал счел необходимым снестись с лордом адмиралтейства, знаменитым сэром Джемсом Грехемом, тем самым, который за 10 лет до этого, в связи с делом Бандьера, поставил английское почтовое ведомство на службу Меттерниху[411]. Что же

касается русского капитана, то, хотя предписание, помеченное именем королевы, было вручено ему на борту английского судна «Викторьёз», а о содержании его он был точно осведомлен переводчиком, он презрительно выбросил бумагу за борт, а когда ее снова просунули через бортовое отверстие, она вновь была выброшена. «Если бы, — заявил русский капитан,— предписание действительно исходило от ее величества, оно было бы послано нашему послу или консулу». Так как консул отсутствовал, то вице-консул отказался вмешаться в это дело. 6 декабря портсмутским морским властям были вручены новые предписания, в которых именем королевы им приказывалось препроводить к лорду-главному судье не только упомянутых шестерых матросов, но также и русского капитана. Вместо того чтобы выполнить предписание, адмиралтейство приложило все усилия к тому, чтобы дать судну уйти из гавани в открытое море, и на другой день «Аврора» под командой капитана Исламатова средь бела дня, вопреки предписанию о выдаче арестованных, направилась в Тихий океан. Тем временем, мы узнаем из вчерашней «Daily News», что

«русский корвет «Наварин» еще находится в доке, где его тщательно ремонтируют. Этим делом занято много портовых рабочих».

Теперь обратите внимание на то, как было освещено это «вопиющее» дело печатными органами министерства.

«Morning Chronicle», орган пилитов, предпочел вообще хранить молчание, поскольку собственный лидер пилитов Грехем оказался наиболее скомпрометированным лицом во всем этом деле. Первой нарушила молчание пальмерстоновская газета «Morning Post», так как светлейший лорд не мог упустить случая показать свое искусство представлять явно каверзные дела в виде занимательных историй. Все это дело, заявила газета, сильно преувеличено и раздуто. Шесть дезертиров, —указывала она, основываясь на утверждении русского капитана, приказавшего беспощадно выпороть их и заковать в кандалы, — «дезертировали, по их собственным словам, не по своему желанию, а их заманили какие-то люди, познакомившиеся с ними на улице». Матросов, умудрившихся, против своей воли и вопреки приказу русского капитана, сойти в Портсмуте на берег, «напоили допьяна и увезли в карете в глубь страны»; там эти люди покинули дезертиров*, «указав им, как добраться до Лондона, и снабдив их адресами нескольких лиц, к которым они должны были обратиться по прибытии». Эта нелепая история,

* Игра слои: «deserted» — «покинули», «deserters» — «дезертиры». *Ред.*

выдуманная газетой Пальмерстона с целью заставить публику поверить в то, что «дезертиры сами отдали себя в руки полиции», является ложью, слишком грубой для того, чтобы ее повторил даже сам «Times». Наконец, «Post» пускает в ход следующую инсинуацию, широко демонстрируя при этом свое нравственное возмущение: все дело якобы было подстроено какими-то польскими эмигрантами, которые, вероятно, хотели оскорбить чувства своего великодушного хозяина, лорда Пальмерстона. Другой орган министерства, «Globe», признает, что

«утверждение, будто иностранец обязан выполнять только предписания, которые исходят от представителя его собственной страны, явно несостоятельно; иначе любые иностранцы, находящиеся в английском порту, могли бы нарушать наши законы и их нельзя было бы привлечь к ответственности без вмешательства посла».

Поэтому «Globe» проявляет сдержанность в своих выводах, указывая, что ответ русского капитана чиновнику, передавшему ему предписание о выдаче арестованных, «нельзя назвать совершенно удовлетворительным». Но в человеческих делах было бы тщетно искать что-либо похожее на совершенство.

«Если бы русский капитан», — восклицает «Times», — «на следующее утро повесил их всех» (то есть пойманных матросов) «на нок рее своего фрегата, то и тогда он совершенно *не отвечал* бы перед английским законом».

Почему же? Да потому, что в договоре о мореплавании, заключенном между Россией и Великобританией в 1840 г. (под руководством лорда Пальмерстона), имеется следующий пункт, относящийся к данному случаю:

«Консулы, вице-консулы и торговые агенты высоких договаривающихся сторон, пребывающие во владениях другого государства, должны получать от местных властей допускаемую законом помощь для поимки дезертиров с военных кораблей или торговых судов той и другой страны».

Однако, милейший «Times», вопрос состоит именно в том, какого рода помощь обязаны были по закону оказать английские власти русскому капитану. Что касается самих русских властей, «отправляющих свои суда в Англию для ремонта в период политического кризиса», то это представляется «Times» «проявлением большой неделикатности и дурного тона», в результате чего «офицеры этих судов были поставлены здесь в положение шпионов». Но, заявляет «Times», «британское правительство не могло резче выразить свое презрение к такой политике», нежели оно это сделало, а именно, допустив,

«даже несмотря на некоторые неудобства для публики», русских шпионов в королевские доки, предоставив в их распоряжение английские военные суда, наняв для них докеров, оплачиваемых за счет английского народа, и салютовав им на прощанье пальбой из пушек, когда они удирали, после того как нанесли оскорбление английским законам.

Написано К. Марксом 9 декабря 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3960, 26 декабря 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РУССКАЯ ПОБЕДА. — ПОЗИЦИЯ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Лондон, вторник, 13 декабря 1853 г.

«К изумлению турецкого султана, несмотря на присутствие в Черном море французского и английского флотов, один турецкий корабль безнаказанно захвачен русским судном. Весна преподнесет султану дальнейшие сюрпризы».

Так писала в прошлую субботу «Press». Но «дальнейшие сюрпризы», которых ожидали только ближайшей весной, принес ближайший же понедельник. Русский флот разгромил турецкую эскадру в Черном море у Синопа[412] — так гласит русское сообщение из Одессы, датированное 5 декабря, которое затем подтвердил французский «Moniteur». Хотя мы еще не знаем точных подробностей этого события, ясно одно, что русский отчет крайне преувеличивает дело, что все свелось к внезапному нападению на ряд турецких фрегатов и некоторое число транспортных судов с войсками, провиантом, боевыми припасами и оружием на борту, направлявшихся в Батум, что русские силы численно значительно превосходили турецкие и что, несмотря на это, последние сдались только после отчаянной борьбы, продолжавшейся в течение часа.

«Наш флот», — пишет «Англичанин»*, — «во всяком случае находится там *не* для того, чтобы препятствовать нападению русских на Турцию. Флот находится там *не* для того, чтобы мешать перевозке русских войск и оружия на Кавказ. Флот там *не* для того, чтобы предотвратить превращение Черного моря в русское озеро. Флот там *не* для того, чтобы помочь нашему союзнику или спасти его от гибели. Флот там *не* для того, чтобы предупредить повторение Наварина по памятному образцу... Русские адмиралы, как мы полагаем, могут маневрировать на расстоянии пушечного выстрела от Константинополя, а средства давления Англии

* — А. Ричардс. *Ред.*

будут пребывать в таком же безмятежном состоянии, как и первое средство давления, находящееся в распоряжении самого лорда Абердина. Долго ли будет народ терпеть этот дорогостоящий фарс?»

Коалиционное министерство раздосадовано тем, что царь разбил турок на море, а не на terra firma*. Министерство хотело победы русских на суше. Русские же успехи на море грозят поколебать его положение как раз в тот момент, когда граф Буоль заверил султана в строго *оборонительных* намерениях царя и когда лорд Редклифф стремился навязать султану трехмесячное перемирие. В высшей степени забавно наблюдать, как между различными печатными органами коалиционного министерства распределяются обязанности по успокоению возбужденного общественного мнения.

«Times», как представитель всего кабинета, выражает его *общее* негодование по поводу неблагодарности царя и даже осмеливается на некоторые угрозы.

«Morning Post» держится, разумеется, еще воинственнее и дает понять своим читателям, что «неблагоприятный» случай при Синопе никогда не имел бы места, будь лорд Пальмерстон премьер-министром или, по крайней мере, министром иностранных дел.

«Во всяком случае ясно», — заявляет «Post», — «что русские морские силы, посланные для операций у турецких берегов, способны нанести ресурсам Порты неожиданный и тяжелый удар как раз в том месте, где Диван имел все основания ожидать, что он получит доказательство ценности и действенности тех союзнических услуг, которые ему открыто были обещаны, если эти обещания действительно подразумевали нечто существенное, нечто большее, чем показное хвастовство. Вряд ли можно, полагаем мы, утверждать, что Черное море является подходящей сценой для нового акта дипломатической комедии, которая была разыграна в Дунайских княжествах под названием «материальные гарантии»[413]. Итак, можно считать, что русские отказались от лицемерного изображения своей позиции как *оборонительной.* Приходится глубоко сожалеть, что *мы»* (читай Абердин) «в своей политике умиротворения зашли чересчур далеко и причинили тяжелый ущерб нашему союзнику, вызвав в свой адрес заслуженные укоры. Мы стали бы объектом постоянного порицания и покрыли бы себя позором, если бы допустили повторение подобного несчастья вследствие того, что не последовало бы помощи со стороны наших военных судов, которые были специально отправлены для оказания такой помощи».

Склонный к философствованию «Morning Chronicle», главный орган пилитов, не исключает

«вероятности того, что держава, нарушившая мир между народами, проявит *теперь* склонность согласиться на прекращение войны».

Император Николай, под тем предлогом, что «он не хочет противиться *свободно выраженному желанию»* господарей Гики

* — твердой земле. *Ред.*

и Штирбея отказаться от управления Молдавией и Валахией, рескриптом от 8 ноября передал их функции генералу фон Будбергу, подчиненному, однако, верховному контролю князя Горчакова.

Тот факт, что Англия старается навязать Турции перемирие в момент, когда оно может лишь помочь царю выиграть время для сосредоточения войск и для попыток расстроить официальный союз между Францией и Англией; далее, ведущиеся одновременно с этим интриги Николая против Бонапарта, которого он хочет свергнуть и заменить Генрихом V; наконец, громкое бахвальство по поводу «слияния» обеих ветвей Бурбонов, о котором сообща ведут переговоры и король Леопольд, и принц Альберт, и орлеанские принцы, — таковы обстоятельства, которые заставляют публику снова обратить свои взоры к Виндзорскому замку и подозревать его в тайном сговоре с дворами Брюсселя, Вены и С.-Петербурга.

«Нынешнее поколение англичан», — пишет аристократическая газета «Morning Herald», — «должно следить за тем, чтобы политика их страны не была подчинена орлеанистским мечтам о реставрации, бельгийским страхам перед аннексией и мелочным немецким интересам».

«Существуют заговорщики», — намекает «Lloyd's Weekly Newspaper», — «за которыми не ведет наблюдения министерство внутренних дел, заговорщики, чьи имена блещут в разделе «Придворные новости» газеты «Times», как звезды в морозную ночь. Они не живут в Сент-Джонс-Вуде; не обитают они и в Челси. Нет, они пользуются куда большими удобствами в залах Клэрмонта[414]. Один из этих заговорщиков, частый гость нашей милостивой королевы, называемый из любезности герцогом Немурским, только что отправился из своего английского особняка в Фросдорф, чтобы соорудить мост — мост над бездной, — по которому Бурбоны могли бы вернуться во Францию. И несомненно, по возвращении он снова будет есть оленину в Букингемском дворце и в Виндзорском замке».

«Ваши министры», —пишет парижский корреспондент «Leader», — «делают то, что приказывает им делать Виктория. Королева Виктория хочет лишь того, чего хочет король Леопольд. Король Леопольд желает лишь того, чего желает император Николай. Таким образом *Николай является de facto*[*] *нынешним королем Англии».*

Бонапарт находится в настоящий момент в более критическом положении, чем когда-либо раньше, хотя с первого взгляда кажется, что его шансы на успех никогда еще не были более благоприятными. Ему удалось прокрасться в круг европейских королевских фамилий. Он столько же выиграл в смысле престижа, сколько потерял Николай. Впервые в своей жизни он сделался «респектабельным». Та самая держава, которая вместе с Россией свергла его дядю с исполинского трона, — Англия — принуждена пойти на явный союз с ним против

[*] — фактически. *Ред.*

России. Обстоятельства сделали его чуть ли не арбитром Европы. Перспектива европейской войны, которая повлекла бы за собой восстания в Италии, Венгрии и Польше, — в странах, где народы, озабоченные почти исключительно восстановлением своей национальной независимости, не очень щепетильно относятся к тому, из какого источника они получают помощь,— все эти возможности, по-видимому, позволят герою 2 декабря дирижировать танцем народов, если он потерпит неудачу в роли миротворца среди королей. Огромные ошибки, совершенные его предшественниками, придали его политике даже видимость проявления национальной силы, ибо он вызывает, по крайней мере, опасения у держав, тогда как его предшественники — начиная временным правительством и кончая бургграфами Законодательного собрания[415] — были способны лишь дрожать перед всем и всеми.

Но теперь давайте посмотрим на оборотную сторону медали. Слияние двух ветвей династии Бурбонов, чего бы по существу оно ни стоило, совершилось под покровительством лондонского и венского дворов и по указке императора Николая. Оно должно поэтому рассматриваться как первый акт Священного союза, направленный против Бонапарта. С другой стороны, оно на время примирило различные партии французской буржуазии, чьи распри как раз и помешали в 1848—1851 тт. этим партиям оказать противодействие узурпации, совершенной героем Страсбурга и Булони[416]. Сами синие республиканцы, собравшись в доме г-на Карно, почти единогласно решили, что они окажут поддержку легитимистам при любой их попытке свергнуть Бонапарта. Эти господа, по-видимому, твердо решили снова проделать традиционный цикл от реставрации через буржуазную монархию к республике. Для них республика никогда не означала ничего, кроме: ote-toi de la, que je m'y mette[*], и если они не могут сами занять место своего соперника, то, по крайней мере, они подвергнут его самому тяжелому, по их представлениям, наказанию — лишению места. Роли, которые предстоит сыграть, уже распределены. Уже назначены генералы, министры, все высшие чиновники. С этой стороны Бонапарту угрожает опасность военного мятежа, который если и не приведет к реставрации Бурбонов, все же может послужить поводом к общему взрыву. Но в общем и целом этот заговор Мале[417], зависящий от поддержки казаков, не более опасен, чем заговор Ледрю-Роллена, зависящий от поддержки турок. Отмечу en passant[**], что

[*] — убирайся, дабы я мог занять твое место. *Ред.*
[**] — между прочим. *Ред.*

если бы собралась вся французская эмиграция Лондона и острова Джерси, Ледрю едва ли осмелился бы появиться перед ней. Огромное большинство французских эмигрантов, принадлежащих к различным фракциям социалистической партии, объединено в Societe des proscrits democrates et socialistes* — организации, которая относится с нескрываемой враждебностью к притязаниям Ледрю. Говорят, что он пользуется еще некоторым влиянием среди французского крестьянства, но власть должна быть завоевана в Париже, а не в департаментах, а в Париже он встретит сопротивление, которое ему не побороть.

Серьезная опасность, которой должен страшиться Бонапарт, угрожает ему с совершенно другой стороны, а именно, со стороны высоких цен на предметы питания, застоя в торговле и крайнего расстройства и истощения императорской казны. Крестьянство, с его слепой верой в волшебную силу имени «Наполеон» и в заманчивые обещания героя Страсбурга, было именно той силой, которая в первую очередь навязала его Франции. В глазах крестьян восстановление династии Бонапартов было равносильно восстановлению их собственного главенства, после того как Реставрация грубо попрала их права, Июльская монархия превратила их в объект спекуляции, а Республика заставила оплачивать издержки февральской революции. Теперь крестьяне прозрели не только в результате карательных экспедиций, но также и вследствие голода. Волна поджогов распространяется в настоящий момент во Франции с невиданной быстротой. Что касается буржуазии, то у нее хватило глупости подозревать Национальное собрание в том, что оно в результате интриг его различных фракций, споров между ними и их общей оппозиции исполнительной власти, вызвало временный застой в торговле в 1851 году. Буржуазия не только покинула на произвол судьбы своих собственных представителей, но и намеренно поощряла coup d'etat** с целью восстановления того, что она называла «упорядоченным правительством», и прежде всего «здоровой деловой жизни». Теперь она обнаружила, что промышленные кризисы не могут быть ни предотвращены военным деспотизмом, ни смягчены тем обстоятельством, что последний до предела напрягает общественный кредит, истощая его непомерно расточительными расходами, и делает финансовый кризис неизбежным спутником торгового кризиса. Буржуазия жаждет поэтому

* — Общество демократических и социалистических эмигрантов. *Ред.*
** — государственный переворот. *Ред.*

новой смены власти, которая даст ей, наконец, «упорядоченное правительство» и «здоровую деловую жизнь». Что касается пролетариев, то они приняли Бонапарта с самого начала только как временную необходимость, как разрушителя republique cosaque* и как орудие возмездия, отомстившее за них *партии порядка*[418]. Будучи к 2 декабря ослабленными рядом предшествующих поражений, а в 1852 и 1853 гг. целиком поглощенными своими заботами, они имели время для выжидания удобного момента, когда причины общего характера и всеобщее недовольство всех других классов дадут им возможность снова взяться за свое революционное дело.

Следующий торговый отчет из Парижа проливает некоторый свет на социально-экономическое положение Франции:

«За последнюю неделю торговые дела в Париже были неудовлетворительны. Если не считать производства новогодних подарков по заказам владельцев магазинов, а также изготовления готового платья, в торговле как будто наступил полный застой. Одной из главных причин этого являются высокие цены на продовольственные продукты в провинции, лишающие основную массу населения возможности делать обычные покупки. Урожай пшеницы, сбор каштанов и винограда оказались низкими во всех центральных департаментах Франции, и крестьяне, вынужденные многим жертвовать ради приобретения хлеба, отказывают себе во всем, кроме предметов первой необходимости. В письмах, получаемых из провинции, констатируется, что большая часть хлопчатобумажных товаров, поступивших в продажу на последних ярмарках, не нашла покупателей, чем легко объясняется застой в торговле, наблюдающийся в Руане. Весь экспорт в настоящее время направляется только в южноамериканские государства. Сообщают, что рынки Нью-Йорка и Нового Орлеана переполнены французскими изделиями; в результате оттуда не предвидится никаких заказов. Фирмы, обычно снабжающие продукцией Бельгию и Германию, почти все приостановили работу, так как прекратилось всякое поступление заказов от их заграничных клиентов. Всякий раз, когда Французский банк обнаруживает значительное сокращение количества торговых векселей, предъявляемых для учета, это должно означать, что дела в Париже идут вяло, и так оно и есть в настоящий момент. На хлебном рынке, где уже в течение десяти дней торговля шла плохо и наблюдалось падение цен, наступило оживление, и владельцы пшеницы приобрели большую уверенность в отношении своих запасов. Булочники проявляют большую склонность покупать муку, а появление некоторого числа покупателей из восточных департаментов окончательно приостановило падение цен. Поскольку парижские хлебные комиссионеры оказались не в состоянии выполнить все полученные в минувшую среду заказы, покупатели направились в Гавр, где ранее было объявлено, что цена упала на 2 франка за баррель. Немедленно после прибытия туда покупателей, мука поднялась в цене с 44 до 47 франков за баррель, а пшеница — с 83 до 86 франков за меру, равную 200 килограммов. Аналогичный рост цен имел место на всех рынках департамента Нор. В Страсбурге на хлебном рынке было обилие хлеба, и цена на пшеницу понизилась на 1 франк за гектолитр; в Лионе на

* — казацкой республики. *Ред.*

рынке не было оживления, но падения цен не наблюдалось. В Париже снова поднялась в цене рожь; отмечена продажа 12000 квинталов овса по 22 франка 9 су за 100 килограммов. В письме из Марселя от 2 декабря сообщается, что в период с 1 по 30 ноября в марсельский порт прибыл 341 корабль, груженый 804270 гектолитрами пшеницы. Всего же, включая эти суда, за последние 4 месяца в Марсель было ввезено 2102476 гектолитров пшеницы на 714 судах».

Написано К. Марксом 13 декабря, 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3961. 27 декабря 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ОТСТАВКА ПАЛЬМЕРСТОНА

Самой интересной и важной из новостей, доставленных пароходом «Африка», является известие об отставке *лорда Пальмерстона,* входившего в коалиционное министерство лорда Абердина[419]. Это — искуснейший ход бесцеремонного и ловкого мастера тактики. Те лондонские газеты, которые являются рупором министерства, настойчиво стараются убедить публику, что это событие вызвано не осложнениями в восточном вопросе, а тем обстоятельством, что преисполненный добросовестности светлейший лорд, будучи верным стражем британской конституции, не может согласиться на парламентскую реформу даже карликовых размеров, характерных для вига типа лорда Джона Рассела, и потому оставляет свой пост. Именно таковы официальные мотивы отставки, которые Пальмерстон соблаговолил сообщить своим коллегам по коалиции. Но в то же время он всячески постарался сделать так, чтобы у публики сложилось совершенно иное впечатление; и действительно, несмотря на все декларации официальных органов, повсюду распространено мнение, что билль о парламентской реформе послужил только предлогом, истинной же причиной является политика кабинета в отношении России. В таком духе с некоторых пор, в особенности после закрытия последней сессии парламента, стали выступать все газеты, благосклонные к Пальмерстону. На разные лады и в самых различных вариациях они исполняли одну и ту же мелодию, изображая лорда Пальмерстона человеком, тщетно боровшимся против влияния премьер-министра и восстававшим против той недостойной роли, которую ему навязывали в восточной драме. Непрерывно ходили

слухи о расколе министерства на два больших лагеря, и все пускалось в ход, чтобы подготовить английскую публику для восприятия зрелища, как рыцарственный виконт станет обнаруживать свойственную ему энергию. Итак, спектакль был подготовлен заранее, все мизансцены были продуманы и благородный лорд, выжидавший за кулисами, выбрал с поразительным чутьем наиболее подходящий момент, когда появление его на сцене должно было произвести самый ошеломляющий эффект.

Лорд Пальмерстон порывает со своими друзьями по коалиции как раз в момент, когда Австрия жадно ухватилась за предложение о новых переговорах; когда царь все шире раскидывает сети своих интриг и втягивает все новые силы в войну, вызывая вооруженное столкновение между сербами и босняками и угрожая свержением с престола правящему князю Сербии в случае, если тот будет настаивать на дальнейшем сохранении нейтралитета в этом конфликте; когда турки, понадеявшись на присутствие английского и французского флотов, лишились своей флотилии, уничтоженной втрое превосходившим ее по силе русским флотом, и потеряли 5000 моряков; когда в английских гаванях и на борту английских судов русским капитанам дозволяется попирать английские законы; когда стали достоянием гласности династические интриги «безупречной королевы» и ее «немецкого принца-супруга»; и когда, наконец, поведение тяжелого на подъем английского народа, выведенного из себя оскорблениями, которым подвергается его национальная гордость за рубежом, и жестокими испытаниями у себя на родине в связи со стачками, голодом и застоем в торговле, становится угрожающим, а ближайшим объектом его мести должно сделаться его же собственное жалкое правительство. Оставляя свой пост в такой момент, лорд Пальмерстон перекладывает всю ответственность со своих плеч на плечи своих бывших коллег. Этот шаг становится крупным национальным событием. Пальмерстон сразу превращается в представителя народа, выступающего против правительства, с которым он порывает. Он не только спасает свою собственную популярность, но и делает своих коллег окончательно непопулярными. Поскольку неизбежное падение теперешнего министерства выглядит как дело его рук, он становится необходимым членом любого другого кабинета, который придет на смену нынешнему. Он не только бросает на произвол судьбы обреченный кабинет, но и навязывает себя его преемнику.

Помимо спасения своей популярности и обеспечения за собой выдающегося положения в новом правительстве, лорд Пальмер-

стон своим уходом в теперешний критический момент оказывает прямую услугу России. Русская дипломатия давно уже насмехалась над неповоротливостью коалиционного министерства, Бонапарту всегда казались подозрительными его симпатии к Кобургам и Орлеанскому дому, и даже в Константинополе начинают понимать его предательскую, трусливую слабость; теперь же оно потеряет и то незначительное влияние в руководящих международных кругах, которым, возможно, оно пока еще пользовалось. Правительство, лишенное единства и популярности, не пользующееся доверием друзей и уважением врагов, правительство, которое рассматривается как нечто чисто временное, находящееся накануне распада, и в самом существовании которого начинают сомневаться, — такое правительство меньше всего способно обеспечить Великобритании надлежащий удельный вес в концерте европейских держав. Уход лорда Пальмерстона сводит на нет роль коалиционного министерства, а вместе с ним и роль самой Англии во внешней политике, но никогда еще исчезновение Англии с политической арены, хотя бы и на одну или две недели, не имело столь большого значения для самодержца. Миролюбивые элементы взяли верх над воинственными в правящих кругах Великобритании. Так неизбежно будет истолкована отставка лорда Пальмерстона берлинским, парижским и венским дворами, и такое истолкование будет навязано и Дивану, уверенность которого в собственных силах и без того уже поколеблена последним русским успехом и который заседает под жерлами пушек соединенных эскадр,

Не следует забывать, что с тех пор как лорд Пальмерстон стал членом коалиционного министерства, связь его государственной деятельности с внешней политикой ограничилась его причастностью к нашумевшему делу с пороховым заговором[*] и к откровенному использованию английской полиции для шпионской слежки за политическими эмигрантами, его речью, в которой он в шутливой форме изображал препятствия, чинимые Россией судоходству на Дунае, как вопрос, не заслуживающий внимания, и, наконец, торжественной речью при закрытии парламентской сессии, в которой он заверил палату общин, что в восточном кризисе правительство действовало безупречно и что депутаты могут разойтись со спокойным сердцем, ибо министры остаются на своих постах; при этом он ручался «за честность и добропорядочность русского императора».

[*] См. настоящий том, стр. 86—88. *Ред.*

Кроме перечисленных нами общих причин, лорд Пальмерстон имел еще одну особую причину удивить мир своим последним актом патриотического самопожертвования: его начали распознавать. Его престиж начинает меркнуть, его прошлая карьера становится известной публике. Если заблуждение английского народа не было еще поколеблено откровенным участием Пальмерстона в заговоре 2 декабря, приведшем к свержению Французской республики, и разыгранной им комедией с пороховым заговором, то отрезвляющим средством послужили разоблачения г-на *Давида Уркарта,* который основательно занялся его светлостью. В своей недавно опубликованной работе «Продвижение России», в своих статьях в английской прессе и, в особенности, в своих речах на антирусских митингах, проходивших по всему королевству, этот господин нанес политической репутации Пальмерстона удар, который приобретет еще большую силу в дальнейшем ходе истории. Наш собственный вклад в дело восстановления исторической справедливости также сыграл, на что мы совершенно не рассчитывали, определенную роль в формировании в Англии иного мнения относительно этого пронырливого и лукавого государственного деятеля. Совершенно неожиданно нам; стало известно из Лондона, что г-н Такер перепечатал тиражом в 50000 экземпляров и бесплатно распространил подробную статью, в которой два месяца тому назад мы показали истинное лицо его светлости и сорвали маску с его государственной деятельности[420]. Перемена в общественном мнении оказалась неблагоприятной для благородного лорда, и он очевидно думает спастись от грозящего обрушиться на него потока осуждений или отразить его посредством теперешнего coup[*]. Мы предсказываем, что его ожидает неудача н что его затянувшаяся карьера государственного деятеля вскоре придет к своему бесславному и злосчастному концу.

Написано К. Марксом 16 декабря 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3965, 31 декабря 1853 г. в качестве передовой

Печатается по твксту газеты

Перевод с английского

[*] — маневра. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ [421]

После долгой задержки мы получили, наконец, официальные документы об обеих победах, которыми так громко похваляется Россия и за которые она была так щедро вознаграждена. Мы имеем в виду, разумеется, уничтожение турецкой эскадры при Синопе и бои при Ахалцихе[422] в Азии. Документы эти — русские официальные донесения; однако то обстоятельство, что турецкий официальный орган хранит на этот счет глубокое молчание, в то время как его сообщения, если бы они были сделаны, должны были бы дойти до нас раньше, чем сообщения из С.-Петербурга, заставляет с несомненностью предполагать, что Порта не может сообщить ничего приятного. В соответствии с этим мы попытаемся, на основании имеющейся в нашем распоряжении информации, проанализировать упомянутые события, чтобы ознакомить наших читателей с истинным положением вещей.

Сражение при Синопе было результатом целого ряда таких невероятных ошибок со стороны турок, что все дело можно объяснить только злонамеренным вмешательством западной дипломатии или тайным сговором русских с некоторыми кругами в Константинополе, связанными с французским и английским посольствами. В ноябре месяце весь турецкий и египетский флот отправился в Черное море, чтобы отвлечь внимание русских адмиралов от экспедиции, посланной к кавказскому побережью с целью доставки оружия и боевых припасов восставшим горцам. Флот оставался в открытом море восемнадцать дней, не встретив ни одного русского военного корабля. По одной версии, русская эскадра за все это время не покидала

Севастополя, в результате чего экспедиция, посланная на Кавказ, сумела выполнить свою задачу; по другой версии, русские, прекрасно осведомленные о турецких планах, направили эскадру в восточном направлении, и она осуществляла простое наблюдение за судами, предназначенными для доставки грузов, которые вследствие этого так и не достигли кавказского побережья и вернулись в Синоп, между тем как главные морские силы возвратились в Босфор. Большие запасы пороха на борту кораблей синопской эскадры, что привело к взрыву некоторых из них почти в начальной стадии боя, по-видимому, подтверждают правильность последней версии.

Семь турецких фрегатов, два парохода, три корвета и одно или два малых судна вместе с несколькими транспортами остались, таким образом, предоставленными самим себе в Синопской гавани, которая является лишь немного лучшим укрытием, чем простой открытый рейд; эту гавань образует открытая к морю бухта, защищаемая несколькими запущенными и плохо построенными батареями; лучшая из батарей расположена в замке, сооруженном еще во времена греческих императоров, вероятно, до того, как в Европе стало известно об артиллерии. Нам предстоит еще выяснить, как могло случиться, что эскадра, имевшая на вооружении около трехсот пушек большей частью малого калибра, была выдана на милость втрое превосходившего ее по силам и артиллерийскому вооружению флота, да к тому же в таком пункте турецкого побережья, который, ввиду близости к Севастополю, более всего доступен для русских атак, между тем как главные силы турецкого флота спокойно качались на волнах Босфора. Но мы знаем, однако, что опасное положение этой эскадры было хорошо известно и явилось предметом горячих дебатов в главной квартире; мы знаем, что турецкие, английские и французские адмиралы громко высказывали в военном совете различные, несовпадающие друг с другом мнения и что всюду поспевающие послы также вмешивались в обсуждение этого вопроса; но сделано ничего не было.

Между тем, как гласит одно сообщение, с австрийского парохода было передано в Севастополь о месте нахождения эскадры. Русское официальное сообщение, наоборот, утверждает, что Нахимов, крейсируя у азиатских берегов, обнаружил эскадру и сейчас же приготовился к нападению на нее. Но если русские заметили турок у Синопа, то турки безусловно должны были с городских башен и минаретов заметить русских гораздо раньше. Как могло случиться, что турецкие батареи оказались так плохо подготовленными к бою, в то время как достаточно было нескольких

дней работы для того, чтобы в значительной степени привести их в порядок? Как случилось, что турецкие суда бросили якорь именно в тех местах, где они мешали огню батарей, и по какой причине якорные стоянки не были перенесены туда, где эти суда были бы лучше защищены от грозившей им опасности? Для всего этого имелось достаточно времени, ибо, как сообщает адмирал Нахимов, он, прежде чем решиться на атаку, послал в Севастополь за тремя трехпалубными кораблями. Ясно, что турки не упустили бы напрасно шести дней, с 24 по 30 ноября, не приняв никаких мер. Сообщение же бежавшего в Константинополь турецкого судна «Таиф» достаточно определенно показывает, что турки были захвачены врасплох. В этом отношении русское сообщение нельзя, таким образом, считать точным.

Под командой Нахимова находились три линейных корабля, из них один трехпалубный, шесть фрегатов, несколько пароходов и шесть или восемь малых судов — иначе говоря, силы, имеющие, по крайней мере, вдвое большее артиллерийское вооружение, чем турецкая эскадра. И, однако, он только тогда решился атаковать турок, когда получил подкрепление в виде трех трехпалубных кораблей, которых одних было бы достаточно для всего предприятия. Только при таком несоразмерно большом превосходстве в силах он предпринял атаку. Густой туман пли, как утверждают некоторые, использование британского флага позволило ему беспрепятственно приблизиться на расстояние в 500 ярдов. Тогда начался бой. Русские, не желая стоять под парусами у берегов, куда их могло прибить ветром, бросили якоря. Затем последовала четырехчасовая артиллерийская дуэль между обеими стоявшими на якорях эскадрами, протекавшая без всякого маневрирования на море и напоминавшая скорее артиллерийскую перестрелку на суше. Возможность обойтись без применения морской тактики, без каких-либо маневров была очень на руку русским, чей черноморский флот, судовые команды которого состоят почти исключительно из «пресноводных моряков» [«land lubbers»], особенно из польских евреев, имел бы мало шансов на успех в сражении в открытом море с турецкими судами, располагающими хорошими командами. И тем не менее, русским все же понадобилось четыре часа, чтобы заставить замолчать слабые корабли своего противника. Кроме того, они имели еще и то преимущество, что каждый их летевший мимо цели снаряд должен был причинить вред либо береговым батареям, либо городу, а о количестве сделанных ими промахов по сравнению с попаданиями говорит тот факт, что город был почти полностью разрушен задолго до того, как неприятельский флот принужден был

замолчать. Согласно русскому сообщению, разрушены были только турецкие кварталы, в то время как греческая часть города как бы чудом спаслась от разрушения. Но этому противоречит более достоверный источник, свидетельствующий, что весь город превращен в развалины.

В ходе боя три турецких фрегата были сожжены, четыре посажены на мель и после этого сожжены вместе с одним пароходом и небольшими судами. Пароход «Таиф» перерезал, однако, свою якорную цепь, смело прорвался через русские линии и ушел в Константинополь, несмотря на преследование тремя русскими пароходами под командованием адмирала Корнилова. Считывая неповоротливость русских при маневрировании на море, невыгодное расположение турецкого флота перед фронтом собственных батарей и на их линии обстрела и, особенно, *абсолютную неизбежность поражения,* для турецкой эскадры было бы, вероятно, лучше сняться с якоря и ударить всеми силами на врага, поскольку это позволял ветер. Тогда, пожертвовав несколькими судами, что было неизбежно, можно было бы спасти, по крайней мере, хоть часть эскадры. Конечно, решающим обстоятельством для такого маневра являлось направление ветра; но кажется сомнительным, чтобы Осман-паша вообще имел в виду такой шаг.

Победа при Синопе не доставляет славы русским. В то же время турки сражались с почти неслыханной храбростью, ни один корабль не спустил флага на протяжении всего боя. Потерей значительной части своих морских сил, временным завоеванием русскими Черного моря и угнетающим моральным влиянием такого рода события на турецкий народ, армию и флот Турция обязана всецело «добрым услугам» западной дипломатии, которая помешала выходу турецкого флота для защиты или сопровождения домой синопской эскадры. Равным образом русские обязаны тайной информации тем, что они оказались в состоянии нанести удар с такой уверенностью и безопасностью.

Вторая победа, которой похваляются русские, была одержана в Армении при Ахалцихе. Некоторое время тому назад наступательные движения турок на границе Грузии были остановлены. Со времени занятия турками Шефкатиля, или пристани св. Николая, ими не было взято ни одного пункта, имеющего какое-либо значение, не одержано ни одной, хотя бы ничтожной победы. И это в стране, где русские принуждены сражаться при самых неблагоприятных условиях, какие только можно себе представить, где их сухопутные коммуникации с Россией ограничиваются двумя дорогами, окруженными со всех сторон восставшими черкесами, а их морские коммуни-

кации легко могут быть перерезаны или поставлены под угрозу; весь оккупированный русскими Закавказский край с Тифлисом в качестве его центра может считаться скорее самостоятельным государством, чем составной частью могущественной империи. Чем же объяснить прекращение турецкого наступления? Турки обвиняют в измене Абди-пашу, которого они отозвали. И на самом деле очень странно, что Абди-паша — единственный турецкий генерал в Азии, которому русские позволяли одерживать частичные победы местного значения. Однако можно указать на две ошибки турок, которые объясняют недостаточные успехи в начале кампании и последующее фактическое поражение. Они растянули и раздробили свою армию на всем протяжении длинной линии от Батума до Баязета. Их войска ни в одном месте не оказались достаточно сильными для сосредоточенного наступления на Тифлис, хотя часть их войск и овладела в данный момент городом Эривань, обладание которым никем не оспаривается и не представляет никакой пользы. В неплодородной, покрытой скалами стране должно быть трудно прокормить большую армию, но лучшее средство предохранить ее от голода, это — быстрые передвижения и скорейшая концентрация всех ресурсов. Достаточно было бы двух корпусов: одного для прикрытия Батума и нападения на побережье, а другого — для марша через долину Куры прямо на Тифлис. Но турецкие силы все дробились и дробились без всякой на то необходимости, пока каждый отдельный отряд не стал почти совсем небоеспособным.

С другой стороны, состояние бездействия, в котором держала турецкий флот дипломатия, позволило русским высадить в Мингрелии две дивизии пехоты (из 5-го корпуса) и таким образом увеличить кавказскую армию князя Воронцова почти на 20000 человек. Благодаря этому подкреплению он мог не только задержать турок на побережье, но и доставить себе удовольствие, освободив осажденную крепость Ахалцих войсками генерала Андронникова, которые разбили неприятеля в открытом бою вблизи этого города. Русские сообщают, что, имея около 10000 человек, они обратили в бегство 18000 турок. Мы не можем, естественно, полагаться на подобные сообщения, но должны признать, что наличие большего количества иррегулярных войск в турецкой армии в Анатолии и почти полное отсутствие европейских офицеров, в особенности среди высшего командного состава и в штабе армии, делало турок более слабой стороной по сравнению с русскими при их численном равенстве. Русские утверждают, что они захватили десять или двенадцать орудии; это, вероятно, соответствует истине, так как

в этой непроходимой местности побежденная сторона неизбежно должна бросать большую часть своих пушек. Но в то же время русские признают, что они взяли всего 120 пленных. Это равносильно признанию, что они добили на поле битвы почти всех раненых, которых турки по необходимости должны были оставить в их руках. Кроме того, русские сообщения показывают, что ими были плохо продуманы меры по преследованию и хотя бы частичному перехвату отступающего противника. У русских было много кавалерии; смелая атака на обращенного в бегство врага могла бы привести к тому, что целые батальоны оказались бы отрезанными. Однако, по крайней мере судя по имеющимся отчетам, это сражение не представляет большого политического и военного интереса.

На Дунае русские не предприняли ничего, кроме повторения тех действий, которыми они начали кампанию, а именно операции у Мэчина — форта, вернее выдающейся вперед скалы напротив Браилова. По-видимому, они мало чего там добились. Теперь мы можем также, на основании достоверного источника, произвести и более обстоятельный подсчет турецких сил, сосредоточенных у Видина. Они состоят из 34000 пехотинцев, 4000 кавалеристов и 2000 артиллеристов с 66 полевыми орудиями, не считая тяжелой артиллерии на укреплениях Видина и на редутах Калафата. Таким образом сила в 4000 турок тратится на то, чтобы занимать прямую дорогу из Бухареста в Сербию. 40000 человек, прикованных к растянутым укреплениям, которые они должны защищать, — это слишком мало, чтобы противостоять наступлению большой армии, но зато чересчур много для того, чтобы отражать набеги небольших отрядов. Вместе с силами, уже собранными у Шумлы, эти 40000 человек во всяком другом месте имели бы двойную ценность. Отсутствие этих сил в нужном месте, наряду с вмешательством дипломатии погубило операцию при Олтенице. Невозможно себе представить, чтобы Омер-паша не знал, что если он будет стоять со 100000 человек между Силистрией и Рущуком, то русские никогда не предпримут попытки пройти у него на виду и устремиться в горы Сербии с силами, достаточными для нанесения серьезного ущерба. Теперешняя дислокация его войск не может соответствовать его взглядам на вещи, и он, должно быть, крайне возмущен и раздражен теми пагубными влияниями, в результате которых ему навязывается эта дислокация.

Написано Ф. Энгельсом около 22 декабря 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3971, 9 января 1854 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящей статьей начинается систематическое освещение Марксом и Энгельсом на страницах «New-York Daily Tribune» восточного вопроса в связи с обострением в 1853 г. противоречий между Россией и западноевропейскими державами на Ближнем Востоке и Балканах и начавшейся затем Крымской войной. Как и большинство статей и корреспонденции Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune», данная статья не переиздавалась при жизни авторов. Раздел «Турция», вместе с другими статьями по восточному вопросу, вошел в подготовленный дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг и английским социалистом Эдуардом Эвелингом сборник: Karl Marx. «The Eastern Question. A Reprint of Letters written 1853—1856 dealing with the events of the Crimean War». London, 1897 (Карл Маркс. «Восточный вопрос. Перепечатка статей, написанных в 1853—1856 гг. в связи с событиями Крымской войны». Лондон, 1897). В этом сборнике в качестве автора всех статей указывался Маркс, поскольку в «New-York Daily Tribune» статьи печатались либо за его подписью, либо без подписи. Только в 1913 г. в связи с опубликованием переписки Маркса и Энгельса стало известно, что значительное число статей, посланных Марксом в «Tribune», целиком или частично принадлежало перу Энгельса.

В настоящей статье разделы «Британская политика. — Дизраэли.— Эмигранты. — Мадзини в Лондоне» написаны Марксом, раздел «Турция» Энгельсом. В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была опубликована в неполном виде, без первого абзаца.

«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»)— американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40— 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое

число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев произвольно обращалась со статьями Маркса и Энгельса, печатая некоторые статьи без подписи автора в виде редакционных передовых и иногда допуская вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, Маркс был вынужден сократить число своих корреспонденций в «New-York Daily Tribune». Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *1*.

[2] В марте 1853 г. Дизраэли, являвшийся с 1848 г. лидером партии тори в палате общин, был заменен на этом посту Пакингтоном. Эта перемена явилась результатом длительных внутренних трений в партии между Дизраэли, сторонником известных уступок фритредерской промышленной буржуазии в финансовой и торговой политике, и тори-протекционистами. Несмотря на временное торжество последних, в дальнейшем возобладала линия Дизраэли, отражавшая тенденцию к превращению старой аристократической партии тори в партию консервативных кругов английской буржуазии. — *1*.

[3] На заседании палаты общин 1 марта 1853 г. Пальмерстон демагогически заявил, что Англия ответит отказом, в случае если континентальные державы потребуют высылки политических эмигрантов с Британских островов. Однако в последовавшем вскоре выступлении Абердина в палате лордов содержались обещания уступок правительствам континентальных держав в вопросе об эмигрантах. Маркс касался этого вопроса в ряде своих предыдущих корреспонденции в «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 570, 575). — *2*.

[4] *«Oesterreichische Correspondenz»* («Австрийская корреспонденция») — полуофициальный литографированный орган австрийского правительства; выходил под данным названием в Вене в 1850—1863 годах. — *2*.

[5] *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник») — ежедневная французская газета, официальный правительственный орган; выходила в Париже с 1789 года. — *3*.

[6] *Тильзитский мир* — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими пора-

жение в войне. Условия мира были крайне тяжелыми для Пруссии, которая лишилась значительной части своей территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь и даже приобрела Белостокский округ, отошедший к ней от Пруссии. Но Александр I должен был признать французские завоевания в Германии и произведенные там Наполеоном территориальные изменения, а также суверенитет Наполеона над Ионическими островами, согласиться на образование Варшавского герцогства, явившегося французским плацдармом у границ России, и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде). В Тильзите Александр I обязался начать при французском посредничестве мирные переговоры с Турцией, с которой Россия с 1806 г. находилась в состоянии войны. В августе 1807 г. между Россией и Турцией было подписано перемирие. Однако мира между ними не было достигнуто, и военные действия, возобновившиеся в 1809 г., привели к поражению Турции в 1812 году. — *3.*

[7] Речь идет об интервенции контрреволюционных сил Священного союза (реакционного объединения европейских монархов, основанного в 1815 г. царской Россией, Австрией и Пруссией) в Неаполь, Пьемонт и Испанию в начале 20-х годов XIX века. На конгрессе Священного союза, начавшемся в Троппау (Опаве) в октябре 1820 г. и закончившемся в мае 1821 г. в Лайбахе (Любляне), был открыто провозглашен принцип вмешательства держав Священного союза во внутренние дела других государств с целью поддержания там феодально-монархических режимов. В соответствии с этим Лайбахский конгресс принял решение о посылке австрийских войск в Италию, а конгресс в Вероне (1822)—о французской интервенции в Испанию, что привело к подавлению буржуазных революций и национально-освободительных движений в этих странах. — *3.*

[8] Обострение восточного вопроса в начале 40-х годов произошло в результате турецко-египетской войны 1839—1841 гг. и усиления в связи с ней противоречий между великими державами. Войска султана в 1839 г. вступили в Сирию, завоеванную в 1831—1833 гг. египетским правителем Мухаммедом-Али, но были разбиты. Западные державы, опасаясь сепаратного вмешательства в турецко-египетский конфликт России, настояли на обращении к султану с коллективной нотой 27 июля 1839 г., в которой Порте предлагалось содействие всех великих держав. Однако борьба между Англией и Францией из-за сфер влияния на Ближнем Востоке, в частности в Египте, привела к тому, что Лондонская конвенция от 15 июля 1840 г. о мерах военной помощи держав султану была подписана Англией, Россией, Австрией и Пруссией без Франции. Франция, делавшая фактически ставку на Мухаммеда-Али, вскоре вынуждена была уступить, покинув Мухаммеда-Али на произвол судьбы. В результате военного вмешательства Англии и Австрии Мухаммед-Али должен был отказаться от всех своих владений за пределами Египта и подчиниться верховной власти султана. — *4.*

[9] Так называемый «принцип легитимизма» (от латинского «legitimus» — «законный») был выдвинут на Венском конгрессе (1814—1815) французской дипломатией, представленной Талейраном. Этот принцип, сводившийся к восстановлению в Европе «законных» королевских династий и монархических режимов, свергнутых в ходе французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновских войн, был

положен в основу всех Венских трактатов. Вместе с тем, перекраивая политическую карту Европы, вопреки воле народов, правители государств, одержавших победу над наполеоновской Францией, руководствовались не столько претензиями реставрируемых «легитимных» монархов, сколько своими собственными, нередко сталкивающимися, интересами. — *4*.

[10] В песне «Мелюзга или похороны Ахилла» («Les mirmidons ou les funerailles d'Achille») Беранже аллегорически изобразил ничтожных и бездарных властителей Франции в период Реставрации и других европейских поборников легитимизма. В заглавии песни игра слов: les mirmidons — мирмидоняне, легендарное племя в южной Фессалии, воины которого сражались в Троянской войне под предводительством Ахилла; mirmidon также означает: карапуз, карлик, а в переносном смысле: ничтожный, бездарный человек. — *4*.

[11] Турецкие войска осаждали Вену дважды: в 1529 и в 1683 гг. и оба раза безуспешно. В 1683 г. австрийская столица была спасена от турецких завоевателей польскими войсками короля Яна Собеского.

Сражение при Кулевче (Болгария) произошло 30 мая 1829 г. во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Сражение закончилось разгромом турецких войск. — *5*.

[12] Слово «раса» («race») употребляется здесь в соответствии с общепринятым в то время его пониманием, допускавшим смешение «рас второго порядка» (групп внутри основных рас) с языковыми и этническими подразделениями человечества. — *5*.

[13] *Арнауты* — турецкое название албанцев. — *5*.

[14] *Гальеги* — горное население Галисии, проживающее в этом районе Пиренейского полуострова с древнейших времен. В ряде городов Испании и Португалии гальеги образовали свои поселения. — *7*.

[15] Имеется в виду использование в 1848—1849 гг. австрийскими Габсбургами против революционной Венгрии движения трансильванских валахов. Трансильвания накануне революции входила в состав земель венгерской короны, находившихся под властью Габсбургов. Во время революции 1848—1849 гг. венгерское революционное правительство отказалось признать права трансильванских валахов на национальную независимость. Воспользовавшись этим, австрийская контрреволюция сумела вовлечь повстанческую армию трансильванских валахов в борьбу с революционной армией венгров. Поражение венгерской буржуазной революции в свою очередь имело пагубные последствия для населения Трансильвании, где была восстановлена власть венгерских магнатов. — *7*.

[16] *Русины* — введенное буржуазными этнографами и историками и распространенное в XIX в. название украинского населения Галиции, Прикарпатья и Буковины, насильственно оторванного в то время от основной массы украинского народа.

В феврале 1846 г., когда была предпринята попытка поднять восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши и в Кракове повстанцам удалось на время одержать победу, вспыхнуло и крестьянское восстание в Галиции. Австрийским властям,

которые использовали ненависть угнетенных украинских крестьян к польской шляхте, в ряде случаев удалось направить восставших крестьян против польских повстанческих отрядов. После подавления восстания в Кракове было жестоко подавлено и движение галицийских крестьян. — *8*.

[17] Имеется в виду буржуазная революция 1848 г. в Молдавии и Валахии, в ходе которой развернулось широкое движение народных масс этих княжеств за полную ликвидацию зависимости от Турецкой империи, за уничтожение крепостного строя и других препятствий на пути развития капитализма. Революция была подавлена объединенными силами внутренней реакции и вооруженной интервенции султанской Турции и царской России. — *8*.

[18] Речь идет о правых, помещичье-буржуазных элементах хорватского и чешского национального движения, которые в период революции 1848—1849 **гг.** выступали против решения национального вопроса революционно-демократическим путем и пропагандировали идеи объединения угнетенных славянских народов в рамках реакционной империи Габсбургов. Подобная позиция нашла свое выражение в решениях хорватских соборов, заседавших в Аграме (Загребе) в 1848 г. и в ориентации умеренно-либерального крыла (Палацкий, Шафарик) Славянского съезда в Праге (июнь 1848 г.) на сохранение и укрепление Габсбургской монархии. В противоположность этому левое, демократическое направление на съезде (Сабина, Фрич, Либельт и др.) стремилось к совместным действиям с революционно-демократическим движением в Германии и Венгрии. — *9*.

[19] Имеется в виду русско-турецкая война 1806—1812 гг., закончившаяся поражением Турции и подписанием в мае 1812 г. Бухарестского мирного договора, по которому к России переходила Бессарабия. В договор были включены статьи, предусматривавшие предоставление Сербии автономии в делах внутреннего управления, чем была заложена основа ее будущей независимости. — *10*.

[20] Антирусская партия в Сербии во главе с Гарашаниным ориентировалась на поддержку западных держав. В начале 1853 г. сербский князь Александр по требованию русского чрезвычайного посла в Константинополе князя Меншикова уволил Гарашанина с поста главы правительства и министра иностранных дел. Борьба партий различных ориентаций привела к обострению внутриполитического положения в Сербии в 1853 году. — *10*.

[21] Первая англо-афганская война 1838—1842 гг., предпринятая англичанами с целью колониального порабощения Афганистана, закончилась провалом захватнических планов английских колонизаторов.

Захват Синда, пограничной с Афганистаном области в северозападной части Индии, был осуществлен английскими колонизаторами в 1843 году. Во время англо-афганской войны Ост-Индская компания посредством угроз и насилий добилась от феодальных правителей Синда согласия на пропуск своих войск через их владения. Воспользовавшись этим, англичане потребовали в 1843 г. от местных феодалов признания себя вассалами Компании и после расправы с восставшими племенами белуджей (коренное население Синда) объявили всю область присоединенной к Британской Индии.

Пенджаб (Северная Индия) был завоеван в результате войн англичан с сикхами (1845—1846, 1848—1849). Сикхами в XVI в. называлась религиозная секта в Пенджабе, чье учение о равенстве стало идеологией развернувшейся с конца XVII в. борьбы крестьян против индийских феодалов и афганских захватчиков. В дальнейшем среди самих сикхов выделилась феодальная верхушка, представители которой стояли во главе государства сикхов, включавшего в начале XIX в. весь Пенджаб и ряд соседних областей. В 1845 г. английские колонизаторы, использовав предательские элементы сикхской знати, спровоцировали конфликт с сикхами и добились в 1846 г. превращения государства сикхов в вассальное княжество. В 1848 г. сикхи подняли восстание, но в 1849 г. были окончательно покорены. Завоеванием Пенджаба завершилось превращение всей Индии в английскую колонию. — *12.*

[22] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, основан в Лондоне в 1843 году; орган крупной промышленной буржуазии. — *13.*

[23] Имеется в виду восстание, поднятое в Милане 6 февраля 1853 г. сторонниками итальянского революционера Мадзини и поддержанное венгерскими революционными эмигрантами. Целью повстанцев, большинство которых состояло из итальянских рабочих-патриотов, было свержение австрийского господства. Однако восстание, организованное на основе заговорщической тактики и без учета реальной обстановки, быстро потерпело поражение. Оценка этого восстания была дана Марксом в ряде его статей (см. настоящее издание, т. 8, стр. 544—545, 550—553, 572—573). — *15.*

[24] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была опубликована в неполном виде, без первых двух абзацев. — *16.*

[25] *«The Morning Herald»* («Утренний вестник») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне в 1780— 1869 годах. — *16.*

[26] Имеется в виду монета с изображением египетского «священного» быка Аписа; в Древней Греции подобные монеты с изображением животных имели хождение главным образом до V века до н. э. — *17.*

[27] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *17.*

[28] *«The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. В середине XIX в. была органом правых элементов партии вигов, группировавшихся вокруг Пальмерстона. — *18.*

[29] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *18.*

[30] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1770 по 1862 год; орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — *18.*

[31] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель»)—английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 50-х годах XIX в. орган радикальной буржуазии. — *18.*

[32] *«Entente cordiale»* («сердечное согласие»)—выражение, обозначавшее сближение между Францией и Англией после июльской революции 1830 года. Несмотря на «entente cordiale», как в 30-х годах, так и в последующее время неоднократно имело место обострение англофранцузских противоречий в ряде международных вопросов, в частности, в восточном вопросе. — *18.*

[33] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *18.*

[34] *«Le Pays»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в Париже в 1849 году; в период Второй империи (1852—1870) — полуофициальный орган правительства Наполеона III; имела подзаголовок «Journal de l'Empire» («Газета Империи»). — *19.*

[35] Речь идет о греческом восстании, начавшемся весной 1821 года. Восстание было подготовлено тайными обществами греческих патриотов — гетериями. Сигналом к нему послужил переход в марте 1821 г. отряда Александра Ипсиланти — греческого офицера на русской службе, возглавлявшего в Одессе одну из гетерий, — через Прут в Дунайские княжества с целью проникновения в Грецию. Поход отряда Ипсиланти закончился неудачей, но он дал толчок массовому восстанию, охватившему вскоре всю страну. В январе 1822 г. Национальное собрание, созванное в Эпидавре, провозгласило независимость Греции и приняло конституцию. Турецкий султан, не будучи в состоянии справиться своими силами с восставшими, греками, призвал на помощь своего вассала, египетского правителя Мухаммеда-Али, войска которого под командованием Ибрагим-паши вторглись в Морею (Пелопоннес), учиняя повсюду зверскую расправу над греческим населением. В начале восстания отношение к нему держав Священного союза, в частности, царской России, было резко отрицательным. Однако огромное сочувствие, которое вызвала повсюду борьба греков, а главное возможность использовать эту борьбу для упрочения своего влияния на юге Балканского полуострова побудили Англию, царскую Россию и Францию признать Грецию воюющей стороной и оказать ей военную помощь. Решающее значение для завоевания Грецией независимости имела победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., в результате которой Турция вынуждена была признать Грецию самостоятельным государством. Однако по решению правящих кругов европейских держав греческому народу был навязан реакционный монархический режим. — *20.*

[36] *Фанариоты* — богатые и знатные греки, проживавшие в квартале Фанар Константинополя (Стамбула), в большинстве своем являлись потомками аристократических византийских родов. Благодаря богатству и политическим связям занимали высокие посты в администрации Османской (Оттоманской) империи. — *20.*

[37] *Сербское восстание 1804 г.* явилось важнейшей вехой в истории многовековой национально-освободительной борьбы сербского народа против владычества турецких феодалов. Непосредственным поводом к восстанию послужила резня сербов, учиненная турецкими янычарами. В феврале 1804 г. на борьбу против турецких завоевателей поднялись широкие массы сербского народа во главе с представителем сельской буржуазии, бывшим гайдуком Георгием Петровичем (Георгием Черным). Существенную поддержку движению сербов оказали успешные действия русской армии на Балканах во время русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Во время этой войны сербы, добившись изгнания турецких завоевателей, создали в 1811 г. свое государственное управление. По Бухарестскому договору 1812 г. Турция должна была предоставить Сербии автономию в делах внутреннего управления. Однако, воспользовавшись вторжением наполеоновской армии в Россию, султан, в нарушение договора, организовал в 1813 г. карательный поход в Сербию и на время восстановил там свое господство. В результате нового победоносного восстания сербов в 1815 г., а также дипломатической помощи России турецкое иго было свергнуто, и после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Турция специальным фирманом султана 1830 г. вынуждена была признать автономию (фактическую независимость) Сербии. — *21.*

[38] *Битва при Наварине* (Наварин, совр. Пилос, — город и порт в Греции) произошла 20 октября 1827 г. между турецко-египетским флотом и соединенными английской, французской и русской эскадрами под командованием английского адмирала Э. Кодрингтона, направленными европейскими державами в греческие воды с целью вооруженного посредничества в войне между Турцией и греческими повстанцами. Сражение, начавшееся после отказа турецкого командования прекратить расправу с греческим населением, привело к полному разгрому турецко-египетского флота и ускорило начало успешной для России русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Выдающуюся роль в сражении при Наварине сыграла русская эскадра, особенно флагман «Азов», командиром которого являлся М. П. Лазарев. — *22.*

[39] *Magna Charta* — Magna Charta Libertatum (Великая хартия вольностей) — грамота, предъявленная английскому королю Иоанну Безземельному восставшими крупными феодалами, использовавшими поддержку рыцарей и горожан. Хартия, подписанная 15 июня 1215 г., ограничивала права короля главным образом в интересах крупных феодалов и содержала некоторые уступки рыцарству и городам; основной массе населения, крепостным крестьянам, хартия не давала никаких прав. — *23.*

[40] Имеется в виду позиция западных держав в связи с требованием выдачи венгерских эмигрантов — участников революции в Венгрии, предъявленном Турции правительствами России и Австрии. Турецкое правительство, стремившееся использовать эмигрантов для реорганизации и укрепления армии, отказалось выполнить это требование. Конфликт принял острые формы в результате вмешательства западных держав, которые решили оказать противодействие России, опасаясь роста ее влияния на Ближнем Востоке и в Центральной Европе. Английское правительство направило в Дарданеллы свою эскадру. Николай I вынужден был уступить и, отказавшись от требования выдачи

эмигрантов, удовлетвориться обещанием турецкого правительства выслать их из пределов Турции. — *23.*

[41] *«Завещание Петра Великого»* — фальшивый документ, использовавшийся западноевропейскими политиками и публицистами для антирусской пропаганды. Версия о наличии «Завещания» была выдвинута на Западе еще в 1797 году; в 1812 г. содержание этого мнимого завещания было изложено в книге француза Лезюра «О росте русского государства от его возникновения до начала XIX века», а в 1836 г. в книге Гайярдэ «Мемуары кавалера д'Эона» этой фальшивке была придана форма документа. Во времена Маркса и Энгельса в Западной Европе было широко распространено убеждение в подлинности этого документа. — *23.*

[42] Речь идет о действиях австрийской полиции в связи с миланским восстанием и покушением венгра Яноша Либени на австрийского императора Франца-Иосифа, имевшими место в феврале 1853 года. Эти события дали повод австрийским властям для многочисленных арестов и свирепых судебных преследований лиц, заподозренных в антиправительственных заговорах и в участии в венгерском и итальянском национально-освободительных движениях. — *27.*

[43] *Кёльнский процесс коммунистов* (4 октября — 12 ноября 1852 г.) — провокационный процесс, организованный прусским правительством. Суду было предано 11 членов международной коммунистической организации Союза коммунистов (1847—1852) по обвинению в «носящем характер государственной измены заговоре». В качестве обвинительного материала фигурировали сфабрикованная прусскими полицейскими агентами «подлинная книга протоколов» заседаний Центрального комитета и другие фальшивки, а также документы, выкраденные полицией у авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, исключенной из Союза коммунистов. Семеро подсудимых, на основании подложных документов и лжесвидетельств, были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет. Провокационные действия организаторов процесса и подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством против международного рабочего движения, были полностью разоблачены Марксом и Энгельсом (см. статью Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» и памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, т. 8, стр. 416—422, 423—491).—*28.*

[44] Маркс имеет в виду притязания Луи Бонапарта на левый берег Рейна, который представители французских правящих кругов еще с XVII в. изображали как «естественную границу» Франции на востоке. — *28.*

[45] *Адрианопольский договор* — мирный договор, заключенный в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для последней войны 1828—1829 годов. По договору к России переходили устье Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. Турция должна была признать автономию Молдавии и Валахии, предоставив им право самостоятельного избрания господарей. Гарантия этой автономии возлагалась на Россию, что было равносильно установлению протектората

царя над княжествами. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством, связанным с Турцией лишь уплатой ежегодной дани султану, и соблюдать все предыдущие договоры в отношении автономии Сербии, узаконив эту автономию специальным фирманом. — *32.*

[46] Имеются в виду русско-турецкие войны 1806—1812 и 1828—1829 гг. и завершившие их Бухарестский (1812) и Адрианопольский (1829) мирные договоры. О значении этих войн и договоров для установления независимости Сербии см. примечания 37 и 45. — *32.*

[47] Янинский паша Али Тепеленский, фактически независимый правитель обширной области на юго-западе Балканского полуострова (в его владения входили Эпир, Албания, Южная Македония и др. с центром в г. Янине), с 1820 г. находился в состоянии открытой войны с султаном. Своими действиями против турецких войск он известным образом содействовал успеху греческого восстания, но его борьба, в отличие от национально-освободительного движения греков, носила феодально-сепаратистский характер и закончилась в 1822 г. поражением.

О *битве при Наварине* см. примечание 38.

В связи с начавшимися весной 1828 г. военными действиями между Россией и Турцией в августе этого года на юг Греции, в Морею (Пелопоннес), прибыли французские войска под командованием генерала Мезона, которые, почти не встречая сопротивления турецко-египетских войск, заняли территорию этого полуострова. Целью экспедиции, организованной под видом помощи грекам, было противодействие влиянию России на Балканах и укрепление позиций Франции в этом районе.

Лондонские конференции представителей Англии, России и Франции состоялись в 1827—1829 годах. Предметом переговоров был греческий вопрос. 6 июля 1827 г. в Лондоне три державы заключили конвенцию, подтвердившую подписанный Англией и Россией в Петербурге протокол от 4 апреля (23 марта) 1826 г., в котором признавалось право Греции на автономию. Как и протокол, конвенция содержала соглашение о дипломатическом признании Греции, а также о вооруженном посредничестве в греко-турецком конфликте. На основании этого в греческие воды были посланы союзные эскадры, участвовавшие в битве при Наварине. На Лондонских конференциях был подписан ряд других документов, касавшихся Греции, в том числе протокол от 22 марта 1829 г., определявший границы греческого государства и предусматривавший установление в Греции монархической формы правления. Однако эти соглашения, а также демарши Англии и Франции, стремившихся достигнуть разрешения конфликта дипломатическим путем, избежав разгрома Турции в русско-турецкой войне, не поколебали непримиримой позиции Порты в греческом вопросе, и только Победа русских войск в кампании 1829 г. заставила ее пойти на уступки. — *32.*

[48] В тексте, напечатанном в «New-York Daily Tribune», редакцией к концу статьи было сделано следующее добавление: «В настоящее время долгом тех, кто хотел бы помочь народному делу в Европе, является оказание всяческого содействия развитию промышленности, просвещения, уважения к закону и инстинкта свободы и независимости

в христианских странах, подвластных Турции. От этого зависит будущность мира и прогресса во всем мире. Если ждешь урожая, нельзя считать чрезмерными любые затраты сил на возделывание почвы и посев семян». — *36.*

49 *«Preusisches Wochenblatt»* («Прусский еженедельник») — немецкая еженедельная газета консервативного направления, выходила в Берлине в 1851—1861 годах. — *37.*

50 *«Die Zeit»* («Время») — немецкая консервативная газета, выходила в Берлине с 1851 по 1858 год. — *37.*

51 *«Die Presse»* («Пресса») — австрийская ежедневная буржуазная газета либерального направления; издавалась в Вене с 1848 по 1894 год; в 1861—1862 гг., когда газета занимала антибонапартистскую позицию, в ней публиковались статьи и корреспонденции Маркса. — *38.*

52 *«L'Emancipation»* («Освобождение») — бельгийская ежедневная газета, орган клерикально-католических кругов; основана в Брюсселе в 1830 году. — *38.*

53 См. статью К. Маркса «Покушение на Франца-Иосифа. — Миланское восстание. — Британская политика. — Речь Дизраэли. — Завещание Наполеона» (настоящее издание, т. 8, стр. 551). — *39.*

54 Маркс имеет в виду статью Гирша «Жертвы шпионажа», опубликованную в «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» в номерах за 1, 8, 15 и 22 апреля 1853 года.

«Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический листок и Нью-йоркская газета по вопросам криминалистики») — еженедельная газета, основана в Нью-Йорке в 1852 г. представителями немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Под данным названием выходила с 18 марта 1853 по 10 марта 1854 года. — *40.*

55 Vidocq. «Mеmoires». T. I—IV, Paris, 1828—1829 (Видок. «Мемуары». Тт. I—IV, Париж, 1828—1829). Авторство Видока не достоверно.

A. Ghenu. Ex-Capitaine des Gardes du citoyen Caussidiеre. «Les conspirateurs. Les sociеtеs secrеtes. La prеfecture de police sous Caussidiere; les corps francs». Paris, 1850 (А. Шеню. Экс-капитан гвардии гражданина Коссидьера. «Заговорщики. Тайные общества. Префектура полиции при Коссидьере; вольные стрелки». Париж, 1850).

L. De la Hodde. «La naissance de la Rеpublique en fеvrier 1848». Paris, 1850 (Л. Делаод. «Рождение республики в феврале 1848 года». Париж, 1850).

Критическому разбору книг Шеню и Делаода посвящена одна из рецензий Маркса и Энгельса из 4-го выпуска журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», 1850 (см. настоящее издание, т. 7, стр. 280—294). — *40.*

56 Главное действующее лицо романа Ф. Купера «Шпион» Гарвей Бирч выполнял шпионские поручения из идейных, патриотических побуждений. — *40.*

[57] О поддельной книге протоколов заседаний Центрального комитета Союза коммунистов, сфабрикованной Гиршем и другими полицейскими агентами по заданию прусской полиции и использованной последней в качестве обвинительного материала на кёльнском процессе, подробно говорится в работе Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 450—474). *—41.*

[58] Имеется в виду памфлет К. Маркса и Ф. Энгельса «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 247—352). При жизни Маркса и Энгельса памфлет не публиковался и впервые был напечатан в 1930 г. на русском языке Институтом марксизма-ленинизма по экземпляру рукописи, сохранившемуся в литературном наследство основоположников марксизма. — *41.*

[59] *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»* («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением издававшейся Марксом и Энгельсом во время революции 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»). Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло в свет шесть номеров журнала, в том числе один сдвоенный номер (5—6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. На обложке был указан также Нью-Йорк, так как Маркс и Энгельс рассчитывали на распространение журнала и среди немецких эмигрантов в Америке. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии) писались Марксом и Энгельсом, которые также привлекали к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Из произведений основоположников марксизма в журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, а также ряд других работ. В работах, опубликованных в журнале, подводился итог революции 1848—1849 гг., содержалась дальнейшая разработка теории и тактики революционной пролетарской партии. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. — *41.*

[60] Статья *«Новая финансовая махинация, или Гладстон и пенсы»* была первой из статей Маркса о бюджете коалиционного министерства Абердина, опубликованных им в «People's Paper» параллельно со статьями на эту же тему, писавшимися для «New-York Daily Tribune».

«The People's Paper» («Народная газета») — еженедельная чартистская газета, основанная в мае 1852 г. в Лондоне одним из вождей революционного чартизма, другом Маркса и Энгельса Э. Джонсом. С октября 1852 по декабрь 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывая также помощь и в ее редактировании. Помимо статей, написанных для самой «People's Paper», в газете перепечатывались важнейшие статьи Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune». В этот период газета последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма. Сближение Джонса с буржуазными радикалами привело к прекращению сотрудничества Маркса и Энгельса в «People's Paper» и к их временному раз-

рыву с Джонсом. В июне 1858 г. газета перешла в руки буржуазных дельцов. — *44.*

[61] Данные, содержащиеся в настоящей таблице, были взяты Марксом в основном из работы: W. Cobbett. «Paper against Gold». London, 1828, pp. 21—25 (У. Коббет. «Бумажные деньги против золота». Лондон, 1828, стр. 21—25).

Коббет начало царствования Анны датирует 1701 годом в соответствии с действовавшим до 1752 г. в Англии календарем, по которому новый год исчислялся с 25 марта (по новому стилю оно приходится на 1702 г.). Во втором разделе таблицы («Государственные расходы») в тексте статьи, опубликованной в «People's Paper», сумма государственных расходов за 1809 г. (82027288 ф. ст.) была ошибочно отнесена к 1801 году. В настоящем издании восстановлена цифра для этого года, приводимая Коббетом. — *44.*

[62] Из выступления Дизраэли в палате общин 8 апреля 1853 г. при обсуждении бюджета Гладстона. — *46.*

[63] *Компания Южных морей* была создана в Англии около 1712 г. под предлогом торговли с Южной Америкой и островами Тихого океана; подлинной ее целью была спекуляция государственными бумагами. Компания получила от правительства ряд привилегий и монопольных прав, в частности право выпуска государственных ценных бумаг, и развернула гигантскую спекулятивную деятельность, которая завершилась в 1720 г. банкротством компании. Деятельность компании способствовала увеличению английского государственного долга. — *46.*

[64] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была опубликована в неполном виде. Часть текста, совпадающего с текстом статьи Маркса в «People's Paper» «Новая финансовая махинация, или Гладстон и пенсы», была опущена (см. настоящий том, стр. 54—56, от слов: «1. Каждые 100 ф. ст. ...» до слов: «Положение коалиционного министерства ...»). — *50.*

[65] В соответствии с процедурой, принятой в английском парламенте, палата общин при обсуждении некоторых важных вопросов объявляет себя заседающей в полном составе в качестве комитета (Committee of the whole House); обязанности председательствующего (Chairman of the Committees) на таких заседаниях исполняет одно из состоящих в списке председателей лиц, которое специально назначается спикером палаты общин для проведения данного заседания. — *50.*

[66] Имеется в виду обсуждение в палате общин в феврале — марте 1853 г. вопроса о системе образования в католическом колледже в Мейнуте (Ирландия). Этот колледж был основан в 1846 г. с целью привлечения на сторону английских господствующих классов ирландского католического духовенства и ослабления таким образом национально-освободительного движения в Ирландии. — *56.*

[67] Маркс цитирует статью Эрнеста Джонса «Друг народа», опубликованную в «People's Paper» 16 апреля 1853 г. — *59.*

[68] *Ирландская бригада* — фракция ирландских депутатов в парламенте Великобритании. В 50-е годы XIX в. значительная часть ее состояла из представителей правого, соглашательского крыла национального

движения, отражавшего интересы верхушки ирландской буржуазии, лендлордов и клерикально-католических кругов. В то же время в со состав входили ирландские либеральные деятели, опиравшиеся на зажиточных арендаторов. В условиях равновесия, установившегося между тори и вигами, ирландская бригада, наряду с манчестерцами, имела возможность колебать соотношение сил в парламенте, оказывать влияние на ход внутрипарламентской борьбы и иногда решать судьбу правительства. — *59.*

[69] *Манчестерская школа* — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую впоследствии в либеральную партию Англии. — *59.*

[70] К *«налогам на знание»* («Taxes on Knowledge») в Англии относились: налог на газетные объявления, штемпельный сбор с газет и налог на бумагу. — *59.*

[71] После бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г. во Франции Пальмерстон, бывший в то время министром иностранных дел Англии, одобрил в беседе с послом Франции в Лондоне узурпаторские действия Луи Бонапарта (Маркс называет последнего «героем плаца Сатори», имея в виду военный смотр на Саторийском плацу близ Версаля осенью 1850 г., который Луи Бонапарт стремился превратить в бонапартистскую демонстрацию). Этот шаг Пальмерстон не согласовал с другими членами вигского кабинета, что привело к его отставке в декабре 1851 г., хотя в принципе английское правительство не расходилось с точкой зрения Пальмерстона и первым в Европе признало бонапартистский режим во Франции. Занимая в коалиционном министерстве Абердина, которое было образовано в декабре 1852 г., пост министра внутренних дел, Пальмерстон явился вдохновителем судебно-полицейских преследований и клеветнической кампании в печати, направленных против немецких, венгерских, итальянских и других политических эмигрантов, проживавших в Англии. Переписка эмигрантов подвергалась перлюстрации, о их деятельности и планах английское министерство внутренних дел информировало полицию Австрии и других реакционных континентальных держав. Иностранным полицейским агентам оказывалось содействие в организации шпионской слежки за эмигрантами. Эти контрреволюционные действия Пальмерстон прикрывал ханжеской фразеологией о приверженности конституционным и демократическим принципам. — *60.*

[72] Французский король Франциск I после своего поражения в 1525 г. при Павии в войне с испанским королем и германским императором Карлом V писал из плена в письме к матери: «Все потеряно, кроме чести». —*60.*

[73] Имеется в виду «Allgemeine Encyclopadie der Wissenschaften und Kunste» («Всеобщая энциклопедия наук и искусств»), издание которой

было начато немецкими учеными И. С. Эршем и И. Г. Грубером в Лейпциге в 1818 году. По своем завершении в 1890 г. энциклопедия насчитывала 167 томов. — *60.*

[74] Публикуя данную статью, редакция «New-York Daily Tribune» поместила по поводу нее в том же номере газеты (от 6 мая 1853 г.) следующую редакционную заметку: «Наши читатели найдут мастерское освещение бюджета г-на Гладстона и отношения к этому бюджету ныне существующих в Англии партий в статье нашего лондонского корреспондента, д-ра Маркса, которая публикуется в сегодняшнем утреннем выпуске «Tribune». Нам не приходилось встречать где-либо более искусной критики этого бюджета и его автора, да мы и не надеемся, что подобное может появиться».

В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана в неполном виде, без части, относящейся к разделам «Беспорядки в Константинополе. — Столоверчение в Германии». — *69.*

[75] Речь идет о Лондонском протоколе от 8 мая 1852 г. о целостности Датской монархии, подписанном представителями России, Австрии, Англии, Франции, Пруссии, Швеции совместно с представителями Дании. В основу договора был положен принятый 4 июля 1850 г. упомянутыми участниками Лондонской конференции (за исключением Пруссии) протокол, который устанавливал принцип нераздельности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн. В Лондонском протоколе император России упоминался как один из законных претендентов на датский престол (в качестве потомка герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Петра-Ульриха, царствовавшего в России под именем Петра III), отказавшихся от своих прав в пользу герцога Кристиана Глюксбургского, который был объявлен наследником короля Фредерика VII. Это создавало прецедент для притязаний русского царя на датский престол в будущем, в случае прекращения Глюксбургской династии. — *69.*

[76] Имеются в виду попытки папы римского в 1850 г. назначать католических епископов для Англии, что вызвало противодействие англиканской церкви и английского правительства. В 1851 г. был издал закон, признававший папские назначения недействительными. — *69.*

[77] *«Frankfurter Journal»* («Франкфуртская газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась во Франкфурте-на-Майне с XVII в. по 1903 год. — *69.*

[78] Речь идет о широком увлечении спиритизмом в Германии в начале 50-х годов XIX века. — *69.*

[79] Маркс приводит, в несколько измененном виде, первую фразу следующего места из брошюры Э. Ж. Сиейеса «Что такое третье сословие?» («Qu'est-ce que le tiers-état?»), вышедшей в 1789 г. накануне французской буржуазной революции: «Что такое третье сословие? — Все. — Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем. — Чего оно добивается? — Быть чем-нибудь». — *72.*

[80] *Принтинг-хаус-сквер* — площадь в Лондоне, местонахождение главной редакции газеты «Times».— *73*.

[81] *Мейферцы* или *мейферские радикалы* — прозвище группы псевдорадикалов (Молсуорт, Бернал Осборн и др.), в действительности представлявших ту часть английской аристократии, которая заигрывала с демократическими кругами. Слово «мейферцы» происходит от названия одного из фешенебельных районов Лондона — Мейфера, в котором расположены особняки аристократов. — *76.*

[82] Имеется в виду реакционная позиция коалиционного министерства Абердина, в частности министра внутренних дел этого министерства Пальмерстона, по отношению к политическим эмигрантам, проживавшим в Англии, и те услуги, которые это правительство оказывало полиции Австрии и других держав в борьбе против революционно-демократического движения (см. примечание 71). — *77.*

[83] В соответствии с процедурой, принятой в английской парламентской практике, при обсуждении ряда важных вопросов, касающихся покрытия государственных расходов, палата общин объявляет себя заседающей в качестве комитета по изысканию средств (Committee of Ways and Means). Это является одним из случаев пленарного заседания палаты в качестве комитета (см. примечание 65). — *79.*

[84] При публикации данной статьи Маркса редакция «New-York Daily Tribune» присоединила к ней часть (о событиях в Швейцарии) другой посланной Марксом в Нью-Йорк статьи, которая была написана Энгельсом. Последняя была напечатана в «Tribune» за подписью Маркса под заглавием «Политическое положение Швейцарской республики» (см. следующую статью настоящего тома, стр. 90—97). В настоящем издании обе статьи приводятся в том виде, как они были напечатаны в «Tribune». — *86.*

[85] Имеется в виду статья «Недавний процесс в Кёльне» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 416—422). Статья была написана Энгельсом по просьбе Маркса, занятого в это время работой над памфлетом «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», и опубликована в «Tribune» за подписью Маркса, поскольку Энгельс не являлся официальным корреспондентом газеты. — *86.*

[86] Упоминание Маркса относится, по-видимому, к неопубликованной в «New-York Daily Tribune» и не дошедшей до нас статье. — *88.*

[87] *Зондербунд* — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября того же года военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками союзного правительства. Возглавлявшие Зондербунд реакционно-сепаратистские элементы из католического духовенства и патрицианской верхушки городов и после его разгрома неоднократно пытались оказать противодействие либеральным реформам и захватить власть в отдельных кантонах, используя в своих попытках отсталую, консервативную часть крестьянства. — *88.*

[88] Статья «Политическое положение Швейцарской республики» вслед за публикацией в «New-York Daily Tribune» была напечатана с небольшими сокращениями на немецком языке в нью-йоркской газете «Die Reform» («Реформа») 1 и 4 июня 1853 г. под заглавием «Швейцария». Этим было положено начало публикации в данной газете перевода или сокращенного изложения содержания ряда статей, помещавшихся Марксом в «Tribune». Главную роль в популяризации статей Маркса из «Tribune» на страницах «Reform» сыграли бывшие члены Союза коммунистов И. Вейдемейер и А. Клусс.

«Die Reform» («Реформа») — американская газета, орган Американского рабочего союза, большинство которого составляли немецкие рабочие-эмигранты; выходила на немецком языке в Нью-Йорке с 5 марта 1853 по 26 апреля 1854 г. сначала в качестве еженедельника, затем два раза в неделю, а с 15 октября 1853 г. ежедневно. Одним из редакторов газеты был друг и соратник Маркса Иосиф Вейдемейер, под влиянием которого газета значительное время сохраняла радикальный характер. В газете часто перепечатывались статьи Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune», Маркс привлекал к сотрудничеству в ней своих сторонников (Эккариуса, Пипера, Дронке). Газета испытывала также влияние мелкобуржуазных элементов в редакции, которое к концу существования газеты стало преобладающим. — *90.*

[89] Имеется в виду Венский конгресс (сентябрь 1814—июнь 1815 г.). 20 марта 1815 г. главные державы — участники конгресса подписали декларацию о гарантии «вечного нейтралитета» Швейцарии.— *90.*

[90] Конфликт между Францией и Швейцарией имел место в декабре 1851 — январе 1852 г. в связи с требованием Луи Бонапарта высылки из Швейцарии французских эмигрантов-республиканцев, противников государственного переворота 2 декабря 1851 года. Правительство Швейцарии, которое в свое время, в 1836 г., подверглось угрозам, сопровождавшимся военными демонстрациями, со стороны Июльской монархии за то, что предоставило убежище французским эмигрантам, в том числе и самому Луи Бонапарту, вынуждено было, как и в 1836 г., пойти на серьезные уступки.

Невшатель (немецкое название Нёйенбург) — швейцарский кантон, находившийся одновременно в вассальной зависимости от Прусской монархии. В результате буржуазной революции в феврале 1848 г. в Невшателе была провозглашена независимая от Пруссии республика. На этой почве возник острый конфликт между Пруссией и Швейцарской республикой, продолжавшийся вплоть до 1857 г., когда только благодаря дипломатическому вмешательству других держав, в частности Франции, прусский король вынужден был отказаться от притязаний на Невшатель.

В 1853 г. возник конфликт между Австрией и Швейцарией в связи с пребыванием в швейцарском кантоне Тессин участников итальянского национально-освободительного движения, эмигрировавших из подвластных Австрии областей Италии, в частности, из Ломбардии, после неудачного восстания 6 февраля 1853 г. в Милане. — *91.*

[91] См. статью Энгельса «Гражданская война в Швейцарии», которая была напечатана 14 ноября 1847 г. в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкой брюссельской газете»), являвшейся с осени 1847 г.

фактически органом руководимого Марксом и Энгельсом Союза коммунистов (см. настоящее издание, т. 4, стр. 349—356). — *91.*

[92] В 1851 г. в Китае развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны. Начавшись на юге, в провинции Гуанси, оно распространилось затем на центральные провинции и охватило почти всю область нижнего и среднего течения Янцзы. В ходе войны повстанцами было создано «Небесное государство великого благоденствия» («Тайпин тянь-го») с центром в Нанкине, откуда все движение и получило название тайнинского движения. Тайпины уничтожали маньчжурских феодалов, господствовавших в Китае, отменяли налоги, ликвидировали крупную феодальную собственность. Восстание приобрело также характерную для крестьянского движения, особенно на Востоке, религиозную окраску, нанося удар буддийскому духовенству и монастырям, являвшимся опорой маньчжурской династии. Тайнинская революция, положившая начало широкой борьбе китайского народа против феодального строя и иноземных захватчиков, оказалась, однако, не в состоянии ликвидировать феодальный способ производства в Китае. В тайпинском государстве сформировалась своя феодальная верхушка, которая шла на компромисс с господствующими классами, что явилось одной из причин упадка движения. Основной удар революции был нанесен открытой интервенцией Англии, США и Франции (первоначально эти державы оказывали помощь маньчжурской династии, прикрываясь «нейтралитетом»), вооруженные силы которых вместе с войсками китайских феодалов подавили в 1864 г. тайпинское восстание. — *98.*

[93] Имеется в виду первая «опиумная» война (1839—1842) — захватническая война Англии против Китая, положившая начало превращению Китая в полуколониальную страну. Поводом к войне послужило уничтожение в Кантоне китайскими властями запасов опиума, принадлежавших иностранным купцам. Воспользовавшись поражением отсталого феодального Китая, английские колонизаторы навязали ему грабительский Нанкинский договор (29 августа 1842 г.), предусматривавший открытие для английской торговли пяти китайских портов (Кантона, Амоя, Фучжоу, Нинбо, Шанхая), переход острова Гонконга в «вечное владение» Англии и уплату Китаем огромной контрибуции. По дополнительному протоколу 1843 г. Китай должен был также предоставить иностранцам право экстерриториальности. — *100.*

[94] Речь идет об открытии богатых месторождений золота в Калифорнии в 1848 г. и в Австралии в 1851 г., оказавшем большое влияние на экономическое развитие стран Европы и Америки. — *101.*

[95] В начале XVII в. Китаю начали угрожать объединившиеся маньчжурские племена (называвшиеся также, наряду с тюркско-монгольскими народностями, татарами по имени одного из монгольских племен, проживавшего в северо-восточной Монголии и Маньчжурии во времена образования империи Чингис-хана). Вторжение маньчжуров привело к установлению в Китае господства маньчжурской Цинской династии (1644—1912). Завоевание Китая маньчжурами, которое встретило упорное, носившее до 1683 г. характер открытой вооруженной борьбы, сопротивление китайского народа, было облегчено кризисом феодального государства при последних императорах династии Мин и переходом на сторону завоевателей части китайских феодалов, напуганных крестьянскими восстаниями. — *104.*

[96] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана в неполном виде, без части, относящейся к разделам «Голландские дела. — Дания. — Конверсия британского государственного долга». — *106.*

[97] *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!». — *106.*

[98] *«The Observer»* («Наблюдатель») — английская еженедельная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1791 года. — *108.*

[99] *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция правительства.

Три президентства — согласно административному делению Британской Индии, название территорий Бенгалии, Бомбея и Мадраса, управляемых губернаторами, которые назначались Ост-Индской компанией. По акту 1773 г. об управлении Индией губернатор Бенгалии был превращен в генерал-губернатора всех английских владений в Индии. — *109.*

[100] Имеется в виду Ассоциация в пользу реформ в Ост-Индии, основанная фритредером Джоном Дикинсоном в марте 1853 года. — *109.*

[101] Старинный спор между греко-православной и римской церквами о праве распоряжаться так называемыми «святыми местами» — христиан-

скими святынями в Иерусалиме и Вифлееме (Палестина) — был возобновлен в 1850 г. по инициативе Луи Бонапарта и вскоре разросся в крупный дипломатический конфликт между царской Россией, отстаивавшей привилегии православного духовенства, и Францией, стоявшей на стороне католиков. Обе стороны использовали спор как средство в борьбе за гегемонию на Ближнем Востоке. Колеблющееся правительство Турции уступило сначала французским требованиям, но 4 мая 1853 г., во время пребывания в Турции Меншикова, вынуждено было согласиться гарантировать особо права и привилегии православной церкви (соответствующий фирман был издан султаном через месяц). В то же время султан, поддержанный английским и французским послами, отверг требование Николая I о признании его покровителем православного населения Оттоманской империи. — *110.*

[102] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты *«Journal des Debats politiques et litteraires»* («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. После государственною переворота 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции. В цитате, приводимой Марксом из этой газеты в настоящей статье, не точно сообщена дата вручения Меншиковым ультиматума: это произошло не 7, а 5 мая 1853 года.—*-110.*

[103] *Кючук-Кайнарджийский договор* — мирный договор, заключенный 21 (10) июля 1774 г. между Россией и Турцией в результате успешной для России русско-турецкой войны 1768—1774 года. По договору Россия получила часть северного побережья Черного моря между Южным Бугом и Днепром с крепостью Кинбурн, а также Азов, Керчь и Еникале, и добилась признания независимости Крыма, что облегчало его присоединение к России в дальнейшем. Русским торговым судам предоставлялось право свободного плавания через Босфор и Дарданеллы. По договору султан должен был предоставить ряд привилегий греко-православной церкви, в частности, в статье 14 предусматривалось сооружение православной церкви в Константинополе. — *110.*

[104] Речь идет о разрыве Австрией в 1853 г. дипломатических отношений с Пьемонтом (Сардинией) вследствие покровительства, которое оказывалось пьемонтскими властями эмигрировавшим из Ломбардии (находилась под властью Австрии) участникам национально-освободительного движения 1848—1849 гг. и миланского восстания 6 февраля 1853 года. — *113.*

[105] *«Revolutions de Paris»* («Парижские революции») — революционно-демократический еженедельник; выходил в Париже с июля 1789 по февраль 1794 года. — *113.*

[106] После провозглашения Луи Бонапарта в декабре 1852 г. императором французов, Николай I по договоренности с австрийским и прусским дворами употребил в обращении к нему не обычно принятую между «легитимными» монархами формулу «государь и дорогой брат», а выражение «государь и добрый друг» и титуловал его не «императором Наполеоном III», а «императором Луи-Наполеоном». Вопреки дого-

воренности австрийский и прусский дворы прибегли в обращениях к французскому императору к обычной формуле, но и они, подчеркивая необходимость соблюдать решения Венского конгресса, намекали на незаконность власти Луи Бонапарта, так как акты Венского конгресса запрещали династии Бонапартов занимать французский престол. — *113.*

[107] *«La Patrie»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — *114.*

[108] *«La Presse»* («Пресса») — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Париже с 1836 года; в 1848—1849 гг. — орган буржуазных республиканцев, позже антибонапартистский орган; редактором газеты был Эмиль де Жирарден. — *114.*

[109] *Бююкдере* — дачная местность на берегу Босфора близ Константинополя, где находилась летняя резиденция русского посольства в Турции. — *114.*

[110] *«Le Siecle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ; в 50-х годах — умеренно-республиканская газета. — *114.*

[111] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без двух первых абзацев. — *120.*

[112] Статья, в которой содержится приводимый здесь факт, в «New-York Daily Tribune» не обнаружена. — *120.*

[113] Имеется в виду *«Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, основанная в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — *121.*

[114] Речь идет о вышедшем в 1853 г. 6-м томе работы Э. Ф. Бомон-Васси «Histoire des Etats europeens depuis le Congres de Vienne», t. 1—6, Paris, 1843—1853 («История европейских государств со времени Венского конгресса», тт. 1—6, Париж, 1843—1853), озаглавленном: «Русская империя» («Empire Russe»). Ниже Маркс цитирует стр. 346— 347 этого тома. — *122.*

[115] Имеется в виду часть II («The Danish succession») раздела «Север» («The North») брошюры Д. Уркарта «Progress of Russia in the West, North and South» («Продвижение России на запад, север и юг»). Обещанная Марксом статья в «New-York Daily Tribune» не появилась. — *123.*

[116] *Уэслияне,* или *методисты* — религиозная секта, основанная в XVIII в. в Англии Джоном Уэсли; в конце XVIII в. отделилась от англиканской церкви и в качестве одной из разновидностей протестантизма получила также широкое распространение в США и Канаде. Отличительной чертой секты уэслиян являлось требование строгого, методического исполнения религиозных обрядов и других предписаний церкви. — *125.*

[117] При написании данной статьи Маркс использовал некоторые мысли, изложенные Энгельсом в письме к нему от 6 июня 1853 года. В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без первых двух абзацев. — *130.*

[118] *Религия Лингама* — культ божества Шивы; особенно распространен среди южноиндийской секты лингаятов (от «линги» — эмблемы Шивы), одной из сект индуизма, не признающей кастовых различий и отвергающей посты, жертвоприношения и паломничества.

Джаггернаут (Джаганнатх) — воплощение одного из высших индуистских божеств Вишну. Культ Джаггернаута отличался чрезвычайной пышностью ритуала, а также крайним религиозным фанатизмом, проявлявшимся в самоистязании и самоубийствах верующих. В дни больших празднеств некоторые из них бросались под колесницу, на которой везли изображение Вишну-Джаггернаута. — *131.*

[119] *Моголы* — завоеватели тюркского происхождения, вторгшиеся в Индию в начале XVI в. из восточной части Средней Азии и основавшие в 1526 г. в Северной Индии империю Великих Моголов (так называли правящую династию этой империи). В глазах современников основатели могольской империи были прямыми потомками монгольских завоевателей времен Чингис-хана, отсюда и название «моголы». Могольская держава достигла значительного могущества, подчинив к середине XVII в. большую часть Индии и часть Афганистана. Однако в результате крестьянских восстаний и роста сопротивления народов Индии завоевателям-мусульманам, а также вследствие постоянных усобиц и усиления феодально-сепаратистских тенденций империя Великих Моголов стала приходить в упадок и в первой половине XVIII в. фактически распалась.

Гептархия (семивластие) — термин, принятый в английской историографии для обозначения политического строя Англии в период раннего средневековья, когда страна была раздроблена на семь англосаксонских королевств (VI—VIII века); Маркс по аналогии применяет здесь этот термин для обозначения феодальной раздробленности Декана (Центральная и Южная Индия) до завоевания его мусульманами. —*131.*

[120] Остров Сальсетта, расположенный к северу от Бомбея, славился своими 109 буддийскими пещерными храмами. — *131.*

[121] *«Laissez faire, laissez aller»* («предоставьте свободу действий») — формула буржуазных экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства государства в сферу экономических отношений. —*133.*

[122] Маркс цитирует отчет комитета палаты общин, опубликованный в 1812 году; цитата приведена в книге: G. Campbell. «Modern India: a Sketch of the System of Civil Government». London, 1852, p. 84—85 (Дж. Кэмпбелл. «Современная Индия: очерк системы гражданского управления». Лондон, 1852, стр. 84—85). — *135.*

[123] *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной вечерней газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов; в периоды их правления — правительственная газета; с 1866 г. — орган консерваторов. —*137.*

[124] Закон о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года. Закон, запрещавший оплату труда рабочих товарами, был принят в 1831 году. Однако на практике многие фабриканты игнорировали эти законы. — *138.*

[125] Имеется в виду закон о союзах или закон о рабочих коалициях, принятый английским парламентом в 1825 году. Закон подтверждал отмену парламентом в 1824 г. запрещения рабочих союзов (тред-юнионов), но крайне ограничивал их деятельность. В частности, простая агитация за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление. — *138.*

[126] Речь идет о митинге, организованном чартистами 2 августа 1846 г. в Блэкстон-Эдж. Митинг, в котором предстояло принять участие Джонсу, состоялся 19 июня 1853 года. — *138.*

[127] «*The Press*» («Пресса») — английский еженедельник, орган тори; издавался в Лондоне с 1853 по 1866 год. — *140.*

[128] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана в неполном виде, без части, относящейся к заключительным разделам: «Бюджет. — Налог на газетные приложения. — Парламентская коррупция». — *145.*

[129] Имеется в виду проект конвенции или сенеда (договора) между Россией и Турцией, предложенный Меншиковым в виде ультимативного требования Порте после урегулирования 4 мая 1853 г. вопроса о «святых местах» (см. примечание 101). Этот проект, предусматривавший не только гарантирование религиозной свободы православному населению Турецкой империи, но и фактическое признание протектората над ним русского царя, был отклонен султаном. —*146.*

[130] Бухарестский договор 1812 г. между Россией и Турцией подтверждал прежние соглашения между этими государствами относительно признания за Молдавией и Валахией ряда автономных прав, а также установленное еще Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. право России защищать перед Портой интересы православного населения Дунайских княжеств. По условиям Адрианопольского договора 1829 г. Молдавия и Валахия приобретали автономию во всех делах внутреннего управления и над ними устанавливался фактический протекторат России, получившей право оккупировать княжества, а также влиять на их государственное устройство и избрание господарей. — *147.*

[131] *Балта-Лиманская конвенция* — соглашение, заключенное Россией и Турцией 1 мая (19 апреля) 1849 г. в связи с пребыванием их войск в Молдавии и Валахии, куда они были введены с целью подавления революционного движения. Согласно конвенции, оккупационный режим сохранялся вплоть до полного устранения революционной опасности (иностранные войска были выведены из княжеств лишь в 1851 г.), временно вводился принцип назначаемости господарей султаном по согласованию с царем и предусматривался ряд мер со стороны России и Турции, в том числе новая военная оккупация, в случае повторения

революции. Ниже Маркс приводит в вольном изложении содержание статьи 4-й конвенции. — *147.*

132 *Конвенция 1841 г.* — конвенция о черноморских проливах, подписанная в Лондоне 13 июля 1841 г., с одной стороны, Россией, Англией, Францией, Австрией, Пруссией, с другой стороны, Турцией. Конвенция устанавливала, что Босфор и Дарданеллы будут закрыты в мирное время для военных судов всех держав. Конвенция не касалась режима проливов во время войны, что давало Турции основание самой решать в этом случае вопрос о пропуске военных судов иностранных государств. — *148.*

133 *«L'Assemblée nationale»* («Национальное собрание») — ежедневная французская газета монархическо-легитимистского направления, выходила в Париже с 1848 по 1857 год. — *148.*

134 Имеется в виду письмо канцлера Нессельроде министру иностранных дел Турции Решид-паше от 31(19) мая 1853 года. В письме на турецкое правительство возлагалась ответственность за неудачу миссии Меншикова и в ультимативной форме предлагалось принять сформулированные Меншиковым перед его отъездом из Константинополя требования о гарантии привилегий греко-православных подданных султана, предусматривавшие фактическое установление протектората над ними царя. Нессельроде угрожал применением военных мер, намекая на оккупацию Молдавии и Валахии в случае отклонения этого ультиматума. В ответном письме Решид-паши от 16 (4) июня 1853 г. Турция, поддерживаемая Англией и Францией, отвергла требования царского правительства. — *149.*

135 *«Le Sémaphore de Marseilles* («Марсельский семафор») — французская ежедневная буржуазная газета, выходила в Марселе с 1827 до 1945 года. — *149.*

136 *Семилетняя война* (1756—1763) — война между двумя коалициями европейских государств: англо-прусской, с одной стороны, и франко-русско-австрийской, с другой. Одной из основных причин войны было колониальное и торговое соперничество между Англией и Францией. Военные действия между этими двумя державами, помимо морских сражений, велись в первую очередь на территории американских и азиатских колоний этих государств. Главным театром войны на Востоке была Индия, где против французов и их ставленников из местных князей действовала английская Ост-Индская компания, значительно увеличившая свои вооруженные силы и воспользовавшаяся войной для захвата ряда индийских территорий. В результате Семилетней войны Франция утратила почти все свои владения в Индии (в ее руках оставались лишь пять прибрежных городов, укрепления которых она должна была срыть); колониальное могущество Англии значительно усилилось. — *152.*

137 J. Mill. «The History of the British India» (Дж. Милль. «История Британской Индии»). Первое издание вышло в 1818 году. В издании 1858 г. цитируемое Марксом место см. в т. V, кн. VI, стр. 60 и 65; приведенная выше цитата о функциях Контрольного совета взята также из книги Милля (в издании 1858 г. т. IV, кн. V, стр. 395). — *154.*

[138] Речь идет о реформе избирательного права, проведенной английским парламентом в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *154.*

[139] Маркс перечисляет ряд завоевательных войн, которые английская Ост-Индская компания вела в Индии с целью захвата и колониального порабощения ряда индийских территорий, а также с целью сокрушения своего главного колониального соперника — французской Ост-Индской компании.

Война в Карнатике (княжество в юго-восточной части Индии) продолжалась с перерывами с 1746 по 1763 год. Обе воюющие стороны— английские и французские колонизаторы — вели борьбу за подчинение Карнатика под видом поддержки различных местных претендентов на власть в этом княжестве. Победу в конечном счете одержали англичане, овладевшие еще в январе 1761 г. главным опорным французским пунктом на юге Индии — Пондишери.

В 1756 г. наваб Бенгалии, стремясь предотвратить вторжение в его владения англичан, начал против них войну, захватив их опорную базу в северо-восточной части Индии — Калькутту. Однако войска английской Ост-Индской компании под командованием Клайва вскоре вновь овладели Калькуттой, разгромили расположенные в Бенгалии укрепления французов, поддерживавших наваба, и нанесли 23 июня 1757 г. его силам поражение при Плесси. В 1763 г. в Бенгалии, превращенной в вассальное владение Компании, вспыхнуло восстание, подавленное английскими колонизаторами. Вместе с Бенгалией англичане завладели Бихаром, областью на среднем течении Ганга, входившей в состав Бенгальского навабства. В 1803 г. было завершено завоевание расположенной к югу от Бенгалии Ориссы, на территории которой находилось несколько феодальных княжеств, попавших в подчинение к Компании.

В 1790—1792 и 1799 гг. Ост-Индская компания вела войны с независимым феодальным государством в Южной Индии Майсуром, глава которого Типпу Сахиб, участвовавший и в прошлых войнах Майсура с англичанами, был непримиримым противником английских колонизаторов. В результате первой из этих войн Майсур потерял половину своей территории, захваченной Компанией и союзными с ней феодальными князьями. Вторая война привела к полному поражению и гибели Типпу и к превращению Майсура в вассальное княжество.

Субсидиарная система, или система так называемых *субсидиарных договоров* — одна из форм превращения правителей индийских княжеств в вассалов Ост-Индской компании. Наибольшее распространение получили договоры, по которым князья должны были содержать (субсидировать) войска Компании, расположенные на их территории, а также договоры, навязывающие князьям ссуды на кабальных условиях, несоблюдение которых влекло за собой конфискацию владений. — *155.*

[140] О завоевании Синда и Пенджаба см. примечание 21.— *155.*

[141] T. M[un]. «A Discourse of Trade, from England into the East-Indies: Answering to diverse Objections which are usually made against the

same». London, 1621 (Т. М[ан]. «Рассуждение о торговле между Англией и Ост-Индией: в ответ на различные возражения, которые обычно против нее приводятся». Лондон, 1621). — *156.*

142 [J. Child]. «A Treatise Wherein is Demonstrated I. That the *East-India* Trade is the most National of all Foreign Trades». London, 1681. Напечатано под псевдонимом φιλοπατριζ (Патриот). — *156.*

143 [J. Pollexfen]. «England and East-India Inconsistent in their Manufactures. Being an answer to a treatise, intituled, an Essay on the East-India Trade». London, 1697 ([Дж. Поллексфен]. «Несовместимость промышленного производства Англии и Индии. Ответ на трактат, озаглавленный: Очерк ост-индской торговли». Лондон, 1697).— *156.*

144 К завоеванию Бирмы английские колонизаторы приступили с начала XIX века. В результате первой бирманской войны (1824—1826) войска Ост-Индской компании завоевали граничившую с Бенгалией провинцию Ассам и прибрежные Аракан и Тенассерим. Вторая бирманская война (1852) привела к завоеванию англичанами провинции Пегу. В 1853 г. ожидались новые военные действия против Бирмы, поскольку по окончании второй бирманской войны не был подписан мирный договор и новый бирманский король, вступивший на престол в феврале 1853 г., не признал захвата Пегу. — *159.*

145 J. Dickinson. «The Government of India under a Bureaucracy». London — Manchester, 1853, p. 50 (Дж. Дикинсон. «Управление Индией при бюрократической администрации». Лондон — Манчестер, 1853, стр. 50). Издание Ассоциации в пользу реформ в Ост-Индии (India Reform), выпуск **VI**. — *160.*

146 В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без первого абзаца, относящегося к разделу «Индийский вопрос».— *161.*

147 Подвергнутая Марксом критике редакционная статья была опубликована в «Times» 25 июня 1853 года. — *162.*

148 F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 137, 141. — *166.*

149 H. Spencer. «Social Statics: or The Conditions Essential to Human Happiness Specified, and the First of Them Developed». London, 1851, pp. 114—116, 122, 123, 125 (Г. Спенсер. «Социальная статика, или Изложение условий, существенных для человеческого счастья, с подробным анализом первого из этих условий». Лондон, 1851, стр. 114—116, 122, 123, 125). — *167.*

150 Вторая часть заглавия этой статьи («Рабочее движение в Англии») дана Институтом марксизма-ленинизма. — *168.*

151 *«Умиротворение Греции»* — выражение, употреблявшееся в дипломатических документах европейских держав в связи с их вмешательством в турецко-греческий конфликт во время освободительной борьбы Греции против турецкого ига в 20-х годах XIX века. — *168.*

[152] Приводимая цитата из депеши Поццо-ди-Борго от 22 декабря 1826 г. взята из «Portfolio» — собрания дипломатических документов и материалов, издававшегося Д. Уркартом в Лондоне. Серия «The Portfolio; or a Collection of State Papers» («Портфель, или Собрание государственных документов») выходила в 1835—1837 годах; новая серия выходила в 1843—1845 гг. под названием «The Portfolio. Diplomatic Review» («Портфель. Дипломатическое обозрение»). Цитируемые Марксом письма Поццо-ди-Борго опубликованы в «The Portfolio», London, 1836, vol. I, № 7, 8, 9; vol. II, № 13 и «The Portfolio», London, 1843, vol. II, № 2. — *169.*

[153] О Лондонском договоре (конвенции) от 6 июля 1827 г. см. примечание 47. — 169.

[154] Нота Нессельроде от 11 июня (30 мая) 1853 г. — циркуляр русским дипломатическим представителям за границей, в котором была изложена позиция царского правительства в связи с результатами миссии Меншикова. Подвергая резкой критике действия Порты, Нессельроде приводил мотивы, побудившие Россию предъявить Турции ультиматум относительно признания царя покровителем православных подданных султана. В ноте содержалась угроза применения «решительных мер» в случае отклонения этого требования Турцией. — 171.

[155] Имеется в виду Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации, основанной в июле 1840 года. Ассоциация была первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих, насчитывавшей в годы подъема чартизма до сорока тысяч членов. В деятельности Ассоциации сказывалось отсутствие идейного и тактического единства среди ее членов и мелкобуржуазная идеология большинства лидеров чартизма. После поражения чартистов в 1848 г. передовые, тяготевшие к научному коммунизму представители революционного чартизма, в первую очередь Э. Джонс, пытались в начале 50-х годов реорганизовать чартистское движение на социалистической основе. Это нашло отражение в программе, принятой чартистским конвентом в 1851 году. Во второй половине 50-х годов в связи с временной победой оппортунизма в английском рабочем движении и упадком чартизма Ассоциация фактически прекратила свою деятельность.— 176.

[156] Отрывок из речи Гammеджа на митинге в Блэкстон-Эдж 19 июня 1853 г. цитируется по «People's Paper» от 25 июня 1853 года. — 177.

[157] Выдержки из речи Джонса на митинге в Блэкстон-Эдж 19 июня 1853 г. цитируются по «People's Paper» от 25 июня 1853 года. — 178.

[158] См. примечание 126. — 179.

[159] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана в неполном виде, без части, относящейся к разделу «Вопрос о турецкой войне». — 180.

[160] Цитируется по «The Portfolio», London, 1836, vol. IV, № 27, pp. 10—12. —181.

[161] *«Wiener Lloyd»* («Венский Ллойд») — австрийская газета консервативного направления; с сентября 1848 г. издавалась в Вене; выходила до 1854 года. — *181.*

[162] Брайт имеет в виду номер газеты «New-York Daily Tribune» от 6 мая 1853 г. и напечатанную в этом номере статью Маркса «Беспорядки в Константинополе. — Столоверчение в Германии. — Бюджет» (см. настоящий том, стр. 69—77). — *182.*

[163] G. Campbell. «Modern India: a Sketch of the System of Civil Government». London, 1852, p. 263—264 (Дж. Кэмпбелл. «Современная Индия: очерк системы гражданского управления». Лондон, 1852, стр. 263—264). — *188.*

[164] *Сати* — существовавший в Индии обычай сожжения вдовы вместе с телом умершего мужа. — *188.*

[165] *Индиа-хаус* (или Ост-Индиа-хаус) — резиденция правления Ост-Индской компании в Лондоне, находившаяся на Леденхолл-стрит. — *189.*

[166] G. Campbell. «A Scheme for the Government of India». London, 1853. — *189.*

[167] В данном случае речь идет о председателе Контрольного совета по делам Индии, который входил в состав английского кабинета. Пост министра по делам Индии был учрежден после упразднения Ост-Индской компании в 1858 году. — *190.*

[168] J. Dickinson. «The Government of India under a bureaucracy». India Reform № VI, London—Manchester, 1853, p. 15—16. — *190.*

[169] G. Campbell. «Modern India: a Sketch of the System of Civil Government». London, 1852, p. 215. — *190.*

[170] Цитируется по книге: J. Dickinson. «The Government of India under a bureaucracy». India Reform № VI, London — Manchester, 1853, p. 15. — *191.*

[171] Имеются в виду раскопки Ниневии — столицы древней Ассирии, произведенные в 1845—1851 гг. английским археологом Лейардом. — *192.*

[172] Речь идет о статье Маркса «Парламентские дебаты. — Духовенство и борьба за десятичасовой рабочий день. — Голодная смерть» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 561—564). — *194.*

[173] См. статью Маркса «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство» (настоящее издание, т. 8, стр. 522— 528). — *195.*

[174] *Треднидл-стрит* — улица в Лондоне, на которой находится Английский банк; английское слово «muck-worm» («навозный червь») иронически употреблено здесь в переносном смысле: «скряга», «скупец». — *195.*

[175] *Закон о бедных,* принятый в 1834 г., допускал только одну форму помощи бедным — помещение в работные дома с тюремно-каторжным режимом, прозванные народом «бастилиями для бедных». — *196.*

[176] 5 августа 1850 г. парламентом был принят закон, устанавливавший продолжительность рабочего дня для женщин и подростков в $10^1/_2$ часов и определявший время начала и конца рабочего дня. Принятие закона было вызвано протестами рабочих против решения Суда казначейства по делу о нарушении фабрикантами закона о десятичасовом рабочем дне 1847 г., решения, которое фактически санкционировало эти нарушения. Акт 1850 г. запрещал фабрикантам применять систему посменной работы, посредством которой они обходили закон 1847 г., но в то же время официально узаконивал удлинение рабочего дня на полчаса. — *197.*

[177] См. примечание 80. — *198.*

[178] *Общество мира* — буржуазно-пацифистская организация, основанная в 1816 г. в Лондоне религиозной сектой квакеров. Общество получило активную поддержку со стороны фритредеров, полагавших, что в мирных условиях Англия сумеет с помощью свободной торговли полнее использовать свое промышленное превосходство и добиться экономического и политического господства. — *199.*

[179] Намек на позицию Пальмерстона в англо-греческом конфликте 1847 г. по делу купца Пасифико, португальца по происхождению, имевшего английское подданство. Дом Пасифико в Афинах был сожжен, что послужило поводом правительству Англии направить в Грецию свой флот и предъявить греческому правительству резкий ультиматум. В агрессивной речи в парламенте Пальмерстон оправдывал действия Англии необходимостью поддерживать престиж английских подданных, уподобляя их гражданам Древнего Рима. Употребленное при этом Пальмерстоном выражение «civis romanus sum» («я римский гражданин») служило формулой, обозначавшей привилегии и высокое положение, которое давало римское гражданство. — *200.*

[180] Имеется в виду так называемый «смирнский инцидент», произошедший летом 1853 г. в связи с арестом по приказу австрийского консула в Смирне венгерского эмигранта Косты, состоявшего в подданстве США. Арестованный Коста был отправлен на борт австрийского военного корабля «Гусар». В связи с этим в Смирне произошла вооруженная стычка между эмигрантами и несколькими австрийскими морскими офицерами. В инцидент вмешался капитан американского военного корабля «Сен-Луи» Ингрехем, который по совету временного поверенного в делах США в Константинополе Брауна в ультимативной форме потребовал от капитана австрийского корабля освобождения Косты. Вооруженное столкновение было предотвращено благодаря вмешательству консулов других держав. После нескольких месяцев переговоров Коста был освобожден и вернулся в США. — *200.*

[181] См. примечание 103. — *202.*

[182] *Ункяр-Искелесийский договор* между Россией и Турцией был заключен 8 июля (26 июня) 1833 года. Подписанию договора предшествовала высадка в районе Босфора, в местности Ункяр-Искелеси, русских десантных частей, которые были направлены в Турцию

с целью оказания помощи султану против угрожавшей турецкой столице армии восставшего правителя Египта Мухаммеда-Али. В мае 1833 г. Порта, при посредничестве Англии и Франции, заключила с Мухаммедом-Али мир, уступив ему Сирию и Палестину. Несмотря на то, что непосредственная опасность для султана миновала, царская дипломатия сумела использовать напряженность обстановки и пребывание русских войск в Турции, для того чтобы побудить Порту заключить оборонительный союз с Россией, и добилась включения в Ункяр-Искелесийский договор, оформивший этот союз, секретном статьи, по которой Турция обязывалась не пропускать через проливы никаких иностранных военных судов, кроме русских. Эта статья оставалась в силе вплоть до нового египетского кризиса 1839—1841 гг. (см. примечание 8), когда Николай I, договариваясь с Англией и другими державами о совместных действиях против Мухаммеда-Али, должен был по их настоянию признать принцип закрытия проливов для военных судов всех государств в мирное время. — *202.*

183 *Furcae Caudinae* — Кавдинское ущелье близ г. Кавдия (Древний Рим); здесь в 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны самниты нанесли поражение римским легионам и вынудили их пройти под «ярмом», что считалось наивысшим позором для побежденной армии. Отсюда выражение «пройти через furcae Caudinae», то есть подвергнуться крайнему унижению. — *203.*

184 В Англии до 1872 г. в день выставления кандидатов голосование происходило поднятием рук и в нем могли принять участие и лица, не имевшие избирательного права. Однако в день самих выборов, когда мог баллотироваться и отвергнутый поднятием рук кандидат, в голосовании участвовал лишь узкий, ограниченный высоким имущественным цензом, цензом оседлости и т. д., круг «законных» избирателей.—*203.*

185 См. примечание 100. — *204.*

186 *Чейндж-алли* — улица в Лондоне, где помещалось правление Компании Южных морей; одно из главных мест всевозможных денежных операций и спекулятивных сделок. —*204.*

187 *Навабы и раджи* — титулы индийских князей; *джагирдары* — представители мусульманской феодальной знати в империи Великих Моголов, получавшие во временное пользование крупные земельные владения (джагиры), за что они были обязаны нести военную службу и выставлять определенные контингенты войск. В период распада империи Великих Моголов джагирдары превратились в наследственных феодальных владельцев. — *205.*

188 G. Campbell. «Modern India: a Sketch of the System of Civil Government». London, 1852, p. 64. — *206.*

189 Основатель империи Великих Моголов Бабур (1483—1530) вел свое происхождение от Тамерлана, который, в свою очередь, считал себя преемником Чингис-хана. В XVIII в. после распада империи могольские императоры являлись марионетками наместников отдельных областей, афганских завоевателей и крупных индийских феодалов. После захвата в 1803 г. англичанами Дели они играли роль подставных фигур Ост-Индской компании, превратившись в пенсионеров последней. В 1858 г. английские колонизаторы, объявившие Индию

владением британской короны, окончательно ликвидировали остатки номинальной власти могольской династии. — *207.*

[190] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана в неполном виде, без первых двух абзацев, относящихся к разделу «Война в Бирме», а также без абзаца, начинающегося словами: «В последовавших затем дебатах по индийскому вопросу...» (см. настоящий том, стр. 209—210). — *208.*

[191] См. примечание 144. — *208.*

[192] *Хэмптон-корт* — дворец близ Лондона на реке Темзе; в XVI—XVIII вв. резиденция английских королей. — *208.*

[193] См. примечание 179. — *209.*

[194] Речь идет о циркулярной ноте Нессельроде от 11 июня (30 мая) 1853 г. (см. примечание 154) и циркулярной ноте Друэн де Люиса от 25 июня 1853 года. В последней содержалось обоснование отрицательного отношения Франции к позиции царского правительства в восточном вопросе. — *210.*

[195] Имеется в виду Лондонская конвенция от 13 июля 1841 г. о закрытии в мирное время черноморских проливов для иностранных военных судов, заключенная под предлогом обеспечения неприкосновенности турецких владений (см. примечание 132). Конвенция аннулировала выгодный для России Ункяр-Искелесийский договор 1833 **г.,** который предусматривал открытие проливов для русских военных судов. Тем не менее, царское правительство, связанное с 1840 г. участием в коллективных действиях 4-х держав (России, Англии, Австрии и Пруссии) против Мухаммеда-Али, которого поддерживала Франция, должно было признать выдвинутый западными державами принцип «нейтрализации» проливов и подписать конвенцию 1841 года. Под угрозой образования антифранцузской коалиции Франция, вынужденная отказаться от помощи Мухаммеду-Али, также приняла участие в конвенции. — *210.*

[196] В связи с турецко-египетским конфликтом 1839 г. (см. примечание 8) правительство царской России решило воспользоваться обострением англо-французских противоречий и в сентябре 1839 г. через русского дипломата Бруннова предложило Пальмерстону заключить соглашение, предусматривавшее под видом совместной помощи султану фактическое разграничение сфер влияния на Ближнем Востоке между двумя державами. Английское правительство, стремившееся к полной гегемонии в Турции, отклонило это предложение под предлогом необходимости общеевропейского соглашения по восточному вопросу. — *212.*

[197] Имеется в виду ответ министра иностранных дел Франции Друэн де Люиса от 15 июля 1853 г. на циркуляр Нессельроде от 2 июля (20 июня) 1853 г. русским дипломатическим представителям за границей. Эти документы содержали взаимные обвинения правительств России и Франции в провоцировании конфликта. Нессельроде в своем циркуляре утверждал, что враждебную демонстрацию первыми произвели Англия и Франция, направившие эскадры к проливам еще до вступле-

ния русских войск в Дунайские княжества. В ноте Друэн де Люиса вся ответственность за конфликт возлагалась на Россию. — *216.*

[198] *«Journal de l'Empire»* («Газета Империи») — подзаголовок к газете «Le Pays» (см. примечание 34). — *216.*

[199] Речь идет о заговоре против султана Абдул-Меджида, организованном противниками политики танзимата (реформ). Начало этой политики было положено хатт-и шерифом (рескриптом) Абдул-Меджида 1839 г., в котором обещалось осуществление некоторых преобразований, упорядочение налоговой системы, гарантирование безопасности жизни и имущества подданных и т. д. Новая политика имела целью укрепление монархии путем компромисса с нарождавшейся буржуазией. Несмотря на крайне ограниченный характер намеченных реформ, попытка их проведения встретила отчаянное сопротивление реакционеров, группировавшихся вокруг брата султана — Абдул-Азиза. — *218.*

[200] Имеется в виду прокламация командующего русскими войсками на Дунае Горчакова к жителям Молдавии и Валахии, выпущенная в связи с занятием княжеств летом 1853 года. В прокламации говорилось, что вступление русских войск в Дунайские княжества не имеет целью изменение политических учреждений и порядков, гарантированных княжествам прошлыми договорами. — *218.*

[201] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии. — *218.*

[202] *Коллектор* — английский чиновник в Индии, выполнявший функции начальника округа, главного судьи в нем и главного сборщика налогов. — *221.*

[203] G. Campbell. «Modern India: a Sketch of the System of Civil Government». London, 1852, p. 359. — *222.*

[204] Маркс цитирует выступление Албемарла в палате лордов 1 июля 1853 г. по отчету, опубликованному в газете «Times» 2 июля 1853 года.— *223.*

[205] *Маратхи* — индийская народность, занимавшая территорию в северозападной части Декана. С середины XVII в. начала вооруженную борьбу против чужеземного господства могольских феодалов, нанеся серьезный удар империи Великих Моголов и способствуя ее распаду. В ходе этой борьбы было создано независимое государство маратхов, феодальная верхушка которого вскоре встала на путь завоевательных войн. В конце XVII в. маратхское государство было ослаблено феодальными усобицами, но в начале XVIII в. вновь сложилось сильное объединение маратхских княжеств во главе с верховным правителем — пешвой. Маратхские феодалы, ведя борьбу с афганцами за гегемонию в Индии, потерпели в 1761 г. жестокое поражение. Обескровленные участием в борьбе за владычество над Индией и внутренними распрями маратхских феодалов, маратхские княжества сделались добычей Ост-Индской компании, подчинившей их в результате англо-маратхской войны 1803—1805 годов. — *224.*

[206] J. Chapman. «The Cotton and Commerce of India, considered in relation to the interests of Great Britain; with remarks on railway communication in the Bombay presidency». London, 1851, p. 91 (Дж. Чапмен. «Хлопок и торговля Индии, в связи с интересами Великобритании; с заметками о железнодорожном сообщении в Бомбейском президентстве». Лондон, 1851, стр. 91). — *227.*

[207] G. Campbell. «Modern India: a Sketch of the System of Civil Government». London, 1852, p. 59—60. — *228.*

[208] Маркс цитирует книгу А. Д. Салтыкова «Lettres sur PInde». Paris, 1848, p. 61 («Письма об Индии». Париж, 1848, стр. 61). Русское издание вышло в Москве, в 1851 году. — *229.*

[209] *Джаты* — кастовая группа в Северной Индии; основную массу ее составляли крестьяне-земледельцы, к ней принадлежали также представители военно-феодального сословия. В XVII в. крестьяне-джаты неоднократно поднимали восстания против господства чужеземных могольских феодалов.

Брахманы — одна из четырех древнейших каст Индии, к которой первоначально в основном принадлежало привилегированное сословие жрецов; позднее помимо жрецов охватывала, как и другие индийские касты, людей различных профессий и социального положения, не исключая обнищавших крестьян и ремесленников. — *229.*

[210] *Храм Джаггернаута* в Ориссе (Восточная Индия) — центр поклонения одному из высших индуистских божеств Вишну-Джаггернауту (см. примечание 118). Жрецы храма, пользовавшиеся покровительством Ост-Индской компании, получали крупные доходы от массового паломничества, поощряя при этом проституцию живших за счет храма женщин, а также от устройства пышных празднеств, которые сопровождались самоубийствами и самоистязанием религиозных фанатиков. — *229.*

[211] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без первого абзаца, относящегося к разделу «Поражение правительства по финансовому вопросу». — *231.*

[212] Маркс иронически сравнивает сторонников снижения платы извозчикам до шести пенсов за милю с одним из видных деятелей английской буржуазной революции XVII в. Джоном Гемпденом, который в 1636 г., за четыре года до начала революции, отказался платить королевским сборщикам «корабельные деньги» — налог, не утвержденный палатой общин, и на суде отстаивал право англичан сопротивляться незаконным королевским поборам. — *233.*

[213] *Mons sacer* — Священная гора, куда, согласно преданию, в 494 г. до н. э. во время борьбы патрициев с плебеями в Древнем Риме удалились плебеи в знак протеста против притеснений со стороны патрициев. — *233.*

[214] *«Прудом»* («Pond») здесь в шутку названо Ирландское море, отделяющее Ирландию от других Британских островов. — *234.*

[215] Джонатан Свифт завещал на постройку дома для умалишенных в Дублине все свое состояние. Дом был открыт в 1757 году. — *235.*

[216] На 10 апреля 1848 г. в Лондоне чартистами была назначена массовая демонстрация с целью подачи петиции о принятии Народной хартии. Демонстранты, собравшиеся на площади Кеннингтон-коммон, должны были оттуда двинуться к зданию парламента. Правительство запретило демонстрацию, войска и полиция были стянуты в Лондон, чтобы воспрепятствовать ее проведению. Руководители чартистов, среди которых многие проявили колебания, решили отказаться от проведения демонстрации и уговорили демонстрантов разойтись. Неудача демонстрации была использована силами реакции для наступления на рабочих и репрессий против чартистов. —*235.*

[217] Речь идет о подготовлявшемся в 1853 г. изменении датской конституции 5 июня 1849 г. в сторону усиления королевской власти. Новая конституция была введена в действие 2 октября 1855 года.

Lex Regia («королевский закон») — закон о датском престолонаследии был издан 14 ноября 1665 г. королем Фредериком III. Этим законом устанавливалась в Дании абсолютная власть короля и определялся порядок престолонаследия, допускавший наследование и по женской линии. Согласно Лондонскому протоколу 8 мая 1852 г. (см. примечание 75) и новому закону о престолонаследии от 31 июля 1853 **г.**, наследование по женской линии исключалось. Поскольку у царствовавшего тогда в Дании короля Фредерика VII не было прямого наследника, в качестве такового был признан герцог Кристиан Глюксбургский. Новый закон косвенно подтверждал права на датский престол представителей царской династии как отпрысков по мужской линии герцога Гольштейн-Готторпского (Петра III). — *235.*

[218] См. примечание 41. — *238.*

[219] В своем *«Политическом завещании»* (1633) Ришелье изложил важнейшие принципы внутренней и внешней политики французского абсолютизма, стремясь обосновать его притязания на расширение границ Франции и гегемонию в Европе.

Капитулярии Карла Великого — королевские указы, являющиеся одним из основных памятников законодательства Франкского государства. — *239.*

[220] В конце XI века в восточной части Малой Азии в результате завоевания ее турками-огузами возникло турецкое феодальное государство с центром в городе Иконий (древнее название города Конья). Иконийский султанат во главе с династией Сельджукидов вел борьбу против Византии и крестоносцев. Во второй половине XIII в. в результате ударов, нанесенных султанату монгольским завоеванием, а также роста феодальной раздробленности он фактически распался на отдельные, независимые княжества. Одно из пограничных с Византией княжеств, расположенное в северо-западном районе Анатолии и возглавляемое племенным вождем Османом, сделалось ядром нового турецкого государства — Османской (Оттоманской) империи, в состав которой в XIV в. вошли не только прежние владения иконийских султанов, но и завоеванные турками территории соседних стран. В 1453 г. при султане Мехмеде II турки-османы захватили последний оплот византийских императоров — Константинополь, превратив его в столицу Османской империи. — *240.*

[221] Имеется в виду серия статей «Революция и контрреволюция в Германии», опубликованная в «New-York Daily Tribune» в 1851—1852 гг. (см. настоящее издание, т. 8, стр. 3—113). Серия была написана Энгельсом по просьбе Маркса, занятого в то время экономическими исследованиями. В «Tribune» она публиковалась за подписью Маркса. — *240.*

[222] R. Cobden. «How Wars are Got Up in India. The Origin of the Burmese War». London, 1853 (P. Кобден. «Как возникают войны в Индии. Происхождение бирманской войны». Лондон, 1853). — *242.*

[223] 24 июля 1853 г. в Вене по инициативе австрийского правительства открылось совещание представителя Австрии и послов Англии, Франции и Пруссии для осуществления посредничества между Россией и Турцией в связи с обострением русско-турецких отношений. Совещание выработало примирительную ноту (так называемая Венская нота), адресованную русскому царю и турецкому султану. Нота предусматривала обязательство султана соблюдать Кючук-Кайнарджийский и Адрианопольский договоры и сохранять неприкосновенными права и преимущества греко-православной церкви в Оттоманской империи. Согласно решению совещания, ноту следовало направить сначала царю, а затем, в случае положительного к ней отношения с его стороны, — султану. Николай I одобрил содержание ноты, оставив в то же время за собой право истолковывать ее по своему усмотрению, но Абдул-Меджид обусловил свое согласие ее подписать включением в эту ноту ряда изменений и оговорок, которые царское правительство признало для себя неприемлемыми. — *243.*

[224] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась в Берлине в 1848—1915 годах; в 50-е годы придерживалась либерального направления. — *243.*

[225] *«Hamburger Nachrichten»* («Гамбургские известия») — немецкая ежедневная газета, основана в Гамбурге в 1792 году; в период революции 1848—1849 гг. выражала интересы буржуазии, выступавшей за имперскую конституцию, в годы реакции — сторонница прусской монархии, в последние десятилетия XIX в. — официоз Бисмарка. — *244.*

[226] *Однодворцы* — особая группа государственных крестьян в Российской империи; образовалась из низшего разряда служилых людей, несших в прошлом службу по охране окраин Московского государства, где они селились отдельными дворами, являясь одновременно воинами и земледельцами. — *244.*

[227] *Эйдерменовцы* или *эйдердатчане* — датская либеральная партия 40— 60-х годов XIX в., стоявшая за полное слияние герцогства Шлезвиг (до реки Эйдер) с Данией. В то же время эта партия добивалась обособления от Дании Гольштейна, населенного главным образом немцами, отражая боязнь датской буржуазии конкуренции гольштейнской промышленности. В силу этого либеральная партия возражала против единого для всех частей Датского королевства закона о престолонаследии. — *245.*

[228] Имеется в виду «Общество друзей крестьян» — датская партия, основанная в 1846 году. Целью Общества было превращение земель,

которыми крестьяне пользовались на правах феодальной аренды, в их частную собственность и издание ряда муниципальных законов в интересах зажиточного крестьянства. — *246.*

[229] О Лондонском договоре (протоколе) от 8 мая 1852 г. см. примечание 75. — 246.

[230] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без первых двух абзацев. — 248.

[231] О Балта-Лиманском договоре (конвенции) см. примечание 131. — 248.

[232] «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета») — немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета»), так как в ее заголовке изображен крест. — 249.

[233] См. примечание 217. — 251.

[234] Имеется в виду принятый в ряде западноевропейских монархий порядок престолонаследия исключительно по мужской линии. Этот порядок основывался на «Lex Salica» («Салической правде») — записи обычного права германского племени салических франков, относящейся к началу VI века. Глава LIX «Салической правды» исключала женское потомство из наследования земли, разрешая передавать ее только наследникам мужского пола. — 251.

[235] См. примечание 75. — 251.

[236] «Il Parlamento» («Парламент») — итальянская газета умеренно-либерального направления; выходила в Турине. —252.

[237] Статья была в сокращенном виде перепечатана в нью-йоркской немецкой газете «Reform» 27 августа 1853 года.

В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без первого, а также без предпоследнего абзацев. — *255.*

[238] Маркс иронически намекает на методы, с помощью которых Луи Бонапарт и бонапартистские круги, готовя государственный переворот 2 декабря 1851 г., вербовали себе сторонников среди офицеров и солдат армии. Во время приемов и военных смотров, устраивавшихся Луи Бонапартом в качестве президента республики, широко практиковалось угощение офицеров и солдат колбасой, холодной дичью, шампанским и т. д. — *255.*

[239] Имеется в виду *«Frankfurter Postzeitung»* («Франкфуртская почтовая газета») — немецкая газета, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне с 1619 по 1866 год; в 50-х годах была органом Союзного сейма; под данным названием выходила с 1852 года. — *256.*

[240] См. примечание 125. — *260.*

[241] Члены палаты лордов по традиции, идущей от средневековья, обязаны приносить торжественную присягу (клятву на верность) короне.

В то же время средневековая Великая хартия вольностей 1215 г. давала английским феодалам право поднимать против королевской власти восстание в случае нарушения их феодальных привилегий.—*262.*

[242] Речь идет о поддержке Англией царствовавшей в Португалии ветви династии Кобургов во время народного восстания в 1846—1847 гг., направленного против реакционного режима в стране. Восстание было беспощадно подавлено. — *265.*

[243] *«La Nation, organe quotidien democrate socialiste»* («Нация, ежедневный демократическо-социалистический орган») — газета бельгийских мелкобуржуазных демократов, издавалась в Брюсселе в 1848—1856 годах. — *265.*

[244] *«The Leader»* («Лидер») — английская еженедельная буржуазная газета либерального направления; основана в Лондоне в 1850 году. —*266.*

[245] *«The Examiner»* («Наблюдатель») — английский еженедельник буржуазно-либерального направления, выходил в Лондоне в 1808—1881 годах. — *266.*

[246] Речь идет о статьях Д. Уркарта, опубликованных в газете «Morning Advertiser» 11, 12, 15 и 16 августа 1853 года. — *268.*

[247] Обещанная Марксом статья в «New-York Daily Tribune» не появилась. — *268.*

[248] *«Санктпетербургские ведомости»* — русская ежедневная газета, официальный правительственный орган; под данным названием выходила в 1728—1914 годах; в 1914—1917 гг. выходила под названием «Петроградские ведомости». — *269.*

[249] *Бустрапа* — прозвище Луи Бонапарта, составленное из первых слогов названий городов Булонь, Страсбург, Париж. Это прозвище намекало на предпринятые им попытки произвести бонапартистский путч в Страсбурге (30 сентября 1836 г.) и Булони (6 августа 1840 г.), а также на государственный переворот в Париже 2 декабря 1851 г., приведший к установлению бонапартистской диктатуры во Франции. — *271.*

[250] В 1852 г. возник вооруженный конфликт между Турцией и Черногорией, добивавшейся полной независимости от султана, вассальным владением которого она номинально продолжала оставаться. Русское посредничество в этом конфликте было отклонено Портой, и в начало 1853 г. турецкая армия под командованием Омер-паши вторглась в пределы Черногории. Австрийское правительство, опасаясь, что военные действия в Черногории и выступление России в защиту черногорцев вызовут волнения в славянских областях империи Габсбургов, поспешно направило в Константинополь с чрезвычайной миссией графа Лейнингена, который потребовал вывода из Черногории турецких войск и восстановления положения, существовавшего до начала конфликта. Сосредоточение австрийских войск на черногорской границе заставило Порту пойти на уступки и согласиться прекратить военные действия на условиях, предложенных Лейнингеном. — *271.*

[251] См. примечание 250. — *273.*

[252] Наряду с проектом русско-турецкой конвенции, условия которой превращали царя в покровителя православных подданных султана, князь Меншиков предложил турецкому правительству подписать отдельный секретный акт об оборонительном союзе. Проект этого акта предусматривал оказание вооруженной помощи султану со стороны императора России в случае, если какая-нибудь держава попыталась бы силой помешать осуществлению упомянутой конвенции о привилегиях греко-православной церкви в Турции. Турецкое правительство, поддержанное английским и французским послами в Константинополе, отклонило как проект конвенции, так и проект секретного оборонительного договора. — *277.*

[253] Имеется в виду ответ министра иностранных дел Турции Решид-паши от 16 (4) июня 1853 г. на письмо канцлера России Нессельроде от 31 (19) мая 1853 г. (о последнем см. примечание 134). В своем ответе Решид-паша отвергал ультимативные требования и обвинения, содержавшиеся в письме Нессельроде. В то же время он сообщал о готовности султана направить в Петербург чрезвычайную миссию для урегулирования конфликта на условиях, предусматривающих такую форму подтверждения прав греко-православной церкви в Турции, которая не умаляла бы суверенитета султана. — *278.*

[254] *Навигационные акты* (Navigation laws), принятые в 1651 г. и в последующие годы, запрещали перевозить английские товары на иностранных судах; эти акты были отменены в 1849 году. — *286.*

[255] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса была напечатана лишь вторая половина статьи, со слов: «Парламентская сессия 1853 г. закончилась в прошлую субботу...» (см. настоящий том, стр. 292).— *289.*

[256] *«Journal de Constantinople»* («Константинопольская газета») — турецкая газета, издавалась с 1846 г. на французском языке; субсидировалась турецким правительством и играла роль официоза, являясь в то же время проводником французского влияния в Турции. Выходила 6 раз в месяц. — *291.*

[257] *«St.-Petersburger Zeitung»* («С.-Петербургская газета») — ежедневная газета, издававшаяся на немецком языке в 1727—1914 годах. — *291.*

[258] Имеется в виду правое, монархическое крыло польской эмиграции, центром которого являлся особняк князя Адама Чарторыского в Париже — «Отель Ламбер». Польские эмигранты-аристократы проживали также в других странах, в частности в Англии. — *292.*

[259] Речь идет о позиции Пальмерстона в вопросе о судьбах Кракова после неудавшейся попытки польских патриотов поднять в феврале 1846 г. восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы (Дембовский и другие). Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее восстание было сорвано и произошли лишь отдельные революционные вспышки. Только в Кракове, объявленном в 1815 г., согласно условиям Венского трактата, вольным городом под протекторатом Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать национальное пра-

вительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей. Восстание в Кракове было подавлено в начале марта 1846 года. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали в Вене договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. Пальмерстон, занимавший с июля 1846 г. пост министра иностранных дел, отклонил французское предложение о коллективном протесте против этого акта и в письме от 23 ноября 1846 г. дал понять венскому кабинету, что Англия не станет защищать Краковскую республику, лицемерно призывая в то же время Австрию, Пруссию и Россию отказаться от их намерений в отношении Кракова. — *292.*

[260] Речь идет о соглашении, достигнутом пилитами, вигами и так называемыми мейферскими радикалами (о последних см. примечание 81) в частной резиденции Джона Рассела на Чешем-плейс в Лондоне весной 1852 года. Соглашение предусматривало проведение общей оппозиционной линии по отношению к торийскому кабинету Дерби, а также условия формирования коалиционного министерства в случае падения министерства Дерби. Союз, заключенный на Чешем-плейс, оставался в силе при образовании в декабре 1852 г. коалиционного кабинета Абердина: важнейшие посты в нем заняли лидеры вигов и пилитов, а представителям мейферских радикалов был предоставлен ряд государственных должностей. — *294.*

[261] *«Weekly Times»* («Еженедельный Times») — английская еженедельная газета либерального направления. Издавалась под данным названием в Лондоне с 1847 по 1885 год. — *295.*

[262] 23 августа 1853 г. газета «Morning Advertiser» опубликовала заметку «Русский агент Бакунин», подписанную «Ф. М.» (автором был реакционный публицист, сторонник Уркарта Фрэнсис Маркс); в заметке Бакунин обвинялся в связях с царским правительством. На следующий день, 24 августа, газета напечатала письмо Головина (автора анонимной заметки о Бакунине, помещенной в «Morning Advertiser» 14 августа и послужившей поводом для выступления «Ф. М.»), Герцена и польского эмигранта Ворцеля, опровергавшее содержание заметки «Ф. М.». Последний ответил 27 августа заявлением, в котором связывал возникновение революций в Европе с деятельностью царских агентов. 29 августа Головин и Герцен напечатали другое письмо под заглавием: «Кто такой Ф. М.?» В дальнейшей полемике по поводу Бакунина, которую продолжал вести Головин, Герцен не принимал участия.

В указанном выше письме от 24 августа упоминалась «одна немецкая газета», на страницах которой было якобы положено начало обвинениям Бакунина. Авторы письма намекали на «Neue Rheinische Zeitung». В связи с этим Маркс и решил направить редактору газеты «Morning Advertiser» настоящее письмо. — *296.*

[263] *«Neue Oder-Zeitung»* («Новая одерская газета») — ежедневная немецкая газета, издававшаяся в Бреславле (Вроцлаве). С 1846 по март 1849 г. выходила под названием «Allgemeine Oder-Zeitung» («Всеобщая одерская газета»), являясь органом оппозиционно-католических кругов. С марта 1849 г. газета изменила свое направление и название и, в качестве органа немецкой буржуазной демократии, выходила до конца 1855 года. В 1855 г. Маркс был лондонским корреспондентом этой газеты. — *296.*

[264] Маркс цитирует статью Энгельса «Демократический панславизм» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 290), в которой подвергнута критике брошюра «Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongress in Prag». Koethen, 1848 («Призыв к славянам. Сочинение русского патриота Михаила Бакунина, делегата Славянского съезда в Праге». Кётен, 1848). — *297.*

[265] Имеется в виду статья XVIII из серии «Революция и контрреволюция в Германии» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 105—106), написанной Энгельсом по просьбе Маркса и опубликованной за подписью Маркса в «New-York Daily Tribune» в 1851—1852 годах. — *297.*

[266] Статья была в сокращенном виде перепечатана в нью-йоркской немецкой газете «Reform» 17 сентября 1853 года.—*299.*

[267] *«Breslauer Zeitung»* («Бреславльская газета») — немецкая ежедневная газета, основанная в Бреславле (Вроцлаве) в 1820 году; в 50-х годах XIX в. придерживалась консервативного направления. — *299.*

[268] Текст декларации «Ассоциации моряков», цитированной Марксом, был позднее опубликован в «People's Paper» (см. № 80, 12 ноября 1853 г.).— *301.*

[269] Заявление Маркса в редакцию «People's Paper» было написано в связи с появлением 3 сентября 1853 г. в газете «Morning Advertiser» анонимной заметки Головина «Как следует писать историю», которая явилась ответом на письмо Маркса редактору «Morning Advertiser» от 30 августа 1853 г. (см. настоящий том, стр. 296—298) и содержала новые выпады против Маркса и «Neue Rheinische Zeitung». До появления этой заметки, в «Morning Advertiser» от 31 августа было напечатано письмо А. Руге, в котором на Маркса и «Neue Rheinische Zeitung» открыто возводилось обвинение в умышленном распространении ложных сведений, порочащих Бакунина. Давая отпор Головину, Маркс таким образом одновременно разоблачал клеветнические измышления Руге. Обстоятельства, связанные с написанием этого заявления, изложены в письме Маркса Энгельсу от 3 сентября 1853 г. (в оригинале письмо ошибочно датировано 2-м сентября). В этом письме приведен также первоначальный вариант ответа автору заметки «Как следует писать историю». — *302.*

[270] В опубликованной в «New-York Daily Tribune» статье Маркса от 30 августа 1853 г. (см. настоящий том, стр. 299—301) упоминаемое сообщение отсутствует. Редакция газеты, публикуя эту статью, вероятно, опустила ту ее часть, где приводилось это сообщение. — *304.*

[271] Речь идет о требовании эвакуации русскими войсками Дунайских княжеств. — *304.*

[272] *«Der Wanderer»* («Странник») — австрийская ежедневная буржуазная газета; издавалась в Вене с 1809 по 1866 год. — *305.*

[273] Имеется в виду редакционная статья «New-York Daily Tribune» от 6 августа 1853 г. «Мир или война», в которой одобрялись действия капитана американского фрегата «Сен-Луи» Ингрехема во время событий, связанных с арестом в Смирне венгерского эмигранта Косты (об этом см. примечание 180). — *305.*

[274] *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»); выходит в Лондоне с 1841 года. — *307.*

[275] *«The Sun»* («Солнце») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1798 по 1876 год. — *307.*

[276] *«Sunday Times»* («Воскресный Times») — английская еженедельная газета, выходит в Лондоне с 1822 года; в 50-х годах XIX в. орган вигов. — *314.*

[277] Речь идет о закрытии осенью 1852 г. властями швейцарского кантона Тессин монастыря католического ордена капуцинов в Локарно и выселении из Тессина в Ломбардию 22-х капуцинов итальянского происхождения. Действия швейцарских властей против ордена капуцинов, который пользовался покровительством Австрии, внесли осложнения в австро-швейцарские отношения, еще более обострившиеся в связи с вопросом о пребывании на швейцарской территории участников итальянского национально-освободительного движения. — *315.*

[278] См. примечание 23. — *315.*

[279] Th. Carlyle. «Latter-Day Pamphlets. № 2: Model Prisons». London, 1850 (Т. Карлейль. «Современные памфлеты. № 2. Образцовые тюрьмы». Лондон, 1850). Критический разбор этого произведения был дан в одной из рецензий, опубликованных Марксом и Энгельсом в 4-м выпуске журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» в 1850 г. (см. настоящее издание, т. 7, стр. 268—279). — *316.*

[280] Маркс имеет в виду свои статьи «Пауперизм и свобода торговли. — Надвигающийся торговый кризис» и «Политические перспективы. — Процветание торговли.—Случай голодной смерти» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 385—391, 512— 520). — *320.*

[281] *«Mark-Lane Express»* — сокращенное название еженедельника «Mark-Lane Express, Agricultural Journal» («Вестник хлебной биржи, сельскохозяйственная газета»); орган торговой буржуазии; под данным названием издавался в Лондоне с 1832 по 1924 год. — *320.*

[282] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса была опущена вся вторая часть статьи — о надвигающемся экономическом кризисе и железнодорожном строительстве в Индии, со слов: «15 сентября Английский банк повысил учетную ставку...» (см. настоящий том, стр. 328). — *323.*

[283] Маркс цитирует статью Д. Уркарта «Политические преступники», опубликованную в газете «Morning Advertiser» 20 сентября 1853 года. — *323.*

[284] Имеются в виду Лондонская конвенция от 15 июля 1840 г. об оказании помощи турецкому султану против египетского паши Мухаммеда-Али, подписанная Англией, Россией, Австрией и Пруссией, а также Лондонская конвенция 1841 г. (см. примечание 132) и Балта-Ли-

манская конвенция 1849 г. (см. примечание 131). Первая из упомянутых конвенций была заключена без участия Франции, поддерживавшей Мухаммеда-Али, что заставило ее под угрозой образования антифранцузской коалиции отказаться от поддержки правителя Египта и принять участие в выработке Лондонской конвенции 1841 года. Помимо пунктов о военном вмешательстве в турецко-египетский конфликт ультиматума Мухаммеду-Али, предлагавшего ему отказаться в пользу султана от всех владений, кроме Египта, конвенция 1840 г. содержала пункт о коллективной охране Дарданелл и Босфора, который послужил предпосылкой для объявления конвенцией 1841 г. проливов закрытыми для военных судов всех государств.—*326.*

[285] *Редиф* — резервные войска в Оттоманской империи. — *327.*

[286] *Марк-лейн* — хлебная биржа. — *337.*

[287] *Улемы* — высшее сословие богословов и законоведов в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока; улемы пользовались большим влиянием в политической жизни Оттоманской империи. — *339.*

[288] Речь идет о забастовке рабочих машиностроительных заводов, начавшейся в конце декабря 1851 г. и охватившей ряд городов юго-восточной и центральной Англии. Забастовка была организована Объединенным обществом механиков с целью отмены сверхурочных работ и улучшения условий труда. Владельцы предприятий в ответ на забастовку объявили локаут. Продолжавшаяся в течение трех месяцев борьба закончилась победой предпринимателей. Рабочие вынуждены были приступить к работе на прежних условиях. Однако и предприниматели понесли в результате забастовки и локаута значительные материальные потери. — *341.*

[289] Статья в сокращенном виде была перепечатана в нью-йоркской немецкой газете «Reform» от 19 октября 1853 г. под заглавием «Состояние рабочего движения в Англии». — *343.*

[290] *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами. — *346.*

[291] В произведениях более позднего времени Маркс и Энгельс заменили понятия «стоимость труда», «цена труда» более точными понятиями «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы», поскольку Марксом было установлено, что рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу (см. введение Энгельса к работе Маркса «Наемный труд и капитал», издание 1891 года). — *347.*

[292] Имеется в виду передовая статья «Русские планы в Турции», опубликованная в «New-York Daily Tribune» 17 сентября 1853 года. Ссылка на нее, по-видимому, была вставлена в данную статью редакцией газеты. — *350.*

[293] Речь идет об экспедиции турецких войск под командованием Омер-паши в Курдистан в 1846 г. для подавления вспыхнувшего там восстания против султана. Об экспедиции Омер-паши в Черногорию см. примечание 250. — *350.*

[294] А. В. Суворов участвовал в осаде, но не участвовал во взятии Очакова 17 (6) декабря 1788 г. вследствие ранения, полученного им во время осады крепости, а также разногласий с командующим русской армией князем Потемкиным по поводу способа ведения осады. Взятие штурмом турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием Суворова, сыгравшее решающую роль в успешном для России исходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг., произошло 22 (11) декабря 1790 года. — *353.*

[295] Памфлет «Лорд Пальмерстон» — произведение, написанное с целью разоблачения английской олигархии в лице одного из ее наиболее видных представителей, — был задуман Марксом как серия статей, предназначенных для «New-York Daily Tribune». Начав работу над памфлетом в первых числах октября 1853 г., Маркс дал также согласие на одновременное опубликование его в чартистском органе «People's Paper». Однако в то время как чартистская газета стала публиковать статьи Маркса в виде единой серии под общим заглавием «Лорд Пальмерстон», предпосылая каждой статье редакционную пометку: «написано для «New-York Daily Tribune» д-ром Марксом и предоставлено им нам», редакция «Tribune» поместила первую же статью как передовую, без указания имени автора. Этим была предопределена и форма дальнейшей публикации работы внешне не связанными друг с другом статьями. В «People's Paper» в течение 22 октября — 24 декабря 1853 г. было напечатано восемь статей. Последняя статья, как и предыдущие, заканчивалась пометкой: «продолжение следует». Из письма Маркса Энгельсу от 14 декабря 1853 г. видно, что Маркс собирался дать дополнительно статьи о политике Пальмерстона в 1840—1841 гг., во время заключения Лондонских конвенций, а также осветить его позицию во время революций 1848—1849 годов. Однако эти намерения не были выполнены.

В «New-York Daily Tribune» публикация статей Маркса была осуществлена не полностью и затянулась до начала 1854 г., хотя Маркс отправил последнюю статью в Нью-Йорк еще 6 декабря 1853 года. Всего газета опубликовала четыре статьи, все в виде передовых и под разными заглавиями. 19 октября 1853 г. в «Tribune» была опубликована передовая «Пальмерстон», соответствующая статьям первой и второй из серии, напечатанной в «People's Paper»; 4 ноября 1853 г. — передовая «Пальмерстон и Россия», соответствующая статье третьей этой серии; 21 ноября 1853 г. — передовая «Глава современной истории», соответствующая статьям четвертой и пятой; 11 января 1854 г. — передовая «Англия и Россия», соответствующая статье седьмой. Шестая и восьмая статьи серии вообще не были напечатаны в «Tribune». Тексты обеих публикаций не полностью идентичны; При посылке рукописей статей в «Tribune» и «People's Paper» Маркс, очевидно, несколько видоизменял их редакцию, учитывая разную форму публикации памфлета в этих газетах. Публикация «Tribune» кроме того носит следы вмешательства в авторский текст редакторов газеты.

Памфлет против Пальмерстона получил значительное распространение. 26 ноября 1853 г. газета «Glasgow Sentinel» («Глазговский страж») перепечатала из «Tribune» статью «Пальмерстон и Россия» (статья третья из серии «People's Paper»). В декабре 1853 г. лондонский издатель Такер выпустил эту статью отдельной брошюрой под тем же заглавием. В начале 1854 г. вышло второе издание этой брошюры, выпущенное при участии Маркса: в тексте были сделаны исправления и дополнения на основании публикации «People's Paper».

Вскоре Такер издал и другую брошюру «Пальмерстон и Ункяр-Искелесийский договор» (на титульном листе значилось другое заглавие: «Пальмерстон, каковы были его прошлые дела»); брошюра воспроизводила с небольшими изменениями текст четвертой (без 4-х первых абзацев) и пятой статей публикации «People's Paper». Обе брошюры вошли, в качестве №№ 1 и 2, в издававшуюся Такером серию «Political Fly-Sheets» («Политические памфлеты») и в 1855 г. были снова перепечатаны вместе с памфлетами других авторов. В этом издании Такер в своем предисловии упомянул имя Маркса как автора памфлетов № 1 и № 2 (в оглавлении памфлет № 1 — «Пальмерстон и Россия» — значился под измененным заглавием «Пальмерстон и Польша»). Публикации других статей о Пальмерстоне в издании Такера Маркс сам воспрепятствовал, не желая, чтобы его произведения печатались вперемежку с работами Уркарта, включенными в серию «Political Fly-Sheets». По этому поводу Маркс писал в письме к Лассалю от 1 июня 1854 г.: «я не хочу быть причисленным к соратникам этого господина, с которым мы сходимся только в одном—в оценке Пальмерстона; во всем остальном я придерживаюсь диаметрально противоположных мнений, что выяснилось при первом же нашем свидании».

17 ноября 1855 г. и 5 января 1856 г. оппозиционная Пальмерстону газета уркартистов «Sheffield Free Press» («Шеффилдская свободная пресса») поместила две статьи из серии «Лорд Пальмерстон» (статьи третья и шестая публикации «People's Paper»). Первая из этих публикаций была воспроизведена также отдельным изданием в выпуске № 4А выходившей в Шеффилде «Free Press Serials» («Библиотечка «Free Press»»). Почти одновременно все восемь статей серии были напечатаны в пяти номерах (от 29 декабря 1855 г., 5 и 12 января, 9 и 16 февраля 1856 г.) лондонского органа уркартистов «Free Press» («Свободная пресса») и отдельным изданием в виде выпуска № 5 «Free Press Serials» под заглавием «Жизнеописание лорда Пальмерстона». В отдельном издании было указано имя автора.

На немецком языке памфлет Маркса начал публиковаться еще 2 ноября 1853 г. в нью-йоркской «Reform» в сокращенном переводе из «Tribune», сделанном А. Клуссом. В редакционном примечании к началу публикации говорилось: «Большой интерес, который в настоящий момент снова вызывает имя Пальмерстона, побуждает нас предпринять эту обработку из «Tribune». Этот очерк обнаруживает у его автора более чем обычное знание английских дел, и, несмотря на отсутствие подписи, нетрудно догадаться, кем он написан». Статья «Пальмерстон», напечатанная в «Reform» от 2, 3, 4, 8 и 9 ноября, соответствует статьям первой и второй публикации «People's Paper». В феврале 1855 г. Маркс поместил две статьи под заглавием «Лорд Пальмерстон» в бреславльской (вроцлавской) «Neue Oder-Zeitung», представлявшие собой в основном резюме из публикации «People's Paper» и «Tribune». Выдержки из памфлета Маркса (с указанием автора) были также опубликованы немецким публицистом Э. Фишелем в выпущенном им в 1859—1860 гг. в Берлине издании: «Das Neue Portfolio. Eine Sammlung wichtiger Dokumente und Aktenstucke zur Zeitgeschichte», Hefte I und II («Новый портфель. Собрание важнейших документов и материалов по истории современности», тетради I и II).

В 1893 г., после смерти Маркса, статья третья из серии была напечатана на польском языке в седьмом номере журнала «Przedswit» («Рассвет»), издававшемся в Лондоне связанными с Энгельсом польскими социалистами. Седьмая статья была напечатана в 1897 г. —

по тексту «Tribune» и под тем же заглавием («Англия и Россия») — дочерью Маркса Элеонорой в выпущенном ею и Э. Эвелингом сборнике статей Маркса по восточному вопросу (К. Marx. «The Eastern Question»). В 1899 г. в Лондоне вышло подготовленное Элеонорой Маркс отдельное издание всех статей серии: Karl Marx. «The Story of the Life of Lord Palmerston» (К. Маркс. «Жизнеописание лорда Пальмерстона»). На русском языке памфлет Маркса был впервые напечатан в 1924 году.

При работе над памфлетом Маркс исследовал широкий круг источников, в первую очередь так называемые Blue Books (Синие книги) — многотомное периодическое издание материалов английского парламента, а также документов министерства иностранных дел. Им были использованы кроме того отчеты о заседаниях парламента, преимущественно по изданию Хансарда «Parliamentary Debates» («Парламентские дебаты»), различные сборники международных договоров и дипломатических документов, памфлетная литература и обширные материалы из прессы. — *357.*

[296] В связи с обсуждением в английском парламенте в июне 1850 г. вопроса об англо-греческом конфликте, связанном с так называемым «делом Пасифико» (см. примечание 179), внешняя политика правительства, в котором Пальмерстон занимал пост министра иностранных дел, получила одобрение палаты общин; палата лордов, наоборот, большинством в 37 голосов высказалась против позиции, занятой правительством в обсуждавшемся вопросе. Неодобрительное отношение к этой позиции выразили Франция и Россия, которые через своих послов в Лондоне дали почувствовать свое недовольство: французский посол демонстративно выехал из Лондона, русский посол не явился на обед, устроенный Пальмерстоном. — *362.*

[297] В 1815 г. был принят закон, запрещавший ввоз хлеба из-за границы до тех пор, пока цена на хлеб в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартер. В 1822 г. этот закон был несколько видоизменен, а в 1828 г. была введена скользящая шкала, повышавшая ввозные пошлины на хлеб с понижением его цены на внутреннем рынке и понижавшая их с повышением этой цены. Хлебные законы проводились торийскими кабинетами в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Промышленная буржуазия, боровшаяся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли, добилась их отмены в 1846 году. — *362.*

[298] Маркс имеет в виду присутствие в Англии иностранных военных наемников, навербованных в английскую армию во время наполеоновских войн преимущественно в мелких немецких государствах, в частности, в Ганновере — вотчине английских королей Ганноверской династии. — *363.*

[299] Речь идет о бомбардировке Копенгагена, предпринятой англичанами в сентябре 1807 г. с целью предотвращения присоединения Дании к объявленной Наполеоном континентальной блокаде, которая запрещала странам европейского континента вести торговлю с Англией. — *363.*

[300] *Акт о мятежах* (Mutiny Act)—ежегодно принимавшийся парламентом, начиная с 1689 г. до 1881 г., закон, наделявший корону полномочиями содержать постоянную армию и военно-морские

силы в определенных размерах, вводить воинские уставы и распорядки в армии и флоте, применять военные суды и устанавливать систему наказаний за участие в мятежах, неповиновение приказам, нарушение дисциплины и т. п. Поводом для издания первого из таких актов были солдатские волнения в Англии. — *364.*

[301] *Акт о корпорациях* (Corporation Act), принятый английским парламентом в 1661 г., требовал от лиц, занимавших выборные должности (имелись в виду, главным образом, органы городского управления), признания догматов англиканской церкви.

Акт о присяге (Test Act) 1673 г. требовал того же от всех лиц, занимавших государственные должности.

Направленные в свое время против католической реакции, эти акты превратились впоследствии в орудие борьбы против какой-либо оппозиции официальной англиканской церкви и в средство защиты привилегий последней. — *365.*

[302] *Диссентеры* — представители религиозных сект и течений, отступающих в той или иной мере от догматов официальной англиканской церкви. — *365.*

[303] *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений политических прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности; одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев, расколов таким образом ирландское национальное движение. — *365.*

[304] Речь идет о широкой кампании за парламентскую реформу (о ней см. примечание 138), развернувшейся в Англии за несколько лет до проведения реформы в 1832 году. — *368.*

[305] В конфликте из-за «святых мест» (см. примечание 101), использованном Францией и царской Россией как предлог для борьбы за гегемонию на Ближнем Востоке, одним из предметов спора явился вопрос, католическому или православному духовенству должны принадлежать ключи от храма «гроба господня» в Иерусалиме и право следить за сохранностью купола этого храма. — *371.*

[306] О *Лондонском договоре (конвенции) от 6 июля 1827 г.* см. примечание 47.— *372.*

[307] *Аккерманская конвенция* — соглашение, подписанное Россией и Турцией 7 октября (25 сентября) 1826 года. По этому соглашению турецкое правительство обязалось строго соблюдать прежние договоры, заключенные с Россией, и предоставить свободу навигации для русских торговых судов в турецких водах, а также отказалось от притязаний на отошедшие к России в результате русско-турецкой войны 1806— 1812 гг. пункты на кавказском побережье Черного моря. Конвенция подтверждала признание султаном автономии Сербии и предусматривала избрание господарей Молдавии и Валахии из числа местных бояр. Аккерманская конвенция не касалась греческого вопроса. На этом

основании накануне русско-турецкой войны 1828—1829 гг. турецкие официальные круги, разорвав эту конвенцию, выдвинули версию о том, что Россия отказывалась по ней от вмешательства в греческие дела и своей помощью грекам якобы нарушила это обязательство. Однако в действительности «незаинтересованность в греческих делах» была декларирована царским правительством не при заключении Аккерманской конвенции, а за несколько месяцев до этого. — *372.*

[308] J. McNeill. «Progress and present position of Russia in the East». London, 1836, pp. 105—107 (Дж. Мак-Нейл. «Продвижение и современное положение России на Востоке». Лондон, 1836, стр. 105—107). — *372.*

[309] В «New-York Daily Tribune» от 19 октября 1853 г. статья заканчивалась следующими словами, по-видимому, добавленными редакцией газеты: «В этом высказывании недвусмысленно давалось понять, что в лице лорда Пальмерстона отнюдь не представлена свобода, честность и все лучшее, что свойственно Англии. Каким благородный лорд был в ту пору и в описанный нами самый ранний период своей карьеры, таким он остается и в наши дни, и всякий, кто его знает, не может в момент настоящего серьезного кризиса ожидать от него чего-либо другого, кроме фальшивых услуг делу справедливости и прав человека. Нерассказанную нами часть его политической биографии мы оставляем до другого раза; к сожалению, она не является лучшей частью». — *373.*

[310] Отказ миланцев повиноваться Фридриху I Барбароссе имел место в 1159 г. в связи с попытками этого императора ликвидировать городские вольности городов Северной Италии и подчинить их своей власти. Длительная борьба, последовавшая за этим, завершилась, несмотря на разрушение Милана в 1162 г., победой городов.—*375.*

[311] О *Лондонской конвенции 15 июля 1840 г.* см. примечание 284. — *381.*

[312] О Краковском восстании см. примечание 259; относительно упоминаемых ниже галицийских событий см. примечание 16. — *382.*

[313] Вероятно, имеется в виду «Oesterreichisch Kaiserliche Wiener Zeitung» («Австрийская императорская венская газета») — официальная правительственная газета, выходившая под данным названием в 1780—1931 годах. — *382.*

[314] В 1846 г. правительству Гизо удалось добиться заключения брака младшего сына французского короля Луи-Филиппа — герцога Монпансье — с испанской инфантой Марией-Луизой-Фернандой и расстроить проектировавшийся Англией брачный союз принца Леопольда Кобургского с испанской королевой Изабеллой II. Борьба между английским и французским правительствами вокруг этих брачных проектов достигла большой остроты, и после победы в этом вопросе французской дипломатии Пальмерстон усиленно искал повода взять за нее реванш. —*383.*

[315] *Утрехтский договор 1713 г.* — один из мирных договоров, заключенных между Францией и Испанией, с одной стороны, и государствами — участниками антифранцузской коалиции (Англией, Голландией, Португалией, Пруссией и австрийскими Габсбургами), с другой, и за-

вершивших длительную войну за испанское наследство (началась в 1701 году). По договору испанский престол сохранялся за французским претендентом внуком Людовика XIV Филиппом Бурбоном, но французский король должен был отказаться от своих планов соединения французской и испанской монархий и отречься за себя и за своих наследников из французской ветви Бурбонов от прав на испанскую корону. Договор санкционировал переход ряда французских и испанских колоний в Вест-Индии и Северной Америке, а также Гибралтара к Англии.

Обвиняя в 1846 г. Францию в нарушении Утрехтского договора, Пальмерстон имел в виду замысел Луи-Филиппа создать посредством брака своего младшего сына с испанской инфантой новую перспективу соединения обеих монархий. — *38 3.*

[316] Цитируемое ниже выступление Пальмерстона в палате общин по поводу блокады портов Мексики французским флотом в 1838—1839 гг. имело место 19 марта 1839 года.

Блокада Буэнос-Айреса англо-французским флотом была начата в 1845 г. с целью заставить аргентинское правительство открыть для иностранных судов Парану и другие реки. Англия и Франция достигли этой цели в 1852 г., вынудив Аргентину подписать соответствующий договор.— *383.*

[317] Имеется в виду буржуазная революция 1830 г. в Бельгии. — *384.*

[318] Союзные отношения, установившиеся между Англией и Францией после июльской революции и известные под названием «сердечного согласия» («entente cordiale»), получили договорное оформление с заключением в апреле 1834 г. так называемого *четверного союза* между Англией, Францией, Испанией и Португалией. При заключении этого договора, однако, обнаружились противоречия между интересами Англии и Франции, которые в дальнейшем продолжали обостряться. Договор, формально направленный против абсолютистских «северных держав» (России, Австрии и Пруссии), на самом деле позволил Англии под предлогом оказания военной помощи испанскому и португальскому правительствам в борьбе против претендентов на престол, дон Мигела в Португалии и дон Карлоса в Испании, укрепить свои позиции в этих двух странах. — *287.*

[319] Имеется в виду сражение при Бейлане (Сирия) в конце июля 1832 г., в котором египетские войска под командованием Ибрагим-паши наголову разбили армию султана и заставили ее очистить Сирию. Последовавшее затем вступление египетских войск в Малую Азию и разгром турецкой армии в декабре 1832 г. при Конье определило победу Египта в египетско-турецкой войне 1831—1833 года. В апреле 1833 г. по миру, заключенному в Кютахье, египетский паша Мухаммед-Али был по существу признан независимым правителем Египта и Сирии. — *391.*

[320] Маркс цитирует речь радикального депутата Ансти в палате общин 8 февраля 1848 года. — *396.*

[321] Речь идет о русско-турецком договоре 29 (17) января 1834 г., уточнившем некоторые статьи Адрианопольского договора 1829 года. Договор уменьшил сумму ежегодных платежей Турции в счет контрибуции, наложенной на нее Адрианопольским договором, и сократил общую сумму контрибуции на 2 млн. дукатов. — *396.*

[322] *«Journal de Saint-Petersbourg»* («Санкт-Петербургская газета») — ежедневная газета, официальный орган министерства иностранных дел; издавалась под этим названием на французском языке в 1825—1914 годах. — *399.*

[323] *«Civis romanus sum»* — см. примечание 179. — *399.*

[324] D. Urquhart. «Progress of Russia in the West, North, and South». London, 1853, p. 406 (Д. Уркарт. «Продвижение России на запад, север и юг». Лондон, 1853, стр. 406). В 1853 г. вышло несколько изданий этой работы; страница дается по второму изданию. — *407.*

[325] В «New-York Daily Tribune» от 11 января 1854 г. статья начиналась следующими словами: «Отставка лорда Пальмерстона, кажется, вызвала в Англии весь тот чудодейственный эффект, который он от нее мог ожидать. Все более энергично проявляется негодование публики против кабинета, который он покинул и политику которого он во всех случаях самым решительным образом поддерживал до последней минуты, пока он был с ним связан. И в то же время те самые партии, которые громко клеймят коалицию, соревнуются между собой в восхвалении Пальмерстона. С одной стороны, они призывают к энергичному и достойному отпору посягательствам России, но с другой стороны, они как будто бы ничего так страстно не желают, как возвращения своего любимого государственного деятеля на пост руководителя. Так этот искуснейший и неутомимый актер морочит весь мир. Это все было бы занимательным зрелищем, не будь здесь затронуты слишком важные интересы. Насколько глубоко укоренилось заблуждение, мы уже имели случай показать, а сейчас мы предлагаем ниже дополнительные доказательства, подтверждающие ту истину, что по той или другой причине Пальмерстон постоянно содействовал продвижению России и использовал Англию в этих целях. Всякий, кто захочет заглянуть за кулисы сцены, на которой происходят текущие события, и дать событиям и людям оценку в соответствии с их действительным значением, найдут, мы полагаем, кое-что поучительное в нашем изложении».

Эти слова не могли принадлежать к тексту данной статьи Маркса, так как последние статьи из серии «Лорд Пальмерстон» были посланы им в редакцию «Tribune» не позднее 6 декабря 1853 г., не менее чем за 10 дней до ухода Пальмерстона в кратковременную отставку (16 декабря 1853 г.). Публикуя эту статью со значительной задержкой, 11 января 1854 г., редакция газеты сделала к ней добавление, текст которого, возможно, был заимствован из другой, более поздней статьи Маркса, отправленной, судя по пометке в записной книжке Женни Маркс, в Нью-Йорк 20 декабря 1853 г. и посвященной откликам английской прессы на отставку Пальмерстона. Статья от 20 декабря 1853 г. не была опубликована в «New-York Daily Tribune» и рукопись ее до нас не дошла. — *408.*

[326] Цитируется книга: Kupfer. «Voyage dans les environs du Mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par ordre de Sa Majeste l'Empereur; en 1829. Rapport fait a l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg». St.-Petersbourg, 1830, p. 4 (Купфер. «Путешествие в окрестности горы Эльбрус на Кавказе, предпринятое по повелению его величества императора в 1829 году. Доклад, сделанный в императорской Академии наук в С.-Петербурге». С.-Петербург, 1830, стр. 4).— *409.*

327 О Петербургском протоколе от 4 апреля 1826 г. и Лондонском договоре (конвенции) от 6 июля 1827 г. см. примечание 47.

В протоколе от 4 апреля 1826 г. подписавшие его царская Россия и Англия, стремясь замаскировать истинные цели своего вмешательства в греко-турецкий конфликт на стороне Греции, заявляли, что они не ищут для себя ни расширения территории за счет Турции, ни исключительного влияния, ни особых торговых преимуществ во владениях султана. Подобные же декларации были повторены при заключении Лондонского договора 6 июля 1827 г., подписанного Англией, Россией и Францией. — *409.*

328 Маркс цитирует речь Патрика Стюарта в палате общин 20 апреля 1836 года. — *411.*

329 Обещанная статья в «New-York Daily Tribune» не была опубликована, хотя, как это видно из записной книжки Женни Маркс, она была послана Марксом в Нью-Йорк уже 6 декабря 1853 года. В «People's Paper» она была напечатана 24 декабря 1853 г. в качестве восьмой статьи серии «Лорд Пальмерстон». — *415.*

330 *«The London Gazette»* («Лондонская газета») — английский правительственный орган; выходит под данным названием 2 раза в неделю с 1666 года. — *420.*

331 *«Комитет Ллойда»* — морское страховое и регистрационное общество в Лондоне. — *424.*

332 Статья была в сокращенном виде перепечатана в нью-йоркской немецкой газете «Reform» от 24 и 25 октября 1853 г. под заглавием «Положение в Англии».—*426.*

333 Имеется в виду нота Решид-паши от 19 августа 1853 г. представителям Австрии, Англии, Франции и Пруссии, в которой сообщалось, что турецкое правительство примет Венскую ноту (о ней см. примечание 223) только при условии внесения в нее ряда изменений и оговорок. Решид-паша, в частности, настаивал на предварительной эвакуации Россией Дунайских княжеств. — *426.*

334 В сентябре 1853 г. в Ольмюце (Оломоуце) состоялось свидание Николая I и австрийского императора Франца-Иосифа, в результате которого австрийским правительством была сделана неудачная попытка побудить западные державы предпринять новый шаг к урегулированию русско-турецкого конфликта на основе безоговорочного принятия султаном Венской ноты. В беседах с Францем-Иосифом Николай I пытался уверить последнего, что русские войска в Дунайских княжествах не будут форсировать Дунай и ограничатся оборонительными действиями на его левом берегу. — *428.*

335 *«Мениппова сатира»* — анонимный политический памфлет, опубликованный во Франции в 1594 г. и направленный против Католической лиги (основана в 1576 г., в период гугенотских войн), феодально-аристократические вожди которой стремились к ослаблению королевской власти и к утверждению неограниченных привилегий католической знати. Название памфлета заимствовано у римского писателя Варрона (I в. до н. э.), писавшего свои «Менипповы сатиры» в подражание древнегреческому философу Мениппу. — *431.*

[336] Имеется в виду героическое восстание рабочих Парижа в июне 1848 г., с исключительной жестокостью подавленное французской буржуазией. Восстание явилось первой в истории великой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией. — *438.*

[337] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без части, относящейся к экономическому положению Франции (см. настоящий том, стр. 437—439). — *435.*

[338] Речь идет о столкновении 29 марта 1848 г. бельгийского республиканского легиона, направлявшегося из Франции на родину, с отрядом бельгийских солдат близ французской границы, у деревни Рискон-Ту. Этот факт явился поводом для судебного процесса в Антверпене (так называемого процесса Рискон-Ту), сфабрикованного правительством бельгийского короля Леопольда I с целью расправы с демократами. Делеклюз в то время являлся правительственным комиссаром пограничного с Бельгией департамента Нор, через который проходил бельгийский легион. — *440.*

[339] Речь идет об укрепленном лагере у города Торрес-Ведрас (Торриж-Ведраш,, Португалия), устроенном в 1810 г. по приказу Веллингтона для прикрытия Лиссабона от французских войск. — *445.*

[340] Во время кампании 1815 г. в Бельгии Наполеон, нанеся 16 июня поражение пруссакам при Линьи, рассчитывал изолировать их от англоголландской армии Веллингтона и разбить союзников порознь. Однако в решающем сражении при Ватерлоо 18 июня 1815 г., когда французы атаковали армию Веллингтона и пытались охватить ее фланги, прусские войска под командованием Блюхера, сумев уйти от преследования, подоспели на поле сражения и решили его исход в пользу союзников.— *446.*

[341] *Взятие Эрзерума,* важной турецкой крепости на Кавказе, русскими войсками под командованием Паскевича произошло в июне 1829 года. Это событие сыграло крупную роль в успешном для России завершении русско-турецкой войны 1828—1829 годов. — *450.*

[342] Вскоре после начала военных действий на Дунае командующий русскими войсками Горчаков приказал перебросить часть дунайской флотилии из Измаила в район Браилова (Браилы) и Галаца. 23 (11) октября 1853 г., когда два русских парохода и восемь канонерских лодок проходили мимо занимаемой турками крепости Исакчи, произошла артиллерийская перестрелка. От огня русской корабельной артиллерии и орудий, установленных на берегу, турецкий гарнизон понес значительные потери. — *454.*

[343] *Сераскират* — военное министерство Оттоманской империи. — *454.*

[344] Имеется в виду Комитет на улице Пуатье — руководящий орган так называемой партии порядка, представлявшей собой коалицию двух монархических фракций Франции: легитимистов (сторонников династии Бурбонов) и орлеанистов (сторонников династии Орлеанов). Эта партия крупной консервативной буржуазии, возникшая в 1848 г., занимала с 1849 г. вплоть до государственного переворота 2 декабря 1851 г. руководящее положение в Законодательном собрании Второй

республики. Банкротство ее антинародной политики было использовано кликой Луи Бонапарта в бонапартистских целях. Генерал Бараге д'Илье, поддерживавший в годы республики Комитет на улице Пуатье, накануне государственного переворота 2 декабря 1851 г. перешел на сторону бонапартистов. — *454.*

[345] В начале августа 1842 г. в ряде промышленных округов Англии, особенно в Ланкашире, вспыхнули забастовки и рабочие волнения. Фритредерски настроенная буржуазия, стремившаяся использовать движение рабочих для давления на правительство с целью отмены хлебных законов, во многих случаях сама подстрекала рабочих к выступлению. Однако испугавшись широкого размаха забастовок и волнений и убедившись, что рабочие преследуют собственные цели, она поддержала кровавые репрессии против рабочих. Подробное описание этих событий содержится в работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и в его статье «История английских хлебных законов» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 454—457 и т. 4, стр. 515—-520). — *455*.

[346] Речь идет о выступлениях Брайта и Кобдена на организованной фритредерским Обществом мира конференции в Эдинбурге, отчет о которой был напечатан в «Times» 14 октября 1853 года. — *456.*

[347] Маркс цитирует статью «Что дешево и что дорого», опубликованную в «People's Paper» 29 октября 1853 года. — *457.*

[348] *«Weekly Dispatch»* («Еженедельное сообщение») — английская еженедельная газета; выходила под данным названием в Лондоне в 1801—1928 годах; в 50-х годах XIX в. придерживалась радикального направления — *459.*

[349] Часть данной статьи была перепечатана в нью-йоркской немецкой» газете «Reform» 19 ноября 1853 г. под заглавием «Персия, Россия и Дания».

В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья была напечатана без части, относящейся к персидской и русской экспедициям, событиям в Дании и военным действиям на Дунае и в Азии (см. настоящий том, стр. 463—465).— *463*.

[350] Имеются в виду военные действия, предпринятые иранской армией с целью присоединения Герата, являвшегося узлом торговых путей, за обладание которым велись многочисленные войны между Афганистаном и Ираном. Взятие Герата, иранскими войсками в октябре 1856 г. было использовано английскими колонизаторами для развязывания войны против Ирана, в результате которой шах должен был эвакуировать Герат. В 1863 г. Герат был присоединен к владениям афганского эмира. — *463.*

[351] В 1853 г. царское правительство организовало военную экспедицию в Казахстан, вверх по Сыр-Дарье, под командованием оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского. Экспедиция была направлена против Кокандского ханства, захватившего казахские земли (в статье Маркса неточно указана Хива), и привела к основанию русскими Сыр-Дарьинской военной линии, которая послужила одним из плацдармов для последующего наступления царской России против среднеазиатских Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств. — *463.*

[352] Имеется в виду датское правительство, образованное 22 марта 1848 г. в результате революционного подъема в стране, нашедшего свое выражение в массовых манифестациях в копенгагенском театре «Казино». В состав нового правительства наряду с консерваторами вошли представители буржуазно-либеральной партии «эйдерменовцев» (или «эйдердатчан»), выступавшей за общую для Дании и герцогства Шлезвиг (до реки Эйдер) конституцию с выделением герцогства Гольштейн в самостоятельную область. Мартовское буржуазное правительство Дании заняло шовинистическую позицию по отношению к национально-освободительному движению в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн и боролось против воссоединения этих немецких областей с Германией. — *464.*

[353] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов (о них см. примечание 297) с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм).

Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. — *467.*

[354] *Сражение при Йене* между французской армией под командованием Наполеона и прусскими войсками произошло 14 октября 1806 года. Закончившееся разгромом прусской армии, это сражение повлекло за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией. — *472.*

[355] При Цюрихе 25—26 (14—15) сентября 1799 г. французская армия под командованием Массены нанесла поражение русскому корпусу генерала Римского-Корсакова. Это поражение поставило русские войска под командованием Суворова, двигавшиеся из Северной Италии на соединение с корпусом Римского-Корсакова, в крайне тяжелое положение. Однако, несмотря на значительный перевес сил противника, войска Суворова сумели нанести французам ряд ударов и пробиться в район Верхнего Рейна. Высокую оценку швейцарского похода русских войск Энгельс дал в 1859 г. в своей работе «По и Рейн», назвав в ней переход Суворова через Альпы «самым выдающимся из всех современных альпийских переходов». — *475.*

[356] Написанная Энгельсом статья «Поражение русских» была, как это видно из записной книжки Женни Маркс, направлена в редакцию «New-York Daily Tribune» вместе со статьей Маркса «Рабочий вопрос» (см. настоящий том, стр. 479—482) в качестве единой корреспонденции. Однако редакция газеты разделила эту корреспонденцию на две части и опубликовала в одном номере (от 28 ноября) текст, написанный Энгельсом, в виде передовой, а текст, написанный Марксом, в виде самостоятельной статьи за его подписью.

В статье Энгельса имеются неточности, источником которых является неправильная информация, имевшаяся в его распоряжении. Неточно определено соотношение сил противников на Дунае во время

упомянутых боев при Калафате и Олтенице; общее командование русскими частями при Олтенице принадлежало Данненбергу, а не Павлову; Гайон и Исмаил-паша—разные лица, а не одно лицо, как указано в статье. Позднее на основании более точных сведений Энгельс иначе, чем в данной статье, оценил не только соотношение сил боровшихся сторон, но и качества военного руководства турецкой армией, а также результаты боев при Калафате и Олтенице (см. статьи «Ход турецкой войны» и «Война на Дунае» в настоящем томе, стр. 491—496, 536—543).-*476*.

[357] В *сражении при Новаре* в Северной Италии 23 марта 1849 г. австрийская армия под командованием Радецкого нанесла решающее поражение пьемонтской армии. Последствием этого поражения было восстановление австрийского господства в Северной Италии. В ходе этой кампании австрийский командующий умело использовал распыление сил пьемонтцев, допущенное пьемонтским генералом Раморино. —*478.*

[358] Критикуемая Марксом статья была напечатана в «Economist» 5 ноября 1853 года. — *479.*

[359] *«Preston Pilot»* («Престонский кормчий») — английская еженедельная газета, издавалась в Престоне в 1825—1888 годах. — *481.*

[360] Маркс цитирует речь Джонса на рабочем митинге в Престоне 4 ноября 1853 г., подробный отчет о котором был опубликован в «People's Paper» 12 ноября 1853 года.

Маркс, вероятно, имел возможность познакомиться с текстом этой речи еще до выхода упомянутого номера «People's Paper», так как он использовал его в данной статье, написанной 11 ноября. — *482.*

[361] Критикуемая Марксом статья была напечатана в «Economist» 12 ноября 1853 года. — *483.*

[362] *Комитет общественного спасения* — центральный орган революционного правительства Франции в период якобинской диктатуры (2 июня 1793—27 июля 1794 гг*.). — 488.*

[363] В связи с подъемом массового забастовочного движения английского пролетариата в 1853 г. группа чартистов во главе с Джонсом выдвинула идею создания широкой рабочей организации «Массовое движение», которая должна была объединить и тред-юнионы и неорганизованных рабочих, в первую очередь с целью координации забастовок в различных районах страны. Организацию должен был возглавить периодически созываемый Рабочий парламент из делегатов, избранных на митингах неорганизованных рабочих и на собраниях тред-юнионов, примкнувших к «Массовому движению». Рабочий парламент был созван в Манчестере 6 марта 1854 г. и заседал до 18 марта. Он обсудил и принял программу «Массового движения» и создал Исполнительный комитет из 5 человек. Маркс, избранный почетным делегатом, прислал письмо (см. настоящее издание, т. 10), в котором сформулировал как первоочередную задачу английского рабочего движения — задачу создания самостоятельной массовой политической партии. Придавая большое значение созыву Рабочего парламента, Маркс видел в этом попытку вывести рабочее движение Англии из узких рамок тред-юнионизма, шаг к соединению экономической борьбы с политической.

Попытка организовать «Массовое движение», однако, не у далась, так как большинство лидеров тред-юнионов, отрицательно относившихся к политической борьбе, не поддержало идею создания единой массовой рабочей организации. Спад забастовочного движения к лету 1854 г. также отрицательно сказался на участии в движении широких масс. После марта 1854 г. Рабочий парламент больше не собирался. —*489.*

[364] Имеется в виду английский парламент; в помещения церкви св. Стефана (Вестминстерский дворец) с 1547 г. происходят заседания палаты общин. — *489.*

[365] Памфлет К. Маркса «Рыцарь благородного сознания», написанный в ноябре 1853 г. и опубликованный при содействии А. Клусса и И. Вейдемейера отдельной брошюрой в Нью-Йорке в январе 1854 г., явился ответом на клеветническую статью А. Виллиха «Доктор Карл Маркс и его «Разоблачения»», которая была помещена в газете «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» за 28 октября и 4 ноября 1853 года. Памфлет Маркса является отражением той борьбы, которую пролетарские революционеры вели против неустойчивых мелкобуржуазных элементов, примкнувших к рабочему движению. В своем памфлете Маркс выступает с опровержением измышлений Виллиха, стремившегося поставить под сомнение справедливость критики, которой Маркс в работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» подверг сектантскую деятельность фракции Виллиха— Шаппера. Касаясь подлинных причин раскола в Союзе коммунистов, Маркс разоблачает авантюристскую, сектантскую тактику этой фракции. Отдельные места для своего памфлета Маркс заимствовал из написанной им вместе с Энгельсом в мае — июне 1852 г. работы «Великие мужи эмиграции», которая при жизни Маркса и Энгельса опубликована не была (см. настоящее издание, том 8, стр. 247—352).—*497.*

[366] C. v. Decker. «Der kleine Krieg, im Geiste der neueren Kriegfuhrung. Oder: Abhandlung uber die Verwendung und den Gebrauch aller drei Waffen im kleinen Kriege». Berlin und Posen, 1822 (К. фон Деккер. «Малая война, в свете новейшего ведения войны. Или: Трактат о применении и использовании всех трех родов войск в малой войне». Берлин и Познань, 1822). —*501.*

[367] G. W. F. Hegel. «Phanomenologie des Geistes». Bamberg und Wurzburg, 1807 (Г. В. Ф. Гегель. «Феноменология духа». Бамберг и Вюрцбург, 1807). См. раздел «Die Bildung und ihr Reich der Wirklichkeit», S. 435—474 («Образование и царство его действительности», стр. 435—474). —*501.*

[368] Работа *«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»* (см. настоящее издание, том 8, стр. 423—491), написанная Марксом в конце октября — начале декабря 1852 г., представляет собой боевой памфлет, в котором Маркс заклеймил подлые методы расправы прусского полицейского государства с деятелями коммунистического движения. Памфлет в январе 1853 г. был напечатан отдельной брошюрой в Швейцарии, в Базеле. В США работа первоначально печаталась по частям бостонской «Neu England-Zeitung» («Газета Новой Англии»), а в конце апреля 1853 г. была опубликована в издательстве этой газеты отдельной брошюрой. В памфлете «Рыцарь благородного сознания» Маркс везде цитирует «Разоблачения» по брошюре, изданной в Бостоне. — *501.*

[369] *«Neu England-Zeitung»* («Газета Новой Англии») — демократическая газета, издававшаяся на немецком языке в Бостоне (США) немецкими

эмигрантами, была основана в 1852 году. В газете сотрудничал И. Вейдемейер. — *501.*

[370] См. настоящее издание, т. 8, стр. 434 и 482. — *502.*

[371] В нью-йоркском издании 1854 г. к этому месту было дано следующее подстрочное примечание издателя: «Г-н Блюм находится не в Австралии, а в Филадельфии, и при основании Американского рабочего союза он фигурировал в правлении последнего в качестве агента Виллиха». —*502.*

[372] См. настоящее издание, т. 8, стр. 485, примечание.— *502.*

[373] *Черный кабинет* — тайное учреждение при почтовых ведомствах Франции, Пруссии, Австрии и ряда других государств, занимавшееся перлюстрацией писем. Существовал со времен абсолютистских монархий в Европе.—*503.*

[374] См. настоящее издание, т. 8, стр. 430. — *503.*

[375] Имеется в виду *Союз коммунистов* — первая международная коммунистическая организация пролетариата. Созданию Союза коммунистов предшествовала большая работа Маркса и Энгельса, направленная на идейное и организационное сплочение социалистов и передовых рабочих различных стран. С этой целью в начале 1846 г. ими был организован в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет. Маркс и Энгельс отстаивали идеи научного коммунизма в упорной борьбе против грубо-уравнительного коммунизма Вейтлинга, «истинного социализма» и мелкобуржуазных утопий Прудона, которые оказывали влияние, в частности, на членов Союза справедливых — заговорщической организации рабочих и ремесленников, имевшей свои общины в Германии, Франции, Швейцарии и Англии. Лондонское руководство Союза справедливых, убедившись в правильности взглядов Маркса и Энгельса, предложило им в конце января 1847 г. вступить в Союз, принять участие в его реорганизации, а также разработать программу Союза, основанную на провозглашенных ими принципах. Маркс и Энгельс дали на это свое согласие.

В начале июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза справедливых, вошедший в историю как первый конгресс Союза коммунистов. В работе конгресса приняли участие Энгельс и В. Вольф. На конгрессе организация была переименована в Союз коммунистов, прежний расплывчатый лозунг — «Все люди — братья!» — был заменен боевым интернационалистским лозунгом пролетарской партии _ «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Конгресс рассмотрел также «Устав Союза коммунистов», в разработке которого принял деятельное участие Энгельс. В новом уставе были четко определены конечные цели коммунистического движения, устранены пункты, придававшие организации заговорщический характер; в основу организации Союза были положены демократические принципы. Окончательно устав был утвержден на втором конгрессе Союза коммунистов (см. настоящее издание, том 4, стр. 524—529). В работе второго конгресса, состоявшегося в Лондоне 29 ноября — 8 декабря 1847 г., приняли участие Маркс и Энгельс. В многодневных прениях они отстаивали принципы научного коммунизма, которые были приняты конгрессом единогласно. По поручению конгресса Марксом и Энгельсом был написан

программный документ — «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, том 4, стр. 419—459), опубликованный в феврале 1848 года.

С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. В состав Центрального комитета избирается также Энгельс. Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Центральный комитет организует возвращение на родину нескольких сотен немецких рабочих, в большинстве членов Союза коммунистов, для участия в начавшейся германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, том 5, стр. 1—3).

По приезде в Германию в начале апреля 1848 г. Маркс и Энгельс и их сторонники убедились в том, что ввиду отсталости Германии, разобщенности и недостаточной политической сознательности немецких рабочих две—три сотни членов Союза коммунистов, рассеянных по всей стране, не в состоянии оказать заметное воздействие на широкие народные массы. В связи с этим Маркс и Энгельс признали необходимым выступить на крайнем левом, фактически пролетарском, фланге демократического движения. Они вошли в кёльнское Демократическое общество и рекомендовали своим сторонникам вступать в демократические организации, чтобы отстаивать в них позиции революционного пролетариата, критиковать непоследовательность и колебания мелкобуржуазных демократов, толкать их на решительные действия. Вместе с тем Маркс и Энгельс направляли внимание своих сторонников на организацию рабочих обществ, на политическое воспитание пролетариата, на создание предпосылок для образования массовой пролетарской партии. Руководящим и направляющим центром для членов Союза коммунистов явилась теперь редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung» (см. примечание 97). В конце 1848 г. лондонский Центральный комитет Союза сделал попытку восстановить прерванные связи и направил в качестве эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Лондонским Центральным комитетом были внесены изменения в устав 1847 г., ослабляющие принципиальное значение этого документа. Так, вместо свержения буржуазии, установления господства пролетариата и построения бесклассового коммунистического общества целью Союза провозглашалось основание социальной республики. Миссия Молля в Германии зимой 1848—1849 гг. не увенчалась успехом.

В апреле 1849 г. Маркс, Энгельс и их сторонники вышли из Демократического общества. Политический опыт, приобретенный рабочими массами, разочарование их в мелкобуржуазной демократии — все это позволяло теперь практически ставить вопрос о создании самостоятельной пролетарской партии. Но осуществить этот план Марксу и Энгельсу не удалось. Вскоре началось восстание в Юго-Западной Германии, поражение которого явилось концом германской революции.

В ходе революции обнаружилось, что воззрения Союза коммунистов, изложенные в «Манифесте Коммунистической партии», оказались единственно правильными и что Союз был прекрасной школой революционной деятельности: его члены повсюду энергично участво-

вали в движении, отстаивая в печати, на баррикадах и на полях сражений позиции наиболее революционного класса — пролетариата.

Поражение революции нанесло тяжелый удар Союзу коммунистов. Многие члены Союза находились в тюремном заключении или в эмиграции, были утрачены адреса, нарушены связи, общины повсеместно перестали функционировать. Значительный урон потерпела также организация Союза за пределами Германии.

Осенью 1849 г. большинство руководящих деятелей Союза собралось в Лондоне. Усилия руководимого Марксом и Энгельсом нового, реорганизованного Центрального комитета привели к восстановлению прежней организации и к оживлению деятельности Союза коммунистов весной 1850 года. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» (см. настоящее издание, том 7, стр. 257—267) подводились итоги революции 1848—1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной, независимой от мелкой буржуазии партии пролетариата. В «Обращении» впервые была сформулирована идея непрерывной революции. С марта 1850 г. издается новый орган коммунистической пропаганды «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonoinische Revue».

Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха— Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных закономерностей и реальной политической обстановки в Европе. В противовес этому Маркс и Энгельс всемерно подчеркивали в качестве важнейшей задачи Союза коммунистов в обстановке наступления реакции пропаганду научного коммунизма и подготовку кадров пролетарских революционеров для будущих революционных боев. Раскольническая деятельность фракции Виллиха — Шаппера привела к разрыву с этой фракцией в середине сентября 1850 года. На заседании 15 сентября 1850 г. (см. настоящее издание, т. 8, стр. 581—585) по предложению Маркса полномочия Центрального комитета были переданы Кёльнскому окружному комитету. Общины Союза коммунистов в Германии повсеместно одобрили решение большинства лондонского Центрального комитета. По указанию Маркса и Энгельса новый Центральный комитет в Кёльне составил в декабре 1850 г. новый устав Союза (текст его с пометками Маркса см. в 7 томе настоящего издания, стр. 565—568). Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г., вскоре после кёльнского процесса коммунистов, Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске.

Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала). — *503.*

[376] B. Bauer. «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker». Bd. 1—2, Leipzig, 1841; Bd. 3, Braunschweig, 1842 (Б. Бауэр, «Критика евангельской истории синоптиков». Тт. 1—2, Лейпциг, 1841; т. 3, Брауншвейг, 1842). Синоптиками в литературе по истории религии называют составителей трех первых евангелий. Маркс имеет в виду содержащуюся в книге Бауэра критику грубых противоречий между

евангельскими версиями и действительными историческими событиями.—*506.*

[377] Текст протокола заседания Центрального комитета Союза коммунистов от 15 сентября 1850 г., на котором произошел раскол в Союзе, см. в 8 томе настоящего издания, стр. 581—585. Текст заявления Маркса и Энгельса и их сторонников от 17 сентября 1850 г. о выходе из лондонского Просветительного общества немецких рабочих, находившегося на Грейт-Уиндмилл-стрит, см. в 7 томе настоящего издания, стр. 438.

Лондонское *Просветительное общество немецких рабочих* было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха — Шаппера) Общество стало на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Просветительного общества. Общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами.—*506.*

[378] Намек на древнегреческую комическую поэму неизвестного автора «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия»), представляющую собой пародию на эпос Гомера.—*506.*

[379] Речь идет о попытках Кинкеля и других руководителей Эмигрантского клуба организовать так называемый «немецко-американский революционный заем», для распространения которого среди американцев немецкого происхождения Кинкель приехал в сентябре 1851 г. в США. Заем предназначался для того, чтобы немедленно вызвать революцию в Германии. Соперничавший с Эмигрантским клубом Агитационный союз, возглавляемый Руге, также направил своего представителя в США для сбора революционного фонда. Попытка распространения «революционного займа» потерпела провал. Маркс и Энгельс в ряде своих произведений резко высмеяли авантюризм этой затеи Кинкеля, рассматривая ее как одну из вредных и бесплодных попыток искусственно вызвать революцию в обстановке спада революционного движения. — *506.*

[380] *Святой Грааль* — согласно средневековой легенде, драгоценная чаша, обладающая чудодейственной силой. — *506.*

[381] Маркс иронически сравнивает Арнольда Руге с Арнольдом Винкельридом — полулегендарным швейцарским воином, участником освободительной войны против австрийского гнета; согласно преданию, во время сражения швейцарцев с войсками австрийского герцога Леопольда III при Земпахе (кантон Люцерн) 9 июня 1386 г. Винкельрид ценой самопожертвования решил исход битвы в пользу швейцарцев. — *506.*

[382] Имеется в виду преследование участников оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией. Многие члены студенческих гимназических обществ, возникших еще в период борьбы с Наполеоном, после Венского конгресса выступали против реакционного строя немецких государств, организовывали политические манифестации, на которых выдвигались требования объединения Германии. Убийство в 1819 г. студентом Зандом сторонника Священного союза и царского агента Коцебу послужило предлогом для репрессий против «демагогов», как были названы участники этого оппозиционного движения в постановлениях Карлсбадской конференции министров немецких государств в августе 1819 года. — *508.*

[383] Работа Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», посвященная истории восстания 1849 г. в Рейнской Пруссии, Пфальце и Бадене, печаталась в 1850 г. отдельными очерками в №№ 1—3 журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». Энгельс имеет в виду четвертый очерк этой работы, озаглавленный «Умереть за республику!» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 169— 207).— *508.*

[384] Имеется в виду отряд, организованный Виллихом из немецких эмигрантов — рабочих и ремесленников в Безансоне (Франция) в ноябре 1848 года. Члены отряда получали пособие от французского правительства, но в начале 1849 г. выплата пособия была прекращена. Позднее отряд вошел в состав добровольческого подразделения, принимавшего под командованием Виллиха участие в действиях баденско-пфальцской повстанческой армии в мае — июне 1849 года. — *509.*

[385] Маркс имеет в виду героическую защиту отрядом спартанцев в 300 человек под начальством царя Леонида Фермопильского горного прохода против целой армии персов в 480 г. до н. э. во время греко-персидских войн. В Фермопильском сражении Леонид и весь его отряд погибли. — *510.*

[386] См. настоящее издание, т. 7, стр. 183—184. — *510*

[387] В сентябре 1849 г. Маркс был избран в состав Комитета помощи немецким эмигрантам в Лондоне, образованного при местном Просветительном обществе немецких рабочих. Чтобы пресечь попытки мелкобуржуазных демократов-эмигрантов подчинить своему влиянию пролетарские элементы лондонской эмиграции, Комитет по предложению Маркса и других руководителей Союза коммунистов был преобразован в Социал-демократический эмигрантский комитет, в руководство которого входили Маркс и Энгельс. В середине сентября 1850 г. Маркс и Энгельс заявили о своем выходе из Эмигрантского комитета, большинство членов которого подпало под влияние фракции Виллиха — Шаппера. — *510.*

[388] Упомянутое заседание Центрального комитета Союза коммунистов состоялось в последних числах августа 1850 года.—*511.*

[389] *«Le Precurseur»* («Предвестник») — бельгийская буржуазная ежедневная газета; издавалась в Антверпене с 1836 года.—*514.*

[390] См. настоящее издание, том 8, стр. 431.—*516.*

[391] Имеется в виду написанное Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 257—267). — *516.*

[392] См. настоящее издание, т. 8, стр. 481.—*516.*

[393] См. настоящее издание, т. 8, стр. 484.—*518.*

[394] Маркс имеет в виду Центральный комитет сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, отколовшейся после 15 сентября 1850 г. от Союза коммунистов и обособившейся в самостоятельную организацию. По аналогии с сепаратным объединением реакционных католических кантонов в Швейцарии в 40-х годах XIX в. Маркс и Энгельс иронически называли эту организацию Зондербундом (Особым Союзом). — *518.*

[395] См. настоящее издание, т. 8, стр. 483.—*519.*

[396] *«The Red Republican»* («Красный республиканец») — чартистский еженедельник, издававшийся Д. Гарни в июле — ноябре 1850 года. В этом еженедельнике был напечатан первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии».

«Notes to the People» («Заметки для народа») — английский еженедельник, орган чартистов; выходил в Лондоне в 1851—1852 гг. под редакцией Э. Джонса. Маркс и Энгельс оказывали поддержку журналу, принимая участие в его редактировании и издании, и опубликовали в нем с июня 1851 по апрель 1852 г. ряд статей. — *519.*

[397] Имеются в виду статьи Маркса и Энгельса, посвященные героическому восстанию парижских рабочих в июне 1848 г., а также статьи Маркса и Энгельса, направленные против трусливой политики общегерманского Национального собрания, созванного во Франкфурте-на-Майне, я соглашательской позиции прусского Национального собрания, а также против деятелей мартовских союзов (см. настоящее издание, тт. 5 и 6).

Мартовские союзы во главе с Центральным мартовским союзом во Франкфурте были организованы в различных городах Германии в конце ноября 1848 г. депутатами левого крыла франкфуртского Национального собрания. Союзы провозглашали своей целью защиту завоеваний мартовской революции 1848 г. в Германии. Они возглавлялись такими мелкобуржуазными демократами, как Фрёбель, Симон, Руге, Фогт и др. Маркс и Энгельс, уже начиная с декабря 1848 г., бичевали в «Neue Rheinische Zeitung» половинчатую, нерешительную политику руководивших союзами лидеров мелкобуржуазной демократии, показывая, что эта политика была на руку врагам революции. — *520.*

[398] См. настоящее издание, т. 8, стр. 482.— *520.*

[399] См. настоящее издание, т. 8, стр. 485.—*521.*

[400] Имеется в виду конфликт между Пруссией и Австрией, возникший осенью 1850 г. на почве их борьбы за гегемонию в Германии.

Поводом для конфликта послужили революционные выступления в Гессене. Пруссия и Австрия оспаривали друг у друга право вмешательства во внутренние дела Гессена с целью подавления волнений. В ответ на вступление австрийских войск в Гессен прусское правительство объявило мобилизацию и послало в свою очередь войска в Гессен. Однако под давлением царя Николая I Пруссия уступила Австрии, не оказав серьезного сопротивления.—*521.*

[401] Имеется в виду тост, который находившийся в заключении Огюст Бланки прислал для «Банкета равных» — международного митинга, состоявшегося в Лондоне 24 февраля 1851 г. по случаю годовщины февральской революции 1848 года. Банкет был организован частью французской мелкобуржуазной эмиграции под руководством Луи Блана и вожаками бланкистского эмигрантского общества — Бартелеми, Аданом и др., совместно с фракцией Виллиха — Шаппера. С целью получения информации Маркс и Энгельс направили на банкет своих сторонников—К. Шрамма и В. Пипера, которые были изгнаны из зала и избиты сторонниками Виллиха и Шаппера. Текст тоста О. Бланки, намеренно скрытый организаторами банкета от его участников, был опубликован в ряде французских газет. Маркс и Энгельс перевели этот тост на немецкий и английский языки, снабдив его предисловием (см. настоящее издание, т. 7, стр. 569—570). Немецкий перевод был напечатан большим тиражом и распространялся в Германии и Англии. — *524.*

[402] Речь идет о нарушении Фридрихом-Вильгельмом IV торжественных обещаний об установлении конституционного строя, содержавшихся в его обращениях к народу во время мартовской революции 1848 г. в Пруссии. — *528.*

[403] В период, предшествовавший революции 1848—1849 гг., представители религиозных оппозиционных течений в Германии — так называемого «немецкого католицизма» и протестантских «Свободных общин» — предпринимали попытки создания общенемецкой национальной церкви. «Немецкий католицизм», возникший в 1844 г. в ряде германских государств, был направлен против крайних проявлений мистицизма и ханжества в католической церкви. Отвергая главенство римского папы и многие догматы и обряды этой церкви, «немецкие католики» стремились приспособить католицизм к нуждам немецкой буржуазии. «Свободные общины» выделились из официальной протестантской церкви в 1846 г. под влиянием движения так называемых «Друзей света», боровшихся против господствовавшего в этой церкви ханжеского и мистического направления — пиетизма. Обе формы религиозной оппозиции отражали недовольство буржуазии 40-х годов реакционными порядками в Германии и ее стремление к политическому объединению страны. В 1859 г. произошло слияние «Свободных общин» с общинами «немецких католиков».—*529.*

[404] Цитируемые Марксом резолюции чартистского митинга в Манчестере 20 ноября 1853 г. и текст речи Джонса на этом митинге были опубликованы в «People's Paper» 26 ноября 1853 года. — *535.*

[405] Энгельс, возможно, имеет в виду свою статью «Ход турецкой войны», опубликованную в «New-York Daily Tribune» 7 декабря 1853 г. (см. настоящий том, стр. 491), хотя в этой статье упомянутое положение

не было сформулировано в столь законченном виде. Другой статьи, содержащей подобную мысль, в «Tribune» за этот промежуток времени не появлялось.—*536.*

[406] Намек на ряд капитальных работ по истории промышленности, торговли и финансов английского буржуазного экономиста Т. Тука, носящих общее название «История цен»: «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I—II, London, 1838 («История цен и состояние обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I—II, Лондон, 1838), «A History of Prices, and of the State of the Circulation, in 1838 and 1839». London, 1840 («История цен и состояние обращения в 1838 и 1839 годах». Лондон, 1840) и «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1839 to 1847 inclusive». London, 1848 («История цен и состояние обращения с 1839 по 1847 г. включительно». Лондон, 1848). — *545.*

[407] *Робинсон Просперити* — прозвище Ф. Дж. Робинсона, виконта Годрича, который, будучи канцлером казначейства (министром финансов) Англии, в 1825 г., в самый канун кризиса, предсказывал длительное процветание английской экономики. — *546.*

[408] *Пифия* — в древней Греции жрица-прорицательница в храме бога Аполлона в Дельфах.—*549.*

[409] *«The Guardian»* («Страж») — английская еженедельная газета, орган англиканской церкви; основана в Лондоне в 1846 году. — *551.*

[410] *«Ost-Deutsche Post»* («Восточно-немецкая почта») — австрийская ежедневная газета умеренно-либерального направления; выходила в Вене с 1848 по 1866 год.—*553.*

[411] Джемс Грехем в 1844 г., будучи министром внутренних дел Великобритании, в угоду австрийскому правительству отдал приказ английскому почтовому ведомству предоставлять полиции для перлюстрации письма итальянских революционеров-эмигрантов.

Под «делом Бандьера» Маркс имеет в виду высадку на побережье Калабрии в июне 1844 г. небольшого отряда итальянских патриотов во главе с членами тайной заговорщической организации братьями Бандьера. Целью Бандьера было поднять в Италии восстание против неаполитанских Бурбонов и австрийского господства. В результате предательства одного из членов отряда власти захватили участников экспедиции в плен; братья Бандьера были расстреляны.—*554.*

[412] Сражение у Синопа произошло 30 (18) ноября 1853 года. Установив, что турецкое командование снарядило флотилию для доставки войск и снаряжения на кавказское побережье, и обнаружив эту флотилию в Синопской бухте, русская черноморская эскадра вице-адмирала П. С. Нахимова атаковала и уничтожила ее. В сражении участвовало 6 русских линейных кораблей и 2 фрегата; турецкие силы, поддерживаемые огнем береговых батарей, насчитывали 16 кораблей, в том числе 2 паровых. Однако по артиллерийскому вооружению русская эскадра превосходила турецкую. В ходе сражения турецкому флоту были нанесены тяжелые потери: 15 судов было уничтожено, командующий флотилией адмирал Осман-паша был взят в плен. Победа при

Синопе, значительно укрепившая военное положение России на Черном море, в то же время ускорила вступление в войну против нее Англии и Франции. — *558*.

[413] В манифесте Николая I от 26 (14) июня 1853 г., изданном в связи с решением царского правительства ввести войска в Дунайские княжества, а также в ряде дипломатических документов царской России целью занятия княжеств объявлялось создание «материальных гарантий» для обеспечения прав и привилегий греко-православной церкви в Турции и выполнения султаном своих обязательств по отношению к России. — *559.*

[414] *Сент-Джонс-Вуд* и *Челси* — названия густонаселенных районов в Лондоне; *Клэрмонтский дворец* (в окрестностях Лондона) был предоставлен эмигрировавшему в феврале 1848 г» в Англию Луи-Филиппу Орлеанскому и его семье. — *560.*

[415] *Бургграфами* называли 17 главарей орлеанистов и легитимистов, входивших в 1849 г. в комиссию Законодательного собрания по составлению проекта нового избирательного закона, за их неоправданные притязания на власть и реакционные устремления. Прозвище заимствовано из одноименной исторической драмы Виктора Гюго из жизни средневековой Германии. Бургграфами назывались в Германии назначенные императором правители городов и округов. — *561.*

[416] Герой *Страсбурга* и *Булони* — см. примечание 249. — *561.*

[417] Иронический намек на неудавшийся заговор генерала Мале против Наполеона I в октябре 1812 года. Организаторы заговора, в котором участвовали как правые роялистские элементы, так и республиканцы, делали ставку на поражение армии Наполеона в России и пытались использовать распространенную ими же версию о его гибели во время русского похода.—*561.*

[418] *Партия порядка* — см. примечание 344. — *563.*

[419] Пальмерстон объявил о выходе из коалиционного министерства Абердина 16 декабря 1853 года. Однако его отставка не была принята и он вскоре возвратился на прежний пост министра внутренних дел. — *565.*

[420] Имеется в виду перепечатка лондонским издателем Такером отдельной брошюрой статьи «Пальмерстон и Россия» из «New-York Daily Tribune» от 4 ноября 1853 г., представляющей собой третью статью из серии статей Маркса «Лорд Пальмерстон» (см. примечание 295). — *568.*

[421] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья «Ход турецкой войны» была опубликована под заглавием «Синоп и Ахалцих».

Статья была написана Энгельсом главным образом на материалах английской периодической печати, необъективно освещавшей ход военных действий в период Крымской войны и тенденциозно истолковывавшей русские официальные донесения. Этим в первую очередь

объясняется наличие в статье ряда неточностей в характеристике Синопского сражения 30 (18) ноября 1853 г., в оценке соотношения сил его участников, боевых качеств и действий русского Черноморского флота. Так, например, из английских газет Энгельсом была заимствована неправильная версия о тактической слабости Черноморского флота и о преобладании в его составе «пресноводных моряков» и лиц нерусской национальности. Известную роль в преуменьшении значения Синопского сражения сыграли публицистический характер статьи Энгельса, написанной вслед за событиями, и ее политическая направленность против русского царизма как главного в то время оплота реакции в Европе. — *569.*

[422] Описанный Энгельсом ниже бой при Ахалцихе произошел 26 (14) ноября 1853 года.— *569*.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(март—декабрь 1853)

1853

Март — начало апреля

В связи с обострением противоречий между западными державами и царской Россией на Балканах и Ближнем Востоке Маркс и Энгельс в своих письмах обмениваются мнениями по восточному вопросу.

По просьбе Маркса Энгельс пишет для газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») ряд статей, в которых подвергает анализу существо восточного вопроса и высказывается за разрешение его революционным путем, за создание демократических славянских государств на Балканах. Статья Маркса и Энгельса «Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция» и статьи Энгельса «Действительно спорный пункт в Турции», «Турецкий вопрос» и «Что будет с Европейской Турцией?» публикуются в «New-York Daily Tribune» 7, 12, 19 и 21 апреля (последние три статьи в качестве передовых).

Приблизительно вторая половина марта — апрель

Считая первоочередной задачей разработку своего экономического учения, Маркс продолжает углубленные занятия политической экономией; он читает английскую экономическую литературу и делает выписки из произведений Спенсера, Ньюмена, Опдайка, Банфилда и других авторов, а также из журнала «Economist» («Экономист»). Особый интерес он проявляет к вопросам денежного обращения, земельной собственности и ренты, народонаселения и роли государства в экономической жизни.

Материалы, почерпнутые в процессе экономических исследований, Маркс широко использует в своей публицистической деятельности.

Апрель

Энгельс возобновляет занятия военными науками, уделяя основное внимание истории революционной войны

в Венгрии, а также войны в Италии в 1848—1849 гг. и разработке тактики революционной армии в случае войны против царской России.

Придавая большое значение вопросу о перспективах революционного движения в России, Энгельс читает книгу Герцена «О развитии революционных идей в России» во французском издании 1851 года.

Энгельс продолжает изучение русского языка и занимается также южнославянскими языками.

Апрель — май Проявляя большой интерес к истории и перспективам развития колониальных и зависимых стран Азии, Маркс читает произведения Мак-Куллоха, Клемма, Бернье, Салтыкова и другие работы по истории и экономике Индии и Китая и делает выписки из этих работ. В связи с предстоящим обсуждением в английском парламенте вопроса об управлении Индией Маркс изучает парламентские Синие книги и занимается историей Ост-Индской компании.

Апрель — декабрь Маркс и Энгельс поддерживают постоянный контакт с бывшими членами Союза коммунистов И. Вейдемейером и А. Клуссом и оказывают им большую помощь в деле пропаганды в США идей научного коммунизма. В связи с сотрудничеством Вейдемейера и Клусса в газете «Die Reform» («Реформа»), органе объединения немецких рабочих в Америке (Американского рабочего союза), Маркс и Энгельс привлекают к работе в газете Эккариуса, Пипера, Дронке и других своих сторонников. Отдельные статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» перепечатываются газетой «Reform».

7 *и* 8 *апреля* Маркс пишет две статьи об инсценированном полицией в Берлине «революционном заговоре», использованном английским правительством для усиления полицейского надзора за политическими эмигрантами в Лондоне. Статьи «Берлинский заговор» и «Берлинский заговор. — Лондонская полиция. — Мадзини. — Радецкий» публикуются в «New-York Daily Tribune» 18 и 21 апреля.

Около 9 апреля — май Маркс и Энгельс возобновляют попытки найти издателя для своей рукописи «Великие мужи эмиграции», направленной против лидеров мелкобуржуазной демократии; однако напечатать рукопись не удается.

9 апреля Узнав от Клусса о предстоящем опубликовании в США серии клеветнических статей Гирша под названием «Жертвы шпионажа. Оправдательная записка В. Гирша», Маркс пишет статью «Добровольные признания Гирша». Он разоблачает в ней сообщничество между Гиршем и одним из главарей раскольнической фракции, исключенной из Союза коммунистов, Виллихом, а также опровергает распространявшуюся Гиршем лживую версию о передаче Марксом в руки прусской полиции рукописи «Великие мужи эмиграции». Статья

Маркса печатается в «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристическом листке и Нью-йоркской газете по вопросам криминалистики») 5 мая.

12 апреля В письме к Вейдемейеру Энгельс на основании анализа экономического и политического положения в Европе высказывает ряд идей о перспективах новой революции на континенте и о тактике пролетарской партии во время будущих революционных боев в Германии. Часть этого письма в виде анонимной статьи публикуется Вейдемейером в газете «Reform» 4 мая.

Продолжая оказывать систематическую помощь Э. Джонсу в издании и редактировании чартистской газеты «The People's Paper» («Народная газета»), Маркс пишет для нее статью «Новая финансовая махинация, или Гладстон и пенсы». Этой статьей начинается серия статей Маркса, раскрывающая антинародный характер бюджета коалиционного министерства. Статья публикуется в газете 16 апреля. Аналогичную по содержанию статью под названием «Достижения министерства» Маркс посылает в «New-York Daily Tribune», где она публикуется 27 апреля.

Середина апреля Маркс получает сообщение от Клусса о том, что статья «Герцогиня Сатерленд и рабство», опубликованная Марксом в «New-York Daily Tribune» 9 февраля 1853 г., перепечатана в выдержках в немецкой демократической газете в Америке «Der Wecker» («Будильник») 28 марта, а также в ряде других американских газет.

19 апреля — около 25 апреля Маркс продолжает работу над серией статей о бюджете Гладстона. Статьи Маркса «Фунты, шиллинги, пенсы, или классовый бюджет и кому он идет на пользу» и «Мыло для народа, лакомый кусок для «Times». — Бюджет коалиционного министерства» печатаются в чартистской газете «People's Paper» 23 и 30 апреля. Две другие статьи — «Фергюс О'Коннор. — Поражения министерства. — Бюджет» и «Беспорядки в Константинополе. — Столоверчение в Германии. — Бюджет» печатаются в «New-York Daily Tribune» 3 и 6 мая.

Около 24 апреля В Бостоне (США) в виде отдельной брошюры выходит памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

26—29 апреля Энгельс по просьбе Маркса пишет для «New-York Daily Tribune» статью о политическом положении Швейцарии. Маркс добавляет к этой статье раздел о преследовании эмигрантов английским правительством и отправляет статью 29 апреля. Редакцией газеты статья была разделена на две и опубликована 14 мая под названием «Дело о ракетах. — Швейцарское восстание» и 17 мая под названием «Политическое положение Швейцарской республики».

26 апреля

Получив анонимное извещение о прибытии в Лондон начальника берлинской полиции Штибера и прусского полицейского чиновника Гольдхейма и о продолжающейся связи с ними В. Гирша, Маркс проверяет достоверность этих данных и посылает их Вейдемейеру и Клуссу для опубликования в американской рабочей печати. Об этом факте Маркс сообщает также в статье в «New-York Daily Tribune» «Дело о ракетах. — Швейцарское восстание».

В письме к Марксу Энгельс приводит ряд данных, характеризующих сокращение торговли и промышленного производства в Англии и Франции и показывающих неустойчивость капиталистического процветания.

Конец апреля

Маркс и его семья находятся в тяжелом положении, вызванном трудностями распространения работ Маркса и нерегулярной оплатой его статей в «New-York Daily Tribune». Энгельс оказывает материальную поддержку Марксу и его семье.

30 апреля — 19 мая

Маркс находится у Энгельса в Манчестере.

Май — июнь

В связи с изучением истории стран Востока Энгельс занимается персидским языком, читает в оригинале поэта Хафиза, историка Мирхонда.

20 мая

Маркс пишет статью «Революция в Китае и в Европе», в которой анализирует причины и характер восстания тайпинов в Китае и указывает на неизбежное влияние китайских событий на экономическое и политическое развитие Европы. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 14 июня в качестве передовой.

Энгельс пересылает Марксу для передачи Фрейлиграту (кассиру по приему сумм, предназначенных для помощи осужденным в Кёльне членам Союза коммунистов и их семьям) полученные от Вейдемейера деньги, которые были собраны в Америке по призыву Маркса и Энгельса и их сторонников.

24 мая

Маркс приступает к написанию ряда статей для «New-York Daily Tribune» об Индии. Поводом к этому послужило предстоявшее обсуждение в парламенте вопроса о продлении хартии Ост-Индской компании. Первая из этих статей «Голландские дела. — Дания. — Конверсия британского государственного долга. — Индия. — Турция и Россия» печатается в газете 9 июня.

Около 25 мая

Энгельс читает книгу Форстера «Историческая география Аравии».

Около 26 мая — 14 июня

Маркс и Энгельс в своей переписке обмениваются мнениями по проблемам истории стран Востока. Касаясь социально-экономических отношений на Востоке,

Маркс отмечает отсутствие там частной собственности на землю. По совету Маркса Энгельс читает книгу Бернье о государстве Великих Моголов в Индии.

27 мая—7 июня Маркс пишет ряд статей для «New-York Daily Tribune» по основным вопросам европейской политики, уделяя особое внимание развитию конфликта между Россией и Турцией и позиции, занятой в этом конфликте западноевропейской дипломатией. Статьи Маркса: «Мадзини.—Швейцария и Австрия. —Турецкий вопрос», «Турецкий вопрос. — «Times». — Расширение России», «Русский обман. — Провал Гладстона. — Ост-индские реформы Чарлза Вуда» публикуются в газете 10, 14 и 22 июня.

Около 31 мая Энгельс получает из Америки 440 экземпляров брошюры Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», напечатанной в Бостоне. Оставив себе несколько экземпляров для распространения в Манчестере, он посылает брошюры Марксу.

Конец мая — начало июня Маркс и Энгельс получают сообщения из США от Вейдемейера и Клусса о полемике, развернувшейся в немецкой прессе в Америке между ними и Виллихом, который выступил с рядом выпадов против Маркса в связи с опубликованием брошюры «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

Июнь Маркс работает в библиотеке Британского музея, собирая материал для своих корреспонденций в «New-York Daily Tribune». Особое внимание он уделяет работам об Индии Чапмена, Дикинсона, Милля, Кэмпбелла, Марри и других авторов, делает из этих работ выписки по вопросам об английской колониальной системе, экономическом и политическом строе Индии.

Маркс изучает ряд работ по истории Дании: Дройзена, Замвера, Ольсхаузена и делает выписки. Результаты своих исследований Маркс использует при освещении событий в Дании в своих корреспонденциях для «New-York Daily Tribune».

Июнь — август Маркс переписывается с Лассалем о нелегальной пересылке и распространении в Германии брошюры «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Энгельс предлагает переправить брошюры в тюках с пряжей. Однако этот план остался неосуществленным.

Начало июня — середина июля Маркс получает ряд сообщений, свидетельствующих о высокой оценке американскими читателями его статей в «New-York Daily Tribune».

2 июня В письме к Энгельсу Маркс высказывает недовольство тем, что редакция «New-York Daily Tribune» по своему произволу помещает отдельные принципиально важные

статьи Маркса и Энгельса в качестве передовых, без указания автора. Маркс выражает намерение послать редактору газеты Дана письмо с протестом против такого обращения с его статьями.

2—9 июня Продолжая оказывать моральную и материальную помощь своим соратникам, бывшим членам Союза коммунистов, Маркс и Энгельс предпринимают шаги к устройству на работу В. Вольфа и В. Пипера.

10 июня Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Британское владычество в Индии», в которой разоблачает методы колониального господства англичан в Индии. В своей статье Маркс развивает высказанные Энгельсом в письме от 6 июня мысли об упадке земледелия в Индии в результате хозяйничания английских колонизаторов. Статья появляется в «New-York Daily Tribune» 25 июня.

14 июня В письме к Энгельсу Маркс высказывает критические замечания о книге американского экономиста Кэри «Рабство у нас и за границей» и о других сочинениях этого автора, посвященных проповеди гармонии классовых интересов и апологии капитализма.

Середина июня В письме к Клуссу Маркс советует Вейдемейеру и Клуссу продолжать сотрудничество в «Reform», несмотря на рост влияния мелкобуржуазных элементов в редакции газеты. Маркс подчеркивает важность работы Вейдемейера и Клусса в этой газете в связи с отсутствием в распоряжении пролетарских революционеров других печатных органов в Америке.

Маркс посылает Клуссу критические замечания относительно экономических взглядов Кэри, которые Клусс использует в одной из своих статей, опубликованных в сентябре в газете «Reform».

17 июня Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью, в которой наряду с обзором основных вопросов внутренней и внешней политики Англии сообщает читателям газеты о развернувшемся в Англии забастовочном движении и о попытках возрождения чартистской агитации в стране. С этой статьи начинается систематическое освещение Марксом в его корреспонденциях вопросов рабочего движения в Англии. Статья «Английское процветание. — Забастовки. — Турецкий вопрос. — Индия» печатается в «New-York Daily Tribune» 1 июля.

Около 20 июня Маркс получает от Клусса сообщение о том, что на заседании Центрального комитета Американского рабочего союза по вопросу о направлении газеты «Reform» большинство высказалось за линию, проводимую Вейдемейером в духе теоретических и тактических принципов Маркса и Энгельса.

24 июня — Маркс пишет статью «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности», в которой освещает историю колониального закабаления и ограбления Индии английскими господствующими классами. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 11 июля.

28 июня — Маркс пишет статью об ирландском арендном праве, в которой разоблачает хищнические методы эксплуатации ирландских крестьян английскими лендлордами. Статья «Индийский вопрос. — Ирландское арендное право» печатается в «New-York Daily Tribune» 11 июля.

Не ранее начала июля — Энгельс читает написанную А. И. Герценом и выпущенную Вольной русской типографией в Лондоне антикрепостническую прокламацию «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству».

Приблизительно июль — ноябрь — Маркс изучает парламентские отчеты, дипломатические документы и материалы за период с 1807 по 1850 **г.**, уделяя особое внимание истории внешней политики Англии.

1 июля — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» корреспонденцию о русско-турецком конфликте и забастовочном движении в Англии, которая публикуется в газете 14 июля.

9 июля — К Энгельсу приезжает с рекомендацией от Маркса немецкий эмигрант Якоби, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов. Энгельс занимается устройством Якоби в Манчестере.

12 июля — В связи с занятием Россией Дунайских княжеств Маркс пишет в «New-York Daily Tribune» статью, в которой выступает против экспансионистской политики царской России и позиции, занятой в этом вопросе английским правительством. Статья Маркса «Русско-турецкие осложнения. — Уловки и увертки британского кабинета. — Последняя нота Нессельроде. — Ост-индский вопрос» печатается в газете 25 июля.

19 июля — Маркс пишет статью в «New-York Daily Tribune», в которой продолжает освещение русско-турецкого конфликта и попыток вмешательства в него со стороны западноевропейской дипломатии. В статье Маркс обосновывает выдвинутую им и Энгельсом идею о создании славянских демократических государств на Балканах. Статья «Военный вопрос. — Парламентские дела. — Индия» появляется в газете 5 августа.

22 июля — Маркс пишет статью «Будущие результаты британского владычества в Индии», в которой, подводя итог своим работам об Индии, приходит к выводу о неизбежности крушения британского колониального владычества в этой стране. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 8 августа.

29 июля — 12 августа Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» ряд статей обзорного характера, в которых освещает основные вопросы европейской политики. Статьи Маркса: «Поражение правительства по финансовому вопросу. — Извозчики. — Ирландия. — Русский вопрос», «Налог на объявления. — Действия России. — Дания. — Соединенные Штаты в Европе», «Вопрос о войне. — Население Англии и торговые отчеты. — Парламентские дела» и другие печатаются в газете с 12 по 24 августа.

Конец июля — начало августа Энгельс в Лондоне, куда он приезжает для встречи с матерью, на время прибывшей из Германии.

16 и 19 августа Маркс пишет две статьи о дебатах по турецкому вопросу в английском парламенте, в которых дает анализ позиции Англии в восточном вопросе. Статьи появляются в «New-York Daily Tribune» 2 сентября под заглавиями: «Уркарт. — Бем. — Турецкий вопрос в палате лордов» и «Турецкий вопрос в палате общин».

Около 19 августа Маркс получает через Фрейлиграта письмо от бывшего члена Союза коммунистов К. Клейна с предложением установить связь между членами прежнего лондонского Центрального комитета Союза коммунистов и прежними общинами Союза в Золингене, Эльберфельде и Дюссельдорфе. В своем ответе Клейну Маркс советует сохранять самостоятельную организацию фабричных рабочих, оберегая ее от проникновения мелкобуржуазных элементов. Из конспиративных соображений Маркс рекомендует поддерживать связь с Лондоном только посредством личных контактов.

23 августа Маркс пишет статью «Положение дел на континенте и в Англии», в которой наряду с освещением восточного вопроса подводит итоги закончившейся парламентской сессии в Англии, разоблачая реакционную политику коалиционного министерства и английского парламента. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 5 сентября.

30 августа В связи с развернувшейся на страницах «The Morning Advertiser» («Утреннего уведомителя») полемикой вокруг Бакунина, в ходе которой был сделан выпад против «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»), Маркс пишет открытое письмо редактору газеты «Morning Advertiser», объясняя в нем отношение «Neue Rheinische Zeitung» к Бакунину. Письмо Маркса печатается в «Morning Advertiser» 2 сентября.

30 августа — 27 сентября Маркс пишет ряд статей об экономическом положении в Европе. В статьях он указывает на наличие в экономике ведущих европейских стран — Англии и Франции — признаков приближающегося экономического кризиса. Статьи: «Повышение хлебных цен. —

Холера. — Забастовки. — Движение среди моряков», «Политические события. — Недостаток хлеба в Европе» и другие печатаются в «New-York Daily Tribune» с 15 сентября по 17 октября.

3—4 сентября В связи с появлением в «Morning Advertiser» новой полемической заметки против «Neue Rheinische Zeitung» Маркс пишет второе письмо в редакцию газеты. Ввиду отказа редакции поместить это письмо Маркс публикует свой ответ в чартистской газете «People's Paper» 10 сентября.

9 сентября Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о банковском акте Пиля 1844 г., которая публикуется в газете 24 сентября в качестве передовой.

29 сентября В связи с подготовкой России и Турции к военным действиям Энгельс пишет статью «Русские в Турции», в которой дает анализ соотношения вооруженных сил на Дунае. Этой статьей начинаются военные обзоры, которые Энгельс систематически писал в ходе Крымской войны. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 17 октября в качестве передовой.

В письме Марксу Энгельс сообщает конкретные данные о состоянии отдельных отраслей английской экономики.

4 октября — 6 декабря На основании глубокого анализа материалов Синих книг, парламентских отчетов, дипломатических документов и прессы Маркс пишет серию обличительных статей о Пальмерстоне, в которых, характеризуя Пальмерстона как представителя правящей олигархии, дает оценку всей английской правительственной системы. Статьи печатаются с 22 октября по 24 декабря в газете «People's Paper» в виде серии под общим заглавием «Лорд Пальмерстон». Большая часть этих статей публикуется в «New-York Daily Tribune» в качестве передовых. Отдельные статьи этой серии перепечатываются на немецком языке в газете «Reform».

7 октября Продолжая систематическое освещение хода забастовочного движения в Англии, Маркс пишет статью «Вопрос о войне. — Финансовые дела. — Забастовки». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 21 октября.

12 октября В письме к Энгельсу Маркс анализирует положение во Франции и предлагает ему написать статью о возможных последствиях надвигающегося экономического кризиса для бонапартистского режима.

Около 21 — 27 октября Энгельс пишет две статьи о военной обстановке на Балканах и на Кавказе в связи с объявлением турецким правительством войны России. Статьи «Пере-

движения армий в Турции» и «Священная война» публикуются в «New-York Daily Tribune» 8 и 15 ноября в качестве передовых.

Приблизительно ноябрь — Маркс запрашивает Дана относительно возможности напечатать в Америке статьи по истории немецкой философии.

5 ноября — Продолжая публиковать серию статей Маркса «Лорд Пальмерстон», редакция «People's Paper» в специальной заметке обращает внимание читателей на важность этой серии для разоблачения политики английских господствующих классов.

Около 8 ноября — Энгельс пишет статью «Ход турецкой войны», в которой анализирует военные действия на Дунае между русской и турецкой армиями. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 25 ноября в качестве передовой.

11 ноября — Маркс отсылает в «New-York Daily Tribune» корреспонденцию, написанную им и Энгельсом. Редакция публикует 28 ноября часть корреспонденции, написанную Энгельсом, в виде передовой под заглавием «Поражения русских». Написанная Марксом часть корреспонденции, в которой опровергаются лживые утверждения английской буржуазной прессы об улучшении положения английских рабочих, печатается в том же номере в виде отдельной статьи под заглавием «Рабочий вопрос».

15 ноября — Маркс пишет статью «Процветание. — Рабочий вопрос», в которой опровергает утверждения английского буржуазного журнала «Economist» о якобы стабильном характере экономического процветания в Англии. В статье Маркса сообщается об агитации лидера чартистов Эрнеста Джонса за созыв Рабочего парламента. Статья Маркса публикуется в «New-York Daily Tribune» 30 ноября.

Около 18 ноября — Продолжая тщательно следить за военными действиями, Энгельс пишет новую статью о ходе турецкой войны. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 7 декабря в качестве передовой.

Около 20 ноября — В письме к А. Клуссу Маркс высказывает ряд критических замечаний об исторических взглядах Уркарта и его позиции в восточном вопросе. Заметки Маркса Клусс использует в своей статье «Давид Уркарт», опубликованной в газете «Reform» 19 декабря.

Около 21 ноября — Маркс получает от Клусса номера газеты «Belletristisches Journal und New-Yorker Griminal-Zeitung», в которых напечатана статья Виллиха, направленная против работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

Около 21 — 28 ноября	Маркс пишет направленный против Виллиха памфлет «Рыцарь благородного сознания», в котором он разоблачает сектантские действия и авантюристическую тактику мелкобуржуазных элементов в рабочем движении.
Около 22 ноября	Энгельс получает от Маркса текст статьи Виллиха против Маркса. По просьбе Маркса Энгельс пишет заявление, опровергающее измышления Виллиха, и посылает это заявление Марксу для использования его в работе «Рыцарь благородного сознания». Заявление Энгельса Маркс включил в текст своей работы.
25 ноября	Вейдемейер, Клусс и Якоби публикуют в «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» заявление, опровергающее клеветнические выпады Виллиха против Маркса. В этом заявлении они используют материалы, присланные им Марксом.
29 ноября	Маркс отправляет свой памфлет «Рыцарь благородного сознания» Клуссу для напечатания его в Америке. Памфлет выходит в середине января 1854 г. в Нью-Йорке. Маркс в своей статье для «New-York Daily Tribune» освещает развернутую Джонсом и другими чартистскими лидерами агитацию за созыв Рабочего парламента. Статья «Речь Мантёйфеля.— Религиозное движение в Пруссии. — Воззвание Мадзини. — Лондонский муниципалитет. — Реформы Рассела. — Рабочий парламент» печатается в газете 12 декабря.
Около 2 декабря	Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Война на Дунае» из серии военных обзоров. Статья публикуется в газете 16 декабря **в** качестве передовой.
2—9 декабря	Маркс пишет две статьи в «New-York Daily Tribune», в которых дает анализ позиции западноевропейских держав в русско-турецкой войне. Статьи «Турецкая война. — Промышленное бедствие» и «Четверное соглашение. — Англия и война» печатаются в газете 16 и 26 декабря.
13 декабря	Маркс пишет статью «Русская победа. — Позиция Англии и Франции», в которой отмечает рост экономических и политических противоречий в империи Наполеона III, показывающий непрочность бонапартистского режима. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 27 декабря.
Около 14 декабря	Маркс получает от своего родственника И. К. Юты предложение сотрудничать в издававшейся в Капштадте (Кейптауне) ежедневной газете «Zuid-Afrikaan» («Южноафриканец»).
Середина декабря	Стремясь освободиться от работы конторского служащего в фирме «Эрмен и Энгельс», Энгельс пытается стать военным корреспондентом одной из лондонских газет, что дало бы ему больше свободного времени для написания задуманной им книги по истории

венгерской революционной войны 1848—1849 гг., а также возможность жить в Лондоне, вместе с Марксом. Эта попытка оказывается безуспешной.

Вторая половина — К Марксу приезжает из Дюссельдорфа Г. Леви в ка-*декабря* честве представителя от ряда прежних общин Союза коммунистов в Рейнской провинции. Он пытается доказать Марксу необходимость поднять восстание фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и других городах Рейнской провинции. Маркс разъясняет ему несвоевременность и бесполезность этого в тогдашних условиях Германии.

Около 16 декабря — Одна из статей Маркса о Пальмерстоне, опубликованная в «New-York Daily Tribune» под заглавием «Пальмерстон и Россия», появляется отдельной брошюрой в лондонском издательстве Такера. Все издание расходится в несколько недель.

16 декабря — Маркс пишет статью «Отставка Пальмерстона». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 31 декабря.

20 декабря — Маркс посылает в «New-York Daily Tribune» статью об откликах прессы на отставку Пальмерстона. Статья не была опубликована в газете.

Около 23 декабря — Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Ход турецкой войны» из серии военных обзоров. Статья, в которой на основании информации английской прессы дается описание Синопского сражения и боя при Ахалцихе, печатается 9 января 1854 г. в качестве передовой.

Конец декабря — Маркс получает от Дана ответ на свое предложение писать статьи по истории немецкой философии. В качестве условия для опубликования этих статей в одном из американских журналов Дана выдвигает требование, чтобы эти статьи не содержали ничего оскорбительного для религиозного чувства американцев. Намерение Маркса написать статьи по этому вопросу остается неосуществленным.

Конец декабря 1853 — 1 января 1854 — Энгельс гостит у Маркса в Лондоне.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Э

Ю

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указываются названия на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, к нему дается краткая аннотация. *Ред.*

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Том подготовлен к печати *Е. Ю. Богушем*
Памфлет К. Маркса «Рыцарь благородного сознания» подготовлен *Б. А. Крыловым*
Помощник подготовителя *Л. А. Алексеева*
В подготовке справочного аппарата принимали участие *Н. У. Белоусоеа, Т. Л. Артемьева* и *И. А. Дмитриева*
Редактор *Л. И. Гольман*

*

Сдано в набор 10/VI 1957 г. *Подписано к печати 30/XII 1957 г. Формат 60Х 92* $^{1}/_{16}$. *Физ. печ. л.* $45^{1/}{}_{2}$*+4: вклейки—* $^{3}/_{4}$ *п. л. У словн. печ. л. 46,25. Уч.-изд. л. 44,96. Заказ № 601. Тираж 180 000 экз. Цена 10 руб.*

*

Государственное издательство политической литературы.

Москва, В-71, *Ленинский проспект, 15.*

*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.

Ленинград, Гатчинская, 26.